НЬЮ-ЙОРК 2140

Ким Стэнли Робинсон

«Нью-Йорк пусть и затонул, но стал от этого только лучше».
The New Yorker

fanzon

Нью-Йорк 2140
Ким Стэнли Робинсон

Аннотация
Ким Стэнли Робинсон. Нью-Йорк
Часть первая. Тирания утраченной стоимости
А) Матт и Джефф
Б) Инспектор Джен
В) Франклин
Г) Владе
Д) Гражданин
Е) Амелия
Ж) Шарлотт
З) Стефан и Роберто
Часть вторая. Профессиональная сверхуверенность
А) Франклин
Б) Матт и Джефф
В) Тот же гражданин
Г) Инспектор Джен
Д) Владе
Е) Амелия
Ж) Стефан и Роберто
З) Франклин
Часть третья. Ликвидная ловушка

А) Гражданин
Б) Матт и Джефф
В) Шарлотт
Г) Амелия
Д) Инспектор Джен
Е) Матт и Джефф
Ж) Стефан и Роберто
З) Владе
И) Тот гражданин

Часть четвертая. Дорого или бесценно

А) Франклин
Б) Шарлотт
В) Владе
Г) Амелия
Д) Гражданин
Е) Инспектор Джен
Ж) Франклин
З) Матт и Джефф

Часть пятая. Эскалация обязательств

А) Стефан и Роберто
Б) Владе
В) Тот гражданин
Г) Инспектор Джен
Д) Шарлотт
Е) Франклин
Ж) Амелия

З) Инспектор Джен
Часть шестая. Искусственная миграция
А) Гражданин
Б) Стефан и Роберто
В) Матт и Джефф
Г) Владе
Д) Инспектор Джен
Д) Франклин
Ж) Шарлотт
З) Гражданин вернувшийся
И) Стефан и Роберто
Часть седьмая. Чем больше, тем веселее
А) Владе
Б) Инспектор Джен
В) Франклин
Г) Опять этот городской умник
Д) Шарлотт
Е) Инспектор Джен
Ж) Амелия
З) Город
Часть восьмая. Комедия общин
А) Матт и Джефф
Б) Стефан и Роберто
В) Шарлотт
Г) Владе
Д) Франклин

Е) Амелия
Ж) Гражданин
З) Матт и Джефф
Благодарности

Аннотация

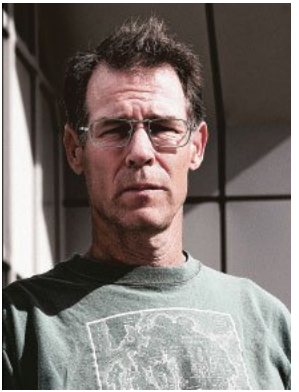
Уровень Мирового океана поднялся, и улицы превратились в каналы. Каждый небоскреб стал островом. Но для обитателей площади Мэдисон Нью-Йорк 2140 года – вовсе не мертвый город. Рыночный торговец, который умеет найти новые возможности там, где другие находят только неприятности. Полицейский, чья работа никогда не закончится. Вместе с юристами, разумеется. Звезда интернета, за приключениями которой на воздушном шаре следят миллионы зрителей, и управляющий домом, заслуживший уважение вниманием к деталям. Двое мальчишек, которым здесь не место, но другого дома у них нет. И эти двое окажутся важнее для будущего, чем кто-либо может вообразить.

Ким Стэнли Робинсон
Нью-Йорк

Kim Stanley Robinson
NEW-YORK 2140
Copyright © 2017 by Kim Stanley Robinson

© Агеев А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *



© SFX/ Future Publishing / REX/ Shutterstock / Fotodum.ru

Ким Стэнли Робинсон — обладатель премий «Хьюго», «Небьюла» и «Локус». Автор множества книг, включая популярнейшие трилогии о Калифорнии и Марсе, тепло принятые критиками «Годы риса и соли», «Аврору» и «Нью-Йорк 2140». Окончил Калифорнийский и Бостонский университеты, где получил соответственно бакалаврскую и магистерскую степени по литературе и английскому языку. В 1982 году в Калифорнийском университете в Сан-Диего получил еще одну степень, на этот раз докторскую, по литературе. Живет в Дейвисе, штат Калифорния.

Часть первая
Тирания утраченной стоимости

А) Матт и Джефф

— Кто пишет код, тот и создает ценность.

— Вообще ни разу.

— Еще как. Ценность заключается в жизни, а жизнь кодируется как ДНК.

— Значит, и бактерии имеют ценность?

— Конечно. Все живое имеет свои цели и стремится к ним. От вирусов и бактерий до нас.

— Кстати, твоя очередь чистить туалет.

— Знаю. Жизнь есть смерть.

— Так что, сегодня, значит?

— Частично да. Возвращаясь к моей мысли, мы пишем код. А без нашего кода не может быть ни компьютеров, ни финансов, ни банков, ни денег, ни обменной стоимости, ни ценности.

— Со всеми, кроме последней, — понятно. Но что с того?

— Ты сегодня читал новости?

— Нет, конечно.

— А стоило бы. Все плохо. Нас съедают.

— Как всегда. Сам же сказал — жизнь есть смерть.

— Сейчас еще хуже, чем когда-либо. Становится уже слишком. Скоро и до костей дойдут.

— Да знаю я. Поэтому мы и живем в палатке на крыше.

— Верно, и люди сейчас не меньше тревожатся из-за еды.

— И правильно делают. Потому что это реальная ценность — когда у тебя желудок полон. Деньгами-то не наешься.

— Так и я о чем!

— А я думал, ты говорил, что реальная ценность — это код. Что вполне ожидаемо от кодера, я бы заметил.

— Матт, держись меня. И послушай, что я говорю. Мы живем в мире, где люди делают вид, будто за деньги можно купить все. И деньги становятся целью, мы все работаем ради них. Деньги считаются ценностью.

— Ладно, я понял. Мы на мели, я в курсе.

— Вот и хорошо, вот и держись меня. Мы живем, покупая вещи за деньги, а цены устанавливает рынок.

— Невидимая рука рынка.

— Точно. Продавцы предлагают товары, покупатели его покупают, и колебаниями спроса и предложения определяется цена. Это коллективно, это демократично, это капитализм, это рынок.

— Так устроен мир.

— Верно. И это всегда неправильно.

— Что значит «неправильно»?

— Цены всегда занижаются, и миру конец. У нас массовое вымирание, повышение уровня моря, изменение климата, продовольственная паника — все, о чем не прочитаешь в новостях.

— Все из-за рынка.

— Именно! Дело не только в дефектах рынка. Рынок — сам сплошной дефект.

— Как так?

— Товары продаются за меньшую цену, чем стоит их производство.

— Звучит как верный путь к банкротству.

— Да, и многие предприятия к нему приходят. Но компании, которые еще держатся, тоже не продавали свои товары дороже, чем те стоили сами. И просто игнорировали часть своих расходов. Предприятия под огромным давлением. Они продают свою продукцию по максимально заниженной цене, ведь каждый покупатель покупает все самое дешевое. Поэтому некоторые производственные расходы они не учитывают.

— А нельзя снизить зарплату рабочим?

— Они и так ее снизили! Это было легко. Поэтому-то у нас и разорились все, кроме плу-

тократов[1].

— Я всегда представляю себе диснеевскую собаку[2], когда ты говоришь это слово.

— Они сдавили нас так, что кровь из глаз идет. Я больше не могу это терпеть.

— Сэр Плутократ, грызущий кость.

— Грызущий мою голову! Но теперь нас пережевали. Выжали досуха. Мы платим за товары только часть их себестоимости, а недополученные расходы тем временем выходят боком всей планете и работникам, которые производят товар.

— Зато благодаря этому у них дешевое телевидение.

— Да, они даже могут посмотреть что-нибудь интересное, пока будут разоряться.

— Вот только интересного ничего нет.

— И это еще наименьшая из проблем! Я имею в виду, обычно что-нибудь интересное да находится.

— Позволь с тобой не согласиться. Мы же все

---

[1] Примечания: 1

Представитель правящей верхушки, наделенной властью благодаря своему богатству. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

[2] Примечания: 2

Имеется в виду Плуто, персонаж, известный как домашняя собака Микки-Мауса.

это миллион раз видели.

— Да, видели. Я только хочу сказать, что скучное телевидение — не самое большое наше горе. Массовое вымирание, голод, разрушенные детские жизни — вот это куда серьезнее. И становится только хуже. Люди страдают сильнее и сильнее. У меня от этого скоро взорвется голова, богом клянусь.

— Ты просто расстроен из-за того, что нас выселили и мы живем в палатке на крыше.

— И это тоже! Это только маленькая часть.

— Ну, предположим. И что?

— Ну смотри, проблема — в капитализме. У нас развитая техника, у нас хорошая планета, но мы все просираем из-за дебильных законов. Вот что такое капитализм — свод дебильных законов.

— Предположим и это, тут я, может, и соглашусь. Но что мы можем сделать?

— Это свод законов! Причем всемирных! Они действуют по всей Земле, и бежать от них некуда, мы все в них погрязли, и что бы ты ни сделал — система правит всем!

— Но что с этим делать, я так и не слышу.

— Сам подумай! Законы — это коды! Которые существуют в компьютерах и в облаке. Их всего шестнадцать — и они управляют миром!

— Как по мне, этого слишком мало. Слишком мало или слишком много.

— Да нет. Они, конечно, разбиты на кучи статей, но все сводится к шестнадцати основным законам. Я их проанализировал.

— Как всегда. Но все равно это много. Не бывает же шестнадцать чего-либо. Есть восьмеричный путь, в сказках — две злые сводные сестры. Ну максимум двенадцать всюду встречается — как двенадцать шагов или апостолов, — но чаще это однозначные числа.

— Да ладно тебе! Их шестнадцать, и они распространены по странам Всемирной торговой организации и Большой двадцатки. Финансовые операции, обмен валют, торговое право, корпоративное право, налоговое право. Везде одно и то же.

— И все равно я считаю, что шестнадцать — это слишком мало или слишком много.

— Шестнадцать, говорю тебе, и они закодированы, но каждый закон можно изменить, изменив код. Послушай, что я скажу: ты меняешь эти шестнадцать законов и тем самым как бы поворачиваешь ключ в огромном замке. Ключ поворачивается, и плохая система превращается в хорошую. Она помогает людям, управляет са-

мыми чистыми технологиями, восстанавливает среду, прекращает вымирание. Она охватывает весь мир, и отступникам некуда от нее прятаться. Плохие деньги превращаются в пыль, плохие дела — туда же. Схитрить никто не может. И все люди, хочешь не хочешь, становятся хорошими.

— Джефф, я тебя умоляю. Ты меня пугаешь!

— Да шучу я! К тому же что может быть страшнее, чем то, что сейчас?

— Изменения? Не знаю.

— Что страшного в изменениях? Ты даже новости читать не можешь, верно? Потому что они чересчур страшные, да?

— Ну да, и потому что некогда.

Джефф смеется так сильно, что прижимается лбом к столу. Матт тоже смеется — просто оттого, что его другу весело. Но радость у них довольно сдержанная. Они партнеры, и они развлекают друг друга, пока работают долгими часами над кодом для высокочастотных торговых компьютеров в аптауне[3]. В результате некоторых пертурбаций их положение к этой ночи сложилось таким образом, что они жили в капсуле на открытом

---

[3] Примечания: 3
Верхний Манхэттен; северная часть острова.

садовом этаже старого здания МетЛайф Тауэр[4], откуда просматривается затопленный Нижний Манхэттен — «новая Венеция» — величественный, роскошный. Их район.

— Вот и смотри: мы знаем, как влезть в эти системы, — говорит Джефф, — и знаем, как писать код, мы лучшие кодеры в мире.

— Или, по крайней мере, в этом здании.

— Да ладно тебе, в мире! К тому же я уже залез туда, куда нам нужно.

— Чего-чего?

— Ну, смотри. Я создал для нас несколько скрытых каналов, пока мы занимались той халтуркой для моего двоюродного братца. Так что мы уже там, и у меня готовы коды на замену. Шестнадцать правок к тем финансовым законам плюс наводка на зад моего братца. Пусть Комиссия[5] знает, что он задумал, а заодно пусть выделит денег на расследование. Я установил сублиминальное соединение, по которому альфа подключится прямо к учетке Комиссии.

— А вот сейчас ты реально меня пугаешь.

— Да, но ты только посмотри. Интересно, что

---

[4] Примечания: 4
213-метровый 50-этажный небоскреб, построенный в 1909 году.

[5] Примечания: 5
Имеется в виду Комиссия по ценным бумагам и биржам.

ты думаешь.

Матт читает, шевеля губами. Он не проговаривает слова про себя, а просто дает стимуляцию мозгу в стиле Ниро Вульфа[6]. Это его любимое нейробическое упражнение, а их у него много. Затем начинает дергать себя за губу — это служит признаком глубокого беспокойства.

— Ну да, — произносит он после десяти минут чтения. — Вижу, ты постарался. И думаю, мне нравится. В целом. Этот старый троянский кентомпсоновский[7] конь работает безотказно, да? Как закон логики. Так что может быть весело. Да уж, наверняка развлечемся.

Джефф кивает. И нажимает на клавишу возврата. Новый набор кодов проникает в мир.

Они выходят из капсулы и становятся у садовых перил, глядя на юг, на затопленный город, вбирая в себя его уитменовские «чудеса». О Маннахатта! Внизу огни прочерчивают завитки на черной воде. В южной части острова высятся небоскребы, они отбрасывают свет на более темные строения, придавая им геологический блеск. Чудно́, красиво, жутковато.

---

[6] Примечания: 6
Популярный персонаж из цикла детективов Рекса Стаута.

[7] Примечания: 7
Кен Томпсон (р. 1943) — американский пионер компьютерной науки.

Из капсулы доносится сигнал, и они, отбрасывая заслонку, устремляются в свое квадратное палаточное жилище. Джефф смотрит на экран компьютера.

— Вот дерьмо, — говорит он. — Нас засекли.

Они смотрят на экран.

— И правда дерьмо, — подтверждает Матт. — И как у них вышло?

— Не знаю, но это только подтверждает, что я был прав!

— Это хорошо?

— Это даже могло сработать!

— Думаешь?

— Нет, — морщит лоб Джефф. — Не знаю.

— Они всегда могут перекодировать то, что ты делаешь, — вот в чем штука. Как только заметят.

— Так, думаешь, стоит попытаться?

— Что?

— Не знаю.

— Ты же сам говорил, — указывает Матт. — Система охватывает весь мир.

— Да, но это же большой город! Сколько тут уголков и закоулков, темных омутов, подводных экономик и всего прочего! Можно нырнуть и исчезнуть.

— Серьезно?

— Не знаю. Но можно попробовать.

В этот момент на садовом этаже открывается дверь большого служебного лифта. Матт и Джефф переглядываются. Джефф показывает большим пальцем в сторону лестницы. Матт кивает. Они проползают под стенкой палатки.

Б) Инспектор Джен

Говорить коротко…

Генри Джеймс

Инспектор Джен Октавиасдоттир сидела у себя в офисе. Снова задержавшись допоздна, она обмякла в кресле и пыталась собраться с силами, чтобы встать и отправиться домой. Слабый стук ногтей по двери возвестил о приходе ее помощника, сержанта Олмстида.

— Шон, да заходи ты уже.

Ее послушный молодой «бульдог» привел женщину лет пятидесяти. Очень знакомое лицо. Рост метр семьдесят, телосложение плотноватое, небольшие щечки, волосы густые, черные, с седыми прядями. Деловой костюм, большая сумка через плечо. Широко расставленные глаза, умный взгляд, который сейчас был направлен на Джен; выразительные губы. Без макияжа. Серьезная дама. С виду кажется такой же уставшей, как сама Джен. И будто в некотором сомнении — возможно, по поводу этой встречи.

— Здравствуйте, меня зовут Шарлотт Армстронг, — представилась женщина. — Мы, по-мо-

ему, живем в одном здании. В старом МетЛайф Тауэр на Мэдисон-сквер, да?

— У вас знакомое лицо, — ответила Джен. — Что вас сюда привело?

— Это касается нашего здания, поэтому я и попросилась на прием именно к вам. Двое жильцов пропали. Знаете двух парней с садового этажа?

— Нет.

— Они, может, боялись с вами заговаривать. Хотя разрешение там жить у них было.

Здание Мета было кооперативным и принадлежало жильцам. Инспектор Джен только недавно унаследовала квартиру матери и не слишком вникала в дела своего дома. Ей казалось, что она приходит туда только поспать.

— Так что случилось?

— Никто не знает. Они просто были, а потом пропали.

— Кто-нибудь проверял камеры безопасности?

— Да. Поэтому я к вам и пришла. Камеры отключались на два часа в последнюю ночь, когда их видели.

— Отключались?

— Мы проверили сохраненные файлы, и во всех оказался двухчасовой пропуск.

— Как при отключении электричества?

— Да, только его не отключали. И они тогда перешли бы на питание от аккумуляторов.

— Это странно.

— Вот и мы так подумали. Поэтому я к вам и пришла. Владе, наш управляющий, сам собирался сообщить, но мне все равно надо было сюда, в участок, представлять клиента, вот я и подала заявление, а потом попросилась к вам на прием.

— Вы сейчас в Мет? — спросила Джен.

— Да.

— Почему бы нам не вернуться вместе? Я как раз собиралась уходить. — Джен повернулась к Олмстиду: — Шон, можешь найти это заявление и попробовать разузнать что-нибудь о тех ребятах?

Сержант кивнул и вперил взгляд в пол, стараясь не выглядеть так, словно ему только что бросили кость. Но готов был вгрызться в нее, едва они уйдут.

* * *

Армстронг направилась было к лифтам, но инспектор Джен удивила ее, предложив пройтись пешком.

— Не знала я, что отсюда можно дойти до дома крытыми переходами.

— Прямых нет, — пояснила Джен, — но по одному можно пройти отсюда до Белвью[8], а потом спуститься, перейти поперек и дальше на запад к скайлайну[9] 23-й. Времени займет приблизительно тридцать четыре минуты. На вапо[10] было бы в лучшем случае двадцать минут, не в лучшем — тридцать. Так что я стараюсь ходить побольше. И по пути как раз можно поговорить.

Армстронг кивнула, хоть и не была полностью согласна, и сдвинула сумку ближе к шее. У нее побаливало правое бедро. Джен попыталась вспомнить что-нибудь из тех частых рассылок, что приходили ей от правления Мета. Но безуспешно. Тем не менее она точно знала, что эта женщина была председателем кооператива уже тогда, когда Джен переехала в Мет, чтобы ухаживать за матерью. То есть пробыла на своем посту как минимум три-четыре срока, а на такое не многие бы подписались. Она поблагодарила Армстронг за ее труд, а потом прямо спросила о причине столь длительной работы председа-

---

[8] Примечания: 8
Госпитальный центр на Первой авеню.

[9] Примечания: 9
Панорама города на фоне неба.

[10] Примечания: 10
Вапоретто, маршрутный теплоход.

телем:

— Почему так долго?

— Потому что я сумасшедшая, как вы, должно быть, думаете.

— Нет, не думаю.

— Ну, если бы и подумали, то не слишком ошиблись бы. Мне лучше чем-то заниматься, чем бездельничать. Так меньше стресса.

— Стресса по поводу того, как идет управление нашим зданием?

— Да. Там много сложностей, всегда что-нибудь может пойти неправильно.

— Например, если вода поднимется?

— Нет, это как раз более-менее контролируемо, иначе было бы совсем туго. Здесь тоже нужно внимание, но Владе со своими ребятами справляются.

— Похоже, он хорош.

— Он замечательный. Все, что касается самого здания, это еще легко.

— Проблемы, значит, с людьми?

— Как всегда, не так ли?

— В моей работе уж точно.

— И в моей. Здание у меня — это приятная часть. С ним всегда можно что-то поправить.

— А в какой сфере занимаетесь адвокатурой?

— Иммиграция и межприливная зона.

— Работаете на город?

— Да. Точнее, работала. Управление по иммигрантам и беженцам в прошлом году наполовину приватизировали, и меня тоже. Сейчас мы называемся Союзом домовладельцев. Якобы государственно-частное агентство, но на деле и те и другие от нас бегают.

— Всегда этим занимались?

— Когда-то давно я работала в Американском союзе защиты гражданских свобод, но вообще да. В основном на город.

— Значит, защищаете иммигрантов?

— Мы выступаем на стороне иммигрантов, вынужденных переселенцев и всех, кто просит о помощи.

— Много у вас работы, наверное.

Армстронг пожала плечами. Они подошли к лифту в северо-западном крыле Белвью, спустились к крытому переходу в здание на северной стороне 23-й улицы. Большинство переходов ведут либо с севера на юг, либо с запада на восток, из-за чего постоянно приходится, как говорит Джен, «ходить конем». Недавно добавили несколько новых, по которым можно было «ходить слоном», что доставило Джен удовольствие,

поскольку поиск кратчайших маршрутов при передвижениях по городу увлекал ее, как заядлого игрока. Сокращалки, как называли это некоторые другие игроки. Ей хотелось рассекать по городу, как ферзь, каждый раз попадая точно в место назначения. Но на Манхэттене это было так же невозможно, как и на шахматной доске, — и там, и там приходилось двигаться по строгим правилам. Тем не менее она мысленно представляла себе конечный пункт и шла к нему по самому прямому маршруту, какой могла придумать, постоянно совершенствуя его и измеряя успех с помощью браслета. По сравнению с остальной ее работой, где ей приходилось разбираться с куда более зыбкими и противными задачами, это было просто.

Армстронг ковыляла рядом. Джен уже начала жалеть, что предложила ей прогуляться. С такой скоростью можно было добираться чуть ли не час. Она всячески расспрашивала женщину о здании, чтобы та поменьше обращала внимание на свою боль. Сейчас в Мете проживало около двух тысяч человек, рассказала Армстронг. Около семисот квартир, от одноместных каморок до просторных апартаментов. Жилым здание стало после Второго толчка, в годы «мокрых вложений».

Пока Шарлотт все это описывала, Джен только кивала. Потом сама рассказала Армстронг, что в годы наводнения ее отец и бабушка служили в полиции, а охранять порядок в те времена было непросто.

Наконец они добрались до восточной стороны Мета. Переход с крыши старого почтового отделения примыкал к пятнадцатому этажу их здания. Проходя сквозь тройные двери, Джен кивнула дежурному охраннику, Мануэлю, который говорил что-то в свой браслет, а увидев их, встрепенулся. Джен оглянулась на вид за стеклянными дверьми: при малой воде на уровне канала виднелся круглый слив черно-зеленого цвета. Над ним высились стены ближайшего здания из зеленоватого известняка, гранита или бурого песчаника. Ниже уровня прилива на камень налипли водоросли, выше — плесень и лишайник. Над самой водой — окна за черными решетками, а те, что над ними, — без решеток, и многие были открыты для проветривания. Приятный сентябрьский вечер, ни душный, ни влажный. Недолгие мгновения, когда можно насладиться погодкой.

— Так эти пропавшие парни жили на садовом этаже? — спросила Джен.

— Да. Давайте поднимемся и посмотрим, если

хотите.

Они зашли в лифт и поднялись в сады, занимавшие открытую лоджию Мета с тридцать первого по тридцать пятый этаж. Лоджия была заставлена садовыми ящиками и лотками с гидрогелевыми гранулами, на которых выращивали листовую зелень. Летний урожай выглядел готовым к сбору: помидоры, кабачки, бобы, огурцы, перец, кукуруза, зелень и прочее. Джен бывала здесь редко, но поскольку любила иногда готовить, то проводила в садах хотя бы час в месяц, чтобы иметь свою долю. Кориандр уже цвел — раньше положенного времени. Растения росли с разной скоростью, точно как люди.

— Они там жили?

— Да, в юго-восточном углу, рядом с сараем с инструментами.

— И долго?

— Месяца три.

— Ни разу их не видела.

— Говорят, они всех сторонились. Когда они лишились своего предыдущего жилья, Владе установил капсулу, которую парни привезли с собой.

— Понятно.

Капсулы представляли собой жилые камеры,

которые легко паковались в чемодан. Их часто устанавливали внутри других зданий. Они не были слишком надежны, зато предоставляли уединение внутри бóльших помещений.

Джен бродила по садам, надеясь заметить в них что-нибудь странное. Поперек арок в открытых стенах лоджии тянулись борта с перилами, достигавшие уровня ее груди, а она была довольно высокого роста. Выглянув через них, Джен увидела страховочную сеть, выставленную парой метров ниже. Две женщины прошли вдоль арок и приблизились к юго-восточному углу, где стояла капсула. Джен опустилась на колени, чтобы присмотреться к грубому бетонному полу, но ничего необычного не обнаружила.

— Надо, чтобы на это взглянули криминалисты.

— Да, — согласилась Армстронг.

— Кто разрешил им там жить?

— Совет жильцов.

— И у них не заканчивалась аренда?

— Нет.

— Ладно, будем искать как пропавших без вести.

Ситуация была несколько странной, и это вызывало у Джен любопытство. Зачем эти двое сюда

явились? Почему их приняли, несмотря на то, что дом и так переполнен?

Список подозреваемых, как всегда, начинался с круга непосредственных знакомых.

— Как думаете, управляющий сейчас может быть у себя в офисе?

— Обычно он там и есть.

— Идемте с ним поговорим.

Они спустились на лифте и нашли управляющего за рабочим столом, который тянулся вдоль одной из стен его офиса. Стена была стеклянная и открывала вид на большой лодочный эллинг Мета, старое трехэтажное здание, наполовину затопленное водой.

Владе Маровић, управляющий, встал и поздоровался. Высокий, под метр девяносто, черноволосый, широкогрудый, длинноногий. Грубое, словно высеченное топором лицо. Славянская нервозность, недоверчивость, легкий акцент, извечное недовольство полицией. Во всяком случае, воодушевления Владе не выказал. Джен встречала его иногда на территории здания.

Джен задавала вопросы и слушала, как Владе описывает произошедшее со своей точки зрения. Он имел возможность вывести камеры из строя. И казался настороженным. Но вместе с тем устав-

шим. В подавленном состоянии люди обычно не затевают преступных схем — это Джен давно себе уяснила. Но кто знает наверняка?

— Может, пойдем поужинаем? — спросила она их. — Я что-то проголодалась, а вы же знаете, как у нас в столовой: достается только тем, кто придет пораньше.

Владе и Армстронг были прекрасно об этом осведомлены.

— Может, поедим вместе и вы расскажете мне что-то еще? А завтра в участке я продолжу дело. Мне нужен список всех, кто работает у вас в здании, — сказала она Владе. — Имена и личные дела.

Он нерадостно кивнул.

B) Франклин

Выбор процентной ставки имеет решающее значение для всего расчета. Низкая ставка подразумевает важность будущего, высокая им пренебрегает.

Франк Акерман. Можем ли мы позволить себе будущее?

Мораль очевидна. Нельзя доверять коду, который не полностью написал сам. Ошибочное использование компьютера ничем не лучше вождения автомобиля в нетрезвом виде.

Кен Томсон. Размышления о доверии к доверию

Синица в руках стоит того, что может принести.

Отметил Амброз Бирс

Моя голова часто забита цифрами. Дожидаясь, пока нелюдимый управляющий снимет моего «водяного клопа» со стропил лодочного эллинга, где тот оставался на ночь, я смотрел на

небольшие волны, что накатывали на ворота, и думал: подчиняется ли их изменчивость формуле Блэка-Шоулза? Каналы напоминали волновой бассейн для демонстрации вечного движения на занятии по физике — интерференция волн, огибание прямых углов, прохождение через щели и прочее, — и все это наводило на мысль о применимости математической модели поведения волн к сфере финансов.

Размышлял я долго — уж очень этот управляющий медлителен. Это же парковка в Нью-Йорке — нужно запастись терпением! Наконец мне удалось взойти на борт, отплыть от пристани и выйти через большие высокие ворота эллинга на тенистую поверхность бачино Мэдисон-сквер. Приятный ясный день, свежий воздух, солнечный свет разливается по каньонам зданий с восточной стороны.

Как обычно, я пожужжал на своем «клопе» по 23-й улице на восток, к Ист-Ривер. Каналами было бы короче, но движение к югу от парка даже после заката было весьма затруднено, а в районе бачино Юнион-сквер становилось еще сложнее. К тому же мне хотелось немного полетать перед работой, полюбоваться сиянием реки.

Ист-Ривер стояла в обычной утренней проб-

ке, но, если подняться на подводных крыльях и полететь, добраться на юг можно было быстро. Подъем, как всегда, вышел волнующим, будто взлет гидроплана. Лодка словно нашла свой волшебный коридор в воздухе, в паре метров над водой. Два обтекаемых составных крыла рассекали воду внизу, непрерывно изгибаясь, чтобы обеспечивать максимальный подъем и стабильность. Чудо, а не лодка — она гудела вниз по течению в транспортном потоке, разрывая залитые солнцем следы остальных копуш. Чух-чух-чух, здесь кое-кому кое-куда надо, все с дороги, нужно спешить на работу, зарабатывать себе на жизнь.

Если на то будет воля богов. Я мог понести убытки, опростоволоситься, лопухнуться, дать маху, попасть впросак — назовите как угодно! — но в моем случае это было маловероятно. Я хорошо страховался и не был склонен к большим рискам, по крайней мере в сравнении с другими трейдерами. Однако риски реальны, волатильность волатильна — причем эта волатильность не может быть принята в расчет в уравнениях Блэка-Шоулза с частными производными, даже если их намеренно изменить, чтобы учесть эту составляющую. В конце концов, на нее-то люди

и делают ставки. Не на то, пойдет ли цена вверх или вниз — трейдеры выиграют в обоих случаях, — а насколько волатильной она будет.

Моя прогулка очень скоро, даже слишком, привела меня к Пайн-каналу. Я отключил двигатель, и «клоп» опустился на воду, не резко, по-гусиному, как делают некоторые крылатые судна, но изящно, без единого всплеска. После этого я свернул поперек кильватеров больших барж и, гудя и жужжа, направился в город примерно со скоростью пловцов, увлекающихся брассом, которые, не боясь отравленных вод, самозабвенно отдавали честь солнцу. Пайн-канал обладал странной популярностью: стайки старых пловцов в гидрокостюмах и масках надеялись, что польза водных упражнений и, собственно, самого плавания пересилит воздействие солей тяжелых металлов, которому они здесь неизбежно подвергались. Можно только восхищаться всяким, кто по своей воле погружается в воду в районе нью-йоркской бухты. Люди упорно продолжали это делать, потому что плавали в своих идеях. Отличная черта, особенно когда вам нужно с ними торговать.

Хедж-фонд, на который я работаю, «УотерПрайс», занимал весь Пайн-тауэр на углу Уотер- и Пайн-стрит. Водный ангар в здании был

четырехэтажный, и большой старый атриум заполняли суда всех типов, подвешенные, будто модельки в детской спальне. Я с удовольствием наблюдал, как подводные крылья свисают под корпусом моего тримарана, водружаемого на стоянку. Это хорошая парковка, пусть и недешевая. Из ангара — в лифт на тридцатый этаж, потом в северо-западный угол, где я устроил себе гнездышко с видом на россыпь переходов в Мидтауне и загородные сверхнебоскребы, вырисовывающиеся во всей своей гериевской[11] красе.

День я начал, как всегда, с гигантской чашки капучино и обзора закрывающихся рынков Восточной Азии и дневных — Европы. Мировой улей никогда не спит, а лишь дремлет, пересекая Тихий океан, — полчаса между тем, как Нью-Йорк закрывается и открывается Шанхай, и эта пауза отделяет торговые дни один от другого.

На моем экране отображались все участки мирового разума, касающиеся затопленных побережий — моей области специализации. С первого взгляда на самом деле нельзя было понять все эти графики, таблицы, бегущие строки, видеоблоки, чаты, колонки и маргиналии, хотя некоторые

[11] Примечания: 11

Фрэнк Гери (р. 1929) — архитектор, один из основоположников деконструктивизма.

из моих коллег делали вид, будто понимают. Если бы они попытались, то просто что-нибудь упустили бы, и многие действительно упускали, но сами считали себя великими гештальтерами. Профессиональная сверхуверенность, вот как это называется. Нет, можно, конечно, посмотреть на всю совокупность данных, но после этого важно остановиться и постичь их по частям. Для этого теперь требовалось постоянно переключаться между разными инструментами, потому что мой экран представлял собой подлинную антологию сюжетов, причем во множестве жанров. Мне приходилось переключаться между хокку и эпосом, личными эссе и математическими уравнениями, романами воспитания и оперой, статистикой и сплетнями, каждые из которых по-своему рассказывали мне о трагедиях и комедиях творческого разрушения и разрушительного творения, а также куда более распространенного, но менее заметного творческого творения и разрушительного разрушения. Временность этих жанров варьировалась от наносекунд при высокочастотной торговле до геологических эпох подъема уровня моря, делимых на интервалы в секундах, часах, днях, неделях, месяцах, кварталах и годах. Здорово было погрузиться во всю эту сложную

информацию на фоне Нижнего Манхэттена за окном, а в сочетании с капучино после полета над рекой создавалось ощущение взлета на большой волне. Экономическая возвышенность!

В центре моего экрана гордо располагалась карта мира от «Плэнет Лэбс» с уровнями моря, отображающимися в режиме реального времени с точностью до миллиметра посредством спутниковой лазерной альтиметрии. Области, где уровень был выше, чем в среднем за прошлый месяц, были залиты красным, где ниже — синим, где без изменений — серым. Цвета менялись каждый день, отмечая накаты воды под влиянием Луны, силу преобладающих течений, воздействие ветров и прочее. Эти бесконечные подъемы и падения теперь измерялись до обсессивно-компульсивной степени, что было отчетливо заметно, если обратить внимание на потрясения прошлого столетия и очевидную возможность их повторения. После Второго толчка уровень моря более-менее стабилизировался, но масса антарктического льда все еще балансировала на грани, поэтому показатели прошлого не гарантировали в будущем ничего.

Следовательно, уровень моря должен был подняться, как ни крути. Он сам служил индексом,

и можно было играть на его повышение или понижение, занимать длинные или короткие позиции, но сводилось все к одному — к тому, чтобы делать ставки. Поднимать, удерживать, опускать. Все просто, но это только начало. Он был связан с другими товарами и деривативами[12], которые индексировались и на которые принимались ставки, в том числе ценами на жилье — что было почти так же просто, как с уровнем моря. Индексы Кейса-Шиллера[13], например, оценивали изменения цен по блокам от всего мира до отдельных районов, включая все, что между, и на это люди тоже делали ставки.

Совмещение индекса цен на жилье с уровнем моря было одним из способов наблюдения за затопленными побережьями, и именно это составляло основу моей работы. Мой индекс межприливной собственности являлся главным вкладом «УотерПрайса» в Чикагскую товарную биржу и использовался миллионами людей для направления инвестиций, общая сумма которых исчислялась триллионами долларов. Он же служил отличной рекламой для моих работодателей

---

[12] Примечания: 12
Производные финансовые инструменты.

[13] Примечания: 13
Индекс цен на жилье в двадцати крупнейших городах США.

и причиной, почему я имел такой солидный фондовый запас.

Это все хорошо, но, чтобы дело спорилось, ИМС должен был работать, то есть обладать достаточной точностью, дабы люди, использующие его грамотно, могли зарабатывать деньги. Поэтому наряду с обычной охотой за маленькими спредами[14], перебором путов и коллов[15], решениями, хочу ли купить что-либо из предлагаемого, и проверкой курсов обмена я также искал способы повысить эту точность. Уровень моря на Филиппинах поднялся на два сантиметра — ого, люди в панике, но не замечают тайфуна, который собирается тысячей километров южнее. Воспользоваться моментом, купить их страх, а потом подстроить индекс, чтобы зафиксировать объяснение. Высокочастотное управление геофинансами, величайшая из игр!

* * *

В какой-то момент послеполуденной торговой

---

[14] Примечания: 14

Разница между лучшими ценами заявок на продажу и покупку какого-либо актива.

[15] Примечания: 15

Опционы на продажу и покупку актива соответственно.

сессии, от которой я отрывался, лишь чтобы поесть, окно чата в левом углу моего экрана мигнуло, и я увидел в нем сообщение от моего шанхайского друга-трейдера Си.

Привет, Повелитель межприливья! Видал, какой прокол был ночью, что случилось?

Не видел, — печатаю в ответ. — *Где посмотреть?*

ЧТБ.

Вообще-то Чикагская товарная биржа — крупнейшая биржа деривативов, это едва ли сужало поиск скачка, но, немного постучав по клавишам, я увидел, что прошлой ночью на ЧТБ здорово тряхнуло все цены. Примерно на секунду около полуночи — отчего казалось, что источником события был Шанхай, — каждый актив подешевел на два пункта — вполне достаточно, чтобы превратить прибыль по большинству из них в убытки. Но затем, спустя секунду, произошел столь же мгновенный подъем. Как комариный укус, замеченный лишь после, когда начался зуд.

Что за хрень? — написал я Си.

Вот-вот-вот! Землетрясение? Гравитационная волна? Ты, Повелитель межприливья, мне объясни!

Знал бы сам — сказал бы, — ответил я.

Трейдеры то и дело повторяли друг другу эту фразу, будто всерьез или извиняясь. В данном случае я и правда сказал бы, если бы мог, но я не знал, что вызвало прокол, к тому же меня на исходе занимали другие насущные вопросы. Свет в моем окне смещался справа налево, Европа уже закрылась, Азия готовилась к открытию, требовалось внести коррективы, завершить сделки. Я не относился к числу трейдеров, которые подчищали все в конце дня, но любил по возможности закрывать наиболее рискованные сделки. Поэтому сосредоточился на таковых.

Закончил я примерно через час. Пора было выходить в канал и, пока солнце еще висело над водой, вклиниваться в трафик, выбираться в Гудзон и двигать на север, выметая из головы все цифры и слухи. День прошел, в кармане доллар. Сегодня, по оценке программной панели в верхнем правом углу экрана, — около шестидесяти тысяч.

В четыре часа, когда я спустился в ангар, моя лодка уже была готова, и докмейстер улыбнулся и кивнул, когда я дал ему чаевые.

— Мой Франклин с «Франклинами»! — сказал он, как всегда. Ненавижу ждать.

* * *

Канал был перегружен. В финансовом районе плавало в основном либо водное такси, либо частные катера вроде моего, но были и старые большие вапоретто, которые рокотали от пристани к пристани, забитые освободившимися после трудового дня рабочими. Мне приходилось смотреть в оба и проскакивать в промежутках, срезать углы. Вапоретто, проходя друг мимо друга, чуть сбрасывали скорость, чтобы любезно уменьшить размер кильватерной струи, и тогда частные суда, наоборот, ускорялись. В час пик, находясь рядом, можно было промокнуть, но у моего «клопа» имелся прозрачный купол, который я при необходимости поднимал над кабиной. В этот день я направился по Малден к Чёрч, а потом по Уоррен-стрит вышел в Гудзон.

И очутился на большой реке. Темная вода помаленьку приливала на исходе осеннего дня, а полоска солнечного света, отражаясь, тянулась по всей ее поверхности ко мне. Высившиеся по ту сторону реки сверхнебоскребы Хобокена, черные под розовыми облаками, казались зазуб-

ренным южным продолжением Палисад[16]. Со стороны Манхэттена многие прибрежные бары уже заполнились людьми, которые закончили работать и приступали к отдыху. Причал 57 был востребован у моих знакомых, так что я зашел в пристань к югу от него, очень дорогую, зато удобную, привязал «клопа» и поднялся, чтобы присоединиться к веселью. Сигары, виски и вид на женщин при речном закате — в юности я видел закаты лишь в прериях, поэтому теперь пытался познать это все.

Едва я присоединился к знакомой компании, как к старому гуру дельта-хеджирования Пьеру Рембелу подошла женщина, чьи волосы в горизонтально падающем свете блестели, словно вороньи крылья. Она не сводила глаз с известного инвестора и старалась его очаровать. У нее были широкие плечи, сильные руки, красивая грудь. Выглядела она чудесно. Я пробрался к бару, чтобы взять бокал белого вина — того же, что пила она. В таких случаях лучше пройтись не спеша, обогнуть зал, убедиться, что первое впечатление верно. Ведь если знаешь, куда смотреть, можно столько всего понять! Или это просто мое предпо-

[16] Примечания: 16

Ряд живописных утесов вдоль западного берега нижней части реки Гудзон.

ложение — сам-то я не знал, куда смотреть. Хоть и пытался. Какая она — дружелюбная, стыдливая, осторожная, расслабленная? Доступна ли для кого-нибудь вроде меня? Такие вещи по возможности лучше выяснить заранее. Не то чтобы это оказалось для меня пустой тратой времени, если бы я заговорил с миловидной женщиной в баре, это понятно, но мне хотелось узнать как можно больше, еще не подойдя, потому что под пристальным женским взглядом мне снесет крышу быстрее. Мне куда легче дается дневная торговля, чем оценка намерений женщины, но я в курсе этого и стараюсь, чем могу, себе помочь.

Кроме того, этот медленный подход позволял понять, нравится мне, как она выглядит, или нет. Поначалу мне нравятся все женщины. То есть я хочу сказать, они все красивы по-своему, и чаще всего я, когда прохаживаюсь по нью-йоркским барам, думаю: ого… ого… ого! Надо же, целый город красивых женщин. И это правда.

А для меня смотреть человеку в лицо — значит видеть его характер. Это и страшно, ведь мы все обнажены — не только буквально, в том смысле, что не закрываем лицо одеждой, но и образно, потому что наш истинный характер отражается на лице, будто на карте. Четкая карта наших душ

— и, честно говоря, мне это кажется неуместным. Словно живешь в колонии нудистов. Должно быть, это такое следствие эволюции, но, когда я смотрю в зеркало, мне хочется, чтобы лицо у меня было покрасивее. А когда смотрю по сторонам, думаю: о нет! Слишком много информации! Лучше бы мы носили хиджабы, как мусульманские женщины, и показывали только глаза!

Потому что одни глаза ничего вам не скажут. Глаза — это просто капли цветного желе, они не показывают так много, как я когда-то думал. Расхожее мнение о том, что глаза — зеркало души и сообщают нечто важное, как по мне, простая игра воображения.

У этой женщины глаза были вроде бы карие, точно не разглядеть. Я встал у барной стойки, заказал себе белого вина и осмотрелся, блуждая взглядом таким образом, чтобы снова и снова возвращаться к ней. Когда она посмотрела в мою сторону — потому что все в баре смотрят по сторонам, — я разговаривал с барменом, моим приятелем по имени Энкиду, который божился, что он чистокровный ассириец и был известен как Инки, руки у него были покрытыми старыми зеленоватыми татуировками. Моряк Попай? Банка шпината? Он никогда об этом не говорил. Он

заметил, что я делаю, и как ни в чем не бывало продолжил разливать выпивку, в то же время болтая со мной, дабы обеспечить блужданию моего взгляда подходящую легенду. Да, до верхней точки прилива еще три часа. Позднее я собирался улизнуть отсюда и, не включая двигатель, прошвырнуться к Статен-Айленду. Это было лучшее время суток — неясные звезды, огни на воде, убывающий прилив, освещающие ночь башни Статена, и мы едем-едем-едем и смотрим вокруг либо работаем, пьем либо общаемся. О, как же эта женщина была прекрасна! Царственная осанка, как у волейболистки, готовящейся оторваться от земли. И как бы невзначай — пронизывающий взгляд, прямо мне в лицо.

Когда она подсела к компании моих товарищей, я подскочил, чтобы поздороваться со всеми, и моя подруга Аманда представила мне тех, кого я не знал: Джона и Рэя, Евгению и Паулу; а царственную особу звали Джоанна.

— Приятно познакомиться, Джоанна, — сказал я.

Она довольно кивнула, но Иви заметила:

— Ну, Аманда, ты же знаешь, Джоджо не любит, когда ее называют Джоанной!

— Приятно познакомиться, Джоджо, — прого-

ворил я, в шутку подталкивая Аманду локтем.

Джоджо улыбнулась. У нее была милая улыбка, глаза светло-карие, радужки такие, будто несколько оттенков коричневого поместили в калейдоскоп. Я улыбнулся ей в ответ и постарался совладать с этой красотой. Попытался сохранить хладнокровие. Так, сказал я себе немного отчаянно, это и есть то, что красивые женщины презирают в мужчинах, — вот именно этот момент, когда мужчины тонут в своем восхищении. Сохраняй спокойствие!

Я попытался. Аманда помогла мне: ткнув локтем, стала ныть о каком-то колле, который я, последовав ее примеру, купил на Гонконгском рынке облигаций, а потом заработал вдесятеро больше. Следил ли я за ней или так вышло случайно? Развивать эту тему я мог хоть весь день — мы с Амандой были знакомы несколько месяцев и уже привыкли друг к другу. Она тоже была красива, но не в моем вкусе. Мы уже попробовали все, что можно было пробовать, а именно несколько ужинов и ночь в постели, но ничего более, увы. Решил это не я, но я, по крайней мере, не остался с разбитым сердцем, когда она завела бизнес за границей и наши пути разошлись. Конечно, я всегда буду испытывать симпатию

к любой женщине, которая легла со мной в постель, пусть даже мы не станем парой и будем всю жизнь друг друга ненавидеть. Но близость — забавная штука.

— Да она ЕАП, — заметила Иви Джону.

— ЕАП? — удивленно переспросил он.

— Ну ты что! Еврейско-американская принцесса, неуч ты! Ты где рос вообще?

— Лоунг-Алэн, — сострил Джон, изобразив акцент.

Мы рассмеялись.

— Да ну? — в тон ему удивилась Иви.

Джон покачал головой, ухмыляясь.

— Ларами, Вайоминг, если тебе интересно.

Все снова засмеялись.

— Это что, настоящий город? Разве это не название сериала?

— Город! И он разросся больше, чем когда-либо, когда буйволы вернулись. Мы управляем рынком фьючерсов на буйволов.

— Да ты сам как буйвол.

— Ага.

— А знаешь, в чем разница между ЕАП и спагетти?

— Нет?

— Спагетти шевелятся, когда ты их ешь!

Снова смех. Они уже изрядно напились. И это хорошо. Джоджо чуть разрумянилась, но не опьянела; я тем более. Я вообще не напиваюсь, разве только случайно, но если я соблюдаю осторожность, то никогда не перейду грань легкой веселости. Растягивай односолодовый виски целый час, а потом переходи на имбирный эль и биттеры, сохраняй рассудок. Джоджо вроде бы делала то же самое: после белого вина она пила какой-то тоник. Это было в некотором смысле хорошо. Женщине, пожалуй, нужно немного безумия. Я поймал ее взгляд и кивнул на бар:

— Тебе что-нибудь принести?

Она задумалась. Она нравилась мне все больше.

— Да, но не знаю что, — ответила она. — Идем посмотрим.

— Мой друг Инки что-нибудь посоветует, — сказал я. О божечки, она резала меня по живому! Мое сердечко сделало прыг-скок.

* * *

Мы стояли у бара. Она была чуть выше меня, хотя и не на каблуках. Я чуть не обомлел, когда это заметил, и пришлось опереться локтями на стойку, чтобы остаться на ногах. Мне нравятся

высокие женщины, а ее талия находилась где-то на уровне моей груди. Другим женщинам приходилось носить высокие каблуки, чтобы быть, как она. О боже.

Подошел Инки, и мы взяли что-то экзотическое по его рекомендации. Что-то непонятное. На вкус как горький фруктовый пунш. С добавлением «Крем де Кассис»[17].

— Как тебя зовут? — спросила она, косясь на меня.

— Франклин Гэрр.

— Франклин? Не Фрэнк?

— Франклин.

— В честь Франклина Рузвельта?

— Бена Франклина. Это кумир моей мамы. А в моей работе, сказать по правде, нужно вести ту еще политику.

— Ты что, политик?

— Трейдер.

— Я тоже!

Мы посмотрели друг на друга и чуть заговорщически улыбнулись.

— Где?

— В «Эльдорадо».

---

[17] Примечания: 17

Черносмородиновый ликер крепостью 15 %.

О, одна из крупных компаний.

— А ты? — спросила она.

— В «УотерПрайс», — ответил я, довольный тем, что наша компания тоже была солидной.

Мы немного поболтали об этом, сравнили свое расположение в здании, рабочие помещения, коллег, начальников, статистику. А потом она сдвинула брови:

— Ты вчера видел ЧТБ?

— Конечно.

— Видел тот всплеск? Видел, как ненадолго всплеснуло? — Она заметила мой удивленный взгляд и догадалась: — Ты видел!

— Да, — ответил я. — А что это было, знаешь?

— Нет. Надеялась, ты скажешь.

Мне пришлось покачать головой. Я снова об этом задумался. Произошедшее по-прежнему казалось загадкой.

— Может, взломали?

— Но как? Такое, может, и реально где-нибудь в Китае, реально у нас, но на ЧТБ?

— Знаю. — Я пожал плечами: — Странно.

Она кивнула и хлебнула своего пунша.

— Продлись это подольше, привлекло бы много внимания.

— Верно. — Как конец света; но я не стал этого

говорить, потому что не хотел так скоро поднимать ее на смех. — А может, это просто был очередной прокол.

— Ну и ладно, был и нет. Может, кто-то что-то тестировал.

— Вполне, — ответил я и задумался.

После минутной паузы мы перешли на другие темы. Было слишком шумно, чтобы думать, а говорить о делах в такой обстановке казалось смешным. Пора было переходить к делу, но она уже допивала и готовилась прощаться — или просто создавалось такое впечатление. Я не хотел все запороть, здесь нельзя было торопиться, поэтому следовало быть тактичным, а я мог быть очень тактичным или хотя бы попытаться это сделать.

— Слушай, а хочешь поужинать как-нибудь в пятницу, отметить окончание недели?

— Да, а где?

— Где-нибудь на воде.

Это вызвало у нее улыбку.

— Хорошая идея.

— В эту пятницу?

— Да.

Г) Владе

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светами адки.

Владимир Маяковский

Теперь каждое здание стремится быть
«городом в городе».

Рем Колхас

На иллюстрации «Сон о Нью-Йорке», нарисованной Кингом в 1908 году, город будущего представлен в виде скопища высоток, соединенных воздушными мостиками, с низко летающими дирижаблями, самолетами и воздушными шарами. Ракурс выбран сверху и с южной стороны города.
Во время работы в Нью-Йорке детективом Дэшилу Хэмметту однажды довелось обнаружить колесо обозрения, годом ранее украденное в Сакраменто.

Квартирка Владе располагалась за офисом лодочного эллинга, у основания широкой лестницы. Когда здание использовалось как отель, эти

комнаты служили частью кухонной кладовой. Они находились ниже уровня воды даже при отливе, но Владе это не беспокоило. Защита затопленных этажей была одной из главных его задач, ею было интересно заниматься, и жильцы это ценили, пусть и принимали отсутствие проблем как само собой разумеющееся. Но этой работе не было конца, и она всегда имела критическое значение. Поэтому он даже немного гордился тем, что спит ниже уровня воды — будто в глубине корпуса огромного лайнера, на котором служил плотником.

Способы сдерживания воды непрерывно совершенствовались. Сейчас, например, Владе работал с командой местной гидроизоляционной ассоциации, устроившей кессон со стороны Мэдисон-сквер, чтобы запечатать стену здания и старый тротуар. Аквакультурные садки, покрывавшие дно бачино, следовало обходить, но новейшее голландское оборудование можно было наклонять и складывать таким образом, что освобождалось место для работы. Новые насосы, сушилки, стерилизаторы, герметики — теперь все было лучше, чем когда-либо, пусть даже оборудование обновляли четыре года назад.

Этторе, управляющий Флэтайроном[18], полагал, что столь частое обновление оборудования необходимо для всех зданий, что стоят в воде. И хотя Владе продолжал считать, что у них все было и так хорошо, Этторе и остальные управляющие рассмеялись, когда он об этом сказал.

«Ну ты даешь, Владе!»

Это была хорошая группа. Управляющие зданиями Нижнего Манхэттена объединились в некое подобие клуба, и все они состояли в ассоциациях взаимопомощи и кооперативных группах. Многие из управляющих любили жаловаться, например, на то, что платили им блокжерельями, которые кое-кто из них называл «гривнами». Блокжерелья, по сути, являлись формой договора на проживание, очень своеобразной его версией. И несмотря на свою склонность жаловаться по любому поводу, управляющие сохраняли жизнерадостность и охотно помогали Владе сдерживать воду.

В этот день он проснулся в почти кромешной тьме. Зеленая подсветка часов не могла ее рассеять. Владе прислушался. Никаких протечек — единственной жидкостью неподалеку была его

---

[18] Примечания: 18

22-этажный небоскреб в Среднем Манхэттене, также известный как «здание-утюг».

собственная кровь, что лениво циркулировала по сосудам. Внутренние течения. Сейчас, как обычно по утрам, был отлив.

Он приподнялся и включил в комнате свет. Экран с показателями здания сообщал, что все в порядке. Сухо до самого основания — лучше некуда. В Северном здании то же самое, хотя в его фундаменте образовалась не обнаруженная пока трещина. Что же, очень досадно. Ну ладно, он до нее еще доберется.

Проспал Владе, как обычно, четыре часа. Это было все, что работа и ночные кошмары оставляли ему на сон, но делать нечего — нужно вставать и действовать. Подняться в эллинг, помочь Су вывести рассветные патрули. В эллинге было шесть лифтов, и компьютер четко упорядочивал перемещение лодок при помощи специального алгоритма. Человек был необходим лишь для того, чтобы успокаивать владельцев тех лодок, чье отбытие откладывалось. Даже минутные задержки иногда доставляли хлопоты: «Да-да, очень жаль, доктор, понимаю, у вас важная встреча, но с носа «Джеймса Керда» соскользнул шварговый…» Кто хотел, выбирался в канал без лишней нервотрепки, но находились и такие, кто дня не мог прожить без мелких скандалов, и Владе

делал так, чтобы эти люди искали их где-нибудь в другом месте.

Су был рад видеть его: Мак приняла заказ на свое водное такси и собиралась уехать. Это влекло изменения графика, и теперь требовалась альтернатива, которая уравновесила бы потребность Мак и запрос Антонио на вывод его лодки в 5:15 утра. Подобные мелочи нервировали Су — а он был парнем аккуратным.

Потом пришла инспектор Джен, знаменитая защитница даунтауна из нью-йоркской полиции. Обычно она ходила пешком по крытым переходам в участок на Двенадцатой авеню. Еще вчера Джен и не знала, кто такой Владе. Они никогда не общались, но за ужином Джен уже расспрашивала его о системе безопасности здания. Она слышала о местном кооперативе, который Владе нанял для установки системы, и в целом вроде бы разбиралась в тонкостях наблюдения за зданием. Что неудивительно.

Сейчас, едва поздоровавшись, Джен сказала:

— Я хотела бы задать вам еще несколько вопросов о пропавших.

Владе нерадостно кивнул:

— Ральф Маттшопф и Джефф Розен.

— Верно. Вы много с ними общались?

— Чуть-чуть. Судя по акценту, они вроде из Нью-Йорка. Когда я у них был, они постоянно стучали по своим клавишам. Много работали.

— Много работали и при этом жили в капсуле?

— Не знаю, с чем это связано.

— Значит, вы ничего не слышали о них ни от кого из правления?

Владе пожал плечами:

— Моя работа — поддерживать в нормальном состоянии здание. Жильцы — не моя забота. По крайней мере, это мне дала понять Шарлотт.

— Хорошо. Но если услышите что-нибудь об этих ребятах, сообщите мне.

— Непременно.

Инспектор ушла. Владе посмотрел ей вслед — высокая темнокожая женщина, ростом не меньше его самого, довольно крупная, с острым взглядом и сдержанными манерами — и вздохнул с облегчением. Теперь можно было разобраться с отказавшими видеокамерами. В любом случае следовало вызвать представителей компании, установившей систему. Как и во многих других ситуациях, Владе требовалась техподдержка, когда он зашел уже достаточно далеко. Быть управляющим означало управлять. В бригаде у него было двадцать восемь человек. Джен должна

была это понимать. У нее и самой-то наверняка примерно та же ситуация.

Владе вышел на помост, тянувшийся от высокой двери эллинга к узкой пристани Мета в бачино и все еще погруженный в утреннюю тень здания. Он ничуть не удивился, когда над краем пристани высунулась ручонка — чтобы стащить кусок брошенного там черствого хлеба.

— Эй, крысы водяные! Хватит воровать хлеб у уток!

Двое мальчишек, которых он часто видел на пристани, выглянули из-за края помоста. Они сидели в маленьком «зодиаке»[19], который едва пролезал в зазор между понтонами, позволяя им прятаться под настилом. Владе решил, что они жили в своей лодке. Как и многие местные воришки, прозванные здесь водными крысами, — и молодые, и старые.

— Что вы там сегодня учудили, пацаны? — спросил он.

— Здрасьте, мистер Владе, мы сегодня ничего не учудили, — выкрикнул тот, что пониже, через доски.

— Пока не учудили, — добавил второй.

---

[19] Примечания: 19
Надувная резиновая лодка.

Ни дать ни взять комический дуэт.

— Тогда поднимайтесь сюда и рассказывайте, — велел Владе, продолжая думать о Джен. — Я же вижу, вам что-то нужно…

Пацаны вытащили лодку из-под пристани и, нервно ухмыляясь, взобрались наверх. Низенький заявил:

— Мы подумали, что вы наверняка знаете, когда сюда вернется Амелия Блэк.

— Полагаю, что скоро, — сказал Владе. — Она уехала снимать свое облачное шоу.

— Мы знаем. А можно нам посмотреть ее шоу на вашем экране, мистер Владе? Мы слышали, что у нее там медведи гризли.

— Вы просто хотите увидеть ее голый зад, — сказал Владе.

— Разве не все этого хотят?

Владе кивнул. Трудно было не согласиться.

— Не сейчас, мелюзга. Мне надо здесь поработать. Потом как-нибудь. Ну все, давайте.

Дойдя до своего офиса, он оглянулся, увидел коробку пасты с салатом, которую принес с кухни и еще даже не открывал.

— Эй, а ну возьмите это и скормите водным крысам.

— Я думал, это мы водные крысы! — возмутился

высокий.

— Это он и имел в виду, — сказал низенький и поскорей выхватил коробку у Владе, чтоб тот не успел передумать. — Спасибо, мистер.

— Так, все, живо отсюда.

Д) Гражданин

Нью-Йорк находится в состоянии постоянной мутации. Если бы можно было назвать одно состояние города, то разумно было бы сказать, что Нью-Йорк жидкий – он течет.

Наблюдал Карл Ван Вехтен

В острой крыше небоскреба Крайслер-билдинг[20] имеются нагреватели, предназначенные для того, чтобы предотвратить образование льда и его опасное падение на Лексингтон-авеню, но после Второго толчка люди забыли о существовании этой системы. И вот.

Нью-Йорк, Нью-Йорк, ну что за бухта! Генри Гудзон[21], проплывая мимо, заметил промежуток между двумя холмами как раз в самом глубоком месте залива, который они исследовали. Залив

---

[20] Примечания: 20

320-метровый небоскреб, построенный в 1930 г. в Нижнем Манхэттене.

[21] Примечания: 21

Генри Гудзон (ок. 1570–1611) — английский мореплаватель, исследовавший территории современной Канады и северо-востока США.

представлял собой углубление в береговой линии и был слишком широк, чтобы называться бухтой, и из него можно было выйти одним галсом. Если вас, конечно, интересует столь древний моряцкий факт. Проплывите вперед на страницу-другую, чтобы продолжить наблюдение за перипетиями жалких приматов, ползающих или плещущихся в этой великой бухте. Если же вы не прочь взглянуть на большую картину, поговорить о настоящей земле, то читайте дальше.

Залив Нью-Йорка образует почти прямой угол, где тянущееся с севера на юг побережье Джерси примыкает к ориентированному с запада на восток Лонг-Айленду, и точно на изгибе имеется промежуток. Всего в милю шириной, но если войти в него — желательно в момент прилива, так гораздо легче, — то вы, как Гудзон, окажетесь в просторной гавани, не похожей ни на что из виденного вами прежде. Ее называют рекой, но на самом деле это нечто большее: это фьорд, линия стока с мировой ледяной шапки времен ледникового периода, которая была так чудовищна, что весь Лонг-Айленд был лишь одним из ее отложений. Когда великое ледяное чудище растаяло — это было десять тысяч лет назад, — уровень моря поднялся примерно на триста футов. Атлан-

тический океан заполнил все долины восточного берега, что можно легко увидеть на любой карте, и тогда же океан впал в Гудзон, равно как и в долину между Новой Англией и отложениями Лонг-Айленда, образовав одноименный пролив, затем Ист-Ривер и всю прочую мешанину болот, ручьев и родников, наполняющих нашу бухту.

В этом огромном устье сохранились останцы хребтов из старых твердых пород, низкие длинные линии холмов, которые превратились в полуострова. Один тянется на юг по западной стороне бухты и разделяет Гудзон и Мидоулендс — это Палисад и Хобокен, что указывают на большой выступ, составляющий Статен-Айленд. Другой примыкает к Лонг-Айленду с востока — это Бруклин-Хайтс. А третий ведет на юг посередине бухты и благодаря болоту, отрезающему его с северного конца, технически является островом — со скалами, холмами, лесами, лугами, прудами — это Манхэттен.

Лесами? Да, теперь это лес небоскребов. Город, который раньше был просто речным устьем. Наводнения ему уже не грозили — местная береговая линия и так уже была затоплена. Подъем уровня моря на пятьдесят футов означал, что бух-

та стала больше и сложнее, Врата ада[22] — более адскими, река Гарлем превратилась из судоходного канала в безумную струю приливного течения, Мидоулендс — в мелкое море, Бруклин, Куинс и Южный Бронкс — тоже, и их ядовито-вязкие воды плещутся теперь о берега. Да, в бухте царит сущий хаос: ржавые мосты, трубопроводы и прочий инфраструктурный хлам. Вместе с водой в город вернулись рыбы, птицы и моллюски. Некоторые оказались двухголовыми, но это не страшно. Люди, конечно, тоже вернулись, пусть и многое потеряв, они были повсюду, как тараканы, которых невозможно вывести. Впрочем, другим животным это безразлично: они плавают, охотятся, выслеживают добычу, ощипывают растения, избегают людей, как и все прочие ньюйоркцы.

И все равно это Нью-Йорк. Люди его так просто не сдадут. Экономисты раньше называли это тиранией утраченной стоимости: если вы вложили в проект слишком много денег и времени, то уже не можете смириться с его потерей и жить дальше. Вы продолжаете сорить деньгами, становитесь одержимы, идете ва-банк, вступаете в так называемую эскалацию обязательств и

---

[22] Примечания: 22
Узкий пролив в Ист-Ривер.

превращаетесь в обезумевшего косноязычного жильца, не способного додуматься переехать. Вы упорствуете перед смертью и остаетесь маниакальным ньюйоркцем до самого конца.

Остров, что залегает под слоем всего этого человеческого дерьма, тоже упорствует. Изначально он славился своими холмами и водоемами, но люди сровняли холмы и засыпали водоемы, чтобы сделать землю максимально плоской, а также надеясь упростить транспортное сообщение. И не то чтобы у них ничего не вышло, но, как бы то ни было, теперь все исчезло, выровнялось, хотя наводнения XXI века выявили существенный факт, который прежде не играл никакой роли: Нижний Манхэттен действительно намного ниже, чем Верхний, — примерно на пятьдесят футов. И этот факт оказался решающим.

Наводнения затопили Нью-Йорк и все остальные прибрежные города мира в основном двумя большими волнами, от которых уровень океана поднялся на пятьдесят футов. При этом даунтаун ушел под воду, а аптаун остался. Даже невероятно, что такое могло случиться! Столько льда из Антарктики и Гренландии! Неужели бывает столько льда, чтобы растаять в такую массу воды? Оказывается, бывает.

Итак, Первый толчок и Второй обернулись десятилетиями подлинной драмы — историческим коллапсом, расколом в обществе, кошмаром с беженцами, экокатастрофой и полным съездом всей планеты с катушек. Антропоцид, Гидрокатастрофа, Геореволюция… А также прекрасные новые возможности для инвестирования. К сожалению, не обошлось без необходимости вводить полицейские меры, что привело к принятию драконовских законов и применению особых практик, получивших название египтофикации. К счастью, это нам сейчас уже не грозит, да и тогда это были скорее пессимистические настроения и страшилки, более уместные в мелодрамах, описывающих судьбы отдельных персонажей в период водяных десятилетий.

Но вернемся к острову, средоточию нашей общей мании. Южная его половина, примерно от 40-й улицы до Бэттери-парк, была постоянно затоплена до второго или третьего этажа зданий, которые выдержали подмыв, не рухнули и даже не просели. К северу от 42-й улицы бóльшая часть западной стороны изрядно возвышалась над уже повысившимся уровнем океана. На востоке вода поглотила большие многоквартирные дома в Гарлеме и Бронксе, а заодно заполнила

большой провал на 125-й улице, который люди заваливали отходами. Больше сваливать мусор было некуда, потому что северная часть острова отрезана водой. Оказалось, что самые высокие точки в округе — это парки Клойстер и Инвуд Хилл, не уступавшие по высоте любой местности в районе большой гавани.

Достаточно было посмотреть на Палисад, Статен-Айленд или Бруклин-Хайтс, чтобы понять: выше северной оконечности Манхэттена нет ничего. А поскольку эта длинная полоса, формирующая северную часть острова, с большим запасом оставалась над водой, вполне естественно, что люди из затопленных районов стали искать там убежища. Район стал подобен Южному Манхэттену в XIX веке или Среднему в XX. Кластер Клойстер — столица XXII века! По крайней мере, тамошним жителям нравилось так думать. Непрерывное смещение на север позволяет предположить, что еще через столетие-другое все действие перенесется в Йонкерс или округ Уэстчестер, так что покупайте там землю сейчас, а всякого, кто скажет, что это не так, можете засудить за клевету.

Но об этом говорили и раньше. Пока же северная оконечность Манхэттена — это столица

столиц, поле для испытаний новых композитных строительных материалов для небоскребов и кабелей пока не построенного космического лифта, но отлично подходящих для трехсотэтажных небоскребов, пронзающих небеса. Таких, что, когда вы находитесь на верхних этажах, на какой-нибудь террасе, где кровь уже начинает идти носом, но вы стараетесь совладать с высотной болезнью и смотрите на юг, южная часть острова выглядит игрушечным поездом, застрявшим посреди водоема. С этих террас, кажется, можно смахнуть луну с неба.

В общем, Нью-Йорк жив. Небоскребы и люди, все как всегда. Новый Иерусалим — и в английском, и в еврейском воплощении; две народные мечты, причудливым образом столкнувшиеся друг с другом и в процессе взаимной интерференции создавшие город на холме, город на острове, новый Рим, столицу мира, столицу столиц, неоспоримый центр планеты, алмазный айсберг между рек, самый оживленный, самый шумный, самый быстрорастущий, самый передовой, самый космополитичный, крутой, желанный и фотогеничный из городов, солнце, освещающее все богатство Вселенной, сам центр Вселенной, то самое место, где произошел Большой Взрыв.

И столицу хайпа, ага? На Мэдисон-авеню вам продадут что угодно, даже этот совершенно бредовый список, который приведен выше! И да, столицу вранья, столицу туфты, а также столицу брехни, которая вечно юлит, притворяясь чем-то особенным, не меняя ничего в мире, и в конечном счете плетется, как любой другой напичканный деньгами мегалополис планеты, особенно из тех, расположенных на побережьях, что прежде были крупными торговыми центрами, а теперь пошли прахом. Однако toujours gai, Achie, toujours gai[23], и, подобно большинству других прибрежных городов, Нью-Йорк влачил свое существование как мог. Здесь по-прежнему жили люди, пусть и худо-бедно, а кто-то сюда еще и переезжал, несмотря на самоубийственную тупость этой идеи, по сути равной добровольному сошествию в ад. Люди как лемминги, как млекопитающие со стадным инстинктом, очень похожим на тот, что движет коровами. Или, попросту говоря, люди — болваны.

Так что не такой уж он особенный, этот наш хваленый Нью-Йорк. И все же. И все же, и все

[23] Примечания: 23

«Всегда веселье, Арчи, всегда веселье» (*фр.*) — известная цитата из юмористической газетной колонки Дона Маркиза о таракане Арчи и кошке Мехитабель.

же, и все же. Может, что-то в нем и есть. Трудно поверить, тяжело признать, каким бы ни было это геморройное местечко, что кучка заносчивых недоумков без каких-либо причин случайно выбрала этот удачный рельеф, бухту и залив, пространство и время, что люди случайно возникли здесь в нужный момент, случайным образом отрастив голову, внутренние органы и распухшие гениталии американской мечты. Нью-Йорк — магнит для безнадежных мечтателей, место людей из других мест, город иммигрантов, людей из других людей, очень грубых людей, часто крикливых надоедливых засранцев, но еще чаще просто забывшихся и занимающихся своими делами, не обращающих внимания на нас и на то, что делаете вы. Многочисленные незнакомцы здесь сталкиваются друг с другом, уклоняются друг от друга, кричат друг на друга, но по большей части просто друг друга игнорируют. Можно сказать, они почти любезно применяют отточенное городом умение смотреть мимо или сквозь людей или не видеть друг друга. Будто толпы людей — это лишь развешанные гобелены, на фоне которых вы разыгрываете свои жизни, мрачные задники, дающие ложное ощущение драмы, помогающие представить, что вы дела-

ете нечто большее, чем делали бы, оставшись в какой-нибудь сонной деревушке, или в Денвере, или вообще где угодно. Нью-Йорк — огромная декорация, — да, может, что-то в нем и есть.

Как бы то ни было, вот он, заполняет собой огромную бухту, и неважно, что вы о нем думаете. Он торчит из воды, будто шипы ядовитых морских ежей, за которые цепляются мечтатели, как за не кстати колючий спасательный плот, единственное свое убежище на большой глубине, задыхаясь, будто Аквамен в невозможной для выживания, но терпимой для супергероя низшей точке погружения, все еще в горячечной галлюцинации о великолепном успехе. Если у вас получится здесь, то получится где угодно — может, даже в Денвере!

Е) Амелия

В 1924 году Хуберт Фонтлерой Джулиан, «черный орел», первый темнокожий, получивший пилотскую лицензию, спрыгнул с парашютом над Гарлемом, одетый в костюм дьявола и играя на саксофоне. Позднее улетел в Европу и вызвал Германа Геринга на воздушную дуэль.
В 1906 году в секции приматов Бронксского зоопарка целый месяц выставлялся пигмей по имени Ото Бенга.
Что типично для Америки, у нас не было идеологии.

Эбби Хоффман

Один из излюбленных воздушных маршрутов Амелии Блэк пролегал от востока Монтаны, над рекой Миссури, к югу в сторону Озарка, затем на восток в Кентукки, через Делавэр Гэп и по сосновым равнинам, затем ненадолго в море и сразу в Нью-Йорк. Все это расстояние ее дирижабль «Искусственная миграция» летел по воздушным коридорам над дикими территориями, и если она достаточно снижала высоту, а она ее снижала,

то почти совсем не замечала признаков людей — только редкие башни или свет огней на ночном горизонте. Конечно, в небе было и много других судов — от одиночных аэростатов до грузовых дирижаблей и вращающихся небесных деревень и много чего еще. Можно было подумать, что небо загружено, но материк, протянувшийся внизу, выглядел столь же незаселенным людьми, каким был пятьдесят тысяч лет назад.

Конечно, это было не так. Когда Амелия достигала пункта назначения, то получала наглядное напоминание о реальном положении дел, но все четыре дня пути материк казался диким. Облачное шоу Амелии было посвящено поддержке миграции исчезающих видов в экозоны, где у них было больше шансов выжить в условиях изменившегося климата, поэтому вид почти необжитой земли, что она часами наблюдала внизу, был для нее довольно привычен, хотя от этого не менее приятен. И Амелия, и ее облачная публика не могли не понимать, что на самом деле это были всего лишь экокоридоры для животных, где те могли жить, питаться, размножаться и передвигаться в любых направлениях, куда их вынудит передвигаться климат. Они могли мигрировать ради выживания. А некоторым даже

повезло «ухватить билет» на «Искусственную миграцию».

Нынешнее путешествие началось в Экосистеме Большого Йеллоустоуна, одном из ее любимых мест. Ультразум-камеры показывали зрителям стада лосей, преследуемые стаями волков, а также самку гризли и ее детеныша, уже известных как Мэйбл и Эльма. Затем появились плато, в основном заброшенные людьми даже до создания экокоридоров и теперь заселенные крупными стадами буйволов и диких лошадей. Затем извилистые хребты северного Озарка, зеленые и угловатые, а после них широкие разветвленные поймы Миссисипи, забитые стаями птиц. Здесь она зависла, чтобы сфотографировать небесную деревню, которая парила над просторным яблочным садом, развернув лопатки и сети для сбора урожая, почти никогда не опускаясь к земле. Далее цепь холмов Кентукки с бескрайним ковром североамериканских лиственных лесов.

Направляясь отсюда в сторону Делавэр Гэп, Амелия сбросила высоту, чтобы поближе рассмотреть верхушки дубов, орехов и вязов. Разглядывать местность можно было с высоты не более пятисот футов. И вот привлекательная женщина спускается с аэростата на подвешенной гондоле,

где потом раскачивается туда-сюда, будто девушка Гибсона[24] на качелях под деревом, хотя в данном случае Амелия качалась над деревьями. Сегодня на ней было красное платье без рукавов. И наверняка среди зрителей найдутся такие, кто надеется, что Амелия войдет в раж, снимет платье и сбросит его, развевающееся, на деревья, где оно как раз будет хорошо сочетаться с осенними листьями. Она не собиралась этого делать, потому что давно завязала с этим, о чем неоднократно заявляла своему продюсеру Николь. Но в этом платье Амелия выглядела особенно эффектно, тем более что время от времени оно надувалось парашютом и задиралось вокруг талии.

Раскачивание над поверхностью было одним из фирменных приемов Амелии. Сейчас она выполняла его вновь, предоставив управление «Искусственной миграции» своему крайне умелому автопилоту Франсу. Расположившись на своем сиденье, Амелия принялась тянуть за веревки, покуда ее движения не стали напоминать колебания маятника. Внизу расстилалось бескрайнее колышущееся одеяло из осенних ли-

[24] Примечания: 24

Образ, созданный американским иллюстратором Чарльзом Дана Гибсоном и представляющий собой идеал женской красоты рубежа XIX–XX вв.

стьев, и она упивалась великолепием пейзажа. Но затем Франс сообщил ей, что лебедку опять заело — такое иногда случалось, когда трос натягивался до предела.

Она застряла на конце троса, о нет! Сколько можно?!

Продюсеры заверяли, что лебедку починили, но вот Амелия снова зависла в двухстах футах ниже дирижабля, над самыми кронами. В одном платье, на пронизывающем ветру. До Нью-Йорка в таком положении не дотянуть.

Но Амелию не зря прозвали Непогрешимой, у нее всегда под рукой был Франс. Ветер дул слабо, и, после краткого совещания, Франс опустил дирижабль настолько, чтобы Амелия смогла соприкоснуться с верхушками деревьев. Благодаря чему она ухватилась за верхние ветви высокого вяза и сумела на них закрепиться. Ура! По бедра в листве, словно дриада, Амелия с залихватской улыбкой посмотрела вверх на «Искусственную миграцию» и дроны, с которых велась съемка.

— Смотрите все сюда, — произнесла Амелия. — Кажется, мы с Франсом нашли выход из трудной ситуации… Ой, смотрите, белка! Не знаю, то ли рыжая, то ли серая. Их не так-то легко различить…

Франс продолжал опускать дирижабль, трос скрылся где-то в глубине леса, пока судно не заслонило небо над Амелией, а гондола едва не стукнула ее по голове. Она пригнулась, велела Франсу открыть люк. Медленно раздвинув листву, раскрылись створки. Амелия ухватилась за них и забралась внутрь. После чего расстегнула ремень и вручную вынула трос, несколько раз хорошенько дернув, чтобы вырвать его из веток. Когда тот оказался внутри гондолы, Амелия приказала Франсу закрыть люк и начать подъем, а сама поспешила наверх, чтобы выпить горячего шоколада.

Наблюдавшим за всеми этими эскападами зрителям понравилось такое приключение, о чем свидетельствовали многочисленные отзывы. Разумеется, нашлись и разочарованные тем, что Амелия все время оставалась в одежде. На стороне последних была и продюсер Николь, предостерегавшая, что шоу скоро начнет терять популярность. Но Амелия не обращала ни на кого внимания, тем более на Николь. «Искусственная миграция» отправилась дальше: сначала над равнинами, поросшими низкорослыми сосенками, затем над зеленым необитаемым побережьем Нью-Джерси, затопленным задолго до главных

наводнений, и, наконец, вошла в синеву Атлантики.

Амелия напомнила своей аудитории, что они сейчас пролетели лишь по одному экокоридору из множества, которые делили теперь материк с его городами и садами, федеральными автострадами, железными дорогами и линиями электропередачи. Словно разные миры накладывались друг на друга, образуя случайную мегаструктуру, посткарбоновый пейзаж, где каждый играет свою роль в великом танце природы, а экокоридоры создают жизненное пространство нашим «младшим братьям и сестрам», как называла их Амелия в своих передачах.

Экокоридоры приносили пользу всему живому. Они создавали впечатление совершенно дикой природы. Пролетая в пятистах футах над ними, легко было прийти в восхищение. Критики программы Амелии и искусственной миграции в целом не уставали указывать, что сама она была не более чем одним из наиболее харизматичных представителей мегафауны, подобно ее любимым зверушкам, и летала над миром лишайников, грибков, бактерий, над сложным следствием работы фотосинтеза и других процессов, не замечая их. Когда-то она тоже внесла свой вклад в созда-

ние экокоридоров, в чем мог убедиться любой, кто интересовался прошлым Амелии, но теперь для нее настало время парить.

Франс увел дирижабль далеко от берега, и тот оказался над Атлантикой, потом взял влево и двинулся на север, к Нью-Йорку. На пересечении Нью-Джерси и Лонг-Айленда показался узкий сероватый шов — мост Верразано-Нарроус, и вскоре к северу от него быстро возник огромный город во всем своем великолепии, казавшийся лоскутным одеялом под легким слоем белых облаков. Нью-йоркская бухта, конечно, была заселена людьми, хотя тоже считалась экологической зоной, восхитительной экосистемой Маннахатта. И все же человеческое в ней доминировало. Удивительный, величественный, даже бодрящий после монотонности восточных лесов и горных плато пейзаж. С высоты парения Амелии бухта казалась собственной моделью, с мешаниной крошечных строений и мостиков, с замысловатым скоплением однообразно серых архитектурных форм. Даунтаун подтопило, но это была лишь малая часть огромной бухты, пусть и настолько плотно усеянная небоскребами и окруженная доками, что старый контур острова теперь было легко различить. Аптаун оставался над водой и плот-

нее, чем прежде, был застроен зданиями, в том числе многочисленными новыми сверхнебоскребами, красочными графеновыми башнями, что высились к северу от Центрального парка и тянулись намного выше тех, что когда-либо были воздвигнуты в южной и средней частях острова. Из-за чего Нижний Манхэттен визуально казался затопленным сильнее, чем на самом деле.

Амелия рассказывала зрителям об этих видах с восхищением, свойственным всем манхэттенским экскурсоводам:

— Видите, как разросся Хобокен? Целая стена из сверхнебоскребов! Как отрог Палисада, который во время ледникового периода так и не ушел под землю. Жаль только Мидоуленд, красивое было болото, зато теперь он здорово продлевает бухту, да? А Гудзон — настоящая ледниковая впадина, заполненная морской водой. Это не просто обычное русло. Могучий Гудзон, юху! Народ, это одна из величайших святынь дикой природы на Земле! Очередной образец наслаивающихся сообществ. — Она повернула камеру на восток. — А Бруклин и Куинс образуют очень необычную бухту. Как по мне, она похожа на какой-то прямоугольный коралловый риф, оказавшийся над водой при отливе.

Франс уже начал посадку «Искусственной миграции» на то, что осталось от острова Говернорс, и Амелия продолжила:

— Этот кусочек острова Говернорс, который до сих пор торчит из воды, и есть изначальный остров. Подводная часть была насыпана землей, которую нарыли, когда строили метро под Лексингтон-авеню. — Николь отправила ей сообщение: «Пора закругляться», и Амелия попрощалась: — Ладно, ребятки, рада была провести с вами время, спасибо вам всем, что путешествуете со мной. — Ее облачная аудитория была немалой: в среднем порядка тридцати двух миллионов зрителей за все время полета, причем половина из-за рубежа. Это делало Амелию одной из крупнейших облачных звезд, а среди тех, кто был связан с природой, и вовсе главной мегазвездой, настоящим черным лебедем. — Надеюсь, вы вернетесь и присоединитесь ко мне снова. А пока мы будем спускаться на Нижний Манхэттен, со стороны Гудзона над каналом 23-й улицы. Никогда не знаю, как их называть. Здесь, в Нижнем Манхэттене, улицами их больше не называют. А если вы назовете — сразу поймут, что вы не местный. Но я и есть не местная, так что ничего страшного.

Они пролетели мимо небоскребов южной части острова и свернули на восток, к старому небоскребу МетЛайф Тауэр. Она уже видела позолоченную пирамидку его купола, высящегося над Мэдисон-сквер. Вокруг бухты стояло множество зданий и повыше, но в своем районе оно по-прежнему доминировало.

Амелия позвонила сообщить о своем прибытии:

— Владе, я спускаюсь с запада, у тебя все готово?

— Как всегда, — ответил управляющий после короткойпаузы.

Ветра над Манхэттеном бывали непостоянными, но в этот раз ей сопутствовал устойчивый восточный ветер примерно в десять узлов. Похоже, в городе был прилив: вода в больших каналах-авеню доходила почти до Центрального парка. При отливе она оставалась бы где-то в районе небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг, вырисовывающегося сейчас слева по курсу «Искусственной миграции». Амелия подумывала, не поселиться ли там — ведь причальная мачта у них гораздо выше, — но старый небоскреб снова вошел в моду, и хотя Амелия была одной из известнейших облачных звезд, позволить его себе она не могла.

К тому же МетЛайф ей нравился больше.

Франс состыковался с мачтой, турбины дирижабля загудели, гондола наклонилась, и шипение выпущенной смеси гелия с воздухом примкнуло к многоголосому завыванию ветра, к плеску тысяч волн, разбивающихся о здания, а также реву лодочных моторов, пению гудков и обычному городскому шуму. О да — Нью-Йорк! Небоскребы и все такое! Амелия родилась и выросла в городке Грантс-Пасс, Орегон, и поэтому любила Нью-Йорк особенно страстно, сильнее, чем мог любить его кто-либо из здешних уроженцев. Настоящие местные жили здесь как рыбы в воде, не обращая внимания на его красоты.

Крюк «Искусственной миграции» защелкнулся на мачте, дирижабль немного качнуло, и уже вскоре труба крытого перехода протянулась к ней из-под карниза купола и присосалась к правой двери гондолы. Внутренняя дверь открылась, оттуда с резким свистом вышел воздух. Тогда Амелия, захватив сумку, спустилась по надувной лестнице на крышу здания, а потом по спиральной и, наконец, лифтом к своей квартире на сороковом этаже с окнами на юг и восток.

Дом, милый дом!

* * *

У Амелии был крошечный кухонный уголок в стенном шкафу, но, как и большинство жильцов Мета, она ужинала в столовой внизу. Вот и сейчас, приняв душ, спустилась поесть. В столовой и общей комнате, как всегда, было полно народу: сотни людей в очереди с подносами и за длинными столами — все ели и болтали. Амелии они напоминали головастиков в пруду. Многие из присутствующих здоровались с ней и оставляли в покое, в точности как ей и хотелось.

Владе сидел у окна с видом на бачино, и рядом с ним была женщина, которую Амелия не знала.

Амелия подошла к ним, и Владе представил их друг другу:

— Сорок-двадцать, это Двадцать-сорок. Ха. Амелия Блэк, инспектор полиции Джен Октавиасдоттир.

— Рада знакомству, — сказала Амелия, и они обменялись рукопожатием. Инспектор сказала, что видела ее шоу. — Благодарю, — ответила Амелия. — Спасибо, что смотрите. Когда вы сюда переехали?

— Шесть лет назад, — сказала Джен. — Переехала к маме, когда она заболела. Потом она умерла,

а я осталась здесь.

— Мне очень жаль.

Джен пожала плечами:

— Но теперь, я вижу, здесь все не так уж необычно.

Повара позвонили в звонок, и Амелия встала посмотреть, что еще осталось из блюд.

— Этот звонок на меня действует, как на собаку Павлова, — сказала она. — Слышу и сразу чувствую голод.

Вскоре она вернулась с тарелкой салата и остатками из нескольких почти пустых кастрюль. Когда она принялась за еду, Владе и Джен стали говорить о людях, с которыми Амелия не была знакома. Судя по всему, кто-то пропал. Доев, она проверила облачную почту на браслете и улыбнулась.

— Что такое? — спросил Владе.

— Ну, я думала, что побуду здесь какое-то время, — сказала Амелия, — но это, наверное, слишком хорошо, чтобы быть правдой. Меня пригласили поучаствовать в очередной миграции.

— Ты же и так этим всегда занимаешься?

— Сейчас это миграция белых медведей.

— Высший пилотаж, — заметила Джен.

— И куда же ты их переселишь? — спросила

Владе. — На Луну?

— Да, отселять их севернее некуда. Поэтому их хотят отправить в Антарктиду.

— Я думал, она тоже растаяла.

— Не вся. Там им, наверное, будет хорошо, но я не знаю. Нельзя же просто так переселить высшего хищника, ему нужно чем-то питаться. Сейчас спрошу.

Она набрала своего продюсера, и Николь сразу же ответила:

— Амелия, я ждала, что ты позвонишь! Что думаешь?

— Думаю, это бред, — ответила Амелия. — Чем они будут там питаться?

— Тюленями Уэдделла в основном. Мы провели анализы, биомассы там предостаточно. Косаток уже не так много, как раньше, поэтому тюленей стало больше. Еще один высший хищник поможет сохранить баланс. А белых медведей во всей Арктике осталось примерно две сотни, и люди обеспокоены. В природных условиях мишки не выживут.

— И сколько их планируется переселить?

— Для начала около двадцати. Если согласишься, возьмешь шестерых. Твоим зрителям понравится.

— Защитники будут против.

— Знаю, но мы думаем снять тебя и выпустить в облако потом, а место в Антарктиде, куда их переселим, останется в секрете.

— Все равно они будут клевать меня еще годами.

— Но они и так тебя клюют, разве нет?

— И то правда. Ладно, еще подумаю.

Амелия завершила разговор и посмотрела на Владе и инспектора. Она не могла сдержать улыбки.

— Защитники? — спросил Владе.

— Защитники Земли. Они против искусственной миграции.

— Типа все должно остаться как есть и погибнуть?

— Вроде того. Хотят, чтобы туземные виды обитали в своей естественной среде. Идея хорошая, но сами понимаете…

— Вымирание.

— Верно. Поэтому, как по мне, лучше спасать, кого можешь, а потом разбираться. Но с этим не все согласны. Я вообще получаю много гневных писем.

Ее собеседники кивнули.

— Не бывает такого, чтобы с чем-нибудь были

согласны все, — мрачно проговорил Владе.

— Белые медведи, — сказала инспектор Джен. — Я думала, они уже вымерли.

— Две сотни особей — это уже за гранью. Судя по всему, скоро они останутся только в зоопарках. И если зоопарки сумеют сохранить белых мишек до более прохладных времен, то их гены сохранят мало разнообразия для комбинирования. Но знаете, лучше так, чем никак.

— Так что, займетесь этим?

— О да. Это же та самая харизматичная мегафауна! Юху!

— Твоя специализация, — заметил Владе.

— Вообще-то я всех люблю. Кроме пиявок и комаров. Помнишь случай, когда на меня напали пиявки? Вот это была жуть. Но самые высокие рейтинги получают шоу с крупными млекопитающими.

— А они ведь в большой беде, верно?

— Да, определенно… Вроде как… Хотя вообще-то… — Амелия вздохнула: — Еще в какой беде.

Ж) Шарлотт

Природа – это то, через что я вынуждена проходить, чтобы добраться из такси в свою квартиру.

Фран Лебовиц

Сработал будильник, и Шарлотт Армстронг стукнула по браслету. Пора домой. Удивительно, как быстро летит время, когда его в обрез. Всю вторую половину дня она пыталась разобраться с делом семьи, члены которой заявляли, что прошли пешком из Пенсильвании в Нью-Йорк через Нью-Джерси. Невзирая на многочисленные нестыковки, они настаивали, что им удалось проделать весь путь, но не могли толком объяснить, как они сумели обойти блокпосты и болота, избежали бандитов и волков. Нет, они ни с чем таким не сталкивались, шли ночами, иногда по воде, пока — ну надо же! — не очутились на Статен-Айленде, где их задержал патрульный, попросивший предъявить документы, которых у них не оказалось.

Шарлотт просидела с этими горе-нелегалами полдня в изоляторе иммиграционной службы.

Напуганные, они, казалось, в самом деле не знали, где и как пересекли границу, хотя это абсурдно. Впрочем, люди вообще абсурдные создания, так что кто знает? Могли ли они просто идти и идти, ночь за ночью, шаг за шагом, как слепые? Но у них был один дешевый браслет, значит, по нему можно восстановить маршрут, на что Шарлотт им и указала. Их дело было не настолько серьезным, чтобы власти стали требовать снять показания с их браслета. Закон о защите частной жизни был жестче иммиграционного, но все перевешивали соображения государственной безопасности, требующей строжайшего соблюдения мер предосторожности. Когда Шарлотт объяснила нелегалам все это, они просто молча уставились на нее. Чтобы у них появился хоть малейший шанс, ей нужно было представлять их интересы в суде. Чаще всего в подобных случаях так оно и случалось: Шарлотт приходилось сталкиваться с тысячами таких ситуаций — в этом состояла ее работа. Раньше она этим занималась в системе городской власти, сейчас — в некоем государственно-частном гибриде, то ли в городском агентстве, то ли в общественной организации, которая помогала арендаторам, «безбумажникам», бездомным, водяным крысам

и другим обездоленным. Именовался этот гибрид Союзом домовладельцев, хотя такое название было, пожалуй, слишком амбициозным.

Когда Шарлотт закончила беседу с нелегалами и собралась домой, пришла Танганьика Джон, помощник мэра, спросить, не могла бы мисс Армстронг зайти и помочь мэру разобраться с одним важным, но неясным вопросом. Шарлотт это показалось подозрительным, как и сама Джон — высокомерная женщина, стройная и модно одетая, чьей единственной обязанностью было помогать мэру. А это означало, что Танганьика была частью оборонительных укреплений, воздвигаемых Галиной Эстабан вокруг собственной персоны. В распоряжении Джон было несколько людей, пекущихся о репутации верховного мэра, в то время как город задыхался в его деспотичной власти.

Шарлотт с предельной любезностью ответила согласием и последовала за Джон в административную резиденцию, расположенную в пентхаусе. Там мисс Армстронг встретили еще три помощника мэра, которые, как и Джон, попросили ее помочь мэру написать пресс-релиз, объясняющий, почему ввести иммиграционные квоты было необходимо и что это сделано для

блага людей, уже проживавших в городе.

От этого Шарлотт сразу отказалась.

— Вы нарушаете федеральный закон, — сказала она. — И вам известно, что его авторы очень ревностно относятся к своему праву устанавливать эти правила. А моя работа заключается в том, чтобы представлять тех самых людей, которых вы пытаетесь отсюда вытеснить.

«О нет, это не совсем так…» — принялись заверять помощники мэра, тут и сама Галина Эстабан появилась в офисе — прекрасная внешность, плавные движения, надменная поза и… глупые решения. Шарлотт давно уже догадывалась, что надменность и глупость — две стороны одной медали. И вот Галина лично повторила мисс Армстронг свою просьбу, будто надеялась, что та не устоит перед ее обаянием, невзирая на давнюю вражду. Видимо, мэр искренне считала, что лицемерием можно заменить дружбу, но Шарлотт сразу ее разочаровала, дав понять, что личная просьба вряд ли может иметь какой-либо вес. Галина попыталась объяснить свою просьбу тем, что предлагаемые меры необходимы для охраны границ города, который они обе любят, и так далее.

— Невозможно охранять границы там, где ни-

каких границ не существует, — сказала Шарлотт.

Галина нахмурилась и даже надула губы. Она и в кресло мэра попала, надувая губки, когда ей что-то не нравилось, но мисс Армстронг этим было не пронять. И несмотря на притворную веселость и снисходительность Эстабан, уловила в ее глазах холодный блеск стали, с которым мэр приняла враждебный выпад. Впрочем, Шарлотт ответила таким же взглядом — это ведь Галина выбросила иммигрантские службы за борт, создав государственно-частное объединение, наихудшую из всех мыслимых форму регулирования движения народонаселения!

— Нам нужно как-нибудь решить этот вопрос, — сказала Галина, мгновенно мрачнея. — Если здесь станет слишком тесно, может случиться социальный взрыв.

— Это Нью-Йорк, — сказала Шарлотт. — Город иммигрантов. Здесь не бывает тесно.

— На численность мы можем повлиять, — парировала Галина.

— Только если превратитесь в отморозков и нарушитезакон.

— Объяснять, почему нам нужны квоты, — это не значит быть отморозками.

Шарлотт пожала плечами и любезно распро-

щалась.

— Не тратьте на это время, — посоветовала она, уходя.

Возвращаясь домой по переходам, Шарлотт разглядывала оживленные каналы внизу. После прогулки с инспектором Джен мисс Армстронг стала чаще ходить с работы пешком и теперь каждый день подмечала колебания уровня воды. Исходная Верхняя Отметка сейчас находилась под водой и проживала свою третью жизнь на уровне устричного садка. Сеть переходов ныне включала в себя как дощатые настилы чуть выше уровня прилива, так и протяженные мостики на высоте сороковых и пятидесятых этажей. Последние почти целиком состояли из прозрачных пластиковых труб, усиленных графеновыми композитными сетками, такими легкими и прочными, что могли соединить сразу четыре-пять кварталов.

Раньше Шарлотт почти всегда ездила на работу и обратно на вапоретто номер четыре, но в каналах случались такие пробки, что некоторые пешеходы передвигались по настилам быстрее, чем водный транспорт по каналам. К тому же ходить было полезнее для здоровья, по крайней мере до тех пор, пока ее ноги выдерживали такую

нагрузку. Шарлотт хотелось бы совершать такие прогулки туда и обратно каждый день, но она не была уверена, что у нее получится. Пришлось бы отказываться от десерта, ведь не нести же его домой с работы.

Шарлотт пришла домой как раз вовремя, чтобы наспех переодеться и перекусить в столовой перед еженедельным заседанием правления. Участие в этом заседании было чем-то вроде внеурочной работы. От городских проблем мисс Армстронг переходила к домашним: из-за разницы в масштабе они несколько отличались, но не так чтобы слишком. Шарлотт вступила в правление в те времена, когда на него подали в суд и ему требовалась помощь. И хотя это походило на ее обычную работу, мисс Армстронг было интересно участвовать в таких делах. Ей нужно было только немного пополнить запасы сахара в крови, и тогда все хорошо.

Однако сахар было не так просто достать, потому что, когда Шарлотт добралась до столовой, лотки с едой оказались уже почти пусты. Пришлось вычерпывать остатки пищи со дна кастрюль. А еще можно было нырнуть лицом в миску с салатом и вылизать ее, как собака, — или как те двое ребят, что стояли в очереди перед

Шарлотт. Черт, они вылизывали ее дочиста! На ужин лучше приходить вовремя, все это знали, и уже за полчаса до открытия здесь выстраивалась длинная очередь. Жильцы всегда собирались толпами вокруг чего-нибудь важного, а значит, на собрание никто не должен был прийти. Стоило бы снизить число проживающих до предусмотренного реальной вместимостью здания — в этом отношении Шарлотт не раз совершала ошибки. Склонность помогать людям стала ее профессиональной привычкой, но делать это для всех подряд было неправильно. Появлялось слишком много голодных ртов, вырастали очереди в столовой, становилось шумно, люди сидели на полу, прислонившись к стенам и поставив подносы на колени, а стаканы — на пол рядом с собой. Мисс Армстронг и сама так сделала — опустившись неуклюже, устало, зная, как тяжело потом будет вставать. Это было одной из причин, почему по вечерам она носила брюки.

На тридцатый этаж, где находился офис управления зданием, Шарлотт опоздала совсем чуть-чуть. В этом не было бы ничего страшного, не будь она председателем. Остальные члены совета уже вовсю обсуждали ситуацию с двумя пропавшими. Мисс Армстронг села на свое место

и осведомилась:

— Ну и что надумали?

— Мы думаем, что не следует больше позволять кому-либо жить на садовых этажах, — заявила Дана.

Остальные члены совета смотрели на председателя так, будто ожидали, что она станет возражать. Ведь именно Шарлотт настояла на том, чтобы пустить Матта и Джефа пожить на садовый этаж.

— Причина?.. — уточнила она скорее ради того, чтобы соответствовать их ожиданиям.

— Как мы увидели, там нет такой системы безопасности, как на жилых этажах, — объяснил Мариолино. Он в этом году был секретарем совета.

Шарлотт пожала плечами:

— Я не против того, чтобы закрыть сады… в качестве временной меры.

Услышав это, участники заседания вздохнули с облегчением и двинулись дальше по списку, составлявшему повестку дня. Жалобы на шум, споры из-за парковочных мест в эллинге, просьба установить грузовой лифт повместительней. Владе, закатив глаза, напомнил, что не может увеличить размер шахты, но можно подумать о

том, чтобы смонтировать более высокую кабину. Далее вспыхнул спор по поводу формулы расчета взносов и оплаты труда, которая не устраивала тех, кто не считал уборку коридора на этаже трудом, заслуживающим вознаграждения. Обсудили отношения с ОВНМ — Обществом взаимопомощи Нижнего Манхэттена, иногда, в зависимости от настроения, называемым также Овнóм, а на самом деле крупнейшим из местных кооперативных предприятий и ассоциаций, своеобразным зонтом для всех остальных организаций затопленной зоны. Предлагаемые им неофициальные обменные курсы между долларом и блокжерельями настолько разнились с официальным, что решено было просто отказаться от последнего и сделать курс плавающим. Теперь эту плавающую валюту нужно было сохранить как можно более твердой, если вообще существовала такая возможность.

И так далее. Так они и управляли своим маленьким городом-государством. Квартира 12-Д пустовала после смерти Маргарет Бейкер — никто из ее наследников не собирался туда въезжать, они жили в Денвере и хотели ее продать. Контракт Мардж с кооперативом был несокрушим — Шарлотт знала это, потому что сама помогала

его составить, так что денверским родственникам предстояло продать квартиру кооперативу за сто процентов доли Мардж. Что было вполне справедливо. У кооператива имелся резерв для подобных выкупов, поэтому все должно было получиться как надо.

Но тут слово взяла Дана:

— Если мы выкупим у них квартиру и сдадим не члену нашего кооператива, то сможем отбить сумму примерно за десять месяцев, а потом будем получать с нее прибыль.

— Десять месяцев? — переспросила Шарлотт.

Александра и остальные участники заседания дружно кивнули. Цены на аренду в Нижнем Манхэттене взлетали вверх. Люди балдели от манхэттенской Венеции, и это приводило к росту цен. «Литоральная аэрация» — вот как это называлось.

— Аэрация, — сказала Шарлотт таким же тоном, каким Владе сказал бы «плесень». — Разве это не что-то типа инфляции или спекуляции? Я-то думала, Второй толчок нас от всего этого избавил.

Не навсегда, объяснили ей. Жизнь среди каналов выглядела достаточно привлекательно. Повседневная суета неочевидна ни для туристов,

ни для людей, которые настолько богаты, что готовы от этой суеты откупиться.

— Одна из таких богачек, желающих купить долю у нас, — это Амелия Блэк, — указал Владе. — Свою комнату и парковочное место на причальной мачте. Она сказала, это для нее будет немного напряжно, что меня удивило, но, говорит, ей всегда хотелось иметь в Нью-Йорке что-то свое, а здесь ей нравится.

— А она будет участвовать в работе кооператива? — спросила Шарлотт с недоверием. — Разве она не слишком часто разъезжает по миру?

— Сказала, что будет. Я уверен, она впряжется, просто она такой человек.

— Но она не всегда будет под рукой?

— Конечно, такая у нее работа. Но если у нас появится член кооператива, который будет работать на него, когда находится здесь, и подолгу бывать в разъездах, то это еще не самое худшее. Меньше стресса, меньше расхода воды и электричества. Больше еды в столовой.

Шарлотт кивнула. Владе всегда думал о пользе для здания, и она это ценила.

— Членский совет может это с ней обсудить, — заключила она.

— Членский совет отправил ее к нам с положи-

тельной рекомендацией.

— Тогда ладно. Пусть вступает, раз они так решили.

— Я ей передам, — сказал Владе.

— А где она сейчас?

— В Арктике. Собирается переправлять белых медведей на Южный полюс.

— Серьезно?

— Так она мне сказала.

— Ладно… Я считаю, что с ней нам будет хлопотно, но членский совет решил…

Они перешли к другим вопросам и постарались рассмотреть их как можно быстрее. Все они были довольно давно избраны в правление, чтобы получать удовольствие от заседаний. Владе хотел заменить системы катодной защиты на всех стальных балках в здании, а еще получить новый канализационный процессор, чтобы эффективнее собирать и перерабатывать дерьмо в удобрения для почвы в садах, о чем сообщалось на заседании совета по аквакультуре бачино. Также Владе хотел обновить подключение к местной электрической подстанции. Фотоэлементная краска, покрывавшая здание, генерировала бóльшую часть потребляемой электроэнергии, но в промежутке между зданием и подстанцией

ее терялось довольно много, поэтому обновление не помешало бы.

Владе подумал и добавил, что в последнюю минуту Дана включила в повестку еще один пункт: поступило предложение продать здание.

— Что?! — встрепенулась Шарлотт. — От кого?

— Мы не знаем. Связались через агентство «Морнингсайд Риэлти» и предпочли остаться неизвестными.

— Но почему? — удивилась Шарлотт.

— Не говорят. — Дана посмотрела в свои записи. — Эммерих предположил, что кто-то из Клойстера, у «Морнингсайд» есть там офисы. Предлагают примерно вдвое больше, чем здание оценили в последний раз. Четыре миллиарда долларов. Если согласимся, станем богачами.

— На хрен их, — сказала Шарлотт.

Повисло молчание.

— Наверное, нам стоит вынести это на голосование, — высказался Мариолино.

Владе насупился:

— Стоит ли?

— Давайте для начала все выясним, — предложила Шарлотт.

Они встали и немного постояли у окна, размышляя. Кто-то налил себе кофе, кто-то вина.

Шарлотт пила крепкий ирландский кофе, желая одновременно и укрепить нервы, и расслабиться. Но не сработало, ее состояние даже ухудшилось: она стала еще сильнее нервничать.

«Какой-то антиирландский кофе, — подумала Шарлотт. — Должно быть, английский…»

— Я — спать, — проговорила она раздраженно.

Когда Шарлотт поднялась в свою комнату, на самом деле состоявшую из кровати и стола в одной из общих комнат и закрытую от соседей звукоизоляционным квилтом, то обнаружила на своем экране сообщение от Джен Октавиасдоттир. Шарлотт набрала ее, и Джен тут же ответила.

— Привет, это Шарлотт. В чем дело?

— Иду к вам из-за тех пропавших ребят.

— Что-нибудь нашла?

— Ничего особенного, но кое-что могу рассказать.

— Давай за завтраком?

— Да, хорошо.

Может, и не стоило договариваться о встрече перед сном, тем более с антиирландским кофе в желудке. О чем ей собирается рассказать Джен? Существовала реальная опасность, что мозг начнет крутить этот вопрос так и эдак и она

проворочается в постели всю ночь, а на рассвете встанет невыспавшаяся, с тяжелой головой.

Шарлотт уснула, не успев коснуться головой подушки.

3) Стефан и Роберто

Люблю всех, кто ныряет.

Герман Мелвилл

Солнце восходило в пене кудрявых жемчужных облаков. В Нью-Йорке царила осень. Двое мальчишек вытянули из-под пристани Северного здания небольшую надувную лодку. Мотор с аккумулятором оттягивал корму вниз, и Стефан, который был повыше, взгромоздился на носу, чтобы уравновесить плавсредство. А Роберто уселся за румпель и ловко лавировал в артериях городских каналов. Мальчик правил на восток, навстречу восходящему светилу. Был прилив, соленый утренний воздух отдавал запахом водорослей. Они миновали широкий устричный садок у пристани «Скайлайн» и вошли в Ист-Ривер, после чего двинулись вдоль берега на север, держась при этом вне транспортного потока. К девяти часам мальчишки прошли Тёртл-Бей, достигли 90-й улицы и были готовы пересечь Ист-Ривер. Стефан внимательно осмотрелся. Ни одного крупного судна не было видно. Роберто добавил газу, и Стефана вместе с носом на

несколько дюймов приподняло над водой.

— Была бы у нас настоящая моторка, вот было бы круто.

— Ты пока притормози, я вижу наш колокол.

— Ну и отлично.

Роберто притормозил, и Стефан натянул длинную резиновую перчатку. Затем, наклонившись к воде, ухватился за петлю из нейлоновой веревки и стащил ее с подводного буя, посаженного на мелководье, некогда бывшее южной оконечностью острова Уорд. Крепко потянул веревку вверх. Другой конец оказался привязан к ушку на вершине большого пластмассового конуса, который снизу охватывало железное кольцо. Когда Стефан подтащил колокол к поверхности, они с Роберто водрузили его на нос лодки, а потом уселись на толстые округлые борта и присмотрелись к конусу, пытаясь заметить в нем изменения. Все вроде было хорошо, и Роберто сунулся внутрь, чтобы прикрепить к липучке новые инструменты.

— Выглядит неплохо, — сказал он. — Давай поставим его на место мистера Хёкстера.

Они прожужжали мотором вдоль западного берега Врат ада и оказались на мелководье Южного Бронкса. Наконец Стефан, сверившись по навигатору на браслете, объявил, что они достигли

нужного места.

— Есть! — воскликнул Роберто и выбросил за борт самодельный подводный буй: два шлакобетонных блока, привязанных краденой нейлоновой веревкой к бую таким образом, чтобы тот, даже при отливе, оставался чуть ниже поверхности.

Да, это было то самое место. Мальчики пришвартовали лодку к бую. Скоро должен был начаться прилив, но пока на реке царило спокойствие. Пора было приниматься за работу.

Ныряльщиком был Роберто, потому что единственный их гидротермокостюм Стефану был маловат. Все свое снаряжение мальчишки приобрели при довольно сомнительных обстоятельствах, поэтому были не слишком разборчивы. Когда Роберто застегнулся, надел перчатки и маску, они аккуратно опустили водолазный колокол в воду так, чтобы под ним осталось побольше воздуха. Роберто взял в одну руку конец шланга, в другую — фонарик и, сделав глубокий вдох, спрыгнул в воду. Опустившись немного, забрался под край колокола и там вынырнул. Стефан едва различал его очертания. Роберто подплыл обратно к краю, а потом вынырнул на поверхность.

— Порядок? — спросил Стефан.

— Порядок. Давай спускай меня.

— Хорошо. Когда я потяну за шланг три раза, значит, кислород заканчивается. Тогда тебе надо будет всплывать. Если не сделаешь это сам — подтяну к тебе колокол.

— Знаю.

Роберто снова нырнул под колокол. Стефан понемногу отпустил нейлоновую веревку, позволив колоколу мягко погрузиться в реку и Роберто вместе с ним. Раньше они уже пару раз пробовали это проделать, но все равно было еще боязно. Когда веревка ослабла, Стефан понял, что колокол достиг дна, предположительно там, где шлакобетонные блоки обозначали их место. Навигатор на браслете показывал, что лодка все еще находилась в нужной точке. Он перевел ручку на кислородном баллоне на меньший расход — литр в минуту. Очень скоро этот воздух должен был заполнить колокол, а на поверхности вокруг лодки должны показаться пузырьки. Этот кислородный цилиндр они взяли у соседки мистера Хёкстера, пожилой женщины, которая нуждалась в таких для дыхания, их у нее в комнате была целая куча. Стефан соединил вместе два ее шланга, сделав из них один тридцатифутовый, и сейчас Роберто уже опустился на семнадцать, так что в этом

отношении все было хорошо.

Стефан не мог особо разглядеть Роберто, и даже колокол, освещенный фонариком приятеля, выглядел лишь заревом в темной воде. Но Роберто теперь стоял на старом асфальте — некогда там находилась парковка, прямо у старого речного берега на южной оконечности Бронкса. Благодаря фонарику он мог видеть под колоколом вполне сносно.

Стефан потянул за кислородный шланг. Один раз означал «Все хорошо?».

Один рывок в ответ — «Хорошо».

Внизу Роберто должен был развернуть металлодетектор — сначала открепив от внутренней стенки колокола. Детектор был марки «Голфир Максимус», ребята изъяли его у другого соседа, мистера Хёкстера, канального ныряльщика, который недавно умер и, как оказалось, не имел родственников. Роберто надлежало использовать прибор для сканирования старого затопленного асфальта, чтобы выяснить, есть ли там что на месте мистера Хёкстера.

И в самом деле, когда Роберто, находясь под колоколом, включил детектор и настроил его на поиск золота, то аж подпрыгнул, когда тот сразу засигналил. Мальчик припал к стенке колокола

и крикнул Стефану. Увы, приятель не слышал его. Тогда Роберто взял конец шланга и прокричал в него:

— Мы нашли! Мы нашли! Мы нашли! — Сердце едва не вырывалось из груди.

Он провел детектором по периметру колокола. С большей частотой прибор пищал возле края, как определил Роберто, с северной стороны. Чем ближе к искомому металлу он находился, тем чаще пищал. И с каждым сигналом у Роберто учащался пульс, мальчик стал даже немного задыхаться от возбуждения, бормоча:

— Божечки, божечки, божечки…

Он взял баллончик с красной краской, которую они прикрепили к внутренней стороне колокола, и пометил асфальт под собой, а потом проследил за тем, как пузырьки краски растеклись по поверхности. Она могла и не пристать как следует, но кто знает? Хоть что-нибудь, да наверняка останется.

Для Стефана время тянулось медленно. Дул легкий ветер, и он уже начал замерзать. Одной из замечательных особенностей этой охоты было то, что место, которое они исследовали, было парковкой, построенной на свалке, а значит, люди не только столетиями не думали искать там

затонувший корабль, но и не нашли бы его легко, даже если бы попытались. По крайней мере до Второго толчка, который вернул эту область в ее природное состояние — если говорить так было уместно, — благодаря чему искать там останки корабля снова стало возможным. И найдя, его можно было выкопать тайно, под водой, так, чтобы никто не узнал. В этом отношении морская археология казалась классной штукой! И так уж случилось, что одно из величайших затонувших сокровищ всех времен теперь наконец-то можно найти.

Но пока было очевидным, что Роберто задерживается. Датчик баллона показывал, что кислород почти закончился. Стефан трижды потянул за шланг.

Внизу Роберто это заметил, но проигнорировал. Он поставил на шланг ногу, чтобы тот не выскочил из-под колокола. Затем потянул разок: тот держался крепко.

Стефан опять потянул три раза, на этот раз сильнее. Аккумулятор садился, кислород заканчивался, начинался отлив, и теперь ему приходилось следить еще и за напряжением в тросах и состоянием кислородного шланга. Нельзя было допускать, чтобы хоть один из них натянулся

слишком сильно — особенно последний.

Он снова потянул три раза, еще сильнее. Роберто было трудно в чем-то переубедить, даже если разговаривать с ним лицом к лицу.

— Ну его к черту, я тебя вытаскиваю, — громко объявил Стефан в шланг. Буквально прокричал. К банке у них было привинчено ручное мотовило, и сейчас он набросил на него веревку и стал проворачивать рукоятку, притягивая со дна колокол, а вместе с ним и Роберто.

Внизу Роберто поспешно прикрепил краску и металлодетектор обратно к внутренней стороне колокола, прежде чем тот начал подниматься над ним. Вода уже хлынула под стенку и достигла его коленей. Пора было набрать воздуха в грудь, чтобы, проскользнув под стенкой, выплыть к поверхности, но сначала следовало закрепить инструменты.

Стефан продолжал крутить рукоятку, зная, что это единственный способ заставить Роберто подняться наверх. Он собирался все ему выговорить, как только тот выплывет и переведет дыхание, — и ничего, что голос у Стефана был слишком высокий и его гневные речи не производили должного впечатления. Довольно скоро Стефан увидел верхушку колокола, а в следующий мо-

мент, выдувая воздух, из воды вынырнул Роберто и закричал. Но это оказались не ругательства, а торжествующие крики:

— Да! Да! Я его нашел! Мы его нашли! Детектор! Он сработал! Мы его нашли! — Затем он глотнул немного воды и закашлялся.

— Бог ты мой! — Стефан быстро помог ему перелезть через борт и, пока Роберто снимал костюм, подтянул к лодке колокол. — Правда, что ли? Среагировал на золото?

— Среагировал, это точно. Запищал так быстро-быстро. Я крикнул тебе в шланг, ты не слышал?

— Нет. Шланги вряд ли передают голоса так далеко.

Роберто рассмеялся:

— Я тебе кричал. Это так здорово! Я пометил место баллончиком, но не знаю, будет ли видно. Зато у нас еще есть буй и навигатор. Мистер Хёкстер обалдеет.

Высвободившись из костюма, стоя на ветру в мокрых шортах, он прикрыл глаза, и Стефан побрызгал на него из бутылки водой, обильно разбавленной отбеливателем, после чего Роберто вытер себе лицо. Здешняя вода часто бывала такой грязной, что от нее могла появиться сыпь или что-нибудь похуже. Когда Роберто обсох и

оделся, то помог Стефану затащить колокол на нос лодки, и они отплыли от своего подводного буя. Вскоре Стефан включил мотор, и они перешли к разговорам.

— У нас аккумулятор скоро сядет, — сообщил Стефан. Хорошо, что отлив играл им на руку, когда они плыли по течению. — Надеюсь, нас не вынесет через Нарроус[25].

— Неважно, — ответил Роберто.

Хотя выход через Нарроус, конечно, не сулил ничего хорошего. Аккумулятор у них был пусть и получше предыдущего, но довольно паршивый. Роберто оглядел Ист-Ривер: движение, как обычно, плотное. Если бы их поймали в полосе, то могли арестовать и конфисковать лодку. Водная полиция и еще кто-нибудь из властей выяснили бы, что с ними нет никаких взрослых, что у них нет документов… и вообще ничего. Различные люди из района Мэдисон-сквер, с которыми они имели дела, не были в курсе их положения и едва ли обрадовались бы, если бы Стефан и Роберто попросили их назваться опекунами. Нет, попадаться им было нельзя.

— Если доплывем до города, сможем найти, где

[25] Примечания: 25

Пролив, соединяющий Лоуэр-Нью-Йорк-Бей (нижнюю) и Аппер-Нью-Йорк-Бей (верхнюю нью-йоркскую бухту).

подзарядиться.

— Может быть.

— Да ладно тебе, мы его нашли!

Стефан кивнул. Затем поймал взгляд Роберто и ухмыльнулся. Оба закричали и хлопнули друг друга по ладоням. А когда добрались до первого подводного буя, то, привязав к нему трос колокола, опустили последний так, чтобы под ним не осталось воздуха. Там колокол должен был ожидать их следующего визита.

После этого они двинулись на юг, к тому месту, где Врата ада переходили в Ист-Ривер. Стефан заметил промежуток в речном трафике, включил мотор на полную и, сжигая бóльшую часть оставшегося заряда аккумулятора, попытался как можно быстрее пересечь полосу движения. Полицейских дронов над ними вроде бы не было. Только фасады сверхнебоскребов, усеивавших Вашингтон-Хайтс, взирали на них миллионами окон, но оттуда никто не смотрел. Конечно, их маневр могли записать камеры наблюдения, но их лодка ничем не отличалась от множества других. Нет, главная трудность теперь состояла в том, чтобы просто добраться домой при сильном отливе.

— Так, значит, нашли, — сказал Стефан. — «Гу-

сар», фрегат Британского флота. Поверить не могу!

— Не то слово, черт подери!

— Как думаешь, он сильно глубоко под улицей?

— Не знаю, но детектор пищал как бешеный!

— Все равно, наверное, до него еще копать и копать.

— Ага, знаю. Нужны будут кирка и лопата, уж точно. Можем копать по очереди. Там глубина футов десять, может, больше.

— Десять футов — это прилично.

— Знаю, но это реально. Нужно просто не переставать копать.

— Точно.

Затем мотор иссяк. Они тотчас достали весла и начали грести, работая вместе так, чтобы лодка продолжала двигаться в сторону мелководья на востоке от Манхэттена. Но отливное течение становилось сильнее, неся их вниз по Ист-Ривер, которую все называли не настоящей рекой, а скорее приливным каналом, соединяющим две бухты. Они уже приближались к мосту Куинсборо[26]. При сильном отливе в Ист-Ривер

---

[26] Примечания: 26

Также известен как Мост 59-й улицы. Самый северный мост через Ист-Ривер.

становилось неприятно — появлялись широкие пороги, и хотя он не превращался в совсем уж бурлящий поток, грести в нем было без толку. И они плыли по течению, несомые в сторону города.

— Смотри, там в воде какая-то крыша торчит. Давай за нее ухватимся и отдохнем.

Они попытались зацепиться за верхушку какого-то затопленного здания, но из-за сильного течения лишь едва задели ее веслами, и их сразу развернуло боком. Пришлось прогрести вокруг лодки, чтобы снова направить ее носом навстречу течению. Это было непросто. И течение по-прежнему усиливалось.

Такое уже с ними случалось — когда им было лет по восемь-девять, их постигла одна из первых неудач в воде. Даже целое крушение, оно хорошо запомнилось. Сейчас они отчаянно загребли, стараясь, насколько возможно, координировать свои движения. Роберто был чуточку быстрее.

— Вместе работаем, — напомнил Стефан.

— Давай быстрее!

— Ты сам лучше проворачивай!

Ничего не помогало. Течение усиливалось, а их швыряло так, будто они плыли на корабле. Какое-то время казалось, будто они могли сунуться в какой-нибудь из последних каналов, прежде чем

проплывут мимо всего Манхэттена, но течение было слишком сильное: они пропустили их все.

Теперь оставалось только надеяться, что они сядут на мель у острова Говернорс и переждут там. В том месте находилась свалка, где они временами любили что-то искать, но оставаться там пережидать отлив выглядело перспективой безрадостной: можно было замерзнуть и изголодаться. К тому же непонятно, смогут ли они встать под нужным углом, чтобы туда попасть. Но попытаться стоило, и ребята живо заработали веслами.

Потом, хоть они и находились вне полосы движения, мальчики увидели небольшой моторный катер на подводных крыльях — он летел прямо на них. Он не уклонялся, не тормозил и был готов в них врезаться. Возможно, он был и достаточно высоко над водой, чтобы пролететь мимо, но крылья торчали книзу, будто косы, вполне способные разрезать их надвое — не только лодку, но и самих ребят.

— Эй! — закричали они, налегая на весла сильнее, чем когда-либо. Не помогало. Они не смогли бы спастись таким образом, казалось, даже катер поворачивает специально, чтобы их перехватить. Стефан встал, поднял весло вверх и закричал.

И в последний момент перед тем, как их ударить, судно резко свернуло вбок и село на воду с хорошим всплеском, окатив их с ног до головы, а заодно залив лодку.

Но даже при том, что в нее набралось воды, резиновые борта были такими крупными, что она не могла от этого утонуть, пусть и здорово осела, так что грести теперь было нельзя. Теперь, чтобы хоть куда-нибудь добраться, им следовало сначала все это вычерпать.

— Эй! — гневно крикнул Роберто. — Вы нас чуть не убили!

— Залили нам лодку, — добавил Стефан, указывая на залитое дно. Они оба стояли в лодке по колено в воде, промокшие и быстро замерзающие. — Помогите!

— Какого черта вы тут делаете? — резко спросил водитель катера. Похоже, он был зол от того, что испугался сам.

— У нас аккумулятор сел! — сказал Роберто. — Мы гребли. И не были даже на чертовой полосе. Это вы что тут делаете?!

Мужчина пожал плечами, увидел, что они не тонули, и сел обратно, будто решив двинуться дальше.

— Эй, возьмите нас на буксир! — яростно крик-

нул Роберто.

Мужчина сделал вид, будто не слышал его.

— А вы, кажется, живете в Мете у Мэдисон-сквер? — спросил вдруг Стефан.

Мужчина оглянулся, посмотрел на ребят. Очевидно, он собирался их здесь оставить, но теперь опасался, потому что они могли на него пожаловаться. Как будто они не могли просто запомнить номер лодки — ведь тот находился прямо над ними! А6492. Мужчина тяжело вздохнул и, пошарив у себя в кабине, сбросил ребятам конец веревки.

— Давайте привязывайтесь. Отвезу вас домой.

— Спасибо, мистер, — сказал Роберто. — После того как вы нас чуть не убили, будем считать, что мы квиты.

— Не заливай мне, парень. Вас-то точно здесь быть не должно. Уверен, ваши родители не в курсе, что вы тут шляетесь.

— Поэтому я и говорю, что мы квиты, — сказал Роберто. — Вы на нас натыкаетесь, мы отмораживаем себе задницы, вы нас буксируете, и мы не говорим копам, что вы превысили скорость в гавани, мистер А6492.

— Идет, — согласился мужчина. — Все честно.

Часть вторая Профессиональная сверхуверенность

А) Франклин

Эффективность, сущ.
Скорость и плавность, с которыми деньги перемещаются от бедных к богатым.

В целом передача рисков от банковского сектора к небанковским секторам, в том числе домашним хозяйствам, повысила жизнестойкость и стабильность финансовой системы – преимущественно за счет широкого распределения финансовых рисков, в том числе среди домашних хозяйств. В случае широкой неспособности домашних хозяйств управлять сложными инвестиционными рисками либо если домашние хозяйства понесут существенные убытки ввиду устойчивого спада рынка, может возникнуть политическая реакция в виде предоставления государственной поддержки в качестве «страховщика последней инстанции». Может также возникнуть потребность в перерегуляции финансовой индустрии. Таким образом, правовые и репутационные риски для отрасли финансовых услуг возрастут.

Международный валютный фонд, 2002

– Неразумный? Дальновидный? И то и другое?

Итак, я чуть не убил двоих малолеток, которые шлялись на резиновой моторной двойке по Ист-Ривер, к югу от Бэттери. Им было лет по восемь-десять, трудно сказать сколько, потому что они выглядели как заморыши, недокормленные во младенчестве, из тех племен, представителей которых считали пигмеями, пока не стали «пигмеев» нормально кормить с юных лет и потом оказалось, что они даже выше голландцев. Но этих ребят в тот эксперимент не включили. Они своими веслами едва доставали до воды, а отлив шел полным ходом, и их фактически уносило в море.

Так что им повезло, что я на них чуть не налетел, пусть это и было опасно; когда я лечу, у меня прямо впереди есть узкая слепая зона, но она тянется всего метров на пятьдесят, поэтому даже не знаю, как я их не заметил. Отвлекся, наверное, как это часто у меня бывает. В итоге ничего страшного не произошло или почти не произошло, только я отбуксировал их обратно в город, потому что они знали, где я живу. Они сами жили по соседству, к сожалению, но точный свой адрес скрывали, хотя и знали вроде бы управляющего моего здания. В общем, я их отбуксировал и отбился от критики более мелкого и смуглого

из них, сказав, что я спас их от смерти, а если они не заткнутся, я доложу об их путешествии их опекунам. Это утихомирило ребят, и мы вернулись в Мэдисон-сквер с неким пактом, который предусматривал, что ни одна из сторон не станет жаловаться на другую.

Но именно в ту пятницу мне нужно было прибыть на Причал 57 к Джоджо Берналь, поэтому я должен был подняться к себе и быстро принять душ, побриться, переодеться. Так что я привязал зуммер к пристани у Северного здания Мета и заплатил малолеткам, чтобы присмотрели за ним. Затем поспешил к лифту, добрался до квартиры, переоделся, постаравшись принять вид повседневный, но броский, после чего спустился вниз и выдвинулся на запад, обменявшись с мелким сопляком ритуальными проклятиями на прощание.

Джоджо стояла на краю и смотрела на Гудзон, вокруг толпились люди, которые пялились в свои браслеты. Ее волосы снова блестели в свете заката, а сама она — с царственной осанкой, расслаблена, стройна. У меня екнуло сердце, и я попытался подплыть к причалу как можно грациознее, но должен признаться, вода — слишком снисходительная среда, поэтому, если хочешь

показать хоть какой-нибудь стиль в управлении, требуется что-то более сложное, чем подход к причалу. Тем не менее я подплываю красиво, она мягко, насколько это возможно, ступает на борт, из-под короткой юбки показываются бедра, и я вижу ее квадрицепсы, похожие на обточенные речной водой камни, а еще впадинку между квадрицепсом и другими мышцами бедра, свидетельствующую о хорошей прокачанности ног.

— Привет, — поздоровалась она.

— Привет, — выдавил я. И добавил: — Добро пожаловать на зуммер.

Она рассмеялась.

— Это он так называется?

— Нет. Когда я его купил, он назывался «водяным клопом». А я называю зуммером. И много чем еще.

Я вывел нас на реку и направился к югу. Позднее солнце освещало ее лицо, и я увидел, что цвет ее глаз на самом деле состоял из смешения оттенков карего, цвета красного дерева, тика и темно-коричневого, почти черного; все они пестрели крапинками, расходились лучами и сходились вокруг зрачков.

— В детстве у нас дома жила кошка, которую мы так и называли кошкой, и это, кажется, во-

шло в привычку. Мне нравятся прозвища или типа того.

— Вот уж точно типа того. Так ты называешь его зуммером, а еще как?

— М-м, ну, гидролетом, водомеркой, клопом, жучком. В таком роде.

— Всякими уменьшительными.

— Да, так мне тоже нравится. Еще зуммер можно называть Зуминским. А Джоанну — Джоджо.

Она сморщила носик.

— Это моя сестра придумала. Она на тебя похожа, ей тоже такое нравится.

— А тебе самой больше Джоанна?

— Нет, я не парюсь. Друзья зовут меня Джоджо, но на работе называют Джоанна, это нормально. Это типа как признание профессионализма или вроде того.

— Понимаю.

— А ты как? Кто-нибудь сокращает Франклина до Фрэнка? Как по мне, было бы естественно.

— Нет.

— Нет? Почему?

— Думаю, потому что Фрэнков и так достаточно. И потому что моя мама была очень настойчива. Это на меня повлияло. И мне нравился Бен Франклин.

— Не потратил пенни — значит, заработал.

Я усмехнулся:

— Не самое цитируемое мной выражение Франклина. Да и не мой принцип работы.

— Нет? Рассчитываешь на плечи[27], их много, да?

— Да не больше, чем у других. Вообще, мне даже надо бы подыскать новые инвестиции, а то я немного застоялся, что ли. — Это прозвучало так, будто похвастался, и я добавил: — Хотя это, конечно, за минуту не решается.

— Значит, плечи есть.

— Они у всех есть, разве не так? Кредитов больше, чем активов?

— Если ты правильно все делаешь, — ответила она задумчиво.

— Значит, ты тоже приняла бы на себя риски? — предположил я, пытаясь понять, о чем она задумалась.

— Смотря на каких условиях, — ответила она и покачала головой, будто желая сменить тему.

— Полетаем немного? — спросил я. — Когда выйдем из трафика?

— Да, я хочу. Когда смотришь, как такие катера

---

[27] Примечания: 27

Заемные средства, используемые трейдерами при торговле на бирже.

поднимаются, кажется, это волшебство. А как оно работает?

Я объяснил, каким образом крылья поднимали Зуминского в воздух, если набрать определенную скорость. Это всегда было легко объяснить любому, кто когда-либо высовывал руку из движущегося транспорта, наклонял ее на ветру и ощущал, как тот овевает ее со всех сторон. Она кивнула, и я увидел, как закатные лучи освещают ее лицо. Я почувствовал себя счастливым — потому что она тоже выглядела счастливой. Мы плыли по реке, и она просто наслаждалась. Ей нравилось ощущать ветер на своем лице. Моя грудь наполнилась какой-то тревожной радостью, и я подумал про себя: мне нравится эта женщина. И еще она немного меня пугала.

— Что хочешь на ужин? — спросил я. — Можем заскочить в Дамбо[28], я знаю там местечко, где есть патио на крыше с видом на город, или могу пристать к буйку у острова Говернорс и пожарить стейки, все необходимое у меня с собой.

— Давай так и сделаем, — сказала она. — Ты же не против побыть кухаркой?

— Я с удовольствием, — ответил я.

---

[28] Примечания: 28
Прибрежный район на северо-западе Бруклина.

— Так что, полетим туда?

— О да.

* * *

И мы полетели. Одним глазом я смотрел вперед, чтобы убедиться, что ничто не проберется в слепую зону. Другим смотрел на нее, на то, как она наслаждается пейзажами и ощущением ветра на своем лице.

— А тебе нравится летать, — сказал я.

— А как это может не нравиться? Это же что-то сюрреалистичное, ведь обычно на воде я или хожу под парусом, или просто сижу на вапо, и это ничуть не похоже на то, что сейчас.

— Ты ходишь под парусом?

— Да, у нас есть группа, мы владеем поочередно небольшим катамараном на пристани «Скайлайн».

— Катамараны — это зуммеры с парусами. У некоторых есть крылья.

— Знаю. У нашего, правда, нет, но он классный. Мне очень нравится. Надо нам как-нибудь покататься.

— Я бы с удовольствием, — искренне ответил я. — Я мог бы стать твоим балластом с наветренной стороны, так же у вас делают?

— Да. Впередсмотрящим.

У берега Бэттери-парк я опустил «водомерку» на воду, и мы неспешно подошли к рифу острова Говернорс, где к буям уже была привязана небольшая флотилия лодок. Здания затопленной части острова были разобраны, чтоб они не вспарывали днища при отливе, и после этого устроили целую кучу устричников и рыбьих садков и установили крепления для небольшой гавани в открытой воде, где можно было оставаться на ночь или постоять вечером, как мы. Однажды я спас от гибели парня, который не мог выплатить третий транш по слабой межприливной закладной, и он отплатил мне правом останавливаться здесь у его буя. Такой вот межприливной обмен.

Мы прожужжали к нему, и Джоджо с гордым видом привязала к бую нос «водомерки». Та развернулась, и перед нами открылся вид на Бэттери-парк на Манхэттене, величественный в темной пинчоновской[29] поэзии сумерек на воде. Остальные лодки качались на привязи, все пустые, словно какой-то призрачный флот. Мне нравилось это место, я и раньше устраивал там свидания, но думал не об этом, когда на мяг-

[29] Примечания: 29

Томас Пинчон (р. 1937) — американский писатель, один из ведущих представителей постмодернизма.

кое сиденье кабины рядом со мной плюхнулась Джоджо.

— Итак, ужин, — произнес я и открыл низенькую дверь в каютку, очень уютную, но лишь едва позволяющую выровняться во весь рост. Там рядом с начиненным холодильником был стеллаж, откуда я достал бутылку зинфанделя. Откупорив ее, я передал ее Джоджо вместе с парой бокалов. Затем вынес барбекю и прикрепил его кронштейнами к кормовой банке. Выложил в нем маленькие брикеты угля, выстрелил пламенем из зажигалки, будто из длинноствольного ружья, — и в одно мгновение у нас появился огонек, отличный вид, классический запах. И все это предусмотрительно было вывешено над водой, дабы избежать типичного казуса, от которого сгорела дотла не одна прогулочная лодка.

— Как мило, — сказала она, и мое сердце забилось быстрее. Я разломал наполовину сгоревшие брикеты, равномерно распределив их по решетке, но так, чтобы один ее уголок остался прохладнее. Я смазал гриль маслом и установил его на место, а потом, пока он нагревался, нырнул в каюту. Там поставил картошку в микроволновку, достал из холодильника тарелку филе-миньон, вынес и выложил на гриль, где те приятно зашипели.

Тело Джоджо блестело в слабом свете. Пока я, готовя, мотался туда-сюда по кабине, она следила за мной с довольным выражением, которое мне не удавалось точно расшифровать. У меня это никогда не получается — может, не только у меня, а вообще у всех, — но довольное — это лучше, чем скучающее, и от этого знания у меня немного поехала крыша. И она, похоже, не имела ничего против этого.

Когда я разложил еду по тарелкам и мы сели есть, она спросила:

— Помнишь тот прокол на ЧТБ, о котором мы говорили в тот вечер? Видел его кто-то еще? Как думаешь, что могло его вызвать?

Я покачал головой и сглотнул ком в горле.

— Больше ничего такого. Думаю, это был какой-то тест.

— Но тест чего? Кто-то проверял, можно ли воткнуть в трубопровод краник с сиропом, и смотрел, как это повлияет?

— Может быть. Мои друзья-кванты[30] говорят, что такое случается сплошь и рядом. Для них это что-то вроде городской легенды. Врежься на десять секунд — и в кусты до конца жизни.

---

[30] Примечания: 30

Здесь: специалисты по количественному анализу.

— Думаешь, такое могло быть?

— Не знаю. Я же не квант.

— А я думала, ты из них.

— Нет. Ну, то есть я хотел бы им быть. Вообще, я их понимаю, когда они со мной разговаривают, но сам я больше трейдер.

— Иви и Аманда говорят другое. Они говорят, что ты только делаешь вид, что не квант, чтобы торговать, но на самом деле ты квант.

— Хотел бы я, чтоб так было, — ответил я честно. Зачем я был таким честным, сам не понимаю. Наверное, интуитивно подразумевал, что это могло показаться ей более забавным, чем если бы я притворился квантом. А я люблю быть забавным, когда могу.

— А скажем, ты бы мог, — продолжила она. — Стал бы это делать?

— Что, врезаться в линию? Нет.

— Потому что это было бы жульничеством?

— Потому что мне это не нужно. И да. Это ведь игра, верно? А раз ты жульничаешь, значит, игрок из тебя хреновый.

— Не такая уж и игра. Просто не без азарта.

— И все же мозги тут нужны. Чтобы придумывать сделки, с которыми получится перехитрить других мозговитых трейдеров. Так что игра. Если

бы такого не было, это было бы… ну, не знаю… анализ данных? Просто сидячая работа перед экраном?

— Это и есть сидячая работа перед экраном.

— Это игра. К тому же на экране ведь интересно, не находишь? Все эти разные жанры, и все одновременно движется… Лучший фильм всех времен, и каждый день в прямом эфире.

— Видишь, ты квант!

— Да это математика, это литература. Я как детектив.

Она кивнула, обдумывая мои слова.

— И что же ты тогда не расследовал тот прокол?

— Не знаю, — ответил я. До чего же честно! — Может, расследую еще.

— Думаю, тебе стоило бы им заняться.

Она пошевелилась на подушке рядом со мной.

Я это заметил и спросил немного растерянно:

— Десерт?

— А что у тебя есть? — спросила она.

— Да что угодно, — ответил я. — Но вообще в баре сейчас в основном стоят разные односолодовые.

— О, здорово, — сказала она. — Давай их все и попробуем.

* * *

Как выяснилось, она обладала пугающе обширными знаниями дорогого односолодового виски и, подобно всем разумным ценителям, пришла к заключению, что главное не выявить лучшее, а создать максимальное различие, от глотка к глотку. Ей, как она выразилось, нравилось баловаться.

И не только распитием спиртного. Я вышел из каюты, принеся по несколько бутылок в каждой руке, и немного неожиданно для самого себя сел рядом с ней. Она воскликнула:

— О боже, это «Брукладди Октомор 27»! — И, наклонившись ко мне, поцеловала в губы.

— Ты только что попробовала «Лафройг», — ответил я, стараясь перевести дыхание.

Она рассмеялась.

— Точно! Новая игра!

Я усомнился, такая ли она была новая, но поиграть был рад.

— Сильно много не пей, — посоветовала она в какой-то момент.

— Я как птичка-колибри, — пробормотал я, цитируя своего отца. Я попытался показать это, «клюнув» ее в ухо, и она, хмыкнув, потянулась ко

мне. Ее платье уже задралось до талии, и нижнее белье, как у большинства женщин, легко поддавалось стягиванию. От обильных поцелуев у меня перехватило дыхание.

— Ты входишь в длинную позицию, — промурлыкала она, оседлав меня и целуя еще и еще.

— Вхожу, — подтвердил я.

— И у меня начинается маленький кризис ликвидности, — продолжила она.

— Начинается.

— О-о. Как хорошо. Не сбрасывай эти активы. Давай, используй губы.

— Использую.

И так далее. В какой-то момент я поднял глаза и увидел, что ее тело сияет в свете звезд, а она смотрит на меня с тем же довольным выражением, что и раньше. Затем она все-таки положила голову на банку и, посмотрев на звезды, воскликнула:

— О! О!

И скользнула вниз ко мне… Мы повалились на пол, пытаясь заняться делом, я слышал это ее «о, о», самое сексуальное, что мне вообще доводилось слышать в жизни, и это возбуждало даже сильнее, чем приближение к оргазму, что говорило о многом.

В конце концов мы лежали, переплетясь телами на полу, и смотрели на звезды. Ночь была теплая — для осени, но нас остужал слабый ветерок. Несколько звезд, что нам светили, были особенно крупными и размытыми. И я подумал: вот черт, мне нравится эта баба. Я ее хочу. Это было страшно.

Б) Матт и Джефф

Нью-Йорк – это на самом деле глубокий город, а не высокий.

Ролан Барт

Где есть воля, там ее и нет.

Амброз Бирс

— Что случилось?

— Не знаю. Где мы?

— Не знаю. Разве мы не…

— Мы о чем-то говорили.

— Мы всегда о чем-то говорим.

— Да, но то было что-то важное.

— Даже не верится.

— Что это было?

— Не знаю, но мы вообще где?

— В какой-то комнате, да?

— Ага… погоди. Мы живем в капсуле, на садовом этаже старого МетЛайф Тауэр. Старый отель «Эдишен», хороший был отель. Помнишь? Правильно же, правильно?

— Правильно. — Джефф тяжело качает головой, а затем обхватывает ее руками. — Что-то у меня все как в тумане.

— У меня тоже. Думаешь, нас чем-то накачали?

— Похоже на то. Как после того случая в Тихуане, когда мне вырвали зуб.

Матт пристально смотрит на него.

— Или помнишь, как тогда после твоей колоноскопии. Ты не мог потом вспомнить, что произошло.

— Нет, не помню.

— Именно. Как тогда.

— Так у тебя то же самое? В смысле, сейчас?

— Да. Я забыл, о чем мы перед этим говорили. И еще как мы сюда попали. И вообще, что за хрень только что произошла.

— Ну и я. Что последнее помнишь? Давай выясним.

— Ну, хорошо… — Матт раздумывает. — Мы жили в капсуле на садовом этаже старого МетЛайф Тауэр. И там было очень свежо, если выйти к грядкам. И немного шумно, зато отличный вид. Верно?

— Верно, так и было. Мы там прожили пару месяцев, да? Прежнюю комнату потеряли, когда ее затопило, да?

— Да, в Питер-Купер-Виллидж, из-за сверхсильного прилива. Луна или что-то такое… Если строение стоит на мусоре, долго оно не продер-

жится. Так что…

Джефф кивает:

— Да, все так. Мы хотели держаться подальше от моего двоюродного брата и поэтому оказались в такой дыре. Потом поехали в Флэтайрон, где жил Джейми, а когда нас оттуда выпихнули, он рассказал нам, что можно устроиться в Мете. Он любит выручать друзей.

— И мы писали код для твоего брата, и это явно была ошибка, а потом туда-сюда… Шифрование и срезки, инь и ян. Жадные алгоритмы — наше все.

— Верно, но было что-то же! Я что-то нашел, и оно меня взволновало…

Матт кивает:

— Ты придумал, как исправить.

— Алгоритм?

Матт качает головой и смотрит на Джеффа:

— Всё.

— Всё?

— Точно, всё. Весь мир. Всемирную систему. Неужели не помнишь?

Джефф округлил глаза:

— Да-да! Шестнадцать правок! Я же готовил их годами! Как я мог забыть?

— Потому что мы в дерьме, вот почему. Нас

накачали.

Джефф кивает:

— Они нас взяли! Кто-то до нас добрался!

Матт смотрит с сомнением:

— Они что, прочитали твои мысли? Навели на нас какой-то луч? Что-то не думаю.

— Конечно, нет. Мы, наверное, попробовали что-то предпринять.

— Мы?

— Ладно, я, наверное, попробовал что-то предпринять. Наверное, этим их и навел.

— А это похоже на правду. Думаю, это могло реально случиться. Наша карьера была долгой, но пестрой, насколько я помню. Слишком хорошо складывалась.

— Да, да, но здесь было кое-что покрупнее.

— Уж наверняка.

Джефф поднимается, берется за голову обеими руками. Осматривается вокруг. Подходит к стене, проводит пальцами по герметичному уплотнению в форме двери. Нет ни ручки, ни замочной скважины, только узкий прямоугольник примерно на уровне талии для Джеффа и по колену Матту.

— Ага, а это водонепроницаемая прокладка. Понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Так что это значит? Что мы под водой?

— Да. Возможно. — Джефф прикладывает ухо к стене. — Слушай, можно различить, как там булькает.

— Уверен, что это не кровь у тебя в ухе?

— Не знаю. Проверь сам, что ты думаешь.

Матт поднимается, тяжело вздыхает, осматривается. Комната длинная, прямоугольная. Внутри две односпальные кровати, стол и лампа, хотя освещение вроде бы исходит от белого потолка, футах в восьми над ними. В углу есть небольшая треугольная ванна, такая, какие бывают обычно в дешевых гостиницах. Унитаз, раковина и душ — все там, вода холодная и горячая. Унитаз с вакуумным смывом. На потолке два маленьких вентилятора, оба закрыты тяжелой сеткой. Матт выходит из ванной, проходит по всему периметру комнаты, измеряя ее шагами. Считая при этом, он тихонько шевелит губами.

— Двадцать футов, — подытоживает он. — И футов восемь в высоту, да? И столько же в ширину. — Он смотрит на Джеффа. — Как контейнер. Ну, знаешь, контейнерное судно. Двадцать футов в длину, восемь в ширину и восемь с половиной в высоту. — Он прикладывает ухо к стене напро-

тив Джеффа. — Ну да. Слышу какой-то шум с той стороны.

— Я же говорил. Водяной такой, да? Словно туалетный смыв шумит или кто-то душ принимает.

— Или речка бежит.

— Что?

— Прислушайся. Как река? Да?

— Не знаю. Не знаю, как шумит река. Не знаю, как шумит, когда ты сам в ней.

Мужчины переглядываются.

— Значит, мы…

— Не знаю.

— И что это, черт возьми, значит?

— Не знаю.

B) Тот же гражданин

Корпорация, сущ. Хитрое устройство для получения индивидуальной прибыли без несения индивидуальной ответственности.

Деньги, сущ. Благо, не приносящее никакой пользы, за исключением случаев, когда мы от них избавляемся.

Амброз Бирс, «Словарь Сатаны»

Приватизация государственности. Последняя более не сосредоточена целиком у государства, а распределена между группой негосударственных институтов (независимые центральные банки, рынки, рейтинговые агентства, пенсионные фонды, наднациональные институты и т. п.), и государственные администрации в их числе пусть и играют немалую роль, но являются лишь одними среди множества.

Предположил Маурицио Лаццарато

Компания по страхованию жизни «Метрополитен», «МетЛайф», в 1890-х выкупила землю на

юго-восточном углу площади, уже называвшейся Мэдисон-сквер, и построила там свой главный офис. На рубеже столетий был привлечен архитектор Наполеон Лебрен, которому поручили добавить к этому новому зданию башню, и он решил взять за основу ее дизайна вид кампанилы на площади Сан-Марко в Венеции. Башня была завершена в 1909 году и на тот момент являлась самым высоким строением на Земле, затмив собой Флэтайрон-билдинг на юго-западном углу Мэдисон-сквер. Потом небоскреб Вулворт-билдинг, постройка которого завершилась в 1913-м, забрал корону себе, и после этого здание МетЛайф Тауэр было известно в основном благодаря своим большим четырем часам, которые показывали время на четыре стороны. Сами циферблаты были настолько крупными, что минутные стрелки весили по полтонны.

В 1920-х компания «МетЛайф» выкупила церковь с северной стороны башни, снесла ее и стала строить себе Северное здание. Оно должно было стать небоскребом в сто этажей — выше, чем Эмпайр-стейт-билдинг, который проектировался в то же время, — но, когда «МетЛайф» поразила Великая депрессия, планы решили свернуть, ограничив Северное здание тридцатью этажами.

И сейчас видно, что его основание явно предназначалось для чего-то большего: оно похоже на гигантский пьедестал, на который так и не поставили статую. А внутри Северного здания — тридцать два лифта, и все готовы поднять людей на те семьдесят недостающих этажей. Может, когда-нибудь люди преодолеют свою истерию по поводу наводнений и, присоединив сверху шпиль из графеновых композитов, добавят еще этажей триста или еще что-нибудь. Да, эту возможность упускают двести лет кряду, но что этот срок значит для нью-йоркской недвижимости? Может, в 2230 году какой-нибудь пройдоха выйдет уже с трехвековым предложением достроить этот сверхнебоскреб. Как бы то ни было, сейчас в окрестностях Мэдисон-сквер доминирует исполинская копия венецианской кампанилы. И благодаря этому прекрасному обстоятельству от бачино, что заполняет теперь площадь, веет некой итальянской атмосферой, отчего это место становится одной из лучших иллюстраций «новой Венеции».

С Мэдисон-сквер постоянно что-то происходило. Когда-то там появилось болото, образовавшееся из пресноводного источника, который много лет служил артезианским фонтаном. Распола-

гался он прямо перед Метом, и люди пили из жестяных чаш фонтана. Вода выталкивалась из него рывками, напоминая этим семяизвержение, но это, наверное, было лишь одним из многих признаков неуемной пошлости мышления викторианской Америки.

Когда болото заполнили землей с усеченных соседних холмов, на его месте сделали плац Сухопутных войск США, а также перекресток почтовой дороги из Бостона и Бродвея. Плац становился все меньше и меньше, а когда была намечена знаменитая сеть тянущихся с запада на восток и с севера на юг авеню, плац ограничили до пределов прямоугольника, остающегося там и поныне: примерно шесть акров между 23-й и 26-й улицами, а также Мэдисон и Пятой авеню, плюс Бродвей примыкал под углом.

Первое время на северной стороне площади располагался большой исправительный дом, где в заключении держали несовершеннолетних преступников. Позднее на ее территории открылся ипподром Франкони, который устраивал различные зрелища, включая собачьи бега и боксерские бои.

На западной стороне площади одна швейцарская семья открыла популярный ресторан

«Дельмоникос», а затем на том месте расположился отель «Пятая авеню». Стэнфорд Уайт возвел на севере площади первый Мэдисон-сквер-гарден, и народ повалил кататься на гондолах по искусственным каналам. Причем это было до того, как появилась кампанила Мет, так что Лебрен, может быть, перенял венецианский мотив у Уайта, построившего к тому времени свою башню на вершине комплекса Гарденс, — и потом площадь семнадцать лет славилась обеими башнями. Самого Уайта застрелил ревнивый муж женщины, с которой он иногда виделся, и случилось это прямо в Гарденс, во время вечернего шоу. Когда постройку снесли и возвели новый Мэдисон-сквер-гарден в районе 32-й улицы и 7-й авеню, стальной каркас старого здания сохранили, и сейчас он находится где-то на Лонг-Айленде. Возможно.

Какое-то время на площади стояло полно статуй почтенных американцев, а статуя одного генерала стояла на его могиле. В честь военных успехов Америки в той или иной войне над Парк-авеню часто возводились арки. Первого мая 1919 года полиция задержала на площади толпу левых демонстрантов, но эту победу над силами тьмы аркой не отметили. Как и подавление бунта,

который поднялся в 1864 году, после объявления Линкольном военного призыва. Арки, вероятно, берегли для побед за границей.

Но лучшим из памятников, пожалуй, была рука статуи Свободы с факелом, которая простояла на Мэдисон-сквер восемь лет. В два-три раза превышающая окружающие деревья, она придавала северной оконечности площади по-настоящему сюрреалистичную нотку. Фотографии этого настолько поразительны, что, не превратись площадь сейчас в бачино пятнадцати футов глубиной, заставленный садками аквакультур, стоило бы выступить за то, чтобы старушке отпилили руку с факелом и вернули на площадь. Не то чтобы она больше не нуждалась в факеле, но этот радушный маяк для иммигрантов уже много лет как погас. Может, и случится когда-нибудь возврат к этому плану, ведь каким же приятным украшением для озелененной площади был этот факел тогда, когда на него можно было взбираться и осматриваться вокруг. Причем в те годы он был из блестящей меди!

В квартале отсюда родился Тедди Рузвельт, который в детстве ходил на уроки танцев на Мэдисон-сквер (и задирал там девчонок, конечно), а потом проводил свою президентскую кампанию

1912 года прямо из Мета: вперед, прогрессивисты! А если прогрессивисты, занимающие здание сейчас, таки изменят мир, будет ли в этом заслуга старого буяна? Определенно да. Хотя те выборы он проиграл.

У Мэдисон-сквер родилась Эдит Уортон[31] и позже там жила. Герман Мелвилл жил кварталом восточнее и каждый будний день прогуливался по Мэдисон-сквер, шагая на работу, в том числе на протяжении всех восьми лет, что там находился факел статуи Свободы. Останавливался ли он иногда, чтобы оценить его диковинность, или, может даже, воспринимал его как знак собственной странной судьбы? Вы знаете, да. Однажды он привел на Мэдисон-сквер свою четырехлетнюю внучку, чтобы та поиграла в парке, сел на скамью и так пристально всмотрелся в тот факел, что забыл о девочке, бегавшей где-то по тюльпановым клумбам, и вернулся домой без нее. Она нашла обратную дорогу сама, ровно в тот момент, когда горничная уже отправляла Мелвилла назад за внучкой. Да, наш старик любил повитать в облаках.

Мэдисон-сквер — первое место в Америке, где

---

[31] Примечания: 31

Эдит Уортон (1862–1937) — американская писательница, обладательница Пулитцеровской премии за роман «Эпоха невинности».

была открыто выставлена обнаженная статуя — Диана. Ее установили на верхушке башни Стэнфорда Уайта, то есть двумястами пятьюдесятью футами выше любопытных глаз ценителей, но все же. И люди приносили телескопы. Наверное, отсюда и пошла веселая нью-йоркская традиция подглядывать за голыми соседями. Сейчас статуя находится в одном из музеев Филадельфии. В те же годы в баре отеля «Парк-авеню» висело одно из наиболее вопиющих изображений обнаженных тел, созданных в Прекрасную эпоху[32], — группа горяченьких нимф, собирающихся воспользоваться встревоженным на вид сатиром; сейчас эта картина[33] находится в музее в Уильямстауне, Массачусетс. Да, в отношении секса Мэдисон-сквер в те годы явно занимала передовое место!

Также на Мэдисон-сквер впервые всем на радость поставили рождественскую елку и зажгли на ней огоньки. В годы Второй мировой войны елки не украшали горящими лампочками, и

---

[32] Примечания: 32

Период европейской истории, датируемый приблизительно 1871–1914 гг.

[33] Примечания: 33

Речь идет о картине французского художника Адольфа Бугро «Нимфы и Сатир», написанной в 1873 г.

площадь, как отмечалось, будто бы вернулась обратно, в состояние первобытного леса. В Нью-Йорке это не так уж сложно.

Эта площадь стала первым местом, где повесили электрический рекламный знак — он размещался на носовой стороне Флэтайрона и рекламировал сначала океанский курорт, а позднее газету «Нью-Йорк таймс», хвастая тем, что в ней всегда пишут обо всех новостях, что годятся для печати.

Флэтайрон-билдинг — первый в городе небоскреб «флэтайронской» формы и на протяжении года-двух самое высокое здание в мире. Также он создавал самое ветреное место в городе, на северной своей стороне, и там любили собираться мужчины, чтобы… да, смотреть, как дамские платья задираются, словно у Мэрилин Монро над решеткой метро. Двоих копов даже поставили патрулировать этот похотливый перекресток и разгонять таких мужчин. То еще творение, этот Флэтайрон: прекрасная форма, достойная фотографий Алфреда Стиглица[34], почти столь

[34] Примечания: 34

Алфред Стиглиц (1864–1946) — американский фотограф, теоретик фотоискусства.

же прекрасная, как Джорджия О'Кифф[35]. На северной стороне площади Стиглиц и О'Кифф держали свою студию.

Даже бейсбол изобрели именно в общественном парке Мэдисон-сквер! Так что да, священная земля. Поэтому давай отсюда, Вифлеем!

Первая выставка французских экспрессионистов в Америке? Конечно. Первые газовые уличные фонари? А то. Первые электрические уличные фонари? Аналогично. Причем последние сначала представляли собой «солнечные башни», каждая яркостью в 6000 свечей и различимая даже в шестнадцати милях в горах Орандж. Чтобы стоять под ними и не ослепнуть, нужно было надевать солнечные очки, а еще кто-то жаловался, что в их свете человеческая кожа выглядит совсем мертвой. В итоге пришлось пригласить самого Эдисона, чтобы разобрался, как их притушить.

Первый бачино с садками аквакультур? Конечно, прямо здесь, первый был установлен в 2121 году. И первый многоэтажный лодочный эллинг построен в старом здании Мета, когда его сделали жилым после Первого толчка. Идея

---

[35] Примечания: 35
Джорджия О'Кифф (1887–1986) — американская художница.

возымела успех и была перенята по всей затопленной зоне.

Сейчас очевидно, что Мэдисон-сквер — самая удивительная площадь в самом удивительном городе, верно? Некий волшебный Пуп Земли, место, где пересекаются и откуда исходят все лей-линии мировой культуры, место силы всех мест силы! Но нет. Ничуть. На самом деле это вполне себе типичная нью-йоркская площадь, заурядная во всех отношениях. Причем другие площади даже гораздо более знамениты и могут набрать столь же внушительный список своих «первенств», известных выдающихся жителей и любопытных происшествий. Юнион-сквер, Вашингтон-сквер, Томпкинс-сквер, Бэттери-парк — да они все разрываются от обилия замечательных, но забытых исторических мелочей. Помимо того факта, что здесь зародился бейсбол — а это священное событие сопоставимо разве что с Большим Взрывом, — исключительность Мэдисон-сквер объясняется лишь тем, что Нью-Йорк таков везде. Ткните пальцем в туристическую карту, и окажется, что в этом месте происходило что-нибудь удивительное. Призраки вылезут сквозь канализационные люки, будто пар в холодное утро, и станут рассказывать вам байки с

тем же маниакальным усердием старых моряков, что и любой ньюйоркец, который заговорит об истории. Не заводите их! Потому что любой ньюйоркец, интересующийся историей Нью-Йорка, — по определению безумец, плывущий против течения, вплавь или на веслах, но, вопреки своим горожанам, каждому из которых плевать на все, что касается прошлого. Ну и что? История — это чушь, как съязвил знаменитый болван-антисемит Генри Форд, и хотя многие ньюйоркцы, знай они историю, плюнули бы на его могилу, но они тоже историю не знают. В знании истории они не отличаются от самого болвана. Следите за мячом, что летит из будущего. Не забывайте о том обмане, что есть, и о том, что будет, не то вам крышка, мой друг, и ваш обед достанется городу.

Г) Инспектор Джен

В ситуации, когда человек живет своей жизнью среди незнакомых ему людей, нет ничего удивительного.

Лин Лофланд

– Да ладно?

Обычно Джен Октавиасдоттир встает на рассвете. Окна ее квартиры на двадцатом этаже выходили на восточную сторону, и она часто просыпалась от ослепительной вспышки света над Бруклином. Это всегда выглядело так, будто там происходило нечто знаменательное.

И в этом смысле каждый день приносил некоторое разочарование. Не такими уж они выходили и знаменательными. Но этим утром, как и в большинстве случаев, ей не терпелось предпринять новую попытку. «Держи строй!» — как призывала ее надпись на открытке в честь дня рождения, прикрепленной к зеркалу у нее в ванной рядом с другими сообщениями и картинками, оставленными ее родителями: «Carpe Diem/Carpe

Noctum»[36]. «Биг-Блю[37]». Рисунок тигра с тигрицей. Еще одни Микки и Минни-Маус. Фотография статуи фараона и его то ли сестры, то ли жены, которых отец Джен считал похожими на него с матерью. Это почти так и было.

Джен все собиралась убрать эти вещи, и они уже покрылись пылью, но никак не могла выкроить для этого время. У ее родителей был прекрасный брак, но у самой Джен одна юношеская попытка выйти замуж потерпела неудачу, и после этого она решила посвятить себя службе в полиции. После смерти отца она стала заботиться о матери, пока и та не умерла. Теперь она жила здесь, и дни тянулись за днями. А когда-то она и подумать бы не могла, что все так сложится.

В столовой завтрак с Шарлотт Армстронг. Даже забавно, как можно годами жить в одном здании и никогда не видеть друг друга. Это, конечно, особенность Нью-Йорка. Поговоришь с одним, потом с другим и узнаешь, есть ли о чем с ними поговорить. Вот что Джен нравилось в ее работе. Столько историй. Пусть даже большинство из них описывали преступления, всегда можно

---

[36] Примечания: 36
Лови день/Лови ночь (*лат.*).

[37] Примечания: 37
Прозвище клуба по американскому футболу «Нью-Йорк Джайентс».

было сделать так, чтобы кому-нибудь стало лучше. Для тех, кто эти преступления пережил. В любом случае это вызывало интерес. Загадки за загадками…

Она спустилась в столовую одновременно с Шарлотт — обе точно в назначенное время. Обсудили это, пока стояли в очереди за яичницей с хлебом, потом взяли кофе и уселись за стол. Шарлотт пила кофе с молоком. Люди становились похожими на свои привычки.

— Так что ваш помощник выяснил по поводу пропавших ребят? — спросила Шарлотт, когда они сели. Пустая болтовня была не в ее стиле.

Джен кивнула и достала планшет.

— Он мне кое-что прислал. Это интересно, пожалуй, — сказала она и открыла сообщение от Олмстида. — Как ты говорила, они работают в сфере финансов. Возможно, они те, кого в той среде называют квантами, потому что они писали коды и проектировали системы.

— Они были математиками?

— Как мне объяснили, финансы требуют очень глубоких познаний в математике. Один парень мне сказал, что, если создашь просто пустой индикатор данных, это уже всех впечатлит. То есть это, наверное, больше, чем продвинутое програм-

мирование. Ральф Маттшопф получил степень магистра компьютерных наук. Джеффри Розен имел степень по философии и работал в аппарате комитета Сената по финансам лет пятнадцать назад. То есть они не были обычными квантами.

— А может, и были, если это все чистая математика.

— Верно. Как бы то ни было, мой сержант обнаружил кое-что насчет Розена. Когда он работал в Сенате, он взял самоотвод во время расследования какой-то системной инсайдерской торговли. И штука в том, что его двоюродный брат руководил одной из фирм с Уолл-стрит, которая была замешана в этом деле.

— Какой фирмой?

— «Адирондак».

— Да ладно! Серьезно?

— Да, а что тебя так удивляет?

— Это Ларри Джекман его двоюродный брат?

— Нет, Генри Винсон. Он сейчас руководит собственным фондом, «Олбан Олбани». Но в то время был гендиректором «Адирондака». А почему ты спросила про Ларри Джекмана?

Шарлотт закатила глаза и качнула головой, показав тем самым, что спросила она не случайно.

— Потому что Ларри Джекман был финансо-

вым директором в «Адирондаке». А еще он мой бывший.

— Бывший муж?

— Да. — Шарлотт пожала плечами: — Давно это было. Мы тогда собирались поступать в Нью-Йоркский университет. И поженились, чтобы это помогло нам остаться вместе.

— Отличная идея, — заметила Джен и испытала облегчение, увидев, что Шарлотт рассмеялась.

— Ага, — признала Шарлотт, — отличная — не то слово. В общем, брак продержался пару лет, а потом мы расстались, и я долго его не видела. Потом мы пару раз пересекались и сейчас порой контактируем, иногда выбираемся выпить вместе кофе.

— Он сейчас где-то в правительстве, если я правильно помню?

— Председатель Федерального резерва.

— Ого, — удивилась Джен.

Шарлотт пожала плечами:

— В общем, он мало распространяется о своей родне, поэтому я просто подумала, что этот Джефф Розен мог оказаться одним из его двоюродных братьев.

— У многих людей есть много двоюродных братьев.

— Ага. И у Ларри много дядюшек и тетушек по обеим линиям. Но ладно, давай дальше. Что там этот Винсон? Почему ты решила, что его связь с Джеффри Розеном так интересна?

— Это только начало, — ответила Джен. — Ребята пропали, не оставив следов — ни физических, ни электронных. Они не пользовались карточками, не выходили в облако, что не так-то просто на протяжении такого долгого времени. Конечно, это может означать дурное. И еще оставляет нас без информации. Когда такое случается, мы проверяем все что можно. Эта связь — не то чтобы что-то серьезное, но расследование Сената касалось «Адирондака», а Розен ушел по собственному.

— И теперь Джекман руководит Федрезервом, — добавила Шарлотт, немного помрачнев. — Я вспоминаю, как он уходил из «Адирондака». Совет директоров избрал Винсона гендиректором вместо него, и довольно скоро он ушел и начал что-то свое. Он никогда мне много об этом не рассказывал, но у меня сложилось впечатление, что это было для него болезненно.

— Может, и так. Мой сержант говорит, что «Адирондак», похоже, накрылся. Потом, относительно недавно, Розен и Маттшопф делали какой-то

заказ для хедж-фонда Винсона, «Олбан Олбани», и достаточно крупный, чтобы заполнить декларации за прошлый год. Вот тебе еще одна связь.

— Но она та же самая.

— Зато проявляется дважды. Я не утверждаю, что это что-то значит, но дает нам хоть что-то. У Винсона куча коллег и знакомых, и у Маттшопфа с Розеном тоже. А сам «Адирондак» — одна из крупнейших в мире инвестиционных компаний. Вот у нас и появляется больше нитей. Посмотрим, куда они приведут.

— Ну да.

Затем Джен пристально посмотрела на Шарлотт и сказала:

— Пожалуйста, не рассказывай об этом Ларри Джекману.

Поймет ли она, что эта просьба означает? Она означает, что в этом следствии могут оказаться линии, которые приведут к самой Шарлотт!

Шарлотт поняла. Сделала свои выводы, но виду не подала.

— Не буду, разумеется, — заверила она. — Ну, мы же очень редко видимся, я уже говорила.

— Хорошо. Значит, это будет нетрудно.

— Да, именно.

— Тогда расскажи мне, как эти ребята появи-

лись здесь?

— У них был друг из Флэтайрон-билдинг, и они жили в палатке в садах на крыше, через сквер от нас, и когда правление Флэтайрона приказало им уйти, они попросились к нам.

— Так они обращались в правление?

— Они спросили Владе, а Владе спросил меня, и я с ними встретилась и решила, что они нормальные, поэтому попросила правление позволить им остаться временно. Я думала, они могли бы нам помочь сделать анализ резервного фонда здания, там у нас дела не так хороши.

— Я этого не знала.

— Это отмечали в протоколах.

Джен пожала плечами:

— Я обычно их не читаю.

— Как и большинство.

Джен задумалась.

— И часто ты так влияешь на правление?

Теперь Шарлотт определенно поняла, что ее спрашивают целенаправленно. И, кивнув, будто мирясь с этим, ответила:

— Периодически, если вижу ситуацию, где я могу этим помочь людям и нашему зданию. Правлению это, думаю, не нравится, поскольку здание переполнено. Поэтому им хватает и обычного

списка ожидающих очереди. А еще у них бывают свои особые случаи.

— Но места все же появляются.

— Конечно. Съезжать почти никто не съезжает, но многие прожили здесь уже долго и иногда умирают.

— В этом смысле люди довольно стабильны.

— Ага.

— По этой причине и я живу здесь, вообще-то. Я переехала сюда присматривать за мамой, когда умер папа, а когда и она умерла, ее членство в кооперативе перешло мне.

— А-а… когда это было?

— Три года назад.

— Поэтому, наверное, и получилось, что ты состоишь в кооперативе, но не следишь за делами здания.

Джен пожала плечами:

— Ты же вроде говорила, что чуть ли не все так делают.

— Ну, резервные финансы — тема и вправду не для всех. Но это же кооператив. И на самом деле многие так или иначе в чем-то участвуют.

— И мне, наверное, стоило бы, — признала Джен.

Шарлотт кивнула и тут же вспомнила:

— Очень скоро все узнают о том, что стало известно на последнем заседании. Нам предложили выкупить здание.

— Кто-то хочет купить его целиком?

— Именно.

— Кто?

— Мы не знаем. Они вышли на нас через брокера.

Джен имела склонность видеть закономерности. Несомненно, это было следствием ее работы, она это понимала, но ничего поделать не могла. Вот и сейчас: в здании пропадает кто-то, у кого есть влиятельные родственники и коллеги, и здание тут же предлагают выкупить. Джен не может не задуматься о том, есть ли здесь связь.

— Мы ведь можем отказаться от предложения, верно?

— Конечно, но, вероятнее всего, вопрос придется вынести на голосование. Узнать мнение членов, а то и позволить им самим решить. Предлагают примерно вдвое больше стоимости здания, так что для многих это будет соблазн. Это почти как враждебное поглощение.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — сказала Джен. — Я бы не хотела съезжать, и наверняка многие жильцы тоже. Потому что куда нам по-

даться?

Шарлотт пожала плечами:

— Некоторые думают, что все можно решить с помощью денег.

— Откуда ты знаешь, что предложение в два раза больше стоимости здания? — спросила Джен. — Как вообще в последнее время можно утверждать что-либо о стоимости?

— По сравнению с похожими сделками, — пояснила Шарлотт.

— А такие сделки вообще бывают?

— И немало. Я общаюсь с людьми из советов других зданий, а ОВНМ проводит ежемесячные заседания, и там многие сообщают о поступивших предложениях, иногда и о продажах. И мне страшно не нравится то, что из этого следует.

— А что из этого следует?

— Ну, как мне кажется, то, что уровень моря сейчас стабилизировался и люди пережили критические годы, а это стоило больших усилий. Вспомни «мокрые вложения».

— Величайшее из поколений, — процитировала Джен.

— Людям нравится так думать.

— Особенно людям того поколения.

— Именно. Возвращенцам, водяным крысам,

кому хочешь.

— Нашим родителям.

— Точно. Они правда многое сделали. Не знаю, как было у тебя, но истории, которые мне рассказывала мама… да и папа рассказывал…

Джен кивнула:

— Я коп в четвертом поколении, и следить за порядком во время потопа было тяжело. Им приходилось держать строй.

— Не сомневаюсь. Но сейчас, знаешь, Нижний Манхэттен стал привлекательным местом. Вот люди и заговорили о возможностях для инвестиций и реновации. Нью-Йорк — по-прежнему Нью-Йорк. А северная часть острова — это чудовище. Миллионеры отовсюду с удовольствием вкладывают туда деньги. А если вложишься, то можешь иногда заезжать и устраивать ночные гулянки.

— Это всегда так было.

— Понятно, но мне такое не по душе. Я это ненавижу.

Не сводя глаз с Шарлотт, Джен кивнула. Она искала каких-либо признаков скрытности — ведь Шарлотт была связана с пропавшими, а значит, нужно быть начеку. К тому же это была женщина с твердым мнением. Джен начинала понимать,

почему ее собственный брак, заключенный в юности, распался: заходят как-то в бар финансист и соцработник…

Однако никаких намеков на то, что Шарлотт могла что-то скрывать, Джен не заметила. Напротив, та казалась очень открытой и искренней. С другой стороны, открытость в одном может служить для утаивания чего-то другого. Поэтому быть уверенной Джен не могла.

— Значит, ты хотела бы отказаться от этой сделки?

— Еще бы. Как я сказала, мне не нравится то, что из этого следует. И мне здесь нравится. Не хочу переезжать.

— Думаю, так посчитает большинство, — постаралась ее успокоить Джен. А потом резко переключилась, такая у нее была привычка: спросить что-то неожиданное и посмотреть, вызовет ли это испуг. — А что наш управляющий? Он может быть в этом замешан?

— В пропаже? — Шарлотт явно удивилась. — С чего бы ему быть замешанным?

— Не знаю. Но у него же есть доступ к системам безопасности, а камеры вышли из строя как раз в тот момент. Сомневаюсь, что это просто совпадение. Так что вот. И еще, если этим враждебным

поглотителям нужна помощь изнутри, они могли сделать некоторым людям еще лучшее предложение на случай, если сделка состоится.

Шарлотт качала головой почти все время, что говорила Джен.

— Владе с этим зданием — одно целое. Не думаю, что он хорошо отнесся бы к тем, кто попытался бы втянуть его в мошенничество.

— Ну допустим. Но деньги иногда заставляют людей думать, будто они делают благо, хотя на самом деле это не так. Понимаешь, о чем я?

— Понимаю. Но сдается мне, он расценил бы подобное не иначе как попытку его подкупить, а в таком случае этим дельцам очень повезло бы, если б они успели убраться восвояси, не будучи выброшенными в канал. Нет, Владе любит это место, я знаю.

— А он давно здесь?

— Да. Появился лет пятнадцать назад, после каких-то неприятностей.

— Проблемы с законом?

— Нет. Он был женат, но у них ребенок погиб от несчастного случая, и потом брак распался. Примерно в это время мы его и наняли.

— Ты уже тогда была в совете?

— Да, — ответила Шарлотт со вздохом. — Уже

тогда.

— Значит, ты считаешь, он не может иметь к этому отношения.

— Именно.

Они уже закончили с едой, выпили кофе, и кофейники, они знали, теперь тоже были пусты. Кофе в Мете никогда не хватало. А Джен видела, что ей не раз удалось вызвать у Шарлотт раздражение. Она делала это преднамеренно, но нужно и меру знать. По крайней мере, пока хватит экспериментов.

— Знаешь, что я тебе скажу, — она повысила голос, — я буду продолжать их искать. А что касается здания, то начну ходить на членские собрания и поговорю с теми, кого здесь знаю, о том, как нам сохранить то, что у нас есть.

Это услышали некоторые из сидящих рядом, но Джен надеялась, что ее слова лишь помогут снять напряжение.

— Спасибо, — ответила Шарлотт. — Собрания непременно будут.

Д) Владе

Самая большая загруженность наблюдалась в Нью-Йорке в 1904 году. Или в 2104-м.
Город расположен на 40 градусах северной широты, как Мадрид, Анкара и Пекин.
Как в Нью-Йорке зарабатывали все большие состояния? Астор, Вандербильт, Фиш… Конечно, на недвижимости.

Это отметил Джон Дос Пассос

Я прибываю по каналу. Я ничего не знаю. Благо о том, что нужно, можно спросить.

Уильям Бронк, потомок Бронков из Бронкса

— Требуется помощь, — сообщил Мет женским голосом из настенного монитора Владе.

Управляющий сел на кровати и потянулся сначала к выключателю, потом к одежде.

— В чем дело? — спросил Владе. — Выкладывай.

— В нижнем подвале вода.

— Черт! — Он вскочил и набросил свою кархартовскую куртку. — Как давно, как быстро и где?

— Я сообщила при первом обнаружении влаги. Скорость притока не определена. Комната Б-201.

— Ладно, сообщи скорость притока, когда вычислишь.

— Будет сделано.

Владе стал спускаться в подвал — и пока он шел, свет сам зажигался у него на пути. Подвал находился не просто ниже уровня воды, но и ниже дна. Когда строилось здание, в начале XX века, его основание было врезано в коренную породу. В 1999 году все части здания, кроме башни, были восстановлены, а фундамент был заложен еще глубже. О гидроизоляции тогда никто не обеспокоился, а в коренной породе, как и во всех породах, образовывались трещины. Когда остров был частью суши, это не имело значения, но не теперь: вода из каналов медленно, но неумолимо просачивалась по этим трещинам. Поэтому загерметизировать бетонную облицовку стен подвала было труднее, чем на верхних этажах — ведь до тех можно было добраться, нырнув или установив кессон. Доступ решал все, и при его отсутствии загерметизировать подвал можно было только с внутренней стороны стен. Это было

неприемлемо, так как оставляло незащищенными бетонные стены и пол подвала, из-за чего те подвергались обычным бедам: коррозии, расплыву, разрыхлению, разложению. Но поделать с этим было нечего.

Из-за этой неразрешимой проблемы Владе держал подвал пустым, так, чтобы пол и стены ничто не загораживало. Кто-то из совета жаловался на то, что площадь не используется, но управляющий был непреклонен. Он должен был иметь возможность видеть все, что там происходит. Это была одна из самых опасных уязвимостей во всем здании.

И когда он прибежал в комнату Б-201, то почти сразу все понял. Широкое и яркое пространство, отовсюду кажущееся сырым из-за света, отражающегося от так называемого алмазного покрытия, бывшего здесь на всех поверхностях. На самом деле это был графеновый композит, но такой прозрачный и блестящий, что Владе, как и все остальные, называл его алмазным. Материал был не таким твердым, как алмаз, зато более упругим и наносился как спрей. Вообще новые композиты просто удивительны с точки зрения силы, упругости, массы и всего того, чего можно желать от строительных материалов. Они сдела-

ли подводную жизнь реальностью.

Пол немного бугристый, чтобы удобнее ходить; стены, более гладкие и шлифованные, напоминали матовый алюминий и снижали яркость отраженного света. Поэтому поверхности не ослепляли, а просто блестели — так, будто все отсырело и искрилось росой. Для Владе этого оказалось достаточно, чтобы впасть в беспокойство, пусть такое здесь можно было наблюдать всегда.

Требовалось найти место протечки. Здание действительно сообщило о первом признаке сырости — он сумел обнаружить ее только с помощью своего датчика влажности. Мокрое пятно нашлось в дальнем углу, где сходились северная и восточная стены и пол. Это было странно, потому что в таких местах слой покрытия был толще обычного. Тем не менее датчик сработал именно там. Он сел на прохладный бугристый пол, провел по нему рукой. Точно, сырой. Понюхал — ничего не ощутил. Снял с пояса фонарик, направил его на угол. Пришлось поводить головой, чтобы наилучшим образом сфокусировать свои немолодые глаза, и все-таки увидел: трещина. Микротрещина.

Но это не противоречило логике. Он достал из кармана линзу, наклонился и, выставив фонарик

под углом, поводил линзой перед ним. В углу виднелся крупный размытый сгусток алмазного спрея. Трещина, это точно. Вода собиралась в ней до тех пор, пока поверхностное натяжение не вынуждало ее скатываться на пол, точно так же, как это происходило бы и с бóльшим объемом. Но, черт, отверстие выглядело так, будто его просверлили!

Он протер угол и сделал с помощью браслета его макрофото. Трещина действительно выглядела круглой — точнее, было даже два круглых отверстия, и вода собиралась в них полусферами, как кровь в паре булавочных уколов. Как чистая кровь.

— Черт!

Он снова протер угол, затем капнул туда герметик. Позже он собирался сделать там что-нибудь более существенное, например нанести толстый слой спрея, но пока и этого должно было хватить.

— Владе, — проговорила Мет ему в наушник, — требуется помощь. Вода в среднем подвале, юго-западный угол, комната Б-104.

— Сколько?

— Первое обнаружение влаги. Скорость притока не определена.

Он поспешил вверх по широкой лестнице, а потом к комнате 104, с трудом ступая — ходить мешало больное левое колено. На этом этаже комнаты были меньше, чем этажом ниже. Возле стен здесь было так же пусто, а посередине штабелями стояли ящики, которые он расставлял сам. Пол выполнен из обычного цемента, стены, как и в подвале ниже, покрыты спреем. На этом уровне все здание снаружи находилось в воде даже при отливе, равно как и этажом выше, который когда-то был цокольным. Этаж над ним пребывал в приливно-отливной зоне. Прямо сейчас был прилив, значит, в любых подводных протечках давление было повышенным. Но появление двух протечек почти одновременно показалось Владе крайне подозрительным, особенно учитывая особенности первой, которая находилась в углу и выглядела так, будто текло через просверленные отверстия.

И снова датчик влажности быстро привел Владе к протечке — та оказалась на стене над самым полом. Стена в том месте была покрыта спреем и изнутри, и снаружи, отчего протечка казалась еще невероятнее той, что он нашел внизу. С виду она была похожа больше на трещину, чем на булавочный укол. Как усталостный перелом.

Вода сочилась со дна трещины — она тянулась почти вертикально. Капли собирались вместе и стекали по стене.

— Вот черт!

Он снова щедро залепил трещину герметиком, немного подумал, а потом, обогнув шахту лифта, вернулся в свою комнату. Там он снял куртку и, проклиная все на свете, натянул плавки. Нижнюю протечку точно кто-то просверлил изнутри. Владе не хотелось давать зданию никаких устных команд, касающихся камер безопасности, так как вопрос с ними до сих пор не был решен, а вся система могла быть скомпрометирована. А посему следовало дождаться, пока их проверят. Пока же задача номер один — осмотреть здание снаружи и проверить, является ли верхняя трещина сквозной. Если да, то это проще, чем если бы она имела сложную форму, в которой наружный и внутренний выходы не совпадали. Но вообще и то и другое плохо!

Гидрокостюмы и кислородные баллоны со снаряжением хранились в эллинге, на складе рядом с его офисом. Люди выплывали на своих судах, как казалось, без лишнего стресса, и Су беспокойно ему кивнул: мол, все хорошо.

— Я понырю немного, — предупредил его Вла-

де, отчего Су нахмурился.

Никто не должен был нырять в одиночку, но Владе нырял вокруг здания постоянно, имея при себе только маленькую тележку и ничего более.

— Если что, я буду на телефоне, — сказал Су, и Владе, кивнув, начал непростой процесс надевания гидрокостюма. Для осмотра зданий можно было использовать самый маленький баллон, и на голову в этом случае надевалось нечто похожее на плавательную маску. То есть он был закрыт не полностью, но для недолгой работы близ поверхности хватало и этого. Главное — хорошенько вымыться после.

Внутри эллинга имелись ступеньки, уходящие в воду. Сейчас было видно только три из них, то есть прилив был почти максимальным. Он спустился вниз, ощущая себя болотной тварью из одноименного фильма[38], самого страшного фильма всех времен, по его мнению. К счастью, он не уносил с собой вниз какую-нибудь несчастную, мгновенно стареющую деву. Даже салазок у него не было — для подобных нырков они были не нужны.

Вода была, как всегда, холодной, это ощуща-

---

[38] Примечания: 38

Фильм ужасов Уэса Крейвена «Болотная тварь», вышедший в 1982 г.

лось даже в гидрокостюме, но он разогревался так быстро, что прохлада казалась приятной. Погружение, быстрая проверка снаряжения, потом выход через дверь эллинга в бачино, проплыв. Гидрокостюм снабдил ноги лишь небольшими перепонками на пальцах и маленькими плавниками, и это тоже создавало приятное ощущение. Головной фонарь излучал мощный свет, но лучи, как всегда, ловили в основном лишь различные частицы в богомерзкой городской воде, хотя ее и пытались очистить десятки миллионов моллюсков в аквакультурных садках. Владе сейчас видел всего на два-три метра перед собой. Нужно было держаться на достаточной глубине, чтобы не получить по голове килем лодки, но не настолько глубоко, чтобы залезть в какой-нибудь садок. В самых верхних из них содержалось немало рыбы — лосось, тиляпия, сом, целые подвижные стайки, снующие вдоль стенок клетей.

Обогнув северо-западный угол здания, Владе завис над старой дорожкой, будто призрак. Тротуар, бордюр, улица — всегда жутковато видеть следы того Нью-Йорка, каким он некогда был. 24-я улица.

За угол, потом к той точке на стене снаружи комнаты Б-104. Свериться с навигатором,

чтобы убедиться, что это то самое место. Приблизившись к стене, он осмотрел каждый дюйм блестящего алмазного покрытия, провел по нему руками. Ничего слишком заметного… и да, прямо напротив внутренней трещины вроде бы оказалась наружная. Какого хрена?

Владе проработал десять лет в городском водном отряде, где чинил канализационные трубы, технологические сети, подводные тоннели, аквафермы и прочее. Поэтому плавать под водой в одном из каналов было для него столь же обыденно, сколь ходить по улицам на Верхнем Манхэттене, а то и привычнее — ведь в верхней части острова он практически не бывал. Взглянул наверх — поверхность то чуть вздымалась, то приопускалась, будто дышала. На востоке, где между зданиями восходило солнце, разливался опаловый свет. Волны сплетались друг с другом, ударяли о Мет и его Северное здание, отскакивали и разбивались, образуя пузыри, которые тут же лопались. Когда он смотрел на восток, в сторону 24-й улицы, там уже было видно солнце. Все как обычно — но что-то будило в нем страх. Что-то было не так.

На всякий случай Владе подплыл к северо-восточному углу здания, посветил фонарем на

нижнюю часть цоколя, проверил ее, всего метров пять-шесть с обеих сторон. Низ цоколя всегда выглядел странно: герметик, скреплявший стык между зданием и старинным тротуаром, походил на застывшую серую лаву, а сам тротуар, как и часть улицы, был покрыт алмазным спреем. Это была слабость всех зданий, что еще стояли в мелководье Нижнего Манхэттена: загерметизировать поверхности можно было только так, а в местах, где покрытие отсутствовало, вода свободно проникала. У городских служб был, однако, план установить кессоны и выкачать воду со всех затопленных улиц общей протяженностью двести миль, нанести алмазное покрытие до максимального уровня прилива и только потом пустить воду обратно. Это могло иметь успех лишь отчасти, поскольку вода, конечно, уже была повсюду и ниже уровня улиц, она давно впиталась в старый бетон, асфальт и почву, поэтому загерметизировать улицы получилось бы только вместе с ней. И Владе не был уверен, что это принесло бы какую-либо пользу. Это все равно что запереть конюшню, когда лошади уже оттуда сбежали, считал он вместе со многими другими, но гидрологи заверяли, что это спасет ситуацию, и потихоньку приступали к работе. Будто не было

более важных дел. Ну и ладно. Глядя на место, где заканчивались герметик и алмазное покрытие и начинался голый бетон и где сейчас находилось дно канала, Владе нутром чуял, что гидрологи хотели просто сделать здесь хоть что-то. Лишь бы не сидеть сложа руки.

Закончив осмотр, он не спеша вернулся к эллингу и, истекая водой, затопал по ступенькам. На этот раз он напоминал себе Создание из Черной лагуны[39].

Выбравшись из гидрокостюма, он обрызгал лицо и шею отбеливателем, смыл его, вытерся и переоделся в обычную одежду. Затем позвонил своему старому другу Армандо из подводной службы Овна:

— Слушай, Армандо, а ты не мог бы заскочить и взглянуть на мое здание? У меня тут пара протечек.

Армандо согласился включить его в свое расписание.

— Спасибо.

Он взглянул на фотографии у себя на планшете, повернулся к своим экранам и вывел на них

---

[39] Примечания: 39

Жаброчеловек из классической серии фильмов ужасов студии «Юнивёрсал», впервые появившийся в картине «Создание из Черной лагуны» 1954 г.

сведения о протечках. Затем, немного поколебавшись, изучил записи с камер безопасности.

Ничего явного. Потом сверился со своим журналом: подвальные камеры не записали ничего — даже в те дни, когда, судя по его журналу, туда точно кто-то заходил.

После ныряния его часто подташнивало, как и всех время от времени. Говорили, это то ли из-за скоплений азота, то ли аноксии, то ли токсичной воды, кишащей всякими органическими удобрениями, выбросами, микрофлорой, фауной и чистыми ядами, — боже, чего только не было в этом химическом винегрете, замешанном на городских стоках! От него просто не могло не тошнить. Но в этот день Владе почувствовал себя еще хуже обычного.

Он позвонил Шарлотт Армстронг:

— Шарлотт, ты где?

— Иду к себе в офис, уже почти на месте. Всю дорогу пешком. — Судя по голосу, она была довольна собой.

— Хорошо. Слушай, не хочу тебя расстраивать, но, похоже, кто-то пытается повредить наше здание.

E) Амелия

Алфред Стиглиц и Джорджия О'Кифф были первыми художниками Америки, которые жили и работали в небоскребе. Скорее всего. Любовь на Манхэттене? Сомневаюсь.

Кэндес Бушнелл. «Секс в большом городе»

Ла Гуардия[40]*: Я варю пиво.*
Патрульный Меннелла*: Хорошо.*
Ла Гуардия*: Почему вы меня не арестуете?*
Патрульный Меннелла*: Полагаю, если кто и должен этим заниматься, то агент бюро Сухого закона.*
Ла Гуардия*: Что ж, тогда я окажу вам неповиновение. Я думал, вы предоставите мне жилье.*

Дирижабль Амелии «Искусственная миграция» был модели «Фридрихсхафен Делюкс Миди», и

---

[40] Примечания: 40

Фьорелло Ла Гуардия (1882–1947) — американский политик, мэр Нью-Йорка в 1934–1945 гг.

она его обожала. Автопилота она сначала называла полковником Блимпом[41], но его голос был дружелюбным, доброжелательным и будто бы принадлежал немцу, и она прозвала его Франсом. Когда она сталкивалась с той или иной проблемой — а эту часть ее передачи зрители любили больше всего, особенно если она при этом теряла что-нибудь из одежды, — она говорила:

— О, Франс, юху, дай, пожалуйста, поворот на триста шестьдесят и вытащи нас отсюда!

Тогда Франс брал управление на себя и выполнял все необходимые маневры, отмачивая при этом неудачную шутку, почти всегда одну и ту же — что-то о том, что поворот на триста шестьдесят градусов только направит вас туда, куда вы уже направлялись. Эту шутку знали уже все, она стала в своем роде дежурной, но главное, проблемы обычно этим и решались. Франс был умен. Конечно, принимать некоторые решения он предоставлял ей, считая их лежащими вне его компетенции. Однако он был на удивление изобретателен, даже в тех областях, которые были

[41] Примечания: 41

Британский мультипликационный персонаж, придуманный мультипликатором Дэвидом Лоу в 1934 г. Характеризуется как высокомерный и вспыльчивый стереотипный британец. Слово blimp также переводится как «дирижабль».

скорее человеческими.

Ее аэростат, точнее дирижабль — то есть с полужестким внутренним корпусом, который изготовлен из аэрогеля и ненамного тяжелее газа в баллонетах, — достигал сорока метров в длину и имел просторную гондолу, которая крепилась к его нижней стороне, будто толстый киль. «Фридрихсхафен» построила его перед самым началом века, и с тех пор он преодолел много миль, разъезжая, как трамповое судно конца XIX века. Такой долговечности он достигал благодаря своей гибкости и легкости, а также фотовольтаической наружной оболочке корпуса, которая делала его совершенно автономным. Конечно, когда полет был долгим, его повреждали солнечные лучи. К тому же требовалось регулярно пополнять запасы, но зачастую это удавалось сделать в воздухе — во встречающихся по пути небесных деревнях. В них же производили и мелкий ремонт. Таким образом, их дирижаблю, как и миллионам аналогичных воздушных судов, по сути, не было нужды совершать посадки. А Амелии, подобно миллионам других воздушных пассажиров, не было нужды сходить на землю — можно странствовать хоть годами.

Дирижабль стал для нее необходимым убежи-

щем. За все эти годы у нее редко бывало, когда она не видела где-нибудь вдалеке других дирижаблей, но это ее не огорчало. Даже наоборот: успокаивало, внушало, что люди присутствуют где-то рядом, создавало ощущение, что атмосфера — это тоже пространство для людей, непрерывно меняющийся кальвиноград[42]. Будто после подъема воды люди взметнулись в небо, будто семена одуванчиков, и рассеялись по облакам.

Хотя сейчас она снова видела, что в полярных широтах небеса были безлюднее. В двухстах милях к северу от Квебека она замечала лишь немного воздушных судов. В основном это были грузовые — они летели на гораздо большей высоте и, пользуясь отсутствием на борту людей, поднимались к струйным течениям в атмосфере и таким образом ускорялись, следуя к очередным пунктам назначения.

Когда они приблизились к Гудзонову заливу, Франс резко изменил уклон дирижабля, выпустив гелий в баллонеты и повернув закрылки позади мощных турбин, что располагались в двух больших цилиндрах, прикрепленных к корпусу

[42] Примечания: 42

Отсылка к Итало Кальвино (1923–1985) — итальянскому писателю, автору романа «Незримые города», в котором описаны фантастические путешествия.

по бокам. Вместе эти действия привели к тому, что у судна опустился нос, и оно направилось к земле.

Октябрьские ночи здесь становились длиннее, и холодный пейзаж простирался во все стороны погруженной во тьму белизной, сияя студеным блеском сотен озер, что наглядно показывали, насколько ледяная шапка последнего Ледникового периода накрыла и сдавила Канадский щит. Земля внизу казалась скорее архипелагом, чем материком. Предрассветное сияние на севере вырисовывало городок, куда они направлялись, — Черчилл, Манитоба. Когда они снизились над городком и устремились к взлетному полю, то увидели, что все поселение представляло собой изолированную кучку строений. Располагалось оно так далеко от Западного побережья Гудзонова залива, что из загруженного движением Северо-Западного прохода сюда не заглядывал почти никто. Изредка появлялись здесь лишь круизные лайнеры, их пассажиры надеялись увидеть хоть каких-нибудь белых медведей.

Однако те едва ли еще здесь были. Главным образом потому, что медведи теперь каждый год застревали на суше из-за весенних расколов льда и оставались на ней до осени, когда тот

замерзал снова, а значит, не могли добраться до тюленей, служивших им основной пищей. В результате они так голодали, что никогда не рожали тройни, да и двойни случались редко. Когда же они проходили через Черчилл, чтобы проверить, пора ли уже выходить на новое море, то заодно искали, чем поживиться в городке. Так продолжалось уже больше ста лет, и городская программа оповещения о белых медведях давно выработала алгоритм, позволяющий справляться с октябрьской миграцией медведей, направляющихся к новообразованному льду. Программа эта предусматривала транквилизацию нарушителей и их транспортировку дирижаблями к местам, где появлялся ранний лед и собирались тюлени. В этом году сотрудники программы, вместо того чтобы вывозить нарушителей из города, содержали их в специальных резервуарах, дабы затем выбрать из них самых несносных, которые будут высланы гораздо южнее.

После того как Франс пристыковался к мачте на окраине города и местная бригада притянула судно к земле, Амелия выбралась и поприветствовала людей. Как ей сообщили, встретить ее собралось чуть ли не все население городка. Амелия пожала каждому руку и поблагодарила

за прием. Все это непрерывно снимал рой летающих камер. Затем она проследовала за местными к резервуару с медведями.

— Мы в Черчилле, приближаемся к медвежьему изолятору, — комментировала Амелия для передачи, хотя в этом и не было необходимости. Запись не транслировалась в прямом эфире, и она чувствовала себя более расслабленной, чем обычно, но вместе с тем пыталась вести себя более осознанно. — Этот изолятор и его сотрудники спасли от неминуемой смерти буквально тысячи белых медведей. До внедрения программы здесь ежегодно убивали порядка двадцати медведей, чтобы те не растерзали местных. Сейчас их убивают даже далеко не каждый год. Когда сезон заканчивается без убийств, горожане лепят гигантскую снежную статую медведя.

Она снимала пикапы, которые должны были перевезти ее трансполярных мигрантов из изолятора на борт «Искусственной миграции». Это были здоровенные машины с шипованными шинами выше ее роста. Медведи, как ей сказали, не спали, поэтому во время перелета на юг их следовало держать в больших вольерах в отдельном блоке, расположенном в кормовой части гондолы. По-видимому, было решено, что им удастся

легче перенести путешествие, если они будут размещены вместе. Для самой Амелии продюсеры заготовили помещение еще до отправления, а холодильники и морозилки заполнили тюленьим мясом, чтобы кормить медведей в пути.

Пока сотрудники программы с помощью подъемного крана перемещали транквилизованных медведей в пикапы и отвозили их к дирижаблю, Амелия все снимала и комментировала, хотя и знала, что при монтаже звук отредактируют.

— Некоторые люди, похоже, не понимают проблему вымирания животных! Это трудно представить, но это так, и мы не могли заставить всех согласиться с тем, что переселение белых медведей в настоящую полярную среду — их последний шанс на выживание в естественных условиях. Всего будет переселено двадцать медведей — это около десяти процентов всех оставшихся медведей. Я беру с собой шестерых. Если мы это сделаем, то поможем пережить этот момент и обрести реальное будущее. И пусть бутылочное горлышко их генетического разнообразия будет тонким, как соломинка, но это же лучше, чем если бы они вымерли, верно? Тут либо так, либо совсем конец, так что я говорю: грузим их и увозим!

Медведи, накачанные транквилизаторами и помещенные в сетки, выглядели взъерошенными и желтыми. Огромные пикапы собрались у створки кормового отсека ее гондолы, где небольшой подъемный кран поднимал их по одному и укладывал на погрузчики, которые казались совсем маленькими по сравнению со своими грузами, но были достаточно мощными, чтобы провозить их по пандусу. При перелете в помещении с медведями должна была поддерживаться арктическая температура, и на борту находилось все, чего звери могли пожелать осенью. Предполагалось, что путь на юг, если позволит погода, займет две недели.

Вскоре после того как медведи оказались на борту, Франс отстегнул дирижабль от мачты, и начался подъем. Теперь это было медленнее, чем обычно, ведь они стали на пять тонн тяжелее.

* * *

Неделю спустя они столкнулись с тропическим циклоном, перемещающимся на север из Тринидада и Тобаго, и Амелия попросила Франса сместить курс к западной границе циклона, что дало бы зрителям впечатляющий вид на природное явление, которое могло превратиться в

ураган, а заодно вытолкнуло бы судно на юг после прохождения в воздушном потоке против часовой стрелки. Циклон получил имя Гарольд — так звали младшего брата Амелии, поэтому она стала называть его Братиком. В целом он смещался на север со скоростью около 20 километров в час, но его западная граница бурлила так, что скорость ветров, устремлявшихся на юг, достигала примерно 200 километров в час.

— Это прибавит нам около 180 километров в час, — сообщила Амелия будущим зрителям, — что здорово, пусть и продлится всего несколько часов. Потому что местные, как мне кажется, начинают немного волноваться.

Последнее она проговорила с привычной гримасой, выражавшей терпимое огорчение: изогнув брови и вытаращив глаза, как Люсиль Болл[43]. Это всегда хорошо смотрелось. Летающие камеры, что сновали вокруг, добавляли к этому эффект «рыбьего глаза».

Медведи должны были перейти в зимний режим — не гибернацию, а скорее состояние, в котором они становились своего рода зомби-медведями, как выразился один из сотрудников

[43] Примечания: 43

Люсиль Болл (1911–1989) — американская актриса, звезда комедийного телесериала «Я люблю Люси».

программы в Черчилле. Но, судя по звукам, что слышала Амелия, никуда они не переходили. С кормы доносился глухой, будоражащий рев, похожий на львиный, и вой, словно издаваемый собакой Баскервилей.

— Медведи недовольны? — спросила она. — Они видят бурю из окна? Может, голодные? Кажется, они сильно расстроены!

Затем их затянул Гарольд, и почти десять минут стоял такой шум, что расслышать что-либо было невозможно. Их хорошенько затрясло, и жаловались ли на это медведи, сказать было нельзя, потому что ничего не было слышно. Но у Амелии внутри все завибрировало так, будто она была барабанной тарелкой, висевшей рядом с другой, по которой отчаянно стучали. Поэтому и медведям, скорее всего, это не нравилось.

— Держитесь, ребятки! — громко объявила Амелия. — Потерпите, пока мы не наберем скорость, будет громко. Конечно, вряд ли нашему ускорению что-то препятствует — мы же не на корабле в океане. Я сама не сразу к этому привыкла, но здесь мы, по сути, летим со скоростью ветра — он не проносится мимо, как было бы с кораблем или даже с самолетом. Если мы выключим турбины, нас просто унесет туда, куда он будет дуть. Так

что мы можем безопасно заходить в ураганы. Просто летим по течению, медленно или быстро — нам без разницы. Верно, Франс?

Хотя на этот раз их трясло неслабо. Когда вихрь взаимодействовал с более медленным воздухом, окружающим его, образовывалась турбулентность. Как только они войдут в ураган чуть дальше, как уже не в первый раз объясняла Амелия, станет полегче. Но и тогда тряска не прекратилась бы; в урагане их окружали облака, и плотные, а облака были как расплывчатое озеро, с некоторой зыбью, создаваемой переменным распределением капель воды. Поэтому, когда их уносило с ветром, они находились в глубине облаков, а мелкое дрожание вместе с резкими нырками и толчками придавало ощущение скорости даже при том, что увидеть они ничего не могли.

— Эта тряска происходит из-за ламинарного потока, — рассказывала Амелия. — Само облако дребезжит!

Хотя нельзя было исключать, что это дребезжит дирижабль — что у него изгибался аэрогелевый каркас. Амелия точно знала, что обычно внутри облаков, даже при урагане, трясло меньше. Они не сопротивлялись ветру, не пытались выбраться

из циклона — они оседлали течение, и Франс снизил частоту скачущих вверх-вниз внутренних волн. Но все равно их сильно и неравномерно качало вверх и вниз, из стороны в сторону.

— Не знаю, — объявила Амелия, — это звучит нелепо, но, может, это качание происходит из-за медведей?

Вероятность этого была невелика, но вероятнее этого предположить было нечего. Наверняка же медведи не стали бы организованно бросаться из стороны в сторону — во всяком случае, она на это надеялась. Они весили восемьсот фунтов каждый, поэтому даже без координации движений им достаточно было просто биться о стены, бороться или швырять друг дружку, как сумоисты, — и да, это определенно раскачало бы судно. Дирижабль, всего лишь полужесткий, был очень чувствителен к внутренним смещениям масс. Поэтому, если груз у них на борту был разъярен…

— Медведи, медведи, медведи, о боже!

Амелия спустилась в центральный проход, чтобы проверить. Там в двери имелось окно на ту половину гондолы, где размещались звери, и она, взяв камеру в виде заколки, прикрепила ее к волосам и заглянула к медведям.

Первый, кого она увидела, был в крови.

— О нет! — Окровавленные стены, где-то следы когтей. — Франс, что здесь творится?!

— Все системы в норме, — доложил Франс.

— Да о чем ты?! Посмотри сюда!

— Посмотреть куда?

— На медведей!

Амелия подошла к шкафчику в проходе, открыла его и сняла с крепления на его задней стенке пистолет с транквилизатором. Вернувшись к двери прохода и посмотрев в окно, не увидела там ничего и отперла дверь, но тотчас была отброшена назад, потому что дверь резко подалась на нее. Окровавленные белые гиганты пронеслись мимо нее, будто собаки, будто громадные лабрадоры-альбиносы или люди в не подходящих по размеру меховых шубах, бегающие на четвереньках. Она лежала, растянувшись у стены напротив, притворясь мертвой, и, к счастью, не привлекала внимания животных. Одному она выстрелила в бедро, когда тот бежал по проходу в сторону мостика, а когда звери скрылись из виду, она поднялась на ноги и ринулась к шкафчику. Затем залезла в него, потянула на себя дверь, повернула защелку изнутри, а уже в следующее мгновение услышала, как по двери крепко ударили с той стороны. Ударили огромной лапищей!

Причем сильно!

Ну нет! Она заперта в шкафчике, по дирижаблю носятся как минимум три медведя, а то и все шесть, сам дирижабль кружится в урагане. Каким-то образом ей удалось опять вляпаться!

— Франс?

Ж) Стефан и Роберто

Я за то искусство, которое сообщает вам, который час или где находится такая-то улица. Я за то искусство, которое помогает старушкам переходить через дорогу.

Сказал Клас Олденбург

Ширина улиц – шестьдесят футов, авеню – сто футов. Поперек авеню можно вместить теннисный корт. Улицы, как говорили, рассчитывались на то, чтобы здания вдоль них имели по четыре-пять этажей.

Свинцовый сумрак тяжело ложится на худые плечи пожилого человека, идущего по направлению к Бродвею. На углу у киоска его взгляд на что-то натыкается. Сломанная кукла среди раскрашенных говорящих кукол! Он бредет дальше, уронив голову в кипение и гул, в жерло унизанного бусами букв зарева.

– Я помню, тут были луга, – ворчит он,
обращаясь к маленькому мальчику[44].

Джон Дос Пассос. Манхэттен

Стефан и Роберто не нашли возможности зарядить аккумулятор, питавший их лодку, поэтому пошли по крытым переходам на запад и на Шестой авеню сели в вапо, ехавший на север, где они собирались увидеться со своим другом мистером Хёкстером. Лил дождь, поверхность канала бушевала от крупных капель и разлетающихся брызг. Маленькие кружки расходились на воде, становясь большими, и все это накладывалось на следы лодок и бесконечных гребешков от сильного южного ветра. Неспокойная серая вода под беснующимся серым небом, все в непрерывном движении. Люди ждали на пристанях, забившись в укрытия, если удалось их найти, или мужественно стоя под зонтами. Сами мальчишки стояли на носу вапо, промокая, несмотря на свои большие целлофановые куртки. Им было на это наплевать.

При отливе на каждом здании района показались темно-зеленые сливные отверстия. Одиннадцать футов разницы, как говорили.

---

[44] Примечания: 44
Перевод Валентина Стенича.

Ребята намеревались сперва воспользоваться приливом, который надвигался в этот день, а потом навестить мистера Хёкстера, жившего на улице Фанди, то есть на Шестой авеню, между 31-й улицей и Центральным парком.

Они сошли с вапо на пристани рядом с ларьком Эрнесто на 31-й и одолжили у него пару досок для серфинга и гидрокостюмы. Оттуда они поднялись по западному помосту Шестой авеню, что тянулся, будто плоский настил, к протяженному треугольному бачино, где Шестая сходилась с Бродвеем в районе 31-й, чуть севернее отметки уровня отлива. Здесь начиналась улица Фанди, как в очередной раз переименовали этот участок Шестой, и это название было уж точно лучше, чем авеню Америки, придуманное глубоким политиком и больше подходящее Мэдисон-авеню или Денверу. Теперь же название казалось весьма уместным, потому что и приливы, и отливы в этом районе нередко повергали в шок[45].

Этот отрезок Среднего Манхэттена соответствовал самой широкой приливно-отливной зоне. По большей части здесь царил хаос, и район славился как зона незаконных поселенцев, мошенников

[45] Примечания: 45

Реально существующий залив Фанди, в честь которого, очевидно, названа улица, славится своими рекордными приливами.

и бродяг, но представлял интерес и для обычных людей, приходивших развлечься. Людей вроде Стефана и Роберто, которые любили тусоваться с серфингистами, собиравшимися здесь, когда прилив, поднимающийся одновременно по Бродвею и Шестой авеню, усиливался легким уклоном Шестой, и каждый раз продвижение белой пены на север оказывалось поразительно стремительным, особенно если его поддерживал южный ветер. Если при максимальном приливе встать на 40-й улице и посмотреть на юг, то в зелени мелководья можно разглядеть шлюз, где поверх мягкого коврика из водорослей накатывает белая пена и занимает улицу задолго до того, как прежняя вода успевает вернуться, а потом сталкивается со следующей, поднимая низкую белую стенку, которая быстро разрушается и сливается со следующим натиском.

Все это вместе означало, что, если вы катались здесь на доске, как уже вскоре делали Стефан и Роберто, вы могли устраивать заносы, петлять по улицам от тротуара к тротуару, резко разворачиваться на обочинах или перепрыгивать их и влетать в проемы, а иногда даже ловить волны, отскакивающие от зданий, и спрыгивать с них через тротуар обратно на улицу.

Стефан и Роберто, улюлюканьем объявляя о своем приходе, присоединились к группе серферов. Возражения тех были приняты к сведению и отвергнуты, и дальше уже все вместе проходили квартал за кварталом, маневрируя и вращаясь вокруг своей оси, отклоняясь в сторону, если необходимо, и порой даже падая. Иногда это бывало больно, потому что глубина никогда не была слишком велика, чтобы не стукнуться об асфальт, хотя даже четыре дюйма могли смягчить удар, особенно если вы так доверились воде, что решили на ней полностью распластаться.

Шестая авеню была достаточно ровной по всей межприливной зоне, особенно между 37-й и 41-й улицами, благодаря чему последние волны прилива могли донести вас аж до максимальной отметки, где асфальт, пусть и потрескавшийся, был уже больше черным, чем позеленевшим. Межприливье же всегда было склонно зеленеть. Жизнь! Жизнь любила межприливье.

Это была фантастика — чувствовать, как сопротивление воды сминается между вашей доской и улицей. Идеально четкое ощущение, настолько, что достаточно было лишь чуть-чуть сместить вес — и доска скакнет вперед по воде, над самым асфальтом, но так его и не коснется. Десятая часть

дюйма от асфальта — и вы летите плавно, безо всякого трения! И весь мир словно удивительный водоворот! Если же вы задели дно, то просто можете соскочить с доски, поймать ее, прежде чем она ударит вас по ногам, а потом бросить перед собой, запрыгнуть и вновь влиться в движение!

Еще очень круто было остаться до начала отлива и увидеть, как вода возвращается по улице обратно. Прокатиться на нем было нельзя — нормально не получалось, хотя упрямцы постоянно пытались. Зато было здорово просто сидеть на улице, истощенным и раскрасневшимся в своем гидрокостюме, и наблюдать за тем, как уходит солнце, высасывая воду, будто Великий океан делает глубокий вдох или готовит какое-нибудь страшное цунами. В подобные моменты казалось, будто весь мир может осушиться прямо у вас на глазах. Но нет, это лишь обычный отлив, который, как всегда, стабилизируется где-то в районе 31-й улицы, у минимальной отметки, за которой лежит Нижний Манхэттен, затопленная зона, их родные воды. Их район.

Как же здесь весело! После всего этого они стянули с себя костюмы, побрызгали друг друга сначала отбеливателем, затем омылись водой, очищенной фильтром, и вытерлись полотенца-

ми. При этом они морщились, когда задевали раны, куда почти наверняка попала какая-нибудь мелкая инфекция. Потом ребята вернули вещи Эрнесто, поблагодарив его и пообещав потом доставить что-нибудь по его заданию. Потом поболтали с заядлыми серферами, которые прятались у Эрнесто. Таких было немного, потому что падения порой бывали слишком жесткими. Так что это была сплоченная группа, одна из многих субкультур в этом самом компанейском из городов.

* * *

Обсохнув, одевшись и заглотив несколько вчерашних булок, которые швырнул им Эрнесто, мальчишки направились на запад по дощато-бетонным тротуарам в сторону Восьмой улицы, в лабиринт затопленного Челси.

Здесь почти каждое здание, что еще не обрушилось, было признано непригодным, и небезосновательно. Когда Гудзон разошелся и затопил этот район, выяснилось, что фундаменты были положены не на коренную породу. Бетон же за долгие годы раскрошился, а сталь, которой он обычно армировался, хоть и была прочна, также не спасла положения, поскольку ей теперь не на

чем было держаться. После того как был принят закон штата о признании района непригодным для жизни, люди, как рассказывал мистер Хёкстер, естественным образом его проигнорировали и стали селиться здесь незаконно, так же как и где угодно еще. Хотя закон, пожалуй, в этом случае был справедлив.

Вот почему здесь было так тихо. Мальчики прошагали по дощатому настилу, выложенному поверх шлакоблоков, к грубой пристани, собранной из досок, прибитых к старым пенополистироловым блокам, и привязанной перед низеньким домиком из песчаника на 29-й улице. Вокруг никого не было видно, и это казалось непривычным. Ребята, сами того не осознавая, стали говорить тише. Во всех зданиях, что стояли вокруг, зияли разбитые окна, и лишь немногие из них были заделаны досками; остальные просто зияли дырами — явный признак заброшенности. Куда ни посмотри — ни одного целого окна. И так тихо, что можно было различить, как волны бьются о стены и шипят пузырьками, и это было так удивительно приятно слышать после обычных гудков и воплей, наполнявших город.

Ребята осмотрелись — не следил ли за ними кто? По-прежнему пусто. Тогда они нырнули в

открытую дверь дома у причала и направились вверх по заплесневелой и просевшей лестнице.

Пешком на пятый этаж. Скрипучие половицы под ногами. Запах плесени и грязных горшков.

— Сама суть Нью-Йорка, — заметил Роберто, пока они шаркали по темному коридору навстречу двери.

Дойдя, они простучали код, который предназначался для друзей, и замерли в ожидании. Затем здание затрещало и пахну́ло смрадом.

Дверь открылась, и на мальчиков уставилось морщинистое лицо их друга.

— А, джентльмены, — проговорил мужчина. — Заходите. Молодцы, что заглянули.

* * *

Они вошли в квартиру — внутри воняло слабее, чем в коридоре, но все равно запах ощущался. И неслабо. Но старик давно к нему привык, решили они. Его комната была совсем убогой: вся заставлена книгами и ящиками, заполненными одеждой и всякой ерундой, но так явно было задумано. Стопки книг возвышались повсюду — порой с человеческий рост, а то и выше, зато они все выглядели надежно: самые большие книги располагались внизу, и для удобства поиска все

книги лежали корешками к проходам. Сверху этих штабелей находилось несколько масляных фонарей и электрических фонариков. В шкафах имелись ящики, которые, знали ребята, были забиты свернутыми и сложенными картами, а центральное место во всей комнате занимал большой кубический комод по грудь высотой. В углу размещалась раковина, где вода вытекала через фильтр и собиралась в миску.

Старик точно знал, что где находится, и всегда мог без колебаний пойти, куда хотел. Иногда он просил их перенести книги, чтобы добраться до какого-нибудь большого тома на дне стопки, и ребята были только рады помочь. Книг у старика было больше, чем у любого другого, кого они знали, и даже больше, чем у всех их знакомых, вместе взятых. Стефан и Роберто не любили в этом признаваться, но ни один из них не умел читать. Поэтому им больше нравились карты.

— Присаживайтесь, джентльмены. Не желаете чаю? Что вас привело ко мне сегодня?

— Мы его нашли, — объявил Роберто.

Старик распрямился и посмотрел на них:

— Правда?

— Мы думаем, что да, — ответил Стефан. — Металлодетектор сработал четко, прямо на том

месте по навигатору, что вы сказали. Потом нам пришлось отплыть, но мы его обозначили и сможем найти снова.

— Чудесно, — проговорил старик. — Сильный был сигнал?

— Он запищал как бешеный, — сказал Роберто. — А детектор был настроен на золото.

— Прямо на том месте?

— Прямо на том.

— Чудесно. Великолепно.

— Но вопрос в том, насколько он может быть глубоко, — сказал Стефан. — Сколько до него надо копать?

Старик пожал плечами и нахмурился. Так его лицо стало походить на лицо ребенка, страдающего какой-то изнуряющей болезнью.

— А до какой глубины достает металлодетектор?

— Говорят, на десять метров, но это зависит от количества металла, влажности грунта и всего в этом роде.

Старик кивнул:

— Ну, такая глубина возможна. — Он прохромал к комоду и достал из него сложенную карту. — Вот, посмотрите сюда.

Они подсели к старику с обеих сторон. Это была

топографическая карта Манхэттена и близлежащей территории, составленная до наводнений Геологической службой США. На ней были отмечены как изолинии рельефа, так и улицы со зданиями — это была очень плотная карта, на которой старик еще и сам прочертил исходные береговые линии зеленым, а нынешние — красным. А в Южном Бронксе, помещенном картографами Геологической службы вдали от берега, но, судя по красным и зеленым линиям, погруженном под воду, стоял черный крестик. Хёкстер постучал по нему указательным пальцем, как делал это всегда, — середина креста уже даже немного истерлась.

— Так вот, вы помните, что я вам рассказывал, — начал он со своего обычного вступления. — Я вам рассказывал, «Гусар» отплывает с британской пристани в районе Бэттери-парк 23 ноября 1780 года. 114 футов в длину, 34 в ширину, корабль шестого ранга, 28-пушечный фрегат, около ста человек на борту. И возможно, также семьдесят американских военнопленных. Капитан Морис Поул намерен пройти через Врата ада, потом через пролив Лонг-Айленд, несмотря на то, что его лоцман, черный раб по имени мистер Суон, не рекомендует этого делать, потому что

слишком опасно. В общем, они прошли бóльшую часть Врат ада, но врезались в скалу Горшок — по сути, выступ, торчащий из Астории. Капитан Поул спускается посмотреть и видит гигантскую дыру на носу. А вернувшись, говорит, что корабль нужно затопить, а всех людей переместить на берег. Течение уносит их на север, поэтому они нацеливаются либо на порт Моррис на побережье Бронкса, либо на остров Норт-Бротер, тогда называвшийся остров Монтрессора, но — бульк! Они тонут. Все происходит слишком быстро. «Гусар» тонет на мелководье, и только мачты остаются торчать, даже когда он достигает дна. Большинство моряков невредимыми добираются до берега на лодках, хотя ходят слухи, что те семьдесят американских пленных утонули, потому что все были закованы в кандалы.

— Так это хорошо, да? — спросил Роберто.

— Что пленные утонули?

— Нет, что там, где он затонул, неглубоко.

— Я понял, о чем ты. Да, это хорошо. Но вскоре после этого британцы попытались его поднять: продели под корпусом цепи и потянули. Но он разломился, и золота они так и не увидели. Четыре миллиона долларов золотыми монетами, которыми собирались заплатить британским

солдатам. В двух деревянных сундуках, обвязанных железными обручами. Четыре миллиона по меркам 1780 года. Монеты — скорее всего, гинеи или вроде того, я не знаю, почему их всегда оценивают в долларах.

— Много золота.

— О да. Сейчас такое количество должно стоить сикстиллиард.

— А на самом деле?

— Не знаю. Может, пару миллиардов.

— И на мелководье.

— Верно. Только там мутно, и река быстро движется в обе стороны. Спокойная она только при максимальном приливе и отливе, примерно по часу времени, как вы, ребята, знаете. Плюс они разломали корабль, когда пытались достать, так что его, наверное, растащило по всему руслу. Это почти наверняка. Хотя сундуки не могло слишком далеко унести. Так что лежат где-то там. Но река меняет берега, разрушает их, наращивает обратно. И в 1910-х на берегу Бронкса в том районе насыпали несколько новых причалов и погрузочную площадку за ними. Мне понадобилось несколько лет, чтобы найти в библиотеках карты, составленные до и после этой засыпки. Кроме того, я нашел карту 1820-х годов, где было

показано, куда подались британцы, когда пришли и попытались вытащить корабль. Они-то знали, где он, и пытались достать его даже два раза. Ясное дело, они хотели спасти свое золото. В общем, мне удалось сложить все это и определить место. Позднее я подобрал координаты по навигатору. Туда-то вы и отправились. И вот оно.

Мальчики кивнули.

— Но какая глубина? — спросил Роберто, когда уже показалось, что Хёкстер начал дремать.

Хёкстер вздрогнул и посмотрел на ребят.

— Корабль был построен в 1763 году и имел двадцать восемь пушек. Одну из которых вытащили и выставили в Центральном парке. И только потом заметили, что в ней было ржавое ядро и порох. Пришлось обезвреживать ее с помощью отряда техников! Так вот, у шестиранговых кораблей, как этот, была одна палуба, и она не сильно возвышалась над водой. Футов на десять. А раз мачты оставались торчать из воды, это значит, что затонул он где-то между пятнадцатью и, скажем, сорока футами, но у берега такой глубины нет, поэтому будем считать — двадцатью футами. Потом эту часть реки засыпали, но она стала всего на несколько футов выше максимального уровня прилива — не более чем на восемь.

Сейчас уровень воды поднялся, как говорят, на пятьдесят футов по сравнению с тогдашним, а у вас тогда, значит, глубина получилась сколько, футов сорок?

— Скорее двадцать, — ответил Стефан.

— Ладно, значит, тогда, наверное, присыпали больше, чем я думал. В любом случае выходит, что сундуки должны быть футах в тридцати-сорока ниже нынешнего дна.

— Но их же обнаружил металлодетектор! — указал Стефан.

— Правильно. Из этого следует, что до него порядка тридцати футов.

— Короче, это достижимо, — заявил Роберто.

Стефан не был так уверен.

— Достижимо, конечно, если сделать достаточно ходок. Только не знаю, хватит ли у нас под колоколом места для такого количества ила. Точнее, знаю: не хватит.

— Надо будет окружить чем-то дыру и выносить ил в разные стороны, — сказал Роберто. — Или собирать ведрами.

Стефан неуверенно кивнул.

— Лучше бы нам достать акваланг и нырять с ним. Наш колокол слишком мал.

Старик внимательно посмотрел на него и за-

думчиво кивнул.

— Я мог бы…

Комнату сильно тряхнуло, стопки книг попадали со всех сторон. Мальчишки стряхнули их с себя, но старика прибило к полу стопкой атласов. Они сбросили их с него и помогли подняться, потом нашли его очки. Старик все это время постанывал.

— Что случилось, что случилось?

— Смотрите на стены! — воскликнул Стефан потрясенно.

Теперь сама комната накренилась, как одна из устоявших стопок, и сквозь одну из полок показались дневной свет и соседнее здание.

— Нужно выбираться! — крикнул Роберто мистеру Хёкстеру, поднимая его.

— Дайте очки! — вскричал старик. — Я без них не вижу.

— Хорошо, но надо торопиться!

Ребята склонились над полом и стали быстро, но аккуратно разбрасывать книги в стороны, пока Роберто не нашел очки: те были еще целы.

Хёкстер надел их и осмотрелся.

— О нет, — сказал он. — Это все здание, вот в чем дело.

— Да, здание. Давайте поскорее выбираться.

Мы поможем вам спуститься.

Стоявшие в воде здания рушились постоянно, это было в порядке вещей. Мальчишки обычно посмеивались над печальными историями о подобных обрушениях, но сейчас вспомнили, что Владе всегда называл межприливье мертвой зоной. Не гуляйте слишком долго по мертвой зоне, говорил он, добавляя, что так альпинисты называют горы выше двадцати тысяч футов. Но поскольку мальчишки много гуляли по межприливью, а теперь еще и ныряли в реку, обычно просто соглашались с управляющим и не думали о последствиях, наверное, считая себя чем-то похожими на альпинистов. Рисковые ребята. Но сейчас они взяли старика под руки и вели его по накренившемуся набок коридору, потом по лестнице, шажок за шажком, чтобы тот не упал — иначе это заняло бы еще больше времени, — а иногда даже беря его за лодыжки и переставляя ему ноги. Лестничная клетка была вся разбита: перила отвалились, трещины в стенах открывали вид на соседний дом. Стоял запах водорослей и ядовитая вонь высвободившейся грязи — хуже, чем в любом горшке. Снаружи доносился гул вперемешку с криками, ударами и прочими звуками. Темноту лестницы прорезали лучи света, падав-

шие под тревожно странными углами, а многие из ступенек сдвигались с места, когда на них наступали. Здание явно могло рухнуть в любой момент. Воздух наполнял болотный смрад, будто у дома развонялся кишечник или вроде того.

Когда они спустились к выходу на уровне канала — проем уже превратился в уродливый параллелограмм, — то оказались у пристани-крыльца и увидели, что канал был засыпан кирпичами, раскрошенным бетоном, сломанной мебелью и прочей рухлядью. Очевидно, обрушилась одна из двадцатиэтажек в соседнем квартале и то ли ударной волной, то ли всплеском канальной воды, то ли прямым воздействием своих обломков, то ли сочетанием всего перечисленного повалила за собой несколько строений поменьше. Выше и ниже по каналу здания либо накренились, либо разрушились. Из них еще выходили люди и ошарашенно пялились на груды обломков. Некоторые тянулись за ними, но большинство просто стояло и потрясенно осматривалось по сторонам. Мутная канальная вода пузырилась и плескалась — в ней уплывали крысы. Мистер Хёкстер присмотрелся и, увидев это, воскликнул:

— Охренеть, крысы бегут с тонущего корабля! Думал, никогда этого не увижу.

— Серьезно? — удивился Роберто. — Мы постоянно это видим.

Стефан закатил глаза, выражая нетерпение, и сказал, что им нужно куда-то отсюда отойти.

А потом и сам дом Хёкстера громко застонал позади них, и Стефан с Роберто подхватили старика под руки и, насколько могли быстро, потащили его к обломкам в канале. Над препятствиями они поднимали его в воздух, тяжело дыша из-за его неожиданно большого веса, и помогали преодолеть участки воды, иногда заходя в нее по бедра, но каждый раз находя нужный путь. Здание позади стонало и трещало, и это придавало им сил. Когда они добрались до места, где канал пересекался с 8-й улицей, то оглянулись и увидели, что дом мистера Хёкстера все еще стоял — если это можно было так назвать. Он наклонился набок еще сильнее, чем когда они из него выбежали, и остановился лишь потому, что его подпирало соседнее здание. Дом давил на здание, но оно пока держалось.

Хёкстер на какое-то время остановил взгляд на своем недавнем жилище.

— А сейчас я будто оглядываюсь на Содом и Гоморру, — проговорил он. — Вот уж чего тоже, думал, не увижу.

Ребята подхватили его под руки.

— Вы в порядке? — снова спросил его Стефан.

— Полагаю, вот так промокнуть — это для нас не очень хорошо.

— У нас в лодке есть бутылка отбеливателя, мы вас побрызгаем. Давайте поймаем вапо на 33-ю и поедем. Нужно отсюда уходить.

— Отведем его в Мет? — спросил Стефан у Роберто.

— А что мы еще можем сделать?

Они объяснили мистеру Хёкстеру, что собирались сделать. Он был в смятении и совсем не обрадовался.

— Ладно вам, — сказал Роберто. — Все будет хорошо.

— Мои карты! — вскричал Хёкстер. — Вы забрали мои карты?

— Нет, — ответил Роберто. — Но у нас на планшете есть отметка в навигаторе.

— Но мои карты!

— Мы можем вернуться позже и их забрать.

Это старика не утешило. Но больше не оставалось ничего, кроме как ждать вапоретто и стараться не попадать под дождь, который, к счастью, теперь только слегка моросил. Хотя все равно они уже успели хорошенько намокнуть.

С одной стороны причала для вапо была видна громадная куча обломков — там раньше стояла та высотка; казалось, в ней расплющило нижние этажи, а остальные завалились на юг, разнеся верхние этажи по двум или трем близлежащим каналам. Люди, ехавшие в лодках по 8-й, останавливались прямо посреди дороги и, создав пробку, наблюдали за обрушением. Теперь было очевидно, что вапо доберется до них не так быстро. Вдали завывали сирены, но неясно было, имели ли они отношение к произошедшему. Скорее всего, обломками придавило людей, и кто-то погиб при крушении, но об этом можно было лишь догадываться.

— Надеюсь, в соляные столпы мы не превратимся[46], — заметил мистер Хёкстер.

[46] Примечания: 46

По Библии, в соляной столп превратилась жена Лота при бегстве из Содома, когда, нарушив запрет, оглянулась назад.

3) Франклин

Нью-йоркские небоскребы слишком малы.

Предположил Ле Корбюзье

Финансокопы обнаружили богатые денежные жилы, залегающие под скалами и каньонами южной оконечности Манхэттена.

Сказал Шон О'Коннелл

Мы с Джоджо установили себе на экраны чат, в котором мало говорили о делах, хотя мы читали одни и те же каналы, необходимые всем, кто торговал прибрежными фьючерсами. Прежде всего чат был нужен, чтобы оставаться на связи, и у меня на душе теплело, когда в правом верхнем углу экрана что-то появлялось. Еще мы иногда обсуждали там какие-нибудь интересные движения на бирже. Например, пишем:

— Почему твой ИМС так падает?

— В Челси только что упала высотка.

— Он что, так сильно реагирует?

— Мой индекс к твоим услугам.

— Хвастунишка. Ты сейчас шортишь?

— Решила подстраховаться, да?

— Думаешь, упадет еще?

— Чуть-чуть. По крайней мере, пока Шанхай его не поднимет. А сейчас лови волну.

— Ты сам в лонге по межприливному?

— Не особо.

— Я думала, с правами владения там сейчас понятнее.

— Межприливный индекс зависит не только от этого.

— Еще от физического состояния?

— Именно. Если владение закрепляется за разрушенной собственностью, то что с того?

— А-а. И индекс это учитывает?

— Да. Это чувствительный инструмент.

— Как и его автор.

— Спасибо. Выпьем после работы?

— Ага.

— Заскочу за тобой на «клопе».

— Как мило.

* * *

Дальше я работал, то и дело отвлекаясь на мысли о предстоящем вечером свидании и яркие воспоминания о ее «О! О!». Этого было достаточно, чтобы я раз за разом смотрел на часы и гадал,

как пройдет эта ночь, проверял расписание приливов и размышлял о том, каково будет на реке после заката в мелвилловской атмосфере ночи, в атмосфере загадочности среди лунного света.

Мой ИМС для Нью-Йорка действительно немного опустился после новостей об обрушении в Челси, но вскоре стабилизировался и уже даже карабкался вверх. Вот уж в самом деле чувствительный инструмент. И сам индекс, и его производные, которые мы придумали в «УотерПрайс», росли самым приятным образом. Нашему успеху способствовало то, что непрерывное количественное смягчение, которое наблюдалось со времен Второго толчка и имело панический характер, влило туда больше денег, чем на рынке было хороших бумаг. По сути, это означало, что инвесторы были, давайте называть вещи своими именами, чересчур богаты. Следовательно, нужно было придумать новые возможности для инвестирования, и их придумали. Спрос рождает предложение.

Как мы выяснили, изобретать новые производные было несложно — наводнения в самом деле оказались примером созидательного разрушения, а это неотъемлемое понятие для капитализма. Я утверждаю, будто наводнения,

крупнейшая катастрофа в истории человечества, по своей разрушительной силе не уступающая войнам XX века, на самом деле были полезны для капитализма. Да, я это утверждаю.

Таким образом, с межприливной зоной разобраться было сложнее, чем с полностью затопленной, каким бы контринтуитивным это высказывание ни казалось жителю Денвера, который мог бы предположить, что чем глубже вас затопило, тем вы стали мертвее. Как бы не так! Межприливье — ни рыба ни мясо, оно дважды в день бывает сухим и дважды мокрым, порождает проблемы со здоровьем и безопасностью, которые зачастую несут катастрофические, а то и смертельные последствия. И что еще хуже, здесь возникают правовые трудности.

Устоявшееся право, восходящее к Римскому, вернее к Юстиниановскому кодексу, оказалось удивительно четким в отношении статуса межприливья. Это даже дико читать, будто предсказание из Древнего Рима:

Предметы, пользование которыми доступно всем, следующие: воздух и проточная вода, море и морские берега. Поэтому никому не возбраняется подойти к морскому берегу. Морской берег считается до того места, до которого достигает

наибольший осенний разлив. Общее пользование морскими берегами основывается на законах общенародного права, равно как и пользование самими морями. Посему всякий вправе построить на морском берегу хижину, где он может укрыться. Морские берега не составляют ничьей частной собственности и рассматриваются как объекты того права, какого будут и море, и все то, что находится под водой и сушей[47].

Большинство стран Европы и Америки до сих пор следуют римскому праву в этом отношении и своими ранними решениями после Первого толчка постановили, что новая межприливная зона — это земли общего пользования. И под этим подразумевалось не совсем то, что она государственная, а что принадлежит «неорганизованной общественности», что бы это ни значило. Будто общественность вообще бывает организованной, но, как бы то ни было, межприливье перешло во владение неорганизованной общественности. Юристы тут же принялись это оспаривать, взимая, конечно, почасовую оплату, и с тех пор этот пережиток римского права в современном мире вносит смуту в дела всех, кто заинтересован в

---

[47] Примечания: 47

В переводе Д. Расснера под редакцией Л. Кофанова, В. Томсинова.

работе — то есть в инвестировании в межприливье. Кто им владеет? Никто! Или все! Это ни частная собственность, ни государственная и, следовательно, как осмеливались предположить некоторые теоретики права, было неким возвращением общин. О которых в римском праве тоже много чего было написано, что служило приличной добавкой к нагрузке юристов с почасовой оплатой. Но исторически общины были вопросом общего права, что казалось логичным, однако с юридической точки зрения получалось крайне неоднозначно, из-за чего эта аналогия между межприливьем и общинами была мало полезна всякому, кто был заинтересован в ясности, в том числе финансовой.

И как вы будете строить что-либо в межприливье, как будете спасать имущество, восстанавливать его — как вкладываться в изуродованную неоднозначную зону, все еще страдающую от буйств и ударов приливных волн? Если люди заявляют о правах на разрушенные здания, которыми владели они сами или их законные правопредшественники, но не владеют землей, на которой те стоят, то чего теперь сто́ят эти здания?

Это был один из тех вопросов, на которые

отвечал ИМС. Он представлял собой специализированный индекс Кейса-Шиллера для межприливных активов. Людям нравилось знать его величину — это помогало им оценивать всевозможные инвестиции, включая ставки на производительность самого индекса.

Но что, пожалуй, еще важнее, он помогал рассчитать, сколько владельцы или бывшие владельцы межприливной собственности потеряли и на какую компенсацию могли претендовать. «Суисс Ре», одна из крупнейших перестраховочных компаний, страховавшая всех остальных страховщиков, оценивала общую сумму по всему миру примерно в 1300 триллионов долларов. Это 1,3 квадриллиона долларов, но, как по мне, 1300 триллионов звучит внушительнее. $1 300 000 000 000.

Но на самом деле это чрезвычайно низкая оценка, как для попытки точно сказать, чего реально стоят береговые линии для человечества. Если не делать скидки на будущее — что в финансовой сфере делается постоянно, — то межприливье будет стоить приблизительно дохреналион секстиллиардов долларов. Почему так? Да потому что будущее человечества как мировой цивилизации всецело зависит от наличия береговой линии

— вот почему.

Таким образом, нынешняя зона разрушений оценивается в равную сумму по потерям. И все равно никто не знал, кто чем владел или на какой стороне бухгалтерской книги находится тот или иной актив. Например, если вы владелец актива, застрявшего в полосе, которой никто не может владеть, то кто вы — должник или богач? Кто мог такое знать?

Мой индекс мог.

И это было здорово, потому что если межприливье и имело какую-нибудь ценность, пусть даже всего сикстиллиард-другой, то кто-то обязательно хотел им владеть. А кто-то другой — выжать из него в пятьдесят раз больше, чем можно было. Пятьдесят сикстиллиардов долларов в выжатых возможностях, если бы кто-то подставил сюда правдоподобное число или (что, по сути, одно и то же) позволил людям делать ставки на то, каким это число будет, тем самым создав эту ценность.

Это и делал мой индекс.

Все просто. Ну, или не так уж просто, раз на то, чтобы его разработать, понадобились все кванты, что были у меня в распоряжении, и все мое собственное понимание, чтобы хотя бы знать, что мне нужно от квантов. Но основная идея была

проста, и она принадлежала мне.

Я судил о том, насколько разные кусочки пазла влияли друг на друга и всю ситуацию в целом, и смешивал их в один общий индекс, уверяя всех, что это — точная оценка ситуации. Чтобы его можно было проверить, я перечислял все входившие в оценку элементы и основные данные для расчета, в котором применялись классические механизмы Блэка-Шоулза ценообразования производных, но полного алгоритма я не выдавал никому, даже «УотерПрайсу». Я раскрыл, что исходную отметку я взял такую, как Кейс и Шиллер, следовательно, оба индекса имело смысл сравнивать, а разрыв между ними наверняка был в числе тех показателей, на который делались ставки. Кейс и Шиллер обозначили среднюю цену на жилье в 1890-х годах как нормативные 100 пунктов и с тех пор устанавливали цены относительно этой отметки. Шиллер впоследствии часто указывал, что, несмотря на все подъемы и спады, цены, если учесть инфляцию, никогда не отклонялись слишком сильно от того уровня, что был в 1890 году; даже самые большие пузыри не раздувались много больше, чем 140, а обвалы редко снижали индекс ниже 95.

Итак, в ИМС брались цены на жилье и, соб-

ственно, сам уровень моря. Затем к этим двум основным составляющим добавлялись оценка совершенствования методов межприливного строительства; оценка скорости разрушения нынешних построек; фактор «изменений экстремальной погоды», выведенный по данным Национального управления океанических и атмосферных исследований; курсы валют; рейтинг правового статуса межприливья и амальгама индексов потребительского доверия, которые здесь были ключевыми, а такого не было в других сферах экономики, хотя добавить их в ИМС было с моей стороны свежим и спорным решением, поскольку в индексе Кейса-Шиллера этот фактор не учитывался. Используя такую смесь исходных данных, ИМС показывал, что в первые годы после Второго толчка стоимость затопленного и межприливного имущества «скейсшиллеровала» почти до нуля, что и было единственно верным: период тогда шел безутешный. Но это ретроактивная оценка, и к тому времени, когда мы ее ввели, в 2136 году, мы посчитали, что он составлял уже 47 пунктов. И с тех пор продолжал расти неровно, но неумолимо. Это, конечно, был еще один ключ к его успеху: долгосрочный бычий тренд обогащает всех гениев, что к нему

причастны.

Еще один ключевой момент заключался в самом названии: индекс межприливной собственности. Собственности, улавливаете? Само название утверждало то, что прежде подвергалось сомнениям, да и до сих пор было сомнительно. Но теперь собственность по всему миру уже стала как бы немного сжиженной. Собственностью стала просто претензия на доход. В общем, название оказалось революционным. И это было здорово. Обнадеживающе. Успокаивающе.

Так вот. Сейчас мировой ИМС составлял 104 пункта, нью-йоркский — 116, и оба росли быстрее, чем неприбрежный индекс Кейса-Шиллера, который сейчас был 135. А в конечном счете именно рост, сравнительная ценность и отличительное преимущество определяют, насколько индекс хорош. Так что ура ИМС!

Что же до инструментов, используемых для торговли по ИМС, то здесь все сводилось к размещению и предложению бондов, которые игроки могли лонговать или шортить. Мы были далеко не единственными, кто так делал; это был распространенный вариант инвестирования с несколькими переменными, что делало его волатильным и рискованным высокодоходным

инструментом, чем он и привлекал тех, кому такое было интересно. Каждую неделю происходил «всплеск и треск», как мы это называли, а потом объявляли о каком-нибудь новом методе аэрации затопленной территории, и случался так называемый «взлет и доход». При этом у каждого было свое мнение по поводу текущей ситуации и того, что ожидалось в будущем. А инвесторы так истосковались по возможностям, что у ИМС очень неплохо шли дела, если судить по количеству ставок на него. Так хорошо, что даже лучше, чем надо; он, по сути, двигал рынком, а заодно, возможно, и нашими мозгами.

Конечно, определенные предположения, которые я заложил в ИМС, должны были оставаться верными, иначе он стал бы неточным. Одно из них заключалось в том, что межприливная зона должна была сохранять свою правовую неопределенность и «джарндисить»[48] по судам с зеноновской[49] скоростью. Другое — в том, что большинство этих «постоянных» свойств не ис-

[48] Примечания: 48

Отсылка к фантасмагорической судебной тяжбе «Джарндисы против Джарндисов» из романа Чарльза Диккенса «Холодный дом».

[49] Примечания: 49

Один из парадоксов древнегреческого философа Зенона «Ахиллес и черепаха» описывает бесконечный процесс, в котором быстроногий Ахиллес не может догнать медлительную черепаху.

чезнут слишком быстро. Если скорость обвалов не взлетит по экспоненте, а останется более-менее на прежнем уровне и не превратится на графике в хоккейную клюшку, то можно будет следить за трендом и надеяться предсказать будущее, и да — можно делать на это ставки. Даже если упадут реальные активы, сам ИМС от этого не просядет.

Таким образом, мой индекс содержал и скрывал ряд предположений и аналогий, ряд округлений и догадок. Никто не знал этого лучше, чем я, потому что я сам принимал решения, когда кванты представляли мне варианты расчета тех или иных качеств. Я просто выбирал их, и все! Именно это делало его экономической величиной, а не физической. В итоге ИМС позволил другим (и «УотерПрайсу» в том числе) выдумывать свои производные инструменты, которые можно было предлагать и покупать. А потом их можно было включать в более крупные бонды и продавать снова. Люди любили индекс и его значения и не слишком-то вникали в его внутреннюю логику. Новые бумаги имели ценность сами по себе, особенно если высоко оценивались рейтинговыми агентствами, у которых, к счастью, была короткая память, как и у всех в сфере финансов, когда дело касалось их собственных нелепых суждений.

Поэтому рейтинги по-прежнему имели значение как штамп законности, как бы глупо это ни было, учитывая, что этим агентством владели те же люди, кого оно оценивало. Поэтому сейчас, как и всегда, можно было получить рейтинг AAA не за субстандартную ипотеку, очевидно плохую, но за подводную, явно гораздо лучшую! А о том, что вся подводная собственность была в некотором смысле крайне субстандартной, не упоминалось вовсе — говорилось лишь, что это один из аспектов очень прибыльных рисков.

Очередной пузырь, скажете вы, и будете правы. Но люди слепы, когда находятся внутри пузыря, — просто не видят его. И это очень круто, если вы знаете угол обзора, который позволит вам замечать сам пузырь. Страшновато, конечно, но и круто — ведь вы можете хеджировать, исходя из этого знания. Можете открывать короткие позиции. Можете, как я выяснил, сделав это, изобрести пузыревый инвестиционный инструмент, основанный более-менее на случайности, продавать его людям и смотреть, как он приобретает значимость. Все это время понимая, что он превращается в пузырь, шортить его, готовясь к моменту, когда он лопнет.

Мошенничество? Нет. Пирамида? Ничуть!

Только финансы. Все как есть законно.

* * *

Так предыдущие полгода я изучал статистику с береговых линий мира, пытался просчитать все тренды, гадал по чайным листьям, читал технические журналы, изучал многое, даже городские легенды. И пришел к убеждению, что момент, когда пузырь должен был лопнуть, уже близился. В некоторых регионах, таких как старый добрый Манхэттен, наблюдался огромный приток технологических инноваций, человеческого капитала и денежных ресурсов, и мы уже готовились освоить межприливье и выжать из него все что можно. Но бóльшая часть мира была далека от этих совершенств, и в результате там межприливье разрушалось быстрее, чем его восстанавливали. С начала Второго толчка прошло примерно пятьдесят пять лет, с окончания — сорок, и по всему миру строения испускали дух и рушились навсегда. Маленькие строения, крупные, небоскребы — последние падали с мощным всплеском, так, что рынок содрогался от последствий. Однако мы успевали подогнать ИМС, обыграть получившийся толчок и получить еще немного очков на свой счет — и после этого

пузырь продолжал раздуваться дальше. Только казалось, будто всему миру грозило катастрофически накрыться крышкой. И чем больше я шортил, тем больше помогал пузырю лопнуть.

Что могло быть тревожнее и круче этого?

И я собирался на пятничные посиделки с Джоджо, а потом, возможно, мы с ней побудем на реке, в полуночный прилив, при полной луне, идеально! «О! О!»

* * *

Я вышел с работы и пожужжал к «Эльдорадо Эквити» на перекрестке. Повернув на Канал-канал, как его любили называть туристы, я обнаружил его загруженным обычным дневным трафиком: моторные лодки стояли корма к носу, борт к борту, так что за ними и воду было тяжело разглядеть. Можно было перейти канал по лодкам, даже без необходимости куда-то перепрыгивать, и некоторые продавцы цветов так и поступали.

Джоджо ждала на пристани своего здания — я почувствовал, что мое сердце забилось быстрее. Я «поцеловал» пристань правым бортом и поздоровался:

— Привет.

— Привет, — сказала она, бросив быстрый

взгляд на запястье, но я прибыл вовремя, и она кивнула, будто признавая это. Затем грациозно прошла по палубе к кабине, и мне, глядевшему на нее из-за руля, казалось, будто ее ноги тянулись бесконечно.

— Как насчет устричного бара на 40-м рифе?

— Звучит неплохо, — сказала она. — А у тебя есть шампанское на этом прекрасном судне?

— Конечно, — ответил я. — А что празднуем?

— Пятницу, — ответила она. — А еще я сделала маленькую меценатскую инвестицию в жилье в Монтане, и, кажется, очень удачно.

— Молодчина! — похвалил я. — Уверен, народ там очень обрадуется.

— Это точно, обрадуется.

— Шампанское в холодильнике, — сказал я, — или хочешь сама порулить?

— Конечно.

Я нырнул вниз и вернулся с четвертью[50].

— Боюсь, у меня только четвертинки есть.

— Ничего страшного, все равно скоро будем на 40-й.

— И то правда.

Мы оба работали, как обычно, допоздна, и до

---

[50] Примечания: 50

Маленькая бутылка шампанского, соответствующая 1/4 стандартной и имеющая объем 187,5 мл.

заката оставалось всего полчаса. Я прожужжал по Западному Бродвею к 14-й, а потом повернул на запад. Пока мы пробирались по залитому солнцем каналу в плотном транспортном потоке, я открыл бутылочку шампанского.

— Очень приятное, — сказала она, сделав глоток.

Вечернее солнце сверкало на беспокойной воде, переливаясь мириадами оранжевых отблесков на черном покрывале. Очередной штрих «новой Венеции», и мы выпили за это, пока тащились со скоростью транспортного потока. Отражающийся от воды свет заливал Джоджо лицо, и создавалось ощущение, будто мы стоим на грандиозной сцене и играем пьесу перед богами. И вновь я испытал то неизведанное чувство, что поднималось у меня из глубины горла; казалось, будто сердце разбухало в груди; пришлось проглотить вставший в горле ком. Это был словно какой-то страх — неужели кто-то может настолько меня привлечь? Что, если в самом деле я с кем-то сумею по-настоящему сблизиться?

Затем мой браслет издал первые три ноты «Фанфар обыкновенному человеку», и я недовольно проверил, что случилось, и только после этого понял, что надо было сразу его отключить. Но уже

успел увидеть: в той высотке, что упала в Челси, погибли десятки человек, а может, и сотни.

— О нет! — воскликнул я, не сдержавшись.

— Что?

— Это же то здание в Челси, которое обрушилось. Там находят тела.

— Ой, и правда ужас. — Она отхлебнула еще. — Твой ИМС еще не отрос обратно?

— Почти.

— Хочешь поехать посмотреть?

Кажется, я секунду простоял с разинутым ртом. Посмотреть я вроде и хотел, но в то же время и нет. Вообще-то мне было важно оставаться в курсе свежих событий межприливья, поскольку следовало вылезти из пузыря до того, как он лопнет. Но неужели он лопнет только из-за того, что эта высотка повторила номер с Маргарет Хэмилтон?[51] К тому же я ехал в устричный бар с Джоджо Берналь и не хотел, чтобы она думала, будто сейчас для меня существовало что-то более важное.

Но пока я обо всем этом размышлял, она рассмеялась надо мной.

---

[51] Примечания: 51

Маргарет Хэмилтон (1902–1985) — американская актриса, наиболее известная исполнением роли Злой ведьмы, раздавленной домиком, в фильме «Волшебник страны Оз» (1939).

— Давай, поехали, — сказала она. — Это почти по пути.

— Действительно.

— Или ты думаешь, что, если это ключевое событие, тебе одному надо нажать на кнопку, чтобы выйти?.. Ты готов двигаться быстро?

— У меня счет на наносекунды, — ответил я гордо и повернул на Западный Бродвей.

Когда мы поднялись к 27-й, на «водомерке» стало не очень удобно, потому что из-за крыльев ее сносило в сторону чуть ли не на пять футов. К счастью, прошла всего пара часов после максимального прилива, и это позволило мне выдержать курс на север, прежде чем повернуть на запад.

Когда мы подобрались ближе к месту крушения, к привычной аммиачной вони приливной зоны добавился другой запах, возможно, креозота, с нотками асбеста, треснувшей древесины, разломанных кирпичей, раскрошенного бетона, покореженной ржавой стали и затхлого воздуха заплесневелых комнат, разбившихся, будто тухлые яйца. Да, упавшее межприливное здание. У них всегда такой характерный запах.

Я замедлил ход. Закат разливал повсюду свой горизонтальный свет, придавая каналам и здани-

ям глянцевый вид. На каждом здании виднелось узкое сливное отверстие. Да, межприливье — зона неопределенности и сомнения, область риска и наград, побережье, принадлежавшее неорганизованной общественности. Продолжение океана, в котором каждое здание было как пригвожденный к своему месту корабль, который, как все надеялись, не разломится.

Но одно из них все-таки обвалилось. Не чудовищный небоскреб — всего одна из двадцатиэтажек к югу от старого почтового отделения. Теперь потребительская стоимость трех других, которая рухнула в момент падения этой, зависела от того, удастся ли определить причину, почему это произошло. Сделать это всегда было непросто, и такие обрушения здорово олицетворяли сам рынок. Они нередко случались просто так, в ответ на какие-то невидимые потрясения. Я рассказал все это Джоджо, и она, поморщившись, кивнула.

Мы медленно пожужжали вверх по 7-й, оглядывая разгромленные улицы. Проходить так близко было опасно — в каналах теперь валялись груды хлама, который можно было задеть. Это было отчетливо видно там, где он аж торчал над поверхностью, и почти явно — где черную воду беспокоили ряби и воронки, тогда как по всему

району отлив уносил воды на юг. Остальные же участки канала выглядели пригодными для прохождения и едва ли могли повредить корпус. Так что я осмотрел разрушения с нескольких каналов по очереди, проплывая издали, где, как считал, было безопасно, а потом повернул обратно.

Было ясно, что высотка упала жестко, смяв, наверное, половину своих этажей, а потом рассыпавшись на юг и на восток. Остатки плоской крыши так покосились, что мы видели все водные резервуары и зелень, что росла в ее садах. Наверное, все это слишком много весило, хотя такое становилось очевидным лишь после. Спасатели в характерных едко-желтых и оранжевых одеждах осторожно осматривали то, что осталось от пожарных катеров, патрульных лодок и тому подобного.

Множество более мелких зданий оказались либо раздавленными обломками высотки, либо опасно покосились. Там, где обрушились наружные стены, стали видны комнаты, пустые или обставленные мебелью, но в любом случае производящие жалкое впечатление.

— Да тут весь район разнесло! — воскликнула Джоджо.

Я сумел лишь кивнуть в ответ.

— Много там, наверное, погибших.

— Говорят, да. Хотя кажется, многие дома были пусты. — Я повернул и направился обратно к 7-й. — Давай подумаем над этим в 40-м рифе. Я хочу выпить.

— И поесть устриц.

— Точно.

Я рулил к 7-й, но, когда мы проходили мимо 31-й, я услышал крик:

— Эй, мистер! Эй, мистер!

— Помогите!

Это были те двое мальчишек, в которых я чуть не врезался к югу от Бэттери.

— О нет, — проговорил я и не стал сбавлять ход.

— Стойте! Помогите, помогите!

Вот засада. Нужно было не обращать внимания и жужжать мимо, но Джоджо посмотрела на меня изумленно, явно не понимая, почему я рулил дальше, игнорируя такую прямую просьбу. А мальчишки держали под руки старика — меньше их ростом и на вид совершенно разбитого. Как будто ему отказали ноги. Они все промокли, лицо у одного из парней было все в грязи.

Я выключил мотор.

— Эй, вы что там делаете, пацаны?

— Попали под крушение!

— У мистера Хёкстера обрушился дом!

— А-а.

— У нас браслеты промокли и отключились, — продолжил высокий, — и мы шли к вапо. Можно нам позвонить с вашего?

— Можете подвезти нас? — предположил более мелкий и наглый.

Старик между ними просто смотрел через плечо на свой район и казался совсем опустошенным.

— С вашим другом все хорошо? — спросила Джоджо.

— Со мной нехорошо! — воскликнул старик, не оборачиваясь на нее. — Я все потерял. Остался без своих карт.

— Каких карт? — спросил я.

— У него была коллекция, — ответил мелкий. — Все виды карт США и чего угодно. И в основном Нью-Йорка. Но сейчас его нужно куда-то отвезти.

— Вы ранены? — спросила Джоджо.

Старик не ответил.

— Он устал, — ответил высокий парень. — Мы много прошли.

Я заглянул Джоджо в лицо и сказал:

— Ладно, залезайте на борт.

* * *

Они устроили у меня в кабине такой же беспорядок, как и в моих планах. Я предложил отвезти их обратно к дому старика, думая, что, раз вечер уже перегажен, я могу уже совсем удариться в благотворительность, но все трое разом покачали головами.

— Мы попробуем вернуться туда позже, — сказал мелкий. — Но пока нам нужно отвезти мистера Хёкстера туда, где он сможет высушиться и все такое.

— Это куда?

Они пожали плечами.

— Может, в Мет? Владе знает, что нужно делать.

— Вы живете в Мете на Мэдисон-сквер? — спросила Джоджо удивленно.

— В том районе, — сказал мелкий, глядя на нее. — А вы живете во Флэтайроне, да?

— Да.

— Правда? — переспросил я.

— Да, — повторила она.

— Так мы соседи! — воскликнул я. — Разве я об этом знал?

— Я думала, да.

К этому времени я совсем запутался и пытался это осмыслить, и, конечно, это было видно. Наверное, я просто не упоминал, где жил, мы больше говорили о работе, и я не знал, где жила она. После той ночи у острова Говернорс я отвез ее в офис, как она просила, и подумал, что она жила в том же здании. А сам потом поплыл домой.

— Так можно мне ваш браслет? — спросил мелкий у Джоджо. Она кивнула и протянула руку, а он набрал на нем нужный номер и сказал вслух: — Владе, у нас промок браслет, но, может, разрешишь нам обсушиться у тебя в офисе? С нами еще друг, сегодня обрушилось здание, где он жил.

— Я как раз думал, не туда ли вы направились, — донесся голос управляющего из браслета Джоджо. — Вы сейчас где?

— На перекрестке 31-й и 7-й, нас подобрал мужчина на зуммере, который живет в вашем здании.

— Это еще кто?

Ребята посмотрели на нас.

— Франклин Гэрр, — назвался я.

— Ах да, привет. Я тебя знаю. Так что, привезешь их в здание?

Я посмотрел на Джоджо и сказал в свой брас-

лет:

— Да, можем привезти. С ними друг, которому нужна помощь. У него обрушился дом, когда упала та высотка в Челси.

— Жалко. Я его знаю?

— Мистер Хёкстер, — сказал мелкий. — Мы были у него в гостях, когда это случилось.

— Так, ладно, приезжайте, и посмотрим, что можно сделать.

— Хорошо, — ответил я. — До встречи.

* * *

Я направил «клопа» к Бродвею, а потом по широкому каналу сквозь вечерний трафик в сторону Мета, против своего желания, но не подавая вида. Это была жалкая замена тому, что я задумал на этот вечер, но что тут поделаешь? Пока с наших потерпевших на пол кабины падали черные капли, лодка двигалась низко над водой, сильно наклоняясь набок. Я вел ее через плотный вечерний поток. Для малых лодок существовало правило: три корпуса — три человека. Но не в этот вечер.

Наконец мы пересекли бачино Мэдисон-сквер и добрались до входа в эллинг Мета. Там остановились, дожидаясь, пока управляющий даст знак

заходить внутрь. У меня не было ни малейшего желания бесить его с этим зверинцем на борту.

Он высунул наружу голову и кивнул:

— Заходите. Вы, ребята, выглядите, как мокрые крысы.

— А мы видели, как крысы оттуда уплывали!

— Когда большое здание рядом с домом мистера Хёкстера обрушилось, нас окатило водой!

Управляющий мрачно покачал головой — он часто так делал.

— Роберто и Стефан, разносчики хаоса.

Им понравилась эта шутка!

— Вы можете впустить мистера Хёкстера в какую-нибудь времянку? — спросил один из мальчиков. — Ему нужно согреться и помыться. Хотите поесть и отдохнуть, мистер Хёкстер?

Старик кивнул. Он все еще был как в тумане. Оно и понятно: люди, которые ютились в межприливье, обычно не имели других квартир.

Управляющий с сомнением покачал головой:

— У нас нет места, вы знаете. Это надо с Шарлотт разговаривать.

— Как всегда, — сказал мелкий.

Джоджо, казалось, все это приносило удовольствие, но я не понимал почему.

— Она придет примерно через час, — сказал

управляющий. — А пока идите в ванные возле столовой, помыться можно там. Я узнаю, получится ли у Хелоиз найти, где ему поселиться… на случай, если Шарлотт разрешит.

Я прожужжал в эллинг, и все сошли с лодки. Мальчишки повели своего престарелого друга вверх по лестнице, где была столовая, а я посмотрел на Джоджо.

— Ну что, поедем? — предложил я.

— Раз уж мы здесь, — отозвалась она, — я бы сходила во Флэтайрон переодеться. Да и, может, здесь поедим? Что-то я устала.

— Хорошо, — согласился я скрепя сердце. Она была уже не в том настроении, в каком я забрал ее с работы, и я не знал почему. Может, это как-то связано с мальчишками или стариком? Или со мной? Это было странно. Мне хотелось, чтобы она вела себя так, как в тот раз. Но оставалось только согласиться с ней и надеяться на лучшее.

* * *

Я оставил лодку управляющему, чтобы он убрал ее из прохода, но попросил поставить так, чтобы я мог вскоре быстро на ней выйти — на случай, если Джоджо передумает. Тот поджал губы и подцепил «клопа» краном, ничего не ответив. Не

знаю, что в нем находили другие жильцы. Если бы решал я, я бы его уволил. Но решал подобные вопросы не я — потому что я не мог тратить время на многочисленные советы и комитеты, что существовали у нас в здании. Мне хватало и своей работы. И мне просто нравилось снимать квартиру в красивом здании, которое было не очень далеко от работы и откуда я мог каждый день летать на своем «клопе». Я легко мог позволить себе доплату для не состоящих в кооперативе, пусть та и была бесстыдно чрезмерной и предназначалась для того, чтобы обдирать временных жильцов вроде меня. Я надеялся, что кто-нибудь все-таки оспорит в суде эту систему с удвоением цены, которая казалась мне крайне вредной и, возможно, незаконной, но никто на это не шел.

И пока я, негодуя из-за сорванного вечера, ждал, когда Джоджо вернется из Флэтайрона, мне пришло в голову, что ни у кого из тех, кто мог бы потратить свое время на разбирательство с этим несправедливым правилом, не хватало денег даже на оплату аренды в этом здании. Правление устанавливало расценки, не считаясь с арендаторами, не состоявшими в кооперативе, и это было умно́ — наверняка с подачи той женщины, председателя, известного борца за социальную

справедливость. Здесь, в кооперативе, была ее основная работа. Помешанная на контроле не меньше управляющего, эта женщина председательствовала не знаю сколько лет, но много — она уже была во главе кооператива, когда я сюда переехал. Ясно, что они с управляющим на короткой ноге.

И — о чудо! вот она, собственной персоной! Разговаривает с мальчишками и стариком. Шарлотт Армстронг, безвкусно одетая и изможденная, напряженная и недовольная. Это довершило мой день. Я проследовал за ними в столовую, держась поодаль, чтобы не пришлось присоединиться к ним раньше, чем это станет необходимым. Но затем у входа в общую комнату появилась Джоджо — пройдя по крытым переходам, соединявшим Мет с Уан-Мэдисоном[52] и Флэтайроном, по крайней мере я так подумал. Еще не заметив меня, она направилась к ребятам, поэтому у меня не осталось выбора: пришлось идти к ним.

Я поздоровался, и председатель отнеслась ко мне очень мило, и Джоджо обратила на это внимание. Я был вынужден невинно поднять брови, а потом признать, что все было правдой: я снова

---

[52] Примечания: 52

50-этажный элитный жилой комплекс, расположенный рядом с Мэдисон-сквер.

спас «портовых крыс» от мрачной участи.

— Может, поедим? — предложил я, уже изнывая от голода, и часть присутствующих кивнула. Остальные продолжили расспрашивать обездоленного старика из Челси, как тот себя чувствовал. Шарлотт и Джоджо прошли за мной в столовую, и, слушая, как они общались, я показал служащему свою мясную карту. Разговор у них выходил довольно натянутый и неловкий: соцработник и финансист — не лучшая пара. В очереди вокруг нас я видел много знакомых лиц и много незнакомых тоже. В здании жило слишком много людей, чтобы знать всех, пусть даже их лица зачастую казались знакомыми.

Служащий считал мою карту, и я укатил поднос с карнитас и тортильями. Чтобы получить в этой столовой хоть какое-нибудь мясо, за него нужно было поработать — это был способ склонить побольше людей к вегетарианству и сохранить достаточно мяса для остальных, потому что лишь немногим было по силам раскормить поросенка, а потом убить его, пусть даже нашими супергуманными пистолетиками, обеспечивающими им мгновенную смерть. Многие люди становились донельзя человечными и решали, что проще есть искусственное мясо, либо вообще стать вегета-

рианцами, либо есть где-нибудь в другом месте, когда хочется мяса.

Я сам путем прямого эксперимента выяснил, что, хоть свиньи, выращенные на ферме, всегда кажутся очеловеченными — особенно тем, кто их вырастил, — это ничуть не останавливало моей убийственной руки. Потому что если вы принимаете свинью за человека, то этот человек должен быть чрезвычайно уродливым и наверняка окажется благодарен, если вы избавите его от страданий. Обычно я представлял вместо свиней управляющего или своего дядю, а потом, на неделе, наслаждался их вкусом. И никаких угрызений совести — ведь, перенеся их с фермы на тарелку, я лишь сделал им благо. Без меня и других плотоядных вокруг они даже не существовали бы, а так прожили прекрасные два года, и их жизнь была лучше, чем у многих людей в этом городе.

— Опять мясо ешь? — спросила Джоджо, когда мы встретились у стойки с салатами.

— Да, опять.

— А ты выполняешь все требования на мясном этаже?

— Выполняю. И поэтому оно кажется мне более настоящим, более заслуженным. Прямо как работа трейдером, не находишь?

— Не нахожу.

— Да шучу я.

Конечно, с моей стороны было довольно глупо шутить о работе, учитывая обстоятельства этого вечера, но я частенько говорил не думая, особенно после долгих часов перед экраном. Когда я заканчиваю эти сессии, мой самоконтроль ослабляется, и тогда с губ может сорваться что-нибудь странное. Я не раз замечал это по вечерам. И сейчас я приказал себе немного остыть и проследовал за Джоджо к нашему столику, вновь очарованный ее плечами и струящимися по спине волосами. Черт бы побрал тех пацанов!

* * *

Мы все собрались за одним столом: мальчишки со своим престарелым другом, Джоджо, Шарлотт, я и управляющий, которого звали Владе, что казалось мне очень подходящим именем — как Влад Колосажатель, тот душегуб, средневековый князь Валахии. Нас было многовато, чтобы вести за столом общий разговор, особенно при том, что в большой столовой находились еще сотни человек и поэтому стоял шум. И при том, что группа играла в углу «Музыку для восемнадцати музыкантов» Райха, выстукивая ложками

разного размера и напевая что-то бессловесное. Тем не менее все принялись расспрашивать старика, как тот себя чувствовал, и Шарлотт, выслушав его историю и недовольно сощурившись — несомненно, размышляя о нулевом или даже отрицательном количестве вакансий в нашем здании, — предложила ему остаться временно, до тех пор, пока он «не сможет вернуться к себе или не подыщет что-нибудь более подходящее».

— А он не может просто остаться здесь? — спросил у нее мелкий.

— У нас все занято, вот в чем беда, — ответила Шарлотт. — И ожидающих целая очередь. Поэтому я могу предложить только что-нибудь из временных помещений. Хотя и они забиты, и жить долгое время там не очень удобно.

— Лучше, чем ничего, — сказал мелкий. Его звали вроде бы Роберто. Либо Роберто, либо Стефан.

— А старый его дом совсем плох? — спросил я, проявляя интерес к разговору.

Старик поморщился. Высокий мальчик, вроде бы Стефан, ответил:

— Он наклонился очень конкретно.

Старик, все еще не оправившийся от потрясения, издал стон.

— Давайте-ка я принесу вам выпить? — спро-

сил его я.

Джоджо этого будто не заметила, но Шарлотт посмотрела на меня с признательностью, когда я поднялся из-за стола. Я собирался заодно налить что-нибудь и себе. Старик кивнул, когда я взял его стакан.

— Красного вина, спасибо, — сказал он.

Ему предстояло научиться избегать красного вина, если он собирался пробыть здесь больше двух дней, и разве что обходиться только его вяжущими таннинами. Но я кивнул и отошел наполнить его стакан красным вином и свой — винью-верде. И тот и другой напитки производились в маленьком винограднике Флэтайрона, который живописно свисал с обеих длинных сторон здания. Но верде там было гораздо приятнее, чем их же шасла. Вернувшись с двумя стаканами, я спросил:

— Еще кому-нибудь набрать, пока я не сел?

Но все слушали, как старик описывал крушение своего дома, и лишь отрицательно покачали головами.

— Самое главное — забрать мои карты, — сообщил он, глядя на сидевших по бокам от него мальчиков. — Они в шкафах у меня в гостиной. У меня есть карта командования и куча других.

Нельзя, чтобы они промокли, поэтому чем быстрее, тем лучше.

— Мы пойдем туда завтра, — заверил его Роберто, слегка кивнув престарелому другу, будто бы говоря: «Сейчас об этом не надо говорить».

Я задумался: с чего бы это? Может, они просто не хотели, чтобы Владе думал, что они решили вернуться в межприливье? И в самом деле, управляющий насупился, но высокий, увидев это, сказал:

— Да ладно вам, Владе, мы там каждый день бываем.

— Сейчас, когда здание рухнуло, это совсем другое, — ответил тот.

— Мы знаем, поэтому будем осторожны.

Пока они успокаивали управляющего и старика, Шарлотт и Джоджо решили познакомиться поближе.

— И чем вы занимаетесь? — спросила Джоджо.

Шарлотт нахмурилась:

— Работаю в Союзе домовладельцев.

— Значит, занимаетесь тем же, что сейчас сделали для мистера Хёкстера.

— Более-менее. А вы?

— Я работаю в «Эльдорадо Эквити».

— Это хедж-фонд?

— Верно.

Шарлотт не удивилась. Она провела быстро переоценку Джоджо, посмотрела на ее тарелку.

— И как, интересно?

— Да, пожалуй. Я занимаюсь финансами в проекте восстановления Сохо, и дела идут очень неплохо. Не удивлюсь, если кто-нибудь из ваших жильцов поселится там, ведь там есть сектор для людей с низкими доходами. Еще год назад там стоял только каркас, как и во всем том районе. Нужны немалые вложения, чтобы вернуть затопленный район к жизни.

— Действительно, — отозвалась Шарлотт, слегка сощурившись. Она будто бы готова была согласиться, особенно учитывая то, чем занималась сама. Городу всегда требовалось больше жилья, чем у него было, и в первую очередь это касалось затопленной зоны.

— Погодите, я слышу, вы положительно отзываетесь об инвестиционном финансировании, — вмешался я. — Мне нужно записать это себе в браслет.

Шарлотт сверкнула на меня недобрым взглядом, Джоджо посмотрела неодобрительно. Тогда я переключился на старика.

— Вы выглядите уставшим, — заметил я

ему. — Может, вам помочь добраться до вашей комнаты?

— Мы насчет этого еще не определились, — сказала Шарлотт.

— Так, может, пора? — предположил я.

Она взглянула на меня так, что стало ясно: удержаться от закатывания глаз ей удалось только благодаря недюжинному контролю над мышцами.

Я улыбнулся.

— В капсулу в садах? — предложил я.

— А это уже не «место происшествия»? — спросил Владе.

Шарлотт отрицательно качнула головой.

— Они там уже сделали все, что им было надо. Джен сказала, можно снова ею пользоваться. Но там разве тепло?

— У меня в комнате был мороз, — сказал старик. — Мне все равно.

— Тогда ладно, — согласилась Шарлотт. — По крайней мере, этот вариант самый простой.

Мальчики беспокойно переглянулись. Возможно, они не хотели, чтобы на них возложили обязанность жить вместе с их другом. Шарлотт словно не замечала их беспокойства. Возможно, они жили в этом здании или где-то поблизости

без ее ведома. Сейчас было не время их спрашивать. У меня возникло ощущение, что любое мое замечание за этим столом не будет воспринято хорошо, и лучшей для меня перспективой было доесть и сбежать — разумеется, найдя тому достойное оправдание.

Моя тарелка была пуста, старика — тоже. Вид у него был убитый.

— Я помогу вам туда подняться, — проговорил я, вставая из-за стола. — Идемте, пацаны. — У тех тарелки опустели уже в считаные секунды после того, как они сели. — Завершите начатое.

Владе кивнул им, а потом присоединился к нам, когда мы направились к лифтам, оставив двух женщин.

Но прежде чем идти к лифтам, я неуверенно задержался возле Джоджо и спросил ее:

— Увидимся позже?

Она сдвинула брови:

— Я устала, скоро, наверное, пойду домой.

— Хорошо, — ответил я. — Я зайду, когда мы закончим. Может, еще тебя застану.

— Я скоро поднимусь к вам, — сообщила Шарлотт. — Хочу посмотреть, как вы там устроитесь.

В общем, вечер был испорчен. Более того, все шло плохо почти все это время, судя по лицу

Джоджо, и меня это встревожило не на шутку. Требовалось внести коррективы, но какие именно? И из-за чего?

Часть третья
Ликвидная ловушка

А) Гражданин

Утонуть, промокнуть, погостить у Дейви Джонса[53] в шести саженях под водой, пропитаться, пропитаться полностью, заплесневеть, завонять, перепачкаться, поплескаться, побултыхаться, посерфить, пободисерфить, понырять, попить, напитаться, нырнуть с аквалангом, погрузиться, позаниматься хай-дайвингом, окатиться водой, напиться, облиться, увлажниться, попасть под струю, подышать с трубкой, поплавать на байдарках, поплавать на спине, подвергнуться пытке водой, взять в рот кляп, задержать дыхание, побывать в трубе, погрузиться на батискафе, принять ванну, помыться в душе, поплавать, поплавать с рыбами, порезвиться с акулами, поболтать с моллюсками, поваляться с лобстерами, побеседовать с Ионой, побывать в животе у кита, пору-

[53] Примечания: 53

Морской дьявол, капитан «Летучего голландца» из фильмов серии «Пираты Карибского моря».

лить с рыбой-лоцманом, полевиафанить, отрастить плавники, наклюкаться, окунуться, облепиться моллюсками, отлепить от себя моллюсков, засолиться, залезть в рассол, шлепнуться о воду животом, потралить, порыскать на дне, подышать водой, съесть воду, спустить воду, постираться в машинке, сесть в субмарину, уйти на глубину, опуститься на дно океана, всосать его, всосать воду, подышать водой, подышать H_2O, сжижиться, раствориться, расплющиться, облиться, пролиться, обрызгаться, опи́саться, опи́сать, попасть под «золотой дождь», углубиться, превратиться в эмульсию, закрыться раковиной, стать устрицей, соскребнуться ракелем, растопиться, растаять, стать бескрайним, отложиться глубинной бомбой, подорваться торпедой, насытиться, принять ванну, ороситься, впасть в реку, впасть в ручей, наводниться, побыть Ноем, погрузиться на подводной лодке, универсально раствориться —

ad aqua infinitum[54].

То, что Первый толчок проигнорировало целое поколение людей с унцией мозга, — это миф. Впрочем, как и большинство мифов, он имеет под собой некоторые реальные основания, которые затем были преувеличены. Заключаются они в том, что Первый толчок поверг людей в глубокий шок — а как могло быть иначе, если уровень моря за десять лет поднялся на десять футов? Этого уже было достаточно, чтобы исказить береговые линии по всему миру, а также доставить серьезные неудобства всем крупнейшим дерьмовым портам и их дерьмовой торговле. Торговле контейнерами, которые миллионами циркулировали на дизельных кораблях и грузовиках, перемещавших все, что нужно было людям, что производилось на одном материке и потреблялось на другом. Торговцы искали наивысшей прибыли, только прибыль заботила людей того времени. Таким образом, само игнорирование последствий горения углерода высвободило лед, что привело к повышению уровня моря. А это повышение и нарушило мировую систему сбыта и вызвало упадок, нанесший еще больший ущерб

[54] Примечания: 54
В бесконечной воде (*лат.*).

тому поколению, что столкнулось с миграционным кризисом. А кризис тот, если выразить его в популярной в то время единице, оценивался в пятьдесят ураганов «Катрина». Приятного было мало, но еще меньше приятного в полном разладе мировой торговли. Так что да, Первый толчок стал катастрофой высшего порядка, привлек внимание и, разумеется, повлек перемены. Люди перестали сжигать углерод, хотя до толчка считали, что, конечно, откажутся сжигать его, но не сейчас, когда-нибудь. Они, образно говоря, закрыли дверь в конюшню в ту же секунду, когда из нее сбежали лошади. Четыре лошади, если точнее.

Но было, конечно, поздно. Глобальное потепление, начавшееся задолго до Первого толчка, к тому времени уже было не остановить никакими силами. Поэтому, несмотря на «изменение всего», несмотря на обезуглероживание ускоренными темпами, какими его следовало провести пятьюдесятью годами ранее, их все равно поджаривало, как жуков на сковородке. Даже забрасывание в атмосферу миллиардов тонн диоксида серы (имитация извержения вулкана, чтобы преломить немалую долю солнечного света и снизить температуру на один-два десятка лет), что было проделано в 2060-х — к большой радости и/или

со скрежетом зубов, — оказалось недостаточным, чтобы остановить потепление. Тепло уже достигло глубин океана и за короткий срок никуда бы не делось — как бы настойчиво люди ни пытались играть в глобальный термостат, воображая, что наделены божественной силой.

Именно океанское тепло растолкало Первый толчок, а позднее привело и ко второму. Сейчас некоторые говорят, что не знали, не ожидали этого, но нет — всё они знали. Палеоклиматологи посмотрели на ситуацию и увидели, что уровень CO_2 взлетел с 280 до 450 частей на миллион менее чем за 300 лет — быстрее, чем когда-либо за пять миллиардов земной истории (можем мы тут сказать «антропоцен», ребята?). Тогда они изучили геологическую летопись на предмет ближайших аналогов столь беспрецедентного события и сказали: «Ого! Срань господня! Народ, уровень моря поднимается! В эемский период[55] температура выросла вдвое меньше, чем у нас сейчас, и это сразу же вызвало быстрый и значительный подъем уровня моря!» А потом вместили это во фразу, которую уместно было бы наклеить на бампер: «Рекордный выпуск CO_2 вызовет существенный

[55] Примечания: 55

Межледниковый период, начавшийся около 130 тыс. лет назад и завершившийся около 115 тыс. лет назад.

подъем уровня моря!» Они публиковали статьи, кричали и размахивали руками; особенно практичные и рассудительные писатели-фантасты выпустили несколько мрачных книг о возможных последствиях, а остальная часть цивилизации продолжала поджигать планету, как «Горящего человека»[56]. Правда. Вот насколько тех болванов заботили их внуки, вот насколько они верили своим ученым, при том, что при малейшем проявлении простуды тут же бежали за помощью к ближайшему из них, то есть доктору.

Что ж, ладно, ведь нельзя же как следует представить катастрофу, пока она не случится. У людей для этого просто неподходящий склад ума. Если бы можно было, вас бы постоянно парализовало от страха — ведь бывают и гарантированные катастрофы, нависающие над людьми и неотвратимые (например, смерть). Поэтому эволюция любезно создала вам расположенное в стратегическом месте слепое пятно в сознании — неспособность вообразить будущие несчастья в правдоподобном ключе. Благодаря ему ваш организм может продолжать функционировать, каким бы бесцельным это функционирование ни

[56] Примечания: 56

Огромная деревянная статуя человека, ежегодно сжигаемая на одноименном фестивале (Burning Man) в пустыне в штате Невада, США.

было. Это апория, как сказали бы греки и находящиеся среди нас интеллектуалы, — «не-видение». Так что это хорошо. Полезно. Только катастрофически ужасно.

В общем, в 2060-х вслед за Первым толчком люди столкнулись с большим упадком, и, конечно, в том поколении встречались такие, примерно один процент от общего населения, которые по чистой случайности перенесли трудности довольно неплохо. Они считали все это актом созидательного разрушения, равно как и все дурное, что их не касалось. Чтобы справиться с бедой, всем людям, по их мнению, требовалось просто взять с них пример и смириться с необходимостью жесткой экономии — чтобы бедные стали еще беднее, — и признать полицейское государство с широкой свободой слова и сумасбродным укладом, где мягко стелют, да жестко спать, — и вуаля! И шоу будет продолжаться! Людей так просто не возьмешь!

Но притормозите немного — и те из вас, кому не терпится вернуться к повествованию о похождениях отдельных людей, могут перелистнуть сразу к следующей главе, — притормозите, читатели с более широким кругозором и большей гибкостью ума, и задумайтесь, почему вообще

Первый толчок случился. Диоксид углерода захватывает тепло в атмосфере вследствие хорошо изученного парникового эффекта; он закрывает промежуток в спектре, где отраженный свет возвращался в космос, и преобразует его в тепло. Это как продержать окна в машине закрытыми весь жаркий день, вместо того чтобы чуть приспустить их. Наверное, этого достаточно для объяснения, если вы еще не уловили суть. Так вот, это захваченное в атмосфере тепло легко преобразуется и естественным образом попадает в океан, нагревая воду. Та циркулирует, и со временем нагретая поверхностная вода опускается глубже. Не на самое дно, вовсе нет, просто глубже поверхности. Само тепло слегка расширяет воду в океане, чуть-чуть поднимая уровень моря, но это не самое главное. Самое главное — эти более теплые течения циркулируют повсюду, в том числе вокруг Антарктиды, которая представляет собой, по сути, большой ледяной торт. Очень большой ледяной торт. Если этот лед растопить и наполнить получившейся водой океан (хотя она так и так туда попадет), уровень моря поднимется на 270 футов выше, чем был в начале голоценовой эпохи.

Растопить весь лед Антарктики — это большое

дело, и быстро это не произойдет, даже в антропоцен. Но всякий антарктический лед, соскальзывающий в океан, уплывает прочь и оставляет за собой еще больше места для соскальзывания. А в XXI веке, как и за три-четыре миллиона лет до этого, много льда в Антарктиде было нагромождено на склонах бассейнов, то есть в гигантских долинах, что клонились прямо в океан. Лед скатывается вниз так же плавно, как вода, только медленнее; хотя если он скатывается поверх слоя жидкой воды — то не так уж и медленнее. Так вот, весь этот лед, нависавший над краем океана, оставался на месте и не соскальзывал слишком быстро, потому что на уровне воды или сразу под ним находились ледяные опоры, которые фактически его удерживали. Они лежат прямо на земле, придавленные собственным весом, образуя, по сути, длинные дамбы, опоясывающие всю Антарктиду, — дамбы, удерживающие огромные бассейны от нависающих сверху льдов. Однако эти опоры на границах огромных ледяных бассейнов держались главным образом благодаря своим передним кромкам, закрепленным под водой у самого берега, и собственному весу, но еще и потому, что цеплялись за скальные шельфы, низко вздымавшиеся в воде. Такие шельфы считались

результатом воздействия льда в предыдущие эпохи. Эти внешние края дамб ученые прозвали «опорой опор». Красиво, правда?

Так вот, эти опоры опор были невелики по сравнению с теми массами льда, что они сдерживали, и не были укреплены, а просто лежали себе на мелководье у берегов Антарктиды, этого материка — ледяного торта в десять тысяч футов толщиной и полторы тысячи миль в диаметре. Вот и посчитайте, если среди вас есть любители арифметики, хотя для остальных ответ уже дан выше — уровень океана поднимется на 270 футов. И те быстро нагревающиеся приполярные течения, что упоминались ранее, проходили примерно в километре-двух ниже поверхности, то есть представьте себе, как раз на том уровне, где находились опоры опор. И хотя лед находился на суше или на мелководье, но, когда под него попадает вода, он начинает плавать на поверхности. Как всем нам хорошо известно. Если хотите подтверждения этого феномена, проверьте на своем коктейле.

Итак, первая опора опор отплыла в устье ледника Кука — она сдерживала бассейн Земли Виктории и Земли Уилкса на востоке Антарктиды. В том бассейне одном было достаточно льда,

чтобы поднять уровень моря на двенадцать футов, и хотя сразу он съехал не весь, за следующие двадцать лет он соскальзывал быстрее ожидаемого, пока в воде не оказалось больше половины. Лед сходил и просто плыл по течению, быстро тая в соленой воде.

Гренландия, кстати, сыгравшая во всем этом немаловажную роль, тоже таяла все быстрее и быстрее. Ее ледяная шапка была аномалией — она осталась от крупнейшей полярной ледяной шапки времен последнего ледникового периода, но находилась гораздо южнее, что можно было объяснить лишь ее возрастом. По сути, она запоздала со своим таянием примерно на десять тысяч лет, но лежала в огромной ванне из горных хребтов, которые сохраняли ее форму и охлаждались сами. Однако лед таял на поверхности и падал вдоль трещин на дно ледников, где в береговых грядах, как в дырявых ваннах, прорезались крупные каньоны, и в итоге таяли и гряды — примерно в то же время, когда бассейны Виктории и Уилкса обвалились в Южный океан. Вероятно, именно из-за этого таяния льда в Гренландии к юго-востоку от нее в океане образовалась область пониженной температуры. Что могло вызвать там охлаждение океана, удивлялись и спустя де-

сятки лет. Говорили, мол, как загадочно, а потом снова продолжали сжигать углерод.

Таким образом, Первый толчок был вызван прежде всего бассейнами Виктории и Уилкса плюс Гренландией плюс Западной Антарктидой, внесшей менее крупный, но вызвавший последствия вклад: ее бассейны почти полностью находились под водой, вследствие чего у них быстро разрушились опоры и они всплыли на поверхность и унеслись от берега. Столько льда откололось и плюхнулось в воду! Годы крупнейшего подъема, 2052–2061-й, — и вдруг океан разом поднялся на десять футов. О нет! Как такое могло случиться?

Просто сама скорость изменений меняется, вот как. Скажем, скорость таяния каждые десять лет удваивается. Через сколько десятилетий нам хана? Не так уж много. Это как сложные проценты. Или, если помните, как в той старой истории о великом императоре Моголов, который согласился отплатить спасшему ему жизнь крестьянину зернами риса — сначала положив одно, потом два, потом четыре, и так каждый раз удваивая, пока не заполнятся все клетки на шахматной доске. Возможно, отплатить таким образом ему посоветовал великий визирь или главный астроном,

а может, и хитрый крестьянин, но непредусмотрительный император сказал, мол, конечно, это очень выгодно, кому нужен этот рис; и начал выкладывать плату, считая зерна, как его научила одна женщина из сербских дервишей. Заполнив пару рядов на доске, он увидел, как его поимели, и приказал отрубить голову то ли визирю, то ли астроному, то ли крестьянину. А может, и всем троим — это было бы как раз по-императорски. Один процент людей звереет, когда их активы оказываются под угрозой.

Вот так произошел Первый толчок. Тот еще вышел сюрприз. А что же Второй, спрашиваете? Не спрашивайте. Это было то же самое, только вдвое сильнее, потому что все уже было ослаблено, ведь тепла стало больше, а океан поднялся. Главным образом он случился потому, что в бассейне Авроры разрушилась опора и его лед стек в Тоттенский ледник. А бассейн Авроры был даже крупнее бассейнов Уилкса и Виктории. Потом уровень моря поднялся на пятнадцать футов, потом на двадцать, и опоры опор ломались по всей Антарктиде. После этого, как говорили, опоры вытолкнуло в океан, и гравитация уже играла со льдом во всех бассейнах Восточной Антарктиды и льдом, лежащим ниже уровня моря в Западной

Антарктиде, и он весь быстро таял, встречаясь с водой. И даже когда он еще оставался твердым и плавал у поверхности, часто в форме столовых айсбергов размером с целые страны, он уже вытеснял из океана столько же воды, сколько и после таяния. Почему так — оставим решать читателю; а решив, вы можете выбежать голым из ванной и кричать: «Эврика!»

Следует добавить, что Второй толчок по своему воздействию оказался гораздо хуже Первого: общий подъем уровня моря достиг приблизительно пятидесяти футов. Вот это действительно растрепало побережья по всему миру, вызвав кризис беженцев, оцененный в десять тысяч «Катрин». У берегов проживала восьмая часть мирового населения, и все они были так или иначе непосредственно затронуты, равно как и все рыболовство и аквакультура, приносившие треть всего продовольствия человечества, плюс прибрежное (то есть, по сути, неорошаемое) сельское хозяйство, равно как и транспортировка всех их продуктов судами. А с нарушением мировой торговли, разбитой в пух и прах, появилась и та дребезжащая неолиберальная история мирового успеха о том, как много всего делалось немногими. Никогда еще так много не делалось столь

немногими для столь многих!

Все случилось очень быстро, за последние годы XXI века. Апокалипсис, армагеддон — называйте как хотите. Часто использовался термин «антропогенное событие массового вымирания». Конец эры. Хотя с точки зрения геологии скорее конец эпохи, периода или эона, но это нельзя было определить, пока оно не закончится полностью, поэтому выражение «конец эры» останется приемлемым еще порядка миллиарда лет, после чего можно будет изменить название соответствующим образом.

О, конец начала! Созидательное разрушение, так ведь? Установить полицейское государство, еще более жестко экономить, закручивать гайки и жить дальше. Вычистить все — и получить отличную возможность для инвестиций!

Это правда, что недавно затопленные побережья, поначалу брошенные, были быстро заняты вновь отчаявшимися падальщиками, приживальщиками, бродягами и прочими «водяными крысами», как их теперь называли. Таких людей было много, и многие из них были теми, кого вы назвали бы радикализованными своим опытом. И хотя базовые услуги вроде электричества, воды, канализации и охраны порядка исчезли сразу,

там оставалась еще инфраструктура — на новом мелководье или в зонах между приливом и отливом. И как неотъемлемая часть естественной человеческой реакции на трагедии и катастрофы тут же начались суды. Многих беспокоил статус затопленной территории, которую следовало признать тем, чем она была фактически и даже, пожалуй, технически, то есть юридически, — она была мелководьем океана, а значит, не могла регулироваться теми же законами, что и ранее, когда она являлась несомненной сушей. Но поскольку там все было разрушено, населению Денвера, к примеру, было все равно, какой статус обретет затопленная территория. Как и населению Пекина, которое могло оглянуться на Гонконг, Лондон, Вашингтон, Сан-Паулу, Токио и прочие города по всему миру и сказать: «О боже! Вот это вам досталось, ну что же, удачи! Мы постараемся помочь всем, чем можем, особенно здесь, у себя в Пекине, но и во всех прочих городах тоже, и по сниженной процентной ставке, если подпишете здесь».

Возможно, некоторые чувствовали, что кое-какими социальными экспериментами на затопленной кромке можно было бы выпустить пар из некоторых разгневанных людей, — соци-

альный пар, благодаря которому, может, даже получилось бы внедрить что-нибудь полезное. Так, выражаясь бессмертными словами Бертольда Брехта, они «отрешили народ и избрали другой», то есть переехали в Денвер и предоставили разбираться со всем «водяным крысам». Эксперимент жизни в сырости. Ждать и смотреть, как справляются эти безумцы, и если все хорошо, то выкупать их. Все как всегда, верно? Вы, воодушевленные авангардисты и смельчаки, и без того это знаете, в каком бы году ни читали это — в 2144, 2312, 3333 или 6666-м.

Так что вот. Трудно поверить, но все это было. Выражаясь чьей-то бессмертной фразой, история — это просто проклятие за проклятием. Только если это сказал Генри Форд, вычеркните. Хотя он сказал, что история — это чушь. А это совсем не одно и то же. Да и вообще, вычеркните и то, и то — все дурацкие и циничные выражения по этому поводу. История — это человечество, пытающееся взять себя в руки. Что, конечно, нелегко. Но, может быть, станет легче, если уделять чуть больше внимания определенным деталям, например собственной планете.

Но хватит уже мне вам рассказывать! Вернемся к нашим отважным героям и героиням!

Б) Матт и Джефф

Поэт Чарлз Резникофф проходил по манхэттененским улицам около двадцати миль в день.
Некий Томас Дж. Кин, 65 лет, прошел по каждой улице, авеню, аллее, площади и дворовой территории острова Манхэттен. Это заняло у него четыре года, за которые он преодолел 502 мили, охватив 3022 квартала. Сначала он прошел по улицам, потом по авеню, потом по Бродвею.
«Почему вы еще не на улице, не боретесь за защиту окружающей среды?»
«Потому что мы боремся за недвижимость», – ответила я.

Тара Барампур

— Ты читал «В ожидании Годо»?
— Нет.
— А «Розенкранц и Гильденштерн мертвы»?
— Нет.
— А «Поцелуй женщины-паука»?
— Нет.
— А…

— Джефф, хватит. Я ничего не читал.

— Ну, некоторые кодеры читают.

— Да, читают. Я читал «Поваренную книгу R-программиста». И «Все, что вы хотели знать об R». И «R для чайников».

— А мне не нравится R[57].

— Поэтому мне и пришлось столько о нем прочитать.

— Только зачем? Мы не так много им пользуемся.

— Я использую его, чтобы понять, что мы делаем.

— Мы и так знаем, что делаем.

— Это ты знаешь. Или знал. За себя я не так уверен. И вот к чему это нас привело. Так много ли ты на самом деле об этом знал?

— Не знаю.

— Вот видишь.

— Слушай, R никогда бы не объяснил мне, почему мы оказались здесь. Вот что я знаю.

— Да не знаешь ты.

Джефф осуждающе покачал головой:

— Поверить не могу, что ты не читал «В ожидании Годо».

---

[57] Примечания: 57
Язык программирования.

— Годо был кодером, я полагаю?

— Да, пожалуй, что так. Это не раскрывается. Но чаще всего предполагается, что Годо — это бог. Типа кто-то говорит: «Это бог», то есть «God», а кто-то другой: «О!», а если сложить их вместе, будет «Годо». А потом просто добавляешь французского акцента, и все.

— Что-то я не жалею, что не читал эту книгу.

— Ну да, то есть я хочу сказать, сейчас, когда мы здесь, книга не кажется такой уж необходимой. Она кажется лишней. Но ее хотя бы быстро можно прочитать. А здесь мы долго. Сколько мы уже здесь?

— Двадцать девять, кажется, дней.

— Да, это долго.

— А кажется — еще дольше.

— Что правда, то правда. Но это же всего месяц. Бывают еще более долгие сроки.

— Разумеется.

— Но нас ведь должны искать, да?

— Надеюсь.

Джефф вздыхает.

— Я вставил несколько аварийных команд в ту часть, что отправил, кое-какие отложенные крипты, и некоторые из них скоро сработают.

— Но люди и так узнают, что мы пропали.

Какой будет тогда толк от твоих призывов о помощи? Они просто подтвердят то, что все уже будут знать.

— Так они будут знать, что мы пропали не без причины.

— И что это за причина?

— Ну, если я не ошибся, это будет информация, которую мы разослали людям, на которых указали.

— Которую ты разослал людям, на которых указал?

— Ну да. Они получат информацию, станут изучать проблему, и, может быть, это приведет их сюда, к нам.

— Сюда, на дно реки.

— Ну, кто бы нас сюда ни посадил, у него наверняка сохранились об этом какие-то записи.

Матт с сомнением качает головой.

— Вряд ли это то, что люди склонны записывать или о чем говорят.

— А что, они просто подмигивают друг другу? Или общаются на языке жестов?

— Вроде того. Понимают друг друга так. Без записей.

— Ну, тогда нам стоит надеяться, что это не так. Плюс у меня вживлен чип, и оттуда исходит

сигнал по навигатору.

— И далеко он доходит?

— Не знаю.

— А сам чип большой?

— С полдюйма, может. Его можно нащупать сзади на шее.

— Тогда, может, футов на сто? Если бы ты не был на дне реки?

— А вода ослабляет радиоволны?

— Не знаю.

— Ну, я сделал все, что мог.

— Ты позвонил в Комиссию и не сказал мне — вот что ты сделал. В Комиссию и в какие-то скрытые пулы, если я правильно тебя понял.

— Это была просто проверка. Я же ничего не украл и не сделал такого. Это было все равно что отправить донос.

— Рад слышать. Потому что сейчас мы с тобой сами сидим в скрытом пуле.

— Я хотел проверить, получится ли у нас сделать врезку. И получилось, так что все хорошо. Я даже не уверен, из-за этого ли мы теперь здесь. Мы же писали для них систему безопасности, и я оставил там скрытый канал, которым только мы и могли воспользоваться, и никто другой никак не мог его обнаружить.

— Да, но похоже, ты все равно считаешь, что мы здесь из-за этого.

— Просто я не могу придумать ничего другого, что объяснило бы наше положение. В смысле, я уже давно не доставал сам знаешь кого. И никто не услышал того свистка. Я хотел, чтобы это прозвучало как туманный горн, а получилось как собачий свисток.

— А как насчет тех шестнадцати штрихов к мировой системе, о которых ты говорил? Что, если системе это не понравилось?

— А откуда она могла узнать?

— Ты же вроде говорил, что у системы есть самосознание.

Джефф какое-то время пристально смотрит на Матта.

— Это была метафора. Гипербола. Символизм.

— А я-то думал — программирование. Все программы объединены в какую-то руководящую всеми программу. Вот как ты сказал.

— Как Гея, Матт. Как Гея — это все живое на Земле под воздействием всего прочего, камней, воздуха и остального. Как облако, может быть. Но и то и другое — метафоры. И там, и там на самом деле никого нет дома.

— Ну, если ты говоришь… Но смотри, ты вреза-

ешься, пусть по своему тайному каналу, но уже в следующий момент мы сидим запертые в контейнере, будто в каком-то лимбе. Может, облако убило нас и мы сейчас мертвы.

— Нет. Это было «В поисках Годо». Мы просто в контейнере. Где-то окруженные водой, которая шумит снаружи, и все такое. С плохим питанием.

— В лимбе тоже может быть плохое питание.

— Матт, я тебя умоляю. Ты что, после четырнадцати лет совершенно не буквалистского мышления сейчас решил добить меня метафизикой? Я не уверен, что это вынесу.

Матт пожимает плечами:

— Ну, это так таинственно, только и всего. Очень таинственно.

Джеффу остается на это лишь кивнуть.

— Расскажи мне еще раз, к чему должна была привести твоя врезка.

Джефф выставляет перед собой руку для большей убедительности.

— Я собирался сделать метаврезку, чтобы с каждой сделки, проведенной на ЧТБ, по пункту отчислялось в оборотный фонд Комиссии.

Матт смотрит на друга:

— По пункту со сделки?

— Я сказал «по пункту»? Ну, наверное, по сотой части пункта.

— Если и так. Значит, у Комиссии в оборотном фонде вдруг должен появиться триллион долларов, который взялся неизвестно откуда?

— Это не настолько много. Всего несколько миллиардов.

— В день?

— Ну, в час.

Матт непроизвольно встает с места, глядя на Джеффа, — тот уставился в пол.

— И ты еще думаешь, почему они нас схватили?

Джефф пожимает плечами:

— Это может быть и из-за других моих дел, они, знаешь ли, может, впечатляют даже больше этого.

— Больше, чем воровство по несколько миллиардов долларов в час?

— Это не воровство, а перенаправление. В Комиссию все-таки. Такое вообще, может быть, происходит постоянно. И если так, кто это знает? Знает ли Комиссия? Это надуманные триллионы — деривативы, ценные бумаги, доли во всяких смешанных бондах. Если бы кто-то врезался, если бы врезались постоянно — никто бы не узнал.

Просто какие-то счета в налоговой гавани немного бы выросли, и никто бы даже ухом не повел.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Чтобы предупредить Комиссию, что такое может произойти. И может, заодно ее профинансировать, чтобы там они смогли разобраться с этой фигней. Нанять кого-нибудь из хедж-фондов, придать закону силу. Создать какого-нибудь шерифа, если на то пошло!

— Так, значит, ты хотел, чтобы они там, в Комиссии, заметили.

— Наверное. Да, хотел. Комиссия — да. Я ведь чего только не делал. А заметили, может, вовсе и не это.

— Не это? А что еще ты делал?

— Устранил все те налоговые гавани.

Матт пристально смотрит на него:

— Устранил?

— Я изменил список стран, куда запрещено отправлять средства. Знаешь же, есть десять стран — спонсоров терроризма, куда нельзя переводить деньги? Так вот, я добавил к этому списку все налоговые гавани.

— Типа Англии?

— Все.

— И как теперь должна работать мировая эко-

номика? Деньги же будут перемещаться, если не будет этих убежищ.

— Так не должно быть. Убежищ не должно быть.

Матт вскидывает руки:

— А еще что ты сделал? Если не секрет, конечно.

— Добавил Пикетти[58] в Налоговый кодекс США.

— В смысле?

— Ввел резкий прогрессивный налог на основные средства. Чтобы все основные средства в США облагались налогом по прогрессивной ставке и она доходила до девяноста процентов для всех хозяйств, имеющих свыше ста миллионов.

Матт делает несколько шагов и садится на свою кровать.

— То есть это как… — Он делает рукой режущее движение.

— Это то, что Кейнс[59] называл «эвтаназией рантье». Да. Он ожидал, что так будет, еще два

---

[58] Примечания: 58

Тома Пикетти (р. 1971) — французский экономист, автор бестселлера «Капитал в XXI веке».

[59] Примечания: 59

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) — английский экономист, основоположник современной макроэкономики.

века назад.

— А разве он не говорил еще, что большинство якобы самых умных экономистов — идиоты, работающие по идеям, придуманным сотни лет назад?

— Что-то такое было, да. И он был прав.

— Да, но сейчас ты занимаешься тем же самым?

— Это казалось хорошей идеей в свое время. А Кейнс времени не подвластен.

Матт качает головой.

— Обезглавливание олигархии — еще это так называют вроде? В смысле, гильотина, да?

— Только в отношении денег, — говорит Джефф. — Им отнимут не голову, отсекут только деньги. Избыточные деньги. У каждого останутся последние пять миллионов. Пять миллионов долларов — это же достаточно, да?

— Денег никогда не бывает достаточно.

— Так только говорят, но это неправда! Через некоторое время ты уже покупаешь мраморные стульчаки и летишь на частном самолете на Луну, пытаясь потратить лишние деньги, но на самом деле все, что ты за них получаешь, — это телохранители, бухгалтеры, чокнутые дети, бессонные ночи и кислотная отрыжка! Если их

чересчур много, это становится проклятием! Как прикосновение Мидаса[60].

— Этого я не знаю. Надо попробовать на себе, чтобы узнать. Я бы вызвался на пробу, потом бы тебе сообщил результат.

— Все так думают. Но пользу от избыточных денег никто не получает.

— Польза есть. Они раздают деньги, делают добрые дела, хорошо питаются, развиваются.

— Ничуть. Они нервничают и сходят с ума. А их дети и того хуже. Нет, это для них одолжение!

— Обезглавливание — вот уж одолжение так одолжение! Люди в очередь выстраиваются под гильотиной. Пожалуйста, пропустите меня вперед! Рубаните мне здесь!

Джефф вздыхает:

— Я думаю, со временем мир это поймет. Люди увидят, что в этом есть смысл.

— Когда все эти головы покатятся, они повернутся друг к другу лицом: «Эй, вот здорово! Какая классная идея!»

— Еда, вода, кров, одежда. Все, что нужно.

— У нас это и здесь есть, — указывает Матт.

Джефф снова вздыхает, еще тяжелее.

---

[60] Примечания: 60

В древнегреческой мифологии царь, получивший дар превращать все, к чему прикасался, в золото.

— Это не все, что нам необходимо, — не унимается Матт.

— Это казалось хорошей идеей!

— Но ты сам рассказал. Да это и невозможно скрыть. Это как нарисовать где-нибудь граффити.

Джефф кивает:

— Да-а… причем довольно страшное граффити — для того, кто нас сюда посадил.

— Вот спасибо тебе, услужил. Я даже удивлен, что нас еще не убили.

— Никто же не убил Пикетти. Он даже провел довольно успешный тур со своей книгой, если я правильно помню.

— Потому что это было сто лет назад и то была просто книга. Никому дела нет до книг, вот почему в них можно писать что угодно. Что важно — это законы. А ты стал править законы. Нарисовал граффити прямо в них.

— Я пытался, — говорит Джефф. — Ей-богу, пытался. Вот и интересно теперь, кто это первым заметил. И как это дошло до того, что нас схватили.

Матт недовольно качает головой.

— Нас могли перемолоть. Я и чувствую себя будто порубленным на части, раз уж ты об этом

заговорил. Мы могли оказаться в Уругвае. На дне Платы или еще где-нибудь.

Джефф хмурит брови.

— На правительство не похоже, — говорит он. — Помещение слишком приличное.

— Ты так считаешь? Приличное?

— Практичное. Роскошно-герметичное. Непроницаемое. Вода не просочится, а такое непросто сделать. Слот для еды тоже защищен. Кормят два раза в день, это странно.

— На флоте всегда так. Мы можем вообще быть на ядерной подлодке и так просидеть пять лет.

— Они так долго там сидят?

— Пять лет с хвостиком.

— Не-а, — говорит Джефф после небольшой паузы. — Не думаю, что мы движемся.

— Это уж точно.

B) Шарлотт

Торо: Нам не нужно утруждать себя размышлениями о том, каким образом человеческая раса будет уничтожена на этой планете – сожжена ли огнем или как-то иначе. Это можно в любой момент решить маленьким внезапным взрывом где-нибудь на севере.
Сотню раз я думал, что Нью-Йорк – это катастрофа, и пятьдесят раз, что эта катастрофа прекрасна.

Ле Корбюзье

– А остальные пятьдесят – что не прекрасна.

Шарлотт осторожно посмотрела на Джоджо, когда они сели за обеденный стол друг против друга. Высокая, стильная, спортивная, толковая. Встречалась с Франклином Гэрром и, как он, работала в сфере финансов, в которой Шарлотт совсем ничего не понимала. Только в общих чертах. Зарабатывала на манипулировании деньгами. Тридцать с небольшим. Шарлотт она не понравилась.

Но она подавила свою неприязнь, даже внутри, потому что люди всегда такое чувствовали. Нужно быть непредвзятой. Это было частью ее работы, но она хотела этого и сама — как бы для саморазвития. Стремиться еще есть к чему — она была склонна ненавидеть людей по умолчанию. Особенно тех, кто работал в финансах. Но Франклин Гэрр ей нравился, так что эта расположенность могла распространиться и на Джоджо.

— Знаете, — начала она, — кто-то, возможно какая-то компания, предложил купить все это здание. Вам об этом что-нибудь известно?

— Нет, откуда? А вы сами не знаете, кто это?

— Нет, предложение поступило через брокера. Но кому бы это могло понадобиться?

— Не знаю. Я сама не занимаюсь недвижимостью напрямую.

— А разве инвестирование в Сохо — это не недвижимость? Или вы имеете в виду, что не работаете с ипотечными облигациями?

— Да, пожалуй. Только облигации — это производные. Они схожи больше с трейдингом по самому риску, чем с какими-то конкретными товарами.

— А здания — это товар?

— Все, чем можно торговать, — это товар.

— Включая риск.

— Конечно. Рынки фьючерсов на риске и основаны.

— Так, но здесь предложение по нашему зданию. Есть какой-нибудь способ выяснить, от кого оно?

— Полагаю, их брокер обращается через город, да?

— Нет. Они могут предлагать напрямую. А как от этого отказаться? Что, если мы не хотим продавать?

— Не продавайте. Но у вас же кооператив, да? Вы уверены, что люди не захотят продавать?

— У них в договоре купли-продажи указано, что они не могут продавать свои квартиры.

— Понятно, но здесь же здание целиком? Разве им запрещается этого хотеть?

Шарлотт пристально посмотрела на женщину. Правильно она сделала, что ее невзлюбила.

— А вы бы хотели продать, если бы здесь жили? — спросила она наконец.

— Не знаю. Смотря по какой цене, наверное. И позволили бы мне остаться или нет. Как-то так.

— Такое предложение вы бы, наверное, назвали аэрирующим?

— Я думала, так называют, когда вы продуваете

подлодку, а потом герметизируете, чтобы туда не проникла вода.

— Да, но я слышала, что так еще называют, когда межприливье снова становится частью мирового капитала. Вы аэрируете его — и вот оно снова в системе. И как бы не затоплено, в их понимании.

— Я такого не слышала.

Слово «аэрация» постоянно всплывало в левой части облака, где Шарлотт обычно читала комментарии, но эта женщина, похоже, была не в курсе.

— Хотя и занимаетесь инвестициями в межприливье?

— Да. То, чем я занимаюсь, обычно называют вычерпкой или восстановлением.

— Понятно. Но что, если мы проголосуем за то, чтобы отказаться от предложения? У вас есть какие-нибудь идеи?

— Думаю, вам нужно просто сказать «нет», только и всего.

Шарлотт уставилась на нее:

— Вы действительно думаете, что это все?

Джоджо вежливо пожала плечами, и Шарлотт, заметив это, возненавидела ее всерьез. Женщина либо притворялась, либо была дурой, но дурой

она не казалась — значит, прикидывалась. Шарлотт не любила, когда люди делали вид, будто верят в то, во что верить, как она знала, не могли; это была как отмашка, высокомерие, скрывающее презрение. Этим жестом она давала понять, что Шарлотт недостойна общения с ней.

Шарлотт пожала плечами в ответ — грубо отзеркалила ее поведение.

— Вы никогда не слышали о предложении, которое было слишком хорошим, чтобы отказаться? Не слышали о враждебном поглощении?

У Джоджо слегка округлились глаза.

— Слышала, конечно. Хотя не думаю, что подобные предложения достигают такого уровня. Если вы откажетесь, а они не успокоятся, то это уже будет повод для беспокойства.

Шарлотт покачала головой:

— Они проявили интерес, понимаете? Как по мне, это уже повод для беспокойства.

— А я берегу свое беспокойство на случаи, которые больше того стоят. Это единственный способ не сойти с ума.

— Я же сказала, они сделали предложение. Мы должны дать ответ.

— А не можете просто проигнорировать?

— Нет. Нужно ответить, деваться никуда. Такая

у нас проблема.

— Что ж, удачи с этим, — пожелала Джоджо.

Шарлотт уже собиралась ответить чем-нибудь колким, но ее браслет проиграл первые ноты Четвертой симфонии Чайковского. Шарлотт нажала на кнопку.

— Простите, мисс Армстронг, это Амелия Блэк, я живу в Мете, когда бываю в Нью-Йорке, помните? Я пыталась дозвониться до Владе, но не получается. Он случайно не рядом с вами?

— Нет, но я скоро к нему подойду, мы селим гостя в капсулу в садах. А в чем дело?

— Ну, у меня тут проблема. Я совершила ошибку, думаю, это так нужно назвать, а потом все произошло очень быстро.

— Что? — Шарлотт уже направилась к лифту, и Джоджо зачем-то пошла с ней.

— Ну, — сказала Амелия, — если вкратце, мои медведи завладели дирижаблем.

— Что?

— Не думаю, что именно завладели, но нами управляет Франс, а медведи уже с ним на мостике.

— Как это может быть? Они что, напали на него или как?

— Франс — это автопилот, простите. Пока они

его не трогают, но если его случайно выключат или заденут, то, боюсь, будет плохо.

— Разве медведи могут тронуть автопилот?

— Ну, он отвечает на устные команды, поэтому, если они будут рычать или вроде того, что-то может случиться.

— А они рычат?

— Ну да. Вроде того. Мне кажется, они проголодались. Как и я, — горько добавила она.

— А вы где?

— Я в шкафу с инструментами.

— Вы можете добраться до кладовой?

— Нет, только через… э-э… территорию медведей.

— Хм-м. Так, подождите секунду, я уже почти в садах, Владе здесь. Может, он что-то подскажет.

— Да, спасибо.

Джоджо приподняла бровь, когда Шарлотт посмотрела на нее, и тихо сказала:

— Простите, мне просто интересно узнать, что будет дальше, если вы не против. И заодно увижусь еще раз с Франклином.

— Я не против, — ответила Шарлотт.

Лифт открылся на садовом этаже, и две женщины поспешили к юго-восточному углу. Владе, Франклин, мальчишки и их старый друг сидели

снаружи капсулы на стульях и садовых табуретах.

Шарлотт перебила их:

— Владе, можешь нам здесь помочь? У меня на связи Амелия, у нее на дирижабле проблема — медведи вышли из-под контроля.

Это мгновенно привлекло всеобщее внимание, и Владе громко сказал:

— Амелия, так и есть? Ты там?

— Да, — ответила Амелия безрадостно.

— Расскажи, что случилось.

Амелия описала последовательность сомнительных действий, которые привели ее к тому, что она оказалась запертой в шкафу на дирижабле с разгуливающими белыми медведями. Владе слушал, качая головой.

— Ну что ж, Амелия, — проговорил он, когда она закончила. — Я же говорил тебе не летать в одиночку, это просто небезопасно.

— Я всегда летаю одна.

— И от этого полет не становится безопаснее.

— Это рискованно, — высказался Франклин. — Но именно в этом суть ее шоу.

— Я все слышу, — напомнила им Амелия. — Кто это?

— Франклин Гэрр. Я живу на тридцать шестом

этаже.

— А, очень приятно. Знаете, я не намерена с вами спорить, но то, что вы сказали, неправда.

— Прошу прощения! — сказал Франклин. И, бросив беспокойный взгляд на Джоджо, которая теперь стояла рядом с ним (что доставляло ему явное удовольствие, заметила Шарлотт), добавил: — А у вас есть связь с автопилотом? Вы можете управлять?

— Да.

— А что, если наклонить судно вертикально, как можно сильнее, чтобы медведи свалились обратно в свое помещение? Использовать гравитацию?

Владе кивнул и удивленно посмотрел на Франклина.

— Стоит попробовать, — одобрил он. — Если не сработает, ты ничего не потеряешь.

— Но я не знаю, насколько у нас получится лететь, если мы наклонимся вертикально.

— Точно так же, — заявил Франклин уверенно. — Более-менее. Ведь гелия столько же нужно? Вы даже можете ускориться вверх. Наберете высоту и воздействуете силой тяжести на медведей.

Владе снова согласился, что это была хорошая мысль.

— Ладно, — сказала Амелия. — Пожалуй, попробую. Вы можете побыть на линии?

— Я бы это ни за что не пропустила, дорогая, — ответила Шарлотт. — Вы у нас как радиоспектакль.

— Не смейтесь надо мной! Я хочу есть. И мне нужно в туалет.

— В шкафах с инструментами обычно бывают ведра, — подсказал Владе.

— О боже, я наклоняюсь, дирижабль наклоняется!

— Держитесь! — крикнули ей сразу несколько человек.

— Боже, они там. — Далее последовало несколько громких ударов. И радиомолчание.

— Амелия? — позвала Шарлотт. — Вы в порядке?

Долгая напряженная пауза.

Потом ответ:

— Я в порядке. Давайте я вам перезвоню. Нужно кое с чем разобраться.

И звонок завершился.

* * *

— Юху, — проговорил Франклин, прервав изумленное молчание. Шарлотт увидела, как Джоджо

ткнула его локтем в ребра, а он вздрогнул и только слегка на нее покосился.

Остальные просто стояли и не знали, что делать. Шарлотт указала на дверь капсулы:

— Внутрь уже заглядывали?

— Нет, как раз собирались, — ответил Владе.

— Тогда почему бы не заглянуть? Наша облачная звезда с нами свяжется, когда сможет.

Капсула представляла собой лишь маленькую палатку, поэтому Шарлотт, Франклин и Джоджо остались снаружи, когда Владе завел в нее старика с ребятами. Для Шарлотт этот просмотр был чистой формальностью: выбирать беднягам не приходилось. Она отошла к южной стене садов, села на один из стульев у поручня и посмотрела на восток, где располагался Питер-Купер-Виллидж, ставший теперь некой бухтой, усыпанной останками множества шестнадцатиэтажек, которые когда-то там возвышались. Все, что было построено не на коренной породе, а на мусорной свалке, рушилось. На юге в некоторых высотках горел свет, который падал на окружающие их старые здания Уолл-стрит — те были похожи на готовые взлететь космические корабли. Финансы возвращаются в игру, — от этой мысли у нее по коже забегали мурашки.

Снаружи дул южный ветер, мягкий для осени, и она покрепче закуталась в свитер. Два высоких стеклянных шпиля на юге портили вид, и она, как всегда, надеялась, что их легкий наклон к востоку означал, что вскоре им предстояло попáдать, как домино. Она ненавидела их как модели от архитектуры — тощие, пустые, безликие, находящиеся во власти денег, не имеющие ничего общего с реальной жизнью. Хотя кто бы говорил. Она слышала, что большинство владельцев этих квартир проводили в них всего одну-две недели в год. Олигархи, плутократы, порхающие по миру, как сам капитал-вампир. А в Нижнем Манхэттене, в новых графеновых сверхнебоскребах, конечно, было и того хуже.

Все, кто был в капсуле, вышли и вместе с остальными уселись на стулья. Кроме старика, который стоял, облокотившись на поручень и глядя вниз. Мальчишки сели поближе к нему, Владе — рядом с Шарлотт, Франклин и Джоджо — позади них. Редкая возможность передохнуть.

— Ненавижу эти жердины, — заметила Шарлотт старику, указывая жестом на две стеклянные щепки. Эти здания отказались вступать в ОВНМ и даже в Ассоциацию Мэдисон-сквер. Шарлотт воспринимала это как личное оскорбление, так

как сама помогала объединить здания вокруг бачино в действенный союз с ОВНМ, наподобие кольца городов-государств вокруг небольшого прямоугольного озера.

Старик мельком взглянул на нее.

— Деньги, — сказал он.

— Верно.

— Я удивляюсь, почему они до сих пор не упали.

— Я тоже. Но уже наклонились. Могут рухнуть.

— А нас заденут?

— Не думаю. Наклонены они на восток, видите? Как падающие башни из денег.

— Выглядит опасным. — Он присмотрелся в сторону востока. — Сейчас там темно, но, кажется, там внизу есть здания, на которые они могут упасть.

— Конечно, есть, — подтвердила Шарлотт. — Просто ночью не видно, что где. Мне это нравится. Красиво, правда?

— Красиво, — он кивнул.

— Как всегда.

В ответ на это он нахмурился, а потом покачал головой:

— Не всегда.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду в день, когда все ушло под воду. — Нет. Это не было красиво.

— Вы это видели? — изумленно спросил Роберто, поднимая голову.

Старик посмотрел на него, потер скулу.

— Да, видел, — ответил он. — Начало Второго толчка. Прорыв Стены Бьярке. Мне было столько лет, сколько тебе сейчас. Ты, наверное, и представить не можешь, что я был такой молодой.

— Не-а, — согласился Роберто.

— Ага, был. Как ни трудно в это поверить. Мне и самому-то не верится. Но я знаю, что это правда, потому что помню, как это было.

Он потер правую щеку, невидящим взглядом посмотрел вниз. Остальные переглянулись.

— Все думали, это произойдет постепенно, — проговорил он, — и в боро так и получилось. Но лет за сто до этого была построена штормовая стена — Стена Бьярке, защищавшая Нижний Манхэттен от наводнений. И она сработала. Она была как дамба. На разных участках была разной, потому что ее приходилось помещать везде, где это возможно. И удивительно, но все это удалось сделать. Стена огибала весь юг острова от Риверсайд-Уэста, вдоль Бэттери-парк, до восточной стороны здания ООН, где оно делило пополам

подъем к Центральному парку. Двенадцать миль. В ней имелись промежутки, в которые выходили улицы, и на случай наводнения там могли опускаться ворота. Их опускали несколько раз, и все вроде бы работало. Но максимальный прилив становился все выше, и ворота приходилось опускать все чаще и чаще. Такая же проблема была в Лондоне с барьером Темзы. Когда стену закрывали, мой папа выводил меня на дорожку по ее верху в районе 33-й улицы. Бывало, еще Гудзон бушевал, и всюду были видны барашки. А вода поднималась так высоко, что мы видели, как она становилась даже выше, чем город. И можно было потерять равновесие, если посмотреть в одну сторону, потом сразу в другую. От этого практически поднималась тошнота. Потому что вода была выше земли. Просто не верилось, что такое возможно. Людей буквально качало: они либо смеялись, либо плакали. Это было нечто.

— Хотел бы я такое увидеть, — сказал Роберто.

— Мы все ходили туда, чтобы это увидеть. Но было видно и что могло случиться. А потом оно случилось.

— И вы там были? — спросил Роберто.

— Был. Поднялась штормовая волна. Я был такой же, как ты, — хотел сходить на дамбу и

все увидеть, но папа не разрешил: сказал, что уже, наверное, поздно. Он у меня хорошо соображал. В общем, он не пустил, но я после школы все равно пошел. Там по всей дамбе уже была куча людей. Река бушевала вовсю. Ее хлестал южный ветер. Еще и дождь шел. Нельзя было даже стоять к ней лицом. Достаточно сделать шаг — и можно было упасть. В основном мы сидели и мокли, но почему-то не уходили, сам не знаю почему. Зрелище было еще то. Но потом улицы с внутренней стороны дамбы стало затапливать. Все двинулись на север, мы шли по дорожке к вершине 42-й улицы, потому что поняли, что дамбу, по-видимому, прорвало где-то южнее. Некоторые стояли на дорожке и кричали нам, чтобы мы шли шагом и не бегали. Да так громко еще кричали. Были… настойчивы. Но мы видели, что скоро вода окажется с обеих сторон, поэтому шли довольно-таки быстро. Но не не бежали.

Какое-то время старик молчал и просто смотрел на запад.

— Так вы спустились с дамбы? — спросил Роберто.

— Да. Я пошел за людьми. Мы видели, как вода поднимается, то бурая, то белая. В ней плавал всякий хлам. Она заливалась в метро и выстрели-

вала обратно в воздух. Так громко! Через какое-то время мы уже не слышали друг друга. Такси уже просто плавали. Было черт знает что. Непохожее ни на что из того, что вы видите сейчас. Сумасшедшее было время.

— А люди с ума не посходили? — спросил Роберто.

— Ну, некоторые. Большинство людей бежали в Верхний Манхэттен и спасались, но некоторых вода, конечно, доставала. Они плавали, будто бревна, в одежде. Все были в своей одежде.

— А в чем еще им быть? — спросил Франклин, и Джоджо ткнула его локтем так сильно, что у него скрипнул стул, а сам он вскрикнул. Шарлотт подумала, что теперь Джоджо нравилась ей чуть больше.

— Просто это быстро случилось, вот и все. Люди были на улицах и занимались своими обычными делами. А потом бах — и вот тебе. Потом сказали, что все заняло не больше двух часов. Первыми, как сказали, прорвало ворота возле 40-го пирса. После этого река проделала выбоину пару сотен ярдов длиной. Все здания поблизости сразу посносило. Вода рванула очень сильно.

— А что вы сделали, когда дамбу прорвало? — спросил Стефан.

— Все пошли на север. Мы знали, что нам нужно туда. Весь город будто уходил под воду, хотя верхняя часть города была выше нижней. Сейчас это очевидно, но тогда стало так ясно в первый раз. Потоп поднялся где-то до 13-й улицы. Это происходило быстро, но все-таки заняло два часа. Поэтому люди просто бежали вперед, на север. Бросали все свои дела и бежали по улицам. Как и мы сами. В Центральном парке находилось множество людей. Они пытались помочь тем, кто был ранен. Обсуждали произошедшее. И никто не мог в это поверить. Но это была правда. Наступило новое время. Мы знали, что это так, потому что сами все видели. Мы знали, что по-прежнему уже не будет. Нижнего Манхэттена больше не было. Это выглядело так странно. Некоторые находились в шоке, это было видно. Они просто стояли и смотрели друг на друга! Никто не мог поверить в случившееся, но все сами всё видели. Ну, раз мы видим — значит, это реально. Но все происходило будто во сне. Я видел, что взрослые поражены не меньше моего. Они были такие же потрясенные, как я сам. Мне это показалось очень странным. Что же дальше? Что нам делать? Многие люди потеряли все, что у них было. Но мы остались в живых, понимаете? Это было… странно.

— Значит, и ваш дом затопило? — спросил Роберто.

Старик кивнул:

— О да. Зато родители работали в верхней части. Поэтому я пришел в папин офис, но его там не оказалось, ему тут же позвонили, и он вернулся меня забрать. Когда он меня увидел, то испытал такое облегчение, что забыл разозлиться. Но некоторые люди пропали. Поэтому он был еще грустный. Это вообще выдался грустный день.

Он задумчиво посмотрел на город внизу, умиротворенный и почти безмолвный в лунном свете.

— Даже не верится, — еще раз проговорил Стефан.

Старик снова кивнул.

Они оглядели город. Нью-Йорк под водой. Нью-Йорк по самую шею.

Старик сделал глубокий вдох.

— Из-за того дня никто не станет осушать гавань. Не знаю, почему кто-то вообще об этом заговаривает. Построить дамбу в Нарроус и во Вратах ада, перекачать Гудзон в море — что за бред! Чуть что сломается и прорвется — все снова уйдет под воду. Вместе с Бруклином, Куинсом и Бронксом. Не могу даже представить, сколько людей тогда погибнет.

— Разве они все не уехали? — спросил Стефан.

— Уехали, конечно, когда не было дамбы. Стена Бьярке дала Нижнему Манхэттену дополнительные лет десять.

— А известно, сколько погибло в тот день? — спросил Роберто.

— Об этом можно только догадываться. Но думаю, пара тысяч.

Наступило долгое молчание. Шум города внизу. Плеск канала.

Старик отвернулся от поручня и сел на деревянное кресло-качалку, что стояло рядом.

— Но вот мы здесь. Жизнь продолжается. И спасибо вам за кров. Я вам очень признателен. Надеюсь, завтра мальчики помогут мне вынести кое-что из моего дома.

— Да и кто-нибудь из нас мог бы, — заметила Шарлотт.

— Нет-нет, — тут же возразили ребята со стариком. — Мы справимся.

Они что-то замыслили, решила Шарлотт. Собирались достать нечто, о чем не желали рассказывать другим. Что ж, обездоленным часто приходится за что-то держаться. Она не раз видела это и у себя на работе. Если у них было что-то подобное, за что они держались изо всех сил, зна-

чит, они были еще собой. Будь то какой-нибудь чемодан или собака — лишь бы что-то было.

— Вы, наверное, устали, — сказала она старику. — Вам бы отдохнуть. А нам с Владе, думаю, пора связаться с Амелией, проверить, как у нее дела.

— Ах да, — согласился старик. — Удачи вам! Похоже, положение у нее незавидное.

Г) Амелия

Я люблю дурацкие эксперименты. Я и сам постоянно их провожу.

Сказал Чарльз Дарвин

Франс наклонил так сильно дирижабль — носом вверх, кормой вниз, — что Амелия была вынуждена усесться на заднюю стенку своего шкафа, прямо на кучу всяких инструментов. Услышав глухой стук снаружи шкафа, она мигом забыла о своем голоде и желании сходить в туалет — звук был такой, будто медведи попáдали на корму, но разве она могла быть уверена? Их когтей, какими бы страшными те ни были, едва ли хватило бы, чтобы удержать мощные тела, когда пол внезапно превратился в стену — как это случилось теперь. А что бы они сделали, если бы зависли сейчас где-нибудь над ней? Представить такое ей было тяжело. Хотя она искренне верила, что все млекопитающие столь же разумны, как она сама — а эту идею подкрепляли многочисленные свидетельства, — порой все же происходило что-то такое, что напоминало ей, что все млекопитающие равно разумны, но некоторые немного

разумнее других. Когда нужно было оценить новое положение, люди иногда справлялись быстрее. Иногда. В этом случае, пожалуй, Амелии помогало то, что она знала, что летит на дирижабле, направленном носом к небу. А несчастные (но опасные) медведи могли даже не понимать, что находятся в воздухе, поэтому такой наклон мог в самом деле их дезориентировать. Однако кто знал наверняка?

К тому же некоторые из них могли упасть только на заднюю стену мостика и остаться там. Это представлялось вполне вероятным. Но проверить это, не выглянув наружу, было никак нельзя. А что, если она выглянет и увидит их там? Что делать в этом случае, она не знала.

Стиснув зубы, задержав дыхание и покраснев, она открыла дверь шкафчика и выглянула вдоль коридора, готовая захлопнуть ее, если потребуется. Видеть Амелия могла только корму — и действительно, там, на задней стенке корпуса, она разглядела медведей, похожих на крупных людей в белых меховых шубах. Один лежал на спине, другой сидел и с любопытством принюхивался, как собака; еще двое сцепились вместе, будто борцы, которые оба потерпели поражение. Они находились внутри своего помещения, явно

попав туда через открытую дверь, которая и сейчас была открыта. Повезло, что она распахнулась вовсю, аж до прилегающей стены.

Это внушало надежду, но оставались еще два медведя. Они могли упасть на кормовую стенку на мостике, а ей нужно было идти именно туда. Кроме того, если она намеревалась выбраться в коридор, то было не совсем ясно, как ей тоже не соскользнуть вниз и не присоединиться к медведям. Это было бы плохо. Если бы ей удалось соскользнуть, но потом как-то остановиться, закрыть дверь и запереть их, то да — в определенной степени это победа; но если на свободе оставались еще двое медведей, все равно было плохо. Плохого было больше, чем хорошего, но она не могла сидеть в шкафу вечно. Нужно было как-то воспользоваться ситуацией, пока имелась такая возможность. Она не знала, сколько еще времени «Искусственная миграция» может «стоять на хвосте» — такое положение казалось ей стесненным и неаэродинамичным. До этого она даже не знала, что такое можно сделать, не упав при этом на землю. Как бы не упасть самой и не скатиться к медведям!

Ей пришла мысль сделать из себя маленький дирижабль внутри дирижабля. Сначала она не

могла придумать ни как добраться до имеющегося на борту гелия, ни как рассчитать, сколько его понадобится, чтобы подлететь к носу. Но среди кучи хлама на дне шкафчика оказалась высокая канистра с гелием — что-то вроде аварийного запаса, возможно, чтобы пополнить баллонет с микропрорывом или для чего-то вроде того. Пошарив вокруг, она также нашла рулон больших полиэтиленовых мешков для мусора с завязками. Если наполнить их гелием, вдев их друг в друга по два или три, затянуть завязки и привязаться к ним веревкой, то мешки, вероятно, удержат ее в воздухе, будто шарики. По крайней мере на некоторое время. И поднимут вверх.

Когда она проверяла клапан на канистре и вдевала один мешок в другой, дверь ее шкафа с грохотом захлопнулась, страшно ее перепугав. Наверное, некое смутное воспоминание о катастрофе «Гинденбурга»[61] всегда оставалось в подсознании всякого, кто летал на дирижаблях, и такие громкие звуки никогда не бывали желанны. Поразмыслив, она решила, что это, скорее всего, еще один медведь свалился к собратьям. И

[61] Примечания: 61

Знаменитая катастрофа, произошедшая в штате Нью-Джерси, США, в 1937 г., при которой на борту внезапно сгоревшего дирижабля погибли 35 человек.

это хорошо, но оставался еще один. Это был повод для беспокойства, но она не могла оставаться в шкафу вечно, поэтому сейчас у нее была лучшая возможность.

Она наполнила гелием четыре мешка и вытолкала их в коридор, привязав за открытые концы к веревке. Они сработали точно так, как она и надеялась, — потянули ее вверх к мосту. Правда, четырех, по ощущениям, было недостаточно. Она размотала веревку с теми, что были уже заполнены, слегка потянула, чтобы проверить, а потом села и наполнила еще четыре мешка. Теперь гелия, казалось, хватало, и какая-то его часть уже распространилась внутри шкафа, отчего ей стало немного не по себе.

— К волшебнику идем мы![62] — пропела она, и да, ее голос был по-манчкиновски[63] высоким. Над ним можно было бы даже посмеяться, если бы не опасение, что он пропадет вовсе.

Настало время проверить замысел, пока она там ненароком не убила себя. Это навело ее на

---

[62] Примечания: 62

Строка популярной песни из классического фильма «Волшебник страны Оз» 1939 г.

[63] Примечания: 63

Манчкины — сказочный карликовый народец из «Волшебника страны Оз».

мысль вырубить медведя на мостике с помощью гелия, хоть на короткое время. Этот план был не лишен проблем, однако в шкафу у нее до сих пор лежал пистолет с транквилизатором, который можно было перезарядить и взять с собой. Поэтому она предпочла действовать по плану, который предусматривал подлететь к мостику и посмотреть, что там происходит. И да, было важно держать наголовную камеру включенной — чтобы записать все для шоу. Ну или для потомков!

— К волшебнику идем мы! — снова пропела она все так же высоко, а то и выше, а потом принялась манчкинским голоском комментировать свой подъем: — Ну что, погнали, ребята! Сейчас я с помощью этих мешков с гелием поднимусь к мостику. С собой у меня транквилизатор, и я собираюсь применить его на медведе, который, возможно, там застрял. Я полагаю, что тот, который еще не спустился, должен находиться там. Обо всем этом я расскажу вам позже, а пока мне лучше бы выбраться отсюда — сами слышите почему. У меня ощутимо кружится голова, но надеюсь, эти штуковины помогут мне взлететь вверх, как только я выйду наружу!

Она обмотала веревку вокруг пояса и крепко

ухватилась за нее левой рукой. Почувствовала, как та натянулась, когда мешки взметнулись вверх, и выскочила в коридор вслед за ними. Медведи удивленно уставились на нее из своего помещения, один даже попытался подняться на задние лапы. А она, лишенная опоры и свободно подвешенная над коридором, вдруг поняла, что медленно опускается навстречу зверям. По ощущениям ей нужно было еще пару мешков, чтобы достичь необходимой подъемной силы, но времени на это уже не оставалось. Вклинившись между полом и стеной, она заверещала:

— Ой, нет! Ой, нет!

Она прижала одну ногу к полу, а другую к стене, будто желая закрепиться на том, что альпинисты называли «щелью раскрытой книги». Дирижабль был выровнен не совсем вертикально, поэтому получался крутой, но пригодный для взбирания V-образный подъем. Опыт скалолазания у Амелии был невелик — тогда она следовала за своим бывшим парнем по имени Элронд, но не помнила «раскрытых книг», которые раскрывались бы шире девяноста градусов. В любом случае выбора у нее не было, поэтому она крепко прижалась обеими ногами и цеплялась пальцами правой руки за саму щель, в то же время держа веревки так,

чтобы мешки поднимались как можно ближе к щели и саму Амелию тянуло вверх, не отрывая от ее хватки. Такие ухищрения вроде бы помогли ей стабилизироваться, а затем она поняла, что может осторожно пробираться вверх, к мосту. То обстоятельство, что поверхность была не совсем вертикальной, оказалось ключевым, и, осознав это, она вдруг почувствовала, что дирижабль перестраивается в более вертикальное положение.

— Ой, нет! — снова вскрикнула она, на этот раз хотя бы своим голосом. Воздух, наконец, был чистый. — Франс, прекрати! Держи наклон!

Вцепившись ногтями в пол и надавив пальцами ног, она крошечными шажками двинулась в сторону мостика. Мешки определенно помогали, а в ней самой было, может, всего несколько фунтов сверх невесомости. Раз или два она соскользнула, снова выкрикнув «Ой, нет!» и заливаясь потом. Но, к счастью, наголовная камера смотрела вверх, на мешки, а снимать селфи Амелия не собиралась, пока не заберется на более удобную платформу, как бы ни выговаривала ей потом за это Николь. Видео, которое она снимала сейчас и где наверняка в кадр попадали ее руки, было куда красноречивее любых селфи. Тем не менее Амелии пришло в голову, что в такой си-

туации Николь попросила бы ее задействовать камеры-дроны. И можно было бы даже послать разведать, что происходит на мостике. Но они и так уже были на мостике, только спрятанные в шкафчик. Ну и ладно! Скоро она тоже туда доберется. Если получится.

Это заняло некоторое время, но все-таки она добралась до проема мостика, похожего на квадратный вход на чердак. Ей пришлось сдвинуть веревку так, чтобы не сорваться и позволить мешкам проникнуть в пространство мостика. Потом она смогла вскарабкаться по оставшемуся отрезку коридора и ухватиться за ручку проема, повиснуть и, наконец, подтянуться и забраться в помещение, куда мечтала попасть последние тридцать часов.

— Получилось! — объявила она будущим зрителям. Потом увидела последнего медведя: это оказалась самка, она лежала на кормовой стене мостика, и вид у нее был растерянный и недовольный.

— Ой! — воскликнула ей Амелия. — Эй! Мишка, привет! Не подходи ко мне!

Такое смелое обращение вдохновило ее на несколько питер-пэновский заход на мостик — надавив на косяк, чтобы подняться вверх, она

одновременно стянула с пояса транквилизатор. Ей грозило получить несколько фунтов на квадратный дюйм тела, если бы она выстрелила себе в живот, но обошлось. Войдя в проем, она подпрыгнула на месте — мешки помогли исполнить весьма балетное движение, когда врезались в переднюю стеклянную стенку, а Амелия взлетела к ним, после чего начала падать обратно к медведице, которая уже поднималась с заинтересованным или, во всяком случае, обеспокоенным видом. Поэтому Амелия без малейшего колебания выстрелила ей в плечо, потом в грудь, потом приземлилась на заднюю стенку совсем рядом с ней. Медведица недовольно посмотрела на дротик, торчавший у нее из груди. Затем смахнула его и громко зарычала — так громко, что Амелия непроизвольно подпрыгнула еще раз и снова получила неожиданную гелиевую поддержку. После этого, немного помахав руками в воздухе, стала опускаться прямо на медведицу, которая ошалело махала перед ней лапой. И вдруг медведица улеглась и почти не шевелилась, засыпая, и Амелия, ловко поработав ногами, избежала того, чтобы вылететь через открытый проем в коридор, и приземлилась на заднюю стену рядом с проемом, который выглядел теперь ловушкой,

дорóгой к погибели.

— О. Мой. Бог.

Когда медведица совсем отключилась, Амелия попросила Франса выровнять корабль. Затем тут же отменила эту команду и подошла к лежащей медведице — проверить, не удастся ли сдвинуть ее к проему и столкнуть ее, бесчувственную, по коридору туда, где ей место. Но сдвинуть зверя Амелия не могла. Ни на дюйм. Медведица лежала тяжелой тушей, будто спящая собака, которая точно знала, где ей хотелось лежать, и не собиралась покидать свое место даже в таком состоянии. Если Амелия не могла справиться с такой собакой, то что говорить о медведице, которая весила килограммов триста!

— Будь у меня рычаг, я бы сдвинула медведя, — произнесла Амелия вслух. Тут она вспомнила, что в шкафу у нее лежала лебедка, но сейчас толку от этого не было. — Так, Франс, — проговорила она, осторожно глядя на мостик. — Давай-ка наклонись так, чтобы медведь съехал к двери мостика. Понимаешь, что я имею в виду?

— Нет.

Амелии пришлось самой подбирать направления, а потом говорить Франсу, в какую сторону наклоняться. Она и сама понимала, как надо

действовать, ненамного лучше, чем автопилот, и потребовалось немного поэкспериментировать, но в итоге все-таки удалось наклонить судно в нужную сторону. Лишенная чувств медведица съехала к проему, теперь фактически превратившемуся в люк. Когда туша приблизилась к краю, Амелия использовала метлу как рычаг и начала спихивать хищника в проем. Рассчитав время, Амелия приказала Франсу увеличить угол наклона, когда медведица сдвинулась в проем. А вскоре она провалилась и в дверь медвежьего вольера.

— Теперь нужно закрыть дверь! — закричала Амелия и прыгнула в проем, по-прежнему держась за мешки с гелием, и опустилась по коридору, будто парашютист. Пока не грохнулась рядом с дверью в вольер, едва избежав того, чтобы попасть внутрь и присоединиться к медведям. Но, широко расставив руки и ноги, она удержалась снаружи и быстро закрыла дверь.

— Франс, выравнивай судно! — торжествующе приказала она, после чего отключила камеры и поползла в туалет. — Е-е-е!

Д) Инспектор Джен

Люди, которые родились и выросли в пределах слышимости и на виду у десятков соседей, научились оберегать свою частную жизнь, равным образом игнорируя друг друга и откликаясь только на прямые приглашения.

Джон Майкл Хейс и Корнелл Вулрич. Окно во двор

Инспектор Джен шагала по переходам на работу. Ветреный осенний день. Осень в Нью-Йорке, прекрасная песнь города. Каналы, освещенные низким утренним солнцем, сверкали внизу; вода в них перекатывалась, будто в волновом бассейне. Ее любимое время года. Пора уже надевать куртку потеплее.

В участке стояла обычная суета. Отголоски уличного сумасшествия. Разве в такой прекрасный день могло произойти преступление? Как же много разных видов голода одновременно! Безумные глаза на пустом лице, руки, скованные в наручниках, цепь вокруг пояса. «Держи строй».

Она вошла в свой кабинет и уселась за стол.

Там у нее всегда было чисто — только так можно не утонуть в бумагах. Затем взглянула на единственную записку, приклеенную к потрепанному журналу дежурного, и увидела, что ее помощник, лейтенант Клэр Клуни, хотела встретиться с ней и сержантом Олмстидом. Она как раз собиралась позвонить Клэр, когда из-за двери кабинета послышались звуки какой-то суматохи. Она выглянула — там было то же пустое лицо, теперь застывшее в гримасе ярости и отчаяния, показывающее зубы и с пеной у рта. Трое дюжих полицейских пытались укротить этого человека — Джен не была уверена, какого тот был пола. С наручниками за спиной всегда было надежнее, пусть даже запястья прикованы к поясу. Это был урок, который почему-то не вошел в регламент — она не знала почему.

— В чем дело? — спросила она сумасшедшего.

Тот тяжело дышал и шипел, выпуская изо рта еще больше пены. Похоже, он под наркотиками. Джен поморщилась, когда скованные наручниками кулаки врезались в ребра одного из копов. Наверняка останется синяк, но коп подцепил ненормального рукой за наручники и просто поднял в воздух. Тот задергался, но без толку, а попытавшись исподтишка укусить копа, смог лишь

столкнуть фуражку. Затем подоспели остальные, и спина задержанного выгнулась от заряда электрошокера. Его тело обмякло и упало в подставленный другим копом плед, напоминающий скорее смирительную рубашку без рукавов. В нем задержанного и увезли.

— В больницу, — сказала Джен, но копы, несомненно, и так туда направлялись, поэтому лишь кивнули, прежде чем исчезнуть в коридоре. Больница находилась в удобной близости от участка.

— Кто-нибудь в курсе, что это сейчас было? — обратилась Джен к оставшимся в коридоре.

— В Кипс-Бей какое-то дерьмо творится, — ответил сержант Фрипп. — Сегодня уже третий.

— Вот черт.

Наркотики всегда были бичом города, еще со времен демонического рома. Джен не понимала почему. Для нее все, что крепче пива, было нездоровым, просто адски вредным. Сейчас было восемь утра, приятное прохладное утро — а у бедняги уже пена шла изо рта. Люди странные.

— Мы знаем, где они его взяли?

— Похоже, что в районе Парка 33. Кто-то говорил, что в «Меззроуз».

— Да ну?

— Так она сказала.

— Что-то на них не похоже.

— Не похоже.

Джен призадумалась.

— Думаю, мне стоит пойти с ними поговорить, посмотреть, в чем дело.

— Хотите, мы пойдем с вами?

— Я возьму Клэр и Шона.

В этот момент, будто на ее зов, явилась Клэр, приведя с собой Олмстида. Когда они сели, Джен вяло посмотрела на свою белую маркерную доску. Большой экран, что светился на стене и отображал карту города, размеченную множеством тегов, представлял интерес не больше.

Когда они подобрались почти к концу длинного списка текущих проблем, Клэр доложила, что от двоих пропавших в Мете не поступало никаких сигналов. Вполне возможно, что они были мертвы. С другой стороны, среди обнаруженных за последнее время трупов их тел не оказалось.

Возможно, они потерялись или по какой-либо причине решили скрыться. Возможно, их кто-то похитил. И то и другое было бы странно, но странные вещи случались сплошь и рядом. О людях теперь хранилась масса информации, и не в единой системе, а в целой их куче, в случайной мегасистеме. Оставаться вне поля зрения было

трудно. Но система эта не была всевидящей, поэтому вероятность остаться незамеченным существовала.

Олмстид ввел Джен в курс дела о том, что нашел в датасфере, и она стала делать себе пометки на доске, для наглядности: заглавные буквы, крестики и нолики, стрелочки в разные стороны, сплошные линии и пунктир.

Пропавшие три месяца назад завершили работу по контракту с хедж-фондом Генри Винсона «Олбан Олбани». Этот хедж-фонд, как и большинство других, не раскрывал своих финансовых дел, но Шон выявил признаки того, что он участвовал в высокочастотной торговле в скрытых пулах, связанных с кластером Клойстер. Прежняя деятельность Винсона в «Адирондак Инвестинг», где он работал с Ларри Джекманом, также была подобной, и Розен с Маттшопфом тоже работали в «Адирондаке». Это была одна из инвестиционных фирм, за которыми наблюдал комитет Сената по финансам, когда Розен оттуда уволился. За недавнюю работу для «Олбан Олбани» Розену и Маттшопфу заплатили по сорок тысяч долларов. Потом они ушли оттуда и стали переезжать с места на место.

Безопасность самого Винсона и его компа-

нии обеспечивала охранная фирма, которая называлась «Пинчер Пинкертон». Это была международная компания, базировавшаяся где-то на Большом Каймане. Очень прозрачная, угрюмо заметил Олмстид, хотя и числилась среди тех свободных частных армий, которые теперь нанимались по всему миру. Осьминог, как любили называть всякие дочерние компании. Или, если точнее, нога более крупного осьминога.

Затем Шон рассказал, что в ночь, когда Розен и Маттшопф пропали, на Чикагской товарной бирже произошло кое-что странное. Произошел прокол, но потом все вернулось к норме. В то же время в Комиссию по ценным бумагам и биржам отправилась масса информации, которой там не ждали. Но никакой очевидной связи с пропавшими это не имело — кроме того, что случилось той же ночью.

— Было бы хорошо, если бы Комиссия рассказала нам о том, что получила.

— Пытаюсь этого добиться, — ответил Олмстид. — Но они медлительные.

Больше ничего нового по делу у них не было. Помимо этого, Олмстид, следуя просьбе Джен, запросил информацию о предложении по небоскребу МетЛайф Тауэр, которое так обеспокоило

Шарлотт. Но пока удалось лишь подтвердить, что оно поступило через крупную брокерскую компанию «Морнингсайд Риэлти», которая располагалась в Верхнем Манхэттене, но вела деятельность по всему Нью-Йорку и ближайшим к нему территориям.

Джен сделала пометку на доске. Сведения о двух пропавших она записывала красным маркером. Мет изобразила в виде синего прямоугольника, с одной стороны которого была Шарлотт Армстронг, а с другой — Владе Маровић.

Какое-то время она вырисовывала что-то еще, прорабатывая разные сценарии. Нужно было выяснить, чем занимался хедж-фонд Винсона и не был ли он связан с брокером, предложившим сделку по Мету. Нужно было проверить всех работников Владе. Хорошо, что ни у Шарлотт, ни у Владе не было веских причин устраивать это исчезновение, но Джен знала, что отказываться от подозрений нельзя. Подобные чувства, говорящие о чьей-либо невиновности, часто приводили ко всяким упущениям. С другой стороны, в ее деле часто приходилось полагаться на интуицию.

Если пропавшие заглянули в скрытый пул «Олбан Олбани», пока там работали, то могли и оборудовать себе доступ, необходимый, чтобы

устроить тот прокол в Чикаго. Этим можно было объяснить и быстроту реакции — ведь они исчезли в ту же ночь. Для высокочастотной торговли один час равносилен десятку лет.

Или, если за предложением «Морнингсайд» стоял Винсон, а Розену и Маттшопфу удалось об этом узнать, то они могли попытаться как-то в это вмешаться. Возможно, в «Олбан Олбани» существовало правило доводить любые решения корпорации, касающиеся Розена, напрямую до Винсона; а возможно, людям Винсона было поручено вести наблюдение за двоюродным братом босса. Патруль над паршивой овцой — вот как это называлось, и такие патрули не помешали бы многим, в том числе сотрудницам нью-йоркской полиции.

Пока Джен черкала что-то на доске, Шон и Клэр с любовью наблюдали за ней. Инспектор была старомодна, и ее молодых помощников это отчасти умиляло, отчасти впечатляло, придавая ее действиям загадочности, и, может быть, даже смущало. Но каким бы бесполезным ни выглядело ее бурчание у доски, часто оно приносило результаты. Впрочем, временами бывало и так, что Шон в яростном отрицании увиденного на доске тряс головой или даже поднимал руку.

«Это совершенно не то, — возражал он. — Это не диаграмма, это нельзя представить на карте. Вы себя запутываете».

«Нить сквозь лабиринт, — отвечала Джен. — Лабиринт всегда имеет четыре измерения».

«А вы подумайте в шести», — предлагал ей Шон.

Тогда она трясла головой:

«Их всего четыре, мальчик. Постарайся думать головой».

Затем осуждающе качал головой он. «Как старомодно! — говорил его взгляд. — Всего четыре! Ясно же, что их шесть!»

Джен не хотела его об этом расспрашивать. Не хотела, чтобы он объяснял ей, что это за два дополнительных измерения, которые, несомненно, были просто кем-то выдуманы. Пусть ими пользуется молодежь.

Она спросила, что им удалось раскопать насчет паршивой овцы. Судя по всему, оба брата какое-то время жили в одном доме — после того как отчий дом Джеффа затопило при Втором толчке. Это могло как укрепить их братскую любовь, так и распалить ненависть на всю жизнь. Пятьдесят на пятьдесят — и это только после еще одной такой же развилки по поводу, вызывало ли это сосед-

ство сильные эмоции или ограничилось полным безразличием. Но даже в этом случае существовала вероятность двадцать пять процентов, что Винсон захочет в дальнейшем следить за своим непутевым братцем-кодером.

Тем не менее он дважды нанимал его на работу. Причем один из них — спустя годы после того, как Розен уволился на фоне расследования против Винсона. Держи друзей близко, а врагов еще ближе? Держи паршивую овцу в загоне? А потом этот прокол на Чикагской бирже. Доверие трейдеров легко потерять и тяжело вернуть. Так что если выводить паршивую овцу пастись, то где-нибудь подальше.

— Слишком много теорий, слишком мало данных, — проговорила Джен, и ее помощники будто вздохнули с облегчением. Однако у нее, вопреки возражениям Олмстида, было чувство, что объяснение все равно может быть где-то на доске. Разумеется, в каком-нибудь завуалированном виде, но где-то там. Возможно. Если это имело смысл. Но так оказывалось не всегда. — А попробуй-ка ты расколоть «Морнингсайд Риэлти».

Олмстид сморщил нос:

— Без ордера это будет непросто.

— Нам не дадут ордер. Попробуй кого-нибудь

подкупить.

Помощники одновременно фыркнули.

— Да ладно вам, — сказала она. — Вы полиция Нью-Йорка или кто?

Они посмотрели на нее так, словно не понимали, что она имела в виду. Теперь уже она фыркнула. Видимо, придется выяснить это самой, на стороне. Использовать Нерегулярные войска бачино. Или друзей-федералов. А может, и тех, и других. Люди все еще жили в трех измерениях.

Молодые помощники вышли. Близилось время обеда, а она была еще только в начале своего списка дел. Придется обедать за столом, как это часто случалось.

И она взялась за работу. Административная рутина. Потерянные часы. Когда было уже почти четыре, она решила, что ей действительно стоит проведать своих друзей в «Меззроуз». Пора было сливаться с местными и заныривать в глубины города. Ведь она в своей семье тоже когда-то была паршивой овцой.

* * *

Лейтенант Клэр присоединилась к Джен на длинном узком причале возле их здания на 23-й, где они дождались сержанта Фриппа. Тот

подошел на патрульной лодке, узкой, с гидрокрыльями, какие считались теперь стандартными наряду с обычными спидстерами водной полиции.

— Вы правда хотите еще раз туда наведаться? — спросил Фрипп, когда они поднялись на борт. Белые зубы и черная борода — Эзра Фрипп любил кататься в «Меззроуз», как и в любое другое место, куда надо было добираться по воде или под водой.

Цинизм Джен по поводу амфибийных забегаловок и бань в последние годы лишь окреп: слишком многое изменилось, слишком много было совершено преступлений. Но если постараться, она всегда могла вызвать в себе ностальгию по старым денькам.

— Да, — ответила она Фриппу.

Сержант направился по Второй в сторону 33-й, повернул на запад и притормозил у старой станции метро. Перекрестки были заполнены лодками, которые пропускали друг друга по очереди. На западной стороне узкий причал был забит, но полиция издавна обладала неким приоритетом, и Эзра вклинился, не вызвав особого недовольства и не потеряв слишком много времени. Затем привязал фалинь к утке, и они

спрыгнули на причал, оставив лодку под присмотром дронов.

Дойдя до северной стороны причала, они спустились по ступенькам внутри большой графеновой трубы, уводившей под углом сорок пять градусов к подводному садку, некогда бывшему станцией метро. Дверь забегаловки у основания лестницы была выполнена в классическом стиле, и Джен выстучала на ней старый код подводной шайки, в которой сама состояла. Когда жила в Хобокене тридцать лет назад. Кто-то посмотрел в глазок, и спустя мгновение дверь открылась. Их пригласили внутрь.

— Меня Элли ждет, — сказала Джен открывшему, что было ложью. Если только не в том смысле, что Элли ждала ее всегда — они знали друг друга целую вечность.

Вскоре вошла Элли и указала им на заднюю комнату, где в центре доминировал старинный, но безупречный бильярдный стол, а вдоль стен располагались кабинки. Освещение было тусклым, кабинки пустовали. Это заведение заполнялось публикой позже.

— Присаживайтесь, — предложила Элли. — Что вас сюда привело? Хотите чего?

— Воды, — отозвалась Джен, просто чтобы ее по-

злить. Эзра и Клэр спросили, можно ли поиграть в бильярд, и, когда Элли кивнула, направились к нему и принялись стучать шарами, будто и не пытаясь загонять их в лузы. Элли села за столик в углу, и Джен присоединилась к ней.

— Итак, — начала Элли.

Она выглядела очень стильно. Шведка, с волосами такими белыми, что кто-то говорил, будто она альбинос; и многие цветные подводные жители находили это забавным и любили подшучивать по этому поводу. Пять и шесть ростом[64], сто двадцать фунтов[65], достаточно равномерно распределенные по всему ее небольшому телу. Эффектная. Она вытянула пальцы на поверхности стола, словно желая их показать. Элли всегда старалась сразить Джен своей выдающейся бледной красотой, и Джен вынуждена была прилагать усилия, чтобы этого не допустить. Конечно, легко было оставаться стройной на фентаниле, который употребляла Элли, — легко было оставаться расслабленной. И хотя Джен знала обо всем этом, она не могла не чувствовать себя немного безвкусной. Как коп. Как крупная

---

[64] Примечания: 64
5 футов 6 дюймов, то есть 167 см.

[65] Примечания: 65
54 килограмма.

темнокожая служительница полиции замужем за своей работой. Слоновая кость и черное дерево, два шахматных ферзя, супермодель и дурнушка, бандитка и легавая и далее в том же духе. Но прежде всего старые подруги, чьи пути давно разошлись.

Так у них продолжалось уже много лет. Зная, что Элли здесь, Джен знала и что происходило под водой. Знала, что дела, которые творились здесь, ничего не стоили, ничего особенного не было, по крайней мере в сравнении с тем, что могло бы твориться. Общаться с амфибийными означало знать, кто что куда приносит. Можно было развивать с ними отношения и, когда возможно, этим пользоваться. Такие отношения были выгодны для обеих сторон.

— Я слышала, в Кипс-Бей продают какую-то дрянь, — сообщила Джен, — и я пришла это проверить. На тебя это не похоже. Я сначала не поверила.

Элли нахмурилась. Это было слишком прямое заявление, и Джен хорошо это понимала. Но сейчас не время для сплетен о новой подводной моде и тому подобном.

Элли, перестав дуться на этот опасный фастбол, сказала:

— Я понимаю, о чем ты, Джен, но это не кто-то из наших. Ты же знаешь, я бы такого не позволила.

— Тогда кто это?

Элли пожала плечами и оглядела комнату. Та располагалась внутри клетки Фарадея с магнитным зарядом, глушившим любые записывающие устройства, пусть у Джен их и не было. Ни диктофона, ни камеры — это было частью установившегося между ними протокола. Лучше разговаривать здесь, чем в участке. Джен кивнула, чтобы это подтвердить, и Элли, наклонившись вперед, рассказала:

— Это дерьмо толкает одна группа из аптауна, надо попробовать это пресечь, я попробую. То, что они это делают, так глупо, что мне кажется, это специально. Мы кое-кого потеряли на той неделе, так что сейчас я созвала всех, предупредила, сказала, что надо обращать внимание на незнакомцев, и все такое.

— Кто это?

— Я так и не знаю, даже интересно, насколько это сложно выяснить. Никто из подводных об этом не говорит. Мне кажется, они чувствуют давление и не хотят показаться недружелюбными, но и помогать тоже не решаются. В общем, я разберусь с этим позже, а сейчас одна подруга из

Клойстер сказала мне, что слышала, как кто-то говорил, мол, мы уже созрели.

— Созрели?

— Созрели для развития.

— В смысле, недвижимости? — уточнила Джен.

— Ну, как всегда, верно? Я имею в виду, разве бывает что-то, кроме недвижимости?

— И в межприливье?

— Межприливье зреет. Вот что они говорят. Да, есть проблемы, всюду бардак, но люди как-то справились, и теперь все идет как надо. И вот аптаун хочет вернуть себе то, что было. Как будто ремонт закончился и пора переобуваться.

— Но чтобы что-то продать, этим нужно сначала владеть.

— Верно.

— А как по юридической части? Никто ведь не может владеть межприливьем.

— Владение — это девяносто процентов права, верно? Но, опять же, сделки идут не очень хорошо. Многие против. Едва ли вообще хоть кто-то пожелает продать жилье этим говнюкам, пусть даже по более чем приемлемым ценам. Денег предлагают много. Я слышала, в некоторых зданиях дают по две тысячи за квадратный фут. Но

сама понимаешь. Если ты любишь воду, то только там тебе и будет хорошо. Сколько бы денег тебе ни предлагали за эти раковинки. Вот говнюки и предлагают больше, пока не становится ясно, что их предложения — это угроза, понимаешь? Типа, продайте нам и срубите денег, не то… не то пеняйте на себя. Вы вне игры. И если не включитесь в нашу игру, с вами может случиться что-то плохое, так что не обессудьте.

— Вот что с вами сейчас происходит, — сказала Джен.

— Несомненно. И со всеми, кто живет в воде. Нью-Йорк есть Нью-Йорк, Джен. Люди хотят сюда, им все равно, что тут все затоплено.

— Все в плесени. — Джен пожала плечами.

— В Венеции тоже все в плесени, и все равно люди хотят жить в Венеции. А у нас «новая Венеция».

— Значит, они продают бракованную дрянь, чтобы выставить вас в плохом свете?

— Как по мне, очень похоже на то. По крайней мере, это не мои друзья, уж точно. За своими мы хорошо следим. Весь товар проверяется, и бóльшая его часть выращивается под водой. Но, полагаю, ты все это и так уже знаешь, да?

Джен кивнула:

— Поэтому я и пришла спросить, в чем дело. Это странно.

— Странно.

Они сидели и смотрели друг на друга. Обе были влиятельными в Нижнем Манхэттене фигурами, но ни одна не могла противостоять давлению со стороны аптауна. Им необходимо было объединить свои силы. Это было видно по ухоженному личику Элли, казавшемуся теперь уставшим и осунувшимся. Джен смогла лишь кивнуть.

Элли натянуто улыбнулась:

— Когда мы услышали, что ты зайдешь, кое-кто пожелал, чтоб я спросила, не хочешь ли ты снова выйти на ринг. Там уже сделали ставки.

Джен отрицательно покачала головой:

— Я с этим завязала, сама знаешь. Я слишком стара.

Улыбка Элли стала более дружелюбной.

— Значит, чьи-то ставки уже проиграли.

— А чьи-то выиграли. Но схожу с тобой посмотреть. Всегда с удовольствием смотрю бой-другой.

— Что ж, лучше, чем ничего. Люди будут рады, что чемпион смотрит с ними.

— Старый чемпион.

— Перестань мне об этом напоминать, пожалуйста. Я же старше тебя.

— На месяц, да?

— Да. — Элли встала и, пройдясь к двери, что-то кому-то сказала.

Джен дала знак Эзре и Клэр, которые все еще катали по столу те же самые шары. Молодежь воспитали неправильно, это было видно. Дети экранов, не способные воспринимать третье измерение. И в настольном теннисе наверняка никакие, предположила Джен.

— Вам нужно обратить внимание на шестое измерение, — сказала она им, но это понял бы только Шон, поэтому до них не дошло. — Я иду смотреть водное сумо, — сообщила Джен. — Пойдемте со мной, присмотритесь к зрителям. Только не отвлекайтесь. Проверьте, не следит ли кто-нибудь за Элли во время боя, — может, кто пялится на нее, вместо того чтобы смотреть на бассейн.

Они кивнули.

Затем вернулась Элли и повела их по длинному коридору, который заканчивался уходящей вниз лестницей. По ним они спускались, пока не оказались глубоко под улицами города, наверное, футах в семидесяти ниже уровня отлива, на аэрированном участке туннеля метро. Старые стены и перегородки, обильно покрытые алмазным спреем, сдерживали подземные воды. Эти камеры

назывались алмазными шариками или алмазными пещерами и бывали весьма протяженными. Только алмазное покрытие и защищало их от влаги — покрытие и старая коренная порода, из которой состоял остров.

Они вошли в большую яркую камеру с круглым бирюзовым бассейном, который сверкал по центру, освещая комнату, будто голубая лавовая лампа. Нью-йоркская баня, несомненно; еще одна нотка ностальгии, как и сама забегаловка. Суть та же. Бассейн представлял собой джакузи в исландском стиле, и отдельные его участки пузырились при разных температурах. Место, чтобы посидеть в горячей воде за выпивкой и разговорами. Джен это было очень знакомо: она провела много часов на рингах вроде этого, но это было так давно, что она пережила уже и ностальгию по тому времени и не чувствовала ни малейшего желания вернуться. При мыслях об этом у нее побаливали колени и иногда становилось трудно дышать даже на свежем воздухе. Нет, это все детские игры — и многие из них в самом деле были тогда детьми.

Из других комнат и бассейнов тоже подтягивались люди, и многие были в банной одежде или без нее, уже мокрые. Джен села рядом с Элли и

стала наслаждаться атмосферой и дружескими приветствиями. «Ой, она вернулась», «Назад к мамочке» и все в таком духе.

— Прошу, Джен-ген, возвращайтесь!

— Ни за что, — ответила она. — Покажите лучше мне, на что способны.

— Принимаю один к одному! Да-да, один к одному!

— Они будут здесь через секунду, — сказала Элли инспектору.

Джен кивнула.

— Я их знаю?

— Вряд ли. Это молодняк. Джинджер и Дайан.

— Ну ладно. Только смотри, сейчас начнется бой, и к делам мы уже не вернемся. Но я хочу, чтобы ты выяснила, у кого там на тебя зуб, хорошо?

— Я пытаюсь это выяснить, — ответила Элли. — Сама хочу знать.

— Тогда, возможно, тебе стоит обратить внимание на охранную фирму «Пинчер Пинкертон».

Элли приподняла бровь:

— Думаешь?

— Возможно.

— Это любопытно, потому что о ней упоминал кое-кто еще.

— Любопытно. Присмотрись.

Затем явились две девушки в раздельных купальниках — одна в красном, другая в синем, обе мокрые. Обе внушительные и пышные. Толпа охала и ахала, люди подтягивались из других комнат, быстро заполняя все места.

Борцы вступили в ринг по центру бассейна. Они любезно пожали друг другу руки. Зрители расположились вокруг бассейна, усевшись на низенькие ступеньки либо стоя. У многих казалось невозможным определить пол — в одежде ли те были или без. В межприливье проживало много межгендерных людей; это «меж» присутствовало во всем, амфибийность превратилась в отдельный стиль — стиль, который многие любили и к которому стремились. Просторная невысокая камера, теперь освещенная только подсветкой бассейна, превращалась в дилэниевское[66] логово, из тех, в каких лучше не смотреть слишком близко на то, что творилось по углам, тем не менее все вели себя вполне дружелюбно. Это считалось нормальным как у Элли, так и в любой другой бане, и для Джен все это выглядело знакомым и даже ободряющим. Эзра и Клэр глядели на все немного округленными глазами,

[66] Примечания: 66

Вероятно, отсылка к Сэмюэлю Дилэни (р. 1942) — американскому писателю-фантасту.

они определенно не были обитателями глубины, коей некогда являлась Джен. Зато они находились в удобной позиции, чтобы следить за тем, не наблюдает ли кто из толпы за Элли.

Рефери спросил, не желает ли Джен стать председателем судейской бригады. Это была скорее формальная должность, так как броски обычно определялись с помощью лазера и камер. Поэтому Джен согласилась, и, когда она встала, в толпе раздались жидкие аплодисменты и улюлюканье. Она шлепнула по воде, дав знак борцам, что пора начинать. Они сначала окунулись с головой, а потом эффектно вынырнули. Дайан была похожа на толкательницу ядра, смуглую и массивную; Джинджер, более средиземноморской внешности, напоминала скорее ватерполистку. Водное сумо походило на водное поло в части работы ногами, но было заметно менее агрессивным.

Они встретились в центре бассейна и подождали, пока в толпе стихнут крики. Джен взяла жезл у Су, обычной рефери, и щелкнула им, чтобы зажегся свет. С потолка в бассейн опустился цилиндр красного света; на дне проявился четкий красный круг. Этот освещенный круг служил площадкой, за пределы которой борцам необходимо вытолкнуть соперника. Простая старая

игра, завезенная в нью-йоркские бани из Японии много десятилетий назад. Джен в свое время была в ней чемпионом и, когда борцы заняли позиции, ощутила внутри приятное тепло.

— В лицо не бить, не тыкать и не щипать, дамы! — предупредила она их. — Вы знаете правила, боритесь чисто, и мне не придется вам ничего предъявлять. Бой идет до трех бросков, и если пойдет к ничьей, я дам вам знать.

Две женщины стояли в воде по грудь. Стандартная глубина по-прежнему составляла четыре фута.

— Начали! — объявила Джен, и они приблизились друг к другу, пожали руки и сделали по паре шагов назад. Потом Джинджер нырнула в воду, и Дайан ответила тем же.

В некоторых разновидностях этой игры требовалось держать голову над водой, но еще во времена Джен стандартом стало считаться полное погружение, поэтому сейчас обе соперницы, набрав воздуха, смотрели друг на друга под водой. Зрители, притихнув, принялись следить за действием, и в воздухе слышался лишь запах нагретого хлорина. Все как в аквариуме.

Джинджер предприняла первую атаку, но Дайан поставила ногу на дно и оперлась на нее.

Джинджер отскочила назад, и Дайан бросилась следом; Джинджер уперлась ногами для контрудара, но Дайан выкрутилась вбок, чтобы использовать инерцию соперницы, и ухватила ее за талию и ягодицы, затем проделала бросок. Джинджер вылетела из круга, и Джен, к радости зрителей, засчитала бросок. Один есть.

После этого борцы настроились серьезнее. Джинджер держала голову над водой, и Дайан тоже. Довольно долго они копировали движения друг друга, каждая пыталась вывести противницу из равновесия. Джинджер вела себя осторожнее, но, казалось, двигалась быстрее. Наконец, Дайан первой не выдержала, и Джинджер, ловко ухватив ее за запястье, пинком выпроводила из круга. Народ обожал смотреть женскую борьбу. Счет стал один-один. Более миниатюрная соперница оказалась проворнее той, что была тяжелее, и это укладывалось в логику.

Теперь Дайан сделала «лягушку». Джен в свои молодые годы сделала бы то же самое. Уйти на дно и затаиться там, забраться под соперницу и резко оттолкнуться вверх. Очень эффективно, если можешь надолго задерживать дыхание под водой и сохранять равновесие, прижавшись ко дну. Дайан все это умела. Ей удалось схватить

Джинджер за лодыжки и метнуть, будто диск, за пределы круга.

После этого Джинджер сильно занервничала и, когда они начали снова, сразу же бросилась в атаку. Но в сумо важнее было держать позицию, поэтому защита была прежде всего. Дайан не составило труда ускользнуть в сторону, снова уйти на глубину и, оттолкнувшись ото дна, ухватить Джинджер за живот и вынести прочь. Джинджер оказалась за пределами круга за миг до Дайан, опередив ее на самую малость, как показалось Джен, и камеры это подтвердили. Бой выиграла Дайан. Обе противницы встали и пожали руки, сначала друг другу, потом Джен. При этом Джен с удовольствием отметила, что они обе были рады ее присутствию. Да и всем было приятно видеть сотрудника полиции, знаменитого подводного инспектора, в частной бане за судейством боя. Прямо как вверху, на воздухе! Как будто у всех все хорошо.

Е) Матт и Джефф

Отлив; дневной свет меркнет,

Благовонная морская прохлада надвигается на землю, заливает ее запахами водорослей и соли,

А с ними множество сдавленных голосов, поднимающихся из клубящихся волн,

Приглушенные признания, рыдания, шепот,

Словно доносящиеся от далеких – или где-то укрытых – людей[67].

Уолт Уитмен

— Джефф? Ты в порядке?

— Нет, не в порядке. Как я могу быть в порядке, когда мы в тюрьме? Мы застряли в тюрьме, которую сами воздвигли вокруг себя. Точнее, я воздвиг. Прости, что втянул тебя в это, Матт. Мне правда очень жаль. Извини меня.

---

[67] Примечания: 67
Перевод А. Старостина.

— За это не волнуйся. Ешь лучше свой завтрак.

— Сейчас утро, как думаешь?

— Сейчас блины, просто съешь их.

— Я не могу сейчас есть. Живот болит. Меня тошнит.

— Но ты и вчера ничего не ел. Или за день до этого, если не ошибаешься. Ты разве не голоден? Должен быть голоден.

— Я голоден, но меня тошнит, так что, считай, не голоден. Есть я сейчас не могу.

— Ну, выпей тогда что-нибудь. Вот хоть водички. Давай я разбавлю ею кленовый сироп, хорошо? Будет вкусно и пьется легко.

— Не надо, меня тошнит, когда ты об этом говоришь.

— Нет, не будет тошнить, просто попробуй и увидишь. Тебе нужен сахар. Ты слабеешь. Я имею в виду, ты уже извиняешься. Это дурной знак. На тебя не похоже.

Джефф трясет головой. Борода, бледное лицо, слюни в уголках рта, заляпанная подушка.

— Я тебя в это втянул. Нужно было спросить, что ты об этом думаешь, а потом что-то делать.

— Да, нужно было. Но сейчас от этого разницы никакой. Сейчас тебе нужно попить, а потом поесть. Тебе нужно оставаться сильным, чтобы

все это выдержать. Так что оставь пока свои размышления. Потому что ты мне нужен.

Джефф отпивает немного воды, одну чайную ложечку. Несколько капель скатывается в бороду. Матт утирает ему подбородок салфеткой.

— Еще, — говорит Матт. — Пей еще. Когда напьешься, сразу захочешь есть.

Джефф кивает и пьет еще. Матт поит его ложками. Через какое-то время он окунает ложку в пакет с кленовым сиропом и дает Джеффу его. Джефф немного закашливается, потом кивает и проглатывает еще несколько ложек сиропа.

— Хорошо, — говорит он. — Дай еще воды.

Он садится на кровати, прислоняет голову и плечи к стене. Съедает несколько крошечных кусочков блинов, смоченных сиропом, чуть прокашливается и, когда Матт предлагает еще, трясет головой. Матт снова начинает его поить. Вскоре Джефф уже держит стакан на животе, поднимает его и пьет самостоятельно.

— Я чувствую воду за стенкой, — говорит он. — Чувствую, как она движется, и вроде даже слышу ее. Интересно, что все это значит. Кажется, звук под водой какой-то странный. Как будто его куда-то уносит или вроде того.

— Не знаю. Может, еще блинчиков?

— Нет. Хватит. Ты уже меня «гекторишь»[68].

— Вижу, тебе уже лучше.

— Гектор же гекторил людей, да? Мне почему-то кажется, на него просто наговаривают. Вот приходят осаждать его город, пытаются всех там перебить. Гектор организует и возглавляет сопротивление, его убивают и волочат тело за ноги, а потом ассоциируют его имя с какими-то угрозами. Разве это честно?

— Угрозами во имя какого-то благого дела, — предполагает Матт.

— Тем не менее. Его отымели. Хотя он этого не заслуживал. И как так получается, что настоящим негодяям все сходит с рук? Как получается, что ты не тянешь ахилл, когда сваливаешь весь такой в гневе? Примадонны — вот как мы их называем, но примадонны по сравнению с ними — настоящие бойскауты. А как насчет «поаяксить»? Я уж точно аякснул в той своей врезке, прости еще раз, но ладно, я приберегу извинения на потом. Хорошо так аякснул, по-крупному. Или как насчет Зевса? Если кто-то загорается нарциссическим гневом, разве мы говорим, мол, он «зевсится»?

---

[68] Примечания: 68

В английском языке имя персонажа древнегреческих мифов Гектора является нарицательным, а образованный от него глагол to hector имеет значение «запугивать», «угрожать».

Нет, не говорим. Не «улиссизируем» ситуацию. Не «агамемним».

— А ты так еще «кассандра», — замечает Матт.

— Видишь, я знал, что ты читал не только «Справочник по R».

— Не прям чтобы так. Этого просто набираешься, пока просматриваешь всякое дерьмо в облаке.

Затем тирада Джеффа переходит в хриплый шепот. Будто он то затухает, то разгорается.

— «Дерьмо в облаке». Роман о небесных нечистотах. Такой и я бы смог написать. Мы здесь столько времени, что кажется, уже пора. Что мне нужно было сделать, так это попридержать коней и дождаться, пока не получится что-то хорошее. Я определенно облажался, и мне жаль. Потом я извинюсь. Надеюсь, ты знаешь, что я сделал это только потому, что больше не мог сдерживаться. И вот мы живы в этом прекрасном мире, если, конечно, не умерли и не попали в лимб. А они пытались оторвать нам головы. Ссылались на какие-то нехватки, на террористов и стравливали нас друг с другом, а сами отбирали девяносто пять процентов всего. Оберите тех, на ком зарабатываете. Кто из богов делал так у Гомера? Никто. Они хуже худших гомеровских богов. Вот что они

делают, Матт. И я не мог этого терпеть.

— Знаю.

— Потому что это плохо!

— Знаю. Но сейчас об этом не волнуйся. Сейчас тебе нужно поберечь энергию. Пожалуйста, не надо перечислять все преступления правящего класса, хорошо? Я это и так знаю. Береги силы. Ты голодный?

— Меня тошнит. Тошнит от этих ублюдков, которые рвут нас на части. Собираются в Давосе[69] и рассказывают друг другу, какие они все великие, сколько всего хорошего делают. Долбаные притворщики и ублюдки. И все им сходит с рук!

— Джефф, прекрати. Хватит. Ты тратишь на это свою энергию, но сейчас не нужно проповедовать. Я и так со всем согласен, поэтому нечего тебе пересказывать все по новой. Мир уже в заднице, я согласен. Богачи — тупые говнюки, я согласен. Но тебе нужно перестать об этом говорить.

— Не могу.

— Знаю, но ты должен. Только в этот раз. Прибереги то, что хочешь сказать, на потом.

— Не могу. Я пытаюсь, но не получается. Долбаные…

---

[69] Примечания: 69

Город в Швейцарии, где каждый год, начиная с 1971-го, проводится Всемирный экономический форум.

К счастью, Джефф засыпает. Матт пытается сунуть ему в рот последнюю ложку кленового сиропа, потом снова утирает ему подбородок и подтягивает одеяло до его груди.

Затем садится на стул рядом с кроватью, покачивается на нем, размышляя. Наконец, берет одну из тарелок с подноса и очищает ее до тех пор, пока та не превращается в белый керамический круг. И на его гладкой поверхности он пишет, выдавливая клубничное варенье из пакетика:

Мой друг болен. Ему срочно нужен врач.

Ж) Стефан и Роберто

Небоскребы – это как высокие надгробные камни.

Торрес-Падилья и Риверз

В Нью-Йорке водятся призраки. Когда-нибудь я стану одним из них.

Сказал Фред Гудмен

Стефан и Роберто были довольны, что старик поселился в садах в Мете. Здесь ему, похоже, было лучше, чем в его сгнившей берлоге, особенно теперь, когда то здание здорово накренилось набок. Сам он с этим не соглашался и рвался за своими пожитками, прежде всего за картами. Его вполне можно было понять, и следующую пару дней ребята провели, плавая к старой развалине и, несмотря на опасность, вытаскивая их оттуда. Как только карты оказались у мистера Хёкстера в руках, он был так благодарен, что попросил вернуться и привезти еще. Выяснилось, что он дорожил немалым количеством вещей, которые было очень неудобно, а то и вовсе невозможно перевезти на их лодке, например комод с картами. Но кое-что из его списка все же можно

было перевезти, и мальчишки предприняли еще несколько вылазок. В каждой из них они рисковали попасться водной полиции, которая едва ли разрешила бы кому-то оставаться в зоне обрушения, но мистер Хёкстер пообещал внести за них залог, если их арестуют, — купить им новую лодку, назваться их учителем, усыновить, сделать все, что потребуется. Но, похоже, он не понимал, что они могли оказаться в таких ситуациях, где он никак не смог бы им помочь.

Чтобы подтвердить легенду, что он их учитель, он дал им браслет с аудиокнигами (их там было около миллиона) и заплесневелую книгу «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена. Он сказал, что если они будут слушать и следить за текстом по книге, то научатся читать, раз уже знают буквы, и что слова в книге — это не просто забавные формы, они обозначают звуки. Он божился, что это сработает, и ребята попытались так делать, когда сидели ночью у себя лодке под пристанью, — следили за страницами при свете фонарика и вслушивались в слова, пока не надоело, а потом просто продолжили слушать дальше саму историю. Она была сама по себе интересная, пусть слащавая, зато веселая. Они тоже голодали и воровали еду, им тоже угрожали, а раз или два

их ловили и обижали взрослые. Странно было слышать историю обо всем этом. Следующей ночью они собирались вернуться назад и прослушать с того места, где остановились, и еще проследить за текстом. Довольно быстро они начали понимать, что имел в виду старик. Это было несложно, хотя произношение часто казалось им странным и неправильным. Узнав историю Гека, они теперь с удовольствием ее обсуждали. Бурные времена на Миссисипи, во многом похожие на жизнь на Гудзоне. Сами ребята при этом плавали по разу в день, чтобы забрать книги мистера Хёкстера (тяжелые), одежду (прелую) и резиновые сапоги (вонючие).

Владе уже знал, что они спали в лодке под пристанью, и часто приносил им еду и давал зарядить аккумулятор, так что им не приходилось грести к развалинам веслами. Однако выбирать каналы нужно было только те, которые не охраняла водная полиция. Говорили, что остальные три высотки тоже должны упасть. Ребята, пока могли, держались южнее того района, а потом срезали к нему.

А в один день, подобравшись к дому старика, обнаружили, что он накренился еще сильнее.

— Ого! Как плавучий дом отца Гека в Мисси-

сипи.

— Я не думаю, что то был его дом, — ответил Роберто. — Мне кажется, Джим и Гек просто его там нашли.

— Его Джим сам нашел. Геку он рассказал об этом потом.

— Ну да, знаю.

— Но почему отец был там, если дом не его?

— Не знаю, по-моему, этого не объяснялось. Может, дальше будет.

— Может быть. А пока у нас тут проблема. Нужно сказать старику, что здесь стало слишком опасно.

— Разве стало? Думаю, надо подойти и проверить.

— В смысле? Это и отсюда видно!

— Я не так уж уверен.

— Да ладно. Не будь ты, как тот Том Сойер.

— Какого еще? Я не такой, как тот дурак.

— Вот и не будь таким.

* * *

Когда в капсуле очутились вещи мистера Хёкстера, она стала немного напоминать его старую квартиру — то есть лабиринт из ящиков и стопок книг.

— Какие вы молодцы, мальчики, — сказал он той ночью. — Я заплачу вам, как смогу. Может быть, вы еще поможете мне перевезти все это обратно, когда я буду переезжать, и я заплачу вдвойне. А пока, может, вы пожелаете вернуться к своим раскопкам в Бронксе?

— Именно, мы сами об этом думали.

На следующий день они пробрались в кухню Мета и стащили из духовки буханку свежего хлеба. Владе им теперь никак не препятствовал, и в последнее время они определенно ели больше. Потом они выбрались на холод, в новый ноябрьский день, и принялись прокладывать себе маршрут на север, мимо затопленных зданий и аквакультурных садков, к устричным садкам в Тёртл-Бей.

Они пересекли реку Гарлем под мостом Роберта Кеннеди, а потом под старым железнодорожным — чудищем, которое, как говорили, простоит еще тысячу лет, — затем обогнули остров Уорд с востока, пока, наконец, не достигли своей точки в Южном Бронксе. Нашли там свой указательный буй и, пришвартовавшись к нему, приготовили колокол и сбросили его за борт. Роберто влез в свой гидрокостюм, и Стефан помог ему надеть снаряжение. Когда все было готово, Стефан ска-

зал:

— Все равно я не представляю, как мы можем настолько глубоко прокопать.

— Просто будем продолжать это дело, — ответил Роберто. — Я могу складывать грязь на восточной стороне ямы, и течение будет разносить ее вверх-вниз, но не назад в яму. И так мы с каждым разом будем проникать все глубже, пока не дойдем до «Гусара».

Стефан покачал головой.

— Надеюсь, что так, — ответил он. — Но слушай, только ты должен подниматься, когда зову.

— Ага. Три рывка за кислородную трубку — значит, вверх.

Роберто спрыгнул за борт, и Стефан опустил за него колокол. Он видел Роберто за прозрачной пластмассой — тот раскачивал колокол, пытаясь выпустить из-под него немного воздуха. На поверхность вырвалось несколько пузырьков, после чего Роберто потянул его ко дну. Был прилив, и спускаться было далековато. Это беспокоило Стефана, пока он наблюдал, как его друг исчезал во мраке. Мальчик принялся следить за показателями кислорода — это было единственное, что ему оставалось. Он проследил за шкалой, пока на той не сдвинулась стрелка, а потом осмотрелся

вокруг, чтобы убедиться, не приближается ли к ним кто-то, пока они занимаются своими делами. Солнце еще не зашло, по спокойной реке, большей частью приятного темно-синего оттенка, тянулась полоса отраженного света. В середине канала находилось несколько барж, но никаких других судов поблизости не было.

Затем подул легкий ветер, на воде возникла рябь. Лодку развернуло, веревка, привязанная к верхушке колокола, натянулась и кислородная трубка тоже. Вдруг Стефан увидел, что веревка ослабла, хотя трубка оставалась натянутой. Он потянул за веревку и, когда та подалась, невольно вскрикнул. Он не почувствовал сопротивления — она больше не держала колокол! Он потянул еще, чтобы убедиться, — та поднялась легко, а на конце оказалась завита так, как бывает завита веревка после того, как долго пробыла завязанной. Это не поддавалось никакой логике. Роберто оставался внизу, и достать его было никак нельзя.

— О нет! — вскричал Стефан.

Кислородная трубка была протянута под стенку колокола, и ее конец находился в конусе захваченного воздуха. Стефан потянул за нее три раза, потом крикнул в нее, хотя и знал, что его голос до дна не дойдет. Пока у Роберто воздух оставался,

но когда баллон иссякнет (и запасной, лежащий под банкой, тоже), поднять колокол будет по-прежнему невозможно. Возможно, Роберто мог приподнять одну его стенку, нырнуть под ней и выплыть к поверхности. Да, это могло сработать. Если бы он знал, что это нужно сделать. Стефан еще раз прокричал имя Роберто, снова трижды потянул за трубку, теперь нежнее, так как боялся вырвать ее из-под колокола. Тот был тяжел, а на него еще и давила вода, причем сейчас был прилив. Очень вероятно, что Роберто не удалось бы поднять его достаточно высоко, чтобы пролезть наружу.

Ветер дул в направлении течения довольно сильно, и трубка, натягиваясь, перегибалась через борт. Так могло нарушиться поступление кислорода. Стефан завел мотор и немного придвинулся к бую, затем схватился за борт. Облокотившись на него, он задышал беспокойно, дрожа, несмотря на еще не зашедшее солнце. Мальчик был напуган.

Он позвонил с браслета Владе.

Владе ответил, слава богу, и Стефан быстро изложил ему ситуацию.

— Под водолазным колоколом? — переспросил Владе, сразу выхватывая суть проблемы. — Зачем

он туда залез?

— Сейчас некогда рассказывать, — ответил Стефан, — мы потом расскажем, но сейчас вы можете приехать и помочь его поднять? Кислорода ему осталось примерно на час, потом мне надо будет поставить запасной баллон, а он у меня только один.

— А ты не можешь сказать ему всплывать?

— Нет, и я сомневаюсь, что он сможет сам выбраться из-под колокола! Обычно мы вытаскиваем вместе, пока мы в лодке. Его даже рычагом так просто не поднимешь.

— Какая глубина?

— Футов двадцать пять.

— Ну ребята, — изумился Владе. — Поверить не могу.

— Но можете помочь, пожалуйста?

— Так где вы, говорите?

И Стефан рассказал. Но Владе, казалось, снова не мог в это поверить.

— Какого хрена! — воскликнул он. — Зачем?

— Просто приезжайте, и мы вам расскажем, — пообещал Стефан. Он сидел, высунув голову за борт и вглядываясь в темную воду, где ничего не было видно. Казалось, что его сейчас стошнит. — Пожалуйста, поторопитесь!

3) Владе

В январе 1925 года, когда в Нью-Йорке наблюдалось полное солнечное затмение, люди говорили, что это было похоже на то, словно город восстал со дна моря.

Владе торопливо поднялся по ступенькам к причалу эллинга, прикидывая, что ему может понадобиться с собой. Глубина как раз достаточная, чтобы нырнуть с аквалангом: нырять с задержкой дыхания у него получалось не очень. Нужнее всего сейчас была быстроходная лодка, и, оказавшись на причале, он увидел Франклина Гэрра — тот ждал, пока Су снимет его крылатое судно со стропил, куда его поставил Владе. Вид у Гэрра был, как всегда, нетерпеливый.

— Слушай, — сказал Владе, — мне нужна твоя лодка.

— Что?

— Извини, но у этих пацанов, Роберто и Стефана, неприятности в Южном Бронксе.

— Опять они!

— Да, и один из них может утонуть, если я не доберусь туда поскорее, чтобы его достать. Твоя

лодка здесь самая быстрая, с большим отрывом, давай поменяемся на сегодня или поехали вместе?

— Вот дьявольщина, — проговорил Гэрр, внезапно разозлившись.

Владе пожал плечами, думая, что бы он сделал, если бы пришлось отбирать у этого парня лодку силой. Это и так была реальная версия кошмара, который много раз мучил его последние пятнадцать лет, — кошмара, в котором у него был шанс спасти Марко, но ему мешали различные безумные препятствия. Владе было не по себе от страха, и он был уже готов просто стукнуть Гэрра и забрать лодку. И, видимо, это отразилось у него на лице, потому что парень, еще раз выругавшись, сказал:

— Вместе поедем. Так где они, говоришь?

— Южный Бронкс, к востоку от мостов.

— Какого хрена?

— Не сказали. Но, к счастью, у меня все нужное с собой.

— И что ты собираешься делать? — спросил Гэрр, когда они забрались в его быстроходку.

— Нырну к их водолазному колоколу и привяжу их веревку к нему обратно.

— Водолазному колоколу? Серьезно?

— Так мне сказал Стефан. Хотя это глупо.

— Чертовски глупо.

— Ну, такие уж они. Но мы не можем позволить им утонуть. — При этих словах у него так сжалось горло, что пришлось отвернуться.

— Наверное, — ответил Гэрр и взял на восток по 26-й, по загруженному в это время каналу. Однако он умел здорово уклоняться от других участников движения, а сейчас у него был для этого весомый повод, так что он стал ловко проталкиваться в промежутки между баржами, каяками, вапо, шлюпками и гондолами — промежутки такие малые, в какие Владе не решился бы и сунуться. Франклин вел себя как явный нарушитель, настоящий бруклинский ловкач, но сейчас это было очень кстати.

Выйдя в Ист-Ривер, он нажал на дроссель, и крылатое судно поднялось над водой и полетело. Ветер проносился рядом с ними, овевая прозрачный купол кабины. Владе дивился скорости, с которой слева пронеслось мимо здание ООН. Затем они миновали затопленные кирпичные сваи острова Рузвельта, пролетевшие слева, и подобрались к широкому слиянию вод — это были Врата ада, и судно просвистело над ними, будто низко летящий самолет. Они летели со скоростью

шестьдесят-семьдесят миль в час, и это было здорово, учитывая, как они торопились. Владе, сам того не желая, был впечатлен и уже почти чувствовал внутри слабое тепло облегчения. Хотя он лишь заново открывал для себя то, что ему уже когда-то объясняли, его посттравматическому состоянию была также свойственна неспособность очистить свой разум после того, что ему однажды довелось перенести. Он просто переключался в то состояние, и все становилось как тогда.

Вблизи берега, у ржавого рифа, приходившегося затопленной частью Южного Бронкса, качалась маленькая надувная лодка. Лодка мальчишек, это точно, и один из них стоял в ней и отчаянно махал им руками.

— Похоже на наших, — заметил Гэрр и замедлил ход ровно настолько, чтобы лодка упала обратно на воду, подняв брызги подобно тому, как поднял бы их грудью севший на поверхность лебедь. Но даже после этого они двигались по отмели довольно быстро; белые крылья торчали по сторонам, а Гэрр стоял во весь рост и выглядывал, нет ли впереди каких-нибудь опасных препятствий. В обычной ситуации Владе посчитал бы, что они плывут слишком быстро, но в нынешних обстоятельствах только радовался, что этот

парень был таким лихим. Если, конечно, они ни на что не напорются. Владе затаил дыхание, пока они проходили над некими темными пятнами в синей воде, но все обошлось. Можно ли было задвинуть крылья на этой лодке, он не знал. На некоторых было можно, на других — нет. Стоит спросить об этом позднее. Он до сих пор не составил четкого мнения об этом молодом финансисте, заносчивом и эгоистичном, казалось. Но лодкой управлял он недурно.

Они подплыли к Стефану, который все так же стоял, поджидая их. Балансируя, когда лодка закачалась от их приближения, он указал на воду:

— Он там!

— Глубоко? — спросил Владе.

— На дне.

— И как глубоко?

— При приливе двадцать восемь футов.

Владе вздохнул. Прилив только что закончился. К этому времени он уже влез в свой гидрокостюм, теперь натянул жилет с баллоном, приготовил маску с трубкой и регулятором, а потом осторожно надел ее на голову. Нацепил перчатки, взял в руку веревку.

— Ладно, я ныряю, — сказал он для профформы. — Веревку мне сильно не натягивайте. Мне

нужна свобода движения.

Он спрыгнул с лодки и тут же ощутил близость студеной воды. Поначалу это, как всегда, приносило облегчение от собственного тепла, упакованного в гидрокостюм. Еще немного, и он начал бы потеть. Теперь же появилась прохлада, вскоре он замерзнет, но не от прямого соприкосновения воды с кожей — от более неумолимого холода, который потянется извне.

Вода оказалась черной даже на футовой глубине, как обычно на затопленном мелководье. Головной фонарь освещал только всякие частички в воде — водоросли, ил, мелких животных, детрит. Прилив еще не закончился. Внизу он увидел что-то блестящее.

Держа в руке веревку, протянутую до лодки мальчиков, он поплыл к этому блеску. Рым-болт на верхушке того, что, очевидно, было прозрачным пластмассовым колоколом, достаточно плотным, чтобы отражать поступающий снаружи свет, отчего не удавалось толком разглядеть, что находилось внутри. Предположительно там был Роберто, и Владе трижды постучал по стенке, привязал веревку в три петли, потянул за нее для проверки. Потом вернулся на поверхность, где высунулся из воды и поднял маску на лоб.

— Вы его видели? — беспокойно спросил Стефан. — Вы его привязали?

— Веревку к колоколу привязал. Теперь тяните потихоньку, а я достану его внизу.

Стефан и Гэрр потянули за веревку. Поначалу та не давалась — Владе даже удивился, как ребятам раньше удавалось справляться самим. К банке у них было приделано мотовило, но слишком маленькое, и чтобы провернуть его, потребовалось бы слишком много сил. Затем у двоих в лодке получилось, и Владе натянул маску и нырнул, чтобы помочь Роберто выбраться из-под стенки колокола и залезть в лодку. И правильно, потому что, просунув голову под стенкой, он увидел, что мальчик будто бы оглушен и находится в полуобмороке. Он висел на ремешке, приклеенном к внутренней стороне стенки, глаза лезли из орбит, а рот был сжат в тонкую линию. Мог задержать дыхание, пока не выберется на поверхность, молодец. Все-таки сознание не совсем его покинуло. Владе кивнул ему, указал пальцем наверх, а потом потащил в воду, под стенку и затем к поверхности. А когда подтолкнул его снизу, двое наверху затащили на борт, и мальчик оказался в лодке, где кабина пусть и была меньше, чем у быстроходки Гэрра, зато сама она ниже сидела

в воде.

Владе тоже забрался в лодку, это никогда не давалось легко, но уже вскоре ввалился в кабину. Роберто лежал рядом с ним на дне, мокрый, грязный, с некогда коричневым, а теперь посиневшим лицом. И дрожал. Губы и нос побелели то ли от холода, то ли от недостатка кислорода, то ли от того и другого. Владе стянул с лица маску, отцепил баллон и снял снаряжение. Затем сел рядом с Роберто и взял его посиневшую руку. Очень холодная.

— У тебя на лодке есть горячая вода? — спросил он у Гэрра.

— Есть нагреватель, — ответил тот.

— Метнись и принеси нам тазик самой горячей воды, что у тебя есть, — сказал Владе. — Нужно его отогреть. — Потом посмотрел на Роберто и воскликнул: — Роберто, какого черта? Ты мог там погибнуть!

Вдруг его горло снова сжалось, и он больше не мог говорить. У него защипало глаза, он отвернулся, попытался собраться с духом. Это старое чувство не пронзало его так сильно уже много лет. Все было точно как в его кошмарах и даже как в тот день. Но сейчас… если бы у него только получилось отогреть мальчика…

Роберто дрожал слишком сильно, чтобы ответить, но все-таки кивнул. Он дрожал так, что его щуплое тельце подпрыгивало на дне лодки.

— У вас есть полотенце? — спросил Владе у Стефана.

Мальчик, кивнув, достал его из ящика под банкой. Владе, взяв полотенце, принялся обтирать им голову Роберто, в то же время немного похлопывая его по туловищу, чтобы ускорить кровообращение.

— Давай снимем с него костюм.

Хотя это, может, его и отогрело бы, но в костюме ему, вероятно, было бы теплее, чем без него. Владе попытался собраться с мыслями и вспомнить свою практику. Нельзя было слишком быстро согревать конечности — это он знал, это было очень опасно, потому что могло направить холодную кровь к сердцу и привести к его отказу. То есть действовать нужно было медленно, но так или иначе следовало его согреть.

— Тебе кислород поступал без перебоев? — спросил Владе у Роберто.

Роберто покачал головой, а потом кое-как проговорил:

— Его колокол передавил. А я поднял колокол. Попытался.

— Молодец. Думаю, ты очухаешься. — Сейчас не было смысла ему что-то выговаривать, страх только бы его охладил. — Давай польем тебе на грудь горячей воды, что нам принес мистер Гэрр.

Гэрр перешагнул через планширь и очутился в кабине, постаравшись не разлить воду из тазика, который держал в руках. Владе принял у него тазик и стал вычерпывать воду рукой, обжигая пальцы скорее от контраста температур, чем от того, что вода была такой горячей, и покапал ею на грудь Роберто. Тепло рассеивалось через костюм, и это было хорошо. Владе уже вырвался из воспоминаний и снова пребывал в настоящем — с пацаном, который скоро очухается.

— Только медленно, — сказал Владе, поручая Стефану продолжать вытирать волосы Роберто полотенцем. Вода быстро остывала, в тазик уже можно было опустить руки мальчика. Роберто по-прежнему дрожал, периодически извиваясь в судорогах, но это тоже было хорошо; ведь он мог замерзнуть так сильно, что не смог бы дрожать, и выйти из этого состояния было бы тяжело. Но парень до этого не дошел — его буквально колотило. Когда Стефан закончил сушить ему волосы, они сняли с него костюм, обтерли тело, натянули короткие штаны и мешковатую куртку

и обернули вокруг головы, будто тюрбан, новое сухое полотенце.

— Ладно, — проговорил Владе спустя какое-то время. И предложил Гэрру: — Может, отвезешь нас домой?

Франклин кивнул.

— Поверить не могу, что снова везу вас домой, — заметил он Стефану и Роберто.

— Спасибо, — вяло ответили ребята.

— А что делать с их колоколом? — спросил Франклин у Владе.

— Отрежь его. Его можно потом забрать.

Когда Гэрр снова залез в свою кабину и взялся за управление, Владе уселся так, чтобы заслонить Роберто от ветра.

— Ну, — проговорил он, — что это сейчас была за хрень?

Роберто сглотнул.

— Мы просто искали кое-какие сокровища.

Владе покачал головой:

— Так, давай без этого дерьма.

— Это правда! — вскричали оба мальчика сразу.

Секунду они молча смотрели друг на друга.

— Он называется «Гусар», — сказал Роберто. — Это британский фрегат.

— Да ладно, — не поверил Владе. — Из той старой байки?

Ребята изумились:

— Вы про него знаете?

— Про него все знают. Британский корабль с сокровищами, который наткнулся на скалу и затонул во Вратах ада. Каждая водяная крыса в истории Нью-Йорка ныряла за ним. Теперь вот ваш черед, ребята.

— Но мы его нашли! Правда нашли!

— Да-да.

— Нашли, потому что мистер Хёкстер все разузнал, — объяснил Стефан. — Он изучал карты и записи.

— Не сомневаюсь. И что вы, ребята, там нашли?

— Мы одолжили металлодетектор, который может обнаружить золото на глубине до тридцати футов, и принесли туда, где, как сказал мистер Хёкстер, должен быть корабль, и он просигналил.

— Очень сильно просигналил!

— Не сомневаюсь. И тогда вы начали копать под водой?

— Так и есть.

— Под водолазным колоколом?

— Так и есть.

— Но как вы это себе представляете? Там ведь свалка, да? Это часть Бронкса.

— Да, так и есть. Там это и было.

— Значит, «Гусар» затонул в реке, а потом Южный Бронкс расширили в том месте. Это вы имеете в виду?

— Именно.

— Так как вы собирались докопаться сквозь ту свалку со своим колоколом? Куда собирались убрать весь тот ил?

— А я что говорил? — произнес Стефан после некоторого молчания.

— У меня был план, — с жалким видом промямлил Роберто.

— Не сомневаюсь, — ответил Владе и взъерошил Роберто тюрбан. — Вот что я тебе скажу: я теперь и сам этим займусь, и мы переговорим с вашим стариком-картографом, как только мы вернемся и вы как следует обсохнете, согреетесь и поедите. Договорились?

— Спасибо, Владе.

И) Тот гражданин

Частные деньги и государственные (или бюджетные) деньги служат одной цели. Их действие полностью взаимодополняется во время кризиса и направлено на защиту рынков, ради которых можно пожертвовать обществом, социальной сплоченностью и демократией.

Заявил Маурицио Лаззарато

Автора этой книги следует похвалить за ее усердие в поиске «закулисных» материалов, которые прежде никогда не публиковались… Не то чтобы Война на тележках была слишком незначительной. Однако она была ограничена улицами одного города и продлилась всего четыре месяца. На протяжении которых судьба одного из величайших городов мира, разумеется, висела на волоске.

Жан Меррилл. «Война на тележках»

Взаимозаменяемость, сущ. Склонность всех вещей быть полностью взаимозаменяемыми с деньгами.

– Например, здоровья.

Вспомните, если вам позволит память, что после Второго толчка, когда двадцать второе столетие начало свою сюрреалистичную и волшебную историю, уровень моря поднялся примерно на пятьдесят футов по сравнению с уровнем начала XX века. Этот небывалый подъем оказался для людей — по крайней мере, для большинства — плачевным. Но на данный момент четыреста богатейших людей планеты владеют половиной всех ее богатств, а один процент всего населения — восьмьюдесятью процентами богатств мира. Для таких людей ничего особенно плачевного не случилось.

Столь замечательное распределение богатства служило лишь результатом логического развития обычных тенденций капитализма, следующего своему всеохватывающему принципу накопления капитала с наивысшей доходностью. Ловля этой наивысшей доходности была интересным процессом, который возымел непосредственное отношение к тому, что случилось в посттолчковые годы. Потому что те области, где можно достичь наивысшей доходности, с течением времени перемещаются по миру, следуя за разницей в развитии и курсах валют. Наивысшая

доходность возникает в периоды быстрого развития, но быстрое развитие не может случиться где угодно — нужны первичная инфраструктура, дешевые кредиты, относительная стабильность и более-менее образованное население, стремящееся к собственному богатству и готовое жертвовать ради своих детей, усердно работая за низкую плату. При наличии таких условий инвестиционный капитал может хлынуть в регион, и тогда там возникает быстрый рост, а инвесторы имеют высокую доходность. Но, как и во всем, здесь действует логистическая кривая: нормы прибыли падают, пока работники ожидают более высоких зарплат и льгот, а местный рынок насыщается, пока население получает все самое необходимое. В этот момент капитал перемещается куда-нибудь в другое место, к новым возможностям. Люди в том брошенном регионе остаются наедине со своим статусом «ржавого пояса»[70], предоставленные своим судьбам туристского симулякра или чернобыльского небытия. Местная интеллигенция открывает

[70] Примечания: 70

От названия «Ржавый пояс США», как именуется часть Среднего Запада и Восточного побережья, где в XX веке были сосредоточены основные предприятия тяжелой промышленности, в т. ч. сталелитейное производство, пришедшие в упадок в 1970-х гг., с наступлением постиндустриальной эпохи.

биорегионализм и возвещает, как здорово обходиться тем, чего можно достичь в своем бассейне; оказывается, это не так уж много, особенно когда вся молодежь уезжает в иные места, следуя за небесными деревнями ликвидного капитала.

И так капитал проходит регион за регионом, возможность за возможностью. Марш прогресса! Устойчивое развитие! Беспощадная миграция капитала с одного доходного места на другое каждый раз сопровождается каким-нибудь ободряющим девизом, и действительно, развитие капитала оказывается устойчивым.

И в этом процессе — назовем его глобализацией, неолиберальным капитализмом, вашингтонским консенсусом, антропоценом, как угодно — Второй толчок стал просто необычайно четким сигналом того, что капиталу пришла пора двигаться дальше. Доходность прибрежных районов определенно упала, капитал, заметно более текучий, чем вода, скатился по пути наименьшего сопротивления, будь то вниз, вверх или в сторону — неважно, ведь деньги такие скользкие, антигравитационные, и отток капитала происходит безо всяких ограничений и прочих препятствий, которые могла бы выставить немощная остаточная система национальных государств, не

будь она уже куплена и не окажись во владении того самого капитала, что прощался с новыми заводями.

И вы сначала отходите от береговых линий, потому что там царит хаос и проводятся спасательные операции. Несчастные старые правительства только для того и существуют, чтобы улаживать такие ситуации. Капитал тотчас переносится в Денвер. И пусть Денвер — это Денвер, тоска смертная, порядочная доля нью-йоркского капитала просто переместилась в аптаун, где Манхэттен по-прежнему торчал над морем, еще и с солидным запасом. На местном уровне это имело значение, но в более глобальном масштабе капитал перетек в Денвер, Пекин, Москву, Чикаго и прочие города. И хотя список затопленных городов можно было продолжать бесконечно, определенные потрясающие писатели, любители списков, уже впарили бы свои восхитительные списки читателям — пожалуйста, пока просто сверьтесь с картой или глобусом или составьте свой. Ведь можно составить еще один огромный список — всех чудесных городов, удаленных от моря, городов, которых подъем уровня не коснулся, пусть даже они, как это зачастую бывает, расположены у озер и рек. Таким образом,

капиталу было куда перетечь и найти лучшие доходности — да почти куда угодно, лишь бы подальше от затопленных побережий. Разные места соревновались в самоуничижении, чтобы так называемый капитал-беглец достался именно им, хотя, по сути, этот процесс всегда походил на переезд императора в летний дворец.

Это не значит, что вещи не стали более странными после Второго толчка, — стали. Наводнение привело к небывалой потере активов и прекращению торговли, стимулировавшим существенный спад, если не сказать довольно серьезную депрессию. Как всегда в подобные моменты, случающиеся при каждом поколении и неизменно всех удивляющие, крупные частные банки и инвестиционные фирмы обратились к крупным центральным банкам, то есть мировым правительствам, и потребовали, чтобы их спасли от воздействия наводнения на их деятельность. Правительства, и так давным-давно ставшие этим банкам дочерними, снова поддались и выручили их на все сто, взяв на себя такие огромные государственные долги, что их было не выплатить до скончания веков. Ох, беда-беда. Через десять лет после того, как закончился Второй толчок, сложилось впечатление, что многовеко-

вая борьба государства и капитала завершилась решительной победой последнего. Возможно, эта борьба была полностью сдирижированной, от начала до конца, но, как бы то ни было, теперь она, судя по всему, завершилась.

Потому что помощь банкам после кризиса Второго толчка была непомерной. Как и всегда. Помощь после кризиса 2008-го, послужившая моделью для двух последующих кризисов, была оценена историками где-то между 5 и 15 триллионами долларов. По одной из точных оценок, она составила 7,7 триллиона долларов, по другой — 13 триллионов; и обе указывали, что эта помощь превысила (с учетом инфляции) затраты на Луизианскую покупку, Новый курс Рузвельта, план Маршалла, корейскую войну, вьетнамскую войну, ссудно-сберегательный кризис 1980-х, Иракские войны и всю космическую программу НАСА, вместе взятые. Вывод: войны, земли и социальные программы не должны быть слишком дорогими. И в сравнении со спасением финансов от самих себя они и недорогие.

Да, но для финансов и войны — полезное дело, и в XXII веке их, конечно, случилось еще несколько. Сотни миллионов людей в одночасье оказались беженцами, а значит, необходимо было подавить

немало террористов. Это служило продолжением так называемого полицейского государства, выросшего еще в XXI веке; теперь же этот термин должен был скорее вдохновлять. Мнение о том, что эта бесконечная война с терроризмом могла остаться лишь полицейской операцией и выглядела более успешной в достижении конкретных целей, чем если рассматривать ее как псевдовойну, выражали разве что радикалы, вдохновлявшие своими высказываниями террористов.

Тем временем положение вещей создавало также новые финансовые возможности. Правительства, подорванные из-за долга, не могли должным образом обеспечить себе защиту от потенциальной оппозиции, как не преуспевали и в мелкомасштабной асимметричной войне (то есть в полицейской операции, в которой когда-то как раз преуспевали). Поскольку существовала еще бóльшая потребность в полиции, а средств на ее финансирование не было, удовлетворить эту потребность вызывались частные военные компании. Их было много. Богатые, тоже будучи людьми, делали все, что могли, чтобы побороть ночную потливость и свои неподотчетные страхи, при этом зарабатывая в 1400 раз больше, чем

те, кто на них работал, и нанимали лучших людей для личной и корпоративной безопасности, а наемников из числа участников миграционных войн было достаточно, и многие были доступны. И это хорошо: когда вы сами небольшие меньшинства, а владеете богатством большинства, то безопасность естественным образом становится у вас базовой необходимостью.

Теперь частные армии появились повсюду — от Денвера до Верхнего Манхэттена. Эта новая индустрия словно бросала вызов принципу, который прежде называли «государственной монополией на насилие», но, опять же, если финансы возобладали над государством, то государство, возможно, само становилось, по сути, своего рода частной армией, так что никакого конфликта не было — только наполнение рынка, удовлетворение спроса. Увы, как это всегда случается, в новом бизнесе было и немало некомпетентных новых компаний. А некомпетентная армия — это нечто страшное. Трудно даже сказать, представляло ли еще государство силу, которую можно было бы противопоставить этим частным армиям, и могло ли оно дать им какой-либо подходящий ответ. Государственный мятеж против мировых финансов? Демократия против капитализма? Это

могло обернуться очень плохо.

И все-таки следует вернуться к понятиям «мягкой власти» и к «пиррову поражению», о которых расскажем позже. Тем временем вдоль самих затопленных береговых линий происходили любопытные вещи. Теперь по всей планете появилась очень протяженная полоса бесполезных, но не утративших стратегического значения отмелей. В первое время там нельзя было сделать ничего особенного — лишь бы выбраться оттуда и возобновить работу портов. Люди отступали в глубь материков, капитал уходил. Правительства тоже покинули побережья, причем с облегчением, потому что оставшиеся там проблемы все равно были неразрешимы. Они заявили, что дальнейшее спасение и восстановление были за рыночными силами, но на самом деле последние не питали к этому интереса. Затопленные зоны не приносили не то что не самые высокие доходы, а даже самые низкие; их прозвали «отстойниками развития», то есть такими местами, куда сколько денег ни высыпь, никакой прибыли не получишь. То же самое говорили и об Африке уже несколько веков, и посмотрите, насколько это пророчество сбылось. Вспомните требования к местам с наивысшей доходностью: стабильно

голодающее население, хорошая инфраструктура, дешевые кредиты, доступ к мировым рынкам, уступчивое и неоспариваемое правительство. В межприливье ничего из этого не было.

Сначала все, что можно было вывезти, растащили мародеры, спасательные команды и переселенные жители. Потом туда пришли нелегальные поселенцы и упрямцы, не желавшие переезжать. Остальные приходили отовсюду — иммигранты шли в места бедствия. Узкая, но тянущаяся по всему миру полоса обломков, что они заняли, была опасна и вредна для здоровья, но какая-никакая инфраструктура там осталась — вот они и избрали один из быстрых вариантов — поселиться в этих обломках. Хотя многие из этих полос нового берега были в той или иной степени заброшены, Нью-Йорк, великий тра-та-та ля-ля-ля, с оставшимся на суше аптауном… в общем, да, люди стали возвращаться в затопленные районы Нью-Йорка. Многим ньюйоркцам присуще определенное упрямство, это даже можно сказать клише, — и действительно, многие из них и перед наводнением жили в таких дырах, что, когда их затопило, это мало что изменило. Немало было и таких, кто ощутил улучшение как материального состояния, так и качества жизни.

Конечно, стоимость аренды упала, во многих случаях аж до нуля. В общем, остались многие.

Нелегалы. Обездоленные. «Водяные крысы». Обитатели глубин, граждане мелководий. Многим из них было интересно попробовать что-то новое, в том числе позволить руководить собой другим властям. Гегемония утонула, и в последующие за наводнением годы наступил расцвет кооперативов, объединений микрорайонов, коммун, самозахватов, бартера, альтернативных валют, экономики дарения, солнечного узуфрукта, культуры рыболовных деревень, мондрагонской системы, союзов, масонов рундука Дэви Джонса, анархистского вздора, подводной технокультуры, в том числе аэрации и аквафермерства. И еще небесных деревень, которые использовали затопленные города как причальные башни и фестивальные места пересадки; контейнеровозов и кораблей-городов, похожих на плавучие острова; принципа «искусство — это не работа», где город рассматривался как гигантское всеобщее произведение искусства; сине-зеленых, амфибийности, гетерогенетичности, горизонтализации, деолигархизации; бесплатных открытых университетов, бесплатных торговых училищ, бесплатных художественных школ. И все эти эксперименты

нередко проводились в одном здании. Нижний Манхэттен стал настоящим очагом теории и практики, как о нем всегда и говорили, только теперь по-настоящему.

Все это очень интересно. Волнение, суматоха, бардак. Вероятно, настолько интересным Нью-Йорк не был никогда, а это многого стоит, даже без учета всех привираний. В любом случае чертовски интересно.

Но где есть общинные земли — там есть и ограждения. Это неизменно — можно хоть ставки делать. И пока в Нижнем Манхэттене все было так хорошо — настолько, что кое-кто даже жаловался, что все возвращалось к тому же старому, потрепанному, искаженному, дорогому буржуазному якобы бардаку, какой был до потопа, — что уже возникала новая жизнеспособная инфраструктура и структура каналов: межприливье, «новая Венеция», сотворенные и занятые людьми, изголодавшимися по большему. Другими словами, если взять в целом, это стало местом, способным обеспечить очень высокую доходность! И ситуация продолжала меняться. Дело шло. А когда доходит до дела, то — кто знает? — что угодно может случиться.

Часть четвертая
Дорого или бесценно

А) Франклин

Собственность становится претензией на доход.
Маурицио Лаццарато. «Правящий долг»
Невидимая рука никогда не возьмет чек.

Когда я вернулся после спасения двух утопающих «крысят», ехать за Джоджо было уже слишком поздно.

— Черт вас побери, пацаны, — проговорил я, пока мы вплывали в эллинг, — я из-за вас опоздал.

— На очень важное свидание, — добавил Владе со значением.

— Спасибо вам, мистер Гэрр, — сказал Роберто. — Вы спасли мне жизнь.

Я даже не понял, с сарказмом он это сказал или нет.

— Давайте валите уже, — сказал я. — Кыш-кыш! Увидимся в столовой, отпразднуем, что вы выжили. А мне пора.

— Конечно, босс.

Я бросил их на причале со всеми вещами и вернулся на реку, чтобы как можно скорее добраться

до офиса. На самом деле было еще не так поздно, чтобы не заскочить посмотреть, как дела, прежде чем забрать Джоджо. Но раз я уже немного опаздывал, опоздать чуть больше было не страшно.

Я заплатил докмейстеру нашего здания, чтобы дал мне лишние полчаса, а сам побежал к лифту. Экраны в моем кабинете, как всегда, работали, и я сел и с глубоким увлечением принялся читать. Потому что с пузырями всегда бывает так: когда они лопаются — то они лопаются, и уже ничего не попишешь. Метафора с пузырями здесь крайне уместна, ведь для них быстрота лопания — самое характерное свойство. Вот он есть — и вот его нет. И если у вас имеется шкурный интерес, то, когда это происходит, вы можете остаться с носом. Так что очень важно выйти перед тем, как это случится.

Поэтому я не хотел, чтобы из-за этого пузыря подводных облигаций лопнул ИМС, ведь я еще не успел разложить яйца по корзинам. Пузыри, шкуры, яйца — да, здесь целая мешанина из метафор. Настоящее болото, если хотите добавить еще одну, но именно к этому привели все «упрощения» этой игры: она стала такой сложной, что ее невозможно понять, вот все и прибегают ко всяким историям из более простых времен.

Моя работа отчасти заключается в том, чтобы перебирать все эти метафоры и пытаться ухватить что-то реальное, что за ними скрывается, не совсем математическое, слава богу, но скорее система, типа игры. В различных потоках информации, что поступали ко мне на экраны, система проявлялась по частям (да, как кусочки пазла, но на самом деле нет) и в итоге оказывалась не похожей ни на что. Огромный искусственный интеллект — да, но был ли он действительно разумным? Мне кажется, это очередная метафора вроде Геи или Господа Бога. На самом деле никаким сознанием система не обладала, поэтому весь ее разум, по сути, заключался в людях, которые в ней участвовали. А значит, слишком разумной она быть не могла. К тому же разум этот явно был существенно фрагментирован. То есть он представлял собой целую команду разумов, не очень сильных, несогласованных и не способных охватить всю ситуацию. Система складывалась шизофреничная, но не сумасшедшая. Коллективный интеллект, но без интеллекта. Сток, как в стоковых независимых свойствах, но на самом деле стоковые независимости. И вправду, об этом лучше думать как о какой-то игре. Наверное. Игре или системе игр.

Впрочем, в этот день мои экраны показывали, что все нормально. За последние два часа никаких обвалов. Я-то уже подумал, что крушение в Челси снизит местный ИМС чуть сильнее. Получилась взрывная волна, похожая на небольшое цунами, расходящееся от самого обрушившегося здания, но довольно метафор: просто мировой ИМС упал примерно на 0,06, нью-йоркский региональный — на 2,1. Это служило показателем того, насколько Нью-Йорк все еще мог оказывать влияние на весь мир. Но когда новость дошла до Гонконгской биржи, там эту волну просто подавили — конечно, потому что здания в Гонконге рушились постоянно и к этому уже все привыкли. Так, меньше чем за неделю, ситуация прошла через следующее: восприятие новости о крушении, отрицательную реакцию, повторное инвестирование и так далее, без лишней суеты, с трендами, направленными, как обычно, вверх. Я видел все, как это было: народ не хотел, чтобы пузырь лопался. Для этого нужно было гораздо больше, чем одно здание или даже один район, потому что оставалось слишком много людей, которые продолжали зарабатывать, покупая опционы.

Самое время вздохнуть с облегчением и напи-

сать моему гонконгскому другу Бао, чтобы не отставать от него с его подсказками по тамошним трендам, и закрыть пару сделок, после чего выключить все и поспешить к офису Джоджо. Сейчас я опаздывал всего на 45 минут и ощущал лишь легкое волнение после событий этого дня.

— Прости, я опоздал, — начал я, когда она впустила меня в свой кабинет, и, взглянув ей в лицо, я понял, что правильно сделал, начав с извинений. — Владе перехватил меня, когда я выезжал из Мета, и пришлось гнать в Бронкс и вытаскивать тех малых, которые спасли старика. Теперь спасать понадобилось их. — И я объяснил, как Роберто умудрился застрять на дне в Южном Бронксе, а Стефан стоял в лодке с кислородным баллоном и ничего не мог сделать.

— Иисусе! — воскликнула Джоджо. — Что они там делали?

— Не знаю, — ответил я. — Дурачились, как обычно.

Она посмотрела на меня взглядом, значения которого я не смог понять, а потом стала выключать свои экраны и собирать вещи в сумочку.

— Ладно, я готова. Куда думаешь поехать?

— Как насчет бара, где мы познакомились?

— Звучит неплохо.

Оказавшись в моей «козявке», ставшей местом столь приятных воспоминаний о нашей славной ночи в гавани, я с удовольствием ощутил, что все вновь складывалось хорошо, и, пребывая в этом возбуждении, рассказал о своем облегчении, которое испытал, когда подводный рынок выстоял после того крушения в Челси.

— Мне нужно набрать как можно больше шортов перед обвалом, иначе я не смогу воспользоваться моментом в полной мере. Сейчас ИМС перевалил за сотню, а это как бы психологический уровень, и все, наверное, уже думают, что он начнет расти.

— Думаешь, твой индекс всех обманывает? — спросила она, оглядываясь на остальные лодки, плывшие по каналу.

— В смысле, я занимаюсь спуфингом[71] или типа того?

— Нет, в том смысле, что он идет вверх, что бы ни происходило.

— Ага, доверие — одна из переменных, которые в нем учитываются, так что тут дело, скорее, в том, что люди просто хотят, чтобы он рос.

---

[71] Примечания: 71

Вид мошенничества в трейдинге, при котором мошенник (спуфер) размещает крупные заказы на покупку или продажу товара, а потом снимает их с исполнения, вводя в заблуждение других игроков.

— А ты сам не хочешь? Я имею в виду, разве это не означает, что людям, которые там живут, становится лучше?

— Что растут цены? Я не особо уверен. Но я точно знаю, что жилищный фонд ждет сильный обвал. И даже всех технических новинок не хватит, чтобы его возместить.

— Но индекс так и растет.

— Потому что этого хотят люди.

— Индексы странные, — вздохнула она.

— Так и есть. Но людям нравится, когда сложные ситуации сводятся к единому числу.

— На которое можно сделать ставку.

— Или которое поможет отследить темпы инфляции. Например, индекс стоимости хорошей жизни — зачем он нужен?

Она сгримасничала:

— Чтобы посмеяться, насколько ты богат. Пройдись по своему списку: яхта, меховая шуба, самолет, адвокат, психиатр, ребенок в Гарварде и так далее.

— На него уж точно смотреть веселее, чем на индекс несчастья, — заметил я. Этот индекс был прост, как и подобает его предмету: инфляция плюс безработица. — Сюда, как я думаю, можно добавить еще несколько переменных. — Напри-

мер, личные банкротства, разводы, посещения продовольственных банков, самоубийства… Но перечислять эти переменные сейчас было бы не лучшей идеей, и я продолжил: — Или, может быть, индекс Джини — он, может, как бы перекрестный между индексом стоимости хорошей жизни и индексом несчастья. Или можно пойти иным путем и посмотреть на индекс счастья.

— Индексы, — проговорила она, отмахиваясь.

— Ну да, — ответил я, словно защищаясь. — А ты что, ими не пользуешься?

— Пользуюсь индексом волатильности, — признала она. — Ты тоже, наверное?

Я кивнул.

— Он был одним из источников вдохновения для ИМС. Мне нравится, как он своим показателем описывает будущее.

— В каком это смысле?

— Ну, он же объединяет все ставки, которые акции должны иметь в следующем месяце. То есть это как «без месяца»[72]. Мне хотелось создать то же самое для межприливья.

— Читать по чайным листьям, предсказывать судьбу.

---

[72] Примечания: 72

Ситуация, в которой стороны пытаются совершить сделку купли-продажи одного и того же товара с поставкой в разные месяцы.

— Как знать?

— В то время как все рушится на глазах.

— Ага, это и есть баланс, происходит и то, и то. Здесь нужно сидеть на заборе и играть за обе стороны.

— Но ты-то сейчас только шортишь.

— Да, мне кажется, что лонговать уже опасно. Это пузырь. Конечно, как я говорил, в чем-то это и хорошо. Можно больше собрать, когда он лопнет. Вот я и давлю на это, продолжаю скупать путы.

— Так это все-таки спуфинг!

— Нет, я реально их скупаю. А иногда переворачиваюсь, чтобы помочь ему дотянуть до момента, как я буду готов.

— То есть играешь на опережение.

— Нет-нет. Я вообще не хочу этого делать.

— Как и те случайные спуферы. Значит, ты правда считаешь, что он пойдет выше. Но ты же вроде говорил, что это не будет продолжаться.

— А люди думают, что будет. Он будет расти, пока не лопнет, вот я и хочу, чтобы он продолжал расти.

— Пока ты не будешь готов.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Когда все будет там, где нужно. А пока чем больше, тем лучше.

Она коротко рассмеялась.

— Тебе бы быть поосторожнее. Если обвал окажется слишком крупным, вряд ли тебе будет с кем закрыть свои шорты.

— Ну, — ответил я удивленно, — тогда это уже будет конец всему. Крах цивилизации и все такое.

— Такое уже случалось.

— Разве?

— Конечно. Великая депрессия, Первый толчок.

— Да, но то было с финансами. Крах финансовой цивилизации.

— А больше и не нужно, если ты потеряешь всех, кто смог бы тебе выплатить.

— Но они всегда возвращаются. Правительство их выручает.

— Но это не одни и те же люди. Новые. Старые проигрываются, и все.

— Я постараюсь избежать этой участи.

— Не сомневаюсь, что попытаешься. Как и все.

Она покачала головой, слегка мне улыбнулась — моему оптимизму, уверенности, наивности? Я так и не понял. Я не привык к тому, чтобы эта улыбка была адресована мне. От этого становилось немного тревожно, меня это даже чуть раздражало.

Мы подошли к Причалу 57, и я провел зуммер на одно из последних мест, после чего мы присоединились к сидевшим в баре. Там были и Аманда, и Джон с Рэем; они радостно нас приветствовали. При этом Аманда сначала вздрогнула, а потом понимающе улыбнулась, когда поняла, что мы приехали вместе. Мне было приятно вызвать у нее это удивление, ведь никому не нравится, когда тебя бросают. Но мы оставались друзьями, и я улыбнулся ей в ответ, довольный тем, что мои друзья увидели в нас с Джоджо пару. Инки метался за барной стойкой, и облака над Хобокеном окрашивались в розовые оттенки, а над разливающимся по реке солнцем — в золотые. Вода там поднималась — как и мое настроение.

Выпив немного, мы все перебрались в ресторан на крыше, где стали ужинать над водой сначала в сумерках, потом в темноте. Трио музыкантов, раскрасневшихся и учащенно дышащих, играло в углу на флейтах «Аппассионату» Бетховена. Стояла теплая для ноября погода, было даже немного душно, а приготовленные на пару́ моллюски и мидии, вытащенные прямо из фильтрующих клеток, что находились под нами, имели превосходный вкус, как и миксы от Инки, которые мы принесли к столу с собой. Всем было весело, но

мне все казалось немного иным. Джоджо болтала с Амандой на дальней стороне стола, и, конечно, Аманде это нравилось; однако они не были подругами, и я ощущал слабый холодок, исходивший от Джоджо, но не мог показать, что чувствую его, по крайней мере на виду у других. Поэтому я просто обсуждал с Джоном события завершившейся недели, и мы сошлись с ним в том, что сейчас ситуация должна была набрать обороты, после того как в должность вступил новый генеральный прокурор штата — как говорили, настоящий шериф, хотя мы оба в этом сомневались.

— Они все довольно посредственны, — проговорил Джон, на что я кивнул. — Если занимаешься не созданием ценности, а ее разрушением, то рано или поздно имеешь другой тип личности. Не такой ужасный, как у тех, кто работает в рейтинговых агентствах, но все равно так себе.

— Но этот работал в финансах, — ответил я. — Посмотрим, не окажется ли он чуть сообразительнее. Или жестче.

— Сообразительный и жесткий — вот это было бы страшное сочетание.

— Это точно, но такие у нас уже были. И караван все равно идет.

— Верно.

Когда все блюда, наконец, были съедены, а напитки выпиты, мы с Джоджо, как и прежде, оказались на порядок трезвее остальных. Звезды над головой выглядели размытыми и будто бы плыли, но только из-за легкого тумана, поднимавшегося над рекой, а не из-за наших проблем с восприятием. Остальным же, судя по их звонкому смеху, должно быть, виделась сама «Звездная ночь» Ван Гога.

Я расплатился по счету. Мы спустились по дорожке к пристани, залезли на «клопа», вышли в реку. Звезды отражались в черной воде, разливавшейся под нами. Боже, боже, у меня горело лицо, мерзли ноги, пальцы чуть дрожали. В слабом освещении кабины Джоджо напоминала Ингрид Бергман. В тот раз она испытывала мощный оргазм от моих прикосновений, прямо здесь, в кабине, и от одного этого воспоминания я затрепетал и почувствовал начало эрекции.

— Хочешь выпить?

— Ой, нет, не думаю. Если честно, сегодня я чувствую себя немного разбитой, сама не знаю почему. Ты не расстроишься, если мы просто повернем и поедем поскорее домой?

— Ты не хочешь здесь поплавать? Мы могли бы пройти вдоль острова Говернорс и выйти на

той стороне.

— Нет, не думаю.

— Да ты меня шортишь! — выпалил я.

Она посмотрела на меня так, будто я сказал что-то очень глупое. Или будто почувствовала ко мне жалость. Вдруг я понял, что не знал ее достаточно хорошо, чтобы иметь представление о том, что означал этот взгляд и что она вообще думала.

— Прости, я не хотел так шутить, — ответил я, опять-таки не намереваясь этого говорить, не подумав заранее.

— Я знаю, — сказала она слегка напряженно. И пристально уставилась на меня. — Ну, — продолжила она, стараясь, чтобы это звучало мягко, — все подстраховываются, так?

— Нет! — воскликнул я. — Довольно этого!

Она пожала плечами, словно говоря: «Если ты так этого хочешь».

— Так и?..

— Так, но… — Я не знал, что сказать. Но нужно было что-то ответить. — Но ты мне нравишься!

Она снова пожала плечами, будто говоря: «И что?» И я понял, что не имел ни малейшего понятия, какая она на самом деле.

Я повернул «клопа» в направлении берега. Несколько зданий впереди по курсу были осве-

щены, из-за чего Вест-Виллидж походил на рот, потерявший слишком много зубов.

— Нет, хватит, — заявил вдруг я, опять удивляя сам себя. — Рассказывай, в чем дело.

Она снова пожала плечами. Я подумал, она ничего больше не скажет, и у меня внутри уже все упало, но она ответила:

— Не знаю, мне кажется, у нас не очень получается. То есть ты милый парень, но типа старомодный, понимаешь? Торговля, торговля, торговля, немного полуслучайного спуфинга, надежда сыграть на понижение… то есть все про деньги.

Я обдумал ее слова.

— Мы же оба работаем с финансами, — указал я. — Поэтому все и про деньги.

— Но деньги же могут относиться к чему-то. В смысле, с их помощью можно что-то делать.

— Мы работаем на хедж-фонды, — напомнил я. — На людей, которые достаточно богаты, чтобы позволить себе нанимать специалистов, которые принесут им более высокую доходность на их вложения. Вот что мы делаем.

— Да, но один из способов получить для них наивысший доход — это вложить венчурный капитал, инвестировать во что-нибудь хорошее.

Ты влияешь на жизнь людей, улучшаешь ее для них и все равно получаешь доход для клиентов.

— И бонусы для себя.

— Да, конечно. Но дело ведь не только в бонусах. Это еще вложение в реальную экономику, в реальное дело. Делать реальные вещи.

— Так вот что ты делаешь? — спросил я.

Она кивнула в темноте. Каждый хедж-фонд оберегал свои методы, и она тоже присягала их не разглашать. Все конкурентные преимущества между фондами брали начало в фирменном миксе стратегий, которые обычно устанавливались основателем фонда, как главным гением, а потом его ближайшими советниками. Что в «Эльдорадо» занимались такими неопределенными и неликвиквидными вещами, как венчурный капитал, ей, пожалуй, не стоило рассказывать, как и о любой из составляющих их микса вообще. Но она мне рассказала, прежде всего чтобы объяснить, почему она так охладела ко мне. И от этой мысли я все еще чувствовал холодок на коже. Я посмотрел на нее и понял: мне хотелось, очень сильно хотелось, чтобы все сложилось именно с ней. Не так, как было с Амандой и большинством остальных. Черт! Я сделал глупость — доверился внутреннему чувству вместо трезвого анализа.

Опять.

— Что ж, это интересно. Я об этом еще подумаю, — проговорил я. — И я надеюсь, ты еще со мной будешь ужинать где-нибудь, время от времени. Пусть даже только в Мете, — добавил я отчаянно, когда она отвернулась. — Я имею в виду, раз уж ты рядом живешь. Ну, может быть, чтобы не есть дома.

— Было бы мило, — ответила она. — Правда, я только хочу попросить, притормози здесь. Я хочу поговорить.

— Хорошо, — сказал я. — Я тоже хочу поговорить.

«Но когда буду спать с тобой! — я не сказал этого вслух. — Много-много говорить после и даже во время того, как мы занимаемся любовью. Когда принимаем душ, когда спим в одной постели! Хочу говорить с тобой все время!»

Только именно со всем этим она хотела повременить. Или, что более вероятно, от чего она вежливо отказалась.

Если это когда-нибудь и произойдет, думал я, то мне нужно ее понять. Понять, что бы ей понравилось. Мне было бы тяжело с ней не видеться. И, неуклюже ведя «клопа» по 33-й в сторону дома, я был растерян и не замечал ни кильватерных

следов, ни даже других лодок. Я чувствовал себя разбитым, даже возмущенным, даже сердитым и все пытался придумать, как мне с ней поладить, как быть дальше, как ее вернуть. Черт! Ну каким же я был дураком!

Б) Шарлотт

Нью-Йорк – это не столько место,
сколько идея или невроз.

Сказал Питер Конрад

Размах Нью-Йорка глумится над по-
творством личным чувствам.

Сказал Стивен Брук

Настал день, когда правлению Мета предстояло решить, как быть с предложением о выкупе здания. Шарлотт не хотела обсуждать это на общем собрании членов кооператива, что, знала она, было с ее стороны неправильно, но она все равно этого не хотела. Если бы дошло до всеобщего голосования и члены поддержали бы продажу, у нее взорвалась бы голова. Она ощущала давление, и это ей не нравилось. Она стала бы кричать о жестоком обращении и почувствовала бы себя еще хуже, чем когда-либо.

— Меня призывают довериться людям, но я не могу, — сказала она своей коллеге по работе, Рамоне, и та сочувственно кивнула.

— Почему им нужно довериться? — спросила Рамона. — Тебе-то что с того?

— Ой, вот не надо, — ответила Шарлотт. Рамона любила ее поддразнивать, и ей обычно тоже это нравилось, но сейчас было слишком страшно. — Я вот думаю, можно ли мне объявить себя диктатором здания. Разве не так было устроено в греческих городах-государствах? Вот приходит откуда-нибудь кризис, все рискует развалиться, и тут кто-то объявляет себя диктатором, и все соглашаются и позволяют ему выводить полис из кризиса.

— Хорошая мысль!

— Да брось.

Первую встречу того дня она проводила с семьей из Батон-Ружа[73] — нужно было обсудить с ними их дело. Американцам полагались гражданские права, защищающие их от дискриминации, которой подвергались приезжающие в город иностранцы, но на практике так случалось не всегда. У многих попросту не было ни бумаг, ни облачной документации — и, как ни странно, такие люди встречались сотнями и тысячами день за днем на протяжении многих лет. В «Очень плохой день», случившийся в облаке после Второго толчка, пропали данные миллионов людей, и ни одна

---

[73] Примечания: 73
Город в Луизиане, США.

страна так и не оправилась от этого полностью, кроме Исландии, которая не верила в облако и продолжала хранить данные обо всем на бумаге.

Также сегодня ожидался приток новых беженцев с «Нового Амстердама», голландского корабля-города. Этот плавучий город был одним из старейших и медленно ходил по миру подобно остальным. Один из кусочков затопленных после Второго толчка Нидерландов, он соответствовал примерно пяти процентам оставшейся территории своей родины. Как все корабли-города, он был, по сути, плавучим островом, более-менее самодостаточным, и по указанию голландского правительства странствовал по планете, всячески помогая жителям межприливных зон, вплоть до того, что перевозил их к более высоким регионам. Шарлотт нравилось посещать его, когда он околачивался у побережья Нью-Йорка, кружась в Гольфстриме за Веррацано-Нарроусом[74]. Корабли-города не могли приближаться к Нарроусу из опасения, что их затянет приливом и они врежутся в какой-нибудь из берегов, а то и в оба сразу, и застрянут. Зато долететь до них по воздуху на небольшом самолете можно было

[74] Примечания: 74

Висячий мост через пролив Нарроус, соединяющий районы Бруклин и Статен-Айленд.

меньше чем за полчаса. Шарлотт села на один из рейсов в Тёртл-Бей, и ей тут же предстал прекрасный вид с высоты: город, Нарроус с его мостом, открытый океан. Оказавшись над морем, слева она увидела затопленные отмели Кони-Айленда, где со стороны моря стояли в ряд баржи, которые зачерпывали старый песок и перевозили его на север, к новой линии берега. Пролетев затем над синей гладью океана, они вскоре спустились на удивительный зеленый остров — тот был крупный настолько, что в его аэропорту можно было разместить несколько взлетных полос для реактивных самолетов, да только на таких теперь мало кто летал. Городской же самолет, на котором летела Шарлотт, сел на полосу и проехал по ней примерно треть общей длины.

Когда она выбралась из него и оказалась в аэропорту, вид ей открылся такой, что это вполне мог быть и Лонг-Айленд. Никакого ощущения качки, ничего подобного. Это всегда восхищало Шарлотт. Аккуратные небольшие строения вокруг создавали атмосферу настоящего голландского городка.

Но, несмотря на элегантный вид улиц и строений, нетрудно было заметить тревогу в глазах людей, селившихся в общежитиях для беженцев.

Шарлотт хорошо знала этот взгляд — ее клиенты всегда так на нее смотрели. Заискивающий, пытающийся зацепить ее своей историей, такой, что у нее никогда не получалось от этого отстраняться. Но и пропускать их отчаяние через себя она не могла, иначе сошла бы с ума — поэтому нужно было соблюдать профессиональную дистанцию. А это ей удавалось, хоть и требовало усилий — именно из-за этого она чувствовала усталость в конце дня и даже в конце часа. Совершенно измотанная, а где-то в глубине и сердитая. Не на клиентов, но на систему, которая привела их к нужде и позволила им достичь такой большой численности.

Итак, сейчас «Новый Амстердам» перевозил людей из Кингстона, Ямайка. Ни у кого из них не было документов, а выглядели они скорее как испанцы, а не ямайцы и говорили между собой по-испански, но на борт они сели именно в Кингстоне. Для Карибов это было нормально. Шарлотт села с ними за стол и стала поочередно слушать их истории, заполняя первичные документы для беженцев. Это позволяло внести их в базы и в итоге помогало им в дальнейшем, даже если изначально у них ничего не было. Она будто бы в самом деле вытаскивала их из моря.

— Не забудьте вступить в Союз домовладельцев, — повторяла она всем. — Это вам будет очень полезно.

Они были благодарны за все, и это тоже отражалось на их лицах, и это тоже было тяжело игнорировать, как и их отчаяние. Людям не нравилось чувствовать себя благодарными, потому что они терпеть не могли обстоятельства, заставляющие их быть благодарными. Так что приятно от этого не было никому. Один человек делал добро для других не ради них и не ради себя. Из этого, казалось, можно было предположить, что причин делать добро не существовало вовсе, однако было ощущение, что это необходимо. Шарлотт делала это из каких-то абстрактных побуждений, считая, что это нужно, чтобы облегчить их первые дни в новом мире. Что-то вроде того. Такая вот сумасшедшая идейка. Она и сама была сумасшедшей, она это знала; наверное, компенсировала этим недостаток чего-то другого. И находила таким образом способ занять чем-то мозг. Это казалось ей правильным. Так часы проходили для нее гораздо интереснее, чем если бы она занималась чем-то другим, как пыталась раньше. Что-то вроде того. Но на исходе дня, пусть даже проведенного на море, под прохладным бризом и под крики чаек,

она была готова все бросить.

Но она не могла, и уж точно не на исходе этого дня, когда нужно было лететь обратно, бежать из офиса и добираться домой. Идти пешком некогда — лучше сесть на вапо, а то и поймать водное такси.

Возвращаясь над бруклинской отмелью к авианосцу в Тёртл-Бей, стоявшему на якоре у здания ООН, Шарлотт сидела у окна левого борта и восхищалась видом города в предзакатном свете. Солнце окрашивало каналы, и лес неприметных строений походил на ряды стоячих камней какого-нибудь полузатопленного Авалона. Черные колонны, частично погруженные в воду; вид сюрреалистический, к нему невозможно привыкнуть — он никогда не переставал казаться странным, пусть даже Шарлотт прожила здесь всю жизнь. И все же, несмотря ни на что, когда Шарлотт смотрела на город, ее наполняло ощущение чуда и даже гордости.

Посадка на авианосец. Спуск по пандусу к причалу. Переход маленькими шажками, в окружении толпы людей на переполненный вапоретто, направляющийся в город. Грохотание от причала к причалу, чтение отчетов, пока люди то сходят, то заходят, снова и снова. Она сошла

на пристани рядом со своим офисом и заглянула туда, совсем ненадолго.

Когда она уже уходила, ее встретила Рамона с людьми из окружного офиса Демократической партии. Шарлотт пожала плечами, едва не сказав: «Я уже ушла», но прикусила язык. Она не понимала, что эти люди здесь делали. Сойдя на пристань, они спросили, не желает ли она баллотироваться в конгресс от Двенадцатого округа, куда входила затопленная часть Манхэттена и Бруклин. Место этого округа в Конгрессе считалось спорным и уже много лет представляло больше моллюсков, чем людей, да и людьми теми были только нелегальные поселенцы, коммунисты и прочие.

— Ни в коем случае! — ответила Шарлотт, пораженная. — А кандидат от мэра что?

Галина Эстабан выставила своего помощника Танганьику Джона, чтобы тот сменил старого конгрессмена, который, наконец, уходил после многих лет в этой должности. Такой выбор никого не радовал, но в партии существовала своя иерархия: нужно было начинать со дна и подниматься шаг за шагом — школьный совет, городской совет, законодательное собрание штата, а потом, если покажешь преданность команде, верхушка даст тебе партийную поддержку и

поможет идти дальше. Такой уклад существовал уже много веков. Иногда бывало, что люди со стороны выражали свое недовольство, а иногда некоторые из них даже разрушали порядок вещей и избирались, но потом их изгоняли из партии, и ничего с этим поделать было нельзя. Так они попусту растрачивали свое время и те небольшие деньги, что удавалось привлечь для поддержки столь донкихотских идеалов.

Но эти люди, что просили Шарлотт баллотироваться, были из партийного офиса, даже из центрального парткомитета, и это слегка меняло дело. А может, и не слегка. Эстабан сама пришла со стороны, чем, пожалуй, это можно было объяснить. Пришла звездой, нарушив иерархию, потом набрала влияния и выдвинула собственного помощника на совершенно левую должность, никак не связанную с ее деятельностью, и это неправильно. А Танганьика Джон был у нее мальчиком на побегушках. Тем не менее выдвинуться против нее было делом проигрышным, а также ужасной тратой времени.

Шарлотт указала на это быстро и вежливо, как только могла, после чего запрыгнула в вапоретто, любезно загромыхавшее в направлении парка, а ее собеседники картинно закричали вслед с

отчаянными мольбами.

— Подумай над этим! — громко молили Рамона и остальные, когда вапо двинулся к следующей остановке. Они выкручивали себе руки, будто голодные побирушки.

— Подумаю! — довольно солгала Шарлотт. Все это раздражало ее, но вместе с этим и забавляло. Забавляла даже сама мысль об этой глупости, на которую ей просто не надо было соглашаться, лишь сказав: «Хрен вам!»

Вапо взял влево по 23-й и высадил ее на пристани перед Флэтайроном, где она села в лифт до уровня крытого перехода. Зашагала на запад к Уан-Мэдисону, традиционно ругая его, пока шла по переходу, а потом над 23-й, к своему дому. К себе в комнату она попала как раз вовремя, чтобы успеть переобуться, сгрызть яблоко и умыться. В зал заседаний она вошла, когда там все уже было готово к началу.

Она села, чувствуя себя немного неуверенно, будто была еще на море или в воздухе. Остальные члены совета посмотрели на нее удивленно — видимо, заметив ее неуверенность, — но она ничего не сказала, ничего не стала объяснять и сразу начала собрание:

— Ладно, начнем.

До третьего пункта добрались довольно скоро.

— Итак, это предложение выкупить здание. Что будем делать?

Она посмотрела на остальных, и Дан, бывшая также юристом, сказала:

— Мы обязаны им ответить, официально и с проявлением должной осмотрительности.

— Я знаю. — Шарлотт ненавидела эту фразу — «с проявлением должной осмотрительности», но сейчас было не время на это указывать. Да проявляю я вашу занудную осмотрительность, ага!

— Итак, — продолжила Дана, — договор требует, чтобы мы ставили любые вопросы о собственности на голосование всех членов.

— Я знаю, — ответила Шарлотт. — Но мне интересно, действительно ли это вопрос собственности.

— Что ты имеешь в виду? Они предлагают выкупить здание.

— Вот я и говорю, реальное ли это предложение? Или, может, это какое-то подставное лицо, которое используют, чтобы узнать нашу оценку или вроде того?

— А какое это имеет значение?

— Ну, если это просто проверка ради сравнительной оценки, то мы как правление должны

просто отказаться от этого, не вынося на голосование.

— Неужели?

— В каком смысле «неужели»?

— В смысле, ты действительно считаешь, мы можем определить, что это ложное предложение? Еще и с достаточной уверенностью, чтобы отказаться от своей обязанности вынести его на голосование членов?

Шарлотт задумалась.

Пока она думала, Дана продолжила:

— На самом деле, если мы отклоним предложение решением совета, они могут выйти с ним еще раз, и получится, что мы нарушили требование.

— Требование чего — нашего кооперативного договора или городского закона?

— Не знаю точно, может, того и другого.

— Хотела бы я это выяснить, прежде чем мы решим, — ответила Шарлотт. — Мы, наверное, можем отложить еще раз, поизучать этот вопрос, а потом уже действовать?

Говоря это, она чувствовала, что хмурила брови и лицо ее напряжено. Ей так хотелось отклонить предложение, что крутило живот и начинало стучать в висках. Но Дана была хорошим юристом и хорошим человеком, и, наверное, им действи-

тельно следовало придерживаться порядка, делать все как должно, чтобы ненароком не дать врагу, или кто это там был, преимущества. Так что Дану стоило послушать.

— Но сегодня мы можем это отложить, немного разузнать, а потом вернуться к вопросу на следующем заседании? Пожалуйста.

— Наверное, — ответила Дана. — Возможно, нам нужно больше информации, чтобы решить. Можем мы поговорить с людьми, которые это предлагают? Узнать, что у них на уме?

— Не знаю. «Морнингсайд» не скажет, кто они. Это мне не нравится. Я хотела бы еще раз попросить «Морнингсайд» дать нам возможность поговорить с этими людьми.

— Давай так и сделаем, а пока отложим рассмотрение. Я предлагаю отложить.

— Поддерживаю, — заявила Шарлотт.

Они отложили вопрос и перешли к следующему.

* * *

На следующее утро Шарлотт, стиснув зубы, позвонила бывшему мужу, Ларри Джекману.

— Привет, Шарлотт, — сказал он. — Что случилось?

— Ты в ближайшее время не собираешься в Нью-Йорк?

— Я здесь сегодня. А что?

— Я бы хотела выпить с тобой кофе и кое-что поспрашивать.

Они начали так встречаться несколько лет назад — время от времени пили кофе, говорили о делах города или о старых знакомых, которым нужна была помощь. Ларри не любил ни одну из этих тем, но всегда соглашался, и у них уже установилась некая традиция вот так встречаться. И сейчас, выдержав краткую паузу, от ответил:

— Всегда рад. Как насчет 4:20, в павильоне в Центральном парке?

Это было одно из их старых мест, и Шарлотт тут же согласилась.

Потом эта встреча на весь день выпала у нее из головы, она погрузилась в работу, а когда вспомнила, было уже четыре часа и нужно было торопиться. Пройти двенадцать кварталов пешком во время прилива никак невозможно, особенно учитывая, что первые три должны быть слегка затоплены. Поэтому она села на такси-глиссер, которое понеслось вдоль Пятой по мелководью, среди бурунов и водорослей, после чего повернуло и высадило пассажиров у

плавучего пирса, севшего сейчас на мель посреди улицы в ожидании дальнейшего прилива. Этот быстрый, пусть и дорогой маневр оставил ее всего в пятнадцати минутах ходьбы до Центрального парка. Туда она и побрела, стараясь не нагружать бедро и жалея, что не сбросила больше веса, чем могла бы. Идти было тяжело.

И все же Шарлотт было необходимо пройтись, чтобы собраться с мыслями. Ей всегда было немного не по себе при встречах с Ларри — слишком давило прошлое, и бóльшая часть этого прошлого была не очень приятна. Хотя, с другой стороны, у них было и много хорошего, даже очень хорошего, если пробраться до этих воспоминаний сквозь массу плохих. Когда они были молодыми влюбленными студентами юридического факультета, хорошим было почти все. Потом наступили годы совместной жизни, и хорошее с плохим так перемешалось, что одно от другого невозможно было отделить; такой просто была их жизнь в те годы — славной, болезненной и в конечном счете разочаровывающей тем, что они так и не смогли ужиться. Не сошлись во взглядах. Никто не сходится полностью, но они, похоже, не могли найти согласия даже в причинах своих разногласий. Они совершенно

не разобрались в своих отношениях. А потом плохое и хорошее отделились друг от друга, и они внезапно увидели, что плохого было намного больше, чем хорошего. Во всяком случае, так казалось Шарлотт. Ларри заявил, что готов терпеть небольшие раздоры, а она предъявляла слишком много требований, но, как бы то ни было, в итоге все разладилось. Ни у кого из них больше не осталось чувств, и ко времени расставания, хотя при этом пришлось пережить много горьких и неприятных моментов, самыми сильными ощущениями оказались усталость и облегчение. Но вся та эпоха осталась позади, и у обоих появились новые инкарнации; а будь у них необходимость встречаться, они бы держались любезно, но такой необходимости не было, так как детей они не завели. Спустя несколько лет, когда все эти чувства переросли в грустную ностальгию, у Шарлотт возникло любопытство, жажда узнать, как продолжалась история Ларри. Особенно после того, как он переметнулся в финансовую сферу, поднялся там и стал, как она полагала, и богатым, работая в «Адирондаке», и влиятельным, когда стал главой Федеральной резервной системы. В тот момент ее любопытство перевесило неловкость, и они встретились за кофе.

Но все равно она до сих пор, когда шла увидеться с ним, когда знала, что он будет сидеть с ней за одним столиком, чувствовала дрожь, легкий приступ страха. Как перед ним будет выглядеть она, погрязшая в бюрократии на своей работе, еще и пониженная до должности в государственно-частной общественной организации, где стала юридическим соцработником? Ей не хотелось, чтобы о ней судили таким образом.

— Отлично выглядишь, — проговорил он, когда она села напротив.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Это ты на работе, наверное, научился так хорошо врать.

— Ха-ха, — рассмеялся он. — Скорее, говорить правду. Говорить так, чтобы не пугать людей.

— Вот и я о чем. Кто же испугается правды? И что это за люди?

— Рынок.

— Рынок — это люди?

— Конечно. И еще конгресс. Конгресс — это люди, и они пугаются.

— Но это же у них так всегда? А если ты напуган постоянно, то куда уж хуже-то?

— Они все равно умудряются находить что-то хуже. И становятся гипернапуганными. А иногда доходят до предела и становятся совершенно

спокойными. Вот на что я всегда надеюсь. Бывает, так и случается. Хорошие люди встречаются в обеих палатах и по обе стороны от прохода. Только нужно время, чтобы выяснить, кто именно.

— А как же президент?

— Она молодец. Всегда довольно спокойна. И умна. Она собрала достойную команду.

— Это по определению так?

— Ха-ха. Вот всегда приятно встретиться с тобой, чтобы ты меня немного одернула.

— Это просто то, что мне подумалось.

— А ты так и пьешь обезжиренный латте?

— Да, я не меняюсь.

— Я не это имел в виду.

— Разве?

— Ладно, мне просто кажется, что твои кофейные привычки несколько смешанны, хотя, может, я и ошибаюсь.

— В последнее время я люблю американо с эспрессо.

— Ого!

— А что, новая слизистая желудка.

— Операцию сделала?

— Поставили ли мне кольцо? Нет, я и так хорошо себя чувствую, хотя и не осознаю толком почему. Наверное, медитации помогают.

— Медитации?

— Медитации. Я же говорила тебе то ли в прошлый раз, то ли в позапрошлый.

— Я забыл, прости. Так что это такое?

— Это такая медитация осознанности. Я лежу в садах, смотрю на Бруклин и думаю, как много есть на свете вещей, с которыми я ничего не могу поделать. Потом их возникает будто целая вселенная, и тогда мне становится спокойнее.

— Я бы, наверное, уснул.

— Я обычно и засыпаю, но это тоже хорошо.

— До сих пор бессонница мучает?

— Сейчас она у меня как бы сливается со сном. Сон, медитация, бодрствование — теперь все становится одинаковым.

— В самом деле?

— Нет.

Он вежливо улыбнулся. Они отхлебнули кофе, оглядели парк. Осень в Нью-Йорке подходила к концу, листья почти все опали, но некоторые дубы, клены и вязы, высаженные несколько десятилетий назад, стояли в шапках из красных или желтых листьев. Все говорили, что здесь это самое красивое время года, время коротких вечеров и внезапных холодов и того тусклого света, благодаря которым Манхэттен превращал-

ся в город мечты, исполненный значимости и драматизма. Единственным местом, где хотелось быть. И они сидели друг напротив друга и здесь, и в других частях Центрального парка, и в других местах города, и так уже почти тридцать лет. Они были как двое гигантов, прошедших сквозь года, пусть даже она была бюрократом, а он главой Федрезерва, и она вдруг поняла, что он считал ее себе ровней.

— Так президент правда такая спокойная, ты думаешь?

— Думаю. Мне кажется, она гнет жесткую линию. И она прогрессивная, насколько это возможно для американского президента.

— То есть не слишком.

— Да, но это тоже важно. Я бы ее поставил в один ряд с Франклином Рузвельтом, Джонсоном и Эйзенхауэром.

— Это все президенты XX века. Здесь можно и Линкольна добавить.

— Да, наверное, если будет повод. Если ей придется действовать в критической ситуации. И мне кажется, ей хочется такой возможности.

— Гражданской войны из-за рабства?

— Ну, какого-то современного эквивалента этому. Я имею в виду, какие-то крупные проблемы.

И неравенство, как известно, одна из них. Так что да, думаю, она очень хотела бы сделать что-то серьезное.

— Интересно. — Шарлотт задумалась. — Думаю, раз уж человек оказался достаточно глупым, чтобы стать президентом, он захотел бы сделать и что-то серьезное.

— Пожалуй, да. Соблазн велик. Я имею в виду, ты бы не подумала: «Ну, раз я теперь президент, то буду действовать осторожно и надеяться, что ничего не случится». Не подумала бы, так ведь?

— Не знаю, — призналась Шарлотт. — Это лежит как-то за пределами моих размышлений.

— И когда медитируешь, никогда не задумываешься, что бы сделала, если бы стала президентом?

— Нет. Определенно нет. Но это же ты на нее работаешь. Тебе и надо об этом думать. У нас многие считают, что глава Федрезерва — это одна из ключевых должностей.

Он удивился:

— Мне лестно думать, что ты можешь быть среди тех, кто так считает.

— А как же? Ты ведь меня знаешь.

— Ну да, вроде того.

— Да, знаешь, думаю. Наверное, мы стремились

к справедливости тогда, в молодости. Это нас обоих касалось, да?

Он кивнул, глядя на нее с легкой улыбкой. Его идеалистичная бывшая по-прежнему здесь. Он отхлебнул кофе.

— Но потом я влез в финансы.

— Но это же был шаг к власти, верно? К политической экономике, а значит, к власти, а значит, ты так и стремишься к справедливости. Или можешь к ней стремиться.

— Тогда я так и думал, наверное.

— А я всегда это видела. И всегда тебя за это уважала.

— Спасибо. — Он снова улыбнулся.

— Люди лезут в финансовую сферу по разным причинам. Некоторые хотят просто заработать денег, я не сомневаюсь, но ты никогда таким не был.

— Да, пожалуй, не был.

— Я хочу сказать, сейчас же ты федеральный служащий. Значит, зарабатываешь какую-то мелочь по сравнению с тем, что мог бы.

— Это правда. Но мне нечего вообще беспокоиться из-за денег. Так что я не уверен, заслуживаю ли уважения только из-за этого. Зато можно сказать, что власть в определенных случаях ин-

тереснее денег. Когда у тебя достаточно денег, например. Такое можно видеть сплошь и рядом.

— Знаю. Но, как бы то ни было, ты уже глава Федрезерва, а это круто.

— Это интересно, врать не стану. И может, круто тоже. У меня такое чувство, будто я должен иметь больше возможностей, чем у меня есть. Как будто Федрезерв управляет собой сам или им руководит рынок или сам мир, а я просто сижу и думаю: давай, Ларри, сделай что-нибудь, измени что-нибудь, но что или как — это как минимум неочевидно. Во-первых, многое зависит от Совета управляющих, от региональных советов. Это не такая уже исполнительная система.

— Да?

— Не такая, как мне хотелось бы. Я чувствую себя больше каким-то советником, чем кем-либо еще.

Шарлотт задумалась над этим.

— Но не просто советником — советником президента и Конгресса.

— Тоже правда.

— А если ситуация станет критической, например если наступит финансовый кризис, то от твоего совета, может быть, будет зависеть все.

Он рассмеялся.

— Тогда мне нужно надеяться, что кризис наступит!

Шарлотт тоже рассмеялась — теперь обоим вдруг стало весело.

— Они бывают раз в десятилетие или около того, так что ты должен быть готов.

— Да, наверное.

Они поговорили на другие темы — о старых друзьях и знакомых тех времен, когда они были вместе. Они оба поддерживали отношения с одним-двумя и теперь делились новостями.

И так пришли к теме о Генри Винсоне.

На самом деле нет. Для Шарлотт было совершенно несвойственно спрашивать Ларри о ком-либо из его знакомых по финансам. Она никогда этим не интересовалась, а Ларри не стремился делиться подробностями своих взаимодействий с ними. Бóльшая часть этой его жизни проходила после того, как они расстались. Так что ей нужно было еще подумать, как лучше поднять эту тему. Но она нашла способ — якобы заговорить о самом Ларри и возможном конфликте интересов, чтобы он предположил, что она просто пытается выяснить, не наживет ли он себе проблем из-за своих успехов. Это вполне укладывалось в их обычные отношения.

— Тебе когда-нибудь приходилось сталкиваться по работе со старыми партнерами, регулировать их компании? — спросила она.

Он чуть сдвинул брови — обычно-то она такого не спрашивала, — но потом поморщился, будто поняв, что снова оказался ей нужен. По крайней мере, она надеялась, что он подумал именно об этом.

— Я же не глава Комиссии, — указал он, словно парировав выпад.

— Я знаю, но Федрезерв же определяет ставку, а от нее уже зависит все, так? Значит, кто-нибудь из твоих старых партнеров может иметь выгоду от решений, которые ты принимаешь.

— Конечно, — ответил он. — Это естественно для моей работы. По сути, я влияю на всех, с кем когда-либо работал.

— Значит, и на Генри Винсона тоже? А вы же разошлись совсем не гладко?

— Да не особо.

Теперь он смотрел на нее с некоторым подозрением. Он покинул «Адирондак» после того, как совет директоров назначил Винсона генеральным. Однажды он ей признался, что перед советом стоял выбор: либо он, либо Винсон, и на некой конкурсной основе предпочтение отдали

Винсону. Ларри оставили финансовым директором, но после такого поражения делать в этой компании ему было особо нечего, тем более что Ларри не нравились многие решения Винсона. Поэтому он ушел и основал собственный хедж-фонд, добился некоторых успехов, а потом был назначен главой Федрезерва — тому способствовала его старая сокурсница по юридической школе, а теперь президент США. Винсон тоже добился успехов в «Адирондаке», а потом и со своим собственным фондом — «Олбан Олбани», после того как сам ушел из «Адирондака». Так что можно сказать, что все закончилось хорошо и оба остались в выигрыше. Как это бывает. Так Ларри и объяснил ей сейчас.

— И все равно, наверное, приятно указывать ему, что делать?

Ларри рассмеялся.

— На самом деле это он мне указывает.

— Да ну!

— Само собой. Снова и снова, постоянно. Хочет ставку то поднять, то опустить.

— Разве это законно?

— Он может ко мне обратиться, как и кто угодно. Это его право, а мое право — его игнорировать.

— Значит, ничего не изменилось.

Он снова рассмеялся.

— Ага.

— Так как это устроено, когда ты сейчас в правительстве и регулируешь их работу?

— Просто я занимаюсь новым. Я не поддерживаю старых связей, да и никто не поддерживает.

— Значит, нет такого, что лиса охраняет курятник?

— Нет, надеюсь, что нет. — Он нахмурился, подумав об этом. — Мне кажется, всем нравится, что и в Федрезерве, и в Казначействе работают люди, которые знают свое дело и могут говорить на доступном языке. Уже одно это большой плюс — что с нами можно общаться.

— Но это же не просто язык, это целое мировоззрение.

— Да, наверное.

— А если ситуация будет критическая, ты не встанешь автоматически на сторону банков и против людей?

— Надеюсь, что нет. Я буду поддерживать Федрезерв.

Шарлотт кивнула, пытаясь принять такой вид, будто поверила его словам. Будто он не ответил только что, что поддержит банки.

Вечерний свет придавал парку оттенок бронзы,

отчего все осенние листья и сам воздух отдавали желтоватым блеском. Земля уже находилась в тени. Было свежо, но пока не холодно.

— Хочешь немного пройтись? — спросил он.

— Давай, — ответила она и встала.

Прогулка давала ей возможность показать ему, что теперь она ходит лучше. Если, конечно, он когда-либо замечал, что у нее были с этим проблемы, — хотя вряд ли. Она задумалась, как снова завести разговор о Винсоне. Когда они поднялись и пошли на север по западной части парка, она продолжила:

— Знаешь, что странно, у меня в здании временно жил двоюродный брат Генри Винсона, и недавно он пропал. Мы сообщили в полицию, они стали его искать и выяснили эту его связь с Винсоном.

— Двоюродный брат?

— Родственник. Ребенок брата или сестры кого-то из родителей.

Он попытался ткнуть ее в бок, но она увернулась.

— Просто они узнали об этом помимо всего прочего, — добавила она.

— Это странно. Не знаю, что и сказать.

— Я упомянула об этом только потому, что мы

вспоминали старое, вот я и вспомнила о Винсоне, а недавно слышала о нем в связи с вот этим.

— Понятно.

Ларри оставался Ларри и проговорил это так, будто понял больше, чем хотела бы Шарлотт. Раньше они много ссорились, сейчас все это всплывало у нее в памяти. Поэтому они и развелись. Хорошие времена, что этому предшествовали, тоже было тяжело вспоминать, но не настолько. Пока они шли по парковой дорожке, прошлое, все прошлое сразу, никак не шло у нее из головы. Она часто представляла прошлое как что-то выкопанное из земли, где более поздние события накладываются на ранние и сдавливают их, хотя на самом деле было не так. На самом деле каждый его момент находился будто бы прямо перед ней, как в диорамах в Музее естественной истории. Так хорошие времена соседствовали с плохими, сменяя друг друга и сливаясь в испорченную, тошнотворную кашу из чувств. Прошлое.

Верхние этажи сверхнебоскребов, окаймлявших северную оконечность парка, ловили последние лучи солнца. Некоторые окна, выходившие на юго-запад, моргали золотом, а стеклянные стены вокруг них переливались

свинцом, кобальтом, бронзой и изумрудом. Защитникам парка приходилось яростно бороться за то, чтобы парк не застраивался: ведь он остался сухим после наводнения, поэтому цена его участка взлетела в десять раз. Но для того чтобы ньюйоркцы сдали Центральный парк, просто затопить Нижний Манхэттен недостаточно. Они пошли на одну уступку, засыпав пруд Онассис[75], так как ощущали, что воды в городе хватало и без него; в остальном же парк оставался лесистым, осенним, таким же, как всегда, будто распростершимся на полу прямоугольной комнаты без потолка и с крутыми стенами. А люди в нем казались муравьями.

Шарлотт заметила что-то по этому поводу, и Ларри, покачав головой, хихикнул.

— Ты, как всегда, считаешь нас какими-то крошечными, — сказал он.

— Неправда! Не знаю, о чем это ты вообще!

— Ох, ладно. — Он махнул рукой, словно говоря, что это не стоит объяснений. Они бы только вызвали лишние возражения. Это же тот самый случай, когда кто-то не соглашается с чем-то очевидным о самом себе. Он не желал в это ввя-

---

[75] Примечания: 75
Водохранилище в Центральном парке.

зываться.

Раздраженная, Шарлотт ничего не ответила. Вдруг она ощутила всю тяжесть его покровительственного отношения. Он весь такой снисходительный, важный, занятой мужчина, который нашел немного времени, чтобы вспомнить старую страсть. Для него это была такая форма ностальгии — и она лежала в основе его терпимости. Они распрощались до новой встречи.

— Нужно встречаться чаще, — солгала Шарлотт.

— Несомненно, — солгал в ответ Ларри.

B) Владе

Для некоторых натур этот стимулятор, жизнь в великом городе, становится чем-то столь же обязательным и необходимым, как опиум для пристрастившихся к нему. Он становится для них как воздух, они не могут без него существовать; вместо того чтобы отбросить его, довольствуются голоданием, нуждой, болью и отчаянием; они не обменяли бы даже ветхие и жалкие условия существования в большой толпе на какой угодно комфорт вдали от нее.

Том Джонсон

Сын Дэймона Раньона развеял прах своего отца с самолета над Таймс-сквер.

Владе стал каждый вечер после ужина проводить что-то наподобие полицейского обхода здания, проверяя все системы безопасности и комнаты ниже уровня максимального прилива. А также верхние этажи под причальными мачтами, да и вообще раз уж он стал это делать, то заглянуть куда-нибудь нелишне. Да, его съедало

беспокойство, он был вынужден признать это самому себе — только себе и никому другому. Творились какие-то дела, и с этим предложением о выкупе, похожим на враждебное поглощение, следовало считаться, и с возможностью подобных атак. В сфере нью-йоркской недвижимости такое случалось не в первый раз, и даже не в тысячный. Вот он и нервничал, и делал обходы, нося с собой пистолет в кобуре под курткой. Это казалось ему крайностью, но он все равно это делал.

Через пару ночей после того, как они вытащили Роберто в Южном Бронксе, в конце своего обхода Владе вышел из лифта на садовом этаже и прошагал к юго-восточному углу, посмотреть, как там поживает старик. Заглянув через откидную дверцу капсулы, он ничуть не удивился, когда увидел там не только старика, но и Стефана с Роберто. Мальчики сидели на полу возле стопки старых карт.

— Входите, — пригласил Хёкстер и указал на стул.

Владе сел.

— Смотрю, ребята вернули что-то из ваших карт.

— Да, все самые важные, — подтвердил старик. — Для меня это такое облегчение. Смотрите,

вот карта Риссе[76] 1900 года. Она получила приз на Всемирной выставке во Франции. Риссе сам был родом из Франции, и когда он привез свою карту в Париж, та произвела сенсацию, люди выстраивались в очередь, чтобы пройтись вокруг нее. Она же была десять футов шириной. Оригинал потом потеряли, но для продажи изготовили вот эту уменьшенную копию. Она мне уж так нравится!

— Красивая, — согласился Владе.

Даже с множеством складок, она передавала ту плотность, сложность и насыщенность, с какой люди заполонили бухту. И те человеко-часы, что ушли на ее застройку!

— А вот карта Боллмана, разве не красота? Посмотрите на все эти здания!

— Вау, — проговорил Владе. На карте был изображен Мидтаун с высоты птичьего полета, и каждое здание было прорисовано отдельно. — Ой, она обрывается прямо на Мэдисон-сквер! Видите, вот кусок Флэтайрона, а нашего здания нет.

— Даже самая верхушка не влезла, видите? Она должна быть прямо рядом с буквой «G» в индексной сетке — вот здесь, кажется.

---

[76] Примечания: 76

Луи А. Риссе (1850–1925) — известный нью-йоркский инженер-топограф.

Владе улыбнулся:

— А продолжения карты нет?

— Думаю, с продолжением была только карта Мидтауна. В любом случае это все, что у меня есть.

— А это что за цветная такая?

— О, вот эта правда что цветная. Это карта комитета Ласка, так называемая карта Красной угрозы. Этнические группы, видите? Где они жили. Где, по идее, должны были появиться все те страшные революционеры.

— Какой это год?

— 1919-й.

Владе посмотрел на их район.

— Вижу, у нас жили, судя по цвету… сирийцы, турки, армяне и греки. Я и не знал.

— В некоторых районах остались те же, что жили тогда, но в большинстве состав проживающих изменился.

— Это точно. Интересно, можно ли составить подобную карту сейчас?

— Думаю, можно, если использовать данные переписи. Но сдается мне, в основном получится та еще мешанина.

— А я не так уверен, — ответил Владе. — Хотелось бы мне на это посмотреть. Но эти, конечно,

прекрасны.

— Спасибо. Я так рад, что их вернул.

Владе кивнул:

— Это да. Так вот, я к вам пришел из-за небольшого происшествия с ребятами в Бронксе. Почему вы и мне об этом не рассказали? У вас есть карта, на которой отмечено, где затонул «Гусар»?

Хёкстер бросил быстрый взгляд на мальчишек.

— Мы не могли не рассказать, — объяснил Роберто. — Он меня вытащил.

Старик вздохнул.

— Это не одна карта, — сообщил он Владе. — Есть разные карты тех времен, которые мне помогли. Карта Британского командования — это нечто невероятное. Британцы контролировали Манхэттен всю войну, а их картографы были лучшими в мире на тот момент. Они составляли карты не только для военных целей, но и, похоже, просто чтобы скоротать время. Так вот, на ней видны даже отдельные скалы. Оригинал хранится в Лондоне, но я в детстве срисовал его с фотографии.

— Покажите ему, мистер Хёкстер!

— Ладно, давайте.

Мальчишки достали большую папку, похожую на альбом какого-то художника, и осторожно,

будто обращались со взрывчаткой, вынули из него многократно сложенную бумагу. Когда ее развернули на полу, оказалось, что это были два листа, которые вместе занимали прямоугольник размером примерно пять на десять футов. Это был остров Манхэттен, в некоем догреховном состоянии наготы: только немного штриховки в районе деревни в Бэттери, а остальное — девственные холмы и луга, леса и болота, изображенные словно при виде сверху.

— Мать честная! — воскликнул Владе. Сев рядом с картой, он провел по ней пальцем. Территорию, где сейчас находился Мэдисон-сквер, занимало болото, к востоку от которого тянулся ручей, впадавший в бухточку на Ист-Ривере. — Вот красотища!

— Ага, — согласился Хёкстер с легкой улыбкой. — Я сделал эту копию, когда мне было двенадцать.

— А я хочу сделать такую же карту, только современную, — объявил Роберто.

— Серьезная задачка, — ответил Хёкстер. — Но идея хорошая.

— Хорошо, — сказал Владе. — Мне это все нравится. Но давайте вернемся к «Гусару».

Хёкстер кивнул:

— Так вот, эту карту доделали в тот самый год, когда затонул «Гусар». На ней нет Бронкса, зато есть кусок Врат ада. И к счастью, есть еще одна знаменитая карта всей гавани — генплан Манхэттена 1821 года. Его репродукция у меня тоже есть, посмотрите. — Он развернул еще одну карту. — Красиво, да?

— Очень недурно, — согласился Владе. — Не как карта командования, зато какие детали!

— Мне нравится, как тут нарисованы волны, — сказал Стефан.

— Мне тоже, — поддержал старик. — А вот здесь видно, где находился берег, когда затонул «Гусар». Тогда все было по-другому. Эти острова к северу от Врат ада были насыпаны и составляли остров Уорд, а сейчас они полностью под водой. Но тогда существовали и Малые Врата ада, и Бронкс-Крик. А этот островок, Санкен-Мидоу, был приливным островом. На этой карте очень четко отмечены болота, и мне кажется, их нельзя было засыпать. Или можно, но с затруднениями. Так вот, смотрите. «Гусар» врезается в скалу Горшок, тут, со стороны Бруклина, и капитан пытается добраться до Стони-Пойнта, возле южной оконечности Бронкса, где есть пирс. Но все современники утверждают, что сделать этого не

удалось и корабль утонул, так что только мачты остались торчать из воды. Некоторые даже сообщают, что люди потом доплыли до берега. У Стони-Пойнта так не получилось бы, потому что между ним и островами Бразер сильное течение, а сам канал слишком глубокий. К тому же они просто не успели бы так далеко проплыть. Очевидцы говорят, что корабль утонул быстрее чем за час. Приливное течение там достигает семи миль в час, поэтому, даже если оно в тот момент было максимальным, они не проплыли бы и до Норт-Бразера, где в 1930-х потом нырял Саймон Лейк[77]. Вот я и думаю, что корабль утонул между этими мелкими скалами, между островом Санкен-Мидоу и Стони-Пойнтом, где позже все засыпали землей. Выходит, с тех пор его искали не в том месте, кроме первого времени, когда из воды еще торчали мачты. В 1820-х британцы протянули под ним тросы, поэтому все и уверены, что там действительно было золото — иначе стали бы они утруждаться! А то, что им позволили там нырять так скоро после войны 1812 года, меня очень удивляет. Но, как бы то ни

[77] Примечания: 77

Саймон Лейк (1866–1945) — американский инженер, создатель одной из первых подводных лодок, также пытавшийся найти золото с фрегата «Гусар».

было, в лондонских морских архивах я тогда же, в молодости, нашел их отчет, и все мои расчеты подтвердились. Вот здесь он и затонул.

Он указал пальцем на крест, который нарисовал карандашом на карте 1821 года.

— А откуда известно, что британцы не достали золото? — спросил Владе.

— Корабль разломался пополам, когда его потянули, а потом у них не оказалось таких навыков ныряния, чтобы достать два маленьких деревянных сундука. Река же мутная и темная, а течения чересчур сильные.

Владе кивнул.

— Я занимался этим десять лет, — сказал он и поиграл бровями перед мальчиками, которые изумились его словам. — Десять лет проработал ныряльщиком в городской службе, пацаны. Вот почему я сразу понял, что вы задумали. — Он посмотрел на Хёкстера: — Так, значит, это вы рассказали ребятам?

— Рассказал, но я не думал, что им нужно туда нырять. Наоборот, я их отговаривал!

Мальчики резко принялись изучать карту 1821 года.

— Ребят? — позвал Владе.

— Ну, — проговорил Роберто, — здесь на са-

мом деле получилось, что как бы одно пошло за другим. К нам попал тот здоровенный металлодетектор, когда его хозяин умер. И мы подумали просто отправиться туда и попробовать его, ну вы понимаете.

— Мы опустили его на дно, где, как сказал мистер Хёкстер, находился «Гусар», и он запикал, — сообщил Стефан.

— Это было здорово! — продолжил Роберто.

— А где нашли водолазный колокол? — спросил Владе.

— Сами сделали, — сказал Роберто.

— Это верхушка зернового бункера с одной баржи, — объяснил Стефан. — Мы видели колокола в магазине для ныряльщиков на пристани «Скайлайн», и они все были похожи на эти пластмассовые верхушки бункеров. Вот мы и приклеили внизу пару обручей от бочек, чтобы придать вес, и еще ушко сверху, чтобы продеть веревку. Ну и все.

Владе и Хёкстер переглянулись.

— Вам следует быть осторожным с этими ребятами, — заметил Владе.

— Знаю.

— В общем, колокол получился, и нам повезло с металлодетектором. Причем металлодетектор

показывает, что за металл он нашел! Так вот, это золото.

— Или какой-то другой металл, который тяжелее железа.

— Металлодетектор показал, что золото. И в том месте, где оно должно быть.

— Вот мы и подумали понырять немного, прорыть там асфальт, а он был очень мягкий. И мы поняли, что получится туда добраться. Потом хотели показать мистеру Хёкстеру, что мы нашли, думали, он обрадуется, и там уже продолжать дальше.

Это уже звучало как какой-то альтруизм, подумал Владе. Он строго посмотрел на мальчиков.

— У вас ничего не получилось бы, ребята. Насколько я слышал, корабль лежал на дне реки. Так что, скажем, вам надо было бы спуститься на глубину двадцать футов. Потом ту часть реки засыпали, вместе с кораблем. Тогда тот берег был футов на десять выше уровня максимального прилива. Значит, теперь над кораблем должно быть тридцать-сорок футов земли. А прогрести себе ход под колоколом на целых тридцать футов вы бы никак не смогли.

— Я так и говорил, — заметил Стефан.

— А я считал, что у нас могло выйти, — наста-

ивал на своем Роберто. — Нужно просто долго нырять и раскапывать. Земля под асфальтом должна быть мягкой! У меня очень хорошо получалось!

Остальные пристально смотрели на него.

— Серьезно? — спросил Владе.

— Серьезно! Богом клянусь!

Владе посмотрел на Хёкстера — тот пожал плечами.

— Они показали мне данные детектора, — сказал Хёкстер. — Если все верно, то сигнал действительно сильный и золота там много. Так что я понимаю, почему им так захотелось попробовать.

Владе всмотрелся в карту 1821 года. Бронкс — желтый, Куинс — голубой, Манхэттен — красный, Бруклин — желто-оранжевый. Мэдисон-сквер в 1821 году еще не появилась, но Бродвей уже пересекал в том месте Парк-авеню, а ручей и болото успели осушить. Перекресток был обозначен как какой-то плац, окруженный фортом. До Мета было еще девяносто лет. Великий город, преображающийся сквозь время. Даже поразительно, что все это было нарисовано в 1821 году, когда выше Уолл-стрит еще почти ничего не было. Картография с воображением. Скорее план, чем

карта. Люди видели то, что хотели видеть. Как эти мальчишки.

— Я вам вот что скажу, — начал он. — Если вы не против, я могу поговорить на эту тему с моей давней подругой, Айдельбой. — Он замолчал на секунду-другую, сам боясь того, что предлагал. Они не виделись уже шестнадцать лет. — У нее в Кони-Айленде есть грунтоотвозная баржа. С такими отсасывают песок со старых пляжей и перевозят на сушу. И у нее большие возможности под водой. Может, у меня получится уговорить ее нам помочь. Наверное, чтобы она согласилась, придется ей все рассказать, но я ей доверяю, она сохранит это в тайне. Мы с ней прошли через всякое, так что я в ней уверен. — Хотя он мог рассказать об этом и по-другому. — А потом посмотрим, сможете ли вы там что-нибудь найти так, чтобы не утопиться. Что скажете?

Мальчики и старик какое-то время молча смотрели друг на друга, пока, наконец, Роберто не ответил:

— Да, давайте. Попробуем так.

* * *

Взяв мальчиков с собой на Кони-Айленд, Владе решил поплыть на своем катере, хотя лодка,

принадлежавшая зданию, была немного быстрее — просто ему не хотелось вносить эту поездку в журнал. О своей 18-футовой моторке с алюминиевым корпусом он даже не сразу подумал — ведь всегда плавал либо в самом Мете, либо по связанным с ним делам, а катер простаивал на стропилах в эллинге. Зато каким удовольствием для Владе было сейчас спустить его, сесть за румпель и зажужжать по 23-й в сторону Ист-Ривер, а потом на юг поперек Аппер-Нью-Йорк-Бей. А когда они вышли из загруженных каналов, Владе перешел на максимальную скорость. Брызг у бортов поднималось немного, зато легкие подскакивания над толчеей в гавани усиливали для них ощущение скорости. Настоящая быстроходка! Это было совершенно особое чувство, и мальчики, судя по их лицам, нечасто его испытывали.

Проход через Нарроус, как всегда, приводил в трепет. Даже после подъема уровня моря на пятьдесят футов мост Веррацано тянулся вверху так высоко, что казался неким памятником, сохранившимся от Атлантиды. И нельзя было не думать о том, что творилось в остальном мире. Владе знал, что там что-то да было, но сам никогда не отправлялся в глубину материка — он ни разу не отдалялся от океана дальше чем на пять

миль. Бухта была для него всем, а исполинские артефакты допотопного мира казались чем-то волшебным, словно просуществовавшим с золотой эпохи.

А потом в море. В голубую Атлантику! Волны раскачивали катер, и Владе пришлось сбросить скорость, когда он повернул налево, огибая берег, затянутый теперь белой линией разбивающихся волн. Полчаса они двигались вдоль берега на юго-восток, пока не миновали Бат-Бич, где Владе направил катер строго на юг к Сигейту, району на западной оконечности Кони-Айленда.

Затем они отдалились от Кони-Айленда, полуострова на юге Бруклина в форме головки молотка. Теперь это был усыпанный руинами риф. Они прошли параллельно старому берегу, медленно жужжа на восток и качаясь на волнах. Владе задумался, не восприимчивы ли мальчики к качке, но те стояли в кабине и смотрели по сторонам, явно не чувствуя дискомфорта, который уже слегка ощущал сам Владе.

Руины Кони-Айленда торчали из пены разбивающихся волн — всевозможные обломки и блоки разрушенных зданий, напоминавшие гигантские стеллажи, севшие здесь на мель. Можно было наблюдать, как волна разбивается о первый ряд

квартир и крыш, проходит дальше, разбиваясь еще и теряя мощь, пока не врезается во встречную волну и не превращается в белый пенистый хаос шириной в пару сотен ярдов, который далеко, насколько хватает зрения, тянется на восток. Отсюда береговая линия казалась бесконечной, хотя Владе точно знал, что Кони-Айленд достигал в длину всего четырех миль. Но вдалеке, на юго-востоке, виднелась бурлящая вода у Бризи-Пойнта — она обозначала горизонт, и казалось, до нее было много миль. Это была иллюзия, но все равно расстояние выглядело огромным, словно добираться туда на моторке нужно было весь день и вообще они плыли по бескрайнему простору совершенно гигантской планеты. В конечном счете, подумал Владе, необходимо принять, что иллюзия, в общем-то, верна: мир огромен. Так что, возможно, именно сейчас они видели его как должно.

У мальчиков от восхищения округлились глаза. Владе рассмеялся, когда это увидел.

— Круто здесь оказаться, а?

Они кивнули.

— Вы здесь когда-нибудь были?

Они отрицательно покачали головами.

— А я считал себя тут местным, — сказал Вла-

де. — Ну да ладно. Вон видите ту баржу с буксиром, примерно на полпути к Кони-Айленду? Туда мы и едем. Это моя подруга Айдельба так работает.

— Значит, она примерно половину работы сделала? — спросил Роберто.

— Хороший вопрос. Это ее надо спросить.

Владе приблизился к барже. Та была длинная и высокая, и ее сопровождал буксир, казавшийся маленьким на ее фоне, хотя и был куда крупнее катера Владе. Баржа имела причал, к которому смог подойти Владе, и команда причальщиков взяла фалинь и привязала его к утке.

Владе предупредил о своем визите, при этом нервничая так, как не нервничал много лет, и, конечно, Айдельба была здесь. Она стояла позади причальщиков — темная женщина, марокканка по происхождению, все еще стройная, все еще красивая, даже пугающе красивая. Бывшая жена Владе, тот человек из прошлого, о котором он по-прежнему думал, единственная, кто еще был в живых. Самая дикая, самая умная — та, которую он любил и которую потерял. Его подруга по несчастью, спутница в кошмаре на двоих. Ностальгия, боль по утерянному дому. Боль от того, что случилось.

* * *

Айдельба провела их вверх по металлической лестнице к промежутку в гакаборте. С вершины лестницы можно было оглядеть корпус баржи, и они увидели, что та была примерно на треть заполнена влажным светлым песком. Кое-где там виднелись водоросли и грязь, но по большей части это был чистый песок. Гигантская труба, похожая на пожарный шланг, только в десять раз крупнее и усиленная внутренними обручами, свисала с крана на дальнем конце баржи над открытым корпусом и извергала свежий песок, который напоминал скорее влажный цемент. Из внутренностей баржи исходил глухой скрежет вперемешку с высоким завыванием.

— Мы еще вычерпываем чистый песок, — указала Айдельба. — Баржа почти заполнена, так что скоро мы повезем все это на Оушен-Парквей и высыпем его на новый пляж.

— Кажется, что еще много поместится, — сказал Роберто.

— Много, — ответила Айдельба. — Если бы мы вышли в море, баржа вместила бы больше, а так мы поднимемся по каналам к отметке максимального прилива и вывалим его как можно

дальше, а потом приедут бульдозеры и распределят его, когда будет отлив. Поэтому мы не можем слишком проседать.

— А куда вы его высыпаете? — спросил Владе.

— Сейчас между авеню Джей и Фостер-авеню. Оттуда убрали развалины и выровняли землю бульдозерами. Половина нашего песка останется чуть ниже минимальной отметки, половина чуть выше. По крайней мере, так планируется. Распределить песок и надеяться, что у отметки прилива образуются дюны, а под отметкой отлива — песчаные отмели. Это важно для экосистемы — только так она получает шанс на рост. Это вообще крупный проект — пляжестроение. Перемещение песка — это только его часть. Причем в некотором смысле легкая часть, хотя это не так уж легко.

— А если уровень воды поднимется еще? — спросил Стефан.

Айдельба пожала плечами:

— Наверное, пляж опять перенесут. А может, нет. Пока же мы должны действовать так, будто знаем, что делаем, так?

Владе сощурился на солнце. Он почти забыл манеру Айдельбы говорить.

— А можно нам поехать с вами посмотреть

новый пляж? — спросил Роберто.

— Можно. Потребуется пара часов, чтобы подняться по Оушен-Парквей, а потом еще пара — чтобы разгрузить песок. Наверное, вам лучше поехать за нами на своей лодке, чтобы уехать в любой момент, когда захотите.

— Думаю, мы это сделаем как-нибудь в другой раз, — сказал Владе, — а то не успеем вернуться на Манхэттен к ужину. Поэтому давай мы лучше расскажем, зачем пришли, а потом вы поедете по своим делам, а мы — домой.

Айдельба кивнула. Она по-прежнему не смотрела Владе в глаза. По крайней мере, он ее взгляда не замечал, и от этого ему было грустно.

— Вы должны пообещать, что сохраните секрет, — сказал Роберто.

— Хорошо, — согласилась Айдельба. А потом взглянула на Владе: — Обещаю. Владе знает, что свои обещания я держу.

Владе горько рассмеялся при этих словах, но, когда мальчики встревожились, успокоил их:

— Нет-нет, я смеюсь только потому, что Айдельба меня удивила. Хранить секреты она умеет. Наш секрет она сохранит.

— Тогда ладно, — сказал Роберто. — Мы со Стефаном занимаемся подводными раскопками

в Бронксе и думаем, что нашли… э-э… находку, которую хотим откопать, но мы работаем с водолазным колоколом, а копать под ним не получается. Мы пытались, но не вышло.

— Они чуть не утонули, — вырвалось у Владе.

Ребята печально кивнули.

— С водолазным колоколом? — удивилась Айдельба. — Вы что, шутите?

— Нет, с ним правда классно.

— Правда безумно, вы хотите сказать. Я в шоке, что вы еще живы. Вы сознание не теряли?

— Нет.

— А головные боли были?

— Ну да, немного.

— Не врите. Я тоже занималась этим дерьмом в вашем возрасте, но, когда меня вырубило, поняла, что не стоит. И голова у меня постоянно болела. Наверное, потеряла немало мозговых клеток. Из-за этого, думаю, и стала гулять с Владе.

Ребята не знали, что на это сказать.

Айдельба несколько мгновений пристально их разглядывала.

— Так это в Бронксе, говорите?

Они кивнули.

— Это «Гусар», что ли?

— Что?! — вскричал Роберто и зло посмотрел

на Владе: — Это вы ей сказали!

Владе отрицательно покачал головой, а Айдельба издала короткий резкий смешок.

— Ладно вам, мальчики. В Бронксе только «Гусар» и раскапывают. Вам следовало бы это знать. А как вы определили, где копать?

— У нас есть друг, старик, который его изучал. У него много карт, и он проводил исследования в архивах.

— И ездил в Лондон.

— Да, а вы откуда знаете?

— Потому что они все ездят в Лондон. Я выросла в Куинсе, помните?

— Ну, он туда поехал и читал всякие записи, видел большую карту и все такое. В общем, он нашел место, а мы отправились туда на лодке и нырнули с металлодетектором, «Голфайер Максимус».

— Хороший инструмент, — признала Айдельба.

— Я не знал, что ты в курсе этого, — проговорил Владе.

— Это было еще до нашего знакомства.

— Когда тебе было десять?

— Где-то так. Я играла в межприливье в Куинсе, и мы занимались всем этим, что делают «водяные

крысы». Мы были «мускусными крысами». Я три раза чуть не утонула. Вы, ребята, уже тонули?

Они снова печально кивнули. Владе видел, что они влюбляются в Айдельбу. Он мог наладить с ней связь, и от этого становилось грустнее, чем когда-либо.

— Буквально на той неделе! — уточнил Роберто. — Я застрял под колоколом, но Стефан позвонил Владе, чтобы тот приехал и меня спас.

— Молодец Владе. — По ее лицу пробежала тень, и уже во второй раз Айдельба будто перенеслась куда-то в другое место, и Владе знал, куда именно. Она сделала резкий вдох и сказала: — Значит, вы думаете, что нашли «Гусара».

— Да, у нас был сильный сигнал.

— Показал золото?

— Точно.

— Любопытно. — Она внимательно посмотрела на них, потом снова перевела взгляд на Владе. Он не мог расшифровать выражение ее взгляда, с каким она смотрела на мальчиков, — слишком давно они не виделись. — Что ж, ребята, мне кажется, вы гонитесь за мечтой. Но, черт побери, — мы все так делаем. Это лучше, чем сидеть и ничего не делать. Вот только у меня сейчас нет подходящего снаряжения, чтобы помочь вам там.

Эта баржа слишком большая для вашего задания. С ней мы разнесем ту вашу точку. Вам нужен пинцет, а не подъемный кран, понимаете?

— Вау, — проговорил Стефан.

— Понимаем, — сказал Роберто. — Но должно ведь у вас быть что-то для… ну, мелких работ? Неужели у вас такого не бывает?

— Нет.

— Но вы же понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю. И да, я могу собрать все, что вам нужно. У вас там есть буй?

— Да.

— Подводный?

— Да.

— Хорошо. Значит, я соберу инструменты, мы выедем на вашу точку в ближайшие дни и высосем все, что там есть, максимум за пару часов. И тогда увидим, что там есть. Это будет весело. Только будьте готовы к тому, что разочаруетесь, поняли? Там уже триста лет все разочаровываются, и вы вряд ли окажетесь теми, кто закончит эту полосу. Но мы все высосем и посмотрим, что там есть.

— Вау! — снова воскликнул Стефан. Они с Роберто были совершенно поражены. И как видел Владе, пропустили предостережение о грядущем

разочаровании мимо ушей. И когда окажется, что там ничего нет, будут раздавлены. Но что поделаешь? Айдельба посмотрела на него с легким упреком; сейчас он видел, что она думала о том же, о чем он. Ты обрекаешь их на неудачу, говорил ее взгляд, но что поделаешь. Так оно всегда и случается.

Да, это юность — а они были уже немолоды. Сами же они в юности пережили удар куда более серьезный, чем разочарование от того, что в конце радуги не оказалось горшочка с золотом, — такой удар, что эти мальчики не смогли бы даже представить. И с которым не смогли бы справиться. В общем… с мальчиками все будет хорошо. Со всеми все будет хорошо по сравнению с Владе и Айдельбой. Мальчики даже могли обрести некое успокоение, может быть, и болезненное. Что-то вроде того. Владе тяжело было понять, что думала Айдельба; она была непроницаема, а он был ошеломлен уже потому, что снова ее увидел; он не понимал даже, что чувствовал сам. Словно ему отвесили хорошую пощечину. Ощущение было такое, будто его вынесло на маленькой лодке через Нарроус в Атлантику, только сильнее, страннее.

Г) Амелия

Слониха по имени Топси с Кони-Айленда убила дрессировщика, который жестоко с ней обращался и скормил ей зажженную сигарету, и ее было решено убить. В январе 1903 года Топси казнили электрическим током. Чтобы стать свидетелями казни, в Луна-парке собралось 1500 человек, а Томас Эдисон заснял это и выпустил в том же году фильм «Электрическая казнь слона». Электроды были подсоединены к металлическим ботинкам, привязанным к ее правой передней ноге и левой задней, так, чтобы через ее тело прошло 6600 вольт переменного тока. И сработало.

Амелия, вернув себе контроль над «Искусственной миграцией», следующий день или два занималась тем, что активно ела и успокаивала нервы, оставив включенной только одну камеру и очень мало комментируя, что выглядело более подходящим для кулинарной передачи, чем для шоу о животных. Ее зрители потом обрадуются,

что с ней все хорошо, и посочувствуют такому ее посттравматическому поведению. Внизу до самого горизонта колыхались голубые воды Южной Атлантики, напоминавшие ей оттенком Адриатическое море; это был кобальтовый синий с примесью бирюзового, чуть более голубой, чем обычно бывает океан, и блеск отраженного солнечного света теперь остался позади, на севере. Дирижабль ушел далеко в глубь Южного полушария, а голубое к югу становилось темно-голубым, лишь с белыми пенистыми гребнями. Амелия уже миновала Ревущие Сороковые и вошла в Парящие Пятидесятые. Теперь, если она хотела добраться до моря Уэдделла, а она хотела, нужно было взять на запад и запустить все турбовинтовые двигатели на полную мощность, чтобы в Кричащих Шестидесятых сместиться западнее как можно сильнее. Здесь, южнее кончика Южной Африки, где нескончаемую полосу воды и восточного ветра прерывала лишь Патагония, дирижабль естественным образом сносило в сторону Австралии. С этим приходилось бороться, отчего судно постоянно трясло. Будто они качались на тех волнах, что бушевали внизу. Потому что в воздухе тоже носились волны, и теперь дирижабль был вынужден в них лавировать,

что часто приходится делать всем судам на этой планете.

Команда поддержки до сих пор не сообщила ей конечного пункта назначения для медведей. Амелия поняла, что там возник некий спор между географами и морскими биологами, они не могли прийти к единому мнению, где именно у медведей будет больше шансов выжить. Восточное побережье Антарктического полуострова нагрелось быстрее и потеряло бóльшую часть своего льда, чем любой другой регион материка, но каждую четырехмесячную ночь лед простирался далеко в море Уэдделла, а море Уэдделла практически кишело тюленями Уэдделла.

Все это казалось Амелии логичным и правдоподобным, и она продолжала говорить Франсу, чтобы держал курс в ту сторону. Но некоторые экологи возражали и предлагали ей лететь к Земле Принцессы Астрид, на основной части континента. Там были крутое побережье и крупнейшая в мире колония тюленей Уэдделла, плюс подъем глубинных вод, и все это создавало весьма богатую зону обитания — здесь еще и водилось множество пингвинов. А какое классное у этого места было название!

Третья группа экологов, очевидно, считала, что

медведей следует выпустить на острове Южная Георгия, и Амелия держала курс на юг, так, чтобы этот остров хотя бы был на виду, просто на всякий случай. Там было гораздо теплее, это даже не полярный регион, здесь намного меньше морского льда, поэтому она посчитала, что ученые, выступавшие за этот вариант, в споре уступят. Если они уже решили бросить вызов естественному порядку настолько, чтобы переселить белых медведей в Южное полушарие, то, казалось, их, по крайней мере, следовало высадить в полярном регионе.

* * *

Когда дирижабль пролетел к востоку от Южной Георгии, что заняло целый день, Амелия почувствовала облегчение: не пришлось высаживать на него медведей. Остров был огромным, с крутыми утесами и там, где его не покрывал снег и лед, зеленым или окутанным облаками, создававшими над ним пухлую шапку, напоминавшую Амелии струйные потоки воздуха, бушевавшие над Гималаями. Выглядел остров очень грозно и совершенно не был похож на западный берег Гудзонова залива. Несомненно, куда лучше медведям было бы жить на антарктическом полуострове.

Звери, похоже, успокоились и мирно сидели в

своей зоне. Их побег и остальные приключения, произошедшие с ними, усмирили их и заставили принять свою участь. Некоторые из этих медведей неоднократно нападали на людей в Черчилле и побывали там в медвежьей тюрьме, поэтому вряд ли их беспокоило нынешнее заключение само по себе — скорее волновало ощущение движения дирижабля, несомненно, тревожное для всякого медведя, которому прежде не доводилось летать. Чем бы ни объяснялась их прежняя неугомонность, сейчас они были довольно спокойны. Почти все они проходили перед рентгеновским аппаратом, и по снимкам их скелетов врачи смогли заключить, что переломов у медведей не оказалось. Все шло хорошо.

Через два дня после пролета над Южной Георгией они достигли восточного побережья Антарктического полуострова. Море покрывали отколовшиеся льдины и более высокие обломки ледников, которые часто были кремово-голубого или зеленого оттенка и имели странные плавные формы. И как на морском льду, так и на горизонтальных кусках айсбергов лежали десятки, а то и сотни тюленей Уэдделла. Амелия немного опустила дирижабль, чтобы получше все рассмотреть и поснимать для шоу. Тогда на

льду стали видны следы крови, по большей части плацентарной; многие из самок тюленей Уэдделла, похожие на слизней, выложенных на листе белой бумаги, недавно родили, и их потомство (малое, но не слишком) ютилось рядом с ними и сосало молоко. Это была мирная и, можно даже сказать, буколическая картина.

— Вау, вы только посмотрите, — сказала Амелия своим зрителям. — Полагаю, для этих тюленей станет ударом, когда мы приведем к ним хищников, которых они не знали прежде, но зато медведям, знаете ли, это понравится. Да и тюленей постоянно подъедают косатки и, может быть, тигровые акулы или кто-то вроде того. Ой, простите, морские леопарды. Хм-м, интересно, смогут ли медведи питаться и морскими леопардами? Наверное, будет серьезное противостояние. Думаю, мы это еще узнаем. Мы, как всегда, расставим камеры и будем следить за тем, что происходит. Такое ведь случается впервые в истории! Белые медведи и пингвины в одной среде! Удивительное зрелище, если так подумать.

Когда дирижабль приблизился к берегу, Амелия поинтересовалась вслух, получится ли у них точно сказать, где заканчивается морской лед и начинается снег, лежащий на суше; впереди

все было белым, за исключением нескольких черных скал вдалеке. Но когда они сместились еще на юго-запад, она увидела, что это несложно: вдоль побережья тянулись черные утесы, а снег за ними отличался оттенком, был более кремовым, что ли, и резко восходил к черным скалам, что возвышались на суше. В море лед был изломан, виднелось много расщелин, где плескалась черная вода, — полярные моряки называли такие проходами. И пока они летели над морем, Амелия смотрела вниз и визжала от восторга: там показалась стая косаток, чуть более темных, чем сама вода, с белыми вспышками по бокам, заметными только когда они, изгибаясь, выпрыгивали над поверхностью. Их было много — штук тридцать. Стая.

— Ого! — воскликнула Амелия. — Надеюсь, мы не упадем в воду, ха-ха! Не то чтобы я вообще хотела упасть. Эй, кто-нибудь, какая здесь черная вода! Вы только гляньте! Небо голубое, и я думала, что цвет океана — это просто отражение неба. Но здесь вода черная. Ну совсем черная. Я надеюсь, картинка это передает и вы видите, о чем я говорю. Интересно, чем это объясняется?

Ее редакторы в студии довольно быстро предположили, что вода выглядела такой черной

потому, что дно здесь находилось очень глубоко, даже рядом с берегом; а еще в ней не было ни минералов, ни органических материалов, поэтому можно было смотреть очень глубоко, туда, куда не проникал солнечный свет. Таким образом, с воздуха было видно не что иное, как сама чернота океанских глубин!

— О боже, это та-а-ак трипово! — воскликнула Амелия. Это была одна из ее характерных фразочек, казавшаяся спорной — то ли как приевшееся старомодное клише, то ли как обаятельный амелизм, но, как бы то ни было, Амелия не могла ее удержать — просто говорила то, что чувствовала. Черный океан под голубым небом! Та-а-ак трипово! Они больше не были в Канзасе. И это была еще одна полезная фразочка. Потому что в Канзасе они оказывались крайне редко.

В действительности же это было только начало. Чем ближе они подбирались к самому полуострову, тем более крупным и диким тот оказывался. Утесы и обнаженные пики заметно чернее океана, тогда как снег ослепительно-белый, как безе. Подножье скал покрывала белая филигрань, выглядевшая так, будто там разбились и в тот же миг застыли волны; вероятно, это служило результатом того, что волны выплескивались в

воздух и каждая добавляла тонкий слой воды, позже замерзавшей, к тому, что там уже было, и эти арабески отличались серым оттенком от белого гладкого безе, покрывавшего поверхность над утесами. В глубине суши, может, километрах в десяти — расстояние определить было трудно, — из бело-голубой поверхности торчали черные пики, снег был кремово-белым, ледяные поля — голубыми, изборожденными трещинами. Эти-то голубые участки оказались обнаженными кусками ледников, редких здесь, но все еще огромных по размерам.

Это и был их пункт назначения, сообщили Амелии. Она полетела в глубь материка, чтобы получше рассмотреть черные пики, большей частью погруженные в воду и похожие на размытые пирамиды. В их черных формах имелись горизонтальные полосы красной породы, в которых кое-где виднелись червоточины.

— Черная порода — это базальт, а красная — долерит, — повторила Амелия сообщение своих редакторов. Она сначала слушала их, а потом говорила то же самое, но своими словами, такова была ее обычная манера. — Эти пики — часть хребта Вегенера, названного в честь Альфреда Вегенера, геолога, который указал, что Южная

Америка хорошо сочетается с Западной Африкой, а это позволяло предположить наличие континентального дрейфа. А я всегда замечала это в детстве! Над ним же люди посмеялись, но, когда теория тектонических плит подтвердилась, его реабилитировали. Это было как «Оу! Разуйте глаза, народ!». Вот и я думаю, что иногда стоит обращать внимание на очевидные вещи. Я же постоянно так делаю, верно? Хотя и не знаю, назовут ли потом горный хребет в мою честь.

Земля вздымалась перед ними, будто на черно-белой фотографии какой-то более холодной и колючей планеты.

— Эти пики достигают примерно пяти тысяч футов, и они всего в нескольких милях от берега. Мы надеемся, что наши медведи смогут использовать пещеры в этих долеритовых слоях. Так они будут жить примерно на той же широте, что и в Канаде, а значит, световой цикл особо не изменится. А еще на этом полуострове работают аргентинцы и чилийцы — они пытаются восстановить на вновь открывшихся землях древние буковые леса. Здесь уже есть мхи, лишайники, деревья, насекомые. Плюс, конечно, в море полно тюленей, рыбы, крабов и всяких других. Это очень богатый биом, пусть даже по виду не скажешь. То

есть выглядит он совсем как какая-то пустошь! Вот мне здесь вряд ли хорошо бы жилось! Но вы же понимаете, белые медведи привыкли выживать в полярной среде. Это даже удивительно, если учесть, что они — тоже млекопитающие, как и мы. И кажется, млекопитающие не способны здесь выжить, да?

Редакторы напомнили ей, что тюлени Уэдделла тоже были млекопитающими, и ей пришлось признать, что они правы.

— Хотя млекопитающие способны почти на все, что угодно, это я пытаюсь сказать, — добавила она. — Мы просто удивительны. Давайте всегда будем об этом помнить.

Осмотрев потенциальные зимние берлоги с максимально близкого расстояния, на какое только можно было подойти на дирижабле, Амелия повернула обратно к берегу. Легкий катабатический ветер помогал им спускаться над склоном, и дирижабль покачивался и дрожал на лету. Из гондолы доносился приглушенный рев встревоженных медведей.

— Не волнуйтесь, просто ждите! — крикнула Амелия вдоль коридора. — Еще несколько минут, и мы сядем. И это будет для вас сюрприз!

Совсем скоро дирижабль очутился за береговой

линией, с некоторым дрожанием развернулся против ветра и начал спуск. Местность выглядела многообещающей: открытый проход в морском льду, забитый айсбергами, а за ним еще морской лед и потом, наконец, открытое море, черное как смоль. Морской лед усеивали тюлени Уэдделла, их детеныши, их кровь, моча и экскременты. Между тем из этого льда земля вздымалась не крутыми утесами, а как бугристые холмы, которые давали медведям возможность прятаться, выкапывать берлоги, подкрадываться к тюленям и спать. Все выглядело очень перспективно, по крайней мере для медведей. Для людей же это был самый холодный круг ада.

Она сбавила высоту, выстрелила в снег якоря, похожие на арбалетные стрелы, и с помощью лебедки опускала дирижабль до тех пор, пока гондола не коснулась снега. И теперь час настал. Она проверила ряд камер, чтобы успокоить своих техников, а потом не смогла удержаться от того, чтобы не спрыгнуть на снег. Пару секунд ей казалось, что все не так плохо, но потом холод так глубоко в нее въелся, что она закричала от шока. Глаза наполнились слезами, и те мгновенно застыли на щеках.

— Амелия, тебе нельзя там быть, когда выйдут

медведи.

— Знаю, я просто хотела поснимать снаружи.

— У нас для этого есть дроны.

— А я хотела посмотреть, каково здесь.

— Ладно, но возвращайся внутрь, чтобы мы могли выпустить медведей и поднять тебя обратно в воздух. Для судна опасно стоять привязанным на земле при таком ветре.

Амелия чувствовала, что ветер был не настолько сильным, хотя и такого хватало, чтобы пронизывать ее одежду и вызывать дрожь по всему телу.

— Ну и холодрыга! — воскликнула она, а потом, в угоду зрителям, добавила: — Ладно, ладно, я захожу! Но здесь очень бодряще! Медведям точно понравится!

Затем она взобралась по ступенькам в маленькую предкамеру гондолы, вроде воздушного шлюза, и, немного спотыкаясь, зашла внутрь. Там оказалось очень тепло по сравнению с тем, что снаружи, и это ее взбодрило. Взойдя на мостик, Амелия сообщила об этом своей команде, а потом приникла к окну на той стороне, где находилась дверь, из которой должны были выйти медведи.

— Ладно, я готова, выпускайте их!

— Ты сама управляешь дверью, Амелия.

— А, ну да. Ладно, выпускаю!

И она надавила на двойные кнопки, открывавшие наружные двери медвежьего блока. Судно затрясло теперь не только от ветра, но и от выбегающих из него медведей, и Амелия завизжала.

— А вот и они, как волнующе! Добро пожаловать в Антарктиду!

Огромные белые медведи убежали прочь, уверенные и мощные на вид, желтоватые на фоне снега, с любопытством принюхиваясь к морю. Неподалеку от берега, сразу за узким черным проходом, на морском льду расположилось множество тюленей Уэдделла, среди которых было немало кормящих самок с детенышами. Будто гигантские слизни с кошачьими мордами. Даже пугающие на вид. Но медведей они не испугались — с чего им было их бояться? С одной стороны, медведи теперь были почти незаметны — даже Амелия видела их только мельком. С другой — тюлени никогда не видели белых медведей и даже не подозревали об их существовании.

— Юху, я их уже и не вижу. Ой, божечки, эти тюлени в беде! Видимо, динамику популяций здесь еще здорово потрясет! Но вы знаете, как это происходит: колебание числа хищников и жертв имеет весьма четкую направленность.

Количество хищников скачет вверх-вниз вслед за добычей, выражаясь на графике в виде синусоиды. А тюленей, как мне кажется, здесь миллионы. Судя по всему, жизнь в Антарктическом прибрежном биоме процветает. И медведи, надеюсь, от этого выиграют и присоединятся к другим высшим хищникам в этой счастливой гармонии, в этом круге жизни. Пока же давайте наберем немного высоты и попробуем что-нибудь рассмотреть.

Она нажала на кнопку отцепления анкеров, и те взорвались, освободив дирижабль. «Искусственная миграция» взмахнула вверх, накренившись на ветру и быстро вырвавшись к морю. Амелия развернула судно против ветра и выглянула вниз. Белое побережье, черно-белые проходы, белый морской лед, черная открытая вода — все ярко блестело в свете низкого солнца. Расплывчатый горизонт, над ним — белое небо, в зените — молочно-голубое. Шесть медведей совершенно невидимы.

Конечно, к каждому прикрепили радиопередатчик и несколько мини-камер, и зрители Амелии могли увидеть, как звери зажили своими новыми жизнями. Их ждало включение в число множества других животных, которых

она переселила в биомы, где им было лучше. В облаке существовал сопутствующий ресурс — «Животные Амелии», он пользовался большой популярностью. Ей самой было любопытно, как у них сложится жизнь.

* * *

Она летела домой и уже почти достигла экватора, когда на экране у нее возникла Николь. Вид у нее был расстроенный.

— В чем дело? — спросила Амелия.

— У тебя видео с медвежьих камер включено?

— Нет, а что? — Она включила, но там ничего не было. — Погоди, что случилось?

— Мы не уверены, но вроде бы они отключились все одновременно. А на некоторых было видно что-то, похожее на взрыв. Вот.

Она что-то нажала, и Амелия увидела Антарктический полуостров и морской лед — а потом яркий белый свет и больше ничего.

— Подожди, что это было? Что это было?

— Мы точно не знаем. Но сейчас приходят сообщения, что это было что-то вроде… какого-то взрыва. Есть даже канал от кого-то… ООН? Бюро атомных ученых?.. Может, израильская разведка? Короче, в облако выпустили заявление от какой-

то Лиги защиты Антарктики, которая взяла на себя ответственность за это. А, вот оно. Какой-то небольшой ядерный инцидент. Что-то вроде маленькой нейтронной бомбы, так они говорят.

— Что? — вскричала Амелия. Она невольно уселась на пол на мостике. — Какого черта? Они что, взорвали моих медведей?

— Возможно. Слушай, мы считаем, что тебе лучше сесть в ближайшем городе. Это похоже на новый уровень протеста. Если это кто-то из зеленых, они могут преследовать и тебя.

— На хрен их! — крикнула Амелия и ударила ногой по стоявшему рядом столу, а потом заплакала. — Я им не верю!

Николь не отвечала, и Амелия вдруг поняла, что их разговор вещался зрителям. Она выругалась и, не обращая внимания на возражения продюсера, оборвала связь. А потом села и разрыдалась.

* * *

На следующий день Амелия встала перед одной из своих камер и включила ее. Она не спала всю ночь, а в какой-то момент после восхода, показавшегося ей атомным взрывом на восточном горизонте, решила, что хочет обратиться к

своей аудитории. За завтраком она все обдумала и теперь чувствовала себя готовой. Никакой связи со студией — ей не хотелось общаться с редакторами.

— Итак, — произнесла она на камеру, — сейчас происходит шестое массовое вымирание в истории Земли. Мы сами стали его причиной. Пятьдесят тысяч видов исчезли, и мы сейчас рискуем потерять большинство земноводных и млекопитающих и всех птиц, рыб и пресмыкающихся. С насекомыми и растениями дела обстоят лучше только потому, что их уничтожить сложнее. Это катастрофа, просто позорная катастрофа.

Поэтому мы должны позаботиться о здоровье нашего мира. У нас плохо получается, но мы обязаны это сделать. Это займет больше времени, чем мы проживем. Но это единственный путь. Именно этим я и занимаюсь. Знаю, моя передача — лишь малая часть процесса. Знаю, это просто глупое облачное шоу. Я это знаю. Я знаю даже то, что мои собственные продюсеры вовлекают меня в эти мелкие псевдочрезвычайные ситуации, которые придумывают, считая, что это повышает наши рейтинги, а я мирюсь с этим, потому что думаю, что может быть полезно, пусть даже

иногда пугает меня до смерти и иногда бывает позорным. Но пока это заставляет людей задумываться об этих проектах, оно помогает делу. Это часть чего-то большего, что нам необходимо сделать. Вот что я об этом думаю, и я готова на что угодно, чтобы у нас получилось. Я готова висеть голой, если надо, головой вниз над водой, полной голодных акул, и вы знаете, это правда, потому что такое уже было в одном из самых популярных моих эпизодов. Может, оно и глупо, что все должно быть так, может, я и сама глупая, раз это делаю, но главное — это заставляет людей обращать внимание, а потом действовать.

Так, смотрите. Сейчас у нас хаос. Генетически модифицированные продукты выращивают органическим способом. Животные из Европы спасают ситуацию в Японии. Существуют помеси всех возможных видов. Это мир полукровок. Мы смешиваем все подряд уже тысячи лет — травим одних и кормим других, перемещаем все повсюду. Мы занимаемся этим с тех пор, как люди покинули Африку. И когда это тревожит людей, когда они начинают настаивать на чистоте какого-нибудь отдельного места или момента во времени, это сводит меня с ума. Я этого не выношу. Наш мир — мир полукровок, и к какому моменту вы

ни привяжетесь — это будет просто один момент. Это бред — хвататься за него и говорить, что этот момент чистый и священный и нельзя пытаться что-то изменить.

И знаете что? Я встречалась кое с кем из этих людей — они приходят на мои встречи и бросают в меня что-нибудь. Яйца, помидоры… камни. Кричат ужасные злые слова. И пишут даже еще худшие из своих нор. Я наблюдала за ними и слушала. У них больше денег и времени, чем им на самом деле нужно, и поэтому они сходят с ума. И думают, что все остальные не правы, потому что не так чисты, как они. А они просто сдвинутые. И я их ненавижу. Ненавижу их самоуверенность в этой так называемой чистоте. Я лично видела, насколько они самоуверенны. Они очень самоуверенны. А я ненавижу самоуверенность. Ненавижу чистоту. Никакой чистоты нет и быть не может. Это просто идея в головах религиозных фанатиков, людей, которые убивают, потому что они якобы такие хорошие и праведные. Их я тоже ненавижу. Если кто-то из них слушает меня сейчас, то идите вы куда подальше. Я вас ненавижу.

И вот сейчас появилась эта группа, которая заявляет, что отстаивает чистоту Антарктиды. Последнее чистое место, как они его называют.

Главный в мире национальный парк, говорят они. Но нет. Это все не так. Это маленький круглый материк на Южном полюсе. Он, конечно, ничего, но ничем не чище и не священнее, чем любое другое место. Это только у кого-то в головах. Антарктида — просто одна из частей света. Когда-то там были буковые леса, динозавры и папоротники, там были дикие джунгли. И когда-нибудь они появятся там снова. Между тем, если тот материк может послужить домом для белых медведей, спасет их от вымирания, пусть он им и станет.

И да, я ненавижу этих убийц медведей. Надеюсь, их поймают и посадят за решетку, а потом заставят восстанавливать какую-либо местность до конца своих дней. И если люди посчитают нужным, я перевезу еще белых медведей. Только на этот раз мы их защитим. Никто не доведет их до вымирания только из-за бредовых идей о чертовой чистоте. Это неправильно. Пошли они в задницу со своей чистотой! Медведи важнее всех этих чокнутых идей.

Д) Гражданин

Languidezza per il caldo (вяло, из-за жары)

Из инструкции Вивальди к концерту «Лето» серии «Времена года»

Зима приходит из Арктики и обрушивается на Нью-Йорк, и он внезапно становится похожим на Варшаву, Москву или Новосибирск, с небоскребами в стиле социалистического реализма, мрачными и напыщенными, возвышавшимися на фоне непогоды, как колонны между землей и быстрыми низкими облаками. И этот серый потолок ползет на юг, плюясь крупой, которая пробивается сквозь более медленные снежинки, что кружат и тают у вас на очках, как бы низко вы ни натянули шляпу. Если, конечно, она у вас есть; многие ньюйоркцы не носят их даже в бурю, оставаясь полностью в черном, как менеджеры, бариста или простые американцы, но они всегда в костюмах. Каждый из жителей Нью-Йорка играет свою роль, защищаясь от бури лишь длинным шерстяным пальто или кожаной курткой без утеплителя, причем многие крепкие

пацаны и девчонки так и остаются в голубых джинсах — самом бесполезном подобии одежды, которая годилась только для того, чтобы принимать ценимую столь многими позу курильщика. Да, для ньюйоркцев одежда в большей степени, чем для других, имеет семиотическое значение, выражающее твердость, презрение, элегантность или равнодушие, и все это придает им особый нью-йоркский вид, так что они частенько умирают у дверей, пытаясь вынуть ключи из карманов; да, весной, когда тают сугробы, обнаруживается немало трупов ньюйоркцев, и у всех такой всполошенный и возмущенный вид, будто они спрашивают: «Как так, неужели такое возможно?»

Некоторые, несмотря на свои придурковатые наряды, переживают бури. Такие передвигаются по городу, засунув руки в карманы, потому что носить перчатки удосуживается лишь тот, кто работает на улице. Они пригибают свои непокрытые головы и спешат из одного здания в другое, охотясь за ирландским кофе, чтобы оживить свои пальцы и разогреться достаточно, чтобы перестать дрожать и набраться сил для дороги домой. Можно взять такси, но они, конечно, этого не делают: такси для туристов, тупых менеджеров

или тех, кто конкретно напутал что-то в своем графике.

Гудзон в эти непогожие дни весь серый и изрезан пенистыми гребнями волн. И таким он останется, пока не замерзнет, под низкими облаками на угольном небе, подчеркнутом белыми снежинками, что кружатся перед каждым окном, а потом падают на улицы и сиюминутно тают. Выглянув из окна над шипящей батареей, сквозь решетки пожарных лестниц, можно увидеть крышки мусорных баков, которые белеют первыми, и улицы еще какое-то время просто усеяны белыми квадратиками или кружками; затем снег охлаждает землю настолько, что перестает таять, и все плоские поверхности быстро обращаются в белое. Город становится кружевом из вертикальных черных и горизонтальных белых линий, переплетенных вместе, баухаусовской[78] абстракцией самого себя, красивым, даже несмотря на то, что люди никогда не поднимали на эту красоту взгляда и одевались так нелепо, словно желали, чтобы каждая прогулка в магазин на углу

[78] Примечания: 78

Баухаус — высшая школа строительства и конструирования, существовавшая в Германии в 1919–1933 гг., и сформировавшееся в ней художественное объединение, оказавшее значительное влияние на архитектуру и искусство XX века.

становилась худшим путешествием в истории, но это удавалось лишь последним сумасбродам и неудачникам.

Потом, после бурь, в серебряном блеске поздней зимы, холод может заморозить все вокруг, превратив каналы и реки в большие белые полотна, а сам город — в ледяное изваяние самого себя. Затем неизбежно волшебная прохлада отступает, и внезапно приходит весна: все черные деревья обрастают зеленью, воздух становится чистым и вкусным, как вода. Вы пьете воздух, как воду, завороженно наблюдаете за этой зеленью; это может продлиться примерно неделю, а потом вас раздавит потрясающее лето с его резкими запахами и теплыми каналами, пахнущими, будто суп из сбитых на дороге животных. Вот почему жить на полпути между экватором и полюсом в восточной части крупного материка так хорошо — вы имеете максимально разнообразную погоду, всевозможную дрянь день за днем. Здесь и холод, как возле полюса, и жара, как в тропиках. В каждом глотке воды — холера, в каждой царапине — гангрена, и москиты пищат, будто крошечные дроны, созданные неким злобным гением, решившим стереть человеческую расу с лица земли. Вы молите зиму вернуться, но она

не слушает.

Потом наступают дни, когда грозовые фронты, тяжелые, как свинец, вырастают до того, что даже сверхнебоскребы кажутся маленькими, и из днищ этих семидесятитысячефутовых громадин выпадают дождевые капли, здоровенные, как обеденные тарелки, и по поверхностям каналов расходится рябь, воздух охлаждается, и все снова возвращается к обычной зловонной сырости, нелепой, преступной сырости, а воздух становится таким горячим, что асфальт плавится и потоки тепла восходят по всему городу, будто дым над барбекю.

Потом наступает сентябрь, и солнце смещается к югу. Да, осень в Нью-Йорке — прекрасная песнь города и прекрасное время года. Не просто облегчение после безумных крайностей зимы или лета, но и этот яркий косой свет, и ощущение, что в определенные моменты этот свет пронизывает все вокруг… Вы думали, будто сидите в гостиной, а потом ни с того ни с сего вам между зданиями открывается вид на реку, на пестрое небо над головой, и вы вдруг поражаетесь, осознавая, что живете у планеты на боку, что великий город — это еще и великая бухта великого мира. В те золотые мгновения даже самый трезвомыслящий

гражданин, самый приземленный городской обитатель, который, быть может, останавливается только перед светофором, окажется пронизанным этим светом, глубоко вдохнет воздух, увидит пейзаж так, будто в первый раз, и прочувствует быстро, но глубоко, что это значит — жить в таком странном и в то же время великолепном месте.

Е) Инспектор Джен

К этому нужно было сначала привыкнуть, но теперь я нигде не ощущаю себя свободнее, чем в Нью-Йорке посреди толпы. Здесь никогда не почувствуешь себя раздавленным, но испытать муки одиночества можешь.

Жан Поль Сартр

Бывало, Джен задумывалась о мотивах, которые, как ей казалось, она видела: не вынуждают ли ее эти мотивы посылать своих людей на задания и самим создавать эти самые мотивы. Возможно, здесь снова дедукция противопоставлялась индукции. Было так трудно сказать, чем занималась Джен, что она часто путала эти два понятия. Идея к улике, идея к идее — какая разница. Бывало, Клэр возвращалась со своих ночных занятий по диалектике, и то, о чем она говорила, было очень похоже на суждения Джен. Но Клэр также жаловалась, что одна из диалектических черт диалектики заключалась в том, что она, эта черта, никогда не могла быть закреплена одним определением. Как сигнал светофора: когда вы

останавливаетесь, он предлагает идти; когда идете — требует притормозить и остановиться, но только на какое-то время, после чего снова предложит идти. Однако вам вообще не положено ориентироваться на светофоры — нужно смотреть шире и пытаться находить обходные пути. И при этом попадать туда, куда нужно.

Джен ломала голову, размышляя обо всем этом, пока шла по крытым переходам над затопленным городом, от одной станции к другой, от одной проблемы к другой. Сегодня она решила поискать новый кратчайший путь — из своего офиса в приемную мэра в небоскребе на Колумбус-Сёркл. Она шагала по прозрачным трубам, пересекая графеновые пролеты, то слоном, то конем по трехмерной доске. Совершая диалектическое продвижение над каналами Нижнего Манхэттена, это утро выглядело серым и неподвижным под низким потолком из облаков. Начало декабря, наконец холодало. На Восьмой авеню она спустилась на землю и пошла в гору по людным тротуарам, что вели от зоны межприливья на север. Мэр Эстабан проводила какую-то церемонию для других мэров, приехавших из удаленных от моря городов, и инспектор Джен решила помахать там флагом полиции Нью-Йорка.

Сама Джен к этой тусовке не принадлежала. Она бы скорее общалась под водой с Элли и ее компанией, честно и открыто обмениваясь мнениями с обычными «водяными крысами» и игнорируя различные непотребства, творящиеся по углам. Но политики и бюрократы, в верхушке иерархии аптауна, заставляли ее всегда быть настороже. И утомляли ее. Она также знала, что многие из них были преступниками куда большего масштаба, чем ее подводные знакомые, и в случаях с некоторыми у нее имелись даже доказательства нарушений ими закона, которые она хранила, чтобы воспользоваться в подходящий момент. Здесь она рассуждала так же, как о подводном мире: нынешние люди были лучше тех, кто мог прийти на их места. Или же она просто ждала момента, когда это принесет максимальный эффект. Это ожидание всегда тревожило, потому что она понимала, что принимает субъективные решения, которые ей принимать не положено. По сути, не пуская в ход то, что имела, она сама становилась частью порочной системы, с ее непотизмом и коррупцией. И это происходило постоянно. Если она чувствовала, что человек наносит лишь малый вред, то, прижав его к стенке, можно только ухуд-

шить ситуацию в Нижнем Манхэттене, поэтому она прятала доказательства в карман и ждала лучшего времени. Казалось, что так лучше всего. Иногда она замечала в делах признаки того, что таким образом нью-йоркская полиция поступала и прежде, задолго до ее рождения. Полиция Нью-Йорка, великий арбитр. Потому что закон — это очень человечное понятие, с какой стороны на него ни взгляни.

Итак, Джен была одним из наиболее выдающихся инспекторов города, известной в даунтауне и в тех частях облака, которые интересовались работой полиции. Пожимала руки и общалась с мэром, уже давно смирившись с этой стороной своей работы. Также она усовершенствовала свой метод решать задачи, и он, по сути, заключался в том, чтобы просто разыгрывать фильм-нуар. Внимательно разглядывать людей, сохранять каменное лицо. Эта привычка в сочетании с ее ростом, шесть и два[79] в туфлях с самыми толстыми подошвами, давала ей все, что нужно, чтобы стоять на своем. А иногда, что она была только рада отметить, ей удавалось даже больше — она могла еще и стращать. И при случае играла эту

---

[79] Примечания: 79

6 футов 2 дюйма соответствуют 188 см.

роль весьма усердно. Высокая, крепкая, строгая темнокожая женщина-полицейский, настоящая Октавиасдоттир. С другой стороны, это был Нью-Йорк, где свои роли усердно играли все и многие также считали себя героями нуара. По крайней мере, создавалось такое впечатление. Нью-Йоркский нуар, классика. Осторожно, детка!

Мэр занимала почти всю новую высотку к северу от Колумбус-Сёркл, за собственные средства сделав из нее не только официальную резиденцию для приемов, но и личное жилье. Так что теперь Джен поднималась по широкой лестнице к мезонину медленно, будто патрульный с ищейками. По пути она коротко здоровалась со знакомыми и кивала людям, которые обслуживали мероприятие. Затем встала возле двери, прислонившись к стене, потягивая невкусный кофе и глядя куда-то вдаль, словно была готова вот-вот уснуть на ногах. И простояв так немного, чуть не уснула на самом деле. Когда мэр вошла в зал вместе со своей свитой, Джен, не сдвинувшись с места, наблюдала, как толпа собралась вокруг нее, а потом рассеялась, чтобы мэр смогла совершить свой обход. Похоже, среди присутствующих был и Арне, глава «Морнингсайд Риэлти», серьезная шишка. Болтал с группой из кластера

Клойстер. А люди из Денвера, казалось, чувствовали себя не в своей тарелке.

Галина Эстабан, как всегда, излучала харизму. К своим сорока пяти она побывала и облачной звездой, и губернатором штата Нью-Йорк. Джен она чем-то напоминала Амелию Блэк — наверное, своей легко добытой славой. Она была будто старшая латиноамериканская сестра Амелии, которая получала высокие отметки и любила учиться. Пять футов пять дюймов[80], и то на каблуках, вьющиеся каштановые волосы, широкое сияющее лицо. Красивая, то ли как коренная американка, то ли как метиска. Глаза будто лампы. Легкая улыбка, глядя на которую не верилось, что та адресована вам.

Увидев Джен, она тут же направилась к ней, к самому любимому человеку в помещении или даже к самому важному. Джен едва сдержала улыбку, заметив, что Галина Эстабан действительно уделывала всех в своем умении делать людям приятное. Если вы улыбаетесь и киваете ее напыщенным речам, вы становитесь соучастником ее популярности. Однако в этом случае Джен знала, что все это было всего лишь игрой.

---

[80] Примечания: 80
165 см.

Джен однажды посадила за решетку одного из любимых помощников Эстабан, который брал откаты от застройщика аптауна, и было довольно очевидно, что Эстабан не могла об этом не знать. Галине не хотелось мириться со столь поспешным уходом этого помощника, и она подло попыталась отыграться на людях, которые поддерживали Джен в управлении полиции, а потом провела несколько ударов по их облачной инфраструктуре, что было действительно подлой местью — ведь полиция Нью-Йорка понесла материальный ущерб. В итоге они друг друга возненавидели. Но Нью-Йорк должен произвести потрясающее впечатление на представителей Денвера, и следовало соблюдать приличия, не то облако быстро наполнилось бы туманом из таких вызывающих домыслов, что после этого им не видать своих должностей. Поэтому они вели себя мило.

— Я не знала, что вы будете здесь, — сказала Эстабан.

— Ваши люди попросили меня прийти.

— И с каких пор это стало иметь для вас значение?

— О чем это вы? Я всегда прихожу, когда меня зовут.

Эстабан весело рассмеялась. Со стороны это выглядело, будто они получают удовольствие от общения друг с другом.

— Сомневаюсь, что вас кто-нибудь звал. Ну действительно, с какой стати?

— Ну, раз уж вы спросили… Я слышала, что в межприливье сейчас что-то творится. Незатребованные предложения выкупа зданий вперемешку с угрозами и актами саботажа. И какие-то махинации с тамошними жителями. Вот я и подумала, что стоит узнать, не слышали ли ваши сотрудники что-нибудь по этому поводу. Ведь обычно вы держите руку на пульсе города, а тут уже люди начинают беспокоиться.

Мэр повернулась к Танганьике Джону, одному из своих приспешников, который полминуты назад подошел к ним:

— Ты в курсе этого?

— Нет. — Джон пожал плечами.

Если бы что-то и знали, все равно бы не сказали. Джен привыкла, что ей ставили препятствия и эти люди, и другие; в некоторых случаях она могла немного надавить, но сейчас не время для этого. Эстабан раздула вокруг себя такой пузырь веселья и хорошего настроения, что протыкать его было бы невежливо, особенно на виду у пред-

ставителей Денвера. Джен пожала плечами, посмотрев на Джона так, чтобы показать взглядом, что и не ожидала добиться от него помощи.

— Возможно, это заметно только под водой, — проговорила она. — Или в статистике по городу. Я свяжусь со своими людьми, которые занимаются продажей недвижимости, и спрошу, не заметили ли они чего.

— Хорошая мысль. В остальном все нормально?

— Не совсем. Сами знаете, как это бывает. Когда вокруг недвижимости появляются волнения, то и люди начинают впадать в тревогу.

— То есть мы постоянно в тревоге, верно?

— Пожалуй, так.

— Но в этот раз по-другому, вы хотите сказать?

— Похоже, происходит что-то новое.

Джен пристально посмотрела на мэра. В этом также состоял их конфликт — каждая считала, что лучше чувствует пульс города. И они спорили, под чьим углом зрения видно больше. Победить в этом споре было совершенно невозможно, даже если бы они сели и сравнили свои данные, чего бы они никогда не стали делать. Официальный диспут с беспристрастным судейством — нет, ни за что на свете! Таким образом, это противо-

стояние влияло только на их взаимоотношения, вовсе не редкость среди ньюйоркцев: «Я знаю больше тебя, я обладаю тайным знанием, ключом к жизни города». Победить здесь не мог никто, равно как и проиграть, вот они и стояли каждая на своем.

Так и вела себя сейчас Джен, надеясь, что Клэр расставила в офисе мэра «жучки» и наблюдала за приспешниками Галины. Некоторых из этих людей действительно хотелось бы отследить после приема и узнать, не приведет ли появление инспектора полиции к тому, чтобы кто-нибудь из приспешников мэра сделал ход. Может быть, кто-то решит выйти и позвонить, кому-то что-то подсказать, предупредить… Джен следовало надеяться на такой ход, иначе получится, что она выдала себя зря, только насторожив тех, кто заинтересован в захвате недвижимости. Но нужно было сделать ставку, чтобы начать игру.

И ей оставалось попробовать кое-что еще. Недавно Олмстид обнаружила связь между мэром и Арне Блейхом, владельцем «Морнингсайд Риэлти», который стоял сейчас в другой части зала.

— Так вы работаете с Арне Блейхом над проектами в даунтауне?

Эстабан сощурилась, обдумывая одновременно

и вопрос, и сам факт того, что Джен решила его задать. Ей это определенно не понравилось.

— Вы имеете в виду меня лично?

— Разумеется.

— Нет. — Сейчас улыбка мэра явно посылала ее куда подальше. — Простите, мне нужно поздороваться с остальными гостями, я отойду.

— Конечно. Я займусь тем же.

После этого оставалось какое-то время побыть еще на виду, постоять с вежливо-зловещим видом, а потом незаметно удалиться. Затем в дело должна была вступить группа Клэр. Это мало чем отличалось от их визита к Элли. Просто внезапно заявиться и посмотреть, не попытается ли кто сбежать. Джен сама следила за прихвостнями мэра — те были заметно привязаны к настроению Эстабан и сейчас выглядели немного испуганными и старались избегать взглядов Джен. С внезапной летемовской[81] ясностью, словно рентгеновским зрением, Джен увидела всю городскую власть, все трепещущие силовые поля, которые, будто магнитные линии, исходили от мэра. Джен разбила стекло над неким психологическим сигналом тревоги, и теперь тот вовсю звенел.

---

[81] Примечания: 81

Ссылка на американского писателя-фантаста Джонатана Летема (р. 1964).

Когда она, наконец, решила уйти, было уже поздно. Она вызвала патрульную лодку к плавучему причалу на Восьмой авеню между 35-й и 37-й улицами. Вернувшись в свою квартиру в Мете, Джен переоделась и спустилась в подвал к Владе. Позвонила ему в дверь, но никто не ответил, и она поднялась на один пролет к лодочному офису — управляющий оказался там. Джен подумала, что в офисе он проводил гораздо больше времени, чем у себя, куда, по сути, спускался только поспать. Прямо как она. Жил в рабочем кабинете.

— Как продвигается дело? — спросил он.

— Неплохо. Все еще вынюхиваю, что же здесь случилось. У вас ничего нового?

— Да не знаю. Генератор не запускается, а канализация недавно засорялась. Если бы на этом все закончилось, я бы ничего такого не подумал, а так даже не знаю.

Он посмотрел на подвешенные высоко в эллинге лодки и мрачно сдвинул брови. Массивные плечи опустились. Он все понимал. И разумеется, если люди, сделавшие предложение по зданию, каким-либо образом подкупили его или как-то иначе подчинили себе, он не мог рассчитывать, что они сдержат перед ними свое слово, когда

всем тут завладеют. Скорее всего, новый собственник наймет другого управляющего, и в этом случае Владе потеряет работу. А это для него, как казалось Джен, станет настоящей трагедией. Здание было ему всем — его жизнью и кровом. В его интересах сделать что-нибудь, от чего здание выглядело бы хуже в глазах тех, кто заинтересован в покупке здания. Но мелочами этого было не добиться.

— Так, значит, с большинством этих проблем вы уже сталкивались ранее?

— Да, конечно. Со всем, кроме пропавших людей и камер, которые отключились ровно в тот момент, когда это случилось. Это было в самом деле странно. И еще, — он нахмурился, — я никогда раньше не видел таких протечек, какие нашел в прошлом месяце. Они не случайны. Так что видите, мне кажется, что здесь есть какая-то связь.

— Мне так кажется всегда. Слушайте, а вы дадите мне дела всех ваших сотрудников, включая их рекомендации, с которыми их вы сюда принимали?

— Да, мне и самому это любопытно.

Джен положила ему на стол свой планшет, и он передал на него нужные файлы.

Когда передача почти завершилась, в дверь

заглянул какой-то парень:

— А вы можете спустить мой зуммер, очень срочно, пожалуйста?

Шесть футов один дюйм[82], светло-русые волосы, довольно симпатичный, как модель из каталога дешевой мужской одежды. Брови сдвинуты, пока он излагал свою просьбу Владе. Ловкий, быстрый, нервный. Самоуверенный, но, возможно, и немного раздражительный.

— Сейчас, — тяжело отозвался Владе, переключая что-то на панели управления эллингом.

Маленькая моторка с гидрокрыльями спустилась со стропил, и молодой человек, бросив через плечо «спасибо», поспешил к ней.

— Один из ваших любимых жильцов, — предположила Джен.

Владе улыбнулся:

— Иногда он бывает тем еще придурком. Нетерпеливый юнец, вот он кто.

* * *

После этого Джен оставалось либо идти в столовую, либо к себе, либо продолжить работу. И она продолжила работу. Пошла к причалу рядом

---

[82] Примечания: 82
185 см.

с Флэтайроном и отправилась на Пятую Южную, к бачино Вашингтон-сквер, где, как она знала, Общество взаимопомощи Нижнего Манхэттена проводило свое ежемесячное собрание. Там обычно присутствовали многие управляющие и различные заинтересованные представители зданий и организаций, благодаря которым в Овне бурлила жизнь.

Местом собрания служила большая терраса на крыше, которую для этого предоставлял Нью-Йоркский университет. Само заседание представляло собой нечто вроде коктейлей перед вечерними мероприятиями. Джен — человек известный, и поздороваться с ней подходили многие друзья и знакомые, хотя она уже давно здесь не бывала. Она держалась со всеми дружелюбно, но сама выискивала особых друзей, управляющих и специалистов по безопасности, которых она называла своими Нерегулярными войсками бачино. Это были Клиффорд Сэмпсон, старый друг ее отца из Вулворт-билдинг; Бао Ли из охранной спецгруппы в Китайском квартале; Алехандра из Ассоциации бачино Джеймса Уокера. Всех их она хорошо знала, каждому могла бросить особый взгляд, чтобы те отошли с ней в сторонку и ответили на ее вопросы. Она быстро

их опросила: встречались ли где-нибудь случаи саботажа? Были ли незапрошенные предложения о выкупе коммунальных зданий? Замечали ли они что-то необычное в своих работниках, может, кто-то внезапно исчез или влез в систему безопасности?

— Да, — отвечали все. — Да, да и еще раз да. Прямо у меня в подвале. Проверяют на герметичность. Камеры ничего не замечают. Вам нужно поговорить с Йоханном, вам нужно поговорить с Луизой. Как ужасно циничны те, кто делает все эти вещи! Чертова джентрификация![83] Чертовы мерзавцы просто хотят заполучить наше добро. А у нас тут «Новая Венеция», и им не терпится сюда влезть. Но мы будем держаться вместе и своего не отдадим. Так что пора и полиции Нью-Йорка показать, на чьей она стороне.

— Я знаю, — снова и снова повторяла Джен. — Я знаю. Полиция Нью-Йорка на стороне города, и вы это знаете. Никому в полиции не нравятся эти аптаунские уроды. Аптаун — это аптаун, даунтаун — это даунтаун. Нужно соблюдать баланс. Закон превыше всего. Мне нужно, чтобы вы, Нерегулярные войска бачино, пошли в бой.

---

[83] Примечания: 83

Возрождение пришедших в упадок кварталов города посредством привлечения туда более состоятельных людей.

Она сказала все это группе старых друзей, которые знали ее по «Мезззроуз» и Хобокену, — старой гвардии, детям тяжелых лет, наступивших после того, как все разрушил Второй толчок. Людям, которым платили едой и блокжерельями. Людям, которых с их зданиями связывали и деньги, и любовь. Они сидели в углу и были рады тому, что она собрала их вместе. Пили пиво и обменивались историями. На следующих заседаниях, как всегда, будут много спорить. Все будут жаловаться, кричать, требовать голосования по тому или иному вопросу. Безумный кавардак межприливной жизни. И в этом безумии они действовали как сплоченная команда. В бачино Вашингтон-сквер проходило, наверное, порядка двадцати подобных встреч, где они готовились к общим собраниям или просто выпускали пар среди тех, кому доверяли.

— Нам всем понадобятся Нерегулярные войска бачино, — сказала она им. — По этому делу у меня сейчас работает оперативная группа, а мое собственное здание, здание моих родителей, сейчас имеет те же проблемы, что и вы. Так что начинайте искать и дайте мне знать, если что-то выясните.

— Что искать? — спросили они. — Есть навод-

ки, какие-нибудь подсказки?

— Узнайте, не всплывет ли где-то «Морнингсайд Риэлти», — предложила она. — Это через них предложили выкупить Мет. Если у них есть еще подобные сделки, мне хотелось бы об этом знать. Это могло бы связать вместе все нити. А также «Пинчер Пинкертон». Приглядите за ними, там сейчас проблемы.

Она пробыла на собрании еще какое-то время, но ее быстро одолела усталость. Не зря же эту организацию называли Овном. Здесь каждому полагалось высказаться, и это было правильно, но, черт возьми, сколько можно это продолжать! Джен понимала, почему Владе и Шарлотт редко сюда ходили. Конец дня, руководство целой сырой зоной из зала заседаний, правила регламента Роберта[84] или что угодно еще — это сущее мучение.

Однако альтернатива была еще хуже. Поэтому они, упрямцы и любители поспорить, чинно и добросовестно продолжали собираться и что-то делать. Держались вместе или держались раздельно. Великая американская реализация. Как

[84] Примечания: 84

«Правила регламента Роберта» — книга Генри Мартина Роберта, которая считается самым популярным в США сводом правил регламента, используемых при проведении различных общественных собраний.

у Бена Франклина, заметил ей недавно Франклин Гэрр.

Когда собрание наконец закончилось, она встала. Ее окружили люди, многих из них она не знала. Они были рады, что она здесь. Они ничем не отличались от подводных жителей, а ей было приятно проявлять свою силу и уделять этим людям внимание. Пусть даже перед этим она засыпала на стуле.

Теперь они захотели с ней танцевать.

— О боже, — запротестовала она.

Но они потащили ее за собой туда, где панк-пауэр-группа с кучей вокалистов исполняла «Героин» Лу Рида в такой манере, будто это был национальный гимн, что здесь вполне могло оказаться правдой. Джен хотелось возразить, что воспеваемый наркотик скорее приводит к плавным движениям, чем к этому вкрадчивому стилю, в котором они двигались, но что она могла об этом знать? Они заставили ее, и она поддалась — танцевала с ними джиттербаг, пылко и увлеченно, прижимая крупных мужчин к стенам своим задом, не обращая внимания на своих ищеек. Если раскрепостить душу, то можно зажечь танцпол. А им только это и было нужно! Потом кто-то отвез ее домой на гондоле, и она уснула в

ту же секунду, как коснулась головой подушки. Все как ей нравилось.

Ж) Франклин

Лорка находился на Уолл-стрит в Черный вторник 1929-го и видел, как многие финансисты кончали с собой, выпрыгивая из окон небоскребов. Один чуть не упал прямо на него. Позднее он сказал, что было легко представить, как Нижний Манхэттен разрушается «ураганами из золота».

В Берта Савоя попала молния после того, как, гуляя по дощатому настилу в Кони-Айленде, он огрызнулся на грозу. «Довольно с вас, мисс Бог!» – произнес он за миг до удара.

Генри Форд боялся, что при строительстве фундамента Эмпайр-стейт-билдинг было извлечено столько грунта, что это подействует разрушительно, изменив вращение Земли. Он не был большим гением.

Джеймс Ховард Кунстлер о Манхэттене: «Физически неприглядное скопление бесконечно повторяющихся типологий и раздутых инженерных штучек с

небольшой историей и сомнительным будущим».

Да, чтоб ее! Черт, черт, черт. Так нечестно. Неправильно.

Она мне наврала. Или я себя в этом убедил. Она сказала, что работала трейдером в хедж-фонде, то есть мы занимались одной и той же работой, имели одни и те же интересы, общие цели и заботы. И я на это клюнул, влюбился по уши. И не только потому, что она была симпатичная, хоть это была действительно правда. Также из-за ее манеры держаться и говорить, из-за интересов, которые мы с ней в самом деле разделяли. О нас нельзя сказать: они делили интересы и делили постель, вернее кабину лодки, и первое приводило ко второму. Нет, у нас было не так. Да, я был влюблен. Чтоб меня! Каким я был дураком!

Но я все равно хотел ее.

Штука в том, что работать на хедж-фонд — значит зарабатывать, невзирая ни на движения рынка, ни на что вообще. Бог назначит Судный день, а вы должны быть застрахованы. И да, вы должны доверять Богу, но при любом менее апокалиптическом раскладе вы застрахованы и можете заработать или, по крайней мере, потерять меньше, чем остальные игроки, что, в

принципе, одно и то же, ведь вся суть в отличительном преимуществе. Если теряют все, а вы — меньше других, то вы выигрываете. Это и есть хеджирование, этим и занимаются хедж-фонды. Джоджо работала на один из крупнейших хедж-фондов Нью-Йорка, я работал на крупный хедж-фонд — мы были идеальной парой в блэк-шоулзовском раю.

Но нет. Потому что во многих хедж-фондах попытка максимизировать прибыль приводила к деятельности, дополняющей саму торговлю, в том числе вовлекающую венчурный капитал. Но из-за венчурного капитала ликвидные активы становятся неликвидными, что в финансах вообще считается великим грехом. Ликвидность — это критическая, фундаментальная ценность. В большинстве хедж-фондов это лишь мелочи, и те, кто работает с венчурным капиталом, обычно ограничиваются разговорами о «дополнительном инвестировании», полагая, что это просто поможет им набраться опыта, который позволит тем, в кого они вкладываются, преуспеть в делах. По большей части это ерунда — надуманное оправдание вопиющей неликвидности их вложений, но нельзя отрицать, что многие из них лелеют свои заблуждения.

И это, опасался я, и было той кроличьей норой, в которую упала Джоджо. Я беспокоился, что она хотела больше, чем заработать денег, хотела сделать какую-нибудь выгодную инвестицию в так называемую реальную экономику. «Эльдорадо» почти наверняка имел в сотни раз больше собственных активов, и неликвидность делала его уязвимым. Венчурный капитал предназначался для супердлинных позиций и потому был опасен, поскольку никаких суперкоротких позиций, чтобы их уравновесить, не существовало. Вот и выходило, что Джоджо слишком сильно вложилась эмоционально в малую часть бизнеса своей компании, что было опасно само по себе, и значит, она запуталась и хотела получить больше, чем могли ей дать финансы, сама при этом оставаясь в этой же сфере. То есть здесь имели место заблуждение, претенциозность, стремления и отсутствие внимания там, где я не хотел бы этого видеть.

Но сейчас я сам занял по Джоджо супердлинную позицию, по сути, допустил ту же ошибку: потеря ликвидности, стремление к равновесию, неприятие волатильности, привязанность к конкретной статической ситуации, от чего предостерегал даже Будда. И в такой опасной

ситуации моя предполагаемая партнерша по проекту совместной жизни, что также было своего рода венчурным капиталом, не попала в цену реализации. И ушла со своим опционом дальше. Вообще от этих финансовых метафор меня воротит, но они возникают у меня в голове, и кажется, я не могу это остановить. Нет, стоп. Она мне нравилась, я ее хотел. А она меня нет. Вот как на самом деле было.

И чтобы ее вернуть, мне нужно было делать то, что сделало бы ее похожей на меня. Можно выразиться и так. Просто начать сначала, только и всего.

Черт, черт, черт.

* * *

Ну, прежде всего нужно быть приветливым. Притвориться перед Джоджо, что я не имею ничего против того, чтобы откатиться на уровень друзей, которые живут в одном районе, заняты в одной сфере и видятся в компании общих знакомых после работы. Это было непросто, но мне под силу.

Потом мне нужно было найти способ изменить привычный ход жизни. Вместо того чтобы финансиализировать ценность, мне нужно добавить

ценности финансам. Сначала я не мог этого даже осмыслить. Как можно добавить финансам ценности, когда они только и существуют ради того, чтобы финансиализировать ценность? Иными словами, как это может сильнее касаться денег, когда деньги и так были высшим источником ценности?

Загадка. Коан, ставящий в тупик. То, над чем я размышлял непрерывно, целыми часами и днями.

И я начал смотреть по-новому, приблизительно так: это должно было что-то значить. Финансы или даже сама жизнь — это должно было что-то значить. А тому, что что-то значит, нельзя было назначить цену. Это некая альтернативная форма ценности.

* * *

Один из способов добиться того, чтобы ИМС играл мне на руку, — внимательно следить за реальным межприливьем. Конечно, я мог заниматься этим только в Нью-Йорке, потому что необходимо посещать межприливье лично, но, что бы ни происходило в Нью-Йорке, это более-менее отражало ситуацию в других прибрежных городах мира, таких как Гонконг,

Шанхай, Сидней, Лондон, Майами и Джакарта. Везде наблюдалось примерно одно и то же: водный стресс, технологические улучшения, правовые споры. Выстоят ли строения или рухнут — было одним из ключевых вопросов, а то и самым главным из всех. С каждым зданием было по-разному, хотя можно было собрать крупные массивы данных и создать алгоритмы, способные довольно точно рассчитать риск в отдельных категориях. Место же для домыслов появлялось лишь в некоторых случаях, поэтому безопаснее, как всегда, было обобщать и рассчитывать процентную вероятность.

Но, чтобы исследовать этот вопрос лично, я мог сесть на «клопа» и пометаться по гавани, наблюдая за зданиями, за тем, как там идут дела, и оценивая их по алгоритмам, предсказывающим их будущее, выискивая несоответствия, которые позволили бы мне играть на спредах лучше других трейдеров. Реальный мир вкладывается в модели, тем самым получая преимущество в состязании, особенно перед теми трейдерами, что торгуют прибрежными фьючерсами из Денвера. Вклады реального мира давали пользу, и я был в этом уверен, потому что сам занимался ими четыре года — и все это время они работали.

В подтверждение этому, к своему удовольствию, я видел, что модели поведения прибрежной собственности, включая мои собственные, попросту ошибались насчет определенных категорий строительства, о чем я поначалу не решался и думать, допуская, будто запутался в своих мыслях, словно после долгих часов, проведенных в баре.

Так вот, пока размышлял над всем этим, скользя по водным путям вокруг безумного города, мне казалось, что у меня уже была возможность инвестировать с выгодой, вложив немного венчурного капитала туда, где он принес бы социальные блага, тем самым побудив Джоджо увидеть во мне другого человека. Пожалуй, я мог определить, какие здания обрушатся с большей долей вероятности, тогда как модели давали всем равные шансы. Я мог и придумать, как их усовершенствовать, как отсрочить их обрушение, чтобы они еще послужили укрытиями для беженцев. В Нью-Йорке жилья не хватало совсем — люди приезжали и пытались здесь жить, будто поддаваясь некой зависимости, какому-то принуждению оставаться здесь, пусть даже «водяными крысами», когда у них была возможность жить лучшей жизнью в любом другом месте. Все было так же, как и во все времена! А значит, была нужда в какой-нибудь

жилищной реформе в стиле Джейн Аддамс[85]. Для меня это было слишком трудно, но какие-никакие улучшения в межприливную жизнь я бы внес. Это же моя специализация, с этого я мог начать. Мог попробовать что-то сделать.

Итак, однажды утром я бросил свои экраны, спустился к своему «клопу» и зажужжал сначала к 23-й, а потом направился на запад, к Гудзону. Пора было выйти и взглянуть на реальность своими глазами.

* * *

В мидтауне межприливная зона приходилась на старую свалку, и многие здания здесь падали уже поэтому. От 30-й до Канала была зона обрушенных, накренившихся, потрескавшихся, павших блоков. Дом, построенный на песке, не был способен выстоять.

Тем не менее я видел обычные признаки того, что в этих сырых развалинах кто-то жил. Жизнь там, наверное, напоминала более ранние столетия убогих жилищных условий, с обилием плесени и постоянным риском для жизни. Все как

[85] Примечания: 85

Джейн Аддамс (1860–1935) — американский социолог, лауреат Нобелевской премии мира 1931 г.

всегда, только сырости больше. Но даже в самых злосчастных районах оставались островки успеха, защищенные от воды и полностью пригодные для жизни, зачастую даже более комфортной, чем когда-либо, по крайней мере, некоторые так заявляли. Общества взаимопомощи создавали нечто любопытное, так называемую «новую Венецию»: модную, эстетичную, сексуальную, новую городскую легенду. Некоторые были просто счастливы жить на воде, если это преподносилось как нечто венецианское, где нужно было терпеть проблемы с плесенью, чтобы жить в этом шедевре искусства. Мне и самому это нравилось.

Каждый район, как и всегда, был отдельным мирком со своим особым характером. Одни выглядели прекрасно, другие — задрипанными, третьи оставались заброшенными. Не всегда было понятно, почему тот или иной район выглядит так, как выглядит. Что-то случалось, и здания стояли на месте или обрушивались на те, что с ними соседствовали. Все очень условно, очень изменчиво, очень рискованно.

* * *

И вот я медленно приближался к старому району мистера Хёкстера, с юга от рухнувшей высотки.

Это была южная часть Гудзон-Ярдс, небольшая бухта, где больше не сохранилось железнодорожных путей и где теперь было мелководье, открытое приливам, которые, как рассказывали, бывали такими мощными, что глубина здесь не уступала той, что в средней части реки. Послужила ли эта «протечка» к острову причиной падения высотки, было неизвестно, но это случилось, и верхняя половина здания теперь принимала на себя волны разбитыми окнами. Упавшая высотка напоминала побитый круизный лайнер, готовящийся целиком уйти на дно.

Многие другие здания также следовали за ним. Мне вновь вспомнились фотографии перекошенных лесов в Арктике, где деревья кренились во все стороны из-за таяния вечномерзлого грунта. Челси, Пенн-Саут, Лондон-Террас — всех их куда-нибудь да косило. Ничего положительного с точки зрения возможностей для инвестирования. Технологии восстановления жилья все время совершенствовались, но возиться со зданиями, стоящими на песке, бессмысленно. Графенированные композиты и алмазное покрытие — средства эффективные, но даже они не способны сдержать обмякший бетон, а действуют скорее как очень прочная пищевая пленка и

просто изолируют от воды.

Жужжа по узким каналам между 10-й и 11-й, я уловил взглядом Большой вогнутый квадрат, неподалеку от берега Гудзона. Здесь во время первой волны строительства крытых переходов одна группа инвесторов подвесила меж четырех небоскребов на высоте сорокового этажа торговый центр. Людей это восхищало, но только до тех пор, пока эти четыре небоскреба вдруг не накренились под весом торгового центра внутрь. При этом центр опустился сразу на пять этажей, разрушив все, что было внутри. После этого люди стали гораздо осторожнее, и сейчас Большой вогнутый квадрат висит там, будто незадачливый Стоунхендж, указывая, что нельзя подвешивать слишком тяжелые объекты вне отвесной линии небоскреба. Инженеры затем объявили, что эти высотки строились с расчетом только на то, чтобы выдерживать собственный вес.

Сколько еще могли простоять все эти покосившиеся здания? Кто побеждал в вечной битве человека с морем? Море было всегда одинаковым, а человечество совершенствовалось, но море никогда не отступало. И могло подняться снова. Следовало иметь в виду Третий толчок, пусть крупных сходов льда в Антарктике в последнее

время и не наблюдалось, однако в ИМС такая возможность учитывалась. В любом случае, что бы ни ждало уровень моря в будущем, межприливье всегда оставалось под угрозой. Любой, кто на регулярной основе пытался сражаться с морем, не мог отрицать, что в конечном счете оно всегда побеждало и что его победа — лишь вопрос времени. Некоторые из них частенько философствовали об этом в депрессивно-нигилистском ключе. От нас ничего не зависит, мы пашем как проклятые, а потом погибаем, и так далее.

Таким образом, близился час, когда всем слабым зданиям в межприливье понадобился бы серьезный ремонт — если таковой вообще был возможен. Если же нет, то их следовало заменить — если возможно было хотя бы это!

А тем временем здесь жили люди. Признаки этого виднелись повсюду: заменены разбитые окна, развешано белье, на крышах устроены сады. Особенно очевидно это было днем. Ночью же они выключали свет, и здания выглядели заброшенными, кое-где, может быть, оставив горящие свечи, для удобства своих призраков. Но днем все было отчетливо видно. И это, конечно, было неизменно. Жилья на Манхэттене не хватало всегда. И чтобы они держались подальше, мало

было просто задрать цены на аренду — они всячески изворачивались и приживались где могли. В затопленном городе было бесконечное множество закоулков и закутков, включая, конечно, алмазные пузыри, защищавшие аэрированные подвалы от приливов. Люди жили, как крысы.

Эту ситуацию, наверно, Джоджо и надеялась поправить своими выгодными инвестициями. Хотя, по сути, это гиблое дело: так можно было стать топологически обратным Сизифом, выкапывающим яму, которая постоянно засыпается, откачивающим подвал за подвалом лишь затем, чтобы их затопило вновь, и так до бесконечности.

Аэрация! Подводная недвижимость! Новый рынок, который нужно наполнить финансами, а потом использовать рычаги и повторить цикл в большем масштабе, как того требует первый закон. Всегда расти. Это значит, что, как только поверхность острова заполнилась до предела, вы сначала тянетесь к небу, а потом, когда достигаете предела и там, начинаете нырять на глубину. Когда подвалы, туннели и станции метро будут аэрированы, люди, несомненно, примутся рыть все более и более глубокие полости, расширяя незримый кальвиноград до литосферы, выкапы-

вая землескребы под стать небоскребам, здания до самого центра Земли. Геотермальное отопление без прибавки к цене! Жилье в самом аду — все это Манхэттен.

* * *

Правда, не совсем. Когда плаваешь вокруг заброшенных развалин в Челси, стараясь не смотреть на таящиеся в окнах лица, все равно чувствуешь отчаяние, все равно приходят только пессимистичные мысли. Впрочем, отбросить эти унылые видения несложно — достаточно повернуть «клопа» и зажужжать к большой реке, затем, прибавив скорости, оторваться от воды и полететь вверх и прочь, прочь от израненного города! Улететь!

Так я и сделал. Широченный Гудзон оказался подо мной, его темная поверхность извивалась и колыхалась где-то внизу. И вот они, на двух берегах — Верхний Манхэттен и Хобокен, оба застроенные небоскребами, самыми высокими из всех. Два берега будто бы соревновались, какой из них доминирует, и это в десятилетие, когда появились революционные строительные материалы, которые позволяли возводить небоскребы в три раза выше, чем до этого. И все равно было

приятно припрятать миллиард или три в нью-йоркской квартирке где-нибудь повыше, бывать в ней по несколько дней в году и наслаждаться этим величайшим городом мира. В Денвере-то таких видов, какие сейчас открывались передо мной, точно быть не могло!

Я со всплеском опустил «клопа» на воду и направил его к длинному причалу под кластером Клойстер. Вверху, будто видимая часть космического лифта, нависал огромный комплекс супервысоток, каждая по триста с лишним этажей. Вот он в самом деле выглядел так, будто эти высотки пронзали голубой купол неба и исчезали, протянутые до бесконечности. Из-за этого эффекта казалось, будто само небо расположено ниже, чем обычно, подобно бирюзовому куполу какого-нибудь исполинского цирка, держащемуся на четырехзубом столбе.

* * *

От входа на пристань тянулась линия протяженностью почти в дюжину лодок, и я остановился рядом с длинной отвесной скалой, выступавшей из воды в этой части острова, и принялся ждать своей очереди. Старое Генри-Гудзон-Парквей давным-давно ушло под воду,

а бороздка, которую прорубили в скале, чтобы поддержать это детище Роберта Мозеса[86], теперь также находилась под водой даже во время отлива и вмещала в себя узкий солончак с желто-зеленой поверхностью, поросший кустами, колючками и мелкими деревцами, с выступающими из глубины гнейсовыми образованиями.

Я медленно прожужжал к траве, окаймлявшей солончак, и развернулся вверх по течению. Почувствовал, что «клоп» правым крылом задел дно. Был уже почти прилив. Тихий закуток в устье города, маленький торотеатр[87], овеянный прохладой в тени облака.

Трава в солончаке при таком приливе почти полностью находилась под водой. Это была какая-то морская трава, которая тянулась горизонтально во все стороны, сначала вслед за течением реки, потом против течения под воздействием кильватеров лодок. Многие стебли тянулись параллельно, будто волосы под водой в ванной. На каждом зеленом стебле виднелись

---

[86] Примечания: 86

Роберт Мозес (1888–1981) — американский градостроитель, оказавший значительное влияние на облик Нью-Йоркской агломерации.

[87] Примечания: 87

Отсылка к Генри Торо (1817–1862) — американскому писателю и общественному деятелю, предшественнику зеленого анархизма.

желтые штришки, и когда эти стебли, как волосы, качались на волнах, можно было наблюдать за приятными, завораживающими в окружении зелени золотыми блестками. Трава колыхалась и развевалась туда-сюда, зелень и золото, туда-сюда, бульк, бульк, бульк. Очень, очень красиво.

Когда я наблюдал за движением травы, просто созерцая ее в ожидании, пока лодки освободят проход к пристани, мне явилось видение. Сатори, эпифания — и если бы мне сказали, что у меня в тот момент из головы вырывались языки пламени, я бы ничуть не удивился. Зацикленные на Библии люди точно так же описывали чувство, когда их посещала та или иная идея. К счастью, рядом не оказалось никого, кто бы услышал, как я несу околесицу, или прервал ход моих мыслей и вынудил обо всем забыть. Нет, видение у меня было, и я прочувствовал его полностью. Забыть его я уже не мог. И просто смотрел, как трава колышется в воде, и пытался зафиксировать в уме завораживающую картину, что открывалась за бортом «клопа». Это действительно было очень красиво.

— О, спасибо! — сказал я докмейстеру, когда он жестом указал мне на пристань. — Меня как раз мысль посетила!

— Поздравляю.

* * *

Я поднялся по широченным ступенькам к площади, окружавшей Клойстерманстер, высочайший из четырех супернебоскребов, стоявших на вершине холма. Манстер был построен в форме колонны Барейса, то есть нижняя и верхняя его части — полукруглые и развернутые по отношению друг к другу на 180 градусов. Благодаря такой конфигурации все наружные поверхности здания изгибались очень изящно. Остальные высотки в кластере также имели форму колонн Барейса, причем таким образом, что если сложить любые два соседних небоскреба вместе, то их полукруги подходили друг другу. Эта особенность еще сильнее подчеркивала изящность этих протянутых к небу изгибов. Я пересек площадь, задрав голову, будто турист, предаваясь архитектурному восторгу, который к тому времени и так меня переполнял. Все вокруг казалось неимоверно огромным.

В Мюнстере я за несколько поездок на скоростных лифтах добрался до 301-го, самого верхнего этажа, где у Гектора Рамиреса был офис, если так можно было назвать помещение, занимавшее

целый этаж такого большого здания. Лофт? Единое пространство в форме полукруга, размером примерно с остров Блок[88], со всех сторон окруженное стеклянными стенами.

— Франклин Гэрр.

— Маэстро. Спасибо, что согласились со мной встретиться.

— На здоровье, парень.

Он не заставил величественных видов, открывавшихся с его высоты, мебелью. Вокруг шахты лифта располагалось несколько кубиклов по грудь высотой и еще несколько столов, но в остальном это было открытое пространство, которое простиралось от изогнутых стеклянных стен на юге до ровных на севере. И эти стеклянные стены оказались до того прозрачны, что даже не верилось, что они там имелись. Мир был как на ладони.

На юге аптаун представлял собой лес сверхнебоскребов, которые были лишь немногим ниже, чем в кластере Клойстер, и каждый являл свою собственную гериевскую красоту. Слева от них находились Бронкс, Куинс, Бруклин — все три боро теперь были просто бухтами, усеянными

---

[88] Примечания: 88
Остров к югу от Род-Айленда площадью 25 км^2.

зданиями, и первым настоящим участком суши, видимым отсюда, был район Бруклин-Хайтс, увенчанный собственным рядом сверхнебоскребов. Только с такого расстояния можно было увидеть, насколько высокими были те новые здания, а они в самом деле были неимоверно высоки. При этом вокруг со всех сторон сверкала вода, усеянная затопленными зданиями и мостами, кораблями и их кильватерами.

Справа то же самое, только Гудзон чище и шире, чем мелководная Ист-Ривер, — просторная голубая дорожка, переполненная водным транспортом, но без разрушенных крыш, пересекаемая лишь мостом Джорджа Вашингтона и Верразано-Нарроусом. Еще один горизонт в форме драконьей спины образовывал Хобокен, преграждая вид на огромную бухту, где находился Мидоулендс, тогда как на юге виднелись толстые высотки Статен-Айленда. На севере был север — там великую реку заволакивало непроглядной дымкой. На север всегда можно было уехать, но делать этого никто не желал. Если кто-то в самом деле собирался покинуть город, он поднимался вверх — даже над этим офисом, знал я, у Гектора был привязан дирижабль: небольшая небесная деревня по типу «Двадцати одного воздушного

шара»[89]. Он мог в любую минуту умчаться в небеса и иногда действительно так и поступал.

Сейчас он, казалось, был рад меня видеть. Я-то уж точно был этому рад. Шеф, учитель, наставник, советник — за эти годы меня окружало много подобных людей, но Гектор был первым, кто сочетал в себе все эти роли и стал наиважнейшим из них всех. Когда я был еще слишком молод, чтобы понимать, насколько мне повезло, я проходил у него стажировку. Тогда я только выпустился из Гарвадской школы бизнеса, и он научил меня многим вещам, но самое главное — мастерству обмена социальными бондами. С тех пор я только прорабатывал эти уроки, совершенствуя свои навыки, а сейчас они и вовсе должны были стать ключевыми для выживания при межприливном обвале.

— Момент скоро наступит, — сказал я, обводя рукой акватрополис внизу. Мидтаун загораживал нам даунтаун, но он понимал, о чем я, и огромную ширь Гудзона ожидала судьба Нижнего Манхэттена. Он должен был приобрести такой же вид.

— Я думал, технологии развиваются хорошо, — сказал Гектор, показывая, что понимает, что я

---

[89] Примечания: 89
Роман Уильяма Пена Дюбуа, опубликованный в 1947 г.

имел в виду.

— Так и есть, — заверил я, — но недостаточно быстро. Океан не победить. А труднее всего с ним бороться, как оказывается, именно в межприливье. Прилив за приливом, волна за волной — этого ничто не выдерживает, по крайней мере на протяжении большого периода.

— Значит, есть смысл его сократить, — заметил он.

— Да. Насколько мы знаем. Но я думаю о том, что будет после.

— Отступление в более возвышенные районы? — Он обвел пейзаж рукой.

— Разумеется. По пути наименьшего сопротивления. В Денвер. Но где-то станет по-другому, и здесь в том числе. Существует миф об этом месте. Люди все равно будут сюда приезжать. Им все равно, что здесь все обречено. Они просто хотят сюда.

Пока я говорил, он кивал. Сам он приехал в Нью-Йорк из Венесуэлы — как рассказывал, чувствуя некое притяжение. Был «водной крысой» с медяками в кармане — и вот где он теперь.

— И что?

— И то, что существует комбинация новых технологий, которую можно назвать травостро-

ением. Некоторые из этих технологий пришли из аквакультуры. Здесь вы, по сути, просто перестаете сопротивляться. Поддаетесь течениям, поднимаетесь на приливах и опускаетесь на отливах. Используете прочность графена, липкость новоклея и гибкость искусственной фасции. Нужно поставить столбы в коренной породе, как бы глубоко она ни залегала, закрепить полосы фасции, достаточно длинные, чтобы доставать до поверхности, где вы укладываете плавучую платформу. Сама платформа должна быть размером с обычный манхэттенский квартал.

— То есть жить придется на причале или в плавучем доме.

— Да. И он может частично находиться под водой, как корпус корабля. Потом вы соединяете все платформы, так, чтобы при приливах и отливах они приходили в движение вместе — как морская трава. Где нужно, прикрепите боковые бамперы, как у лодок в тех местах, где они ударяются о пристань. В итоге у вас получается плавучий корпус таких платформ, целый район.

— Но слишком высоких строений там не поставишь.

— Я не был бы настолько уверен. Графенированные композиты на самом деле очень легкие.

Благодаря этому и получилось отстроить вот такие небоскребы.

Он кивнул.

— А это возможно?

— Все необходимые технологии уже есть. И довольно скоро весь этот фонд уйдет под воду.

Он продолжал кивать.

— Лонгуй, сынок. Лонгуй.

— Уже, — ответил я.

— А от меня ты чего хочешь?

— Рычага. Мне нужен меценат.

Он рассмеялся.

— Ладно. Я как раз думал, что будет с этим городом дальше. Звучит очень интересно. Можешь на меня рассчитывать.

* * *

Вот это уже хорошо. Очень хорошо. И, выводя «клопа» обратно в реку, чтобы позволить ему дрейфовать по течению в сторону мидтауна, я все еще напряженно думал об этом. Проблема оставалась здесь и сейчас и заключалась в том, что я работал с деривативами в хедж-фонде, а не в архитектурной фирме, разрабатывающей новые направления межприливного строительства. Заниматься этим на своей должности я не мог.

Зато мог это спонсировать.

То есть найти людей, которые будут это спонсировать. Конечно, это было похоже на то, чем я и так занимался изо дня в день, потому что поиск спонсоров очень напоминал поиск хороших ставок. «УотерПрайс» мало работал с венчурным капиталом, но, возможно, зря, а искать позиции для лонга после того, как зашортил, всегда было мудро. Примерно это же я пытался проделать и с Джоджо.

Я задумался: смогу ли я выяснить, что было у нее на уме, или даже попросить у нее помощи в этом деле — что впечатлило бы ее даже сильнее. Если суть действительно заключалась именно в этом. А оно так и было. По крайней мере поначалу. Потом могло стать из разряда «чем быстрее тем лучше», а просьба о помощи — показаться признаком зрелой уязвимости. У меня было ощущение, что ей понравится, и мне не терпелось рассказать ей об этом.

Так что, когда «клоп» продрейфовал в мидтаун, я встал на Причале 57 и вошел в тот бар, где мы с ней познакомились. Снова была пятница, перед самым закатом — и она была там, всенепременно. Ну а как же? Были там и все те же ребята — Джон, Евгения, Рэй, Аманда. Все дружелюбно

меня поприветствовали, и Джоджо в том числе, словно между нами ничего и не происходило. К тому же аналогичная ситуация у меня сложилась и с Амандой, поэтому наверняка отстранение от меня самой Джоджо не казалось странным — она держалась так отстраненно-дружелюбно, будто бы в стороне. Черт возьми!

Инки налил мне выпить и взглядом спросил меня как раз об этой проблеме, но я просто закатил глаза, показывая, что ничего хорошего тут нет и я расскажу об этом позже, а потом вернулся к своей компании. Было начало декабря, закат; веяло прохладой, река спешно и решительно несла свои воды к проливу Нарроус. Внутри бара группа играла спейс-блюз, пытаясь сделать подходящий саундтрек к пейзажу. За нашим столом велись привычные беседы, и меня это ставило в тупик: эти ребята, мои приятели, были полными придурками, но Джоджо получала удовольствие от их компании и в день нашего знакомства, и сейчас. Мы оба хорошо сюда вливались, но что это могло значить? У меня по спине пробежал холодок: а вдруг она сказала, что мне не хватает альтруизма, который ей так нравится в людях? Сказала, лишь чтобы скрыть нечто более фундаментальное, чем… ну, более фундаментальное,

чем фундаментальные философские системы. Но выяснить это невозможно. Наверное, легче смириться с тем, что ей не нравятся мои ценности, чем перенести признание о том, что ей не нравится, как я пахну или как занимаюсь любовью. Но как раз последнее ей вроде бы нравилось. В общем, все было очень странно.

Я пытался игнорировать этот водоворот мыслей у себя в голове, а потом мы оказались рядом. Мы стояли бок о бок, и она спросила:

— Как прошел день?

— Хорошо, — ответил я. — Было много интересного. Пообщался со своим старым наставником из «Мюнструозности». Поговорили с ним о том, чтобы предпринять что-то и не дать жилому фонду рухнуть. Ну, знаешь, это связано с венчурным капиталом, типа того, о чем ты рассказывала.

Она посмотрела на меня с некоторым любопытством, и я постарался усмотреть в этом какую-то надежду. Но старался не отвлечься на кристальный блеск ее карих глаз, прекрасных глаз женщины, в которую я так сильно влюблен. Что было практически невозможно, и я лишь проглотил ком, вставший у меня в горле.

— Что ты задумал? — спросила она.

— Ну, я посчитал, что раз в межприливье нет

коренной породы, то там нельзя построить ничего, что потом точно бы долго простояло.

— И решил поставить на них крест.

— Нет, вообще-то я говорил с Гектором о том, чтобы закрепить там так называемые «плавучие районы». Взять блоки по типу кораблей-городов и присоединить их к коренной породе, как бы глубоко она ни находилась, и тогда приливы-отливы уже не так страшны.

— А-а, — протянула она удивленно. — Классная идея!

— Вот и я так думаю.

— Классная, — повторила она, а потом слегка сдвинула брови: — Так тебя теперь интересует венчурный капитал?

— Ну, это только мысли. Там будет что лонговать после шорта. В этом ты была права.

— Да, это должно быть интересно. Ты молодец.

Итак. Немного надежды привязать к эмоции коренной породы, скрытой на глубине под водой. Эмоции моего неодолимого желания иметь эту женщину. Привязать к этой эмоции, пусть на поверхности закачается маленький буй надежды. А попозже вернуться и посмотреть, что еще туда можно привязать. Джоджо теперь не казалась холодной. Но и не была слишком рада моему вне-

запному интересу к недвижимости. Хотя и явного недовольства не выказывала. Может быть, ей было приятно; может, даже она одобряла. Обдумывала. Слегка улыбалась глазами. Когда-то один фотограф так мне и сказал: улыбайся глазами. Я тогда не понял, что он от меня хотел. А сейчас, возможно, видел это перед собой. Возможно. То, как она на меня смотрела… нет, я не понимал до конца. Честно сказать, я не понимал, о чем она сейчас думала. Совсем не понимал.

3) Матт и Джефф

Когда впервые открылся Радио-сити[90], в воздух там закачивали некоторое количество озона, рассчитывая, что это сделает людей счастливее. Застройщик, Сэмуэл Ротафел, хотел, чтобы это был веселящий газ, но не смог добиться разрешения городских властей.

«Управление активами Робин Гуда» начало с того, что проанализировало двадцать наиболее успешных хедж-фондов и создало алгоритм, сочетавший все их самые успешные стратегии, а потом стало предлагать свои услуги микроинвесторам из прекариата[91] и добилось в этом широкого успеха.

Старая гостиница «Уолдорф-Астория», которую снесли, чтобы освободить место для Эмпайр-стейт-билдинг, была

---

[90] Примечания: 90

Театрально-концертный зал, открытый в 1932 г.

[91] Примечания: 91

Социальный класс работников с временной или частичной занятостью.

брошена в Атлантический океан в пяти милях от Сэнди-Хук.
Мы прозябали в Нью-Йорке, пока он не стал нам таким родным, что казалось неправильным его покидать. Но потом чем больше мы его изучали, тем более ужасным и гротескным он нам представлялся.

Редьярд Киплинг, 1892 г.

— Джефф, ты не спишь?

— Не знаю. Не сплю?

— Похоже, не спишь. Это хорошо.

— Где мы?

— Все в той же комнате. Тебе нездоровилось.

— В какой комнате?

— Да все в этом грузовом контейнере, где нас кто-то запер. Возможно, на глубине, потому что звуки иногда такие, что, думаю, мы под водой.

— Если мы под водой, то никак не можем сказать этого наверняка. Как рынок, никак не можем вернуться к прежнему состоянию, поэтому если ты утонул — то утонул насовсем. Тогда остается уйти в дефолт, и все.

— Я бы так и сделал, если бы мог, но нас заперли здесь.

— Теперь припоминаю. Ты как?

— Что?

— Ты как, спрашиваю?

— Я? Я нормально, нормально. Мог бы чувствовать себя и лучше, но мне далеко не так плохо, как тебе. Ты-то конкретно прихворнул.

— Я и сейчас себя дерьмово чувствую.

— Да, печально слышать, но ты хотя бы можешь говорить. А то уже некоторое время не мог. Было страшновато.

— Что случилось?

— Что случилось? А, с тобой? Я написал записки на тарелках и отправил им, когда они забрали посуду через проем. Тогда тебе к еде стали подкладывать таблетки, и я их тебе давал. Потом я как-то очень крепко уснул — думаю, это они нас накачали снотворным и спустились сюда. Или чтобы забрать тебя. Не знаю, но, когда я проснулся снова, ты спал уже спокойнее. И вот что теперь, сам видишь.

— И чувствую себя дерьмово.

— Но говорить-то можешь.

— Только не хочу.

Матт не знает, что на это ответить. Он садится у кровати друга, тянется к нему и берет Джеффа за руку.

— Тебе лучше поговорить. Это полезно.

— Не слишком. — Джефф внимательно смотрит на друга. — Говори сам. Я устал разговаривать, больше не могу.

— Не верю.

— А ты поверь. Расскажи какую-нибудь историю.

— Я? Я не знаю никаких историй. Это ты у нас их рассказываешь, а не я.

— Теперь уже нет. Расскажи мне о себе.

— Мне нечего рассказывать.

— Неправда. Расскажи, как мы познакомились. Я уже не помню, это давно было. Я помню только, будто мы были знакомы всегда. Что было до того, я забыл.

— Ну, ты тогда был моложе меня. Это я помню, да. Я тогда проработал в «Адирондаке» год или два и подумывал уйти. Там было скучно. Как-то раз я сидел в кафе, а ты был в конце стола, один, ел и читал с планшета. Я подошел и сел напротив тебя, не знаю зачем, и представился. Ты почему-то показался интересным. Сказал, что занимаешься всякими системами, но, когда мы разговорились, я понял, что ты еще и кодер. Помню, я спросил, где твоя команда, а ты сказал, что ты их уже бесишь, и твои идеи их тоже бесят, и на этом все. Я ответил, что твои идеи мне нравятся, и на тот

момент это была правда. С этого все и началось. Потом нас наняли шифровать скрытые пулы. Помнишь?

— Нет.

— Очень жаль. Славное было время.

— Может, потом вспомню.

— Надеюсь. Мы здорово работали, а потом — не знаю уж, как это случилось, — я узнал, что тебе негде жить и ты спишь у себя в машине.

— Передвижной дом.

— Да, так ты ее называл. Очень маленький передвижной дом. А я тогда сам искал новое жилье, и мы переехали в ту квартиру в Хобокене, помнишь?

— Еще бы, такое забудешь.

— Ну ты же забыл свою первую работу, так что мало ли. В общем, там мы…

— Так вот как мы поняли, что мы под водой! Потому что там было так же.

— Может быть. То есть да, было. Тогда в Мидоулендс только появлялась подводная недвижимость, и снять там какое-никакое жилье мы могли себе позволить. Тогда-то мы и начали работать на опережение, чтобы это приносило нам такую же выгоду, как и Винсону. К тому времени он уже был сам по себе.

— Он всегда был говнюком.

— Да, это тоже правда. И мы чувствовали, будто просто работаем на него, занимаясь всякой сомнительной хренью. Скорее всего, если бы Комиссия как-нибудь смогла это вычислить, то под удар попали бы мы. Ребятам в Олбане вряд ли понравилось бы, узнай они о нашем существовании.

— А это было вполне реально.

— Да, и вполне легко. Но потом мы узнали, что этим и так уже все занимались, а сами мы опоздали на эту гонку вооружений, в которой никто не мог победить. Так что между торговлей на опережение и обычной торговлей не было никакой разницы. Мы уехали из Олбана, прежде чем нас сделали бы козлами отпущения. И начали слоняться то тут, то там. Тогда все стало немного неопределенно. Нам нужно было что-то другое, чтобы добиться выгодного положения.

— А мы этого хотели?

— Не знаю. Все наши клиенты хотели.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

— Я больше не хочу на них работать.

— Знаю. Но от этого у нас были проблемы, знаешь ли.

— В смысле?

— Ну, вот где взять еду? Еду и жилье? Это нам нужно, а оно требует денег, а чтобы их иметь, надо работать.

— Я не говорю, что не надо. Я говорю: не на них.

— Согласен, но мы уже так пробовали.

— Нам нужно работать на себя.

— Да, и они тоже так делают. То есть мы так, скорее всего, закончим, как они.

— Тогда на всех. Надо работать на всех.

Матт довольно кивает. Ему удалось разговорить друга. Наверное, помогли таблетки. Наверное, худшее было позади и силы к нему приливали.

— Но как? — спрашивает Матт, поддерживая разговор.

Однако реку вспять не повернешь.

— Я откуда знаю? Я попытался, и сам видишь, что из этого получилось. Просто я пытался сделать это прямо. Но я человек идеи, это ты у нас координатор. Разве не так у нас всегда было? У меня появлялась безумная идея, а ты потом придумывал, как ее воплотить.

— Ну, не знаю.

— Да все ты знаешь. Вот смотри, у меня были кое-какие правки. Я пытался врезаться в систему

и внести их напрямую. Может, это и было глупо. Да точно, глупо. Это привело нас сюда, как я думаю, и они все равно могли в любой момент вернуть как было. Так что это никогда бы не сработало. Наверное, тогда у меня крыша немного поехала.

Матт вздыхает.

— Я знаю, — говорит Джефф. — Но ты мне лучше расскажи, как надо. Расскажи, как это можно сделать! Мы ведь не единственные, кому эти правки нужны. Они нужны всем.

Матт не знает, что сказать, но сказать что-то нужно — чтобы Джефф не умолк. И говорит:

— Джефф, ты сейчас говоришь о законах. И это не просто правки, это как новые законы. Законы издают законодатели. Которых мы избираем. Но компании, сам знаешь, оплачивают их выборы, содействуют им. Будущие законодатели говорят, что работают ради нас, но, едва получают свои должности, начинают работать на те компании. И так происходит уже давно. Они представляют компании и работают ради компаний.

— А как же народ?

— Можно верить: если ты проголосуешь за законодателей, значит, они будут работать на тебя. И голосовать дальше. А можно признать,

что это не работает, и не ходить на выборы. Что тоже не поможет.

— Так, ладно, именно поэтому я и пытался хакнуть эти законы!

— Знаю.

— Расскажи лучше, как нам это сделать!

— Я думаю. Думаю, нам стоит попробовать совершить единовременный захват существующих законодательных органов и принять пакет законов, которые вернут власть народу.

— Единовременный захват? Это как, типа революции? Ты хочешь сказать, нам нужна революция?

— Да нет.

— Нет? А как по мне, очень похоже.

— Но — нет. В смысле, и да, и нет.

— Ну спасибо, прояснил!

— Я имею в виду, если ты в рамках существующего законодательства проголосуешь за конгрессменов, которые реально примут законы, ставящие народ во главу законотворчества, и президент их подпишет, Верховный суд одобрит, а армия обеспечит соблюдение, то… я хочу сказать, это же революция?

Джефф долго молчит. А потом, наконец, отвечает:

— Да. Это революция.

— Но она же в рамках закона!

— И так даже лучше, верно?

— Да, разумеется.

— Но как ты соберешь такой конгресс и где возьмешь такого президента?

— Это политика. Нужно обещать лучшее и выдвинуть кандидатов, которые будут делать, что ты им скажешь.

— Это должны быть демократы, потому что третьи партии всегда проигрывают. Нужно просто уделать основных конкурентов — в Америке так всегда происходит.

— Ладно, так даже лучше. Пусть будет уже существующая партия. Нужно просто победить.

— Это же политика, сам сказал.

— Ну да.

— Боже, неудивительно, что я пытался хакнуть систему! Ведь то, что предлагаешь, полная хрень!

— Ну, это хотя бы законно. Если сработает, то сработает.

— Спасибо тебе за эту мудрость. Я вот думаю, великие мудрости все такие тавтологичные или нет? Есть опасение, что все. Но нет. Нет, Матт. Подумай-ка лучше. Это твое предложение вооб-

ще не вариант. Ну, то есть люди пытаются этого добиться триста лет, но положение становится все хуже и хуже.

— Были подъемы и спады. Был прогресс.

— И вот к чему мы пришли.

— Ну да, что есть, то есть.

— Так что придумай-ка что-нибудь посвежее.

— Я пытаюсь!

Джефф снова замолкает. Такие долгие разговоры требуют от него больших усилий — бóльших, чем он был способен приложить, и теперь он выглядел уставшим. До изнеможения. Не в силах выносить то, что происходило в мире.

Через некоторое время Матт спрашивает:

— Джефф? Ты не спишь?

Джефф поднимается:

— Не знаю. Очень устал.

— Голодный?

— Не знаю.

— У меня есть крекеры.

— Не хочу. — Долгая пауза; возможно, Джефф плачет. Плачет или спит — а может, и то и другое. Наконец, он снова приподнимается:

— Расскажи мне какую-нибудь историю. Я же просил тебя рассказать историю.

— Я ведь ее рассказывал.

— Расскажи такую, в которую я смогу поверить.

— Это сложнее. Но ладно… В общем, давным-давно за морем существовало место, где люди пытались создать общество, которое было бы полезным для всех и для каждого.

— Утопия?

— Нью-Йорк. Там все были равны. Мужчины, женщины, дети и те, кого ты и не знал бы, к кому отнести. Всех цветов кожи, неважно, кто откуда туда приехал. В этом новом городе все начиналось заново, и люди были просто людьми, то есть равными, и всегда относились друг к другу с уважением. Это был хороший город. Всем там нравилось жить. Люди видели, что это очень красивое место, совершенно невероятная гавань, где с востока на запад тянулась просто череда красот, а звери, птицы и рыба обитали здесь в таком изобилии, что, когда по небу пролетала птичья стая, она заслоняла солнце и становилось темно, а когда рыба шла в реки на нерест, эти реки можно было пересечь шагом, ступая по ним. И все в таком роде. Звери носились миллионами особей. Лес покрывал все и вся. Озера и реки — на загляденье. Горы — за гранью воображения. Жить на такой земле было настоящим даром.

— Почему же там никто не жил раньше? — спрашивает Джефф сквозь сон.

— Ну, это уже другая история. На самом деле, я тебе скажу, люди там уже жили, но, увы, у них не было иммунитета к болезням, которые принесли с собой новые люди, и большинство из них умерло. А выжившие примкнули к этому обществу и научили новоприбывших заботиться о земле так, чтобы та всегда оставалась здоровой. Вот о чем эта история, что я тебе сейчас рассказываю. Нужно было знать каждый камешек, каждого зверя, птицу и рыбу. Нужно было любить эту землю так, как любишь свою мать, а если ты не любишь мать, то как своего ребенка или самого себя. Потому что земля — это ты сам. Нужно было знать себя полностью, так хорошо, чтобы ничто не осталось недопонятым и всему уделялось должное внимание. Каждый отдельный элемент этой земли, вплоть до самой коренной породы, был гражданином совместно созданного общества. Все имели правовой статус, все достойно жили и имели все, что было нужно для полного благополучия. Вот как это было. Слышишь, Джефф? Джефф… Ну, конец, в общем.

Потому что Джефф уже лежит и мирно похрапывает. История помогла ему уснуть. Как

колыбельная песня. Или детская сказка.

И тогда, раз Джефф уже спит, а что-то в этой сказке тронуло душу, Матт закрывает руками лицо и начинает плакать.

Часть пятая
Эскалация обязательств

А) Стефан и Роберто

Будучи свободным штатом, Нью-Йорк, вероятно, достигнет высот подлинного величия.

Генри Луис Менкен

Коренную породу в этом регионе составляют преимущественно гнейсы и сланцы. Также широко распространены ледниковые отложения. Среди обнаруживаемых минералов встречаются гранат, берилл, турмалин, яшма, мусковит, циркон, хризоберилл, агат, малахит, опал, кварц, а также серебро и золото.

Стефан и Роберто вели себя смирно и даже терзались тревогой в день, когда сели на буксир с Владе и его подругой Айдельбе. Мистера Хёкстера они взяли с собой, и это оказалось удачным решением, потому что так ребятам приходилось за ним ухаживать. А без него им было бы нечего делать, а суть их экспедиций всегда заключалась в том, чтобы что-то делать. Однако в этот раз от них ничего не зависело. А ставки были весьма высоки. Вот беспокойство и возникало само собой.

Айдельба забрала их на Аквакультурном причале, что на 26-й улице возле пристани «Скайлайн», и, когда ее буксир прогрохотал к ним, мальчики изумленно переглянулись: судно оказалось огромным. Такого они и представить себе не могли. Оно было большим не как контейнерное судно, а как целый город длиной с целый причал, то есть в семьдесят футов, и высотой примерно этажа в три в мостике, с широким гакабортом и прямоугольной кормой.

— Вау, — проговорил мистер Хёкстер, глядя на него. — Карусельный буксир. Еще и называется «Сизиф»! Вот это круто!

Айдельба вместе с одним из членов экипажа открыла проход в боковой стороне корпуса и опустила лестницу. Мальчики помогли мистеру Хёкстеру забраться по ней сначала на борт, а потом подняться по узким ступенькам к мостику. В экипаже Айдельбы, похоже, оказался всего один человек — мужчина, кивнувший им из-за штурвала, установленного на широкой панели посреди крупного изогнутого окна. В рулевой рубке. Ист-Ривер с такой высоты выглядел поразительно.

Когда они отчалили, Владе поднялся вместе с Айдельбой, и лоцман, худощавый темнокожий

мужчина по имени Табо, нажал на дроссель, и буксир двинулся вверх по реке. Отлив никак не влиял на этого зверя — мощи в нем было более чем достаточно, чтобы идти против течения на скорости. А учитывая, каким он был тяжелым и приземистым, скорость была поистине поразительной.

— Такую крошку не спрячешь, — заметил Владе, увидев лица мальчишек. — Нам придется просто стоять и бросаться в глаза.

— В Бронксе постоянно кто-то копается, — сказала Айдельба. — Мы ни у кого не вызовем любопытства.

— А у нас есть разрешение? — спросил мистер Хёкстер.

— На что?

— На то, чтобы копать дно в Бронксе. Разве это не требует разрешения городских властей?

— Да, конечно. Требует. Но мое разрешение действует по всему городу, поэтому если кто спросит, то у нас все нормально. Но, по правде сказать, спрашивать никто не будет. У речной полиции и без того хватает забот.

— И не только у речной, — добавил Владе.

Айдельба и Табо усмехнулись. Мальчики перестали думать о том, чтобы оставаться неза-

меченными, и понемногу успокоились. Айдельба позвала их на главную палубу, чтобы они там осмотрелись. Мистер Хёкстер сказал, что не против, если его оставят на мостике, и ребята сбежали по ступенькам и стали носиться по палубе, выглядывая на воду со всех сторон, но особенно сзади, с широкой кормы, за которой буквой «V» тянулась кильватерная струя. От работы мощного двигателя вибрировала палуба, а ветер здорово пробирал, особенно если пробежать вперед, наклониться над носом судна и глядеть на сине-бурую волну впереди.

— Это самая мощная штука, на которой мы бывали, — сказал Роберто. — Почувствуй, какой мотор! Глянь на волну перед носом! Да мы сильнее этой реки!

— Надеюсь, мы сегодня что-нибудь найдем, — сказал Стефан.

— Наверняка. Сигнал был сильный, и мы находились прямо над ним. В этом никаких сомнений.

— Ну, — возразил Стефан, — вообще-то сомнения были.

Роберто не стал с этим соглашаться, а лишь затряс головой, будто собака.

— Нашли! Были прямо над ним!

— Надеюсь, что так.

Когда буксир приблизился к их бую, мальчики заметили его на поверхности и указали на него стоявшим на мостике взрослым. Буксир резко затормозил и накренился так, что нос стал заметно ближе к воде. После этого он стал двигаться уже как обычное судно.

— Наш буй никак не удержит такого зверя, — указал Стефан.

— Точно, — согласился Роберто.

Когда буксир подошел к бую, Табо спустился и нажал на большую кнопку, очевидно сбрасывающую якорь. Тот, похоже, сам по себе был той еще громадиной, потому что, когда он ударился о дно, нос поднялся почти так высоко, как задирался обычно на полном ходу. Когда приглушенный лязг якорной цепи прекратился, Табо помахал Айдельбе, наблюдавшей с мостика.

— А что, если якорь там застрянет? — спросил Роберто у Табо.

Тот покачал головой:

— Она осматривает дно с помощью сонара. И выбирает ему хорошее место. С этим редко бывают трудности.

«Сизиф» немного отнесло отливом, а потом он остановился — значит, якорь встал на место.

Айдельба выключила двигатель, и они свободно закачались, стоя на якоре.

— Ух, вот бы сейчас еще разок туда нырнуть! — воскликнул Роберто.

— Ни в коем случае, — отрезал Стефан. — От этого нет толку.

— Скоро увидим, что там у вас, — пообещал Табо.

Айдельба, Владе и мистер Хёкстер спустились на палубу, и Владе помог Айдельбе и Табо развернуть шланг. Роберто и Стефан стали относить сегменты шланга к корме и крепить их к длинной «змее», которая там собиралась. В диаметре шланг достигал футов четырех, а конец его представлял собой гигантскую стальную пасть с когтями, похожими на кончики ледорубов, загнутые по ее окружности, будто отметки на компасной розе. Когда было готово примерно тридцать футов шланга, Табо прикрепил его конец к тросу и подтянул к подъемнику. Мальчики помогли прокрутить подъемник, пока его рычаг вместе с концом шланга не оказался над водой. Затем Айдельба, нажав на еще одну толстую кнопку, опустил конец вниз, и тот вместе с тросом исчез в темной воде.

— Так, смотрите-ка, — сказал Владе мальчи-

кам.

Айдельба и мистер Хёкстер следили за панелью, где работало сразу три экрана. Шланг и трос на всех трех походили на падающую на дно змею, их контуры были четкими на изображениях сонара и радара и размытыми в свете подводных фонарей, которые Айдельба опустила на других тросах с катушек, подвешенных за бортом.

— Это ваш колокол? — спросила Айдельба, указывая на конический объект на дне.

— Наверное, — ответил Роберто, приглядываясь. — Кажется, мы оставили его там, когда Владе меня вытащил.

Айдельба мрачно покачала головой.

— Да вы сумасшедшие, ребята, — сказала она. — Я удивлена, что вы вообще живы.

Роберто и Стефан неуверенно усмехнулись. Айдельбе явно не было смешно, а мистер Хёкстер смотрел на них с беспокойством. Зато сейчас, на ветру и в свете солнца, он выглядел так, каким был, наверное, годы назад.

— Мы уберем эту смертельную ловушку с дороги и отсосем грунт, — объявила Айдельба.

Они с Табо управляли оборудованием дистанционно, и хотя там было темно, они действовали так, будто видели все если не идеально, то как

минимум достаточно, чтобы делать все, что им нужно. Владе помогал им, следя за сонаром и радаром, явно чувствуя себя уверенно с этими устройствами. Роберто и Стефан переглядывались друг с другом, чувствуя, что оказались «далеко за пределами своей лиги», хотя и оставались еще в своей стихии. Как делались такие вещи? — вот о чем им хотелось побольше разузнать. Мистер Хёкстер наклонялся к ним, опираясь на их плечи, и расспрашивал о том, что они видели внизу. Также он рассказывал, что видел сам, и хотя ребята сомневались в его толкованиях, было все равно здорово. Мистер Хёкстер, несомненно, включился в процесс, почувствовал себя членом команды.

С помощью одного из крючков на конце шланга Айдельба подняла колокол с того места, где Роберто, как выразился старик, едва не вырыл себе подводную могилу. Отставив колокол далеко в сторону, она вернулась точно к красной отметке, которую Роберто оставил на асфальте. В монохромной мгле она выглядела призрачно-серой, но это не помешало крюкам впиться в асфальт вокруг ямки. Затем Табо щелкнул переключателем, и буры заработали так, что их громыхание отдавалось у ребят в печенках. Стефан и Роберто

изумленно переглянулись.

— Вот что нам было нужно, — заметил Стефан.

— Точно, — согласился Роберто. — Подумать только: мы хотели делать все это киркой.

— Киркой, которую нельзя было даже поднять над головой, не опрокинув колокол!

— Да, знаю. Это бред.

— О чем я тебе и говорил.

Роберто состроил гримасу сожаления и потер экран сонара, словно от этого изображение темного дна, теперь еще и заслоненное мельтешащим в воде мусором, стало бы четче.

— Джентльмены, — заявила Айдельба, — сейчас мы высосем все, что там есть. Целью я назначаю металл, который вы нашли и который мой металлодетектор тоже показывает, так что вы молодцы. Когда я включу отсос, будет очень шумно, а то, что он затянет, мы потом отсеем. Но слышать друг друга мы не сможем, поэтому, если увидите, как что-нибудь вышло на палубу, помашите, чтобы я вас увидела.

Она перешла на крик, потому что теперь шум заработавшего двигателя, доносившийся из рубки под мостиком, значительно усилился. Казалось, весь буксир только и состоял из этой машины, что грохотала под палубой. Пылесос

из ада! Чтобы разговаривать, теперь нужно было кричать друг другу в уши, но большинство только прижимало к ушам ладони и общаться не собиралось. Табо залез в шкафчик и достал на всех пластиковые беруши. Искатели кладов заткнули уши, и стало заметно тише, но теперь они могли лишь махать друг другу руками.

Ребята стояли с Владе и мистером Хёкстером у верхнего конца шланга, а когда шланг начал извергать ил с грязью в большой ящик на палубе, склонились над ним и принялись наблюдать за темной жижей. Воздух наполнила знакомая вонь, один из запахов города, в наихудшем своем проявлении. Все сморщили носы, но продолжили наблюдать. Грязь вытекала через большую решетку в ящике и попадала в желоб в палубе, куда через шланги поступала также вода, и все это проходило по желобу к корме, после чего выливалось сквозь другую решетку обратно в реку. Владе натянул резиновые перчатки до самых локтей, затем надел респиратор и принялся копаться в грязи. Создавалось стойкое впечатление, что это занятие ему привычно.

Пока продолжалось всасывание, позади буксира разливалось пятно черной грязи. Всюду стояла аноксичная вонь. Спустя примерно десять минут

Айдельба передвинула рычаг, и шум прекратился. Табо и Владе отсоединили последнюю секцию шланга и покопались внутри него. Они вынимали оттуда ошметки бог знает чего, выкладывали под шланги, выходящие к желобу на палубе, проверяли, не оставалось ли там чего после того, как с этих ошметков смывалась грязь, а потом аккуратно выкидывали их за борт. Обычно это оказывались куски бетона или асфальта, иногда отсыревшая древесина, которую они осматривали несколько внимательнее; обломки камней, какой-то керамики. Даже козий рог, меховое тельце то ли енота, то ли скунса, гигантские раковины моллюсков, большая уцелевшая бутылка, рыболовный багор, утонувшая кукла, множество различных камней.

Когда шланг был прочищен, всасывание продолжилось. Айдельба направила конец шланга ко дну, старик пристально уставился на экран через ее плечо. Трудно было поверить, что он понимал что-то по кляксам, что были там видны, но выглядел он как человек, который знал, на что смотрит. Шум снова стал невыносимым. В ящик полилась грязь, однако ничего интересного в ней не содержалось.

Труба снова засорилась, и ее снова стали чи-

стить вручную. Смывались из нее в основном круглые камни, иногда расколотые, а зачастую имеющие форму гигантских яиц. Когда всасывание отключили, мистер Хёкстер воскликнул:

— Это же ледниковые отложения! Бóльшая часть Лонг-Айленда состоит из них. Остались здесь с конца ледникового периода. Это значит, что мы, похоже, достигли старого дна реки.

Айдельба кивнула и продолжила ковырять грязь.

— Пока не дойдешь до коренной породы, всегда приходится копаться в этих отложениях. Во всей бухте ничего другого и не найдешь, разве что еще какие-нибудь частицы почвы в грязи под водой. Или отходы и мусор. Но в основном да, ледниковые отложения.

После прочистки они снова включили всасывание, но прежде чем машина снова завыла и заревела, мистер Хёкстер обратился к Айдельбе:

— А вы сможете сказать, когда мы окажемся на глубине, где должен находиться металл?

Она кивнула, и они продолжили.

Еще после двух прочисток они вдруг заметили, что разбирают куски старинной древесины, обтесанные и обструганные, похожие на что-то вроде рангоутов и банок. Все безмолвно переглянулись

между собой — высоко вскинутые брови, широко распахнутые глаза. Обломки старого корабля — да, это было похоже на обломки старого корабля. Затем очередное всасывание — теперь к нему приступили с повышенным интересом. Мальчишки бегали и разглядывали каждый ошметок, попадавший в желоб, — камень за камнем, булыжник за булыжником.

Затем, посреди рева насоса, раздался громкий лязг, и все замерло. Что-то сильно ударило о фильтр внутри шланга. Все повынимали из ушей беруши. Табо и Владе отсоединили шланг от ящика и принялись вытаскивать то, что попало в фильтр.

Рядом с решеткой они обнаружили деревянный сундук с изогнутой крышкой, футов двух в длину, обтянутый черными полосками, от которых потемнело примыкающее к ним дерево. Владе попытался поднять его в одиночку, но не смог. К нему присоединился Табо, затем Айдельба, и вместе они затащили его на палубу и с глухим стуком бросили на нее. Стефан и Роберто буквально плясали вокруг взрослых, пытаясь проползти между ними и вдыхая мертвецкую вонь грязной прогнившей древесины. Это был запах сокровища.

Табо взял короткий ломик и посмотрел на

Айдельбу. Та посмотрела на мистера Хёкстера. Хёкстер, широко ухмыляясь, кивнул.

— Только аккуратно, — сказал он. — Должно открыться легко.

Так и вышло. Табо вставил ломик между крышкой и стенкой сундука, рядом с металлической пластиной, очевидно, ранее служившей ручкой и замком, но сейчас превратившейся в неопределенный черный нарост. Пара движений, аккуратное нажатие, скрежет. Табо провернул ломик и снова нажал. Крышка со скрипом подалась. В сундуке оказались монеты. Слегка черноватые, слегка зеленоватые, но преимущественно золотые. Золотые монеты.

Все заликовали — бросились плясать вокруг сундука и глухо завывать к небесам. Чудно было видеть, что взрослые в эту минуту ничем не отличались от Стефана и Роберто, что они все еще сохранили в себе эту способность, несмотря на свои годы.

— Сундуков должно быть два, — громко произнес мистер Хёкстер в ответ на взгляд Айдельбы. — Так было указано в манифесте.

— Хорошо, — сказала Айдельба. — Давайте еще покопаем. Наверняка они лежали рядом.

— Да.

И пока мальчишки продолжали скакать и хлопать в ладоши, взрослые снова включили насос. Все засунули себе беруши и начали по новой. Это было какое-то безумие. Стефан и Роберто во все глаза смотрели друг на друга, словно вопрошая: «Ты можешь в это поверить?» Но безумие или нет, во время третьей процедуры всасывания снова раздался лязг, очень явный и характерный. Они отключили насос, отсоединили трубку от ящика, и — ну надо же! — еще один деревянный сундук.

После этого Айдельба, еще сильнее изумляя мальчишек и даже мистера Хёкстера, продолжила копаться дальше. Владе лишь улыбался им, качая головой. Айдельба всегда была сама скрупулезность, говорил его взгляд. Когда она сделала перерыв, чтобы прочистить фильтр, Владе заметил им:

— Она сейчас весь Южный Бронкс высосет, говорю вам. Просто на всякий случай. Мы здесь можем на всю ночь остаться.

Затем стали раздаваться более слабые лязги, и они начали находить черные чаши, ржавые ножи, осколки керамических изделий — все это скатывалось в месиво на дне ящика либо скользило по желобу в палубе. Запах при этом стоял тошнотворный, но на это никто не обращал

внимания. Все надели резиновые перчатки и ковырялись в жиже, обмывая находки под шлангами, будто рудоискатели.

Спустя полчаса останки корабля перестали им попадаться. Опять пошли камни, песок и ледниковые отложения — первобытный материал побережья гавани.

Наконец, Айдельба отключила насос и взглянула на старика.

— Что думаете? — прокричала она. К этому времени все успели почти оглохнуть.

— Я думаю, мы достали все, что было нужно! — воскликнул Хёкстер.

— Хорошо, — сказала она. — Поплыли отсюда.

* * *

На обратном пути к причалу 26-й все стояли в рубке и возбужденно обсуждали находку. Мистер Хёкстер осмотрел несколько монет и заявил, что они точно такие, какие и должен был перевозить «Гусар», что было совершенно логично. Большинство были покрыты темно-зеленым налетом, но там, где к ним прикасались, проявлялся тусклый золотой цвет, и Хёкстер, почистив несколько монет щеточкой, объявил, что это в основном гинеи, плюс кое-какие образцы других монет.

Все они сияли в освещении мостика, будто нечто явившееся из иной вселенной — из вселенной с большей гравитацией. Когда они брали монету в руку, та казалась как минимум вдвое, а скорее даже вчетверо крупнее обычной — их тяжесть была чрезвычайно ощутимой.

— Так чьи они? — спросил Роберто, глядя на Владе.

Владе прочитал его взгляд и улыбнулся:

— Мистера Хёкстера, верно?

— Думаю, да. — Роберто не смог сохранить каменное лицо, и, когда на нем возникло удрученное выражение, все рассмеялись.

— Верно, — подтвердил Стефан. — Это он выяснил, где они лежат.

— Но вы же их нашли, — быстро проговорил старик. — А эти добрые люди их достали. Думаю, таким образом мы имеем целое объединение.

— Для таких случаев есть целая юридическая процедура, — заметила Айдельба, нахмурившись. — Мы иногда применяем ее со своими пляжами. Мы обязаны сообщать об определенных находках, чтобы у нас не отобрали разрешение.

Это заявление никого не обрадовало, в том числе и саму Айдельбу. Стефан и Роберто и вовсе пришли в ужас.

— Они просто все у нас отберут! — заявил Роберто.

Взрослые задумались. Такой исход был явно нежелателен.

— Могу спросить у Шарлотт, — сказал Владе. — Думаю, ей можно доверять и она возьмет нашу сторону.

Мальчики с Хёкстером кивнули. Когда буксир стал снижать скорость, приближаясь к причалу, все задумчиво хмурили брови.

Прежде чем они достигли 26-й, Табо сказал что-то Айдельбе, а та подозвала Владе к экранам.

— Смотри, Табо увидел это, пока мы копали. — Она понажимала на клавиши, и на экране возник скриншот. — Это инфракрасное изображение с одного из тросов, которые мы спустили с трубой, здесь видны горячие участки дна. И посмотрите сюда: там, откуда мы стали копать, было прямоугольное горячее пятно.

— Может, вход в метро? — спросил Владе. — Там-то до сих пор горячо.

— Да, это может быть Сайпресс-стрит, верно? Так по картам. Но здесь горячее, чем обычно в метро, и пятно прямоугольное. По размерам и форме больше похоже на контейнер со старого контейнеровоза. И видишь ли, сонар показывает,

что в нескольких кварталах оттуда целая стоянка таких контейнеров, позади старого разгрузочного причала. Мне просто интересно, это контейнер или нет. Вот только в туннеле метро? И такой горячий?

— Может, радиоактивное содержимое?

— Иисусе, надеюсь, что нет.

— У вас на судне нет датчика радиации?

— Нет, черт возьми.

— А зря. Тут в гавани чего только нет, сама же знаешь.

— Ну да, может, и зря.

— Когда если не знаешь, куда лезешь, то тебе ничего не грозит. Но это не тот случай.

— Я в курсе. Хотя и надеялась, что тот.

— Нет, не тот. Но вообще да, это странно. Я попрошу своих друзей из городского управления водоснабжения на это взглянуть.

— Хорошо. Ты с ними еще поддерживаешь связь?

— О да. Играем в покер раз в месяц, как правило.

— Хорошо. Интересно, что они смогут на этот счет выяснить?

— Мне тоже.

Роберто, все еще разглядывавший золото, вдруг

вклинился в их разговор:

— А что будем делать с сокровищем?

Айдельба и Владе пристально посмотрели друг на друга.

— Давайте отвезем его в Мет, — предложил Владе. — Высадите меня на 26-й, я возьму свой катер. Мы отвезем все это к нам в здание, и я запру золото в сейфе. Там оно будет в безопасности до тех пор, пока мы не придумаем, что с ним делать. А с тем, что с ним делать, раз уж ты об этом упомянул, могут возникнуть трудности.

— Трудности могли возникнуть и без его упоминания, — сказала Айдельба. Потом перевела взгляд на Табо, и тот кивнул. — Ладно, — продолжила она, — я не сомневаюсь, ты позаботишься обо всех нас.

— Конечно, — Владе кивнул.

— У нас объединение, — проговорил старик. — «Гусар-6».

Все согласились с этим, по кругу пожав друг другу руки, и Табо вывел буксир в воды Ист-Ривер и доставил их до причала на 26-й улице. Город и река сейчас, казалось, выглядели, как в сновидении.

Б) Владе

В Центральном парке на скамейке сидит мужчина. Середина жаркого лета, 1947 год. Через тропинку на другой скамейке сидит другой мужчина. «Эй, вы как?» – «Хорошо, а вы?» – «Жаркий вечерок, да?» – «Даже слишком. У меня в квартире, как в печке». – «У меня тоже. А вы чем занимаетесь?» – «Я художник». – «Да ну? А как вас зовут?» – «Виллем де Кунинг. А вас?» – «Марк Ротко. О, я о вас слышал». – «Я о вас тоже».

Начало долгой дружбы.

На следующий день Владе нанес визит своей подруге по имени Розарио О'Хара, ветерану службы городского метро. В годы, когда Владе работал в ее подчинении, они выполняли все обычные работы в метро, которые в то время включали расширение их рабочего диапазона за счет затопленных участков метро. Эта работа продвигалась медленно и заключалась преимущественно в использовании туннелей в качестве гигантских, заполненных водой технологических коридо-

ров и прокладывании по ним чего-то похожего на кабелепроводы для линий электропередачи, канализации, трасс для автоматического питания подводных капсул, кабелей связи и прочего. При этом постоянно отслеживалось, чтобы у ныряльщиков имелся доступ для обслуживания этих туннелей. Управление городского транспорта и Портовое управление Нью-Йорка и Нью-Джерси давным-давно разделили свои старые полномочия и обязанности, но не каким-нибудь разумным образом, а так, что если что-то происходило на шестидесяти процентах той части системы метро, которая находилась под водой, то начиналась борьба за власть между преемниками двух управлений. В результате этого создавались спорные территории, на которые претендовали менее официальные союзы между рабочими бригадами. Так, Владе проработал в Управлении городского транспорта десять лет своей молодости. За эти годы он натянул миллионы миль подводных кабелей и переделал кучу более интересных дел. Все эти задачи выполняли бригадами, и опасный труд объединял людей настолько, что бригады становились сплоченными, будто семьи, и это чувство спаянности сохранялось надолго после того, как с работой

было покончено.

Поэтому он совершенно спокойно позвонил Розарио и попросил встретиться в плавучей такерии рядом со зданием Управления на Гудзоне, где они могли посидеть и поговорить за едой.

— Ты не слышала, чтобы станцию Сайпресс недавно использовали? Чтобы осушили и чем-нибудь заняли?

— Не слышала. А почему ты спрашиваешь?

— Ну, я недавно плавал примерно в том районе с друзьями, и их инфракрасный датчик показал на дне повышенную температуру. Судя по всему, это был Сайпресс, и я подумал, что тепло могло подниматься оттуда со станции.

Это не было большой редкостью: большинство затопленных станций выпускали из-под земли струи теплого воздуха. Жизнь в подводном Нью-Йорке кипела.

— Сомневаюсь, что там что-то есть, — ответила Розарио. — Насколько помню, раньше там была промзона. Парковки для машин, контейнеров, автобусов, платформ. И еще ряд цистерн с маслом на старом берегу.

— Вот и я так подумал. Но там точно было какое-то тепло. Нутром чую, что там что-то может твориться.

— С чего бы это?

— Не знаю. У меня в здании пропали люди, есть случаи саботажа, и меня это все пугает. В любом случае я был бы рад посмотреть, в чем там дело. Но мне кажется, это дело непростое, поэтому мне нужен напарник.

— Хорошо, — Розарио кивнула. — Трина Добсон и Джим Фрицше тебя устроят?

— Конечно. Я как раз на них и надеялся.

— Я гляну, когда они свободны по графику. А тебе когда лучше?

— Как они смогут, так и я готов.

* * *

Не успела завершиться неделя, как вся группа собралась на 26-й, где находилась станция на 6-й линии по направлению к Пелему. Владе опасался, что там могло работать наблюдение, но Розарио предложила зайти со стороны, как они делали это в прежние времена, когда работали в туннелях. Владе все это было по душе, и Трине с Джимом тоже — они явно были довольны, что появился повод снова позаниматься этими глупостями. В туннели никто не нырял ради забавы, хотя на самом деле это было весело.

86-я была одной из немногих станций на 6-й ли-

нии, оставшихся на суше, и благодаря этому они смогли там одеться и проверить костюмы друг друга. Владе и Джим вместе работали в былые времена, и Владе знал Джима как превосходного ныряльщика; теперь было просто приятно увидеть его снова. Трина же была старым партнером Розарио. Закончив приготовления, они спустились по лестнице и нырнули на уровень туннеля, после чего устроились на рельсовой тележке и двинулись на север.

Тележка перемещалась по туннелям сквозь черную воду гораздо медленнее, чем когда-то ездили поезда, но все-таки намного быстрее, чем плывущий человек. У Розарио имелись все необходимые коды, и она взяла управление на себя. Им нельзя было проводить на такой глубине слишком много времени — иначе при подъеме могла произойти декомпрессия. Поэтому тележка подвернулась очень кстати.

Это было жутковатое путешествие, словно сон о поездке на старом метро. Они держались за тележку и вертели головами во все стороны, так что лучи их головных фонарей попадали на кафельные стены станций, мимо которых они проезжали, и стены блестели от их света. Вода в туннелях оказалась прозрачнее, чем в реке,

и когда на стены между станциями падал свет, то вырисовывался весь цилиндр туннеля, по которому они продвигались. Это всегда казалось удивительным, сколько раз они в метро ни спускались.

Через полчаса тележка завезла их под Гарлем-Ривер и Бронкс-Килл. Розарио остановила ее на станции «Сайпресс-авеню», и они осторожно поплыли к темной лестнице. Чем выше поднимались, тем мутнее становилась вода.

Там, в большом помещении прямо под старым уровнем поверхности, они его и заметили — грузовой контейнер, темный, но со светлыми следами от канатов и ремней, которые, очевидно, еще недавно крепились к нему по бокам. Его сбросили в один из проходов, что тянулся сюда от старого уровня поверхности.

Владе подплыл к контейнеру и навел на него инфракрасный указатель, который взял с собой специально для этой цели. Действительно было тепло. Когда он подобрался ближе, то перестал отталкиваться ногами и, помахав руками, остановил движение. На одном из концов контейнера располагались легко узнаваемые элементы — надувной шлюз с выдающейся из мрака лестницей, которая вела вдоль туннеля к герметичной две-

ри. Если закачать в такой туннель воздух, он поднимался под углом сорок пять градусов к поверхности, и его можно было открыть наверху, чтобы выкачать оттуда воду, а потом спуститься к двери шлюза, которая могла быть приклеена к какому угодно проему. На поверхности можно было захватить свободный конец лестницы лодкой или причалом и поднять его наверх, а затем спуститься туда, к чему оно приклеено. Такой метод широко применялся по всей гавани и был всем хорошо знаком.

Розарио подплыла к Владе и обратилась по встроенной в их костюмы рации:

— Гляди, там наверху, рядом со шлюзом, баллон с воздухом. Водоблоки, воздух и канализация, все дела.

— Ага.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь постучать по нему и проверить, не постучит ли кто в ответ. Если постучит, то вызову полицию и подожду, пока она не прибудет.

— Надо было взять подводные пистолеты.

— Мы и взяли, — сказали Джим и Трина, кивнув на свои плавательные сумки.

— Достаньте их, пожалуйста, — попросила Розарио. — Так, ладно, вперед. Если здесь держат

заложников, то тут наверняка должны быть датчики, поэтому давайте торопиться.

Владе подплыл к теплому контейнеру и выстучал старинный сигнал приветствия — «Собачий вальс». А потом приложил ухо к поверхности контейнера.

И через несколько мгновений услышал, как постучали в ответ. Три коротких, три длинных, три коротких. Сигнал SOS, не иначе. Наверное, единственное, что теперь в этом мире передавалось с помощью азбуки Морзе.

— Вызывайте полицию, — сказал он остальным.

Розарио выплыла вдоль старых ступенек, ведущих в метро, к поверхности. В сумке у нее лежало радио, и по нему она позвонила — остальные слышали ее по рации.

Полиция прибыла примерно через пятнадцать минут, хотя казалось, что времени прошло больше. Когда на патрульном катере отключился двигатель, все четверо поднялись к поверхности и рассказали о своей находке.

Полицейские, как выяснилось, уже сталкивались с подобными случаями. Они попросили ныряльщиков спуститься и подтянуть туннель к ним, что Владе с Джимом и проделали. Затем

подсоединили к клапану туннеля воздушный шланг и накачали его под завязку, так, что он заполнил бóльшую часть старого входа в метро. После этого подключили к внутреннему цилиндру водяной насос и выкачали цилиндр досуха. Их насос казался ничтожным в сравнении с тем, что был у Айдельбы, но его хватило, чтобы быстро опустошить внутреннее пространство туннеля, которое и так было почти сухим изначально. Когда все это было проделано, двое полицейских спустились в туннель. Один нес сварочный пистолет и гарнитуру.

После этого Владе с остальными поднялись на катер и принялись ждать. Они поглядывали, не приближается ли к ним какое-нибудь другое судно, хотя зрение после пребывания под водой у них ослабло и шансы что-то увидеть были невелики. Они ведь еще и время от времени ныряли, чтобы убедиться, что поблизости нет никаких подводных аппаратов. Потому что они могли это сделать, а полицейские нет, так что Владе и Джим, беспокойно осматриваясь, сторожили у контейнера, лишь ненадолго всплывая. Но к контейнеру никто не приближался. Когда Розарио позвала, они всплыли как раз вовремя, чтобы увидеть, как полицейские выбираются из

туннеля, помогая подняться по лестнице двоим бородатым мужчинам. Очутившись под открытым небом, мужчины остановились и огляделись вокруг. Они щурились, будто кроты, и прикрывали глаза козырьком ладони.

B) Тот гражданин

Бывает еще рынок рынков.

Дональд Маккензи

Темные омуты глубоко под водой. Темные омуты в экономике, скрытые пулы. Неконтролируемые и неучетные. По оценкам, втрое превышающие официально учтенные. Биржи не рекламируются, здесь не дают пояснений для посторонних. И все непрозрачно даже для тех, кто это организует.

Придите на такую биржу и посмотрите, что́ там предлагается за меньшую цену, чем обычно. Купите этого побольше в надежде, что это именно то, чем должно быть, а потом возьмите и продайте по официальной цене. Наносекунда — это миллиардная доля секунды. Вот как быстро происходит торговля. Предложение, возникающее у вас на экране, отражает не настоящее, а представляет какой-то момент в прошлом. Или, если вы так уж хотите настоящего, это высокочастотные алгоритмы, которые действуют в актуальном будущем, то есть в том, где они могут сработать быстрее, чем вы сами. Они действуют

поперек технологической линии перемены даты, работают в следующем настоящем, и когда вы предлагаете купить что-то, то это могут сначала купить, а потом продать по бóльшей цене. Высокочастотные торговые алгоритмы могут реагировать на котировки быстрее, чем люди вообще будут замечать их изменения. С любой сделки в скрытом пуле что-то имеют высокочастотные вторженцы. Это косвенный налог, навязываемый самим облаком.

Жидкость испарилась. Прошла фазовое превращение, став газом. Превратилась в газ, стала неощущаемой. Стала метафизической.

По этой причине большинство движений капитала происходит вне поля зрения и не регулируется, оставаясь в своем собственном мире. Две трети от всего объема, но это только по оценке — может быть и больше. Триллионы долларов в день. Может, даже квадриллион, то есть тысяча триллионов долларов. А некоторые люди, если хотят, могут вытащить часть этих испарившихся денег из скрытых пулов и вновь сделать их жидкими, придать текучести, а потом позволить затвердеть, купив что-то в реальной экономике. В реальном мире.

В этом случае, если вы считаете, что знаете, как

устроен мир, задумайтесь хорошенько. Вас обманули. Вы не знаете, не понимаете, вам никогда не раскрывали всего. Простите, но так и есть.

Но если вы думаете, что банкиры и финансисты этого мира знают больше вашего, то вы снова ошибаетесь. Эту систему не знает никто. Она развивалась втайне ото всех, пока не стала гиперобъектом, случайной мегаструктурой. Ни один человек не в состоянии познать ни одну из этих мегаструктур, не говоря уже о мегамегаструктуре, которой является вся мировая система в целом, система всех систем. Банкиры сами в молодости были трейдерами. Они хватают тигра за хвост и едут на нем туда, куда он везет, возглашая, что летят на лодке с гидрокрыльями. Профессиональная сверхуверенность. С возрастом многие из них зарабатывают себе кучу денег и уже чувствуют печенкой (иногда в буквальном смысле), что изнурены, и тогда они уходят и берутся за что-то новое. Финансы — это не призвание на всю жизнь. Небольшой процент финансистов превращается в провидцев, и их считают мудрецами. Хотя на самом деле они не так уж мудры. Тот, кто прохлаждается в джунглях, не увидит всей местности. К тому же они не великие мыслители. Высокочастотная торговля — это случайность,

череда совпадений. Кто это понимал — так сразу уходил. Потому что в аптауне было слишком мало идей. Даже великие мыслители не могут знать всего — они тоже невежественны, хватаются за подробности возникающей ситуации, в любом случае непостижимой, и дают свои разрозненные комментарии. Их чересчур впечатлил Ницше, величайший философ, но непоследовательный писатель, который разрывался между гениальностью и вздором. С тех пор этим оправдывается любая подобная беллетристическая мишура. Его подражатели напоминают в лучшем случае Рембо, который бросил писать в девятнадцать лет. И независимо от псевдоглубокомысленности чьего-либо прозаического стиля это система, которую невозможно познать. Она слишком велика, слишком темна, слишком сложна. Вы застряли в тюрьме, которую сами себе устроили, в лабиринте, погруженном глубоко в темный омут. Это к слову о беллетристической мишуре.

Впрочем, в Нью-Йоркской бухте есть и другие темные омуты. Они находятся за морской травой, растущей в устьях городских каналов, глубже, чем способен достать любой алгоритм. Потому что жизнь не всегда укладывается в алгоритмы, это клубок зеленых фитилей, цветение виталь-

ных сил. Ничто из придуманного нами не может сравниться по сложности с экосистемой этой бухты. Старые канализационные люки на дне каналов извергали жизнь из глубины. Жизнь течет вверх и вниз, вместе с приливами и отливами. Среди рыб и водорослей плодятся саламандры, лягушки и черепахи. Над ними, на бетонных утесах, гнездятся птицы — те, кто выиграл от законов, регулировавших минимальные расстояния между небоскребами. Законы те действовали между 1906 и 1985 годами. В Верхнюю бухту заплывают полярные киты, здесь у них рождаются детеныши. Малые полосатики, финвалы, горбатые киты. По лесам внешних боро рыскают волки и лисицы. По площадям аптауна в три ночи бродят койоты, властелины космоса. Они охотятся на оленей, которых всегда и везде много, и избегают скунсов и дикобразов, которые странствуют по округе совершенно неприкаянные. Рыси и пумы прячутся, как дикие кошки, которыми они и являются, а количество одичавших кошек разрослось непомерно. Канадская рысь? Я называю ее манхэттенской. Она питается новоанглийскими кроликами, американскими зайцами, ондатрами и водяными крысами. А по центру всей сети устий плавает «мэр муниципалитета» — бобер

— и деловито застраивает заболоченную местность. Бобры — лучшие застройщики. Выдры, норки, пеканы, хорьки, еноты — все эти граждане населяют мир, который строят бобры. А вокруг плавают тюлени и морские свиньи. И кашалоты, которые входят в Нарроус, словно океанские лайнеры. Белки и летучие мыши. Черные медведи.

Они все вернулись, будто прилив, будто поэзия… В общем, прошу, смени меня, о дух славного Уолта:

Потому что жизнь незыблема,

Потому что жизнь шире уравнений, сильнее денег, сильнее оружий, ядов и плохой политики зонирования, сильнее капитализма,

Потому что Мать-Природа бьет последней и Океан силен, а мы живем только здесь и больше нигде, а Жизнь упряма и ее нельзя убить.

Вот Жизнь и стремится нырнуть в ваши темные омуты, Жизнь стремится разрушить ограды и вернуть общины,

О темные омуты денег, законов и квантиоценочной глупости, вы, сверхпростые алгоритмы жадности, отчаянные простаки, жаждущие услышать историю, которую сумеете понять,

Жаждущие безопасности, избавления от неопределенности, контроля над волатильно-

стью, о несчастные боязливые придурки,

Жизнь! Жизнь! Жизнь! Жизнь стремится надрать вам задницы.

Г) Инспектор Джен

Европейцу эти колоссы кажутся либо банальным, бессмысленным, зловещим свидетельством материальной цивилизации, либо новым удивительным достижением искусства. А я часто думал: может быть, восприятие зависит не только от первого впечатления? Я думал, что произойдет в то мгновение, когда он прильнет к поручню: покажутся ли колоссы просто хламом, вроде каких-нибудь стопок ящиков, или распадутся на суперкомпозиции?

Уилл Ирвин

Пешеход погиб при падении карниза со здания.

Примерно в четыре часа пополудни инспектору Джен позвонил Владе:

— Алло, мы нашли ребят, которых похитили в садах.

— Да ну! И где они были?

— В Бронксе. Я там поднимал кое-что со дна и заметил теплое пятно на старой станции Сайпресс.

Потом вернулся со старыми друзьями-подводниками, мы нырнули и получили сигнал SOS — от людей, которые сидели там в контейнере, — и полицейские приехали на катере, вскрыли контейнер и вытащили их.

— Ну и ну! — изумилась Джен. — Где они сейчас?

— На полицейском причале на 123-й. Сможете с ними там встретиться?

— Конечно, смогу. С удовольствием. Я же переживала за этих ребят.

— Я тоже.

— Отлично сработали.

— Скорее просто повезло. Но мы же их заберем обратно, да?

— Уж наверняка. Когда они дадут показания, я постараюсь привезти их сама. Да, а они уживутся в той капсуле со стариком, как думаете?

— Я могу поселить Хёкстера в другой, прямо рядом с ними.

— Звучит неплохо. Тогда до вечера.

Джен договорилась взять катер и попросила сержанта Олмстида поехать с ней. Сама сев за управление, она двинулась на север по Мэдисон. Пользуясь привилегиями полицейского судна, чтобы проскакивать через перекрестки,

она добралась до участка на пересечении 123-й и Фредерик-Дуглас.

Там обе жертвы похищения проходили восстановление в медпункте. Двое мужчин среднего возраста. Уже после душа и переодетые в гражданское. Один из них, Ральф Маттшопф — каштановые волосы, редеющие на макушке, примерно шести футов[92] ростом, с кобелиным взглядом, худощавый, за исключением небольшого животика, — сидел на стуле и пил кофе, беспокойно поглядывая по сторонам. Второй, Джеффри Розен — низенький, одичалый, с треугольной головой, поросшей мелкими черными кудрями, — лежал на кровати, и к запястью была прикреплена капельница. Вторую руку он запустил в волосы и тараторил что-то другим людям, находившимся в палате.

Джен, присев на стул, стала вставлять в эту нервную болтовню свои вопросы. Но очень скоро стало понятно, что они не смогут сильно помочь раскрыть загадку своего исчезновения. Прежде чем похитить, их вырубили. При этом, вероятно, им дали какое-то «молоко забвения», потому что о самом похищении они ничего не помнили. По-

---

[92] Примечания: 92
183 см.

сле этого они жили в том контейнере, ели вроде бы два раза в день — еду им подавали через щель в двери. В какой-то момент Розен заболел, и Маттшопф оставил об этом сообщение на подносе, и после этого им вместе с едой дали таблетки, которые Джефф и принял. Наступившие за этим провалы в памяти, очевидно, объяснялись новой порцией «молока забвения». С тех пор от своих похитителей пленники ничего не слышали.

— Сколько мы там пробыли? — спросил Джефф.

Джен сверилась со своим браслетом.

— Восемьдесят девять дней.

Двое мужчин, широко раскрыв глаза, переглянулись. Наконец, Маттшопф покачал головой.

— По ощущениям дольше, — сказал он. — Как будто, ну не знаю… пару лет.

— Не сомневаюсь, — ответила Джен. — Слушайте, когда медики с вами тут закончат, можно я подвезу вас домой? В Мете все о вас беспокоятся.

— Это было бы здорово, — согласился Джефф.

Джен оставила с ними Олмстида, попросив сержанта и дежурных полицейских хорошенько присмотреть за пострадавшими — ведь существовала как минимум вероятность того, что похитители вставили в них трекеры и могут

попытаться вернуть похищенных, а то и чего похуже. Приказав провести тщательное сканирование на предмет подобных устройств, Джен покинула участок и поплыла обратно к северному причалу Центрального парка, а потом прошла пешком к федеральному зданию за большими полицейскими причалами на перекрестке Пятой и 110-й.

К этому времени был уже закат, и солнечный свет пронизывал высотки с запада, обрисовывая их силуэты, будто хребты на драконьей спине против бронзового неба. Джен вошла в здание, миновала пост охраны и оказалась в офисе, где располагалась оперативная группа по делам контрабанды людей, собранная из представителей Службы гражданства и иммиграции, ФБР, полиции Нью-Йорка и Союза домовладельцев. Здесь она нашла старого знакомого, с которым работала в первые дни своей службы. Его звали Горан Раджан, и он радостно приветствовал ее и налил чашку чая.

Джен описала ситуацию со своими спасенными.

— Всего двое? — повторил Горан.

— Именно.

— И их продержали восемьдесят девять дней?

— Именно.

Горан покачал головой.

— Значит, это не контрабанда, а какое-то похищение. Выкуп не требовали?

— Нет. Похоже, никто вообще не знает, почему это произошло.

— Даже пострадавшие?

— Ну, я их еще как следует не опросила. Они жили в моем здании, и их похитили оттуда, поэтому я заинтересована лично. Сегодня я отвезу их домой и поспрашиваю еще.

— Хорошо, что ты за это взялась. Мы-то часто находим людей в таких контейнерах, по сотне зараз. А твои ребята не совсем в нашем ведении.

— Понимаю, но я надеялась, что вы проверите записи на ваших устройствах и выясните, не видно ли там, кто навещал этот контейнер, когда их кормил. Их, вероятно, навещали два раза в день.

Горан отхлебнул чаю.

— Могу попробовать. Если они приходили с поверхности, мы, скорее всего, это увидим. Если же все делали роботы — менее вероятно.

— А сколько у вас сейчас камер работает?

— Несколько миллионов. Сдерживающий фактор здесь — это анализ. Я постараюсь придумать ряд запросов, и посмотрим, что получится.

— Спасибо, — сказала Джен.

— Не забывайте, что похитители узна́ют, что их пленники пропали. И скорее всего, уйдут оттуда.

— Вряд ли об этом придется жалеть, — сказала Джен.

— Нет. Могу я спросить: ты ожидаешь, что я найду что-то конкретное?

— Я нахожу кое-что, заставляющее подозревать «Пинчер Пинкертон».

— Понятно. Это серьезная компания. У них куча дронов и роботов, которые могли бы посещать контейнер автоматически. Все операции можно было проводить удаленно.

— Ну, по крайней мере ты можешь увидеть эти дроны. — Джен допила чай и поднялась, готовая уходить. — Спасибо, Горан. Когда мне ждать ответа?

— Скоро. Компьютеры отвечают в ту же секунду, когда ты заканчиваешь задавать свой вопрос. Так что тут главное придумать, что спрашивать.

Джен снова поблагодарила его и, сев на свой катер, направилась обратно к участку на Фредерик-Дуглас. Там Маттшопф и Розен уже были готовы ехать, и она вместе с Олмстидом провела их к себе на борт и повезла по Ист-Ривер, к себе домой.

На мостике Джен стояла и рулила, а двое мужчин сидели на стульях, пялясь на городские виды, будто туристы. Самые высокие небоскребы позади них еще отражали немного тусклого света, хотя уже почти стемнело и облака стали серебристо-розовыми. Огни помрачневшего города плясали на воде и разбивались в кильватерных струях.

— Вам, наверное, совсем не по себе, — предположила Джен. — Три месяца взаперти — это немало.

Двое мужчин кивнули.

— То была камера сенсорной депривации, — сказал Розен. — А теперь вот это.

— Здесь красиво. — Маттшопф кивнул. — Город.

— И холодно, — добавил Джефф, дрожа. — Но пахнет приятно.

— Пахнет ужином, — догадался Маттшопф. — Нью-йоркскими морепродуктами.

— Сейчас отлив, — указала Джен. И добавила: — Мы поедим что-нибудь, когда окажемся дома.

— Звучит неплохо, — сказал Розен. — Наконец-то. Наконец-то ко мне возвращается аппетит.

Добравшись до Мета, они сошли на пристани, и Джен отправила Олмстида, чтобы тот вернул

катер в участок. Владе поприветствовал их, и они с Джен сопроводили двоих мужчин в столовую. Те были еще слабы. В столовой им предложили занять места, им принесли еду, но они захотели пройтись вдоль стойки и выбрать себе блюда. Они наполнили свои тарелки до краев, налили по бокалу флэтайронского красного вина и сели за стол, а Джен, сидевшая напротив, принялась расспрашивать о ночи похищения. Они кивали, качали головами, пожимали плечами, говорили мало. А потом Маттшопф, оглянувшись по сторонам, спросил:

— Давайте мы доедим и вы подниметесь к нам?

Она кивнула и стала ждать, пока они закончат.

Когда они, наконец, сказали, что наелись, и Джефф уже выглядел сонным, они поднялись в лифте на садовый этаж и прошагали в юго-восточный угол. Там нашли две капсулы — одна побольше, вторая поменьше. Мистер Хёкстер вышел поздороваться с новыми соседями. Двое мужчин вежливо пожали ему руки, но явно были слишком уж измотанными.

Зайдя в свою капсулу, они молча осмотрелись.

— Дом, милый дом, — проговорил Розен и тут

же улегся на свою койку.

Маттшопф уселся на стул рядом со своей.

— Вижу, наших планшетов нет, — заметил он, указывая на пластмассовый стол.

— А-а, — протянула Джен. — Еще что-нибудь пропало?

— Пока не знаю. У нас вещей и было немного.

— Итак, — проговорила Джен, — вы вроде бы хотели о чем-то со мной поговорить?

Маттшопф кивнул.

— Слушайте, в ту ночь, когда нас похитили, Джефф активировал скрытый канал, который включил в один из высокочастотных кабелей компании, где мы какое-то время работали. И отправил по нему кое-какие инструкции. Он хотел изменить правила торговли и… положение дел в мире, можно сказать, внеся для этого прямые правки. Переслать некоторую информацию и деньги в Комиссию по ценным бумагам, кое на кого донести. Не знаю, что еще. У него была целая программа, но, судя по всему, случившийся скачок привлек чье-то внимание. Он мог выглядеть как обычное воровство или, может быть, как сигнал о каком-то нарушении. В общем, очень скоро после того, как он нажал на нужную кнопку, нас, насколько мы помним, вырубили. Это

произошло, наверное, даже чересчур быстро, но, опять же, наши воспоминания об этом размыты. Может, прошла даже пара часов, но кто это скажет? Но той же ночью — это точно.

— А на кого вы работали, когда это случилось?

— Ни на кого. Мы оба потеряли работу и слонялись туда-сюда.

Джен оживилась:

— Разве вы не работали на Генри Винсона?

Розен удивился такому вопросу.

— Это мой двоюродный брат. Мы раньше на него работали.

— Я знаю. То есть видела это в записях.

Маттшопф продолжил:

— Да, мы на него работали. И это там Джефф устроил свою врезку, пока был в скрытом пуле компании своего брата. И как раз на этого брата он и хотел донести. Но тогда мы на него уже не работали. Нас уволили раньше.

— Он всегда был говнюком, — горько добавил Розен.

Джен внимательно на них посмотрела:

— Когда это произошло? И почему?

Маттшопфу пришлось все рассказать. Тремя годами ранее они занимались одним проектом в «Адирондаке», где Винсон был гендиректором.

Работенка была сомнительная — разрабатывали скрытые пулы. Позднее занимались халтуркой для «Олбан Олбани», компании Винсона. Это была работа по контракту, но они, как всегда, взяли обязательство о неразглашении. И во время этой работы Джефф обнаружил свидетельство неправомерного действия и сообщил об этом брату; у них возникла ссора, Джеффа и Матта уволили. Это вкупе с потерей квартиры на мелководье вынудило их начать свое блуждание по Нижнему Манхэттену и в итоге привело в Мет.

— Он снова стал жульничать, — добавил Джефф, когда Матт закончил. — Ушлепок этот.

— Что вы имеете в виду? — спросила Джен.

Но Джефф лишь покачал головой, борясь с отвращением.

У Маттшопфа задрожали губы. Он смотрел на Джен, оценивая уровень ее финансовой грамотности.

— Это был вариант игры на опережение в скрытом пуле, — проговорил он. — Скажем, вам заказывают какой-нибудь актив по 100. И вы тут же выходите сами и покупаете его себе по 100 в надежде, что он подорожает, но первый заказ пока не выполняете. Если цена вырастает до 103, то продаете, что купили, а тому, что сделал

заказ, говорите, что не смогли найти покупателя. А если цена падает до 98, то просто выполняете заказ по 100. И так и так вы в плюсе. Проиграть никак нельзя.

— Классно, — прокомментировала Джен.

— Но незаконно, — сказал Джефф, все еще борясь с отвращением, вызванным воспоминанием о брате. — Я сказал ему это, а он просто ответил, что такого не было. Сказал, чтоб я отвалил.

— А если бы вы его сдали? — спросила Джен.

— До этого я пытался, — ответил Джефф. — Когда работал в сенате. Мне никто не поверил, а я не смог доказать.

— Доказать такое тяжело, — сказал Маттшопф. — Это как доказать намерение. Оно происходит за доли секунд. Нужны полные записи всего-всего, и это должно произойти более одного раза.

— Сейчас я бы смог, — мрачно пробормотал Джефф.

— Правда? — переспросила Джен.

— Определенно. Совершенно точно. Он же занимался этим, пока мы сидели в бочке. Он занимается этим много лет. Я делал захваты.

Джен пристально на них посмотрела.

— Как по мне, это дает хороший повод запря-

тать вас куда-нибудь. Вы думаете, это он сделал?

— Мы не знаем, — ответил Маттшопф. — Мы много об этом говорили, но узнать никак не можем. Уже прошло какое-то время, и я не уверен, что мы действительно могли бы это доказать. И Джефф сделал врезку только на Чикагской бирже и отправил пакет данных в Комиссию. Поэтому тут все сложно.

Джен задумалась.

— Ладно, давайте лучше отдохните. Мы выставили дополнительную охрану в здании и на этом этаже, может, вы их заметите, но это наши люди. Никто вас больше не потревожит.

— Хорошо.

* * *

На следующий день Джен получила на руки конверт из офиса Горана. Печатные списки букв и цифр ни о чем ей не говорили. Разве что напоминали какие-то геокоординаты, но не более того.

Час спустя к ней зашел сам Горан.

— Этот кабинет безопасен? — спросил он.

— Да. Заглушка работает.

— Хорошо, тогда слушай. То, что ты видишь здесь, — это список дистанционно управляемых подводок, которые посещали контейнер каждый

двенадцать часов. Они все приходили из одного очень загруженного причала в Куинсе. Поэтому здесь мы многого не добьемся — для этого нужно задержать хоть одну из них. Ведь тем причалом пользуются тысячи людей.

— Значит, нам не повезло.

— Похоже на то. Но ты упомянула «Пинчер Пинкертон», и я проверил, нет ли у них каких-либо связей с твоим делом. Нашлось кое-что, что может показаться тебе интересным. Они точно оказывали услуги по безопасности «Олбан Олбани», а также лично Генри Винсону. И были связаны с рядом похищений людей. А также убийств, по мнению ФБР. И еще ФБР включило их в десятку худших компаний по безопасности. А это дорогого стоит, плохой знак.

Джен задумалась над этим.

— Хорошо, спасибо, Горан.

— То, что уже случилось, доказать будет тяжело, — сказал Горан. — Будь это вообще возможно, ФБР бы уже их пришпилило. Лучший твой шанс теперь — поймать их, когда они предпримут что-нибудь в следующий раз.

Д) Шарлотт

В 1920-х был предложен план построить дамбу и осушить Ист-Ривер от Врат ада до Вильямсбургского моста, после чего засыпать опорожненный канал, тем самым соединив Манхэттен с Бруклином и Куинсом, а также создав приблизительно две тысячи акров земли под застройку.

Наступил день, когда членам кооператива предстояло проголосовать, принимать предложение, поступившее через «Морнингсайд Риэлти», или нет. Бестолковое расследование Шарлотт так и не выявило, кто за этим стоял. Но, кто бы это ни был, условия кооперативного договора требовали проводить голосования в течение 60 дней после возникновения соответствующих вопросов, а сейчас шел уже 59-й, и Шарлотт не хотела, чтобы потом выявились какие-нибудь формальные нарушения. Она, как могла, порасспрашивала людей, чтобы узнать их мнение, но невозможно было оценить общее настроение в здании с более чем двумя тысячами жильцов,

просто бегло осмотревшись. Она была вынуждена поверить, что люди ценили это здание не меньше, чем она, и бросить кости. По сути, голосование было как бы общественным опросом, и, если бы люди решили принять предложение, она подала бы на них в суд или покончила жизнь самоубийством — в зависимости от собственного настроения. А настроение у нее было не очень.

Многие жильцы собрались для голосования в столовой и общей комнате, заполнив их так, как случалось редко даже в часы ужина. Шарлотт разглядывала сограждан по этому маленькому городу-государству с таким беспокойством и недоверием, что это походило на некий новый тип страха. Разбирало ее и любопытство, но по их лицам и поведению невозможно сказать, как они собираются голосовать. Большинство лиц знакомы, полузнакомы или казались знакомыми. Ее соседи. И это лишь те, кто захотел явиться лично; вообще любой член кооператива мог проголосовать из любой точки мира, а здесь присутствовало около половины участников. Тем не менее час пробил, и все, кто хотел проголосовать заочно, к этому времени должны были уже изъявить свою волю. А значит, итог должен стать известен в течение этого часа.

Желающие высказаться говорили все, что считали нужным. Здание хорошее; здание плохое. Предложение хорошее; предложение плохое. Четыре миллиарда — это по два миллиона каждому члену: это много; нет, это мало. Шарлотт не могла слишком долго удерживать на их речах внимание — она только улавливала, за они или против, а суть споров оставляла на потом. Она знала только то, что знала. Но пора было переходить к делу.

Итак, Мариолино объявил начало голосования, и все кликнули счетчики, которые были зарегистрированы на каждого участника. Мариолино дождался, пока высветится сообщение о том, что все проделали свое действие, после чего с помощью своего планшета прибавил эти голоса к голосам проголосовавших заочно. Все, кто не проголосовал к этому моменту, просто оказались непричастны к принятому решению, так как кворум явно был собран и без них.

Наконец, Мариолино поднял взгляд на Шарлотт и остальных присутствующих.

— Предложение о покупке здания отклонено. 1207 голосов против, 1093 — за.

Все ахнули дважды — сначала в ответ на само решение, а потом на то, насколько невелик оказался перевес. Шарлотт одновременно и ис-

пытала облегчение, и ощутила тревогу. Почти на грани! Если придет повторное предложение, но существенно большей суммы, как это часто случается в сфере недвижимости в аптауне, для одобрения сделки понадобится, чтобы мнение изменило не так уж много людей. То есть результат был сродни отсрочке казни. И вообще, чем больше она об этом рассуждала, тем сильнее злилась на ту половину сограждан, которые проголосовали за продажу. Что они себе думали? Неужели в самом деле представляли, что деньгами хоть как-то можно возместить то, что они создали здесь? Словно их ничему не научили долгие годы борьбы за то, чтобы это место стало пригодным для жизни, городом-государством со своей планировкой. Все ценности и идеалы, казалось, таяли под наплывом денег, этого универсального растворителя. Деньги, деньги, деньги. С их ложной взаимозаменяемостью. Словно за них можно купить смысл, купить жизнь.

Шарлотт встала, и Мариолино ей кивнул. Как председатель она имела право взять слово и подвести итоги.

— К черту деньги, — произнесла она, удивив саму себя. — Это еще не все, к чему стоит стремиться. Потому что не все в этом мире взаи-

мозаменяемо. Есть много вещей, которые нельзя купить. Это время, это безопасность, это здоровье. Деньги не дадут вам этого. Еще вы не можете купить сообщество или ощущение дома. Вот что я вам скажу. Я рада, что мы проголосовали против этого предложения. Пусть и хотелось бы, чтобы перевес получился больше, чем есть. Но что есть, то есть, и я теперь постараюсь убедить всех, что мы здесь создали нечто более ценное, чем этот денежный эквивалент, который предлагали нам ради враждебного поглощения того, что у нас есть. Это как предложение выкупа реальности. Лишь бы сломать — любой ценой. Так что задумайтесь над этим, поговорите с теми, кто вас окружает, а в следующий вторник правление соберется на очередном заседании. И полагаю, этот небольшой инцидент тоже будет в повестке дня. Тогда и увидимся.

* * *

После того как она пообщалась с несколькими людьми, которые вызвались ей посочувствовать или возразить, подошел Владе. Он явно желал поговорить с ней наедине, и она, извинившись перед последней кучкой жильцов, которые с радостью проспорили бы с ней хоть всю ночь,

проследовала за Владе к лифтам.

— В чем дело? — спросила она, когда они остались одни.

— Выяснилось кое-что, о чем тебе следует знать, — сказал Владе. — Так что теперь, раз уж ты освободилась, давай поднимемся в сады. Почти все причастные уже там, а скоро еще прибудет Амелия и привяжет свой дирижабль, и это, наверное, хорошо, что она тоже окажется в деле.

— В каком еще деле?

— Идем, сама увидишь. Это долго объяснять. — Он достал из холодильника бутылку белого вина и поднес к глазам Шарлотт, чтобы она оценила. — Заодно можем отпраздновать, что сохранили здание.

— Надолго ли?

— Сомнения есть всегда, верно?

Не в настроении потакать его балканскому стоицизму, она просто хмыкнула и проследовала за ним в лифт.

Молча поднявшись на нем, они вышли в сады. Владе провел ее к капсулам и возвестил:

— Тук-тук, мы в гости.

— Заходите, — отозвался голос.

— Что-то здесь тесновато, — ответил Владе. — Почему бы вам, ребята, самим не выйти сюда и

не выпить с нами по такому случаю?

— Какому случаю? — спросил кто-то, тогда как кто-то другой одобрил: — Хорошая идея.

Из палатки появились двое мальчишек, которых Владе баловал у себя на причале, и старик, с которым те сдружились и которого спасли из его затопленного жилища; а потом из другой палатки вышли двое мужчин, пропавших из садов много недель назад.

— О! — крикнула Шарлотт мужчинам. — Вы снова здесь!

Матт и Джефф кивнули.

— Как я рада вас видеть! — Она легонько обняла их по очереди. — Мы за вас переживали! В чем же было дело?

Матт и Джефф пожали плечами.

Слово взял Владе:

— Мы были в Бронксе, искали кое-какие сокровища с ребятами и нашли этих парней в контейнере на старой станции Сайпресс.

Шарлотт изумилась:

— Но вы же не… ну, знаете…

— Ага, — подтвердил Владе. — Мы вызвали водную полицию, чтобы их вытащили. В участке их проверили. Джен там обо всем позаботилась. На все про все понадобилась пара дней. Но теперь

они снова здесь, и я подумал, это стоит отметить.

— Вот такие мы живучие, — съязвил Джефф.

— Хорошая мысль, — согласилась Шарлотт и тяжело уселась на стул рядом с перилами. — Плюс мы проголосовали за то, чтобы сохранить это здание себе, причем выиграли с минимальным перевесом. Но это так себе повод праздновать.

— Ладно тебе, — возразил Владе. — Еще какой повод! Да и у ребят с мистером Хёкстером есть новости, верно говорю?

Мальчики воодушевленно кивнули.

— Отличные новости, — объявил Роберто.

Они сели вокруг стола, за которым обычно чистили и резали овощи, и Владе откупорил бутылку и разлил вино по белым керамическим кофейным чашкам. Мальчики жадно смотрели на него, пока он это проделывал, и он на секунду глянул на них, прищурившись, а потом осуждающе покачал головой и налил каждому примерно по глотку.

— Не начинайте пить сейчас, ребята. У вас еще будет на это уйма времени.

Роберто на это лишь фыркнул и выпил вино, будто это был итальянский эспрессо.

— Я был выпивалой, еще когда мне было семь, — ответил он. — Сейчас это в прошлом.

Но от добавки я не откажусь. — И поднес чашку к Владе.

— Перестань, — сказал Владе.

Потом, пока двое мужчин рассказывали Шарлотт свою историю, Владе отошел к лифту и вернулся с Амелией Блэк. Та буквально рыдала у него на плече, а он довольно хмурил брови.

— Амелия вернулась, — зачем-то объявил он и всех ей представил.

Шарлотт до этого общалась с облачной звездой всего раз и была довольна, что ее представили снова, поскольку Амелия вряд ли вспомнила бы их предыдущий разговор по телефону, который вела из шкафчика на дирижабле.

— Мы тут празднуем, — угрюмо проговорила Шарлотт.

— А я нет, — ответила Амелия, снова разрыдавшись. — Моих медведей убили.

— Мы слышали, — сказал Владе.

— Твоих медведей? — переспросила Шарлотт.

Амелия печально взглянула на нее и сказала:

— Я имею в виду тех, которых я перевозила в Антарктиду. Они были мне дороги.

— Мы слышали, — повторил Владе.

— Дурацкая Лига защиты Антарктики, — проговорила Амелия. — Там же ничего нет, кроме

льда.

— Поэтому они ее и защищают, — мрачно предположила Шарлотт. — Она чистая. И они чистые. Очищение мира — вот чем они, по их мнению, занимаются.

Амелия бросила на нее быстрый взгляд.

— Так и есть. Но я их ненавижу. Потому что это была хорошая идея — переселить туда тех медведей. Тем более это могло быть временно, понимаете? На несколько столетий. Поэтому я хочу их поубивать, кем бы они ни были. И поселить там медведей.

— Их всегда можно переселить тайно, — предложила Шарлотт. — Просто не рассказывать об этом на весь мир.

— Я и не рассказывала! — возразила Амелия. — Мы не вели прямой эфир.

— Но выпустили бы это позже.

— Конечно, но без указания местности. К тому же вы ведь не думаете, что сейчас еще можно сделать что-то тайно? — спросила она, будто намекая на наивность Шарлотт.

— Многое сейчас делается тайно, — ответила Шарлотт. — Спроси вот Матта и Джеффа.

— Нас держали запертыми в тайнике, — объяснил Матт озадаченной Амелии. — Три месяца.

— Я чуть не умер, — добавил Джефф.

— Очень жаль, — ответила Амелия и осушила чашку одним глотком, как Роберто. — Но вы ведь вернулись.

— Как и ты, — напомнил ей Владе. — А эти ребята помогли мистеру Хёкстеру выбраться из его дома в Челси, когда тот обрушился. Так что можно сказать, хоть где-то искусственная миграция удалась. И мы здесь. Мы все здесь.

— Кроме моих медведей, — возразила Амелия.

— Что ж, да. Это, конечно, была катастрофа. Преступление.

— Это ведь примерно пять процентов от всех оставшихся в мире белых медведей. А Антарктида — их шанс на выживание.

— Просто повтори это, — снова предложила Шарлотт. — Повтори тайно.

Тайно защищать виды, находящиеся под угрозой, для Амелии было неприемлемо, это разрывало шаблон, по которому она действовала, и это казалось ей противоречивым, даже сбивало с толку. Но теперь по крайней мере не хотелось разрыдаться. Напротив, она уже снова наполняла свою чашку.

— Хорошая идея, — подтвердил Владе и тут же сменил тему: — Но у мальчиков и мистера

Хёкстера тоже есть новости.

Шарлотт облегченно кивнула. Она знала, что Владе очень любил их облачную звезду, но ей самой Амелия казалась такой же отстраненной и легкомысленной, какой выглядела у себя в программе, пусть Шарлотт и смотрела эту программу от силы минут десять. Обнаженные старлетки, вступающие в схватку с волчатами, — нет.

— Так в чем дело? — спросила Шарлотт. — Нам нужен повод получше, чем похищение людей, убийство медведей и чуть не состоявшаяся продажа нашего дома каким-то идиотским облагораживателям.

— И такое было? — изумилась Амелия.

— Было, — ответила Шарлотт угрюмо.

— Но, с другой стороны, — со значением проговорил Владе, — мы уже отказались от этого предложения. А мальчики воспользовались удивительным историческим исследованием мистера Хёкстера и обнаружили останки фрегата «Гусар».

— Что это значит? — переспросила Шарлотт.

Мальчики просияли от ее неведения и быстро пересказали историю. Британский корабль сокровищ, затонувший во Вратах ада и разыскиваемый с тех пор, но только мистеру Хёкстеру

удалось установить точное место, где он находился, — под затопленной парковкой в Бронксе. А мальчики нырнули туда с самодельным водолазным колоколом («Стоп, с чем?» — переспросила Шарлотт), и там он и оказался, точно там, где было предсказано, но под двадцатью футами ила и мусора, неподъемной грязи, которую ребята никак не раскопали бы сами. Поэтому Владе заручился помощью своих друзей, Айдельбы и Табо, у которых был очень-очень большой песочный насос в Кони-Айленде, использовавшийся для устройства пляжа на новой береговой линии в двадцати кварталах к северу. Выкопать сундук с сокровищами с «Гусара» (самый настоящий, маленький, но невообразимо тяжелый) им ничего не стоило, как поработать зубочисткой, и вот теперь Айдельба и Табо были частью их объединения, вместе с теми, кто здесь и сейчас сидел за их столом.

— Золото? — спросили в один голос Шарлотт и Амелия.

Мистер Хёкстер с ребятами рассказали о приверженности британской армии золотому стандарту, важному атрибуту тогдашнего представления о деньгах. Четыре миллиона долларов золотом. Долларов 1780 года. То есть сейчас, если

воспользоваться медианным значением двух десятков различных оценок инфляции, рассчитанным мистером Хёкстером, речь шла примерно о четырех миллиардах долларов.

— А разве нет законов, которые регулируют обнаружение затонувших сокровищ? — осведомилась Шарлотт.

Есть. Но потоп создал столько юридических нестыковок в межприливной зоне, что теперь ситуация уже не была так очевидна, как прежде.

— Вы их проигнорировали, — поняла Шарлотт.

— Мы никому об этом не сообщили, — объяснил Владе. — Пока что. А у Айдельбы есть лицензия на спасение грузов. Но это золото было утеряно. Его никогда бы не нашли. Так что вот. Если мы переплавим эти монеты, то у нас получатся просто золотые слитки.

— Но погодите. Это же золотые монеты — разве они не гораздо ценнее для истории, чем просто обычное золото? Да и сам корабль. Это же археологические артефакты, часть истории города и все такое, разве нет?

— Корабль разрушен, — сказал Роберто. — Весь прогнил, рассыпался и все такое.

— Но как насчет сундуков и монет?

— Давным-давно была найдена пушка с «Гу-

сара», — сказал Владе. — Она даже была еще заряжена, и пришлось вырезать ядро из ржавой стали и удалять порох, чтобы ничего не взорвалось. Она стоит где-то в Центральном парке.

— И что, из-за этого те золотые монеты никому не нужны, ты хочешь сказать?

— Да.

Шарлотт покачала головой:

— Поверить не могу, ребята.

— Ну, — сказал Владе, — взгляни на это иначе. Сколько нам предлагали за это здание? Четыре миллиарда, верно? Четыре миллиарда сто тысяч долларов — так ты говорила?

— Хм-м, — протянула Шарлотт.

— Мы могли бы перебить цену.

— Но это и так наше здание.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Мы можем позволить себе отбиться от них.

— Действительно. — Шарлотт задумалась. — Не знаю. Мне все равно кажется, это доставит нам хлопот. Интересно, что на это скажет инспектор Джен. О том, что нам следует сделать, чтобы, так сказать, все это нормализировать. Чтобы монетизировать.

Никто ничего не ответил. Очевидно, проконсультироваться с инспектором полиции по этому

вопросу никому еще не приходило в голову. С другой стороны, инспектор Джен тоже жила в их здании и была им всем знакома. Твердая, вежливая, уверенная, прямая. Немного пугающая, да, и теперь даже посильнее прежнего.

— Ну что вы, — сказала Шарлотт. — Она никому не скажет.

— Думаешь? — спросил Владе.

— Думаю.

Владе пожал плечами и оглядел остальных. Мальчики испуганно смотрели на него, мистер Хёкстер сидел, уткнувшись в чашку, Матт и Джефф еще не вернулись на эту планету, а Амелия была всецело увлечена вином. Шарлотт набрала Джен и выяснила, что та была сейчас у себя в комнате.

— Джен, не могла бы ты подняться в сады и подсказать нам кое-что по одному вопросу?

Через несколько минут инспектор Джен Октавиасдоттир стояла перед ними, высокая и внушительная, с трудом различимая в темноте. Они пригласили ее к столу, а потом Владе и мистер Хёкстер сбивчиво, будто излагая новое гипотетическое дело, рассказали ей о находке золота с борта «Гусара». Пока они говорили, Джен любезно смотрела на них.

— Итак, — проговорила Шарлотт, когда они закончили, — что, по-твоему, нам нужно с этим делать?

Джен продолжала смотреть молча, лишь моргая и переводя взгляд с одного на другого.

— Это вы меня спрашиваете?

— Да. Разумеется. Говорю же.

Джен пожала плечами:

— Я бы оставила себе. Переплавила монеты и продала золото.

Шарлотт пристально посмотрела на нее:

— Правда, так бы и сделала?

— Да. Разумеется. Говорю же. — Последнее предложение прозвучало немного запоздало и подчеркнуто, и она уставилась на Шарлотт.

— Простите, — сказала Шарлотт, — дело-то уже к вечеру. Но я хочу сказать… переплавить монеты?

— Да.

— А как же…

— А как же что?

— А как же закон? — спросил Роберто. — Вы же из полиции!

Джен снова пожала плечами.

— Я надеюсь, вы и сами знаете, что полиция Нью-Йорка занимается не только тем, что обога-

щает юристов. — Она показала Амелии на свою чашку, чтобы та налила ей вина. — Слушайте, если вы об этом расскажете, это будут обсуждать в новостях всю неделю, а потом вас затянут в суды лет на десять, и в итоге, сколько бы то золото ни стоило, оно все будет принадлежать юристам. Шарлотт, ты сама адвокат и знаешь, о чем я говорю.

— Что есть, то есть.

— Так в чем дело? Просто оставьте себе. Можете основать какой-нибудь фонд или что угодно. Да хоть выкупить это здание.

— Оно и так принадлежит нам, — отрезала Шарлотт, все еще огорченная результатами голосования.

— Неважно. Сделайте что-нибудь хорошее. Если там правда четыре миллиарда, у вас будет возможность для этого.

— Четыре миллиарда долларов — это только начало, — угрюмо пробормотал Джефф.

— Что ты имеешь в виду? — осведомилась Шарлотт.

— Это плечо. Можно монетизировать золото, заложить его, взять плечо, как делают хедж-фонды, а эти ублюдки могут брать хоть в сто раз больше, чем у них есть сначала.

— Звучит рискованно, — заметил Владе.

— Так и есть. Но им по фигу.

— Ненавижу такие вещи, — сказала Шарлотт.

— Конечно, ненавидите. Вы восприимчивый человек. Но если сражаешься с дьяволом, то иногда нужно использовать его оружие.

— У нас в здании есть кое-кто из финансистов, — напомнил Владе. — Тот парень, который постоянно спасает ребят, он немного говнюк, но занимается финансами.

Шарлотт сдвинула брови:

— Франклин Гэрр? Мне он нравится.

Владе страдальчески закатил глаза, точь-в-точь как в свое время делал ее муж Ларри.

— Ну, если ты так считаешь… В любом случае он живет у нас. И пару раз выручал ребят из беды. Может, нам стоит обсудить это с ним как гипотетическую ситуацию и посмотреть, что он думает.

— Это было бы любопытно, — признала Шарлотт. — Хотя я так и не уверена, что вам, ребята, стоит скрывать ваше золото.

Все посмотрели на нее. Джен осуждающе покачала головой и стала помогать Амелии открывать вторую бутылку. Шарлотт вздохнула и решила больше об этом не говорить. Для нее верховенство закона было последней нитью, что удерживала

всех от рокового падения в бездну анархии и безумия. Но рядом сидела инспектор Джен, известная служительница полиции, представительница городской власти, один из столпов «новой Венеции», и даже она с радостью отвлеклась на то, чтобы обсудить с Амелией урожай «Винью-верде» и тому подобную ерунду.

— А вы что думаете? — спросила Шарлотт у Матта и Джеффа.

Матт взмахнул рукой:

— Монетизировать это золото может кто угодно. Вопрос, что делать с этим потом.

— И как уберечь его от их лап, — пробормотал Джефф.

— Их — это чьих?

Джефф и Матт переглянулись. В эту минуту они были похожи на одичавших близнецов, подумала Шарлотт. Вывезенных из леса, говорящих на собственном языке с элементами телепатии и совершенно чокнутых.

— Системы, — ответил Матт.

— Капитала, — уточнил Джефф. — Он всегда побеждает. И проедает мозги.

— Но не мои, — заявила Шарлотт.

— Это вы сейчас так говорите, вы же не миллиардер. Пока что.

— Ненавижу это все, — сказала Шарлотт. — С удовольствием бы сломала такую систему.

— Я тоже, — вмешалась Амелия. — Я бы потратила деньги на животных.

— А я — на это здание, — хмуро проговорила Шарлотт.

Матт посмотрел на нее:

— То есть, чтобы спасти ваш кооператив от захвата, вы готовы уничтожить всю мировую экономику?

— Да.

— Недурно, если удастся! — заметил Джефф с иронией в голосе. Шарлотт сверкнула на него глазами, и он поднял руку, предвосхищая ее: — Нет-нет, идея мне нравится! Просто это не так легко. Я имею в виду, я уже пытался, и видите, что из этого вышло.

— В самом деле? — поинтересовалась Шарлотт.

— Я думал, что пытался.

— Ну, так, возможно, стоит попробовать еще раз. Под другим углом.

— Ну попробуйте, — сказал Матт.

Джефф насупился и все-таки проговорил:

— Мне было бы интересно посмотреть на это под другим углом.

— Мне тоже. — Шарлотт оглядела всех и подняла свою чашку. Амелия улыбнулась той улыбкой, благодаря которой стала облачной звездой, и налила себе вина. Затем все остальные тоже наполнили свои чашки и выпили за счастливое возвращение Матта и Джеффа.

Е) Франклин

Попай говорит на самобытном наречии Десятой авеню. Бетти Буп говорит на деланом нью-йоркском.

Объяснил Федеральный писательский проект 1938 г.

Слова, которые, по утверждению биографа Дороти Паркер, впервые появились в печати в ее произведениях: арт-модерн, шар пламени, при параде, соплежуй, куриный мозг, любовь-морковь, шоколадный батончик, гирлянда из маргариток, подтяжка лица, высшее общество, околачиваться, ностальгический, связь на одну ночь, нервотрепка, подкатить, без шансов, с заскоками, зашуганный, пальба, сколько душе угодно, выкручивать руки, какого черта, шпилька.

– Верится с трудом.

Нью-йоркский говор – это говор, который использовался в Корке в XIX веке и был занесен при массовой эмиграции из Южной Ирландии сто лет назад.

– Верится тоже с трудом.

Однажды утром управляющий зданием, Владе Лодкосниматель, подошел ко мне, когда спускал мою лодку со стропил в своем еще более забитом, чем обычно, эллинге, пытаясь изобразить на лице дружелюбную улыбку. С тех пор как управляющий заставил меня спасать «причальных крыс» от утопления, он держался со мной так, будто мы были приятелями, хотя это не соответствовало истине, но зато теперь благодаря этой псевдосвязи он стал ставить мою лодку ближе к выходу.

— Что? — спросил я.

— Шарлотт хочет с тобой поговорить, — сказал он.

— И что?

— То, что ты хочешь поговорить с Шарлотт.

— Одно из другого не следует.

— В этом случае следует. — И посмотрел на меня взглядом, в котором не осталось и следа от нашей с ним новой связи. — Тебе будет очень интересно, — добавил он. — Может, даже выгодно.

— Выгодно? Мне?

— Возможно. И уж точно выгодно для некоторых людей в этом здании.

— Например?

— Например, для ребят, которых ты спас на той неделе. Им сейчас нужен кое-какой совет по инвестициям, и мы с Шарлотт пытаемся им помочь.

— Совет по инвестициям? Они что, стали продавать наркоту?

— Брось. Они, так скажем, получили наследство.

— От кого?

— Шарлотт все тебе объяснит. Сможешь встретиться с ней и выпить после ужина?

— Не знаю.

— Ты хочешь с ней встретиться. — Его трансильванский взгляд явно указывал на то, что мою лодку можно подвесить весьма высоко, примерно туда же, куда облачная звезда привязывала свой дирижабль.

— Ладно.

— Хорошо. Бутылка вина, сады, сегодня в десять.

— Я приду.

* * *

После этого я провел день в обычной бренности перед экраном, где сливалось вместе столько различных хронологий, что времени, казалось, не существовало вовсе. В этом безвременье я лишь сильнее убеждался в том, что пузырь межприливья становился больше и тоньше, а момент, когда он должен был лопнуть, становился все ближе. Но с наступлением зимы всей недвижимости в затопленной зоне предстояло застыть на месте, а с ней и ценам на жилье. Сдерживание волатильности посредством чрезвычайно низких температур было известным феноменом, который был эмпирически подтвержден и получил название «замораживание цен». Определенным трейдерам, приверженным самой волатильности как таковой, это явление не нравилось. О них даже шутили, мол, они готовы прыгать с небоскребов из-за чересчур стабильных курсов на бирже.

Так что бóльшую часть дня я изучал принципы сноса подводных строений и устройства свай. А ближе к вечеру отправился домой по Ист-Ривер сквозь череду длинных теней и полос серебристого лунного света. Было холодно, и река походила

на шлифованую алюминиевую тарелку под свинцовым небом. Пейзаж предвещал приход зимы, и это отвлекло меня от мысли о Джоджо — или, по крайней мере, заставило меня подумать, что я хоть ненадолго забыл о Джоджо. Да и черт с ней. Я свернул на 23-ю и зажужжал к Мету, над которым все еще нависал дирижабль Амелии Блэк, словно огромный флюгер, а вечернее солнце заливало позолоченный купол под ним. Золото против свинца — какая красота! Когда я пропыхтел в бачино, такой уютный в тени сумерек, то ощутил, что нахожусь в лучшем расположении духа, чем когда покидал офис. Вот что творит с человеком город.

Наскоро поужинав в столовой, я поднялся в сады и обнаружил, что Шарлотт уже была там — с Владе и стариком, которого привезли мальчишки, а также с Амелией Блэк, облачной крошкой, и парой мужчин, похожих на бродяг, — мне сказали, что это были кванты из сада, которые пропали, а теперь нашлись.

— В чем дело? — спросил я, принимая от Владе кофейную чашку, наполненную вином.

Шарлотт чокнулась своей чашкой с моей.

— Присаживайтесь, — пригласила она с оттенком председательской деловитости. — У нас есть

к вам несколько вопросов.

Я сел напротив Шарлотт, тогда как остальные расположились вокруг нас. Амелия Блэк поставила бутылку с вином на пол возле себя.

Шарлотт начала:

— Наши мальчики, Роберто и Стефан, унаследовали кое-какие деньги.

— Наши мальчики? — переспросил я.

— Ну, вы же знаете. Они живут здесь под опекой нашего здания.

— А такое возможно?

— Все возможно, — ответила Шарлотт и нахмурилась, будто осознав неточность своего утверждения. — Полагаю, я могла бы стать им приемной матерью. Как бы то ни было, они унаследовали нечто вроде доверительного фонда.

— А они что, братья?

— Ну, как братья, — сказала Шарлотт. — В общем, это касается их обоих, и они хотят, чтобы мы тоже в этом участвовали. То есть Владе, я и мистер Хёкстер. И еще парочка друзей Владе.

— И о какой сумме идет речь? — спросил я.

— О большой.

— Насколько большой?

— О нескольких миллиардах долларов.

Я почувствовал, как моя челюсть соприкосну-

лась с грудью. Все смотрели на меня, как на экран, показывавший смешную комедию. Я закрыл рот и отпил из своей чашки. Отвратное вино.

— Так кто, говорите, их усыновил?

Они коротко усмехнулись моему остроумию.

— Суть в том, — начала Шарлотт, — что они хотят помочь кооперативу, и они знают вас и доверяют вам.

— Почему?

— Вот и я их об этом спрашиваю.

Они снова рассмеялись. Вместе мы напоминали комическую группу, только мне в эту минуту в голову приходило ответить лишь «Туше!». Хотя это слово никогда не служило сильным выпадом, пусть и считалось защитным термином, но я был слишком поражен тем, что эти щенята обернулись миллиардерами.

— Шучу, — успокоила меня Шарлотт. — Я вам тоже доверяю. И они сказали, что вы приходили на помощь каждый раз, когда они оказывались в беде. А теперь им нужен финансовый совет. Вот я и хочу спросить: не можете ли вы посоветовать им какой-нибудь способ вложить эти сбережения так, чтобы они находились в безопасности и при этом быстро приумножались?

Я покачал головой:

— Это противоположные вещи. Безопасность и быстрота в финансах противоположны.

Кванты-бродяги закивали.

— Экономика, — заметил тот, что поменьше.

— Хорошо, — ответила Шарлотт. — Но вы же занимаетесь как раз тем, чтобы найти между ними нужный баланс, верно?

— Верно, — ответил я чуть снисходительно, чтобы подчеркнуть чрезмерную упрощенность такого описания. — Это суть дела, можно сказать. Управление рисками.

— Так вот, нам интересно, не желаете ли вы дать нам совет на безвозмездной основе.

Я сдвинул брови:

— Обычно хедж-фонды берут два процента от вложенной суммы сразу, а потом двадцать процентов от того, что я вам заработаю сверх среднерыночного уровня за этот период. Двадцать процентов от альфы, как говорят.

— Верно, — согласилась она. — Поэтому я и сказала о безвозмездной основе.

— Но разве они не могут позволить заплатить?

— Они включают в это дело наш кооператив.

Я дал ей подумать над тем, насколько туманным было это утверждение. То есть бессмысленным. Но она упорно ждала от меня ответа. Остальные

смотрели на меня, как на телевизор.

— Давайте поговорим гипотетически, — предложил я. — Во-первых, зачем вам вкладывать эти деньги в хедж-фонд? Существуют ведь более безопасные способы их вложить.

— Я думала, хедж-фонды и придуманы для безопасности. Думала, хеджирование как раз страхует риски. Ты вкладываешь таким образом, что в любом случае заработаешь, что бы ни случилось.

Мелкий квант фыркнул в свою чашку, ткнув локтем партнера, который в этот момент пытался подавить усмешку.

— Возможно, так и было в какой-то момент, — допустил я. — В какой-то момент в начале Нового времени. Но сейчас хедж-фонды уже давно занимаются тем, что помогают инвесторам, у которых много денег, — то есть так много, что они могут позволить себе чуть-чуть потерять, — заработать больше, чем им принесли бы другие формы инвестирования. Это если дело пойдет как надо. Здесь высокие риски и высокие вознаграждения, а реальное хеджирование, если присутствует, конечно, снижает их.

Шарлотт кивала с таким видом, будто все это было ей уже известно.

— И каждый менеджер в хедж-фонде принимает разные решения, которые составляют его торговую тайну.

— Верно.

— А вы работаете в «УотерПрайс», и вы хороши в том, чем занимаетесь.

— Да.

— Это по вас видно, — вмешалась Амелия Блэк.

— По вас тоже, — ответил я, слишком поздно осознавая, что это, наверное, можно было понять как «по вас видно, что вы хороши в том, чтобы свисать с дирижаблей нагишом». Это казалось неправильным, но ей, должно быть, уже говорили об этом и так, и эдак, так что сейчас она просто улыбнулась своей милой улыбкой.

Шарлотт метнула взгляд на Амелию, мол, не поощряй его.

— Так вот, — продолжила она, — если бы вы распоряжались деньгами ребят, что бы вы сделали?

— Опять же, чего они хотят? И почему вы хотите использовать их именно таким образом?

— Мы надеемся, что в конечном итоге эти деньги позволят нам защитить это здание от враждебного поглощения. А на это, как мы полагаем, четырех миллиардов долларов может не хватить.

— Чтобы выкупить это здание?

— Оно и так принадлежит нам. — Теперь и ей пришлось проявить снисходительность. — Но нам нужно не допустить, чтобы его выкупили, предложив столько, что большинство кооператива согласится на сделку.

— А-а, — протянул я. — Да, на это четырех миллиардов не хватит.

— Потому что у них намного больше?

— Да. Каждый день из рук в руки переходит по несколько триллионов. А может, и каждую секунду.

При этих словах все, кроме двух квантов, ахнули.

— Это фиктивные деньги, но все же, — добавил мелкий квант.

— Фиктивные деньги? — спросила у него Шарлотт.

— Векселя, — пояснил он. — Кредиты сверх фактических активов. Фьючерсы, деривативы и инструменты всех мастей. Множество векселей, которые предположительно должны конвертироваться в деньги, но это не сможет произойти, если все попытаются сделать это одновременно.

— Точно, — согласился я. — Так вы и есть те кванты, которые пропадали?

— Мы кодеры, — ответил мелкий.

— Мы кванты.

— Да ладно вам, — сказала Шарлотт.

— С возвращением, — добавил я.

— Итак, Франколино, — продолжила Шарлотт, — значит, вы говорите, что, как бы мы ни приумножили эти четыре миллиарда, всегда найдутся люди, у которых все равно будет больше?

— Да.

Она посмотрела на меня так, словно я был в этом виноват, но я предпочел расценить этот взгляд как насмешливый.

— И что бы вы посоветовали нам сделать? — спросила она.

— Вы могли бы сами купить кооператив. Выкупите его, приватизируйте, делайте что хотите. И если кто-то захочет купить ваше здание, просто пошлите их на хрен.

— Что ж, хорошо. Приятно думать, что есть возможность выбора. Антиобщественного приватизационного выбора. Еще есть варианты?

— Ну, — начал я, проникаясь интересом к поставленному вопросу, — вы можете сами основать хедж-фонд, набрать плеч и играть уже с сотнями миллиардов. И целенаправленно их вложить.

Шарлотт пристально посмотрела на меня, словно думала над какой-то загадкой.

— А вы как раз этим и занимаетесь.

— Да.

— Мне это нравится, — одобрила Амелия Блэк.

Шарлотт со значением покачала головой: хватит его поддерживать!

— Еще какие-нибудь способы предложить можете?

— Конечно, — ответил я. — Сейчас постоянно появляются новые инструменты. Недвижимость всегда пользуется популярностью, потому что она не может никуда испариться. Хотя в межприливье, наверное, может. Я сейчас сам над этим работаю. Наводнения «скейсшиллеровали» десятую часть всей недвижимости в мире до нуля, но мой индекс показывает, что она почти вернулась к нормальному уровню. Это выглядит очень ободряюще, и есть даже вероятность, что пузырь может лопнуть.

Шарлотт нахмурилась:

— А что нам делать в таком случае?

— Шортить.

— То есть?

— Ставить на то, что пузырь лопнет. Покупать такие инструменты, чтобы, когда он лопнул, вы

остались в выигрыше. Тогда вы выиграете так много, что единственной вашей заботой будет, чтобы сама цивилизация не пала и остался кто-то, кто сможет вам заплатить.

— Цивилизация?

— Финансовая цивилизация.

— Это не одно и то же! — воскликнула она. — Я бы с радостью обрушила финансовую цивилизацию!

— Становитесь в очередь, — ответил я ей.

Мне понравился ее смех. Кванты тоже рассмеялись. И Амелия — тому, что рассмеялись остальные. У нее в самом деле была очень красивая улыбка.

— Расскажите мне, как это сделать, — попросила Шарлотт, ее глаза сияли от мысли об уничтожении цивилизации.

Должен признать, выглядело это забавно.

— Подумайте о простых людях, которые живут своими обычными жизнями. Им нужна стабильность. Им нужно то, что вы называете неликвидными активами, то есть жилье, работа, здоровье. Эти активы действительно неликвидны, люди вносят ряд платежей, чтобы они оставались неликвидными, — то есть оплачивают ипотеку, медицинскую страховку, взносы

в пенсионный фонд, коммунальные расходы и все в этом роде. Каждый человек оплачивает их каждый месяц, и финансисты учитывают все эти устойчивые поступления. Они берут кредиты, основываясь на этой устойчивости, используя ее в качестве гарантии, а потом тратят взятые в кредит средства на ставки на рынках. Они берут плечи в сто раз бóльшие, чем у них есть активов, которые складываются преимущественно из платежей, что переводят им люди. Долги тех людей — это просто их активы. У людей неликвидность, у финансистов ликвидность, и финансисты извлекают выгоду из спреда между двумя этими состояниями. Каждый спред — это возможность заработать еще больше.

Шарлотт сверлила меня взглядом, будто лазером.

— Вы знаете, что говорите с главным управляющим Союза домовладельцев?

— Так вот чем вы занимаетесь? — переспросил я, вдруг ощутив свое полное невежество.

Этот Союз был чем-то вроде «Фэнни Мэй»[93] для квартиросъемщиков и других бедных людей, хотя его название, как по мне, было чересчур

---

[93] Примечания: 93
Крупнейшее ипотечное агентство в США, основанное в 1938 г.

амбициозным. Какие-то его важные данные учитывались в ИМС как часть рейтинга потребительского доверия.

— Да, занимаюсь, — ответила Шарлотт. — Но вы продолжайте. О чем вы рассказывали?

— Ну, классический пример падения доверия — 2008 год. Тогда пузырь касался ипотек, которые взяли люди, пообещавшие их выплатить, но на самом деле неспособные это сделать. Когда объявили дефолт, все инвесторы ринулись к дверям. Все пытались одновременно что-то продать, но покупать никто не хотел. Те, кто шортил, сорвали куш, но все остальные конкретно разорились. Финансовые фирмы даже перестали проводить контрактные платежи, потому что не имели денег заплатить всем, кому были должны, тогда как существовала высокая вероятность, что той организации, которой требовалось заплатить, к следующей неделе уже не будет существовать, так зачем тратить деньги на них только потому, что подошел срок платежа? В тот момент никто вообще не знал, будет ли хоть какой-нибудь вексель чего-то стоить, и все рушилось в свободном падении, люди были напуганы.

— И что было дальше?

— Правительство вбухало денег, чтобы одни

смогли выкупить других, а потом продолжало вбухивать, пока банки не ощутили достаточной безопасности, чтобы вернуться в бизнес в обычном режиме. Налогоплательщиков заставили полностью оплатить проигранные банками сделки — это было сделано потому, что верхушка Федрезерва и Казначейства была из «Голдман Сакс»[94], а им инстинкт говорил, что надо защищать финансовую систему. Они национализировали «Дженерал моторс», автомобильную компанию, и управляли ею, пока она не встала на ноги и не вернула людям долг. Банки и крупные инвестиционные фирмы были просто спасены. И жизнь пошла дальше по-прежнему, до обвала 2061-го, когда случился Первый толчок.

— А тогда что случилось?

— Все повторилось снова. Точно как в 2008-м.

Шарлотт вскинула руки:

— Но почему? Почему, почему, почему?

— Не знаю. Потому что это сработало? Потому что им сошло с рук? В общем, с тех пор у них как бы есть план действий. Сценарий, который нужно проиграть. Что они и проделали после Второго толчка. А сейчас приближается круг

---

[94] Примечания: 94

Один из крупнейших инвестиционных банков в мире, основанный в Нью-Йорке в 1869 г.

номер четыре. Или какой он там по счету, если брать тюльпаноманию[95] или Вавилон?

Шарлотт посмотрела на квантов:

— Это так?

Они кивнули.

— Так и было, — печально ответил высокий.

Шарлотт приложила ладонь ко лбу:

— Ладно, но что это означает? Ну, то есть что мы можем изменить?

Я поднял палец, наслаждаясь ощущением, какое мог бы испытывать одноглазый среди слепых:

— Вы можете проткнуть пузырь, чтоб он лопнул, намеренно, после того как обеспечите другую реакцию на обвал, который последует далее. — Я указал поднятым пальцем через плечо, где находился аптаун. — Если ликвидность зависит от стабильно поступающих платежей от простых людей, а это так и есть, то систему можно обрушить в любой момент — достаточно лишь, чтобы люди перестали платить. За ипотеку, за коммуналку, за медстраховку. Взять и перестать

---

[95] Примечания: 95

Кратковременный всплеск спроса на тюльпаны, случившийся в Нидерландах зимой 1636/37 г. Является классическим примером биржевого пузыря и, по некоторым оценкам, одним из первых известных экономических кризисов в истории.

— всем в одночасье. Назвать это Одиозным днем невыплаченных долгов, или всеобщей финансовой забастовкой или заставить папу римского объявить Святой год — он может сделать это когда захочет.

— А у людей не возникнет из-за этого проблем? — осведомилась Амелия.

— Самих людей будет слишком много. Нельзя посадить всех. Поэтому, по сути, власть все равно останется за людьми. За ними все преимущества. И вы же председатель Союза домовладельцев, верно?

— Да.

— Так вот подумайте: что делают союзы?

Теперь Шарлотт улыбнулась мне, ее глаза просияли.

— Устраивают забастовки.

— Именно.

— Мне это нравится! — воскликнула Амелия. — Классный план.

— Может сработать, — подтвердил высокий квант и посмотрел на друга: — Что думаешь? Одобряешь?

— Да, черт возьми, — ответил мелкий. — Я бы их всех поубивал.

— И я! — поддержала Амелия.

Шарлотт рассмеялась. Затем подняла чашку и задержала передо мной, я поднял свою, и мы чокнулись. Обе чашки были уже пусты.

— Еще вина? — предложила она.

— Оно ужасное.

— Это значит «да»?

— Да.

Ж) Амелия

В начале 1904 года на Кони-Айленде три слона вырвались из своего загона и сбежали. И одному только богу известно, зачем! Одного нашли на следующий день на Статен-Айленде, из чего следует, что он переплыл Лоуэр-Бей, а это не менее трех миль. Знали ли мы до этого, что слоны умеют плавать? И знал ли об этом этот слон?

Остальных двух больше не видели. Приятно думать, что они скрылись в жидких лесах Лонг-Айленда и дожили там свои жизни, как толстокожие йети. Но слоны склонны держаться вместе, а значит, скорее вероятно, что те двое уплыли вместе с тем, которого нашли на Статен-Айленде. Это уже не так приятно – представлять, как они все вместе одухотворенно перебирали лапами по-собачьи, двигаясь сквозь ночь на запад, и самый слабый ушел вниз с дозвуковым криком, а за ним и следующий. И пропали в воде. И они знали, что судьба могла быть еще

хуже. А выживший, наверное, выбрался на ночной пляж и, встав там, дрожал и дожидался восхода.

Амелия несколько дней толкалась по Нью-Йорку, слишком сердитая и отвлеченная, чтобы заниматься чем-либо другим. Поначалу ей нравился этот Франклин из Мета, симпатичный мужчина, но потом она решила, что он простофиля, и он перестал ей нравиться. Она встретилась с парой друзей и обсудила какие-то проекты со своими продюсерами, но ее ничего не привлекло, и все согласились с тем, что ей не стоит сейчас вести развлекательную передачу об искусственной миграции, когда главная ее мысль — переловить и пересажать за решетку всех членов Лиги защиты Антарктики.

— Амелия, прекращай это, — сказала Николь. — Если не можешь отделаться от этих чувств, то хотя бы перестань об этом говорить.

— Но мои зрители знают: я говорю то, что чувствую. Именно поэтому они смотрят мое шоу. А сейчас я переживаю посттравматический стресс.

— Я знаю. Значит, тебе нужно перестать это чувствовать.

— Но я чувствую то, что чувствую.

— Ладно, я поняла. Тогда давай сделаем так,

чтобы ты почувствовала что-то другое.

И они пошли кататься на коньках. Полярный циклон уже неделю как прошел в регионе, но было по-прежнему холодно. Очень холодно — на Манхэттене холод ощущался гораздо сильнее, чем даже на антарктическом побережье, там, где ее медвежьи братья и сестры были так предательски убиты. Было так холодно, что Нью-Йоркская бухта полностью замерзла. Теперь люди ездили по каналам и по Гудзону в Хобокен на грузовиках, и даже до самого Веррацано-Нарроуса — благо морская поверхность замерзла на две мили. Время от времени лед на Гудзоне трескался, и огромные льдины вздымались и наклонялись набок, точь-в-точь как в ужасной Антарктике. Амелии никак не удавалось избавиться от стрессовых воспоминаний.

Каналы Нижнего Манхэттена затвердели настолько, что во льду почти не было трещин. Будто снова появились улицы, только теперь белые, скользкие и заметно более высокие, чем прежде, но тем не менее столь же пригодные для прогулок, что и раньше. Да, в этом городе никогда не было ничего простого; сейчас там, где оставалось какое-то оборудование или другой источник тепла, в подземных туннелях канализации или

в трубопроводах, были теплые точки, отчего лед над ними истончался, а в некоторых местах таял полностью. Из этих прорубей за воздухом выпрыгивали тюлени, а еще бобры, ондатры и другие млекопитающие эстуария, которые дышали там, надеясь, что их тем временем не съедят хищники — люди или кто-нибудь еще. Мир — поистине ужасное место. Здесь часто приходилось вставать перед выбором: убить самому либо быть убитым. Или съесть кого-нибудь из своих соседей, а потом оказаться съеденным другими.

Николь вела себя странно, будто считала Амелию какой-то бомбой, готовой вот-вот взорваться. А парень, с которым Николь встречалась в Нью-Йорке, уехал из города или был слишком безрадостен, чем-то огорчен — а может, лишь делал такой вид, — и не стремился с ней увидеться. Так и оказалось, что делать реально нечего.

Вот они и надели коньки. Вообще это было весело. Амелия выросла в Сент-Поле, Миннесота, и научилась там кататься на льду, покрывавшему пруды и реки, поэтому могла справиться со здешними прорубями, а также кататься задом наперед, что доставляло ей удовольствие, и даже немного кружиться, хотя это уже было не так забавно, потому что напоминало о времени,

когда мама заставляла ее проделывать это на соревнованиях. Мама хотела сделать из нее звезду, и Амелия теперь считала, что ей стоит быть за это благодарной, однако чувства благодарности она не испытывала. Тем не менее кататься на коньках ей нравилось.

Вот она и каталась с Николь вверх-вниз по Бродвею от Юнион-сквер до 34-й, ощущая, как легкие наполняет прохладный воздух, как покалывает нос и он немеет, и испытывая все другие прекрасные чувства пребывания под тусклым зимним небом, где солнце едва просматривается на южном горизонте, отбрасывая на север длинные тени зданий. Как будто их всех перенесли куда-то на ледяную планету, только здания остались теми же знакомыми домами, гастрономами и лодочными магазинами, где единственным отличием было то, что каналы стали твердыми и белесыми. Власти города даже вывели на улицы несколько настоящих автобусов — старых, но с новыми моторами. Благодаря чему виды на каньоны напоминали старые фотографии, только вместо такси были люди на коньках. Пешеходам же приходилось держаться поближе к зданиям, чтобы не оказаться сбитыми.

Амелия каталась быстро — быстрее, чем такси

в старые времена, потому что могла уклоняться и просачиваться сквозь трафик, будто мотоциклистка. Николь за ней не поспевала. А если кто-то возникал у Амелии на пути, она кричала: «Бип-бип-бип!» — как такси — и проносилась в считаных дюймах от объекта.

Но затем она поняла, что развила такую высокую скорость, что нечаянно проехала мимо красной ленты, которой был закрыт перекресток Бродвея и 28-й. Лед под ней истончился, и она вспомнила своего отца, который учил, что по тонкому льду нужно ехать как можно быстрее, — но в этот момент он треснул. И мало того, что она мгновенно провалилась в студеную воду, так еще и осколок льда пришелся ей под ребро и выбил из нее дух, как только она ушла вниз. Шок от холода все равно заставил бы ее выпустить воздух из легких, но поскольку его там уже не было, она закашлялась, и в легкие попало немного воды, отчего она стала кашлять снова и захлебываться. Она тонула.

В панике она попыталась всплыть к поверхности, но врезалась в лед — между ней и воздухом было препятствие! Она сместилась под нетронутый лед! И теперь уж точно утонет! Мощный всплеск адреналина, разлившегося по ее телу,

обратил кровь в пламя, и ей еще сильнее захотелось вдохнуть воздух. Она ударила лед локтем — со всех сил, но этого было явно недостаточно. Теперь перед глазами у нее были только серые и черные пятна. Она не знала, что предпринять дальше, куда ей плыть. Ударила лед затылком. Было больно, но больше ничего не произошло. Она была обречена.

Затем рядом раздался громкий треск, и ее чем-то вытащили наверх. Она повисла в воздухе, ее потащили куда-то в сторону, затем вокруг нее начали шумно возиться какие-то люди, — а сама она задыхалась, замерзала и кашляла, пока ее несли подальше от дыры во льду, очевидно, проломленной этими прохожими, чтобы ее достать. Они рассказали, что заметили ее подо льдом, разбили лед ногами и лыжными палками и вытащили ее. Какие хорошие люди! Но теперь она замерзала, и не на шутку, так что не могла ни дрожать, ни дышать. Она с шумом пыталась вдохнуть воздух в легкие, но удавалось лишь отхаркивать из них воду. Воздух словно застрял у нее в горле.

— Х-х-холодно! — наконец получилось у нее выдавить вместе с водой.

— Ну-ка несите ее сюда! — крикнул кто-то.

Пока все голосили наперебой, ее отнесли в

здание — и она почувствовала, что стало теплее. Она очутилась вроде бы в туалете, нет, в какой-то раздевалке, возможно, это был спортзал или спа, и там с нее сняли одежду. Кто-то весьма весело заметил, что все это походило на одно из ее старых шоу и что не каждый день выпадает случай раздеть облачную звезду ради спасения ее жизни. Все, кроме Амелии, рассмеялись; она и сама присоединилась бы к ним, если бы могла, ведь в первую ее пару лет в облаке это действительно было главной особенностью ее шоу. И ей в самом деле вспоминались старые времена, а тем временем ее раздели и отнесли под горячий душ. Несколько человек зашли туда вместе с ней не раздеваясь, а просто намокая в одежде. Они держали ее и подбадривали, смеясь и оживленно переговариваясь, очевидно, наслаждаясь ее наготой, как она наслаждалась бы сама, если бы могла что-то чувствовать или о чем-то думать. Воду в душе включили еле теплой, чтобы ее капилляры не расширились и от сердца не отхлынула вся кровь, сказали они. Хорошая идея, но ей было не так тепло, как хотелось бы, к тому же теперь она стала дрожать сильнее, чем когда-либо. Николь стояла у двери в душ, оставаясь сухой, но и присматривая за Амелией, и, как та предполагала,

снимая ее. Незнакомцы в этом отношении были более прямолинейны:

— Ладно, дорогая, вставай, пусть теплая вода попадет тебе на затылок.

— Кто-нибудь, найдите ей сухую одежду.

— И где мы ее найдем?

— Вот полотенце, она может вытереться и повязать его, пока не найдется каких-нибудь вещей.

— Уже чуть теплее, она приходит в себя. Только не слишком торопитесь, не убейте ее, как тех чилийских моряков.

Она действительно приходила в себя. Но было еще мучительно холодно, а на ее побелевшей коже проступили красные пятна, будто у лошадки — пегой или аппалузы. Наверное, это был не лучший ее вид, хотя, наверное, можно было подумать, что она только что испытала оргазм или вроде того. Но вода теперь становилась горячее, и она чувствовала себя все лучше. Ей сказали, что она пробыла подо льдом всего пару минут, зато сейчас уже было горячо. Прямо обжигающе горячо.

— Эй! — закричала она. — Ай! Горячо! Горячо!

Воду немного охладили, постепенно вернув Амелию к нормальной температуре, а потом вытерли и одели во что-то взятое на время или

купленное в долг. Ее окружали очень дружелюбные люди.

— Вы все такие хорошие! — воскликнула Амелия. — Спасибо, что спасли мне жизнь! — И она разрыдалась.

— Давай мы отвезем тебя домой, — сказала Николь.

* * *

Оправившись после своего падения в канал, Амелия села на «Искусственную миграцию» и полетела из Нью-Йорка на северо-восточное побережье Гренландии. Там, на треугольном островке из холмов между фьордами Ньогалвфьердсфьорден (который до Первого толчка был ледником) и Захария Исстром (аналогично), стоял великолепный город Новый Копенгаген. Учитывая состояние старого, многие говорили, что этот город теперь следует называть просто Копенгагеном — ведь город был, по сути, перенесен. В самой Дании в ответ на такую дерзость лишь фыркали и уверяли, что с городом все нормально и он всегда был довольно влажным местом. С другой стороны, наличие другого Копенгагена на северо-востоке их старой колонии не вызывало особого неодобрения, и, по сути, два города были

мало связаны между собой, а названия не играли большой роли. В Онтарио, например, тоже был Копенгаген.

В любом случае Амелия уже бывала в Новом Копенгагене и сейчас почувствовала приятный трепет, когда Франс провел «Искусственную миграцию» вдоль длинного ряда мачт на южной окраине города, где остров с севера рассекал короткий фьорд, придавая ему форму подковы. Причалы выступали в затянутый льдом фьорд, а за ними сразу начинался центр города. Здания здесь были преимущественно в гренландском стиле — крыши с крутыми скатами поверх раскрашенных яркими цветами кубов, освещенных уличными фонарями, отчего тьма северной зимы рассеивалась и становилось куда светлее, чем в любом помещении. Концертный зал на вершине подковы представлял собой огромный куб, вдохновленный похожим зданием в Рейкьявике, и служил известным центром новоарктического движения долгоиграющей оперной и инструментальной музыки. Некоторые из произведений, что игрались в этом зале, могли продолжаться всю зиму.

Когда дирижабль был пришвартован, Амелия добралась на автобусе до изголовья фьорда, где

располагалась крупнейшая пешеходная зона. Ярко освещенные мостовые, очищенные от снега, были почти пусты, но, опять же, было слишком холодно, а те немногие, кто находился на улице, в основном спешили от одного здания к другому. Несмотря на потепление Арктики, в середине зимы здесь было по-прежнему холодно, еще и дул морской ветер, как в любом другом прибрежном городе. Этим он напоминал Амелии Бостон.

В пабе, который назывался «Балтика», было так тепло, что поднимался пар; посетители шумно наслаждалась пятничным вечером. Здесь собрались и местные друзья Амелии — ребята из Ассоциации миграции диких животных, которые пришли посочувствовать ей в связи с ее ужасным путешествием на юг, запить горе и обсудить новые планы. Некоторые из них помогали ей в Черчилле и были так же злы на тот страшный прием, что ее медведям оказали в Антарктиде.

Но один из них, Торвальд, не выразил такого сочувствия, как остальные:

— В Лигу защиты Антарктики входят почти все, кто там живет, а они куда хуже Защитников дикой природы. Они живут там просто потому, что хотят там находиться.

— Я знаю, — недовольно проговорила Аме-

лия. — Ну и что? Антарктида большая, и если бы в одной-двух бухтах поселилось несколько медведей, что бы это изменило? Мишек вывезли бы обратно на север через пару сотен лет. Собрали бы, когда здесь снова стало бы достаточно холодно, и отправили бы домой. А там для них было просто убежище!

— Но мы же с ними не консультировались, — возразил Торвальд. — А они очень привязаны к своему видению Антарктиды. Последняя нетронутая территория — вот как они ее называют. Последняя чистая местность.

— Ненавижу это дерьмо, — сказала Амелия. — Это планета помесей. Никакой чистоты здесь быть не может. Единственное, что имеет значение, — это не допускать вымирания.

— Я-то с тобой согласен. Но они нет. Поэтому тебе нужно было больше, чем собрать вокруг себя людей вроде меня.

Он пристально смотрел на нее, и, несмотря на его упреки, Амелия поняла, что он пытался ее клеить. Это было отнюдь не ново, но в том расположении духа, в каком она была сейчас, вызывало у нее нечто среднее между успокоением и раздражением. Она могла поддаться его заигрываниям, однако она до сих пор чувствовала себя

насквозь продрогшей — даже спустя несколько дней после того, как провалилась под лед. Но дело было не только в этом. Да и его манеры, а он вел себя грубо, желая затащить ее в постель, ей не нравились.

— Так что нам делать? — спросила она с вызовом. — Друзья в Нью-Йорке сказали, что я смогу перевезти туда еще медведей, если сохраню это в тайне.

В ответ на это все с сомнением покачали головами.

— Белых медведей отслеживают с помощью спутников, — сказал Торвальд. — И в Антарктиде за ними тоже следят. Нам ведь не нужно, чтобы их и дальше убивали.

— Может, с нашими противниками заключить сделку? — предложила Амелия.

Но остальные снова покачали головами.

— Они не пойдут на компромиссы, — ответил Торвальд. — Если бы это были люди, готовые к компромиссам, они бы там не жили.

Амелия вздохнула с мрачным видом.

— Может быть, нам стоит подыскать им новые места в районе Гренландии, — сказал Торвальд. — Где-то здесь должны быть новые бухты, где и медведи, и животные, которыми они будут пи-

таться, смогли бы нормально жить.

— Здесь теперь слишком тепло, — возразила Амелия. — В этом все дело.

Торвальд пожал плечами.

— Если ты говоришь, что мировые температуры должны упасть, чтобы белые медведи выжили, то для этого нужно вывести из атмосферы примерно тысячу гигатонн углерода.

— А что? Разве это нереально?

— Если это наш главный проект, то да. Нужно всего-навсего изменить все.

— Ой, да ладно. Так уж все?

— Да. Конечно.

— Мне это не нравится. Это слишком. Но мы должны делать все, что в наших силах. Я хочу сказать, в этом же и есть суть искусственной миграции.

— Ну да. А на трудные времена нам нужен рефугиум[96]. Но это все только временные решения. А ты же у нас королева временных решений.

— Временных решений?

— Ну а что это еще? Ведь в долгосрочной перспективе поможет только коррекция всей системы. А до тех пор будем прибегать к этим

---

[96] Примечания: 96

Зона, в которой вид или группа видов могут пережить неблагоприятный период времени.

нашим решениям. Мы делаем все, что можем, раздавая милостыню от богатых. Пытаемся спасти мир их объедками.

Амелии это замечание показалось удручающим. Она выпила еще аквавита, зная, что это лишь расстроит ее еще сильнее, но что с того? Если она не в духе, то уже ничего не поможет. Ей было все равно, если она вела себя глупо. Сейчас ей хотелось быть глупой. Она уже совсем не думала о том, чтобы переспать с этим Торвальдом. Да, может, он и сам об этом никогда не задумывался. Он тоже пребывал в печали — если только это не было его нормальным состоянием. Он слишком правдив, и в нем чувствовался гнев, наверное, похожий на ее собственный, но другой. Ей же, чтобы со всем справиться, нужно было немного вымысла, и она думала, что другим тоже. Наверное. Точно она не знала, но явно видела, что ребята пускались в фантазии, когда находились рядом с ней, — это было заметно по блеску в их глазах. У себя в воображении они были с некой выдуманной Амелией — смесью ее образа из шоу и ее настоящей, — и она им подыгрывала, потому что так всегда становилось легче. Но это была не совсем она. Настоящая она очень, очень злилась.

— Но грубить нам сейчас не нужно, — строго

проговорила она.

На что Торвальд лишь закатил глаза и осушил свой бокал.

* * *

Она была слишком обозлена, чтобы выйти в облако и обратиться к своим зрителям, и слишком обозлена, чтобы возвращаться домой. Все шло не так, и исправить положение выше ее сил. С тех пор как она впервые спасла выпавшего из гнезда птенца, когда работала в местном птичьем заповеднике, лишь бы уехать от матери — а тот заповедник весь кишел птицами, которых можно было спасти и пристроить в ту или иную ситуацию, — она работала с непринужденной мыслью, что будет заниматься этой работой всю жизнь и на более серьезном уровне. И долгое время она жила по такой своей программе. Но сейчас — нет. Сейчас она — королева временных решений.

Она приказала Франсу отвезти ее домой, обойдя вокруг света.

— Ты сказала «обойдя вокруг света»?

— Именно.

— До Нью-Йорка примерно пять тысяч километров на юго-запад. Чтобы обойти вокруг света, нужно пролететь над Северным полюсом,

потом через Тихий океан, через Антарктиду и назад над обеими Америками. Приблизительное расстояние — девятнадцать тысяч километров. Приблизительное время перелета — двадцать два дня.

— Хорошо.

— Провизии на борту хватит приблизительно на восемь дней.

— Хорошо. Мне как раз нужно немного сбросить вес.

— Твой вес на данный момент на два килограмма меньше среднего за последние пять лет.

— Заткнись, — отрезала она.

— По моим расчетам, нехватка провизии будет более ощутима, чем при обычной диете.

Амелия вздохнула. Затем отошла в угол мостика и посмотрела на земной шар, подвешенный там на двух магнитах, и увидела, о чем говорил Франс. Возвращаться в Антарктиду ей тоже не хотелось.

— Ладно, пройди просто по большой спирали, не надо вокруг света. Отсюда на Камчатку, потом через Канаду и домой.

— Приблизительное время перелета — десять дней.

— Хорошо. Я хочу так.

— Ты будешь голодать.

— Заткнись и двигай уже!

— Спускаюсь к нижней зоне восходящего потока, чтобы ускорить наше возвращение.

— Ладно.

* * *

В первые темные дни этого зимнего путешествия она наслаждалась видами Северной Атлантики. Они долго пролетали над ярко освещенным городом на Шпицбергене, этим арктическим Сингапуром, светящимся, будто огромная новогодняя елка. Потом Норвежские Альпы — ряд острых белых и черных шипов, между которыми тянулись длинные плоские ледники. Потом Сибирь, которая тянулась долго, день за днем. Русские хоть и построили несколько крупных городов вдоль арктического побережья, бóльшая часть тундры, над которой пролетала Амелия, оставалась пустой. Тундра, тайга и бореальный лес вдоль границы тайги — так называемый пьяный лес. Белые ледяные холмы, называемые буграми пучения, обезображивали тундру, будто нарывы. Эти массы чистого льда пробивались сквозь почву при каждом прохождении цикла замерзания и оттаивания — по сути, всплывали

к поверхности. Когда бугры пучения таяли, то оставляли на вершинах низких холмов круглые пруды, и это было странное зрелище. При этом процессе в атмосферу выпускалось невероятное количество метана.

В тундре часто можно было увидеть в виде скоплений черных точек стада воссозданных мамонтов. Даже если считать их псевдомамонтами, они все равно очень впечатляют. Будто черные муравьи, карабкающиеся по земле, они достигают численностью нескольких тысяч, а то и миллионов. В чем-то это хорошо, а в чем-то не очень. Динамика популяций, опять же. Если бы эта динамика была единственным весомым фактором, то они со временем бы как-нибудь да прижились. А так эти мамонты могли вновь плохо закончить. Но по крайней мере удалось остановить добычу слоновой кости, из-за которой истребляли слонов.

И действительно, думала Амелия, смотря вниз, мир выглядел неплохо, несмотря ни на что. Возможно, так казалось потому, что они летели в темноте. Возможно, потому что теплый климат шел побережью Северного Ледовитого океана на пользу. Если получится так или иначе вернуть холода, эта местность, возможно, изменится в

худшую сторону. Трудно сказать наверняка.

Так Амелия проводила эти дни, глядя на пейзажи и пытаясь все обдумать. И казалось, все сильнее запутывалась. Так случалось всегда, когда она пыталась думать, поэтому она думать не любила. Она считала, что рядом есть люди, у которых продумывание различных вопросов получается лучше, хотя иногда и сомневалась в этом. Но в любом случае — находились рядом такие люди или нет — их существование ей не помогало. Все, что они могли сейчас предпринять в этом мире, имело вторичные и третичные эффекты. Одно шло вразрез с другим. Они управляли не столько ткацким станком, сколько вальцами. Почему ее учителя сказали ей, что экология — это ткацкий станок, когда на самом деле это ходячая катастрофа?

Она покопалась у себя в браслете и нашла запись своего консультанта, студента Висконсинского университета, теоретика эволюции и экологии по имени Лакки Джефф, чей голос даже сейчас способен ее успокоить. Более того, эта его способность оказывалась настолько сильна, что она просыпала бóльшую часть его нотаций. Но сейчас именно это и было ей нужно — его спокойствие. Он ей нравился, а она нравилась ему.

И еще он любил, чтобы все было просто.

— Нам нравится, чтобы все было просто, — произнес он в самом начале лекции, которую она выбрала, и Амелия улыбнулась. — В действительности все сложно, и мы не всегда можем с этим справиться. Как правило, нам хочется, чтобы существовал какой-то главный принцип. Поппер[97] называл это монокаузотаксофилией, то есть любовью к единственным причинам, объясняющим все и вся. Иногда и правда было бы здорово иметь такое единое правило. Вот люди их и выдумывают, наделяют их силой, как раньше наделяли властью королей или богов. Сейчас, может быть, считается, что чем больше, тем лучше. Что именно это правило в основе экономической теории и на практике оно приводит к получению прибыли. Это одно правило. И из него следует, что каждый может максимизировать свою собственную ценность. На практике же это приводит нас к массовому вымиранию. И если слишком упорствовать в этом направлении, то можно разрушить все. Тогда какой главный принцип лучше, если нам нельзя, чтобы таковой у нас был? Тут есть несколько вариантов.

---

[97] Примечания: 97

Карл Поппер (1902–1994) — австрийский и британский философ, логик и социолог.

Если помнить, что величайшее число — это сто процентов и оно включает в себя все, то тогда принцип работает. Это также подразумевает создание чего-то наподобие климаксного леса. А в философии и политической экономии это целое дело. Здесь существует несколько неудачных интерпретаций, но это со всеми правилами так. Они работают только в грубом приближении. Но одно такое правило мне нравится больше, и оно появилось как раз здесь, в Висконсине. Это одно из высказываний Альдо Леопольда[98], и его иногда называют леопольдианской земельной этикой. «Хорошо то, что хорошо для земли». Чтобы его понять, нужно немного пораскинуть мозгами. Нужно получить последствия, но это со всеми главными принципами так. Что значит «заботиться о земле»? Заниматься сельским хозяйством, животноводством, городским проектированием. Всячески ее использовать. То есть это может быть способ объединить свои усилия. И вместо того чтобы работать ради получения прибыли, делать все, что будет полезно для земли. И надеяться создать таким образом лучшие условия для следующих поколений.

---

[98] Примечания: 98

Альдо Леопольд (1887–1948) — американский писатель, философ, ученый, эколог, профессор Висконсинского университета.

Амелия размышляла, может ли хоть что-то из этого быть правдой и может ли пригодиться ей здесь. А внизу, под ее дирижаблем, тянулась Камчатка. Темная земля, усеянная заснеженными вулканами, хотя некоторые были и черными, потому что их склоны такие горячие, что снег на них полностью растаял. Странно видеть здесь такую горячую поверхность! Ниже, вокруг вулканов, росли густые леса, тоже засыпанные снегом. Ютились там и несколько городов, разбросанных, будто гигантские навигационные маяки, а экокоридоры, которые с таким трудом выстраивали в Северной Америке, здесь считались в порядке вещей. Почему Камчатка мало заселена? Или у русских лучше получалось устроение экокоридоров? Она ведь считала русских безумными расхитителями собственной страны. Но, возможно, такими были китайцы. Те-то уж точно губили свои земли. Их принцип, наверное, противоположен правилу Леопольда и звучит так: «Хорошо то, что хорошо для людей». Может быть, именно это люди имели в виду, когда говорили о величайшем благе для величайшего числа — то есть числа людей? И то, что Леопольд говорил насчет заботы о земле, означало заботу о людях в долгосрочной перспективе? Камчатка… Величе-

ственная, удивительная… инопланетная… словно другой мир — каково сейчас было этим землям? Амелия не имела ни малейшего понятия.

Далее летели над Алеутами, затем над Канадой, где в небесах вокруг появлялось все больше и больше других судов. Над Сибирью тоже они летали — гигантские автоматические грузовые дирижабли, но в середине зимы их было мало из-за темноты, все стремились на юг. Сейчас она видела все возможные виды воздушных судов, которые освещали небо, будто фонари. Была здесь и группа небесных деревень, которые парили в семи тысячах футов над землей — на той высоте, что обычно оставляли для них свободной. Амелия любила небесные деревни. Они представляли собой круглые либо многоугольные скопления воздушных шаров, а нередко единое кольцо, скомпонованное так, чтобы было похоже на круг из старинных шаров. Эти шары держали в воздухе платформы, на которых строились целые деревни, а в некоторых случаях даже города в несколько тысяч человек. Всего от тридцати до пятидесяти шаров либо блоков единого шара, и еще были версии поменьше, предназначенные для отдыха, на двадцати одном шаре — как в детской книжке «Двадцать один воздушный шар».

Об этих деревнях отзывались очень восторженно, и Амелия всегда посещала их с удовольствием. На них располагались фермы, а некоторые имели столько площади, что были почти самодостаточными, как корабли-города, странствующие по океанам, и поэтому крайне редко опускались на землю.

Амелия летела на высоте около десяти тысяч футов, и небесные деревни, которые она видела под собой, походили на икебаны или клуазоне[99]. Канадцы особенно любили на них летать или там жить. Ее облачное шоу, как ей сказали, пользовалось популярностью во многих из них, хотя небольшое исследование показало, что эта популярность имела вульгарный оттенок и обеспечивалась молодыми ребятами, которые любили посмеяться. Ну и ладно. Зрители есть зрители.

Стало заметно, что люди уже начинали интересоваться, почему она не делает новых трансляций. Николь твердила ей об этом каждый день. Люди знали, что она летает, но не делает передач. Пошли слухи, что она в депрессии после гибели белых медведей. Да, и что с того? Это

---

[99] Примечания: 99
Древняя китайская техника перегородчатой эмали.

же правда. Более-менее правда. Она не знала, как охарактеризовать то, что она чувствовала. Это было для нее ново — и неприятно. Может, и правда эмоциональная травма. Она не знала. Может, это ощущение оцепенения и было вызвано эмоциональной травмой. Но она поняла, что всегда была в некотором оцепенении. Слегка отстраненной, словно находилась где-то в другом месте. Она ненавидела свое детство: в детстве она стремилась уйти от ненавистного окружения, уходила, чтобы побыть в одиночестве всякий раз, когда выпадала такая возможность. Поскольку это вроде бы помогало, у нее и возникла некая отстраненность. Словно все, что происходило с ней или перед ней, происходило с разницей в несколько мгновений. Всегда ли у нее была эта травма? И если да, то что ее причинило?

Она не знала. Можно было обвинять ее мать, но, опять же, та была не настолько плохой. Обычная мать, которая жаждала звездной карьеры для дочери, но почему тогда Амелии было от этого так дурно? Что с ней было не так, отчего ей хотелось от всех убежать? Может, мир накрылся крышкой, а люди это видели, но ничего не предпринимали, им было на это наплевать? Или дело в ней, с чем-то у нее внутри?

Она в очередной раз немного отстранилась от того, что видела перед собой, — но одна из небесных деревень накренилась вбок и, медленно вращаясь, стала снижаться.

— Франс, а что с той деревней?

— Не знаю.

— Посмотри на ее шары! Они лопнули?

Амелия приняла управление и устремилась к терпящему бедствие судну.

— А ну гони туда, на полной скорости! — закричала она.

— Гоню.

Амелия стала направлять дирижабль, а Франс обеспечивал скорость и пытался установить контакт с деревней, от которой исходил сигнал бедствия. Половина ее шаров лопнула разом, и от резкого наклона все, что было на борту, скатилось в хаос. Деревня быстро падала — пусть не так быстро, как падал бы холодильник, а с некоторой плавучестью. С усилием отрываясь от наклонившихся стен своих строений, жители деревни пытались взять ситуацию под контроль, но это им явно не удавалось. Дело казалось безнадежным.

После недавнего приключения, когда «Искусственная миграция» летала в вертикальном

положении с медведями на борту, Амелии было легко представить, что такое хаос.

— Снижайся к нему, — приказала она Франсу. — Выпускай гелий. Давай же, ну. Гони!

— При нашей текущей скорости мы пересечемся с ними, когда они будут приблизительно в тысяче футов над поверхностью.

— Хорошо. А как нам подцепить их с той стороны, где у них лопнули шары?

— Это может быть осуществлено с помощью нашего захватного крюка.

— Хорошо. Давай. Только быстрее.

— Состыковавшись с ними, мы предположительно сумеем восстановить плавучесть.

— А разве у нас нет запасов гелия в хранилище?

— Есть…

— Тогда быстрее давай! Давай!

Она связалась с деревней и рассказала о своем плане. Те были счастливы это услышать.

«Искусственная миграция» неслась к падающей деревне гораздо медленнее, чем хотелось бы Амелии, — ей даже казалось, будто они двигаются, словно в замедленной съемке. На самом же деле они, по словам Франса, летели быстро. Так быстро, насколько это возможно.

— Не забывай снимать свои приключения, — добавил Франс в какой-то момент.

— К черту съемку! — прокричала она в ответ. — Ненавижу ее! Не смей говорить мне то, что тебя заставляют говорить мои продюсеры!

— В таком случае я не очень понимаю, что мне говорить.

— Тогда просто молчи! Ну правда, Франс. Так ты только напоминаешь мне, что ты программа. Это очень расстраивает. Я говорю, к черту все это дерьмо, я это ненавижу. А ты отвечаешь мне так, будто ничем не отличаешься от других.

Франс молчал.

Когда они оказались над самой падающей деревней и опустили к ее краю веревку с крюком, люди в деревне выбрались на ее сильно накренившуюся платформу, все связанные вместе, будто скалолазы, чтобы поймать крюк «Искусственной миграции» и подцепить его к краю поверхности своей деревни, где-то посередине дуги, где недоставало шаров. Их маневрирование было таким удивительным, что Амелии захотелось включить камеры. И она их включила.

— Привет, народ, — проговорила она в облако, — это Амелия, снова на связи. Посмотрите, что делают эти ребята, чтобы спасти свою небесную

деревню. Это поразительно! Надеюсь, они надежно застрахованы, ведь они просто так там висят. Вот, смотрите, поймали. Ага, а сейчас они собираются прицепить наш крюк к своей поверхности, и мы, насколько получится, подтянем их вверх. Франс, покажи-ка нам лучшую подъемную силу, какую сможешь.

— Выпускаю запас гелия.

— И хватит уже дуться. Народ, Франс сейчас немного раздражен, но я тут не виновата. Виноваты наши продюсеры — манипуляторы до мозга костей, ну не придурки ли?. И ты в том числе, Николь. Но давайте лучше сосредоточимся на героизме этих ребят, которые переживают беду. Похоже, нам хватит силы, чтобы поднять ту сторону деревни, где лопнули шары. Я слышала, кто-то из них говорил, что через ту часть дуги вроде бы пролетел метеорит. Но сейчас мы видим, они почти выровнялись. Мы посадим их… Где мы их посадим, Франс? Где тут рядом хороший аэродром, куда их можно посадить?

— В Калгари.

— Мы посадим их в Калгари, ребята. Смотрите, как им приходится выкручиваться с теми шарами, что у них еще остались. Юху! Наверняка в домах у них сейчас все вверх дном. Уж

я-то хорошо себе представляю, каково им, после того как мы летали вертикально в том месяце. Такое никому не понравится. Это напоминает мне ситуацию, в которой мы все в большей или в меньшей степени находимся… Друзья, вам всем стоит вступить в Союз домовладельцев, прямо сегодня. Найдите его, разузнайте условия приема и вступайте. Потому что нам нужно держаться вместе, народ. Мы — как эта несчастная деревня! Мы совсем не в порядке. Дали крен и теперь падаем. Вот-вот потерпим крушение. Поэтому нам нужно состыковаться и подхватить друг друга, чтобы выбраться из этого бедствия. Вытащить себя за шнурки. Поставь это сообщение на повтор, Николь, и, может быть, я тебя прощу. Ладно, а сейчас смотрите, как мы мягко сядем. Франс, садись мягко. Тогда я и тебя прощу.

— Сажусь мягко, — пообещал Франс.

— Пусть буйным цветом пышет сад, — пропела Амелия последнюю строку заглавной темы своего шоу, взятую из стихотворения Фредерика Тёрнера[100].

Ладно: допустим, дело сделано. Это, очевидно, так и есть. Допустим, им пришлось изменить одно

---

[100] Примечания: 100

Фредерик Тёрнер (р. 1943) — американский поэт.

свое важное правило, чтобы оно сработало, — ну да, так и есть. Ладно. Она тоже собиралась изменить важное правило. Она собиралась изменить все. И если для этого было нужно бороться, она была готова. Она по-прежнему хотела спасти того птенца, чтобы он снова смог летать.

3) Инспектор Джен

Сэмюэл Беккет впервые пришел на бейсбол на «Стадион Ши», где играли два матча подряд, и его друг Дик Сивер все ему объяснял. В середине второй игры Сивер спросил Беккета, не желает ли тот уйти.

***Беккет**: А игра тогда закончится?*

***Сивер**: Нет.*

***Беккет**: Мы же не хотим уйти, пока она не закончилась.*

Инспектор Джен и сержант Олмстид отправились поговорить с группой анализа данных Общества взаимопомощи Нижнего Манхэттена. Это были хитроумные детективы, которым всегда удавалось шерстить стеллажи и облака куда эффективнее, чем представителям городских и федеральных властей. Их офис, ветхий и захудалый на вид, располагался на Западной 34-й, 454, совсем чуть-чуть севернее межприливья, в старом здании из бурого песчаника, таком же, как все соседние, большинство из которых было выдолблено и превращено в ширмы для небо-

скребов вдесятеро выше их. По этой причине — вдобавок к тому, что это вообще был довольно необычный район, — казалось, будто в старую кирпичную плоть вонзились чужеродные металлические когти.

В этом смешении старого и нового здание из песчаника, известное как Волчье логово, было легко пропустить, но тем не менее оно служило одним из важных узлов мегаполиса, поскольку в нем располагалось большинство шпионов Овна. Джен прошла мимо поста охраны вслед за Олмстидом с унылым чувством, что сопровождало ее всякий раз при входе в этот бастион больших данных. Для нее анализ данных был уродливым соединением строгой науки и фантазий Кафки. Он либо доказывал, что небо голубое, либо отстаивал истинность какого-нибудь глубокого заблуждения или, если точнее, чего-то решительно нелогичного, по мнению Джен Октавиасдоттир. И еще Джен полностью полагалась на интуицию, а анализ данных отказывал интуиции в существовании. Это был инструмент, которому были нипочем и она сама, и материал, над которым она работала. Тем не менее он часто оказывался полезным — по крайней мере, полезным для Олмстида. А Олмстид был полезен

для нее.

Они совещались кое с кем из постоянных партнеров Шона. Данные о температуре поверхности реки, находившиеся в общем доступе, показывали, что область над станцией метро «Сайпресс-авеню» нагрелась непосредственно перед похищением двух кодеров из Мета. Ладно, пока неплохо: небо голубое.

Сам контейнер отследить было сложнее, но здесь-то и проявляли себя Волки: у них имелся огромный кэш данных из Китая, по сути, всех, что китайское правительство сохраняло о своих гражданах на протяжении XXI века; все эти данные были похищены во время нашумевшего контрпереворота, ставшего впоследствии основой для сюжета великой оперы Чанга «Обезьяна кусает дракона». В этом китайском архиве группа Овна и сумела выяснить происхождение того самого контейнера, в котором держали Матта и Джеффа. Он был построен, как и почти все контейнеры на планете, в Китае. Около 120 лет назад. Затем он обычным образом путешествовал по океану до конца 2090-х, когда дизельные корабли окончательно были вытеснены контейнеровозами. К тому времени за стандарт приняли комбинированные контейнеры меньших разме-

ров, а старые стальные вышли из применения и были превращены в жилища и различные хранилища на суше. Этот конкретно скрылся от систем отслеживания, и невозможно было выяснить, где он находился последние полстолетия. Но вероятнее всего, так и лежал на затопленной парковке в Южном Бронксе, возле станции метро «Сайпресс».

Система наблюдения ФБР, также каким-то образом оказавшаяся в доступе у этих ребят, показала, что за две недели до похищения Генри Винсон несколько раз встречался с двумя людьми, связанными с «Пинчер Пинкертон», где-то на причале, в клетке Фарадея, поэтому их разговоры не записывались. Здесь же, как выразились аналитики, начинался осьминожий сад. Когда Винсон встречался с людьми из «Пинчер», система ФБР обнаружила, что за ними наблюдал кто-то еще, и этот наблюдатель, судя по всему, установил записывающее устройство внутри клетки Фарадея на том причале и, вероятно, успешно записал беседу. Но кто это был, ФБР определить не могло.

У «Пинчер Пинкертон», похоже, не было официального офиса. Деньги они хранили на Большом Каймане, а название лишь время от времени

всплывало в облаке. Криптографы Овна выкрали годом ранее у них несколько ключей, но в «Пинчер» это заметили и продолжили заниматься своими делами. Сведения, добытые аналитиками, не выявили ничего такого, что касалось бы похищения Розена и Маттшопфа, зато обнаружились свидетельства о контактах с другой присоской на той же ноге осьминога — группой, обвиненной в трех корпоративных убийствах. Вот за что ФБР поставило всей «ноге» низший балл и включило их в десятку худших. Наемное убийство — проще некуда. Имена Розена и Маттшопфа могли также присутствовать где-то в этих данных, но если им дали там кодовые имена, то их было не найти, и это объясняло бы, почему они не фигурировали ни в одном из списков. При этом у аналитиков не имелось достаточно улик, чтобы убедить городские власти обратиться во Всемирную торговую организацию за ордером на обыск файлов «Пинчер», хранящихся в облаке.

— Черт, — выругалась Джен. — Но я хочу их потрясти.

Тем не менее офис Винсона ФБР раскололо довольно легко. Там оказались сведения о найме Розена и Маттшопфа и о контакте с «Пинчер» для консультирования по вопросам личной

безопасности. Впрочем, эта информация могла находиться и в распоряжении властей. Аналитики Овна также выдернули несколько алгоритмов ныряния в скрытые пулы из самих же скрытых пулов; их создание Джефф Розен приписывал себе, и они были связаны с другими алгоритмами, которые он обнаружил в скрытых пулах. Он действительно добавил скрытый канал в пул, соединенный с Чикагской товарной биржей. Вместе эти факты, может быть, смогли бы составить достаточное основание для выдачи Комиссии ордера на обыск файлов Винсона.

Джен обдумала свои возможные действия, прогнав различные сценарии перед Олмстидом, который послужил ей маркерной доской в отсутствие настоящей. Если бы они получили ордер и воспользовались им, то могли бы найти доказательство того, что Винсон нанял «Пинчер», чтобы упрятать своего двоюродного брата и его напарника. Если Джефф увидел только верхушку айсберга в нелегальной манипуляции рынком, то изолирование его вместе с напарником могло уберечь Винсона от нескольких лет тюрьмы или как минимум от определенных неприятностей.

— Почему он их просто не убил? — спросил Олмстид.

— Ну, знаешь, он не хотел огласки, не более того. Хоть они родственники и все такое.

Олмстид неопределенно кивнул.

— Что-то у вас не очень вяжется.

— Зато с ордером мы бы выяснили, что они там делали.

— Думаете?

— Ну, может, и нет. Но мы можем их так запугать, что они выкинут какую-нибудь глупость.

— Вот любите вы это, — заметил Олмстид, нервно барабаня пальцами по столу. Джазовые мотивы, которые он выстукивал ногтями, выдавали его растерянность. — Всегда думаете, будто можете их запугать, выгнать из укрытия.

— Именно. Они почти всегда творят какие-нибудь темные делишки. Считают себя великими умами, наворачивают круги вокруг Комиссии, но один визит инспектора полиции с ордером — и они накладывают в штаны.

— Они оценивают влияние своих действий и стремятся его уменьшить.

— Именно. Виноватый бежит туда, где его ищут. И бывает, мы целые дела выстраиваем на том, что они выкидывают что-нибудь глупое.

— Подменяя доказательность.

— Именно!

— Но, знаете ли, иногда они понимают, в чем штука, и занимают оборону, а вы уже успеваете раскрыть свои карты. И такое часто случалось. Прием этот уже далеко не новый. Скорее даже старый и затасканный, я бы сказал.

Джен вздохнула:

— Прошу тебя, парень. Я все равно хочу попробовать. Потому что мне нравится выводить людей из себя. Потому что, когда ты не в себе, логика начинает подводить.

— Вы имеете в виду их или себя? Ладно, простите. Посмотрим еще, дадут ли нам ордер. Я уже вижу, как вам этого хочется.

— Читаешь мысли.

* * *

Они взяли ордер через панель управления Комиссии. Олмстид позвонил лейтенанту Клэр, чтобы та их подбросила, и уже скоро лейтенант прибыла на Причал 76 рядом с центром Явица на маленькой моторке в сопровождении группы самых прожженных криминалистов из департамента, одетых в гражданское. Оттуда они направились на север, к причалу Клойстер, где привязали моторку и поднялись по лестнице на большую площадь.

Само пространство здесь отличалось: все было больше, выше, шире. Прохожие проводили их взглядами: трое офицеров в форме и с ними кучка гражданских — настоящий рейд! Прямо как полиция нравов! И в испуганных взглядах людей четко отразилось, что этот приличный, даже солидный район на самом деле был звеном в длинной цепи преступности и афер. У Джен было даже радостно на душе, когда она целенаправленно шагала по этой площади, словно устроив себе маленький парад.

Затем они вошли в самую широкую высотку и сверкнули охране удостоверениями.

— Мы пришли поговорить с Генри Винсоном из «Олбан Олбани», — заявила при этом Джен.

— У вас назначена встреча? — спросили те.

— У нас ордер.

Джен энергично жевала, чтобы не заложило уши при подъеме на пятидесятый этаж. С Олмстидом, Клэр и командой криминалистов они вышли из лифта и направились к стойке «Олбан Олбани», где их ожидали несколько сотрудников.

— Я хочу поговорить с Генри Винсоном, — сказала Джен и предъявила ордер.

Один из секретарей указал на телефон, и Джен

одобрила:

— Да, звоните.

Мужчина набрал Винсона и сказал, что к нему явилась сотрудница полиции.

— Впустите ее, — ответил тот.

* * *

— Войдите, — пригласил Генри Винсон, стоящий в середине просторного помещения, со всех сторон окруженного панорамными окнами. Пять футов шесть дюймов[101], англо-американец, редеющие светлые волосы, на вид моложе своего возраста, а ему, как знала Джен, было пятьдесят три. Маленький рот, сжатые губы, тонкая кожа, очень ухожен, элегантно одет. Как актер, играющий руководителя фирмы, но это, по мнению Джен, можно было сказать почти обо всех руководителях.

— Чем могу помочь? — проговорил он.

— Мне необходимо задать вам несколько вопросов о вашем двоюродном брате Джеффе Розене, — сказала Джен. — Его и еще одного человека недавно похитили и удерживали против их воли. Городские системы наблюдения показыва-

---

[101] Примечания: 101

168 см.

ют нам, что вы провели несколько консультаций с организацией, обеспечивающей вашу безопасность, «Пинчер Пинкертон», в то время, когда они были похищены. А Розен со своим напарником работали на вас дважды в течение последних десяти лет. Поэтому нам интересно, сможете ли вы нам рассказать, когда видели их в последний раз.

— Я очень удивлен этим новостям, — ответил Винсон с оскорбленным видом. — Мне об этом ничего не известно. У нас здесь инвестиционная фирма с хорошей репутацией в Комиссии и в городе. Мы никогда не стали бы участвовать в незаконной деятельности.

— Разумеется, — согласилась инспектор Джен. — Именно поэтому полученные данные и вызывают такую тревогу. Возможно, в «Пинчер» проникли мошенники, которые занимаются подобным без вашего ведома, считая, что вы могли бы такое одобрить.

— Сомневаюсь.

— Когда вы в последний раз видели своего двоюродного брата, Джеффа Розена?

Винсон выглядел раздраженным.

— Я с ним не поддерживаю связь.

— Когда видели его в последний раз?

— Не знаю. Несколько лет назад.

— Когда в последний раз с ним контактировали?

— Тогда же. Как я уже сказал, мы не поддерживали связь. Его мать и мой отец уже много лет как умерли. Мы и в детстве виделись только по праздникам. То есть я понимаю, о ком вы спрашиваете, но, за исключением названного, между нами не было никаких связей.

— Но он работал в вашей компании.

— Правда?

— Вы не знали, что он работал в вашей компании? Она настолько большая?

— Достаточно большая, — ответил он. — Компьютерный отдел сам занимается своими кадрами. Они могли нанять его, не ставя меня в известность.

— Значит, вы не знаете и почему его освободили от должности.

— Нет.

— Но вы, похоже, знаете, что он занимался компьютерами.

— Да, знал.

— А знали, что он работал над кодами высокочастотной торговли?

— Нет, этого я не знал.

— А ваша фирма занимается высокочастотной торговлей?

— Конечно. Как и все инвестиционные фирмы.

Джен сделала паузу, чтобы особо подчеркнуть последнее замечание.

— Неправда, — указала она. — Ваша занимается, но этого не скажешь обо всех остальных. Это узкая специализация.

— Ну да, специализация, — согласился Винсон, снова выдав свое раздражение. — Всем нужно так или иначе с ней считаться.

— Значит, ваша фирма этим занимается.

— Да, как я и сказал.

— А ваш брат работал над вашими системами и мог оказаться свидетелем незаконной деятельности.

— Это невозможно, потому что мы торгуем в рамках правил, установленных Комиссией. И как я сказал, я сам не контактировал с ним более десяти лет.

— Можете вспомнить последний раз, когда с ним общались?

— Нет. Наверняка это было что-то малозначительное. Может быть, когда умерла его мать.

— Это было малозначительно?

— С точки зрения работы. Ладно, мне нечего к

этому добавить. Вы закончили?

— Нет, — ответила Джен. — Моя группа пришла обыскать ваши записи, а все, что ваши люди отправят в облако, с этого момента подлежит пресечению.

— Нет. Не думаю. Я думаю, что вы закончили.

— Что вы имеете в виду?

В помещение вошла большая группа людей в форме охраны, и Винсон дал им знак.

— Я ответил на ваши вопросы из вежливости, но не позволю вам нарушать мою конфиденциальность. Я полагаю, ваш ордер вообще недействителен. Охрана проведет вас наружу, поэтому я прошу вас оказать этим людям содействие и уйти прямо сейчас.

— Да вы шутите, — изумилась Джен.

— Вовсе нет. Уходите сейчас же, пожалуйста. Охрана вас проведет.

Джен задумалась.

— Все, что сейчас происходит, записывается.

— Конечно. Если до этого дойдет, мы с вами встретимся в суде. А пока я прошу вас подчиниться правилам безопасности нашего здания.

Джен взглянула на лейтенанта Клэр, и та пожала плечами: ничего не поделаешь.

— Мы уходим против своей воли, — заявила

Джен, — и все это будет записано. Но мы не прощаемся.

И она вышла из помещения, ее люди следом, а за ними охрана здания. В лифте стало тесно.

Когда двери лифта разъехались, полицейские пересекли большую площадь и спустились по широким ступеням на пристань.

Когда они вновь оказались в лодке, Джен выругалась:

— Вот говнюки!

— Я разбросала поденок по всему зданию, — сообщила Клэр. — Может, у некоторых из них получится спрятаться и что-нибудь услышать.

Олмстид был все еще красный от негодования — как бульдог, у которого вырвали кость прямо из зубов.

— Хорошая работа, — Джен похвалила Клэр. — Будем надеяться, что это к лучшему. Продолжайте наблюдать за всеми, кто был в здании, и за их действиями в облаке, тогда мы и увидим, не спугнули ли мы кого-нибудь. В самом крайнем случае мы накажем их уже за это насильственное вытеснение.

— Надеюсь.

И Клэр, и Олмстид разозлились не на шутку. Джен пыталась прикинуть, было ли это един-

ственным благом от их визита или они извлекли еще что-то полезное. Они были молоды и рвались взяться за это дело.

Часть шестая
Искусственная миграция

А) Гражданин

Канализационная система Нью-Йорка начинается с шестидюймовых труб, выходящих из зданий. Они соединяются с уличными сетями, которые в диаметре имеют уже двенадцать дюймов и входят в коллекторы диаметром пять футов, а то и больше. Всего в городе семнадцать площадей водосбора, причем канализация проложена по старым водоразделам гавани до установленных на берегах очистных сооружений.
Входной канал, врезающийся в 74-ю улицу с Ист-Ривер, назывался Лесопильный ручей.
Когда происходят перемены, это чувствуется в воздухе.

Дэвид Уожнароуикс

Закрыть конюшню после того, как лошади сбежали, — конечно, так люди и поступают. В данном случае лошади оказались с четырьмя всадниками Апокалипсиса, традиционно именуемыми Завоеватель, Война, Голод и Смерть.

Поэтому закрытие конюшни получилось особенно знаменательным.

Хотя естественно, даже эта инстинктивная и бесполезная реакция оспаривалась и, как отмечали многие, наступила слишком поздно. Когда мир объят пламенем, указывали многие, почему бы просто не дать ему плыть по течению, а самим встать на гребень волны, насладиться последним расцветом цивилизации и перестать даже пытаться все исправить? Это называлось адаптацией и служило популярной философской позицией среди определенных граждан облака, либертарианцев и различных академиков, преимущественно молодых и бездетных либо каким-то образом ощущающих отсутствие личных интересов. Поэтому они выглядели крутыми и часто получали работу от интеллектуалов со схожими взглядами. Это очень выгодный цинизм, когда можно вести себя так, будто все по-прежнему хорошо, весело и вообще теперь это считается нормальным. Когда ряд ученых указал, что на самом деле бесконтрольный парниковый эффект мог привести к весьма примечательным последствиям вроде тех, что несколько миллиардов лет назад имели место на Венере, а значит, эти выпущенные четыре всадника могут захлестнуть и

истребить бóльшую часть биосферы, то есть вызвать массовое вымирание, которое среди прочих видов способно затронуть и несведущих homo sapiens, то эти замечания в основном вызывали насмешки у тех, кто был слишком продвинут, чтобы думать, будто сверхуверенность могла касаться и их, таких обо всем осведомленных реалистов, какими они себя представляли. Людям нравилось быть крутыми.

Потом наступила продовольственная паника 2074 года, в результате чего скачки цен, накопительство, голод, смерть повсюду. Это дало всем — на этот раз действительно всем — внезапное осознание того, что даже еда, эта необходимость, которую многие считали чем-то непреложным, обусловленным чудесами современной агрокультуры, на самом деле была чем-то неопределенным и зависящим от обстоятельств, подверженных влиянию климатических изменений и множества антропогенных факторов. Среднемировое снижение веса у взрослых к концу 2070-х составило несколько килограммов, причем наименьшим оно было в процветающих странах, где порой приветствовалось как диета, которая наконец возымела эффект, а наибольшим — в развивающихся, где лишних килограммов у людей

попросту не было.

Таким образом, это происшествие вынудило правительства по всему миру переключить внимание не только на сельское хозяйство, которым они занялись с особой поспешностью, но и вообще на использование земли, то есть на технологическую основу цивилизации. В качестве первоочередной задачи занялись тем, что получило название быстрой декарбонизации. Что означало даже некоторое посягательство на силы рынка, господи боже! И дверь конюшни стала закрываться не на шутку, и умники, отстаивавшие адаптацию, разбежались и принялись искать новые поводы проявить свою незаурядность.

В это время, как выяснилось, несмотря на хаос и беспорядок, захлестнувшие биосферу, существовало и много любопытных вещей, чем можно было бы окончательно запереть конюшню. Углеродно-нейтральные и даже углеродно-отрицательные технологии только и ждали, чтобы их объявили экономичными по сравнению с разрушительными углеродно-сжигающими технологиями, которые к этому времени определялись рынком как «менее дорогие». Энергетика, транспорт, сельское хозяйство, строительство — каждый из этих доселе углеродно-положитель-

ных видов деятельности имел более экологичную альтернативу, уже готовую к использованию, плюс еще больше новинок разрабатывалось с удивительной скоростью. Многие из этих усовершенствований основывались на материаловедении, хотя между науками и всеми прочими людскими дисциплинами и областями знаний существовали такие противоречия, что можно было сказать: все науки, как естественные, так и гуманитарные, а равно и искусство, внесли свой вклад в изменения, инициированные в те годы. Вместе они были готовы пошатнуть позиции укоренившихся основ уже сейчас, когда продовольственная паника напоминала всем о том, что наступление массовых смертей было вполне реальной вероятностью. Поэтому, пока память о голоде еще свежа, некоторого прогресса можно было достичь, хотя бы на какое-то время.

Быстрее всего установили энергетические системы — конечно, они использовали солнечную энергию, основной источник на Земле, тем более что эффективность перевода солнечной энергии в электричество росла с каждым годом; и, разумеется, ветровую, потому что ветер обдувает поверхность планеты довольно предсказуемым образом. А еще более предсказуемы морские

течения. Благодаря усовершенствованию материалов, дающему, наконец, человечеству машины, способные противостоять постоянному бичеванию и коррозии от соленой воды, электрогенерирующие турбины можно было устанавливать на шельфе или даже на большой глубине, где они преобразовывали бы движение воды в электричество. Все эти методы не были так поразительно просты, как сжигание ископаемого углерода, но давали результат, а также обеспечивали немало рабочих мест, так как требовали установить и обеспечить функционирование различных крупных инфраструктур. Мнение о том, что человеческий труд постепенно становился ненужным, теперь выглядело спорным: да кто это вообще выдумал? Казалось, никто не желал выступать вперед и заявлять о своем авторстве. Это была просто одна из неубедительных старых идей из глупого прошлого, как существование флогистона[102] или чего-то в этом роде. Да и выдвигали ее не уважаемые экономисты, вовсе нет, а скорее какие-нибудь френологи или теософы.

---

[102] Примечания: 102

Гипотетическая материя, якобы наполняющая все горючие вещества и высвобождающаяся при горении. Впервые описанная в XVII веке, теория флогистона была впоследствии опровергнута химической наукой.

С транспортом была похожая история, потому что для передвижения объектов тоже нужна была энергия. Огромные корабли-контейнеры на дизельном топливе были переделаны в контейнеровозы — меньшего размера, более медлительные и, опять же, требовавшие много ручного труда. О да, теперь нужно было столько человеческой силы, аж удивительно! Впрочем, управление парусными судами во многом автоматизировано. Как и у грузовых дирижаблей, чьи верхние поверхности были оснащены солнечными панелями, а сами они были полностью роботизированы. Однако корабли, странствующие по Мировому океану, изготавливались из графенированных композитов, очень прочных и легких, также с применением диоксида углерода, и обычно были полны любителей круизов или служили как плавучие школы, академии, заводы или тюрьмы. Паруса их при этом дополнялись воздушными змеями, которые протягивались далеко в атмосферу, где ловили более сильные ветра. Это сулило навигационные опасности, несчастные случаи, приключения. Так, по сути, возникла целая океаническая культура на замену потерянной пляжной — потерянной по крайней мере до тех пор, пока пляжи не будут

восстановлены на новых побережьях, что также требовало немалого человеческого труда.

Старая новая идея морского транспорта выросла в идею о кораблях-городах, отчасти заменивших потерянные побережья, а в воздухе некоторые углеродно-нейтральные дирижабли превратились в небесные деревни, где селилась немалая численность людей, желавших жить вот так, среди облаков. Сама цивилизация, следуя струйным течениям в атмосфере, начала проявлять некоторое смещение на восток; хотя там, где задували пассаты, наблюдалось противоположное движение, но в общем и целом направление было восточным. Многие культурные аналитики задумывались, что бы это значило, и заявляли о некоем развороте исторической судьбы и многом другом, причем никого не смутили те, кто объяснял все просто тем, что сама Земля вращалась в том же направлении.

Когда дело коснулось землепользования, результаты получились разными. Углеродо-сжигающие автомобили стали артефактом прошлого, а небольшие электромобили воспользовались преимуществом хорошо развитых дорожных систем — но эти же дороги были заняты железнодорожными путями и мотоциклистами, а многие

были вовсе изъяты, чтобы создать экологические коридоры, необходимые для выживания великого множества видов, сосуществующих на этой планете вместе с людьми и считающихся важными для выживания человечества. И поскольку люди все равно склонялись сосредотачиваться в городах, этот процесс поощрялся, и почти уилсонианская[103] доля земли постепенно была покинута людьми и заселилась зверями, птицами, рептилиями, рыбами, земноводными и дикими растениями. Этим усилиям стала содействовать агрокультура, плюс появилась небесная агрокультура, которой занимались в небесных деревнях, где могли сеять и пожинать, практически не касаясь поверхности. Коровы, овцы, козы, буйволы и другие пастбищные животные получили поистину обширные пастбища, но употреблять их в пищу теперь было непросто. Бóльшая часть съедобного мяса выращивалась искусственно и изготовлялась более правильным образом, но и само животноводство, также оказавшееся углеродо-отрицательным, не исчезло совсем.

Деокисление океанов? Едва ли оно было возможно, хотя и предпринимались попытки

[103] Примечания: 103

В честь Э.О. Уилсона (р. 1929) — американского социобиолога и писателя.

расколоть новый базальт в районе Срединно-Атлантического хребта и захватить оттуда карбонаты, а также попытки провести кальцинацию океана или построить гигантские электролизные ванны, создав новые водорослевые сообщества, и так далее. Но океаны по-прежнему находились не в лучшем состоянии, поскольку от трети до половины углерода, сгоревшего в углеродосжигающие годы, попало как раз в океан и окислило его, причинив ущерб многим углеродным формам жизни, находившимся на конце пищевой цепи. А когда океану нехорошо — нехорошо и человечеству. Это была еще одна особенность их эры. Так что агрокультуре уделялось наибольшее внимание, тогда как аквакультура (приносившая теперь людям треть всей пищи) хоть и была распространена, но требовала преодолевания трудностей — она не ограничивалась простым вытаскиванием рыбы из воды.

Строительство? Раньше здесь выпускалось много углерода — как при производстве цемента, так и при работе строительных машин. Для этих работ требовалось очень много энергии, и чтобы их выполнять, нужно было биотопливо. С этой целью из воздуха вычленяли углерод, затем собирали его, сжигали, снова выпуская в воздух,

и вычленяли заново. Но этот цикл должен был стать нейтральным. Цемент сменился различными графенированными смесями посредством так называемой Триады Андерсона очень элегантно: углерод высасывался из воздуха и превращался в графен, который внедрялся в смеси с помощью 3D-печати и применялся в строительных материалах, таким образом изолируясь и не возвращаясь в атмосферу. Даже сейчас строительство могло быть углеродо-отрицательными (то есть углерода из атмосферы больше удалялось, чем добавлялось, если вам это интересно). Насколько это было круто? Наверное, настолько, что могло вернуть концентрацию CO_2 в атмосфере к уровню в 280 частей на миллион, а то и начать небольшой ледниковый период — от этой мысли некоторых, особенно гляциологов, бросало в дрожь.

Но это слишком дорого. Экономисты не могли не выражать сомнений. Ведь все всегда упирается в цену, верно? Вот и эти новомодные изобретения, так расхваленные теми неомальтузианцами, все еще обеспокоенными проблемой пределов роста, обсуждаемой давно дискреди-

тированным Римским клубом[104], могли ли мы их себе позволить? Не лучше ли, если все будет регулироваться рынком?

Могли ли мы позволить себе выжить? Ладно, как сказали экономисты, это не совсем правильная постановка вопроса. Здесь скорее вопрос веры в то, что экономика и человеческий дух решили все проблемы еще в начале нынешней эры или в годы возникновения неолиберализма. Разве это не очевидно? Просто поезжайте в Давос и взгляните на их уравнения — там все логично! А законы и оружие, которым обеспечивалось их соблюдение, прекрасно дополняли друг друга. Так что давайте просто продолжим скатываться по наклонной и верить экспертам, которые лучше знают, как все устроено!

Вот и представьте: консенсуса не получилось. Удивлены? Все эти любопытные новые технологии, вместе составляющие то, что могло бы называться углеродно-отрицательной цивилизацией, были лишь одним из аспектов куда более широкой полемики по поводу того, как цивилизация должна справляться с кризисом, унаследованным от предыдущих поколений с

[104] Примечания: 104

Некоммерческая организация, объединяющая представителей мировой политической, экономической, научной и культурной элиты.

их первоклассной глупостью. А поскольку четыре всадника были на воле, это была не самая разумная из мировых культур, что когда-либо населяли эту планету, нет, далеко нет. Плюс ко всему, можно было утверждать, что ставки становились выше, а люди — безумнее. Тирания утраченной стоимости с последующей эскалацией обязательств; очень распространенная история, настолько распространенная, что названия этим явлениям придумали, конечно же, экономисты — вместе с названиями видов экономического поведения.

Так что да, идем ва-банк и надеемся на лучшее! Или пытаемся изменить курс. А поскольку и то и другое стремилось захватить руль великого корабля государства, на квартердеке вспыхнули бои! Ой-ой-ой. Читай далее, читатель, коли осмелишься! Потому что история — это мыльная опера, что приносит боль, кабуки[105] с настоящими ножами.

---

[105] Примечания: 105
Традиционный японский театр.

Б) Стефан и Роберто

Если так говорит Писатель, то это своего рода словесная фуга.

Предположил Дэвид Марксон

Самое странное то, что во многом является наиболее похожим, в некоторых важнейших аспектах является наиболее отличающимся.

Торо открывает зловещую долину, 1846 г.

Роберто и Стефан любили то недолгое время, когда гавань покрывалась льдом. Шизофреничная нью-йоркская погода обычно допускала ей замерзать всего на неделю, зато, пока лед держался, это был совершенно другой мир. В прошлом году они пытались сделать буер, и хотя ничего толкового из этого не вышло, ребята кое-чему все-таки научились. А сейчас хотели попробовать снова.

Мистер Хёкстер спросил, можно ли ему пойти с ними.

— Я тоже этим маялся в детстве, в бухте Норт-Коув.

Мальчики неуверенно переглянулись, а потом Стефан ответил:

— Конечно, мистер Хёкстер. Поможете нам придумать, как приделать коньки к днищу?

Хёкстер улыбнулся:

— Мы привинчивали их к доскам, насколько я помню, а потом прибивали их к днищу тех лодок, что у нас были. Давайте посмотрим, что там у вас.

Они прогулялись к середине 23-й, среди сотен людей, занимавшихся тем же самым, а потом прошли к реке, туда, где находился Блумфилд-док. Там мальчики на днях привязали свой буер к бетонному столбу, спрятав под ним инструменты и материалы.

— Откуда, ребята, вы все это достали? — спросил Хёкстер, порывшись в тайнике. — Здесь кое-что во вполне приличном состоянии.

— Понаходили, — ответил Стефан.

Хёкстер неопределенно кивнул. Это было похоже на правду — по большей части все-таки город полнился всяким хламом. Достаточно было съездить на остров Говернорс или Байонн-Бей.

К ним подошел докмейстер Эдгардо, чтобы поздороваться с мальчиками, и отвлек мистера Хёкстера от его расспросов. Как оказалось, Эдгар-

до уже немного знал о пожилом друге ребят. Они немного поговорили о старых временах, и ребята с интересом узнали, что мистер Хёкстер когда-то держал на этом причале свою лодку.

Когда Эдгардо ушел, старик осмотрел их коньки.

— Похоже, годные.

— Но как бы их прикрепить, чтобы была возможность рулить? — спросил Стефан.

— Двигаться должны только передние. У них должно быть что-то вроде руля. — А оглядев их материалы и инструменты, спросил: — Так какие у вас, ребята, чувства по поводу вашего клада, а? Устраивает, как с ним обходятся?

Мальчики пожали плечами.

— Меня бесит, что их не поместят в музей или вроде того, — ответил Роберто. — Я не думаю, что стоит переплавлять монеты. Они же больше стоят как предметы старины, разве нет?

— Не знаю, — ответил мистер Хёкстер. — Бьюсь об заклад, вы бы хотели оставить одну-две себе, да? А одну можно продырявить и носить, как ожерелье.

Ребята задумчиво кивнули.

— Уж это было бы то еще блокжерелье, — заметил Роберто. — А вы, мистер Хёкстер? Что вы

думаете?

— Не знаю, как сделать лучше, — ответил Хёкстер. — Наверное, если мы правильно всем распорядимся — обеспечим хлеб и кров до конца жизни и создадим трастовый фонд, чтобы вы им пользовались, как подрастете, тогда я буду счастлив. Повидаете мир и все такое. А мне лично нужен только новый шкаф для моих карт. То есть помимо вещей первой необходимости. Без этого уж никак.

— Значит, шкаф — тоже первая необходимость, — предположил Стефан.

Рассуждая обо всем этом, они мастерили буер. Ребята нашли алюминиевую мачту с гротом на гике, которую можно было вставить в днище лодки. Затем сделали для нее подставку, прибили снизу возле переднего конца треугольной палубы и вырезали в подставке отверстие. Затем прибили к нижней поверхности палубы брус, после чего стало возможно привинтить к нему две пары коньков. Те, что располагались впереди треугольника, у носа лодки, были привинчены к кругу из фанеры, затем этот круг вставили в шпангоут, прибитый ко дну палубы рядом с мачтой, под другим отверстием, через которое проходил рудерпост, привинченный к верхушке

фанерного круга и проступавший через палубу. К верхней части рудерпоста была прибита перекладина, и к обеим ее концам привязывались тросы, которые тянулись по бокам мачты и к корме, где были закреплены за утки, ввинченные в палубу. Регулируя эти линии, можно было поворачивать переднюю пару коньков. Прибив к мачте еще пару брусьев для поддержки, ребята были готовы выходить на лед.

— Сделайте еще тормоз, — посоветовал мистер Хёкстер. — Ручной. Брус на шарнире, чтобы свисал с кормы. Такой, чтобы вы могли опустить его на лед, если будет нужно.

Он порылся в их хламе и достал старую медную дверную петлю.

— А это сработает? — спросил Роберто. — В смысле, просто деревом по льду?

— Ну не слишком хорошо, но уж лучше, чем ничего.

Они сняли перчатки, готовясь поработать руками, подули себе на пальцы и попрыгали, пытаясь немного согреться. Солнце, зависшее над Статен-Айлендом перламутровым пятном, давало больше тепла, чем можно было подумать, но все равно ощущался холод.

— Чем нам заняться дальше, мистер Хёкс-

тер? — спросил Роберто, пока они были заняты делом. — Нам ведь нужно что-то новое, после того как мы нашли «Гусара».

— Ну, такого, как «Гусар», больше и нет.

— Но что-то же должно быть.

Хёкстер кивнул.

— Нью-Йорк бесконечен, — согласился он. — Дайте мне подумать… а-а. Ну конечно. Вы же знаете, что Герман Мелвилл бóльшую часть жизни прожил в Нью-Йорке?

— Кто это такой?

— Герман Мелвилл! Автор «Моби Дика»!

— Ладно. Книга вроде должна быть интересная. — Оба мальчика хохотнули. — Расскажите нам.

— Ребята, он написал великий роман, но, когда его опубликовали, он убил его карьеру. Люди еще целое столетие или около того его использовали только как туалетную бумагу, и остальную часть своей жизни Мелвилл был вынужден искать другие занятия, чтобы прокормить семью. Строчить книжки он тоже продолжал, и после его смерти обнаружилась куча шедевров, которые он складывал в коробки из-под обуви, но до конца жизни ему приходилось как-то перебиваться то там, то сям.

— Как нам!

— Верно. Он был «водяной крысой». Но он получил должность таможенного инспектора и стал работать на причалах к югу отсюда. «Герман Мелвилл, таможенный инспектор». Так называется уже мой утерянный шедевр. А его шедевром была рукопись, которую он озаглавил «Остров Креста». Это о женщине, которая вышла замуж за моряка, от которого забеременела и который потом уплыл и стал жениться на других девушках в других портах, а этой девушке после его ухода пришлось выживать одной.

— Как Мелвиллу после того, как от него ушли читатели, — заметил Стефан.

— Молодец. Наверное, так и было. Но издатели Мелвилла, в общем, решительно отклонили эту книгу, и, как говорят, он принес ее домой и сжег у себя в камине.

— Зачем он это сделал?

— Он был вне себя. А может, и нет. Так, по крайней мере, утверждал Расс[106], но другие говорили, что роман просто лежал в одной из обувных коробок. Но суть в том, что он жил на Восточной 26-й, в большом индивидуальном доме, всего в одном

---

[106] Примечания: 106

Имеется в виду Оливер Расс, товарищ Мелвилла по плаванию на военном фрегате «Соединенные Штаты» в 1843–1844 гг.

блоке от Мэдисон-сквер.

— От нашей площади?

— Верно. Говорю вам, в этом маленьком бачино, в котором вы живете, протекала удивительная жизнь. Это своего рода энергетическая точка.

— Рукопись не может лежать на дне, как золото, — заметил Роберто.

— Нет. Нет, этот роман, наверное, утрачен навсегда. Очень жаль. Но найти хоть что-то из дома Мелвилла было бы уже здорово. Это как «Гусар», в том смысле, что вы можете копаться на дне канала, где стоял его дом, и никто даже не обратит на вас внимания.

— Но копаться на дне и в тот раз оказалось непросто, — указал Стефан. — Нам понадобилась помощь Айдельбы и Табо.

— Верно. Если найдете место, мы, наверное, сможем позвать их снова. А найти старый адрес будет не слишком трудно, потому что мы знаем точно, где это было. Поэтому, поймите, если вам удастся что-нибудь отыскать, какую-нибудь деревяшку или что-то вроде стакана с зубными щетками, который принадлежал Мелвиллу, чернильницу из слоновой кости или что-либо в этом роде…

— Отличная мысль, — восхитился Роберто.

Стефана это не убедило.

— Мы бросили наш колокол в Бронксе. После того как ты там чуть не погиб.

— Можем вернуться и достать его.

— Мы вроде уже почти закончили с этим буером, — заметил мистер Хёкстер.

— Давайте его испробуем! — вскричал Роберто.

Над Гудзоном высвистывал порывистый северный ветер, не слишком сильный, не чересчур холодный. Они вытащили свое судно на лед прямо у берега, сами залезли на палубу и, натянув парус, стали отталкиваться ото льда ногами.

Ветер тотчас надул парус, и Роберто обернул гика-шкот вокруг утки, что они прикрутили посреди фанеры. Стефан потянул за два троса, привязанных к рудерпосту, пока передняя пара коньков не повернула немного вправо, на ветер, а потом обернул их вокруг их уток. Теперь они, скрежеща, двигались на полветра на запад, поперек могучего Гудзона.

Подул ветер, и буер, вместо того чтобы накрениться, как обычный парусник, просто устремился быстрее по льду, сопроводив свое удивительное ускорение еще более громким скрежетом и каким-то новым шипением. Стефан и Роберто ошарашенно переглянулись и

чуть было не занервничали, но лицо мистера Хёкстера вдруг расплылось в такой довольной ухмылке, какой у него еще не видели. Катание на буере явно было ему знакомо, и он это любил. Вот Роберто и следил, чтобы парус оставался натянутым, а Стефан все поворачивал коньки вправо, все так же направляя судно на ветер, и так они громыхали по могучей реке, которая казалась им просторным ледяным озером, может быть, одним из Великих озер. Или, принимая во внимание гигантские небоскребы города и высотки Хобокена по обеим сторонам, хоккейную площадку для Титанов. А они шипели по ней, будто на гидрокрыльях!

Холодный ветер заставлял их кутаться в куртки и натягивать шерстяные шапки до самых ушей, а руки мерзли даже в перчатках.

— Держи курс прямо на ветер! — прокричал мистер Хёкстер.

Стефан отвязал свои тросы и потянул за правую, отчего лодка повернула вправо, вверх по течению и навстречу ветру. Тогда парус затрепетал, и буер стал тормозить по льду, пока совсем не замер на месте.

Ветер никак не унимался, и сильнейшим из порывов удавалось смещать все судно на фут

или два.

— Ничего себе! — изумился Роберто.

— Я и забыл, как это холодно — кататься по льду, — проговорил мистер Хёкстер, потупив взгляд. — Наши лодки были стандартные, с кабинами, где мы могли спрятаться и получить какую-никакую защиту. И у нас всегда была куча одеял и толстых перчаток и горячий шоколад в термосе.

— Думаю, перчатки и одеяла мы можем одолжить, — ответил Роберто, с побелевшими губами и уже немного дрожа. — Наверное, у Эдгардо есть.

— Нужно было подумать об этом заранее, — заметил Стефан.

— Давайте лучше вернемся, — сказал мистер Хёкстер. — Мы еще не так уж далеко.

Мальчикам показалось, будто они уже проделали бóльшую часть пути до Джерси, но мистер Хёкстер отрицательно покачал головой. Стефан потянул за свои тросы, вывернув передние коньки влево, чтобы направить буер в сторону города. Когда они заскользили в направлении Манхэттена, Роберто натягивал парус и лодка шла почти под ветром, после чего со свистом завиляла к городу.

— Смотри, чтобы тебя гиком не стукнуло! — крикнул старик, когда они резко набрали скорость.

Роберто со всей силы потянул за шкот и закрепил в утке, а Стефан лег под гик, который теперь был повернут к правому борту, а не к левому, как прежде. Громкий режущий свист, головокружительное ускорение — ничего подобного ребята еще не испытывали. Поразительная скорость! Даже зуммер Франклина Гэрра едва ли мог бы так разогнаться.

Затем на носу буера что-то громко щелкнуло, и вся палуба наклонилась вперед. Судно резко остановилось, и все трое соскользнули с фанеры на лед.

— Отпусти парус! — приказал мистер Хёкстер Роберто. — Отвяжи тросы, быстро!

Когда Роберто послушался, парус освободился и затрепетал на гике, который при этом бешено мотался взад-вперед. Ребята встали, отряхнулись и походили по льду. Местами тот был почти прозрачный, и это зрелище внушало трепет — под ними отчетливо виднелось, как движется черная вода.

Как оказалось, передние коньки и их круглое крепление полностью отошло от бруса.

— Слишком большое усилие, — сказал Хёкстер. — Еще и направление изменили. — Осмотрев повреждение, он покачал головой: — Плохо. Починить вряд ли получится.

— Не может быть! И что же нам делать?

— Вернемся пешком. Вот, обвейте ваши штуртросы вокруг носа, мы его приподнимем и покатим буер на задних коньках. Это не должно быть слишком тяжело.

Они встали на лед рядом с судном и обвязали тросы так, как он сказал. Когда это было проделано, они сумели приподнять нос достаточно, чтобы можно было тащить судно за собой. Спустя некоторое время они остановились и сняли мачту, положив ее вместе с парусом и гиком на палубу. После этого брести обратно к городу было уже не так горько.

— Вот это круто, — проговорил Роберто. — Обычно, когда с нами что-то случается, мы застреваем на месте.

Мистер Хёкстер усмехнулся:

— Это одна из причин любить буеры. Если опрокидываешься в воду, то так просто домой не вернешься. Я думаю, нам достаточно будет смастерить более крепкую раму для передних коньков, и все. Может быть, есть даже готовая

сборка, которую получится просто купить и приделать на месте. Наверняка ведь сейчас по всей бухте должны быть люди, которые собирают буеры, так?

Ребята согласились, что, вероятно, так и есть.

— Только у нас нет денег ни на какие покупки.

— Нет, есть! Дадите им золотую гинею и увидите, что тогда у них для вас найдется!

Было по-прежнему холодно, и мальчики попытались немного поторопить старика, но тот отставал, когда время от времени оглядывался по сторонам. Мальчики старались быть к этому снисходительными, но затем он совсем остановился.

— Ну что еще? — не сдержался Роберто.

— Вот это место! Это оно, прямо здесь!

— Что здесь за место? — поинтересовался Стефан.

— Это здесь я встретил Германа Мелвилла! Я вижу по тому, как с нашего причала видно Эмпайр-стейт-билдинг.

— Так вы что, знали этого Мелвилла?

— Нет, — рассмеялся Хёкстер. — Нет, хотя и был бы рад. Бьюсь об заклад, это было бы очень интересно. Но он жил до меня.

— Тогда как вы его встретили?

— То был его призрак. Столкнулся с ним точно здесь, и мы поговорили. Это, конечно, было очень впечатляюще. Жуткая такая встреча. У него прекрасный акцент, типа нью-йоркского, только слишком твердый. Может, еще с остатками голландского. Это было прямо здесь, где мы стоим. Вот так совпадение. Может, поэтому и лодка сломалась. Или потому, что я о нем сегодня говорил. Может, он все еще здесь и действует мне на голову.

Стефан и Роберто пристально смотрели на старика. Тот, глядя на них, улыбнулся:

— Ладно-ладно, идем дальше. Вы, похоже, замерзли. Я все расскажу по пути.

— Хорошая идея.

И когда они продолжили брести по льду, который на этом участке был почти весь белый, только исполосованный низкими гребнями из уплотненного снега — Хёкстер называл их застругами, — старик стал рассказывать свою историю:

— Как-то ночью я плавал здесь на маленькой резиновой моторке, вроде вашей, их тогда называли зодиаками.

— И сейчас называют.

— Рад слышать. Так вот, плавал я здесь…

— А почему вы оказались здесь ночью?

— О, это долгая история, расскажу как-нибудь в другой раз, но если в общих чертах, то я плыл, чтобы забрать контрабанду.

— Круто! И что же это?

— Что такое контрабанда или что я собирался забрать?

— Что такое контрабанда? — покосившись на Роберто, уточнил Стефан.

— Ну, некоторые товары нельзя ввозить в страну без обложения налогом. Или нельзя ввозить вообще. Так что если ты их как-то протащил, то это контрабанда.

— И что вы собирались забрать? — спросил Роберто.

— Давай об этом позже поговорим, — сказал старик. — Сейчас я хочу перейти к важной части о том, что я был здесь, в темноте, безлунной ночью, когда над водой поднимался туман. Счастье, что у меня тогда был навигатор, иначе я бы точно заблудился, потому что туман был ну очень уж густой. Раз или два я мельком видел Эмпайр-стейт, потому что тогда он тоже был освещен, но больше ничего. Я был один в этой белой черноте или черной белизне, уж не знаю. А потом в тумане кто-то возник — он греб на большой деревянной лодке. Короткие седые волосы,

длинная седая борода, которая разветвлялась на две части. Такой крупный широкогрудый старик. И греб он довольно быстро, так что даже чуть не врезался в меня, потому что когда гребешь, то, конечно, не смотришь вперед. Но в ту секунду, как я его окрикнул, он шустро повернул лодку кругом. А когда оказался ко мне кормой, сумел на меня взглянуть. И развернулся так точно и четко, что я сразу подумал, что он отличный гребец. И это, конечно, было логично.

— Почему?

— Роберто, заткнись!

— Нет, это хороший вопрос. Он хорошо умел грести, потому что в юности был гребцом на китобойном судне и там им приходилось гоняться за китами и гарпунить их, а потом затаскивать туши на борт. А я вам скажу, если к корме вашей лодки привязать тушу кита, то вы с каждым взмахом весла будете получать совсем малое усилие, так-то. В общем, гребцом он правда был хорошим. Потом, когда его писательская карьера застопорилась, он устроился на ту работу в доках. Вот там тоже нашлось место гребле. «Герман Мелвилл, таможенный инспектор». Моя любимая книга о нем, хотя я сам, в общем-то, ее написал.

— А я думал, вы говорили, что не писали ее.

— Роберто!

— В то время говорили, что он был единственным честным таможенным инспектором на Манхэттене. А это, разумеется, было чрезвычайно опасно.

— Как так?

— А ты сам посуди. Когда все вокруг продавались, он представлял опасность. Он был занозой и для контрабандистов, и для остальных таможенников. Даже удивительно, что его не застрелили и не сбросили в реку, а ведь с ним в те годы чего только не приключалось. Та книга — это прежде всего детективный роман, как вы бы, наверное, сказали, или приключенческий, где одна заварушка сменяется другой. То он раскрывает заговоры, то его пытаются убить. Отбитые старые конфедературы пытаются создавать проблемы, и здесь на реке вообще много чего творится. Бывало, он выбивался из сил на своих веслах, когда корабли отступали и вставали на якорь в гавани, где ждали, пока откроются доки. Он мог прогрести отсюда до Статен-Айленда и обратно. Мог ловить контрабандистов, просто их обгоняя. Когда они шли под парусом и ветер немного утихал, он их и обгонял. Да, он был тут настоящим чемпионом по гребле!

— Так что случилось, когда вы с ним встретились? Вы же тоже занимались контрабандой, верно?

— Верно. Может быть, поэтому-то он и показался! Но на самом деле в ту ночь он подплыл ко мне вплотную, наклонился через борт и внимательно так ко мне присмотрелся. А потом спросил: «Билли, это ты?»

— Кто такой…

— Заткнись!

— Не знаю, но сейчас мне кажется, он имел в виду Билли Бадда[107]. А когда я ответил, что нет, он вроде бы очень удивился, даже чуть испугался и спросил опять: «Малкольм? Это мой Малкольм?» А я ответил: «Нет, я Гордон. Гордон Хёкстер».

— Кто такой Малкольм?

— Так звали его старшего сына.

— А потом что? — не удержался Стефан.

— Он посмотрел на мой зодиак и спросил: «Это что, резиновая лодка?» Я ответил, что да, а он сказал: «Хорошая идея!», а потом: «А где же твои весла?» Я ответил, что выронил их за борт, и он так нахмурился, будто знал, что я солгал, потому что в моем зодиаке не было уключин. Хотя,

---

[107] Примечания: 107

Главный герой незавершенной повести Германа Мелвилла «Билли Бадд, фор-марсовый матрос».

конечно, в его время уже были пароходы и был бой «Вирджинии» с «Монитором»[108]. Потом он заметил сзади мотор и спросил, что это такое, а я ответил, что это катушка для лески. Надо было мне просто сказать, что это мотор. Но он только посмотрел на меня и сказал, что дотянет меня до берега, и мне пришлось согласиться, потому что отказываться в тот момент не было смысла. Он привязал трос к утке у меня на носу и стал грести, так что я пропустил свою встречу. Но я тогда об этом не думал. Я спросил его: «Как вы ориентируетесь в этом тумане?», потому что он сидел ко мне лицом. Он слегка улыбнулся, и это был единственный раз, когда я увидел на его лице хоть какую-то эмоцию. «О, просто знаю, — ответил. — Я знаю эту реку, вот и все. Что лунная ночь, что дождь стеной, что туман, плотный, как моя голова, набитая мыслями. Я на слух понимаю, где нахожусь. Я ощущаю дно не хуже, чем кровать, на которой сплю. Эта гавань заменила мне все океаны. Я наконец приспособился к своим обстоятельствам». Затем какая-то волна накатила на нас сзади. Я ощутил сначала, как волна подняла меня, а следом и его — сначала вверх, потом вниз.

---

[108] Примечания: 108
Самое известное морское сражение Гражданской войны в США.

Я осмотрелся вокруг и вроде бы спросил себя: «Что это такое было?», но в тумане ничего не разглядел. Только вода под нами была скользкой, и волны продолжали прибывать и поднимать меня, а потом опускать обратно. Он перестал грести, и мой зодиак стукнулся о корму его лодки. Тогда он наклонился ко мне и прошептал: «Это за тобою, сынок! Я вижу линь кругом тебя!» Я обернулся, чтобы посмотреть, что там, но ничего не увидел, а когда повернулся обратно, там тоже ничего не оказалось. Ни его самого, ни его лодки. Он просто исчез.

— Что с ним случилось? — спросил Роберто.

— Не знаю. Поэтому я и говорю, что это, должно быть, был призрак — потому что он так просто исчез. Это был первый признак того, что он не настоящий. К этому времени я находился неподалеку от Западной улицы, как я вскоре сумел определить. Тогда я, признаюсь, не на шутку перепугался. И еще сильнее потом, когда прочитал, что на следующий день на реке нашли пару лодок с трупами. Их зарезали. Мне кажется, это он и хотел мне сказать. Поэтому и сопроводил меня в тумане. Иначе меня бы убили, когда свершилась бы сделка, но он меня увел.

— Юху! — воскликнул Стефан.

— Но что он имел в виду, когда говорил про линь вокруг вас? — спросил Роберто.

— Ах! — Мистер Хёкстер сделал паузу, чтобы перевести дух. Он был весь погружен в свою историю. — В «Моби Дике» есть глава, которая называется «Линь», возможно, самая лучшая. В ней Мелвилл описывает, как китобои гнались за китами: гарпунщик стоял на носу, а еще двенадцать или восемнадцать человек гребли изо всех сил, как одна команда. В средней части лодки у них имелся линь, свернутый спиралью в большой бадье и привязанный одним концом к гарпуну. И когда гарпунщик бросает гарпун в кита и попадает, кит ныряет ко дну, и линь очень быстро разматывается вслед за ним. Линь был развешан по всей лодке на мачтах, так что, если кит уходил на глубину, гарпун всегда можно было быстро потянуть вверх. В общем, пока они изо всех сил гребли, качаясь на волнах, этот линь был развешан между ними и ждал, когда кит потянет его вниз. Так что если бы кто-то случайно продел в него руку или голову, когда тот потянулся бы, то все. Так можно было уйти на дно вместе с китом.

— Вы шутите, — не поверил Стефан. — Вот так они и делали?

— Да-да. Но потом, как раз когда Мелвилл за-

кончил описывать эту сумасшедшую систему, он продолжил: «Но зачем добавлять что-то еще?», и указывает, что в таком положении, как они, находимся мы все в любой момент нашей жизни! Тот, кто читает «Моби Дика» у себя в гостиной перед камином, пишет Мелвилл, в этом ничем не отличается от тех несчастных моряков, гребущих вслед за китом! Потому что линь всегда рядом!

— Как-то от этого грустно, — заметил Роберто.

— Так и есть!

Вдруг мистер Хёкстер рассмеялся и, подняв голову к разлившемуся по льдам солнцу, весело заулюлюкал.

Когда он, наконец, снова взялся за веревку, на которой они тянули свой буер, то сказал:

— Да, вот вам и линь. Но той ночью Мелвилл помог от него увернуться. И только у меня одного получилось сбежать, чтобы рассказать эту историю.

B) Матт и Джефф

Небо сегодня такое голубое, что аж жжет.

Сказал Джо Брейнард

Однажды вечером мы с Жаном Кокто выбрались на Кони-Айленд. Ощущение было такое, словно мы прибыли в Константинополь.

Изумился Сесил Битон

Матт и Джефф сидят с Шарлотт, опершись на перила и попивая вино из кофейных чашек.

— Так как, странно, наверное, возвращаться к жизни? — спрашивает она.

— Оно и раньше было странно.

Они смотрят на погруженный в воду ночной город. Старинная филигрань проводов Бруклинского моста вырисовывается на фоне новых сверхнебоскребов в Бруклин-Хайтс, сияющих, будто бутылки ликера. В зимнем свете кажется, что сама гавань необъятна, а крупные льдины в черноте сумерек отдают янтарем.

— Возможно, мы сами сейчас адекватнее, чем были прежде, — говорит Матт.

Джефф качает головой:

— Это мало что значило бы, но это все равно не так. У меня теперь вообще крыша поехала. Хочется всякого.

— Оно у тебя и раньше так было, — возражает Матт.

— Из грез рождаются долги, — замечает Шарлотт.

Джефф на это улыбается.

— Делмор Шварц![109] — говорит он.

— Вообще-то это Йейтс, — указывает Шарлотт. — Шварц цитирует Йейтса.

— Ну уж нет!

— Да, это точно, я узнала на горьком опыте. Кто-то сказал, что это Йейтс, а я поправила, сказала, что это был Делмор Шварц, а потом поправили меня, и оказалось, что я не права.

— Ух ты!

— Вот и я так сказала. Поправил меня тогда тот, от кого мне этого не хотелось услышать.

— Имеешь в виду своего бывшего, главу Федрезерва?

Шарлотт изогнула бровь:

— В яблочко.

---

[109] Примечания: 109
Делмор Шварц (1913–1966) — нью-йоркский поэт.

— Мне даже удивительно, что он это знал.

— Мне тоже. Но он полон сюрпризов.

Они смотрят вниз, на гладь черной воды, усеянную тускло-белыми айсбергами, и на здания, освещенные или погруженные во тьму. Бескрайняя Нью-Йоркская бухта в ночи удивительная и величественная. Черная звездная гавань.

— Все мы полны сюрпризов, — говорит Матт. — Ты слушал эфир Амелии Блэк после того, как ее медведей убили?

— Конечно, — отвечает Джефф. — Все ведь слушали, верно?

— У нее уже сто миллионов просмотров, — подтверждает Шарлотт.

— Говорю же, все.

— На планете живет девять миллиардов человек, — указывает Матт, — значит, посмотрел примерно каждый девяностый, если я правильно посчитал.

— Это и есть все, — говорит Шарлотт. — В любом случае очень большой охват.

— Так что ты думаешь? — интересуется у нее Матт.

Шарлотт пожимает плечами:

— Она глупенькая. Еле-еле может связать два слова.

— Ой, да ладно…

— Нет, она мне очень нравится. Понятно же.

— Ну не так уж и понятно.

— Нравится, нравится. Особенно после того, как сказала столько хорошего о Союзе домовладельцев, когда спасала падающую небесную деревню. Тот эфир тоже получил очень много просмотров. Хотя это было странно, что она решила об этом сказать. Мне кажется, у нее небольшая беда с… даже не знаю, с чем. С последовательным мышлением.

— Она такая же, как мы все, — говорит Джефф.

Шарлотт и Матт не понимают, что он имеет в виду, и Джефф поясняет:

— Она хочет, чтобы все было правильно. И приходит в бешенство, когда кто-то делает что-то не так. Она готова поубивать тех, кто обижает ее близких. И чем мы от нее отличаемся?

— А у нас есть план? — спрашивает Шарлотт.

— Есть ли? Вот в твоем распоряжении это здание, межприливное сообщество, Овн и прочие кооперативы, но когда дела складываются хорошо, всё могут снова попытаться выкупить. Где общины, там и ограждения. И ограждения всегда перевешивают. Конечно, она готова убивать. Я ее полностью поддерживаю. Приставить бы их всех

к стенке. Ликвидация рантье.

— Эвтаназия рантье, — поправляет Шарлотт. — Кейнс.

— Да как ни назови.

— А ты прям из себя выходишь.

— Видела бы ты его раньше, — замечает Матт. — Говорю тебе, сейчас он куда спокойнее.

— Нет, нисколько.

— Еще и, наверное, отомстить хочет, — добавляет Шарлотт.

Джефф вскидывает руки, мол, а как же?

— Я хочу справедливости!

— А похоже, будто хочешь отомстить.

Джефф смеется, но его смех больше похож на рычание — грр! Он обхватывает голову обеими руками.

— На данный момент справедливость и месть — это одно и то же! Справедливость для людей — это месть олигархам. Так что да, я хочу и того, и другого. Справедливость — это перо на конце стрелы, а месть — ее наконечник.

— Класс рантье так просто не сдастся, — говорит Шарлотт.

— Нет, конечно. Но смотри, раз уж ты их режешь на части, то говори, что каждый из них может сохранить пять миллионов. Ни больше

ни меньше. Большинство проведет анализ эффективности и придет к выводу, что умирать за бóльшие деньги нет смысла. Они возьмут по пять миллионов и уйдут.

Шарлотт обдумывает его слова.

— Золотой парашют рантье.

— Да, почему нет? Хотя я предпочитаю называть это фискальным обезглавливанием.

— Что-то слишком мягко для мести.

— Бархатная перчатка. Сводим драматичность к минимуму.

— Вот такое я люблю. — Она отпивает вина. — Интересно было бы услышать, что бы сказал Франклин на этот счет. О том, как мы бы все эти профинансировали.

— Почему именно он? — спрашивает Джефф.

— Потому что он мне нравится. Очень милый молодой человек.

Джефф качает головой, глядя на нее, будто на истинное чудо невообразимой глупости.

Матт, желая отвлечь Джеффа от, без сомнения, уничтожающей критики в адрес молодого финансиста, подхватывает:

— Вы замечали когда-нибудь, что наше здание — это своего рода акторная сеть, способная выполнять разные задачи? У нас есть облач-

ная звезда, юрист, специалист по зданию, само здание, полицейский инспектор, финансист… добавить бы еще водителя, чтобы скрыться с места преступления, и получится команда для фильма об ограблении!

— А кто тогда мы? — говорит Джефф.

— Мы с тобой два прожженных старикана, Джеффри.

— Нет, прожженный — это Гордон Хёкстер, — указывает Джефф. — Мы два старых маппета на балконе, которые рассказывают отстойные шутки.

— Мне это нравится, — говорит Матт.

— Мне тоже.

— Но разве это не странновато, что у нас в команде есть все нужные игроки, чтобы изменить мир?

Шарлотт качает головой:

— Это предвзятость восприятия. Либо ошибка представления. Черт, не помню, как называется. Когда ты думаешь, что то, что ты видишь, — это и есть все, что происходит вообще. Элементарная когнитивная ошибка.

— Легкость возникновения образов представления, — подсказывает Джефф. — Это эвристика доступности. Ты думаешь, будто то, что ты ви-

дишь, и есть вся совокупность.

— Верно, это оно.

Матт с этим соглашается, но заявляет:

— С другой стороны, у нас здесь все равно команда еще та.

— Оно всегда так получается, — отвечает Шарлотт. — В здании у нас две тысячи человек, вы знаете только двадцать из них, я — двести, и нам кажется, что они тут самые важные. Но насколько высока вероятность этого? Легкость возникновения образов представления, только и всего. И так во всех зданиях Нижнего Манхэттена, а они входят в общество взаимопомощи, и такие есть повсюду, во всех затопленных районах. Наверное, каждое здание в межприливье такое же, как наше. По крайней мере, все, кого я встречаю по работе, наводят на эту мысль.

— То есть ошибка в том, что мы принимаем частное за общее? — спрашивает Матт.

— Вроде того. Вот всего в мире примерно двести крупных прибрежных городов, все затоплены, как Нью-Йорк. Так живет примерно миллиард человек. Мы все живем в сырости, мы — прекариат, нас бесит этот Денвер и все богатенькие говнюки, которые там себе жируют. Мы все хотим справедливости и мести.

— Что является одним и тем же, — напоминает ей Джефф.

— Ну и пусть. Хотим справедливости-мести.

— Справедмести, — придумывает Матт. — Местиливости. Что-то не очень вяжется.

— Пусть будет просто справедливость, — предлагает Шарлотт. — Мы все хотим справедливости.

— Мы требуем справедливости, — говорит Джефф. — Сейчас ее нет, в мире царит бардак из-за этих говнюков, которые думают, что могут воровать что вздумается и им все сойдет с рук. Мы должны их подавить и вернуть справедливость.

— И условия уже созрели — это ты хочешь сказать?

— Еще как созрели. Люди недовольны. Боятся за своих детей. В такой момент все может измениться. Если это работает так, как утверждает закон Ченауэт[110], то достаточно привлечь к гражданскому неповиновению всего около пятнадцати процентов населения, а остальные пусть на это смотрят и поддерживают — вот тогда олигархия и падет. Возникнет новая правовая система. Не обязательно проливать кровь и устанавливать

---

[110] Примечания: 110

Эрика Ченауэт (р. 1980) — американский политолог, соавтор книги «Почему гражданское сопротивление работает?».

бандократию горячих революционеров. Это может сработать. И условия созрели.

— А с чего подобные вещи начинаются? — интересуется Шарлотт.

— Да с чего угодно. С какого-нибудь бедствия, крупного или мелкого.

— Ладно, хорошо. Я люблю бедствия.

— А кто не любит!

Джефф с Шарлотт хихикают. Она снова наполняет чашки. Матт ощущает, как улыбка растягивает его лицо, и это кажется почти забытым ощущением. Он чокается с Джеффом:

— Рад снова видеть тебя довольным, мой друг.

— Я недоволен. Я взбешен. Чертовски взбешен.

— Именно.

Г) Владе

Во время бури Флэтайрон, казалось, приближался ко мне, будто нос чудовищного парохода, – вот картина новой Америки в процессе становления.

Сказал Алфред Стиглиц

У Владе запищал браслет, и он услышал:

— Ну что, как дела у нашего золота?

— Привет, Айдельба. Ну, они еще думают.

— В каком смысле?

— Мы разговаривали об этом с Шарлотт, и она убедила нас спросить инспектора Джен, что делать.

— Вы спросили у полицейского?

— У полицейской, да.

Долгая пауза. Владе ждал, пока она что-нибудь скажет. С Айдельбой это всегда срабатывало: он был раз в пятьдесят сдержаннее, чем она.

— И что она сказала?

— Сказала переплавить, продать золото, положить в банк и никому не говорить, где мы его взяли.

— Какая она молодец! Я боялась, вы его сда-

дите. Я уже имела дело со всякими кладами, и ничего хорошего из этого не выходило. И сколько времени это займет? Когда мы с Табо получим свою долю?

— Точно не знаю. — Владе сделал глубокий вдох и решился предложить: — Почему бы тебе не заехать? Поговорим об этом здесь с нашей бандой.

— Когда примерно?

— Давай я узнаю. И слушай, когда приедешь, можешь привезти тот насос, с которым достали золото? Я хочу попробовать использовать его у себя в здании, тут есть одна проблема.

Он рассказал ей свой план.

— Думаю, да, — сказала она.

— Спасибо, Айдельба. Я тебе перезвоню и скажу, когда все смогут собраться.

Собрать их объединение оказалось непросто, прежде всего потому, что в него теперь входила Шарлотт в качестве советника, которая мало находилась в здании, а когда находилась, то обычно была занята. Но она выкроила часок в конце одного из своих загруженных дней, и Айдельба согласилась прибыть на своем буксире, встав на якорь между Метом и Северным зданием.

Владе по-прежнему находил протечки, возникающие ниже уровня отлива, — мелкие, но тем

не менее вызывающие беспокойство. А еще приводящие в ярость. Конечно, здесь можно было запустить дрона, и он это делал, но не помогало. Поэтому он думал, что старинным способом вместе с Айдельбой ему удастся добиться того, чего он хотел. К тому же это давало повод снова с ней увидеться.

Вскоре Айдельба показалась на своем буксире, чьи габариты лишь едва позволяли проходить по каналам Нижнего Манхэттена, и Владе с волнением встретил ее в Мете. Она приехала сюда впервые, поэтому он устроил ей целую экскурсию, в том числе по помещениям, где были обнаружены протечки. Эллинг, столовая и общая комната, несколько представительных квартир, где жили его хорошие друзья, все от одиночных туалетов до просторных залов, занимающих по пол-этажа и позволяющих сотне человек жить в условиях общежития. После этого они поднялись в сады, затем еще выше — к куполу и причальной мачте. Далее спустились на этаж с вольерами — свиньи, куры, козы, та еще вонь, — а потом опять в сады — посмотреть на город с открытых лоджий.

Айдельбу, казалось, всё это впечатлило, и Владе был очень доволен. История их отношений не

просто витала над ними, а будто ходила следом. Его чувства не угасли, и это было не изменить. Что же чувствовала она, он не знал. О скольких вещах они никогда не разговаривали! А одна мысль попытаться заговорить об этом приводила его в ужас.

— Здесь красиво, — признала она. — Мне всегда нравилось смотреть на здание с реки. Оно всегда как-то выделяется, даже при том, что здесь есть много зданий и повыше.

— Верно. Это потому что оно расположено в небольшом промежутке. И из-за золотой верхушки.

— Так что там с теми протечками?

— Мне кажется, кто-то пытается нас запугать. Поэтому я надеюсь достать насосом какие-нибудь улики.

— Стоит попробовать.

— Спасибо, что помогаешь.

— Просто очередная услуга от твоего нового партнера.

— Что ты имеешь в виду? — Владе удивился последнему слову.

— Что пора идти говорить с твоим председателем.

Владе позвонил Шарлотт, и оказалось, что она

была еще в здании. Спустя некоторое время она поднялась к ним.

— Это Айдельба, — представил Владе Шарлотт. — Она помогла нам достать золото «Гусара».

— А еще мы были женаты, — добавила Айдельба, не зная, что Владе уже об этом рассказал. — Просто чтобы вы поняли, почему я решила помочь такому созданию, как Владе.

— Смешно, — отозвалась Шарлотт. — Я сама буквально на днях общалась с бывшим мужем.

— Город, он такой.

Шарлотт кивнула.

— Так в чем дело?

— Я хотела бы знать, что происходит с золотом и когда я получу свою долю.

— Мы еще думаем, как нам максимизировать прибыль, — ответила Шарлотт. — Это не так уж очевидно.

— Могу представить, но я тоже хотела бы в этом участвовать. Без меня и Табо вы бы не добыли этого золота, и нам пообещали пятнадцать процентов от общей суммы, а с тех пор прошло уже два месяца. А зимой у нас мало работы, поэтому нам особо не платят. Тяжелые времена.

— Я думала, у вас контракт с городом.

— Нет, там просто ассоциация. Нам платят либо деньгами, либо товаром, но иногда берем блокжерелья или долговые расписки.

— Понимаю. Здесь у нас так же. Просто я думала, вы работаете в городском проекте.

— В городском проекте, в затопленной зоне?

— Ну да. В общем, сейчас мы беседуем с разными людьми, чтобы понять, что делать с золотом.

Айдельба этому не слишком обрадовалась.

— Может быть, вы могли бы начать выплачивать то, что должны нам?

— У нас нет свободных денег. Как насчет какого-нибудь обмена товарами? Товарами или услугами?

— Типа как я помогаю Владе с защитой вашего здания?

Шарлотт нахмурилась:

— Да, просто нужно придумать, что отдать вам взамен.

Айдельба пожала плечами:

— Не знаю, есть ли у вас что-нибудь, что было бы нужно мне.

— Мы могли бы поселить вас на зиму. Видите те капсулы — там же поместится еще парочка, а, Владе?

Владе попытался представить, каково будет

снова жить рядом с Айдельбой, но не смог. Однако без особого промедления выдавил ответ:

— Конечно.

Айдельба окинула его ледяным взглядом.

— Я так не думаю, — проговорила она угрюмо. — Не уверена, нужна ли мне подобная компенсация. Все-таки комната есть комната, а там у нас есть обогреватели и одеяла.

Шарлотт пожала плечами — как заметил Владе, изображая Айдельбу.

— Можете только дать нам знать.

— А вы пока будете работать над тем, чтобы провернуть наше дело. Или отдадите часть нам, чтобы мы сами это сделали?

— Да. Конечно. Мы придумаем что-нибудь в течение этой недели.

Владе проводил Айдельбу к эллингу.

— Стоило бы тебе съехать к нам на эту зиму, — отважился он. — Здесь хорошо.

— Я подумаю.

Вернувшись в офис своего эллинга, он предложил ей рюмку водки, и она села и сделала глоток. Выпить она никогда особо не любила. Они сидели и пили в тусклом свете разных экранов и инструментов, а также фонарей, зажженных в эллинге. Делили друг с другом эту полутьму и тишину.

Поддерживать разговор не было большой нужды: они уже упустили возможность сказать все, что собирались. И Владе от этого было тяжело.

— Смотри, — сказал он, — я покажу тебе, что собираюсь сделать с золотом.

— А мальчикам уже показывал?

— Конечно, но это хорошая идея. Никогда не устаревает.

Вынув оборудование из-под своего рабочего стола, он вызвонил ребят по браслету, и через минуту они прибежали, сияя от «золотого безумия», будто подсвеченные калильной сеткой.

— Это так круто! — заявил Айдельбе Стефан.

— Пусть даже нам этого не следует делать, — добавил Роберто.

Владе пришлось немного попотеть, но сам процесс в итоге оказался достаточно прост. Температура плавления золота составляла почти две тысячи градусов. Он одолжил у Розарио графитовый тигель и мульду — предметы из стандартного набора исследователя дна, а кислородно-ацетиленовая горелка была у него своя. После этого нужно было лишь посыпать пищевой содой десяток потемневших монет, сложенных в тигель, надеть маску сварщика и тяжелые перчатки, зажечь горелку и медленно варить золото

под прямым огнем, пока монеты не покраснеют и не обратятся в единую шишковатую красную массу, шипящую или слегка пузырящуюся по краям; после этого масса плавилась сильнее и превращалась в огненно-красную лужицу в тигле. Это всегда было интересно наблюдать. Потом, пока масса оставалась жидкой, Владе взял тигель щипцами и вылил золото в мульду.

Айдельба и мальчики наблюдали за всем этим с большим интересом. Айдельба даже ахнула, когда монеты покраснели. А когда деформировались и слились вместе, выдавив на поверхность накипь карбоната натрия и грязь, мальчики провизжали, как научила их Шарлотт:

— Я та-а-а-аю…

Владе выключил горелку и поднял маску.

— Опрятненько так.

— Мальчикам ты тоже даешь это делать? — спросила Айдельба.

— О да.

— Это фантастика! Когда сами видите, как это происходит. И сами чувствуете.

Затем у Айдельбы на запястье раздался сигнал, и она посмотрела на браслет.

— Ваши камеры показывают, что происходит снаружи?

Владе посмотрел на свои экраны и отрицательно покачал головой.

— А ваши?

— Ага. Мне кажется, ваш радар должен быть на это настроен.

— Я об этом думал.

— Посмотрим, достанет ли чего полезного наш насос. — Она связалась с Табо, который ждал на буксире. Владе вышел и отвязал моторку, стоявшую на причале у эллинга, они сели в нее и вышли в бачино. Айдельба указала в сторону севера, между Метом и Северным зданием, где стоял ее буксир. Когда они вышли из бачино в 24-й канал, Владе увидел, что буксир занимал примерно половину ширины канала. Табо и еще пара человек стояли на носу, управляясь с одним из всасывающих шлангов, пока огромный мотор насоса вдруг не ускорился до того, что его рев перерос в самый высокий крик банши. А из-за того, что их окружали стены зданий, звук казался запредельно высоким.

Внезапно насос отключился, и все стихло. Владе подвел катер к буксиру, и Табо поймал веревку, которую бросила ему Айдельба, и привязал ее.

— Что там? — спросила Айдельба.

— Дрон.

— Ну и ну, — проговорил Владе. — А у вас тут на борту есть какой-нибудь сейф?

— Думаешь, может взорваться?

— Не хочу, чтобы твои ребята как-либо пострадали.

Айдельба резко крикнула Табо и еще одному мужчине что-то по-берберски, и Владе увидел, как они недовольно закатили глаза, а потом спустились под палубу. Напряженная минута ожидания, и они вернулись с ящиком. Один держал его в руках, а другой бросил в него предмет из трубы насоса. Они работали очень быстро.

— Ладно, закрыли, — отчитались они.

— Сейф надежный? — осведомился Владе.

— Иначе мы не называли бы его сейфом, — ответила Айдельба.

— Я знаю, но ты ведь сама знаешь.

— Не знаю! С кем, думаешь, мы тут имеем дело? С военными?

— Или с кем-то с армейскими штучками.

— Черт! — Даже в темноте Айдельба могла разозлиться так, что у нее начинали блестеть глаза. — Но наш сейф тоже армейский. Так что перестань быть параноиком и скажи, что с ним делать.

— Давай положим ваш сейф в сейф побольше, —

предложил Владе. — У меня в офисе такой есть.

— А потом что собираешься делать?

— Передам полиции. Раз у нас здесь живет инспектор, ей, думаю, это будет интересно. Мы сделаем это завтра.

— Сомневаюсь, что вы много чего узнаете по этому дрону.

— Мало ли. По крайней мере, у меня будет доказательство, что на нас напали.

— Наверное. Есть идеи, кто мог это сделать?

— Нет. Но нам предлагали продать здание, может, это те же люди. Но даже если мы не сможем этого доказать, тот факт, что на нас напали, может разозлить жильцов и вынудить их голосовать против сделки. Они уже голосовали против, но отрыв получился небольшой, поэтому теперь сумму могут повысить.

— Пожалуй, мне лучше решить, зимовать тут или нет, пока вы еще владеете зданием.

Владе попытался придумать быстрый ответ, но не смог. Он вздохнул, и Айдельба это услышала, но насмехаться над ним не стала. Что его удивило. Перемирие в холодной войне Владе и Айдельбы? Выяснить это он мог и потом. Сейчас он был просто рад, что она находилась рядом. Относительно рад. Хотя «рад» было не совсем подходящим сло-

вом. Он хотел, чтобы она присутствовала рядом, и это было беспокойное, несчастное, даже жалкое желание. Но это было его желание.

Д) Инспектор Джен

Самая большая квартира, сведения о которой мы смогли найти, была продана Джону Маркеллу. Сорок одна комната, семнадцать туалетов на Пятой авеню, 1060, за $ 375 000. Как рассказывают, вскоре после того как мистер Маркелл в нее заселился, служащий отпер дверь, которую никто прежде не замечал, и открыл еще десять доселе неизвестных комнат.

Хелен Джозефи и Маргарет МакБрайд. «Нью-Йорк – город для всех»

Труд, сущ. Один из процессов, вследствие которых А приобретает собственность за счет Б.

Амброз Бирс. Словарь Сатаны

После резкого февральского потепления инспектор Джен стала снова добираться по крытым переходам, и когда она собиралась направиться по тому, что вел к Уан-Мэдисон, намереваясь повернуть там на восток, в сторону участка, ее остановил Владе:

— Привет, Джен, у меня тут есть кое-что, что я

хотел бы тебе передать.

Он рассказал, как достал вместе со своей подругой Айдельбой подводный дрон из канала рядом с Метом и как они спрятали его в сейфе на случай, если дрон взорвется, потому что подозревал, что тот могли использовать, чтобы сверлить дыры в стенах здания.

— Знаю, его нельзя отвезти в участок, но, может быть, можно выслать твоих людей, чтобы его забрали отсюда? Он лежит в сейфе у меня в офисе, но я не очень хотел бы везти его в участок сам.

— Конечно, — ответила Джен. — Сейчас я позвоню, и за ним скоро приедут.

Она двинулась своим привычным маршрутом, разглядывая, как внизу по кобальтовой воде расходится рябь. Физическое свидетельство нападения на здание. Она позвонила лейтенанту Клэр и приказала ей выслать лодку, чтобы забрать улику у Владе.

Если это было то, что он думал, то это могло помочь. Отдельные элементы этого дела не складывались у нее в голове, а от того, что зацепки сходили на нет (они, несмотря на ордер, не могли наказать Винсона за то, что тот выдворил их из своего офиса), Джен все больше выходила из себя. Чем дольше ничего не прояснялось, тем больше

становилась вероятность, что дело перейдет в ее самую нелюбимую категорию — нераскрытых. А может, и вовсе безнадежных. В таком случае ей придется отпустить все это и забыть. Не отпустить досаду от нераскрытого (или, может быть, нераскрываемого?) дела было чревато безумием, и она знала об этом давно, из собственного опыта. Теперь она с этим покончила. Вроде бы.

К тому времени как она добралась до своего кабинета в участке и пролистала поступившие бумаги, вернулась лодка, и к ней с довольным видом вошла лейтенант Клэр:

— Устройство взорвалось в трех кварталах от Мэдисон-сквер, то есть, похоже, там был неконтактный взрыватель. Но сейфы выдержали. Внутри все разнесло, но это точно были остатки дрона, причем он был со сверлом. Еще мы нашли несколько бирок: устройство изготовлено «Атлантическими подводными технологиями».

— Они делают дроны, которые пробивают гидроизоляцию? Для каких целей они предназначены?

— Это просто подводный бур с очень тонкой насадкой. Знаете, чтобы нанизывать провода или что-то в этом роде. И протыкать алмазное покрытие им приходится сплошь и рядом.

— Это кажется немного подозрительным.

— Нет, скорее это лишь обычный инструмент. Ведь почти любым инструментом можно ломать так же легко, как и созидать, разве нет? А то и легче!

— Может, и так, — ответила Джен, подумав, что полиция это тоже в своем роде инструмент. — А по биркам можно выяснить, кому продали этот дрон?

— Можно. Строительной компании в Хобокене, основанной пять лет назад и ликвидированной в прошлом году. Не исключено, что это компания-прикрытие, которой нужно было собрать оборудование и исчезнуть, поэтому Шон этим займется. А также связями между этой компанией и именами в наших списках. Надеюсь, он на что-нибудь да выйдет.

— Возможно. Правда, обратное более вероятно. Но дай знать, если что-нибудь выяснится.

Ближе к вечеру Джен спустилась к столам, за которыми работали Клэр и Олмстид. Те вдвоем сидели, сгорбившись перед экраном и разглядывая карту аптауна, усеянную цветными точками, в основном зеленого и красного цвета. У Олмстида под экраном располагалась клавишная панель, на которую он нажимал в своей обычной

пианистской манере.

— Не позволяй этой карте тебя обмануть, — предупредила Джен сержанта.

Но они были заняты делом, поэтому она просто села в углу и принялась ждать. Наконец, они оторвались от расследования и дали поработать ей. Она устроилась перед экраном и стала накладывать карты на захваченные снимки тех дней, когда похитили Розена и Маттшопфа. Перед ней лежал весь город в четырех измерениях. Случайная мегаструктура, лабиринт, который можно было воссоздать, а потом отыскать из него выход. Участок почти опустел — все ушли либо домой, либо отошли куда-то, чтобы перекусить сэндвичами, принесенными с собой. Прошло еще немного времени, и ночная смена заступила на дежурство, запасшись плохим кофе. Работа продолжалась.

В какой-то момент Шарлотт оторвалась от экрана, чтобы посмотреть на своих помощников. Сколько часов они уже провели так вместе? Эти ребята были молоды — лет на двадцать моложе ее, а то и больше. Она их любила, они были ей как племянники и племянницы, только ближе, потому что проводили вместе очень много времени. Как дети. Суррогатные дети. Столько времени

вместе. Но вне работы она никогда с ними не встречалась.

Олмстид понажимал что-то на своем экране и перевел взгляд на Шарлотт:

— Посмотрите сюда. Компании, которая купила дрон, семнадцатого октября был приписан грузовой стеллаж в Риверсайд-док. В тот же день яхта, принадлежащая…

— «Пинчер Пинкертон», — закончила за него Джен.

— Нет. «Службе безопасности Эшер». Помните их? Они работали с «Морнингсайд», когда та выселила жильцов из квартир в Гарлеме, которые те купили. Там были раненые, поэтому нам предоставили достаточно сведений, чтобы разобраться. Они выступали посредниками в интересах некой компании «Анхель».

— Хорошая работа, — похвалила Клэр.

— «Морнингсайд» — явно крупный игрок в аптауне. С ними работала мэрия, работал «Адирондак». А сейчас они занимаются сделкой по вашему зданию, верно, шеф?

— Верно, — согласилась Джен. — Да-а, интересно, действительно ли это кто-то из них? А сейчас я удивлена, почему через «Морнингсайд» не проходит вообще все, раз уж они так хороши.

— Это не слишком распространенная информация, — объяснил Олмстид. — Пришлось покопаться, чтобы это выяснить.

— Тогда давай продолжим копаться и выясним, не найдутся ли те, кто стоит за тем предложением. Должны быть еще какие-то зацепки. — Затем Джен увидела выражение их лиц. — Но не сейчас! Сейчас идем-ка лучше перекусим.

Молодые офицеры охотно кивнули и вышли за своими пальто. Джен вернулась в кабинет за своим. Выходя из участка, она размышляла, были ли связаны похищение Розена и Маттшопфа, предложение о выкупе здания и саботаж с дроном или нет. По идее, не должны были. К тому же теперь здесь были замешаны две охранные компании.

Она не знала ответов. Было холодно. Клэр и Олмстид повели ее в свое любимое круглосуточное кафе в Кипс-Бей. Крытых переходов здесь почти не было, и ее молодые коллеги думали взять водное такси. Ночь была очень холодной, но льда в каналах уже не было, разве что тонкая корка местами. Зато мороз их приободрил. Нужно было продолжать расследование. Но сейчас мешал голод. Лучше было сесть и поужинать, слушая молодых, готовых взять на себя бремя вести разговоры.

Д) Франклин

Быть может, общение испортилось. Оно пронизано деньгами – и не случайным образом, но в самой своей сути. Нам необходимо выкрасть его и вернуть. Созидание всегда было чем-то иным, отличным от общения. Ключевым пунктом может являться создание вакуолей необщения, прерывателей цепи, с помощью которых нам удастся ускользнуть от контроля.

Жиль Делёз. Переговоры

Беда явно надвигалась. Всякий, кто хоть что-то повидал на своем веку, это видел.

Жан Меррилл. «Война на тележках»

Никто не знает ничего. Но я не знаю и этого, потому что думал, будто знаю что-то, но оказался не прав. Так что мои знания отрицательны. Незнания.

Но ладно, все не так плохо. Я знаю, как торговать. Посадите меня перед моими экранами, и я увижу, как расширяются и сужаются спреды, смогу скупать путы и коллы, а спустя пять секунд

выходить с плюсом, а потом делать это снова и снова целый день, получая больше, чем отдал. Могу уклоняться от крестиков-ноликов, от шахмат, но сводить все к шашкам и покеру. Могу играть в игру. Могу нырнуть в скрытый пул и немного поспуфить, пока это не станет заметным. Могу даже спуфить то, что спуфлю, и еще и поймать волну.

Но что с того? Что все это такое на самом деле? Игра. Игры. Азартные игры. Я профессиональный игрок. Как какой-нибудь загадочный персонаж в вымышленных салунах на Диком Западе или в реальном казино Лас-Вегаса. Некоторым такие ребята нравятся. Или нравятся истории о них. Им нравится идея о том, что им нравятся такие ребята, она позволяет им чувствовать себя изгоями, людьми вне закона. Из этого тоже может получиться история. Не знаю. Я же ничего не знаю.

Ну да ладно, вернемся в начало. Хватит ныть.

Инвестирование подобно покупке будущего. Настоящего будущего, покупаемого заранее.

Так что же за будущее нам предлагает так называемая реальная экономика? Во что эта бухта, великая Нью-Йоркская бухта, предлагает вложиться?

Скажем, в жилье. Приличное жилье в подвод-

ной зоне или в межприливье.

Почему Джоанна Берналь теряет на этом ликвидность? Будто покупает путы, делает ставку на то, что приличное жилье в межприливье будет стоить больше, чем сейчас. Вроде бы неплохая ставка.

Чего хочет избежать Шарлотт Армстронг? Она, похоже, не хочет допускать даже существования возможности, что здание МетЛайф будет выкуплено. Она этого не предлагала, и ей не нравится, что люди ведут себя так, будто она, наоборот, это предлагала.

Что случится, если в межприливье окажется много приличного жилья? Это увеличит число предложений, и тогда упадет спрос на здание Шарлотт. На наше здание, если хотите. Если я куплю долю в кооперативе, который владеет зданием.

Ну ладно.

* * *

Я вернулся в кластер Клойстер снова поговорить с Гектором Рамиресом.

Плавать по Гудзону было, как всегда, весело. Если Ист-Ривер снова замерзла и стала непробиваема, то на Гудзоне лед неделей раньше

вскрылся, образовав в Нарроусе ледяной затор. Там же раздавался невероятный грохот, который временами был слышен по всему Нижнему Манхэттену. Гудзон за последнюю неделю дважды затягивался льдом, а во время приливов открывался вновь. Весь этот лед преимущественно сходил на юг, где присоединялся к затору, а выше по реке раскалывался и уплывал по течению. Сейчас шло то время года, когда было видно, почему его называли могучим Гудзоном. Огромные льдины затрудняли движение транспорта, стопорили каналы, а баржам и контейнерам приходилось уклоняться от них, подобно стаям птиц, сопровождая свои действия обилием ругательств, которые часто можно услышать, когда ньюйоркцы пытаются взаимодействовать друг с другом. Стаи птиц ругаются друг на друга всегда одинаково, особенно гуси. Га-га-га, га-га-га, проваливай с моей дороги, говнюк!

К причалу Клойстера мне пришлось пробиваться сквозь размокший лед, прибившийся к запани, установленной широкой дугой вокруг причала. С каждым ударом, когда эти льдины ударялись о мои несчастные гидрокрылья, я невольно морщился. Затем я вошел в ворота запани. Дожидаясь своей очереди, я окинул взглядом

грязный снег, покрывавший соленое болото, где мне явилась моя великая эпифания. И пока я наблюдал, семейство бобров подплыло прямо к извилистому берегу — крупные родители и вереница из четверых детенышей. Они нырнули внутрь бобрового холмика, сложенного из веток и брусьев совсем рядом с берегом. Низкое круглое жилище, не слишком аккуратное. Видно, что построено намеренно. И достаточно крепкое, чтобы выдержать редкие удары проплывающих мимо льдин. Бобровое семейство исчезло внутри, и мне вспомнились музейные экспозиции, где показывалось, что вход у них обычно находился под водой и переходил в туннель, который затем вел в надводную часть.

Жилье в межприливье.

Весна набирала силу.

* * *

У меня было полчаса на встречу с Гектором, и, поднявшись на его этаж, я не стал восхищаться открывшимися видами, хотя они и были чудесны, — растрачивать время попусту мне не хотелось.

Я подключил свой планшет к его тейблтопу и показал ему план. Владе состыковал меня со свои-

ми старыми друзьями из городского кооператива «Донные рыбы» — они были хорошими ныряльщиками. Его подруга Айдельба выполняла для них землечерпательные работы по субподряду, когда возникала такая необходимость, а возникала она, как указал Гектор, судя по всему, довольно часто. Фирма «Морские мохолы», занимавшаяся подводным бурением, могла за несколько дней очистить коренную породу от всего лишнего. Также необходимо было выяснить, сколько столбов потребуется установить, чтобы закрепить плавучий район, и насколько глубоко в коренную породу их необходимо вводить. Чтобы получить предварительные ответы, я обратился в проектную фирму, где узнал: большие якоря по четырем углам, между ними поменьше, всего двенадцать на блок. Насколько глубоко твердый якорь должен входить в сланцы и гнейсы, из которых состоит остров? Смотря какое на них будет оказываться усилие, а также сколько всего будет столбов. Проектировщики дали свою оценку, и теперь мы с Гектором обсуждали это так, словно сами были инженерами. И я, как это часто случалось, удивлялся тому, как много он знал о городе. Мне-то приходилось все это выискивать, а он лишь извлекал нужные сведения из коренной

породы своей головы, крупицу за крупицей.

С соединительными кабелями было проще, так как они представляли совокупность множества жил, изготовленных из новых, одновременно эластичных и прочных материалов. На этот счет я высказался весьма убедительно:

— Черт, да с этой искусственной фасцией можно удержать целый остров! У нее прочность на растяжение рассчитана на применение в космических лифтах. Ею можно связать Землю и Луну.

Он лишь рассмеялся.

— Приливы здесь бывают до пятнадцати футов между максимальной и минимальной отметками, — сказал он. — Но обычно порядка десяти. Для нас важно только это.

Но это, насколько я сумел выяснить, не превышало допустимых нагрузок, и, когда я на это указал, он лишь кивнул и перешел непосредственно к устройству самой платформы.

Здесь опять-таки все основывалось на базовых шаблонах. На всех кораблях-городах, что плавали по океанам, уже применялась та же технология. По сути, это были воздушные мешки в больших количествах. Составные части платформы, где использовались твердый, как сталь, пластик, максимально солестойкие стекловидные ме-

таллы, водонепроницаемое и при этом немного гибкое алмазное покрытие. Это не проблема — сделать модульный район, где каждый блок будет размером с нью-йоркский квартал, таким образом вписываясь в уже имеющуюся сетчатую структуру. Некоторые блоки должны были находиться под водой, но благодаря очень высокой плавучести выдерживали здания в три-четыре этажа. При этом внутри этих блоков располагались подвалы.

Блоки все вместе поднимались и опускались в зависимости от приливов и отливов. Подводные рамы удерживали каналы между ними открытыми и пригодными для прохождения судов, а бамперы не позволяли крайним блокам слишком сильно ударяться о соседние, неподвижные блоки во время бури. Защита от соли и от коррозии. Фотоэлектрическая краска, сады на крышах, водозаборные системы, водные резервуары на крышах в традиционном нью-йоркском стиле, очистительные фильтры — все по стандартам Нижнего Манхэттена. Водой и электроэнергией районы должны наполовину, а то и полностью обеспечивать себя сами.

Выглядело все это неплохо, и Гектор Рамирес тоже так считал.

— Тебе понадобится одобрение города на эту реконструкцию, а еще нужно уточнить старое зонирование. Еще, может быть, изыскать дополнительные средства. Конгрессмен этого района также должен будет войти в совет. Выборы же осенью, да?

— Вроде бы.

Он хмыкнул, удивляясь моему невежеству.

— Поговори со всеми кандидатами, ну или хотя бы с десятком основных. Это все также полезно.

— Даже в сырой зоне?

— Конечно. Это же федеральный вопрос, межприливье. И еще понадобится, чтобы высказался Инженерный корпус армии. А они любят что-то там решать, играть в свои игрушки.

Я подавил тяжелый вздох, но он все равно услышал.

— Заткнись, черт побери, и займись уже делом! — воскликнул он. — Ты выходишь из торговли в реальный мир, где царит бардак. Здесь тебе не станет легче, чем там, здесь будет только тяжелее! Работать с финансами — это еще цветочки.

— Знаю.

— Ничего ты не знаешь. Но скоро поймешь. А пока да, это все хорошо. Так хорошо, что на тебя из-за этого немало дерьма свалится, а потом

кто-нибудь, быть может, украдет твою идею, сделает это первым и получит все лавры. Так что шевелись побыстрее.

— Конечно. А вы тоже будете в деле?

— Да, черт возьми. Нам это все нужно, я точно знаю. Так что давай, вперед.

— Спасибо.

Он рассмеялся, увидев выражение моего лица. Наверное, оно выглядело испуганным.

— Это дело проглотит тебя целиком, парень. Натянет тебя по самые гланды. Так что подумай лучше насчет ухода из «УотерПрайс», пока у тебя еще башню не снесло.

* * *

Возвращаясь по Гудзону, у меня было легко на душе. Я высматривал бобров, которые мелькали между льдин, чьи размеры варьировались от мелких обломков до чудовищных айсбергов. Столовые айсберги, плоские сверху, служили «авианосцами» для стай канадских казарок.

Легко на душе у меня было и когда я встал на Причале 57 и привязал там лодку, а потом поднялся в большую комнату и увидел всю нашу компанию и Джоджо в том числе. Мне было по-прежнему легко, но теперь я ощущал и некоторое

волнение.

Джоджо держалась слегка дружелюбно, но не более того. Но она все же позволила мне отвести ее в сторонку, подальше от всех, и я рассказал ей о своем разговоре с Гектором.

Однако она сдвинула брови:

— Ты же знаешь, что это моя идея, да?

Я почувствовал, как шок от этого заявления подогнул мне колени. Подобрав отвисшую челюсть, я осознал, что мое лицо словно окаменело.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я. — Я рассказал тебе об этом, когда начинал разрабатывать идею. Я работал над ней с Гектором Рамиресом и людьми из Мета — Шарлотт, Владе и остальными. Тебя там даже не было!

— Я сказала тебе, что сама этим занимаюсь, — ответила она решительно и, повернувшись ко мне спиной, вернулась к остальным. Я последовал за ней, но говорить на эту тему больше было невозможно: она налегала на выпивку и вела себя мило со всеми, но сторонилась меня. Даже избегала смотреть мне в глаза.

«Черт! — думал я, заискивая перед ней, чтобы снова поймать возможность говорить с ней наедине. — Какого хрена!»

Но она не поддавалась. Она будто прилипла

к бару, и мне пришлось бы оторвать ее оттуда и выпроводить за дверь, чтобы заставить ее поговорить. Но на это я пойти не мог. Ее было не сдвинуть с места. Мне бы вытащить ее силком и закричать ей в лицо, что она никогда, никогда, никогда не рассказывала мне о межприливном жилье и что она сама об этом знала!

Но зачем она это сказала?

Конвергентная эволюция?

Я думал обо всем этом, глядя на ее непроницаемое лицо. Я и Джоджо — это Дарвин и Уоллес[111] манхэттенской реконструкции? Оба пришли к одной и той же идее, когда столкнулись с одной и той же проблемой, оба обладали одинаковым набором инструментов? Глаз осьминога, глядящий в человеческий? И который из них я?

Но я сам ей рассказал. Поделился с ней идеей в надежде впечатлить своим стремлением сделать мир лучше. Сначала это было просто представление для нее, но затем оно меня затянуло. И вот теперь она заявляет, что это была ее идея?

Вот черт. Может, она забыла тот разговор или додумала к нему детали сама? Даже в своем дурном настроении я видел, что такое было

---

[111] Примечания: 111

Альфред Рассел Уоллес (1823–1913) — британский натуралист и путешественник, соавтор учения о естественном отборе.

возможно. Да, она первой упомянула, что хочет что-то построить, вместо того чтобы торговать, а потом я попытался ответить тем же, чтобы показать ей нашу родственность душ и снова залезть ей в трусики. Вот я и придумал то, что казалось мне довольно очевидным решением проблемы, а она, видимо, приняла те мои неясные описания и осмыслила по-своему. Поэтому теперь она была расстроена — вместо того чтобы признать нашу родственность. Хотя, по правде сказать, раз уж это была моя идея, то, что она приписывала ее себе, — ее личная проблема. Это лишь указывало, что она лгунья и воровка. Акула вроде тех, что сплошь и рядом встречаются среди финансистов.

Акула, которую я так вожделел. Потому что даже теперь, когда я разглядывал ее неприступный профиль, она выглядела просто чудно.

Черт, черт, черт. О боже!

Что-то во всем этом наводило на мысль, казавшуюся мне тем более неприятной, чем больше я о ней думал: я в этой ситуации был сущим идиотом, который не мог понять очевидного. Ведь она всего лишь провела со мной ночь, просто развлеклась, без особого значения, после чего порвала со мной и еще и приписала себе мою идею. То есть повела себя совсем не хорошо. А если так

— я не мог с этим смириться. Я только что заключил действительно удачную сделку, она обозвала меня вором, присвоившим интеллектуальную собственность, но я все равно хотел ее. А значит, был дураком. Дураком, который еще и злился с каждой секундой все сильнее.

Поэтому, закатив глаза перед Инки и опрокинув последнюю поданную им порцию, чтобы заглушить боль, я вышел к своему «клопу» и направился по 34-му каналу к Бродвею, а потом по Бродвею, вклинившись в вечерний парад лодок — гигантскую пробку, напоминающую водный Марди Гра[112]. Потом на восток по 30-му в сторону Мэдисон. Остановился у причального киоска на углу 28-й и Мэдисон, чтобы взять сэндвич «рубен» — мне совсем не хотелось спускаться вечером в столовую и есть кооперативную кашу. После этого, рассеянно напевая себе под нос, я чуть не врезался в того мальчишку, Стефана, который сидел все в той же резиновой надувной лодке и тревожно всматривался в воду за бортом. В руке у него была воздушная трубка.

— Черт вас побери, малые! — воскликнул я,

[112] Примечания: 112

Вторник перед началом католического Великого поста. Также последний день карнавала, отмечаемого в основном во франкоговорящих странах и регионах.

резко заглушая мотор. — Вы что, специально пытаетесь утопиться?

— Нет, — ответил он, все так же глядя за борт. — По крайней мере, я.

— Ну, значит, твой дружок здесь, в воде. Он идиот? Что вы на этот раз делаете?

— Здесь была Восточная 26-я улица, 104, — ответил он, указывая вниз.

— Ну и что?

— Здесь жил Герман Мелвилл.

— «Моби Дик»?

Он удивился моим познаниям в американской литературе как-то совершенно безрадостно:

— Да, он! Он работал таможенным инспектором на причалах на Западной улице, а жил вот здесь.

Нас окружали массивные здания между Номадом и Роуз-Хиллом, каменные и стеклянные чудища размером с целые кварталы, они резко вздымались над каналом. Ничего менее свойственного XIX веку невозможно было и представить: между этими монстрами не виднелось никаких остатков прежних зданий, которые хоть как-то напоминали бы о голоцене.

— Господи, парень! Вытаскивай своего дружка, я хочу с ним поговорить. Он же там не с этим вашим колоколом, нет?

— Вообще-то да. Мы его достали.

— Это нехорошо, — ответил я, отчего-то распаляясь. — Вы находитесь в очень загруженном канале, и твой друг не найдет здесь ничего от Германа Мелвилла! Там что вытаскивай его, пока он там не подох!

Мальчик словно и пристыдился, но также явно испытал облегчение, получив поддержку собственного мнения о том, что эта вылазка его товарища — совершенное безумие. Роберто Безрассудный. Стефан три раза потянул за шланг — по-видимому, это был сигнал, чтобы этот безумец поднимался к поверхности.

— А радиосвязи у тебя с ним нет?

— Нет.

— Господи боже. Почему бы вам просто не спрыгнуть с Эмпайр-стейт-билдинг, и дело с концом?

— А разве там нет сетки для прыгунов?

— Ладно, значит, то, чем вы тут занимаетесь, еще опаснее, чем прыгать с Эмпайр-стейт. Давай уже, вытаскивай его.

Стефан потянул за веревку, к которой был привязан колокол — на этот раз, к счастью, он не отвязался, — и спустя некоторое время на темной поверхности возник паренек, больше похожий

на выдру с человеческим лицом.

— Давай, — рявкнул я, — вытаскивай свою задницу из воды. Я расскажу обо всем твоей маме.

— У меня нет мамы.

— Знаю. Я расскажу Владе.

— И что?

— И расскажу Шарлотт.

Это подействовало. Роберто нехотя перелез через борт их лодки и весь задрожал. Я помог им затащить их жалкий колокольчик и отбуксировал их за угол бачино, а потом в эллинг Мета.

— Владе, привяжи уже где-нибудь этих идиотов, я тут опять их чуть не убил, они ныряли на 26-м прямо посреди канала.

— Не посреди!

— Но почти, поэтому я хочу сдать их Шарлотт, чтобы она надрала им задницы.

— Как по мне, это будет выглядеть странновато, — заметил Владе. — Да и Шарлотт сейчас нет.

— Держи их здесь, пока она не вернется.

— Ребята… — только и сказал Владе.

Промокшие «крысы» ощерились на меня и скрылись у Владе в офисе. Я поднялся к себе и переоделся, все еще размышляя о Джоджо. Когда я уже собирался снова выйти, мне позвонила Шарлотт, и я вспомнил о мальчишках. Я ответил,

что сейчас к ним подойду, и направился вниз.

Когда я спустился, то увидел, что ребята уже обсохли и сидели перед экранами Владе, будто проказники в кабинете директора, которых вот-вот должны были исключить из школы. Шарлотт явно устала закатывать глаза и просто пялилась в потолок, размышляя о чем-то своем. Владе был занят работой.

— Малолетние преступники! — воскликнул я, входя в офис, отчего все тут же встрепенулись.

— Нырять в каналы законом не запрещено, — возразил Роберто. — Этим постоянно занимаются!

— Городские рабочие, — с укором заметила Шарлотт.

— Вы не давали пройти лодкам с Мэдисон на 26-й, — заявил я. — Уж я-то знаю, потому что чуть вас не снес. Еще и вернулись за своим так называемым колоколом, который точно вас убьет, если от него не избавитесь. И кому вы вообще сказали, куда ушли? Да и от дома Германа Мелвилла там ничего не осталось, это я вам точно скажу. Он жил триста лет назад, и сейчас это район многоэтажных зданий, так что там ничего больше нет от 1840-х или каких там.

— С 1862-го по 1895-й, — уточнил Стефан. — Мы

искали фундамент. Хотели прорубить улицу возле бордюра и добраться до места, где находился дом. Радар показывает, что там, внизу, целая куча всяких балок.

— Балок?

Мальчики гордо посмотрели на меня.

— Как Шлиман[113] в Трое, — заметила Шарлотт. — Вот чем он там занимался в Кноссе?

— Археологией? — ответил я. — Ностальгией?

— А что? — проговорил Роберто.

— Там была утерянная рукопись, — добавил Стефан. — «Остров Креста». Утерянный роман Мелвилла.

— Под этой улицей?

— «Билли Бадда» нашли в обувной коробке. Кто знает?

— Иногда знают. Под 26-м каналом утерянного романа Мелвилла нет!

В офисе повисла гробовая тишина. Владе продолжал работать со своими документами. Вокруг Роберто, словно вонь от скунса, ощущалось необузданное безумие.

Шарлотт издала тяжелый вздох.

— Вы, ребята, себя поубиваете, — напирал я, а

---

[113] Примечания: 113
Генрих Шлиман (1822–1890) — немецкий археолог.

потом добавил Шарлотт и Владе: — Что за черт, эти ребята под опекой здания или нет?

Оба отрицательно покачали головами.

— Значит, под опекой города?

Теперь Шарлотт поджала губы:

— Они, похоже, нигде не числятся.

— Это как?

— О них нет никаких данных. Никаких документов.

— Мы свободные граждане межприливья, — объявил Стефан.

— А где, говорите, ваши родители?

— Мы сироты, — ответил Стефан.

— А опекуны?

— У нас нет опекунов.

— Хоть какие-то законные представители?

— Нету.

— Где тогда вы росли?

— Я вырос с родителями в России, — ответил Стефан. — Они умерли, когда мы сюда переехали. От холеры. Потом я оттуда съехал. Людям, которые там жили, было все равно.

— А у тебя? — спросил я у Роберто.

Тот пялился в экраны Владе.

— У Роберто никогда не было ни родителей, ни опекунов, — ответил Стефан. — Он сам себя

воспитывал.

— Что это значит? Как такое возможно?

Роберто поднялся со своего стула и произнес:

— Я сам о себе забочусь.

— Ты имеешь в виду, что не помнишь своих родителей?

— Нет, я имею в виду, что их у меня никогда не было. Я помню себя еще до того, как научился ходить. И я всегда сам о себе заботился. Сначала ползал. Тогда мне было, наверное, месяцев девять. Я жил под аквакультурным садком на пристани «Скайлайн» и ел то, что падало в подпол, где сборщики моллюсков хранили свои вещи. Там были старые сети и всякий хлам, где я мог устраивать ночлег. Потом я научился ходить и однажды ночью взял вещи и ушел. Люди постоянно там что-то оставляли.

— Неужели такое возможно? — изумился я.

Он пожал плечами:

— Я же здесь.

Мы все пристально глядели на него.

Я посмотрел на Шарлотт. Она повела бровями.

— Нужно оформить вам документы, ребята, — сказала она.

— Вы можете их усыновить? — спросил я ее, но имея в виду и Владе.

Шарлотт посмотрела на меня так, будто я предлагал ей приручить парочку водяных змей.

— Зачем? — спросил Владе.

— Чтобы хоть как-то влиять на них!

Все четверо только фыркнули.

— Ладно, — смирился я. — Только не говорите потом, что я вас не предупреждал, когда Роберто выйдет на реку и там утонет. Тогда-то вы скажете себе: «Вот черт, надо было мне послушать этого Франклина».

— Не будет такого, — заявил Роберто.

— Избавьтесь от этого, с позволения сказать, колокола, — продолжил я. И, отойдя к двери, добавил: — Найдите себе новое занятие.

— В Нижнем Манхэттене? — спросил Роберто. — И что же здесь можно найти?

— Собирайте дроны. Плавайте под парусом. Выращивайте устриц. Лазайте по небоскребам. Ищите в гавани морских зверей, я сам только сегодня видел бобров. Да чем угодно занимайтесь! Чем угодно, чем можно заниматься, не погружаясь в воду. И еще, пожалуй, стоит надеть вам на ноги браслеты, чтобы мы всегда знали, где вы находитесь. Или могли найти ваши тела.

— Это уже никак, — возразили мальчики хором.

— Еще как, — сказала Шарлотт, пронизывая их своим взглядом, будто булавкой, на которую насаживали бабочек. Тут даже Роберто дрогнул. — Вы теперь живете здесь, — напомнила им Шарлотт. — И это накладывает на вас обязанности.

— Мы все равно сможем выходить и заниматься своими делами, — объяснил Роберто Стефан. — И у нас останется наша лодка.

Роберто вперил взгляд в пол.

— Избавиться от колокола — да, — проговорил он. — Но гребаные браслеты — нет. Я отключу электронику по всей территории, если вы попытаетесь их нам надеть.

— Идет, — сказала Шарлотт.

— Пойдем заберем колокол, — предложил мальчикам Владе. — Мне не нравится, что вы с ним играете. У меня на работе коллеги тонули, а они были хорошими ныряльщиками. Вы-то нет. И… я знал людей, таких, как вы, которые тоже утонули. Это плохо, когда такое случается. Плохо для тех, кто остается.

Что-то в его славянской интонации привлекло внимание ребят. Шарлотт вытянула руку и коснулась его предплечья. Он покачал головой, на лице застыло скорбное выражение. Вскоре ребята с обреченным и даже, пожалуй, задумчивым

видом проследовали за Владе в эллинг.

Я поднялся с Шарлотт. Она выглядела уставшей и слегка прихрамывала. На общем этаже, посмотрев на меня, спросила:

— Ужинать?

— Я уже купил сэндвич, — ответил я, — но поем с вами.

— Хорошо. Расскажете мне, как там идут дела.

Она положила себе еды в тарелку, и мы сели за один из длинных параллельных столов, где нас окружала шумная толпа. Сотни голосов, сотни жизней — но даже здесь можно ощутить одиночество, хоть и в центре шумной толпы. За едой я рассказал Шарлотт о виде, открывающемся с высоты кластера Клойстер, и о том, как Гектор Рамирес согласился финансировать мой план по реконструкции части межприливья. Затем в общих чертах описал сам план.

— Очень здорово, — одобрила она. — Вам понадобятся разрешения городских властей, но, учитывая состояние тех районов, я думаю, вы их получите.

— Может быть, вы сможете подсказать мне, к кому нужно обратиться?

— Конечно. Могу познакомить вас кое с кем из моих старых друзей.

— Они работают в вашем здании?

— Да, либо там, либо в офисе мэра.

— А вы тоже работали у мэра?

— Когда-то давным-давно.

Наверное, я как-то странно посмотрел на нее, потому что она вдруг махнула рукой:

— Да, я начинала в Таммани-холле.

— Я слышал, вы стажировались еще у Макиавелли, — сказал я.

Она рассмеялась. Среди ее черных волос проглядывало несколько седых прядей.

— Это сейчас вам будет кстати. Вы как думаете, эти платформы можно устанавливать по одной, точечно или придется сносить сразу целые районы?

— Конечно, можно по одной. Они же модульные. Так они будут больше стоить.

— И тем не менее. Со времен Роберта Мозеса снос целых районов не приветствуется.

— Это можно делать постепенно. И в такого рода проектах все масштабируется. Может быть, здесь стоит привести в пример Питер-Купер-Виллидж.

— Хорошая мысль. Или остров Рузвельта. Но это должны быть аналоги. Чтобы показать, что подобное уже делалось. — Она в задумчивости

передвигала вилкой остатки салата у себя на тарелке. — Как это вяжется с тем, о чем мы говорили до этого, о пузыре межприливного жилья, который должен лопнуть?

— Там мы будем шортить. А здесь — лонговать.

— И вы все так же думаете, что забастовка домовладельцев может вызвать резонанс?

— Да. Но смотрите, если вы на это пойдете, то вашему правительству следует хорошо подготовиться. Потому что, когда обвал случится, правительству придется национализировать банки. И больше не придется их спасать и заставлять налогоплательщиков все оплачивать. Вы соберете все крупные банки и инвестиционные фирмы. Они запаникуют, но вместе с тем скажут: отдайте нам все деньги, что мы потеряли, иначе вся экономика рухнет. Они будут этого требовать. Но Федрезерв в этот раз ответит: «Да, конечно, мы спасем ваши задницы, перезагрузим финансовую систему вливанием кучи государственных средств, но теперь вы перейдете в нашу собственность. Вы теперь будете работать на народ, то есть на правительство». А потом вы заставите их опять брать кредиты. Они станут чем-то вроде щупалец федерального осьминога. Кредитные союзы. И финансовая система снова станет функ-

ционировать, но теперь будет работать на благо людей. Они работают на нас, мы инвестируем в то, что кажется достойным. В любом случае результат принадлежит нам.

— Включая катастрофы?

— Они и так наши! Так почему бы и нет? Почему бы не принимать не только плохое, но и хорошее?

Шарлотт наклонилась и чокнулась своим стаканом воды с моим.

— Ладно, — ответила она. — Мне нравится. Федрезерв сейчас возглавляет мой бывший муж, я вижу в этом маленькое преимущество. Могу это с ним обсудить.

— Не надо его предупреждать, — сказал я, сам не зная, что имел в виду.

— Не надо? — переспросила она, видя мою неуверенность.

— Не знаю, — признался я.

Она коротко улыбнулась.

— Над этим можем подумать позже. В смысле, они должны об этом знать. Это должен быть план, о котором будет хорошо известно, который будут обсуждать. Я хочу вас нанять. А еще лучше, чтобы вы предложили свои услуги добровольно. И вошли в правление кооператива.

Теперь настал мой черед улыбаться.

— Нет. Слишком много хлопот. К тому же я вообще не вхожу в кооператив.

— А вы вступите. Мы продадим вам долю.

— Я бы имел на это право, будь я настолько глуп, чтобы состоять в правлении. Но должен признать, я как раз подумываю о том, чтобы купить долю. Может быть, это вы уговорили меня заплатить полную цену.

— Даже если так, вы все равно должны быть в правлении.

— Это будет внеурочной работой.

— Но на своей-то работе вы ничем не управляете. Просто играете! Как в покер!

Я поджал губы:

— А я думал, это нечто большее. Вы же сказали, вам нравится мой план.

— Проект реконструкции — да. Анализ — да. Это мне нравится. Игры — нет.

— Это торговля. Создание рыночной ценности.

— Прошу вас, не надо, а то меня сейчас стошнит.

— В таком случае возьмите тазик, потому что мир устроен именно так.

— Но меня от этого зло берет.

— Миру на это наплевать. Как вы уже, несо-

мненно, заметили.

Она усмехнулась:

— Да, заметила. В своем преклонном возрасте. Который теперь, к слову, бьет меня по голове. Мне нужно поспать. Но слушайте, ваши планы мне правда нравятся. — Она встала, взяла свою тарелку и свободной рукой погладила меня по голове, словно я был золотистым ретривером. — Вы очень хороший молодой человек.

— А вы очень хорошая пожилая женщина, — я не смог удержать язык за зубами.

Она улыбнулась.

— Простите, — извинилась она. — Я не хотела задаваться. А вы тот еще тип, вот что я скажу.

И, ухмыляясь, отошла к лифтам. И, когда входила в кабину, на ее лице все еще была улыбка.

Я молча смотрел на закрытую дверь лифта. Я был озадачен. И доволен. Но чем — сам не знаю.

Ж) Шарлотт

– Отношения в Нью-Йорке не имеют ничего общего с чувствами, – сказала она.

Кэндес Бушнелл. «Секс в большом городе»

Банк контролирует всю систему.

Делёз и Гваттари

Шарлотт почувствовала, что довольна собой, когда позвонила Ларри, чтобы назначить еще одно кофейное свидание. Учитывая все случившееся за последнее время, оно могло получиться интересным. Она постучалась к нему в облаке и спросила, есть ли у него время.

Он написал в ответ, что попросит секретаря проверить, а час спустя написал, что сможет встретиться в конце следующей недели. Опять за кофе, вечером на закате, только в Бруклин-Хайтс, потому что ему нужно быть там. Она написала, что согласна, а потом он ответил, предложив совместить с полуденным кофе ранний ужин, так как он знал местечко на верхушке одной из высоток в Бруклин-Хайтс, простенькое, под открытым небом, где у него был заказан столик и все такое.

Она ответила, что это годится.

В день их встречи Ист-Ривер еще был покрыт льдом, но все указывало на то, что это продлится недолго. В середине гавани собирались льдины, плывущие к затору в Нарроусе, где протирали себе путь наружу, а потом возвращались вместе с приливом и время от времени замерзали в тех формах, какие принимали на тот момент. Так происходило на протяжении коротких дней жестокого, хищного февраля, но сейчас уже начинал блеять о своих правах март.

В назначенный день Шарлотт села в канатный трамвай, что ездил по толстым стальным путям из Ист-Виллидж к западной башне Бруклинского моста. Когда трамвай поднял ее над водой к башне, она вышла и, окруженная кучкой ньюйоркцев, пересекла старый мост. Речной лед внизу казался пазлом, единственным черным промежутком в котором служил остров Говернорс. Ветер играл с проводами над головой, создавая алеаторную эолию, несомненно, величайшую музыку, что когда-либо исполнялась, — если не музыку сфер, то по определению уж точно музыку цилиндров.

Ждать другого трамвая с восточной башни моста до Бруклин-Хайтс было холодно. Уже яв-

но пришло время выпускать ледоколы, а затем возвращать в работу вапо — с этим соглашались все, кто томился в ожидании, белоносые и синегубые люди со стучащими зубами. Бруклинская транзитная компания рисковала получить коллективный иск, заметил кто-то, добавив: если кто-нибудь из них выживет, чтобы его подать.

— Если вы или ваши родные погибли, замерзнув на Бруклинском мосту, позвоните по этому номеру, — шутили белоносые.

Мост до Хайтс был длинный, так что когда она шла в тени сверхнебоскребов, то уже немного опаздывала. Последнюю часть пути она торопилась, поэтому в здание, выбранное Ларри, прибыла слегка запыхавшейся. Он тоже только зашел в здание, и это хорошо. Правда, он теперь видел, как она пыталась отдышаться, вытирая нос, вся раскрасневшаяся и потрепанная. Ну и ладно. Его ухмылка была все той же, что и раньше, как всегда дружелюбная, с оттенком ненавистной ей насмешки и терпеливого снисхождения.

Лифт ехал целую вечность, даже несмотря на то, что двигался со скоростью ракеты. Добравшись на нем до ресторана на крыше, с панорамными окнами и обогревателями, светящимися над столами, они расположились в углу, где открывался

вид на реку и массивный ряд старых небоскребов на южной оконечности Манхэттена. Это был один из прекраснейших видов на город, и Шарлотт подумала, что Ларри выбрал это место ради нее, думая, что здесь ей понравится, и не прогадал. Они немного придвинули стол к стеклу и сели рядом друг с другом, чтобы оба могли наслаждаться видом. Монстры Уолл-стрит казались пловцами, вошедшими по колено в воду в зимний день. Рядом с кухней струнный квартет тихонько играл что-то из Лигети[114].

Устрицы, как им сказали, были собраны прямо из садка под зданием, где росли внутри специальных фильтров. Ледяная водка — напиток, который Шарлотт презирала, — помогла, однако, забить еще более странный запах устриц. Шарлотт могла бы изобразить утонченность, но зачем? Ларри все равно понял бы, что она лишь притворяется. Поэтому, съев две устрицы, она переключилась на рецину[115] и жареных кальмаров, которые больше подходили ей и по вкусу, и по стилю. Ларри же мужественно доел устриц.

---

[114] Примечания: 114

Дьёрдь Лигети (1923–2006) — венгерский и австрийский композитор-авангардист.

[115] Примечания: 115

Греческое смоляное белое вино.

Когда они оба ели салат кобб, куда лучший, чем могли приготовить на кухне Мета, Шарлотт перешла к главной теме их встречи:

— Слушай, Ларри, если этот пузырь межприливного жилья лопнет при тебе, то какой на этот случай твой план?

Он округлил глаза — так он обычно показывал, что не очень удивлен, но был готов сделать такой вид, чтобы доставить ей удовольствие.

— Почему ты считаешь, что это пузырь?

— Цены растут, а здания рушатся. Многим зданиям в сырой зоне приходит конец.

Он указал на грязные кракелюры Ист-Ривер:

— Мне так не кажется.

— Это небоскребы, Ларри. У них фундамент в коренной породе. Но здания к северу от них далеко не такие прочные, тем не менее в них тоже живут.

— Даже если так, нет никаких признаков, которые на это указывали бы.

— Признаки есть, финансовые. Люди корпят над этими цифрами, чтобы казалось, будто все хорошо. Играют по заданным условиям, но реальность там совершенно другая.

— Это ты так думаешь.

— Думаю. А ты разве нет?

Он сощурился:

— Я вижу небольшой разрыв между индексом Кейса — Шиллера и ИМС. Это может быть признаком того, о чем ты говоришь.

— А рейтинговые агентства по-прежнему выдрючиваются перед теми, от кого зависят, поэтому от них ты никаких предупреждений не дождешься. Им, чтобы увидеть пузырь, нужно сначала присвоить ему высший рейтинг.

— Вот это так и есть, — признал Ларри, немного сдвинув брови. — Я не знаю, как заставить их нормально работать.

— Это называется конфликт интересов. Им по-прежнему платят те, кого они оценивают, поэтому они выдают такие результаты, за которые им будут платить. И это никогда не изменится.

— Наверное. — Он с любопытством взглянул на нее: — А ты, я вижу, пошерстила эту тему.

— Да. Так что будешь делать, когда это случится? Кем будешь? Эдсоном? Бернанке?[116] Гербертом Гувером?[117]

— Буду действовать по обстоятельствам, на-

---

[116] Примечания: 116

Бен Бернанке (р. 1953) — американский экономист, председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы в 2006–2014 гг.

[117] Примечания: 117

Герберт Гувер (1874–1964) — 31-й президент США в 1929–1933 гг.

верное.

— Это ужасная идея. Люди будут испуганы, под тобой будет гореть кресло, и только тогда ты начнешь думать?

— Раньше это всегда срабатывало, — сыронизировал Ларри, но сам пристально смотрел на Шарлотт.

— После Первого толчка, — сказала она, — Эдсон пытался просто переждать беду, из-за чего мы получили потерянные 60-е, голод и большой обвал после Второго толчка. Во время кризиса 2008-го Бернанке изучал Великую депрессию и знал, что переждать не выйдет. Вместо этого он пичкал пробоины деньгами, и в итоге удалось кое-как отползти от края пропасти. Был не обвал, а только спад.

Ларри слушал ее, кивая.

— И как помнишь, помимо прочего, тогда национализировали «Дженерал моторс». Тогда позволили рухнуть банку «Леман Бразерс»[118], не стали его спасать и потом наблюдали, как весь финансовый мир катится следом. Тогда поняли, что с реальной экономикой так поступить нельзя, вот и национализировали «Дженерал моторс»,

---

[118] Примечания: 118

Один из ведущих инвестиционных банков своего времени, обанкротившийся в 2008 г.

взяли ее под свое крыло, поставили на ноги, а позднее продали акционерам — в общем, кое-как спаслись. Верно?

Ларри продолжал кивать. Взгляд его при этом был необычайно пристальным.

— Поэтому смотри, — продолжила Шарлотт, наклонившись к нему. — Когда пузырь лопнет, национализируй банки.

— Юху, — проговорил Ларри. Между бровями у него появилась складка, которая показывала его обеспокоенность, если он вообще мог о чем-либо беспокоиться. — Что ты имеешь в виду?

— Когда пузырь лопнет, они все опять зависнут, и чем они крупнее, тем больше у них кредитов. И они все связаны между собой. Реформы, которые раньше позволяли банкам хоть как-то удержаться на плаву, теперь не помогут секьюритизировать жилищные кредиты так, как это было раньше. Поэтому в этот раз, когда пузырь лопнет, никто не будет знать, какие бумаги еще в цене, а какие нет, все будут паниковать и перестанут кредитовать, и мы окажемся в свободном падении. Ты сам это понимаешь. Это хрупкая система, основанная на взаимном доверии, и это разумно, но как только эта фикция разрушится, все увидят, насколько это безумно, и перестанут

друг другу доверять. Они будут кричать и умолять о помощи. А ты будешь единственным между ними и Величайшей депрессией.

Теперь Ларри наблюдал за ней так внимательно, что расслабил лицо, и Шарлотт, увидев его истинное выражение, едва не рассмеялась, но сумела сдержаться и продолжила:

— Тогда ты пойдешь к президенту и скажешь, что американским налогоплательщикам нужно снова спасать этих идиотов. И понадобится на этот раз, может быть, триллионов двадцать. Ей такие новости не понравятся, верно?

— Верно.

— Она, может, и не впадет в ступор, как Буш при Бернанке, но испугается не на шутку, и ей захочется, чтобы у тебя имелся план. Вот тогда ты и скажешь ей: необходимо национализировать крупнейшие банки и инвестиционные фирмы. Дать им денег или выкупить. Тогда у американского народа под контролем окажется вся мировая финансовая система. И во вселенской битве между простыми людьми и олигархией оттуда, — она указала на Уолл-стрит и сверхнебоскребы аптауна, — люди неожиданно одержат верх. Ты сможешь напечатать деньги, восстановить доверие, повернуть ручку и наладить все как

было, но теперь все прибыли будут принадлежать людям. Ты также можешь направить финансы на решение реальных проблем. Конгресс может реформировать финансовую систему согласно законам, которые ты для них напишешь, а ты можешь провести политику количественного смягчения, но не для банков, а для налогоплательщиков. Напечатать деньги и отдать их банку мистера и миссис Налогоплательщиков. Это станет крупнейшим переходом власти со времен Французской революции!

Ларри покачал головой, пытаясь изобразить одну из своих старых масок, призванную выражать поддельное восхищение Шарлотт. Эта маска была хорошо ей знакома.

— А ты все так же витаешь в облаках! — воскликнул он.

— Вовсе нет! Это план, и довольно практичный.

— Ты как будто подалась в коммунисты или что-то в этом роде.

— Ну да, ну да, Красная Шарлотт.

— Шарлотта Корде[119], да?

— Не знаю, а разве она не убила кого-то из ли-

[119] Примечания: 119

Шарлотта Корде (1768–1793) — французская дворянка, убийца Жан Поля Марата.

деров революции?

— Марата, да? Но за то, что тот был отступником, если я правильно помню? За то, что не был достаточно революционно настроен?

— Не знаю.

— Давай так. Если я не устою, то ты заколешь меня в ванной.

— Если ты не спасешь мир, когда у тебя будет шанс, то да. Только не сажай Шалтаев-Болтаев обратно на стену, как во все прошлые разы. Они опять все испортят, и очень быстро. Потому что они жадные идиоты. Они не думают ни о чем, кроме того, как набить себе карманы и свалить в Денвер.

Он кивнул.

— Или отжать межприливье, — добавил он. — Выкупить «новую Венецию» и всех оттуда выгнать.

Шарлотт была вынуждена согласиться: ее бывший был умен.

— Ну, и это тоже.

— Мне интересно, почему ты так резко заинтересовалась финансами? Раньше ведь тебя это совсем не интересовало.

— Это правда, но то предложение о покупке нашего здания все больше напоминает враждебное

поглощение. На прошлой неделе нам поступило второе — предлагают в два раза больше, чем в первый раз! Я поспрашивала знакомых в Нижнем Манхэттене, и оказалось, что такое не только у нас. Мы не знаем, кто это, потому что они обращаются через брокеров, но факт остается фактом. Джентрификация, огораживание — называй как хочешь. И да, я поняла, что ни одно здание и ни одно общество взаимопомощи против этого не устоят. Это всеобщая проблема. И если у нас есть хоть какой-нибудь выход, то это борьба на макроуровне.

— То есть, чтобы спасти твое здание от поглощения, ты предлагаешь мне свергнуть мировой экономический порядок.

— Да. Только назовем это спасением мира от очередной Великой депрессии. Или переложением петли с наших шей на шеи паразитов.

— Тяжело, — заметил Ларри.

— Тяжело, потому что это политика. А мир финансов купил множество политиков и пролоббировал множество законов. Поэтому становится только тяжелее. Но когда обвал случится в следующий раз, ты можешь положить этому конец. Это будет точка перегиба. Ты войдешь в историю как первый глава Федрезерва, у которого были яйца.

— Волкер[120] тоже был хорош.

— У него были мозги, а я сказала «яйца». Все лучшие идеи Волкера воплотились после того, как он покинул пост, не сумев реализовать их сам. Все это пришло потом. Он был почти как Гринспен[121]. О боже, как я ошибалась, когда думала, что у Айн Рэнд[122] есть ответы на все вопросы! Просто у Волкера были кое-какие идеи, вот и все.

— Может, и так.

— Попробуй хоть раз подумать наперед.

— Я обычно так и стараюсь.

— Вот видишь. И сейчас так сделай. Настало время испытать силу человеческой души[123].

— Ладно-ладно. Только давай без Тома Пейна. Достаточно уже и Шарлотты Корде. Я вижу нож у тебя в сумочке. Прекрати его поглаживать.

Она не сдержала смеха. Он взял ее за предпле-

---

[120] Примечания: 120

Пол Волкер (р. 1927) — американский экономист и государственный деятель, председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы в 1979–1987 гг.

[121] Примечания: 121

Алан Гринспен (р. 1926) — американский экономист, председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы в 1987–2006 гг.

[122] Примечания: 122

Айн Рэнд (1905–1982) — американская писательница и философ.

[123] Примечания: 123

Цитата из цикла Томаса Пейна «Американский кризис»(1776–1783).

чье и легонько сжал. Пора заканчивать. Она не хотела добавлять, что у нее также был план, как заставить лопнуть пузырь, пока Ларри находится на своем посту. Он и так уже испугался — и того, что́ она говорила, и того, что это говорила она. Она знала, что он мог в любой момент заставить ее споткнуться на каком-нибудь техническом вопросе, понимала, что он позволял ей говорить об истории и политической экономии, а не об экономике как таковой. Ему эта тема тоже была интересна, и он видел: ему интересно не менее, чем ей. А раз она уделяла этим вопросам столько внимания, значит, они были важны для нее. Ларри осознал, что раньше они с Шарлотт никогда так не общались — никогда. Это было впервые.

Теперь она не могла не выдать своего невежества. Что из этого следовало, если национализировать банки? Он это знал, она — нет. Но, к счастью, в этот самый момент раздался громкий треск, похожий на раскат грома, — как оказалось, тронулся лед на Ист-Ривер.

Все, кто был в ресторане, бросились к окнам на западной и северной сторонах и заголосили при виде этого зрелища: белый лед разломался на части и, вздыбившись огромными неровными льдинами, плюхнулся обратно в черную воду и

двинулся на юг, к острову Говернорс и Нарроусу. Почему весь сразу? Почему сейчас? Кто-то сказал, что несколько часов назад был минимальный прилив, а теперь течение быстро отступало и вода подо льдом спадала. Вот как это случилось — так же как и два, и пять, и восемь лет назад. И во время ледникового периода. Весна набирала силу — прямо у них на глазах. Глядя на раскрасневшиеся лица окружающих, Шарлотт видела эротическую и даже сексуальную эйфорию, настоящее мартовское безумие. Струнный квартет «переключил передачу» и теперь выдавал что-то яростное из Шостаковича. Красные губы, сияющие глаза, взволнованные голоса. Весна была равносильна сексу. Черная вода выплескивалась из-под белых кромок, и гигантские льдины разлетались во все стороны. Никогда еще здесь не видели такого течения.

Ларри выглядел так же, как и остальные: бледная веснушчатая кожа студента-отличника вспыхнула, точно его охватил стыд или он пробежал стометровку. Это было не из-за Шарлотт и не из-за реки — он думал о ее плане. Тот сливался у него в голове с удивительным зрелищем грохочущих льдин, уносящихся в черной воде, словно в самом потоке истории. Он чувствовал, каково это

— быть частью этого, находиться в гуще такого хаоса. Она подняла руку и легонько ущипнула его за щеку. Раньше она могла лизнуть его в ухо, когда он выходил из себя. И сейчас он был все тем же — любил, когда ему делают приятно.

— Вот-вот, умник, — пробормотала она, чувствуя, как у самой горят щеки, и села на свое место. Затем посмотрела на него, немного смутившись от своего поступка, от своей развязности в обращении с ним. И тут на нее внезапно нахлынули воспоминания, будто вырвались из-подо льда. — Подумай над этим, — добавила она. — Будь готов. И приготовь своих людей.

— Среди этих людей должны быть и члены конгресса, на которых мне придется рассчитывать, — заметил он, подсаживаясь к ней с легкой улыбкой. — Десерт?

— Да, — согласилась она неуверенно. — Десерт с коньяком.

— Ну конечно.

3) Гражданин вернувшийся

Широкие авеню Нью-Йорка не ориентированы строго с севера на юг, а смещены на 29 градусов к северо-востоку. Поэтому улицы, протянутые с востока на запад, на самом деле проложены с северо-запада на юго-восток. Это объясняет, почему так называемые дни Манхэттенхенджа, когда закаты приходятся вдоль улиц и выливаются по ним на запад, обдавая каналы огнем, выпадают не на точки равноденствия, а примерно на 28 мая и 12 июля.

Вместе с бурей, пришедшей из Арктики в 1932 году, занесло арктических птиц – чистиков, и многие из них разбились о небоскребы. Их тела тысячами находили по всему городу – запутавшимися в телефонных проводах, на улицах, в озерах, на газонах.

Федеральный писательский проект, 1938 г.

Если земную атмосферу сжать до плотности

воды, то она окутает Землю слоем толщиной примерно в тридцать футов. На самом же деле она тянется на одиннадцать миль, а потом становится очень рассеянной, изменяясь от тропосферы к стратосфере. При этом среда обитания человека достигает высоты примерно в пятнадцать тысяч футов, то есть три мили, — выше нее люди погибают. Так что подумайте о целлофановой оболочке баскетбольного мяча, но не забывайте, что все еще думаете слишком вольно, когда сопоставляете мяч в целлофане и Землю, закутанную в атмосферу.

Между тем воздух довольно легок в сравнении с водой, он легко перемещается над земной поверхностью, пока Земля вращается вокруг своей оси. Если происходит один оборот, то есть прошли сутки, то поверхность в районе экватора смещается на 600 миль в час. Поэтому даже удивительно, как воздух остается в таком покое, однако инерция, сопротивление и прочее приводят к тому, что струйные течения достигают сотен миль в час и направлены преимущественно на восток, примерно по тому же принципу, что и вода, вытекающая из шланга, лежащего на земле, — иными словами, почти хаотично, но группируясь вокруг странных точек притяже-

ния, то есть на самом деле не так уж хаотично. Но воздух — материал легкий, и хотя, смещаясь вокруг Земли, он движется подобно океанским течениям, его движение более порывисто.

Так было всегда, но, если добавить в систему тепла, все ее компоненты получают больше энергии. Так что погода всегда была полна аномалий, но после подъема мировых температур вследствие мощных выпусков углекислого газа в атмосферу человеческой цивилизацией она стала еще необузданнее. Долгое время на Землю поступало на 0,6 ватта на квадратный метр энергии больше, чем исходило, это ее нагревало, и в итоге котелок стал закипать. Но обратите внимание, что эта дополнительная энергия не препятствует похолоданиям лишь потому, что повышается средняя температура; увеличение количества энергии также увеличивает и буйство круговоротов воздуха, а достаточно крупные круговороты изгоняют прочь сам воздух, создавая области низкого давления, и поверхность под ними в отсутствие воздуха становится чрезвычайно холодной. Отсюда и штормовые явления всех сортов: ураганы, циклоны, торнадо, грозовые штормы, метели, засухи, жара, ливни, холодные фронты, гребни высокого давления и так далее. В

общем, вы поняли.

Итак, в XXII веке люди по всему миру отмечали погодные катаклизмы, уничтожавшие все, что они пытались создать, — включая урожаи и почву, на которой те всходили. На уровне моря, поднявшемся к своей текущей отметке сорока годами ранее, жалкие попытки людей и других живых существ что-то восстановить были слишком уязвимы перед супербурями, относимыми к новым категориям, — их называли то «классом 7», то «силой 11», то «верховным звездецом». В тропических поясах строительство вызывало сомнения изначально, а теперь, с учетом сильных штормов и бесполезности посттолчкового восстановления, новые природные условия просто разбивали прибрежные города подчистую. Манила-2128, Джакарта-2134, Гонолулу-2137 — вот особенно наглядные примеры смерти и разрушений, которые стали возможны, когда стихия возобладала над инфраструктурой.

Нью-Йорк, следует сказать, на фоне большинства других прибрежных городов обладает инфраструктурой, сравнимой с кирпичным туалетом. Заложенный в камне, построенный из стали и различных композитов, таких прочных, что первым раскалывается обычно камень. Но

камень ломается, и не весь город построен по нормам. Для восстановительных работ, проводимых в затопленной зоне и в межприливье, принимается много уникальных решений. И они не неуязвимы. Как и любые другие человеческие строения.

Вспомните также — если ваше внимание еще сохранило такую возможность после стольких страниц — о необычной географии Нью-Йоркской бухты относительно Атлантики и всего земного шара. Ураганы, более свирепые, чем когда-либо, прибывают с Карибов или с конских широт[124] и, смещаясь на север со средней скоростью, вращаются против часовой стрелки, если наблюдать за ними из космоса, так что ветры на ведущем крае бурь выталкиваются на запад и способны набирать существенную скорость и силу. Затем вспомните топографию бухты, а также то, что Нью-Йорк — это архипелаг островов в устье, соединенном с Атлантическим океаном проливом Нарроус и имеющим «черный ход» на восточной стороне, где пролив Лонг-Айленд соединен Вратами ада с Ист-Ривер.

Что только добавляет штормовых волн, о

---

[124] Примечания: 124
Районы Мирового океана между 30° и 35° северной и южной широт.

да. Чудовищный ураган проталкивает в бухту кучу атлантической воды с севера и востока, Нью-Джерси выпускает ее через Нарроус, но еще больше — проходит на востоке по проливу Лонг-Айленд, пока не попадает через Врата ада в Ист-Ривер. Гудзон тем временем непрерывно осушает огромную водосборную площадь, вливая свои воды с севера, причем скорость его течения может достигать двухсот тысяч кубических футов в секунду. Таким образом, во время урагана наступает момент, когда вода поступает в бухту с трех направлений и ей некуда деваться, кроме как подниматься вверх. Если все это вдруг произойдет при минимальном приливе и при воздействии Луны, то такой подъем станет, по сути, путем наименьшего сопротивления. И вода поднимается. Штормовой прилив при урагане «Альфред» 2046 года — 18 футов, крупная катастрофа. Ураган «Сэнди» в 2012-м, штормовой прилив — 12 футов, крупная катастрофа. Штормовой прилив при безымянном урагане 1893 года — 30 футов. Полное разрушение.

А теперь вспомните — а это у вас должно получиться, потому что это важнейший на сегодня для всей земной жизни факт, — что уровень моря уже поднялся на пятьдесят футов по сравнению

с тем, что был перед толчком. Добавьте сюда штормовой прилив — и что получится?

Узнать ответ можно, только когда это случится.

И) Стефан и Роберто

Во время Всемирной выставки 1939 года к зданию компании по производству инкубаторов для новорожденных принесли 8000 недоношенных детей, чтобы те провели там свои первые недели.
Генри Дэвид Торо: Не проникнемся ли мы сочувствием к ондатре, которая отгрызает себе лапу в ловушке, не пожалеем ли ее за ее страдания и в силу нашей общей смертности не оценим ли ее героизм? Не делает ли это нас братьями по участи? Для кого тогда поются псалмы и проводятся мессы, как не для таких, как она, достойных?

Поздней весной дни тянулись длиннее, а крыши заполоняла зелень. Все живое пускало ростки, отчего вода мутнела и источала смрад, межприливье запрудила неприятная жижа, которая также воняла при отливе и налипала на устричные садки и старые причальные доски. Великая бухта была настолько переполнена лодками, что полосы движения крупных судов просматрива-

лись лишь благодаря отсутствию в них мелких лодок. Солнце отсвечивало от воды, начиная с получаса после рассвета и заканчивая получасом перед закатом, когда поверхность реки чернела. Влажность была такой высокой, что воздух становился видимым — зловонной белой мглой, тяготеющей над городом, и уже не верилось, что всего пару месяцев назад здесь лежал лед, а воздух походил на жидкий азот. Климат города, всегда пользовавшийся недоброй славой, в XXII веке стал вовсе непредсказуем, и теперь яркое миазматическое лето варьировалось от субтропического до супертропического, а комары отличались кровожадностью и переносили болезни. Бетонные шахматные столы стали нагревались до того, что к ним нельзя было прикоснуться. Люди сидели по домам, а если нужно было выйти, кое-как выкарабкивались и садились в лодки, ошеломленно думая, будто где-то поблизости, должно быть, горит пожар. Никому не верилось, что этот город мечты мог так драматично измениться, точно небесная деревня, переехавшая от полюса к экватору, а потом к другому полюсу, и все это за кратчайшее время. Люди молились, чтобы город охватила метель.

Стефана и Роберто это не волновало. Они были

заняты своей миссией — найти могилу Германа Мелвилла и, если получится, перетащить его надгробный камень в бачино Мэдисон-сквер и установить его на причале Мета, в его северо-восточной части, ближайшей к месту, где Мелвилл когда-то жил. Таков был их план, и они намеревались его придерживаться. Мистер Хёкстер сказал, что надгробный камень должен быть крупным — возможно, четыре фута на четыре, гранитный, весом в сотни фунтов, — но это не могло их остановить. Они одолжили тележку, пока никто не смотрел, и их лодка сильно просела в воду. Но зато они смогут решить проблему транспортировки надгробия, если его найдут.

То есть это было, по сути, чем-то вроде разведки, и мальчиков распирало от счастья, когда они плыли по мелководью Бронкса, уклоняясь от крыш-рифов. Затопленный Бронкс был почти так же велик, как затопленные Бруклин и Куинс, а это о многом говорило. Его нынешняя береговая линия тянулась на много кварталов севернее, чем когда-то, а старые овраги и даже речная долина теперь заполнились водой, разделив боро парочкой бухт, причем западная, достигавшая аж Йоркерса, затапливала старый парк Ван Кортленда и во время прилива захватывала кладбище

Вудлон.

Но не могилу Мелвилла! Как бы писатель ни любил море, его могила по-прежнему находилась на сухой земле, много выше максимальной линии прилива. Мистер Хёкстер заверил в этом ребят, определив ее местонахождение по картам. Поначалу они расстроились, что та лежит не под водой, но, поскольку колокол теперь был у Владе, мальчики смирились и даже решили, что это и к лучшему. Это должно было стать их первым наземным проектом.

Они вытащили лодку на поросший кустами склон, привязали к стволу мертвого дерева и двинулись на восток, сквозь заросли и руины заброшенного кладбища, туда, где мистер Хёкстер на одной из своих карт поставил для них крестик. Немного побродив, они пришли к заключению, что лишь немногое может сравниться по своей странности с заброшенным кладбищем — в их случае состоящим наполовину из заросшего луга, наполовину из сырого леса, засыпанных сломанными ветками и мусором, усеянных рядами надгробий. Словно миниатюрная модель аптауна, где то тут, то там возвышался какой-нибудь особенно большой памятник. Время от времени они останавливались, чтобы прочитать какую-то

особенно длинную надпись, пока не увидели надгробие некоего Джорджа Спенса Миллета (1894–1909), на котором было написано:

Лишился жизни, уколовшись пером при падении, уклоняясь от шестерых женщин, пытавшихся поцеловать его в честь дня рождения в офисе в здании «Метрополитен Лайф».

— Ну и ну, — проговорил Роберто. — Еще и в нашем здании! Это ужасно.

— Прямо в твоем духе, — заметил Стефан.

— Ну уж нет! Я бы просто позволил себя поцеловать, черт возьми. А он был идиотом.

После этого они решили больше не читать надгробий. Просто шли, ощущая на себе тяжелые взгляды всех тех полузабытых имен и жизней. В Нижнем Манхэттене кладбищ не было, а на этом, как выяснилось, было не так весело, как они рассчитывали.

А потом они нашли Мелвилла. Его надгробие действительно оказалось внушительным, и на нем был выгравирован свиток. Фута четыре в высоту и почти столько же в ширину, в один фут толщиной. По бокам свитка были изображены листья на лозах, а имя Мелвилла стояло внизу, почти скрытое под слоем грязи. Это было мрачное место. Рядом торчал надгробный камень его

жены, а по другую сторону — остальных членов семьи, в том числе сына Малкольма, умершего в молодом возрасте.

— Большое, — отметил Стефан.

— Нужно забрать его к нам, — заявил Роберто. — Сюда больше никто не приходит, сам видишь. Он здесь совсем забыт.

— Сомневаюсь.

— Думаешь, это запрещено?

— Думаю, это не очень красиво. Здесь лежит его тело, тело его жены, все такое. Люди могут прийти, будут его искать и подумают, что его могилу разграбили.

— Да… черт.

— Может, найдем кого-нибудь другого, чья могила теперь под водой?

— Кого-то еще, кто жил в нашем районе? И чей призрак видел мистер Хёкстер?

— Нет. Кого-то другого. Или мы могли бы делать памятные знаки и вешать их на здания по всей гавани или на причальные сваи. Можем составить карту — мистеру Хёкстеру это бы понравилось. Со всем тем, о чем он нам рассказывал, — Мелвиллом, бейсболом, рукой статуи Свободы, всем-всем.

— Мы живем в великом районе.

— Это да.

— Но мне хочется вытащить что-нибудь из воды! Или из леса. Что-то спасти.

— Мне тоже. Но, возможно, Хёкстер прав. Возможно, все, что после «Гусара», — это путь по наклонной.

Роберто вздохнул:

— Я надеюсь, это не так. Нам всего лишь по двенадцать лет.

— Это мне двенадцать. Ты только думаешь, что тебе двенадцать.

— Неважно, главное, еще слишком рано для пути по наклонной.

— Думаю, нам следует изменить род занятий. Сосредоточиться на другом. Ты в какой-то момент чуть не утонул, так что, может, это будет к лучшему.

— Наверное. Но мне это нравилось. И то, что мы там делали, похоже на то, чем раньше занимался Владе.

— Да. Но пока хватит. Наверное, нам стоит не идти по наклонной, а смотреть вверх. Вот на Флэтайроне, например, гнездятся соколы и много кто еще.

— Птицы?

— Или звери. Выдры под причалом. Или мор-

ские львы — помнишь тот раз, когда они захватили «Скайлайн», забрались все в одну лодку и потопили ее?

— Да, вот круто было. — Роберто задумчиво потер руку о надгробие Мелвилла.

Внезапно они почувствовали, что вокруг стало темнее и холоднее. С юга пришло черное облако и закрыло солнце. Воздух был столь же насыщенный, а то и более того, но из-за облака ребята оказались в тени, и казалось, будто становится еще облачнее. К тому же с юга действительно приближалась целая стена черных снизу облаков.

— Грозовой вал? — спросил Стефан. — Лучше нам возвращаться.

* * *

Они поспешили обратно к лодке, отвязали ее и залезли внутрь, а потом направились к середине канала, делившего Бронкс надвое. Ветер дул им в лицо, и их швыряло с одной волны на другую, отчего вода брызгала в стороны, когда они обрушивались на гребни волн. Они пригибались, чтобы лодка не так сильно раскачивалась. И ветер, и волны шли с юга, поэтому ребята могли взять курс прямо им навстречу. И это было кстати, поскольку пики волн летели под ветром,

порождая крупные барашки. Плыть поперек таких высоких волн было бы трудно, а то и вовсе невозможно. Лодка вздымалась, когда врезалась в белую пену, и мальчики переместились к корме, где уселись по бокам от румпеля и принялись с тревогой наблюдать, как к ним подходят короткие белые стены волн. Лодка совершала невообразимые пируэты. Шум при этом стоял такой громкий, что ребятам, чтобы говорить друг с другом, приходилось кричать. Приподнятый нос, как во всех зодиаках, раз за разом доказывал правильность своей конструкции, но все равно, будь волны хоть на пару футов выше, вода непременно хлынула бы через борт, или по крайней мере создавалось такое впечатление.

И все же плавучесть была чудесной штукой и позволяла им взмывать над каждой волной снова и снова. А волны, в свою очередь, никак не могли стать выше — во всяком случае здесь, в реке Гарлем, где не имели должного разгона. Мальчикам лишь с трудом верилось, что волны были такими огромными и что ветер дул так сильно. Что ж, летние бури тоже случались. К тому же они теперь видели, что небольшой разгон у волн все-таки имелся — вдоль Ист-Ривера и потом еще Гарлема. Их в самом деле неслабо подбрасывало.

— Надо было переждать! — крикнул Стефан, когда одна особенно большая белая стена наклонила их почти вертикально, прежде чем пройти под лодкой, и нос плюхнулся вниз так резко, что им пришлось крепко держаться, чтобы не полететь вперед.

— Ничего, справимся.

— Может, лучше повернуть назад?

— Я не знаю, может ли корма подниматься так же высоко, как нос.

Стефан не ответил, но это была правда.

— Наверное, в следующий раз нам лучше брать с собой браслеты.

— Наверное. Вечно у нас что-то не так.

— Смотри, какая идет!

— Вижу.

— Может, лучше повернуть?

— Может. Лодка будет на плаву, даже если в нее зальется вода. Это мы точно знаем.

— А мотор будет работать, если намокнет?

— Думаю, да. Помнишь, как в тот раз?

— Нет.

— Так уже один раз было.

Следующая большая волна толкнула их вверх и назад, подняв вертикально, и оба мальчика инстинктивно прижались ко дну, надеясь выров-

нять лодку. И зависли вертикально на несколько долгих мгновений, надеясь, что волна не опрокинет лодку назад и не сбросит их в воду. И лодка вновь плюхнулась вперед и скользнула по обратной стороне волны. Но впереди были другие большие белые стены, и ветер неистово завывал.

— Ладно, может, нам стоит развернуться. Нам ведь не надо, чтобы нас опрокинуло.

— Нет.

— Ладно, тогда…

Роберто уставился вперед, округлив глаза. Увидев его взгляд, Стефан исполнился страха. Все волны были, как обычно, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. У них было семь или восемь секунд между столкновением с каждой из них. И этого времени не хватало, чтобы повернуть лодку, а они не могли позволить, чтобы волна настигла их, когда они встанут к ней бортом.

— На следующей я начну поворачивать, как только гребень окажется под нами, — заявил Роберто. — В твою сторону.

— Хорошо.

Следующая волна была примерно такого же размера, что и все остальные. Не волна-убийца, но близко к тому. Она подхватила их, лодка

наклонилась почти вертикально, ребята пригнулись вперед. Когда нос шлепнулся под весом их тел, Роберто крутанул румпель в сторону Стефана и, как только лодка скользнула на волне, запустил мотор на полную. Лодка резко повернулась с впечатляющей скоростью, но все же не супербыстро, а следующая волна уже приближалась. И оставалось только наблюдать за надвигающейся катастрофой.

Стена воды врезалась в них, когда они были повернуты к ней примерно на три четверти, и Роберто потянул румпель так, что лодка, скользнув вперед, выровнялась к волне. Корма поднималась медленнее, чем до этого нос, и казалось, их зальет пеной, но их не более чем обрызгало ею — все-таки лодка была плавучей, а волна спокойной. На несколько мгновений лодка задержалась на этой волне, после чего та прошла под ней, и ребята на полной скорости двинулись в сторону Бронкса, подталкиваемые ветром, раз за разом перекатываясь на волнах. Те двигались быстрее лодки и обдавали ребят брызгами, но только и всего. Мелководье Бронкса, с его верхушками разрушенных зданий, быстро приближалось. Это было настоящее поле волн, черных крыш-рифов и белых полос пены и пузырей — и выглядело

это ужасно. Но мальчики могли теперь рвануть к чему-нибудь торчащему из воды и встать с подветренной стороны. Волны же, приближаясь к руинам боро, быстро затухали.

— У нас получится, — заявил Роберто. Это было первое, что он сказал с тех пор, как они развернулись. А это было много волн назад.

— Похоже на то, — согласился Стефан. — Но что потом?

— Будем пережидать.

Часть седьмая
Чем больше, тем веселее

А) Владе

Человек вкладывает свою любовь туда, где ему будет безопасно, когда подует ветер.

Заметил Генри Луис Менкен

Одной из служебных необходимостей Владе было держать открытой на одном из своих экранов страницу Национального управления океанических и атмосферных исследований, где отображалась погода в Нью-Йорке, а рядом — данные о приливах и отливах. На самом деле его как раз и интересовало воздействие погоды на приливы и отливы, потому что те, в свою очередь, влияли на здание. В остальном же погода не слишком его заботила.

Но уже неделю, а то и больше, он отслеживал ураган, идущий с Атлантики, судя по всему, в сторону Флориды. Вот почему данные Национального управления занимали все его внимание. Этот ураган «Фёдор» только за последние несколько часов повернул на север, и теперь было похоже, что он придет и в район Нью-Йорка. Вообще же создавалось ощущение, что он шел на Северную

Каролину, а северная часть его зоны удара явно сулила проблемы. В прошлом ураганы в Нью-Йорке уже случались, но после Второго толчка еще ни разу.

У Владе в документах была отдельная страница по защите здания от штормов, и, вызвав ее на экране, он оповестил всю свою команду: свистать всех наверх! Дел было невпроворот, а время поджимало. Это не учения, сказал Владе ребятам. У них было от силы пара дней. Опыт подсказывал никогда не доверять модельщикам Национального управления, когда дело приобретало такую важность. Это он понял уже давно, но сейчас, стоило отметить, модели становились довольно точными. Впрочем, случалось всякое.

Уже уходя из офиса, чтобы начать свой комплекс мероприятий, он вспомнил, что Амелия Блэк летала где-то поблизости, а Айдельба работала на своей барже у Кони-Айленда. В обоих случаях весьма чревато.

Он задержался, чтобы им позвонить.

— Айдельба, ты где?

— На «Сизифе», где же еще?

— И где же твое прекрасное судно?

— В Нарроусе, захожу в бухту. — Она фыркнула.

— А, хорошо. Бурю видела?

— Ага. Выглядит хреново, да?

— Весьма. Ты сейчас куда?

— Точно не знаю. Обычно я загоняю баржу в Бруклин и прячу в Гованусе, но сейчас не знаю. Там был большой склад на южной стороне, который закрывал меня от ветра, но его затопило.

— Хочешь к нам?

— Баржа не зайдет.

— Можешь оставить баржу в Гованусе, а сама давай сюда на буксире.

— Почему ты считаешь, что твоя старая громадина защитит мой буксир?

— Нормально будет. Поставь ее между нами и Северным зданием, как раньше ставила. Это как бы наш личный проулок, и там вы будете защищены с юга.

— Хорошо. Может, так и сделаем. Спасибо.

— Только поторопись. Не то попадешь, когда дойдет ветер.

— Ага.

Так, с этим разобрались. Теперь Амелия.

— Привет, Владе, в чем дело?

— Амелия, ты где?

— Я над болотом в Эсбери-парк.

— Какого хрена, Амелия?! Ты погоду видела?

— А что, все хорошо. Только немного жарко и душно. Видимость идеальная для съемки, но мы следим за стаей волков, которые пытаются…

— Амелия, ты далеко на юг видишь?

— Миль на двадцать, наверное. У меня высота пятьсот футов.

— Экраны с погодой перед тобой?

— Да, но что… ой. Ой! Так, ладно. Я поняла, о чем ты.

— О чем твой продюсер вообще думал?

— Я им не говорила, куда собираюсь, просто сама полетела.

— Как быстро сможешь оттуда добраться?

— Ну, наверное, часа за три-четыре. А что, ты думаешь…

— Да, я думаю! Стартуй сейчас, и поторопись! Жми на полную! Иначе ночевать будешь в Монреале. Это в лучшем случае.

— Хорошо. Как только эти волки поймают индеек.

— Амелия!

— Хорошо!

Так, пожалуй, и здесь справились. Владе покачал головой. Пора было заняться зданием. Оно ему приходилось будто каменной женой, которая никогда не разговаривала, зато своими

действиями и реакциями могла как будто дуться, радоваться и проявлять все остальные эмоции. Сейчас же здание казалось спокойным, стойко переносило жару, однако в нем ощущалось скрытое напряжение. Владе вздохнул и вышел из офиса.

* * *

Мету было уже двести тридцать лет, хотя для Владе это мало что значило. В Европе стояли соборы, которым было по тысяче, Акрополю — две тысячи шестьсот, пирамидам — четыре тысячи и так далее. Для структурной целостности возраст — не главное. Главное — это, во-первых, конструктивное исполнение, а во-вторых, материалы. Мету и с тем, и с другим повезло. Владе не боялся, что здание может по какой-либо причине рухнуть, оно было квадратным и существенно усиленным. В отличие от тех «палочек для еды», нелепых стекляшек к югу от них. А вот если какое-то из них упадет на север, то оно может задеть Мет, и эта мысль приводила Владе в ужас. Хорошо, если они упадут в какую-нибудь сторону, хотя если это будет запад, то пострадает Флэтайрон — здание, которое все в округе очень любили, хотя сам Владе был рад, что не работает управляющим там — все эти неквадратные формы доставляли

хлопот, как часто повторял Этторе, — особенно узкий угол на севере. С другой стороны, если эти «палочки» упадут на северо-запад, пострадает сама площадь — они разом завалят ее грудой мусора. Если они упадут куда-нибудь от востока до северо-запада, то проблем для группы зданий на Мэдисон-сквер не будет, хотя ущерб в зоне падения получится, несомненно, существенный. Увы, оставалось лишь надеяться, что они устоят.

Он стоял на садовом этаже и смотрел на юг между стекляшками. Ветер уже продувал сад, качая зеленые листья. Кукуруза всюду почти полегла, а Хелоиз, Маньюэл и другие фермеры вовсю возились со ставнями у открытых окон с южной стороны. Хотя это, конечно, ничуть не спасало от полегания.

— Народ! — решительно обратился ко всем Владе. — Приближается ураган. Сильный. Ветер больше ста миль в час.

— И что же нам делать?

— Нужно защититься от него со всех четырех сторон. Иначе нас сметет. Нужно подкрепить ставни. Судя по прогнозу, у нас есть на это весь сегодняшний день.

— Тогда нам хватит времени только на две стороны, максимум на три, — заметила Хелоиз.

Владе нахмурился:

— Давайте займемся южной, восточной и западной.

И они стали закрывать высокие арочные окна. Это было делом непростым, и мало кто занимался им прежде, поэтому Владе пришлось не только руководить процессом, но и обучать людей. Окна на этаже, как в теплицах, полупрозрачные, из слоев графена, что обеспечивало им одновременно прочность и легкость. Занятый делом, Владе посматривал на юг — не видно ли бурю, и переговаривался по браслету с остальными, которые так же усердно выполняли свою часть работы. Он видел, что вокруг во всех небоскребах города сейчас занимались подобным. Что казалось самым уязвимым, так это крытые переходы. Хотя сами они были прочными, их креплениям к зданиям предстояло тяжелое испытание. Помимо того, во время бури могло оторвать, пожалуй, и многие причалы.

Когда сад был полностью закрыт ставнями, Владе озаботился возможной потерей электроэнергии. Батареи были заряжены, генератор заправлен топливом, фотовольтаическая обшивка и краска на здании прочищены, насколько это возможно, а буря, скорее всего, продует их еще.

Так что даже в самый разгар стихии какая-то энергия в здании останется, наряду с приливными турбинами на уровне воды. Все хорошо — но этого недостаточно. Поэтому Владе подключился к конференции, где с местным координатором обсуждался план действий в случае возможных отключений энергии. У кого что имеется, если произойдет серьезный сбой? Сможет ли кто-нибудь подпитать местный узел на углу 29-го и Парк-стейшн, откуда бы тот распространился ко всем нуждающимся?

На самом деле вряд ли. В худшем случае, если местная подстанция выйдет из строя, каждое здание обеспечит себя самостоятельно. Но хотелось бы, чтобы этого не случилось, а если и случится, чтобы ненадолго. Все здания были полуавтономными, по крайней мере в теории, но без дополнительной электроэнергии протянуть могли на удивление мало времени. Придется ходить по лестницам, есть холодную пищу, зажигать свечки, это да, но как быть с канализацией? А с питьевой водой? На это предположительно должно хватить фотовольтаической энергии, равно как и, может быть, на один лифт.

Но это все были проблемы людей, живущих в прочных зданиях, с рейтингом автономности от

восьмидесяти и выше. Район Мэдисон-сквер был в этом отношении благополучным: большинство зданий, особенно входящих в ОВНМ, считались прочными. Но не все. А многие другие районы были куда уязвимее. И когда дело принимало серьезный оборот, приходилось брать под опеку жильцов разрушенных домов — или вылавливать потом трупы из каналов. Это если говорить как есть. Владе, в отличие от других управляющих, не указывал на это вслух — но Нью-Йорк был Нью-Йорком.

«Если умрешь, твое тело сгниет в моей системе водоснабжения, так что будь осторожен! Спасайся как-нибудь!»

Это прямая цитата. Правда, Владе не знал, чья именно. Но могла быть чьей угодно. Он и сам так думал. Как и все остальные.

Выхода нет — только делать свою часть работы, чтобы решить проблему. Как тоже указал кто-то, типа: «Занимайся своим делом, болван».

Вдруг входящий звонок:

— Владе, это Амелия.

Он находился на свином этаже над садом, и там было ветрено, небо на юге выглядело странно зеленым — очень темного оттенка. Владе выглянул из окна и посмотрел на юго-западный горизонт

— ничего. Видимость была слабая — все охватывала пульсирующая тьма. Воздушный транспорт весь исчез.

— Ты где? — спросил он.

— Я за Нарроусом, над Статен-Айлендом.

Он выглянул в ту сторону, но снова ничего не увидел.

— Какого хрена? Почему?

— Я торопилась, как могла! Но совсем не могу двигаться на восток — оттуда идет слишком сильный ветер.

— Черт возьми, Амелия! Ураган должен быть сильный, ты это понимаешь?

— Конечно, понимаю, сама все вижу! Я же в нем!

— Черт. Ладно. Тогда лети на север впереди него. И не пытайся возвращаться сюда. Лети на север.

— Но он меня догонит!

— Верно, догонит. Так что, если сможешь сесть до того, как задует слишком сильно, — садись. Неважно где. Если ситуация для посадки будет неблагоприятная, просто лети на север, пока не утихнет. Сопротивляться не пытайся. И вообще — лети как можно выше. Поднимайся над вихрем, тогда сможешь его оседлать.

— Но я не хочу его оседлать!

— Сейчас неважно, что ты хочешь, девочка. Ты сама поставила себя в такое положение. В этот раз у тебя хотя бы нет медведей на борту. Нет же?

— Владе!

— Я Владе, и что? Вперед!

Он продолжил готовиться дальше. Резервуары с водой наполнены, все фильтры на них новые. Какое-то время они были готовы обеспечить достойное качество воды, наполняясь только за счет дождя и гравитации. Отстойники сточных вод пусты. Батареи заряжены, кладовые заполнены, хотя бы частично. Свечи и фонари. Проверить генераторы, проверить запасы топлива. Загнать и поставить все лодки. Освободить причал; что же касается его защиты — черт с ним. Он подключился к конференции управляющих, где обсуждали причал Флэтайрона. Здесь все придерживались примерно одного мнения: причалам кранты. Лучше всего было привязать их к зданиям тросами, чтобы сделать чуть более подвижными, чем обычно, но не слишком. В надежде, что они будут просто качаться на волнах, но удержатся на месте. Управляющие зданиями на северной стороне бачино понимали, что находились у самого напряженного участка их

маленького прямоугольного бассейна, благодаря чему их причалы могли служить этим зданиям подушками, которые примут на себя удары от детрита, либо превратиться в стенобитные орудия, которые будут применены против южных позиций. И с этим ничего нельзя было поделать — только наблюдать за тем, что произойдет.

* * *

На фотографиях со спутника было видно, что передний фронт урагана «Фёдор» находился в восемнадцати милях южнее Нью-Йорка.

— Давайте уберем с садового этажа все что можно, — сказал Владе своей команде. — Неважно, есть там ставни или нет. Перенесем все поддоны с растениями в больших лифтах, если влезут. Поставим в коридорах внизу. Туда же всю гидропонику.

Айдельба прибыла на своем буксире — уже хорошо. Когда они встали на привязь на 34-м между Метом и Северным зданием, Владе отправил ее команду помогать на садовом этаже. Он всегда стремился к тому, чтобы поддоны были модулярными — в основном для удобства полива, но сейчас это оказалось особенно полезным, так как позволило им отделить их один от другого и

засунуть в грузовой лифт. С капсулами же было легко — они, подобно палаткам, как раз предназначались для перемещения. Больше сложностей возникло с их жильцами.

— Куда мы пойдем? Куда мы пойдем?

— Заткнитесь и пошевеливайтесь. Потом придумаем. Пока идите в столовую. Вещи оставьте возле лифтов.

Коридоры на этажах теперь напоминали садовый магазин, который решил неожиданно закрыться.

— Бляха, — снова и снова повторял Владе. — Уберите это дерьмо, чтобы хоть пройти можно было! Вы о чем вообще думаете?

Спустившись к себе в офис, чтобы проверить погоду и свой список дел, он столкнулся с Айдельбой.

— А где те два мальчика? — спросила Айдельба.

Владе почувствовал, как внутри у него все упало.

— Стефан и Роберто?

— Нет, другие мальчики, за которыми ты должен присматривать.

— Черт, а я откуда знаю?

Она пристально посмотрела на него.

— Не знаю! — воскликнул он. — Я думал, они в здании или где-нибудь поблизости. Они же сами по себе и всегда рядом.

— Не так уж и всегда.

Владе набрал их по браслету, но не получил ответа. Вместе с Айдельбой поднялся в столовую и спросил у Хёкстера, где они. Тот выглядел взволнованным.

— Не знаю, они не отвечают! — ответил он. — Они собирались в Бронкс искать могилу Мелвилла, но должны были вернуться к этому времени.

Все трое переглянулись.

— С ними все будет хорошо, — проговорила Айдельба. — Спрячутся где-нибудь, не дураки.

— Неужели у них нет браслетов?

— Есть один, но они каждый раз снимают его, когда отправляются куда-нибудь, потому что все время разбивают его, а еще для того, чтобы мы их не выследили.

— Черт!

На несколько мгновений воцарилась гнетущая тишина, а потом они вернулись к другим делам, попросив Хёкстера позвонить Эдгардо и еще некоторым знакомым и поспрашивать, не видели ли они мальчиков.

Владе поднялся на верхушку здания и убедился,

что купол надежно закреплен, — при этом ощущая себя угрюмым, как Квазимодо. Мальчики пропали, Амелия летала в бурю на дирижабле. Скорее всего, с ними должно было обойтись, но тем не менее они подвергались опасности — чего не было бы, останься они в здании. Как жаль, что они ушли. Мет был бомбоустойчив и выдержал бы, даже если бы на садовом этаже смело все ставни и начисто выдуло все, что оставалось. Ни в одном другом месте Владе не был настолько уверен — что во всей бухте, что во всем мире. Зданию все было нипочем. Вот только в нем были не все.

Айдельба распознавала его настроение достаточно хорошо, чтобы понять, насколько сильно он волнуется, когда он снова спустился в офис. Она остановилась и коснулась его предплечья.

— Не переживай, — проговорила она. — С ними все будет хорошо.

Он тяжело кивнул. Они оба знали, что это неправда.

* * *

Вскоре сильно потемнело: сверху небо налилось чернотой, снизу все окрасилось в зеленый. Владе поднялся на лифте к куполу, взобрался по спиральной лестнице в помещение для обслужи-

вания дирижаблей, где из узких окон открывался вид с самой высокой точки, что позволял Мет. Там он оказался чуть выше «палочек» — как раз то, что нужно. Над окутанной мглой нижней части города торчали только башня Свободы и Эмпайр-стейт-билдинг. На севере в таком свете чернели сверхнебоскребы аптауна, которые словно соединялись в один готический шпиль, сюрреалистически вытянутый к небу. Хобокен и Бруклин-Хайтс казались одинаково темными и остроконечными.

Из темно-серых туч лил дождь, причем так сильно, что покрывал окна целым слоем воды, за которым лишь смутно просматривался город. Эмпайр-стейт выглядел таким, каким Владе его еще не видел, было непросто понять, что находится перед ним: с южной стороны так лило, что казалось, из туч струится целый водопад. Казалось, самый плотный участок водопада бил по центру южной стороны башни, но на самом деле всю южную сторону заслоняла толща белой воды, и самого здания совершенно не было видно, за исключением верхушки шпиля.

— Ого! — воскликнул Владе. — Господи боже!

Ему хотелось, чтобы кто-то был с ним, чтобы разделить это зрелище, и он даже позвонил

Айдельбе, чтобы та поднялась к нему, но она оказалась чем-то занята внизу.

Ветер объединял в себе низкое рычание и высокий плач, создавая леденящий душу сверхчеловеческий вопль. Ист-Ривер был весь в барашках, а Гудзон представал таким, каким обычно его нельзя было увидеть отсюда, — он тоже весь побелел. Обе реки несли свои воды на юг, словно стремнины. Под собой Владе видел западную половину бачино, которая также вспенилась: волны, несущиеся с юга на север, оставляли на черной воде следы из белых пузырей. Причал на северо-западном углу снова и снова дергался на своей привязи, будто бешеная собака, пытавшаяся сорваться с поводка. Что-то в этой системе грозило вот-вот дать слабину. Видя это, Владе понимал, что многие причалы на Гудзоне скоро должны оторваться. Ветер задувал так сильно, что дочиста вытирал окна, открывая на город четкие виды, которые тут же размывались новыми потоками. Сейчас нужно было видеть южную сторону Эмпайр-стейта, чтобы поверить в то, что происходило, — и все равно это казалось невероятным. Владе хотелось, чтобы тамошний управляющий бросил буре вызов световым шоу на здании: под нынешней стеной воды это выгля-

дело бы потрясающе. Он подумал, что канал 33-й улицы под Эмпайр-стейтом, должно быть, в эти минуты походил на дно Ниагарского водопада. Ни единой лодки или корабля не было видно. Да, это правильно и логично, но в то же время жутковато. Конец света: Нью-Йорк опустел, брошен на откуп стихии, и та завывала в честь торжества своей победы.

Затем освещение купола замерцало и отключилось — Владе выругался и вызвал у себя на браслете панель управления зданием. Но ничего не происходило, пока не заработали генераторы, запрограммированные на включение автоматически. Затем свет снова включился. Но все равно садиться сейчас в лифт не стоило. Поэтому Владе снова выругался и начал долгий и мучительный спуск по ступенькам.

Он спустился по узкой спиральной лестнице купола к большой лестнице вдоль лифта. Генераторы вроде бы работали нормально, все освещалось, и он почувствовал соблазн зайти в лифт и сэкономить время и силы. Но застрять в нем было бы катастрофой, поэтому он не поддался.

Сорок мучительных этажей спустя он оказался в комнате управления, где все было в порядке,

за исключением двух вещей: во-первых, генераторы могли работать только три дня, после чего у них закончится топливо, а во-вторых, если штормовой прилив в Нарроусе, где, судя по данным экрана, уровень воды невероятным образом поднялся на десять футов выше отметки максимального прилива, продлится достаточно долго, то в городе окажется столько воды, что им затопит весь эллинг до потолка и выше. Тогда вода поднимется по лестничным пролетам на этаж над эллингом, где находились многие рабочие помещения, необходимые для наиболее эффективного функционирования здания.

Полностью загерметизировать эллинг со стороны бачино было нельзя, и Владе пообещал себе предусмотреть такую возможность в будущем. А так вода могла проникнуть внутрь под дверью, и эллинг будет наполняться до тех пор, пока не закончится прилив.

— Нужно закрыть эллинг изнутри, и пусть вода прибывает в него сколько хочет, — сказал он Су и остальным в комнате управления. Су тем временем уже собирала вещи в ящики.

Если так сделать, это убережет их от всего, за исключением мелких протечек, но с ними еще можно совладать. Лодки в эллинге поднимут-

ся, потом их немного побьет, в основном друг о дружку. Скорее всего, это не причинит серьезного ущерба.

Так, еще электроэнергия. Владе двинулся дальше по своему списку и отключил все, кроме действительно необходимого, о чем сообщил всем жильцам по внутренней радиосвязи:

— С целью экономии топлива мы отключаем все энергопотребляющие функции, кроме наиболее важных. Районная сеть, судя по всему, будет какое-то время недоступна.

Это сократило потребление примерно до тринадцати процентов от обычного, что очень неплохо. И Владе мог посмотреть с помощью браслета, что происходило на местной подстанции. Это была усиленная система, гибкая сеть; значительную часть энергии здания генерировали самостоятельно, а лишнюю передавали на подстанцию, где та сохранялась с помощью всевозможных маховиков и батарей, а позднее могла быть использована теми, кто нуждается. Само по себе это очень здорово, но нынешний ураган явно собирался проверить систему на прочность. Хорошо, что все необходимое оборудование вынесли из подвалов!

Владе почти полностью отключил отопление,

кондиционеры и освещение, после чего люди стали собираться в столовой и на общем этаже. Конечно, можно было остаться в какой-нибудь комнате и наблюдать за бурей при свете фонарика или свечи, и немало жильцов сообщило, что так и поступят. Но многие спустились, чтобы присоединиться к остальным на общем этаже. Происходящее касалось всех, все это понимали. Возникла опасность, с которой следовало справляться всем вместе; происходило нечто поразительное, что потрясало всех. Окна столовой выходили на юг и на запад, а там по наружным стенам стекала вода и заслоняла обзор, и хотя это вряд ли было так же впечатляюще, как на южной стороне Эмпайр-стейта, все равно создавалось ощущение, будто они сидят в пещере под водопадом. Шум ветра и дождя перекрывал все звуки, и жильцам приходилось громко кричать, чтобы их услышали, и еще громче — чтобы перекричать окружающих, как обычно бывает на вечеринках. Затем Владе почувствовал, что пора ему вернуться в относительный покой комнаты управления.

Но здесь тоже было тревожно, по-своему: тихо, даже странно тихо, при том, что окно между его офисом и эллингом напоминало стенку аквариума. Владе подошел к окну и испуганно поднял

глаза: уровень воды был едва различимый и почти достигал потолка, где уже скопились корпуса лодок с нижних двух ярусов и теперь стучали друг о друга на поверхности. Не самое приятное зрелище, и вода могла просочиться сюда и воспрепятствовать его работе. Вода уже просачивалась под дверью в эллинг — заметив это, Владе выругался и принялся заделывать проем изоляционной пеной, которую часто использовал точно с такой же целью. Позднее ее легко можно убрать с помощью растворителя, но сейчас требовалось все изолировать.

Было тяжело представить, как город мог справиться с такой сильной бурей. Уровень воды, более-менее стабильный в последние сорок лет, несмотря на приливы и отливы, уже стал чем-то привычным, а сейчас оказался существенно превышен. Огромный ущерб был неизбежен. Все мудреные и аккуратные конструкции «первых этажей над водой», служивших ключевой частью «венецификации» города, были обречены. Все входы в подводный мир окажутся перекрыты, а значит, вся кропотливая аэрация пойдет насмарку. Хоть бы люки, что установлены сплошь и рядом, оказались закрыты и не пропустили воду. И еще везде имелись внутренние перегородки,

которые могли ограничить любое наводнение. Но ситуация была опасная, и все, кто оставался внизу, застряли там на время шторма. Хотя, конечно, они могли выбраться через какой-нибудь подводный ход внутри здания. Интересно будет послушать истории об этом, когда всё закончится.

Крытый переход в Северное здание находился с подветренной стороны Мета и, казалось, был достаточно защищен от ветра, чтобы выдержать ураган. И это было счастье, потому что все вырванные ураганом переходы оставляли в здании огромную дыру, в которую затем задувал ветер и попадала вода. Владе хотелось вернуться к куполу башни и посмотреть оттуда на переход, но он чувствовал, что это было бы потаканием своей слабости, не говоря уже о необходимости подниматься на сорок этажей, а потом на столько же спускаться. Наверное, ему стоило включить хотя бы один лифт для тех, кому это реально нужно. Но сперва проверить переход в Северное здание, а заодно и само Северное здание.

Он оставил Су за главную, приказал своей команде звонить ему, если что-то случится, и поднялся по лестнице на шестой этаж, где начинался крытый переход. Там имелась своя входная

камера, вроде шлюза, она способствовала тому, чтобы здание оставалось теплым и сухим. Когда Владе открыл первую дверь, мир взревел. Он почувствовал, что немного боится открывать вторую, ведущую в сам переход, который рассматривал как просто отдельную комнату, длинную и узкую.

Он открыл дверь, и шум только усилился. От этого воя, в котором ощущался некоторый дозвуковой оттенок, у него на шее вздыбились волосы. Он заговорил в свой браслет, чтобы сообщить своим, куда собирался, но не услышал себя. Затем нерешительно вступил в переход. Струящаяся вода заслоняла вид на узкий канал между двумя зданиями, но он видел внизу огромный буксир Айдельбы, все так же привязанный к обоим зданиям. Вроде бы все было в порядке, только буксир теперь находился выше, чем прежде, потому что вода поднялась, и казался больше. Черную поверхность канала изрезали волны, и вода явно не знала, куда ей деваться под давлением порывов, кружащих над каналом; причем это была подветренная сторона, и основная мощь ветра сюда не проходила, но даже так мало не казалось. Нисходящие потоки ударяли по поверхности канала так сильно, что вода разбивалась на брызги,

и те летели во все стороны. Владе чувствовал, как переход вибрировал под ним. Хорошо хоть, что не качался и не шатался: его надежно защищал Мет.

В Северном здании оказалось поспокойнее. Оно стояло с подветренной стороны от Мета и не встречало прямых порывов, а скорее принимало удары по касательной. Тамошние жильцы в большинстве своем сидели в общей комнате и столовой, так как почти во всем остальном здании выключили свет. В Северном здании не имелось эллинга, поэтому не имелось и связанных с эллингом проблем. Роллеты их причала были наглухо закрыты. Все вроде бы хорошо. Поскольку это здание изначально задумывалось выше Эмпайр-стейта, его фундамент обладал неимоверным запасом прочности. Зданию ничего не грозило.

Владе стал возвращаться по переходу. На полпути он остановился, чтобы еще раз осмотреться. Вода в бачино на западе бушевала. Поверхность небольшого прямоугольного озера сильно волновалась, выбрасывая белую пену в сторону севера. Саму воду увидеть было невозможно: воздух заполняли белые брызги. Однако в редких просветах становилось заметно, что уровень бачино уже

гораздо выше нормы. Рев стоял колоссальный. Охваченный страхом — и благоговением, — Владе вернулся в Мет.

Теперь оставалось только смириться с мыслью, что предстоящее станет для жильцов Мета испытанием на выносливость. У них было ограниченное количество еды, электроэнергии, питьевой воды и канализационного пространства. Наименее пополняемыми были запасы еды, но у них имелись сушеные, консервированные и замороженные припасы, а фотовольтаическая энергия обеспечивала надежную работу холодильников. Так что каким-никаким потенциалом сопротивляемости внешним условиям они обладали. Но буря могла продолжаться еще долго. И последствия могли оказаться тяжелыми. Владе немного посидел над своими электронными таблицами, прорабатывая возможные сценарии с применением диаграмм Ганта. Как выяснилось, можно спокойно продержаться около недели. А если бы удалось поставить еще немного энергии с местной подстанции, это продлило бы срок комфортного существования. Сеть энергоузлов в районе была достаточно надежной. Владе стал проверять, как там обстояло дело. 28-я подстанция по-прежнему подключена к сво-

им потребителям в районе, а также к крупным станциям к северу от города. Сейчас уже искали точку разрыва, после чего нужно было выехать и починить, если получится. Говорили, это займет какое-то время. Ну еще бы!

Остальные здания в районе были более-менее в порядке, но один из слоновых переходов между Деккер-билдинг и Новой школой рухнул на перекресток Пятой авеню и 14-й улицы, отчего в обоих зданиях теперь зияли дыры, как и предполагал Владе. И это был лишь один из дюжины переходов, вырванных только в Нижнем Манхэттене. Слоновым переходам приходилось тяжелее, чем ладейным; ладейным, направленным с севера на юг, — тяжелее, чем направленным с запада на восток, из-за направленности ветра. Если переходы отрывались только с одного конца, то обрушивались на здание там, где еще были с ним соединены, разбивая окна и так далее. Впрочем, окна и без того часто разбивались — их просто сдувало ветром. На верхушке Эмпайр-стейта всего полчаса назад зафиксировали порыв в 164 мили в час; с одного из сверхнебоскребов в аптауне с «игольным ушком» — какие устраивались специально для снижения напора ветра — на верхушке сообщили о ветре со скоростью

190 миль в час. Средняя же скорость над Манхэттеном сейчас, по данным Национального управления, составляла 130 миль в час.

— Невероятно, — проговорил Владе, когда это увидел.

Однажды он испытал на себе силу ветра — его скорость достигла сотни, и это тоже было во время урагана. Владе тогда исполнилось двадцать четыре, и он поехал с друзьями посмотреть на ураган. Дело было на Лонг-Айленде, и их буквально сбило с ног на песок на Джонс-бич. Они, смеясь, поползли обратно, пока один из ребят, Оскар, не сломал руку, после чего стало уже не так смешно, но все равно это было приключением, веселой историей, которую еще долго пересказывали. Но 130? 164? В такое верилось с трудом.

Пропало подключение к облаку. Это было сопоставимо с потерей шестого чувства — чувства, которым они пользовались чаще, чем обонянием, вкусом или осязанием. Теперь местные общались только по радио или посредством проводного соединения. Также по радиосвязи передавалось изображение с некоторых видовых камер. Но на них всех было одно и то же. Струилась вода, хлестал дождь. Одна камера с видом на Гудзон вовсе изумляла: волны бились

о бетонный причал в Челси, а потом огромные массы воды выстреливали вертикально в воздух и тут же уносились на север. Причалы и слабо закрепленные лодки уносило вверх по течению — одни тонули, другие опрокидывались, третьи бились обо что-то, но пока держались, пусть и были обречены. Оторванные плавучие причалы походили на заблудившиеся баржи или гигантские поддоны. Владе задумался о том, как дела в Бруклине, но проверять его не стал. Все, что находилось по другую сторону рек, сейчас было все равно что другим миром. Казалось вполне реальным, что все, что находится в Нью-Йоркской бухте на плаву, вот-вот затонет или будет унесено вверх по реке. Новый пляж Айдельбы на Кони-Айленде наверняка уже был под водой, а значит, новый песок либо оставался внизу и дожидался, пока уровень воды снова спадет, либо был подхвачен наступающими волнами и унесен далеко на север, в Бруклин. Ну что ж, не самая страшная потеря на самом деле. Просто очередное проявление бури.

Саму Айдельбу это вроде бы не заботило.

— Столько животных погибнет, — проговорила она. И конечно, они оба тут же вспомнили о Стефане и Роберто. Переглянулись, но ничего

не сказали.

Позднее, когда они остались наедине, Владе признался:

— Мне было бы гораздо легче, если бы я знал, где они.

— Знаю. Но они могли найти укрытие. Они это умеют.

— Если только буря не застала их врасплох.

— Большинство укрытий, где они могли спрятаться, наверняка достаточно высокие.

Не факт, что оно так и было.

— Роберто не очень хорошо умеет оценивать риски, — заметил Владе.

— Будем надеяться, что эта буря вселила в него страх божий, — сказала Айдельба.

— Или Стефан не даст ему выкинуть какую-нибудь глупость.

Айдельба дотронулась рукой до его предплечья. Владе испустил вздох. Она не прикасалась к нему уже шестнадцать лет.

* * *

Шли часы, буря все завывала и завывала. Владе какое-то время поискал способы сократить расход энергии, не вызывая неудобств для людей. Несколько раз прошелся по зданию, а на закате

еще раз забрался в башню, чтобы осмотреться. Было уже темно — либо он поднялся слишком поздно, либо такая картина стояла весь день, что тоже было вполне возможно. Большой город теперь являл собой скопление прямых теней, сопротивляющихся порывам ветра и дождя. Южная сторона Эмпайр-стейта больше не выглядела единой белой стеной воды, но все равно смотрелась дико: брызги мчались по ее центральному желобу и тут же разлетались на ветру. На западе небо было не светлее, чем на востоке, — как через час после заката, хотя на самом деле еще был час до. Тем не менее день уже иссяк. И вообще в этот день много света не было. По радио кто-то сказал, что где-то посреди этой ночи должен пройти глаз бури. Интересно было бы посмотреть на это с башни. Если глаз пройдет над центром Нью-Йоркской бухты, то бухта и глаз могут оказаться примерно одного размера. Владе хотелось сюда вернуться и посмотреть, каково это будет. Он думал, нельзя ли включать один лифт два раза за час — только чтобы прийти посмотреть и потом вернуться. Неплохо ведь было бы не мучиться ради этого, поднимаясь по лестнице. А спускаться вниз еще тяжелее и болезненнее. Вдруг он ощутил накатившую усталость, очень сильную усталость, и

ему захотелось лечь и поспать прямо здесь.

Но затем к нему поднялась Айдельба и отвела Владе в его офис. Она легла спать на диване, а он сразу же отключился у себя в комнате. Он чувствовал, что благодарен ей. Шестнадцать лет, думал он, засыпая. А то, может быть, и все семнадцать.

* * *

Эпицентр бури действительно прошел ночью. В этот момент наступило классическое затишье — даже со своей кровати Владе слышал, что привычный фоновый шум пропал. Давление упало до предела: старый барометр Владе показывал 26,2. Прилив вроде бы немного усилился, когда пришел глаз бури, но что послужило тому причиной, непонятно.

Ночью снова появились облака, а на рассвете Национальное управление сообщило, что скоро приблизится вторая сторона урагана. Ветер теперь ожидался с юго-запада, причем самый сильный вначале, когда будет уходить глаз бури. Владе и Айдельба встали и взобрались по лестнице на башню, чтобы посмотреть оттуда.

На восходе солнце сияло из просвета между землей и облаком, напоминая взрыв атомной бомбы.

Затем оно поднялось, скрывшись за низкими облаками, и наступил день, такой же темный, как предыдущий. Ветры быстро набирали силу, только на этот раз они шли с Гудзона. Казалось, это была последняя капля, потому что здания уже рушились в каналы по всему Нижнему Манхэттену. По радио сообщали, что их жители пытались спрятаться в крытых переходах и на платформах или, кутаясь в спасательные жилеты, цеплялись за обломки в воде и верхушки соседних крыш. Некоторые тонули, пытаясь доплыть до убежища.

— Черт, — выругалась Айдельба, слушая канал береговой охраны. — Нам нужно что-то делать.

Владе, весь сосредоточенный на проблемах Мета, поразился мысли, что что-то можно было сделать.

— Например?

— Можно плавать по каналам на буксире и отвозить людей в больницы или вроде того. Либо здесь, либо в Центральном парке.

— Черт, Айдельба. Там же черт-те что творится.

— Я знаю, но буксир у меня что кремень. Даже если утонет, все равно будет торчать из воды.

— Не при таком приливе.

— Ну, значит, не утонет. А если плавать в сред-

ней части каналов, то получится переместить очень много людей. Просто стать гигантским вапо.

Владе вздохнул. Он знал, что Айдельба не откажется от идеи, если та уже пришла ей в голову.

— Давай возьмем твоих ребят. Ты уверена, что они пойдут?

— Да, черт возьми.

Они разбудили Табо и Абдула, которые сказали, что как раз думали, что Айдельба вот-вот это предложит. Затем они спустились к служебной двери под крытым переходом в Северное здание, откуда можно было выйти точно над поверхностью воды, все еще на пятнадцать-двадцать футов превышавшей высоту при максимальном приливе. Айдельба со своей командой потянула за тросы со стороны запада, пока буксир не повернулся в канале боком, после чего они смогли запрыгнуть на его нос и подняться на мостик.

За ту минуту, что они пробыли под дождем, они успели промокнуть до нитки. К тому же грохот под открытым небом стоял невероятный. Они не слышали друг друга, даже когда кричали друг другу в уши, пока не забрались на мостик и не закрылись внутри. И даже открыть и закрыть дверь мостика стоило неимоверных усилий и

было осуществимо лишь благодаря тому, что они находились между двумя крупными зданиями. Зато когда все были внутри и закрыли дверь, можно было снова общаться, крича. Табо включил двигатели, и все почувствовали, как те завибрировали, хотя никто и не мог услышать их шум.

Итак, они вышли в бурю. Только вести по каналам такое широкое и протяженное судно, как этот буксир, было очень трудно. Это было возможно только благодаря наличию нескольких двигателей и винтов по обоим бортам судна, а также рулей, которые позволяли прибавлять ход в любых направлениях и с любой из сторон буксира. Хватит ли этого, чтобы противостоять ветру и волнам, можно было узнать только в процессе.

* * *

Оказавшись в пустом Мэдисон-бачино, они повернули на юг, что стоило Айдельбе и ее команде немалых усилий: включения моторов на полную мощность, выворачивания рулей и перекрикиваний на берберском. Волны уносили их на север, и они врезались бы кормой в один из причалов с северной стороны бачино, но причалов там больше не было. Когда же они выбрались в канал,

то ветер, казалось, дул уже с юга.

Плыть четко по ветру было легче, чем поворачивать поперек ему, так что они пересекли бассейн и снова повернули налево и, двигаясь со скоростью не более пяти миль в час, прошли по 23-му каналу на восток.

Им на руку играло два обстоятельства, которые, однако, по мнению Владе, казались довольно неожиданными. Во-первых, каналы были настолько узкими и мелкими, что вода в них могла донимать их лишь брызгами и пеной, но никак не большими волнами. Волны, по сути, сдувало или разбивало, прежде чем те поднимались. Во-вторых же, течение шло по каналам прямо, как сама манхэттенская электросеть. На авеню, которые они пересекли, было сильное южное течение, а в направленных с востока на запад улицах — либо западное, либо никакого, только кружение на месте. Справиться с подобным буксиру было по силам.

Судно продвигалось по этой бурной воде, словно гиппопотам или бронтозавр, разрезая ее, при этом само практически не раскачиваясь. Ветер воздействовал на буксир заметнее, чем вода, но, пока они шли на восток или на запад, здания защищали их, а когда на юг или на север — то

они либо двигались точно навстречу ветру, либо были подгоняемы им. Таким образом, они ощущали толчки, которые доставляли хлопот только в момент поворота на перекрестках. И каждый из этих поворотов становился настоящим испытанием и сопровождался перекрикиваниями на берберском. Требовалась вся мощь бортовых сопел, чтобы нос не уводило на север, когда они пытались попасть в канал авеню: приходилось включать на максимум и носовое, и кормовое сопла в противоположных направлениях, чтобы заставить буксир выполнить поворот. Несколько раз они задевали бортом здания, иногда довольно сильно, но в этих случаях буксир просто отплывал на середину канала, и они двигались дальше.

— Ты можешь выйти и помочь ребятам на борту? — спросила у Владе Айдельба.

Владе кивнул, сделал глубокий вдох и вышел с мостика через дверь со стороны севера. И, мгновенно промокнув, перестал слышать все, кроме самой бури. Он не мог расслышать даже собственных мыслей, хотя прежде ему казалось, что такого и быть не может. Поэтому он перестал даже пытаться думать, но перед этим крепко обвязал вокруг пояса ремень, что дала ему Айдельба. Тот был на карабине и соединялся с веревкой, привя-

занной к ушку в передней части рулевой рубки, так что сам Владе оказался привязан к буксиру, как альпинист или верхолаз на башне.

Когда они вошли в Ист-Вилладж, то увидели картину разрушения города так живо, как еще не видели прежде. Небоскребы Уолл-стрит были в порядке и, может, даже давали некоторую защиту лежащим ниже районам. Но меньшие и более старые здания к северу и востоку от даунтауна, между кружащими ветрами и штормовым приливом, пострадали серьезно. Все происходило так, как о подобном рассказывали по радио и как сами они не раз видели в облаке: здания рушились на глазах.

Люди были в отчаянии. Пока буксир проходил по Второй авеню, они махали Владе из разбитых окон и даже просто лежали на плоских крышах. Владе указывал путь — левее, правее, — а Айдельба со своими ребятами подводила буксир к зданиям, и люди запрыгивали на борт, иногда с высоты в десять и более футов, отчего многие, конечно, травмировались. Часто они, выбираясь из разбитых окон, поднимались по бортовым ступенькам проходящего мимо буксира. Случалось, перебирались с импровизированных плотов, приносимых по воде с подветренной стороны.

Все эти беженцы промокли и продрогли, многие истекали кровью. У некоторых были явные переломы, у других — порезы и синяки. Многие находились в шоке. Это была тяжелая ночь, а день до этого — того хуже, и сейчас буксир представлялся им первой возможностью добраться до укрытия.

Палуба на буксире была открытая, но Владе запускал людей под высокий гакаборт, а тех, кто пребывал в наихудшем состоянии, отправлял в каюты под мостиком, хотя ему и не нравилось постоянно открывать двери. Спустя какое-то время он поднялся к мостику, дернул дверь с подветренной стороны и громко захлопнул ее за собой.

— Ближайшая отсюда больница — это Белвью, — прокричал он Айдельбе, хотя такая громкость уже не была необходима.

— А больница Центрального парка что?

— Нет! Там нельзя высадить людей — уличные причалы наверняка разрушены.

— Тогда куда?

— Больница Белвью на углу 26-го и Первой авеню, — ответил Владе.

— Белвью? Разве она не психиатрическая?

— Ну, университетская аж на углу 32-го и Парк-авеню.

— Идем туда.

— Тех, кто не ранен, мы можем просто отвезти в Мет или в любое другое прочное здание, которое их примет. Можем ходить прямоугольным маршрутом, как вапо.

— Хорошо.

Владе снова бросился в бой. Пройдя всего десять кварталов на восток по Хьюстон-стрит, они подобрали человек двести, которые теперь все вместе ютились на палубе буксира. Айдельбе и ее людям удалось выполнить особенно трудный поворот налево на перекрестке Хьюстон и авеню Си, полностью открытых ветрам; они втроем напряженно занимались гребными винтами, стараясь с их помощью повернуть судно так, чтобы его не унесло слишком далеко в Хамилтон-Фишбачино. Проделав это, они, следуя направлению ветра и течения, двинулись по Си к 14-му каналу, снова свернули налево и поплыли навстречу ветру к Парк-авеню, после чего свернули направо и прогромыхали к 32-му, где находился госпиталь Нью-Йоркского университета. Тот выглядел таким же переполненным, как их буксир, но принял всех раненых через северное окно четвертого этажа, которое выбили специально для этой цели, так как теперь уровень воды находился

именно там и принять людей иным способом было невозможно. Прилив представлял собой большую проблему, которая вдобавок существенно усугубляла все прочие проблемы. Это была то ли демонстрация того, что случится при Третьем толчке, то ли кошмарная ретроспектива того, что происходило полвека назад. Наверное, именно так всё и будет выглядеть или выглядело так когда-то: первый этаж затоплен, вся прилегающая к зданию территория разорена.

Затем они пошли вдоль 32-го к Мэдисон, где, еще раз рискуя, свернули налево, и после этого оставалось трудное, но уверенное движение навстречу ветру. Они вернулись к своему зданию, откуда было легче вывернуть налево к 24-му, и остановились под служебным входом, который ранее использовали, чтобы перейти на судно. Владе сообщил своим о прибытии, и многие жильцы Мета вышли помочь оставшимся пассажирам перебраться в здание. Когда «Сизиф» опустел, Айдельба снова вывела его навстречу буре.

— Нам хватит топлива на пять ходок! — крикнула она Владе, когда тот взошел на мостик.

Первый круг занял у них около трех часов, а значит, топлива хватит до следующего дня.

Владе задумался, останутся ли к тому времени топливные склады. И что люди станут делать, когда закончатся запасы? Ведь без электроэнергии зарядить батареи не получится.

Итак, к руинам Стэвисента. В Питер-Купер-Виллидж буксир пройти не мог: в узкие каналы рухнуло слишком много старых высоток. При этом даже в самых крупных каналах они не раз задевали днищем груды каких-то обломков, после чего приходилось возвращаться назад и искать другой путь. Но куда бы они ни подались, везде находили людей, отчаянно нуждавшихся в помощи. Так буксир преодолел более-менее прямоугольный маршрут и снова оказался заполнен.

Среди упавших в грязную воду предметов и выброшенных грузов теперь попадались мертвые тела, как людей, так и животных — енотов, койотов, оленей, дикобразов, опоссумов. Нижний Манхэттен служил для этих зверей средой обитания.

— Черт, прямо как прорыв стены Бьярке, про который нам рассказывал Хёкстер, — сказал Владе, не обращаясь ни к кому конкретно и лишь глядя на вспененную воду. — Город тонет в мусоре!

В этот момент он находился на мостике, но его

все равно никто не слышал — даже он сам. Либо никто не удосужился ответить. Айдельба сосредоточилась на управлении судном и зданиях, которые они миновали. То, что ей показывали сонар и радар, было важнее, чем то, что плавало у поверхности.

— Собирай, что сможешь, — сказала она чуть позже, и он понял, что она все слышала. — Потом разберутся.

Владе сумел лишь кивнуть и выйти наружу — помогать людям забираться на борт и уводить раненых в каюты.

Пока находился на носовой палубе, крепко держась сам и затаскивая людей из окон домов, Владе заметил двух мужчин, которые подплывали на куске навеса справа от ряда зданий. Если бы они встали на своем плотике, им едва хватило бы высоты, чтобы достать до Владе, который мог подхватить их и затащить на борт. Поняв это, они поднялись. Буксир направлялся на запад по 29-му каналу и вот-вот собирался повернуть на Лексингтон-авеню, поэтому Айдельба уже набирала скорость, подаваясь вправо, чтобы получить возможность выполнить левый поворот. И как только Владе нагнулся, чтобы ухватить протянутые руки мужчин, слева в буксир врезалась

большая волна — вероятно, поднявшаяся после падения дома, в любом случае достаточно массивная. Из-за этого буксир впечатался в угловое здание, с различимым ударом прибив обоих мужчин к стене. Буксир прижался к зданию, и Владе, едва успевший выровняться, чтобы самому не пострадать при столкновении, поднял взгляд на Айдельбу, отчаянно замахал руками и закричал ей, чтобы поворачивала налево. Сквозь лобовое стекло мостика Владе увидел, что она тоже за всем этим наблюдала и теперь пыталась выкрутить руль, чтобы выполнить поворот. Сам он ощущал, как вибрировали, сопротивляясь ветру, судовые двигатели.

Наконец, буксир оторвался от стены, вода хлынула в расширяющуюся щель между ним и зданием. Владе посмотрел вниз: мужчин там уже не было. Он удивился, что не увидел плавающих в воде раздавленных тел, но тем не менее — ничего. Только две кровавые полосы на стене здания, прямо над хлюпающими волнами. Владе подумалось, что тела, когда им из легких выдавило воздух, вероятно, потеряли плавучесть настолько, что утонули, будто камни. Судя по всему. Во всяком случае, от них не осталось ни следа. Только эти пятна крови.

Владе отвернулся. Он перегнулся через носовой борт, его вырвало. Затем, оправившись, он поднял взгляд на Айдельбу. Та испуганно смотрела на него, безмолвно спрашивая, что случилось и не нужно ли остановить буксир. Он отрицательно покачал головой и указал на юг. «Вперед!» — будто прокричал он и махнул рукой, давая ей знак поворачивать влево и идти по Лексингтон-авеню. «А что с теми мужчинами?» — казалось, спросила она, указывая рукой и шевеля губами. Он снова покачал головой, мысленно проговорив: «Там некого спасать». Айдельба, поняв это по его лицу, отвела взгляд. Через несколько секунд двигатели снова заработали, буксир повернул влево и двинулся на юг, навстречу ветру и волнам. Айдельба смотрела на даунтаун, ее лицо не выражало ничего.

* * *

За остаток дня им удалось выполнить еще три ходки. Затем опустилась темнота, и все согласились с тем, что выходить в канал стало чересчур опасно. Но когда они двинулись обратно к Мету, ветер утих — как прикинул Владе, где-то до тридцати миль в час. Тогда Айдельба решила, что нужно продолжать, и включила сверхмощные

ночные фонари, которые тут же, словно сварочная горелка, высветили все, что находилось в непосредственной близости от буксира. В этом дивном свете они сделали еще две ходки, после чего топливо подошло к концу. Вот только число нуждающихся в помощи не уменьшалось. Они высаживали раненых в госпитале Нью-Йоркского университета, пока тот не начал трещать по швам, после чего отправились в больницу Тиш на Первой авеню, а при следующей ходке — в Белвью. В чем-то это было даже удобнее: маршрут оказался короче, и они сэкономили немного топлива и времени.

К моменту, когда стали закругляться, они, по расчетам Владе, переместили пару тысяч человек в больницы и еще тысячу — в Мет. Места для такого количества людей в здании хватало — до тех пор, конечно, пока им не понадобятся кровати.

А в ту ночь было достаточно хотя бы сухого пола. Жильцы выносили лишние одеяла и помогали чем могли. Еды и воды, конечно, надолго хватить не могло, но это ожидало всех и везде, поэтому не оставалось ничего, кроме как предоставить людям убежище и следить за тем, что случится дальше. Кто-то говорил, что лагерь для пострадавших разбит в Центральном парке и

там находили прибежище многие из тех, кто лишился жилья. Нужно было просто найти место повыше уровня этого штормового прилива и дождаться, когда утихнет буря.

— Черт, знать бы, куда мальчишки ушли, — сказал Владе, засыпая у себя на кровати.

Айдельба устроилась на диване у него в офисе.

— С ними все будет хорошо, — проговорила она отрешенно.

Редко когда Владе чувствовал такую сильную усталость, а Айдельба, насколько он мог судить, уснула, едва улегшись, с мокрыми волосами, как была.

И Владе отключился.

* * *

На следующий день было еще ветрено и шел сильный дождь, временами проливной, но в пределах обычной летней бури. Было мокро и прохладно, но по сравнению с двумя предыдущими днями не так опасно и гораздо светлее. Темно-серое небо сменилось светло-серым. И прилив, несмотря на то, что на рассвете уровень воды стоял еще максимальный, больше не был штормовым. Теперь уровень всего на пару футов превышал прежний обычный максимум.

Сливные отверстия на зданиях вокруг Мэдисон-сквер были забиты листьями и грязью гораздо сильнее, чем обычно. Прибывшая вода, вероятно, уже вышла через Нарроус и Врата ада в пролив Лонг-Айленд. Сила отлива там, наверное, была убойная.

Владе, вновь получивший возможность войти в свой эллинг, распечатал дверь и принялся разбирать беспорядок, воцарившийся после того, как все лодки всплыли одна над другой, а кое-где оказались раздавлены о потолок. Во многие залилась вода, но что с того? Ее можно было откачать, а сами лодки высушить.

Работа в эллинге отняла полдня, после чего Владе смог выйти на служебной моторке и осмотреть снаружи здание и прилегающую территорию. Каналы были всюду забиты какими-то обломками и мусором — город разваливался по кускам, и те теперь плавали в воде. Люди начали выходить на своих лодках, хотя вапо еще не пустили. Полицейские патрули носились то тут, то там, приказывая другим уйти с дороги и останавливаясь, чтобы подобрать тела людей и животных. Владе понимал, что горожан ждали серьезные проблемы со здоровьем: уже вернулось тепло и появление холеры было более чем вероятно.

Дождь, который шел в этот день, в этом смысле был только на пользу. И чем больше пройдет времени, прежде чем солнце осветит воду и нагреет последствия урагана, тем лучше.

Буксир Айдельбы теперь служил пассажирским паромом, перевозившим людей по Парк-авеню в Центральный парк, где установили самодельные причалы, к которым уже выстроились очереди из лодок, преимущественно желавших высадить жителей даунтауна. Состояние Центрального парка, которое они мельком видели, проплывая по Парк-авеню, удручало: казалось, будто все деревья, что там росли, погибли. Пока это не было насущной проблемой, но вид создавало ужасный. Они вернулись в Мет и забрали оттуда последнюю партию беженцев. При этом пришлось переубедить случайных протестующих, сказав, что здание переполнено, а в Центральном парке теперь им будет лучше, там можно найти укрытие и получить статус беженца.

— Кроме того, у нас закончилась еда, — сказал им Владе, что действительно было недалеко от истины. И такое печальное обстоятельство помогло уговорить людей сесть на борт.

Инспектор Джен работала с самого начала бу-

ри, а прошлой ночью вернулась на патрульном катере, чтобы переодеться и пару часов поспать. Ее просили приехать в Центральный парк, где она снова была нужна своим подчиненным.

— Охотно верю, — сказала Айдельба. — Скоро ньюйоркцы, наверное, против вас взбунтуются, да?

— Пока до этого не дошло, — ответила инспектор.

— Да, но ведь идет дождь. Они просто еще не могут протестовать. Как прекратится — начнут.

— Наверное. Но пока все хорошо.

Владе никогда еще не видел инспектора такой изнуренной, как сейчас. Сколько ей было? Сорок пять? Пятьдесят? Примерно одного возраста с ним, заключил он. Работа в полиции — та еще морока, даже если ты инспектор.

— Вам бы поторопиться, — заметил он ей. — Ехать неблизко.

Она кивнула.

— Как наше здание?

— Выстояло, все хорошо, — ответил Владе. — Я пока не успел его как следует проверить, но ничего сильно страшного тоже не видел.

— Ставни в садах выдержали?

— Ох, Иисусе! — воскликнул Владе. — Даже

не знаю.

Высадив инспектора и последних своих беженцев — часть их была им признательна, а часть уже сосредоточена на своих следующих проблемах, — они развернулись и направились обратно к зданию. Когда Айдельба высадила Владе, он со всех ног бросился вверх по лестнице, поднялся, запыхавшись, на садовый этаж и толкнул дверь.

— Вот черт!

Все было разнесено вдребезги. Лишь считаные ставни остались на месте — по иронии, на южной стене; все прочие оторвались и валялись среди гидропонных рядов, сломанных растений, перевернутых ящиков и так далее. Массивные стальные столбы по четырем углам и через каждые двадцать пять футов вдоль стен проявили всю свою силу; от лифта осталась только центральная шахта. Деревянные ящики с почвой, которые были привинчены к полу, были на месте, остальные опрокинуты либо сметены к перилам на северной стороне, а все, что находилось внутри, высыпано.

К счастью, они успели перенести на этаж ниже примерно половину ящиков с растениями. Но в остальном придется все начинать с нуля, очень некстати с точки зрения продовольственной

самодостаточности, ведь было уже двадцать седьмое июня. Не то чтобы здание считалось когда-либо полностью самодостаточным — сады всегда давали лишь скромную часть потребляемых продуктов, от пятнадцати процентов летом до пяти зимой, — но этим летом нельзя было рассчитывать и на это.

Ну ничего! Хорошо хоть здание выстояло. И, насколько знал Владе, никто внутри не умер. А этаж для животных выдержал бурю не хуже остальных этажей, так что с животными все было в порядке. Если еще Роберто со Стефаном вернутся живыми и здоровыми, то и вообще чудно. Иными словами, разорение садов было совершенно не критичным.

Владе вернулся в общую комнату и поделился новостями. Какое-то время он провел там за разогретым рагу и размышлениями. А потом разыскал задиру-финансиста Гэрра.

— Слышишь, когда дождь закончится, — обратился к нему Владе, — сможешь взять свою лодку и поискать мальчишек?

— Что? — воскликнул Франклин. — Их все это время не было?

— Не было, буря застала их где-то снаружи. И браслет они оставили здесь, поэтому отследить

их мы не можем.

— Замечательно.

— Ну а ты их знаешь. Короче, Гордон Хёкстер говорит, что они собирались в Бронкс, хотели попытаться выкрасть надгробие Мелвилла.

— Черт возьми! В Бронксе все, наверное, вверх дном.

— Как всегда. Но если они где-нибудь там укрылись, то должны быть в порядке. Я за них волнуюсь. Наверняка они не брали с собой ни еды, ни воды. И теплой одежды, если на то пошло.

— Черт возьми!

— Так поедешь? Я бы сам съездил, но мне нужно здесь попроверять кое-чего.

— Я тоже занят! — вскричал Франклин. Но, увидев взгляд Владе, смягчился: — Ладно, ладно, я их поищу. Не будем же мы нарушать традицию?

Б) Инспектор Джен

Вся жизнь есть эксперимент.

Оливер Уэнделл Холмс-младший

Джен получила звонок, как и все офицеры полиции Нью-Йорка и прилегающих территорий: чрезвычайная ситуация, свистать всех наверх. Ей приказали оставаться в непосредственной близости на протяжении бури. Впрочем, выбора у нее не было: штормовой прилив не позволял далеко уехать. А на следующий день после того, как ураган прошел, руководство направило ее в Центральный парк, где она села на большое патрульное судно водной полиции, которое следовало к приливному причалу на Шестой авеню.

Штормовой прилив, как рассказал лоцман патрульного судна, поднялся аж до юго-восточной окраины парка, а волны бушевали такие, что вода попадала в Пруд и доходила до катка Уолман-Ринк. Чуть западнее снесло причал Шестой авеню — протяженное сооружение, которое в зависимости от прилива держалось на поверхности либо лежало на авеню, — и его теперь требовалось вернуть на место, к верхней границе

межприливья, и установить, чтобы он снова смог подниматься и опускаться, как раньше. Лодки снова причаливали к его южному концу и выгружали людей и продукты, которые затем перемещались на север, то есть на сушу. Потребность в этом причале была так велика, что судну, на котором прибыла Джен, пришлось сначала ждать в очереди, а потом в спешке высаживать пассажиров.

Пройдя в Центральный парк, Джен поразилась тому, что ей предстало. Во-первых, люди: парк был ими забит, она еще никогда не видела такого скопления народу. Во-вторых, они все стояли на чем-то наподобие открытого поля. Без деревьев. То есть деревья-то были, но они лежали на земле. Все. Бóльшая часть упала в сторону севера либо со сломанными стволами, либо вырванными из земли, с грязными корнями, обращенными на юг, словно растопыренные руки. Некоторые стволы выдержали, но были повреждены выше — сломаны или расщеплены. Они выстояли, пусть и превратились в бесполезные столбы, торчащие посреди опавших листьев.

Без живых деревьев парк выглядел уже не столь приятным укрытием, но выбирать не приходилось, поэтому люди стекались сюда. Некоторые,

кто не был ранен и не знал, чем заняться, начали собирать сломанные ветки и сваливать их в кучи. Влажный воздух наполнял запах сорванных листьев и расщепленной древесины. Эта уборка сама по себе была опасным мероприятием: земля подтоплена, а павшие деревья и ветки тяжелые, и это провоцировало новые травмы. Джен выслушала офицеров, прибывших ранее, и согласилась с ними в том, что первым делом нужно призвать тех, кто занимался уборкой, позаботиться о собственной безопасности и прекратить расчистку парка. Но группы этих людей, переживших бурю и разорение парка, собирались стихийно и были исполнены энергии. Поэтому не все из них любезничали с полицейскими, которые пытались подавить или даже взять под свой контроль их деятельность. Это были настоящие ньюйоркцы, и чтобы уговорить их не подвергать себя опасности, требовались солидные дипломатические навыки.

— У нас и так много раненых, — повторяла Джен снова и снова. — Пожалуйста, не нужно делать так, чтобы их становилось еще больше.

Потом она сама подставляла плечо под ветку, если в этом была необходимость и для нее находилось место, либо переходила к следующей

кучке работающих, чтобы предупредить их, либо подсаживалась к выжившим, чтобы спросить, как те себя чувствуют.

При виде людей, которые сохраняли спокойствие и не нуждались в чьем-либо руководстве, становилось тепло на душе. Прежде Джен слышала о подобной взаимопомощи и наведении порядка силами граждан, сама периодически видела такое в меньшем масштабе, но никогда не наблюдала такой грандиозной, согласованной и бескорыстной деятельности, какая сейчас происходила в Центральном парке, куда, создавалось впечатление, стеклось все население города. Это говорило о том, что основные городские службы не справлялись с последствиями урагана. Нигде поблизости не было достаточно воды, туалетов, еды. В парковые туалеты тянулись очереди, канализационные коллекторы вот-вот должны были заполниться, тем более что они забились из-за прилива. Самому парку предстояло превратиться в туалет. Проблемы грозили быстро нарасти и вызывать неудобства на неделю, а то и дольше, в зависимости от того, как будет оказываться помощь.

Помимо этих очевидных трудностей, нужно было еще прийти в себя и не поддаваться эмо-

циям, глядя на уничтоженный парк. Остальная часть города, вероятно, пострадала не меньше, но видеть когда-то красивые деревья без листьев, сломанными или поваленными — такое приводило в шок. Восстанавливать город придется с чистого листа. Сейчас же окружающее выглядело так, будто откуда-то с юга прилетела бомба и ударная волна повалила все без единого языка пламени.

Погибло много диких зверей, их тела следовало уничтожить как можно скорее. Пока их сложили в груду рядом с одной из гигантских куч сломанных веток. Продолжали поступать и раненые — их уводили или уносили на станции медицинской помощи. Желающих помочь с носилками оказалось немало — многие маялись, пытаясь найти дело. Но как быть с водой? А с туалетами? И едой?

Джен связалась по браслету с управлением, чтобы запросить то же, что запрашивали и все остальные полицейские.

— Мы знаем, — повторяли там.

— Федералы приедут? — спросила Джен.

— Говорят, да.

Джен отошла к катку Уолман-Ринк, куда, пожалуй, можно было посадить даже самый большой

вертолет. Каток тоже затопило, что само по себе было поразительно, но сейчас вода уже сошла и осталась только мутная, но неглубокая лужа. Хотя теперь, когда не осталось деревьев, вертолет можно посадить куда угодно — нужно только сначала все очистить. Дирижабли можно привязать к высоткам в Колумбус-Сёркл, да и вокруг всего парка. То, что появилось столько места для воздушных судов, было очень кстати — ведь все мосты на острове вышли из строя. Мост Джорджа Вашингтона устоял, но дамбу к западу от него, что пересекала Мидоулендс, затопило. И на какое-то время Манхэттен снова стал настоящим островом.

Проблема с водой решалась, если доставить один-два вертолета с компактными фильтрами. Последние бывали кухонными либо индивидуальными и позволяли пить или использовать для приготовления пищи воду, взятую из парковых прудов и даже рек. Эти фильтры были настоящим чудом. Запасы еды имелись в ресторанах, магазинах и квартирах. Пусть ее требовалось больше, но еду можно было сбросить с воздуха или переправить паромом, как и в любую другую пострадавшую от бедствия зону. То же и с медицинской помощью.

Таким образом, самой тяжелой проблемой могла стать нехватка туалетов. Об этом Джен и сообщила в управление.

— Мы знаем, — ответили там.

Пока ходила по парку и делала все, что могла, Джен начала мысленно составлять списки необходимого — пусть их уже и составили в различных аварийных службах. Помимо этого, она помогала тем, кто в этом нуждался. Отвечала на вопросы, принимала сообщения о некоторых мелких преступлениях — крайне немногочисленных, как она с удовольствием отметила, да и сами заявители, видела она, не вызывали большого доверия. Но наибольшую помощь она оказывала тем, что просто присутствовала рядом, создавая ощущение порядка. Полиция по-прежнему была с народом, служила и защищала, как положено. И ела то, чем кормили. Нью-Йорк оставался Нью-Йорком. Но какое опустошение его постигло! Она видела это на каждом из лиц, что ей встречались, смятенных, с покрасневшими глазами: вот светловолосый ребенок плачет, потеряв родителей; вот грузный латиноамериканец, растерянный и, возможно, потерявший рассудок, — челюсть отвисла, испуганные голубые глаза мечутся, ища хоть что-то знакомое; вот тощий темнокожий

мужчина с дредами кривит лицо, держа себя за предплечье; вот похожий на хорька молодой парень танцует на одном месте и поет песню, читая слова со своего браслета. Люди пропали, потеряли близких, пребывали в шоке. Джен нужно было окунуться в этот хаос, как делали все полицейские. Обычно это давалось ей легко, сейчас чуть тяжелее, но этот хаос занимал большое место в ее жизни, и ей в нем было комфортно. Каждый день в жизни полицейского был последовательностью катастроф, а сейчас, когда беда постигла весь город, это было что-то типа: «Эй, народ, добро пожаловать в мой мир. Я здесь все знаю, так что следуйте за мной. Давайте помогу. Здесь можно жить, не впадая в ужас, можно оставаться спокойным и уравновешенным. Поверьте мне. Делайте, как я».

Джен поспала в участке на Западном 82-м, потому что добираться до Мета было долго, а она слишком устала. Она также начинала осознавать, что сеть крытых переходов пришла в беспорядок, и ей предстояло привыкнуть передвигаться по Нижнему Манхэттену на патрульных лодках или вапо, когда их снова запустят.

Город теперь казался больше. Она уснула на лавке и пробудилась перед рассветом. Выглянула

за дверь: солнце должно было вот-вот показаться, но дождь уже прекратился. Сходила в ванную (которая оказалась рабочей, с удовольствием отметила она), а потом вышла наружу и спустилась к 65-й поперечной улице. Люди лежали повсюду. На полиэтиленовых мешках, под одеялами или брезентом, в спальниках, на палатках — все под открытым небом. Благо бурю сменила привычная жаркая и влажная летняя погода. Это, конечно, тоже сулило некоторые проблемы, но для того, чтобы заночевать в парке, — самое то. Странно было видеть людей, спящих вот так все вместе, с тускло освещенными луной лицами. Картина из какой-то более ранней эпохи.

Потом взошло солнце, и люди, потерянные и грязные, стали устраиваться вокруг костерков и приходить к пониманию, что сырой лес горит плохо. Разжигать костры в парке было запрещено, но Джен махнула на это рукой. Очень скоро природа сама все затушит, либо придут люди с газовыми горелками и помогут сделать все как надо, чтобы можно было что-нибудь спалить. Например, мертвых животных. Люди представляли опасность сами для себя.

Огромные, как буксиры, вертолеты стали садиться на Уоллман и на луга в северной части

парка. В небе появлялись дирижабли — их уже было больше, чем обычно, — они привозили гуманитарную помощь или пытались снять материал для новостных передач, либо и то и другое. Джен продолжила заниматься работой патрульного, но теперь забот у нее было больше. Сообщения о преступлениях поступали чаще: люди оправлялись от потрясения, и их одолевали насущные трудности, отчего возникали раздражение, перебранки и стычки. Подобного Джен навидалась за свою жизнь, причем много раз — когда толпы покидали зрелищные мероприятия. Сейчас люди также готовились покинуть «мероприятие» — более того, им не терпелось это сделать, но они не могли, зрелище продолжалось, и такое препятствие выводило некоторых из себя.

Джен провела день, медитируя, регулируя движение, разгоняя зевак. «Возвращайтесь в аптаун», — предлагала она тем, кто внешне походил на тамошних жителей — таких можно было определить по свежему и опрятному виду. Она ненавидела этих ротозеев. Но сейчас их появление служило признаком того, что город оправится от случившегося, а иначе и быть не может. Пока буйствовал ураган, о подобной уверенности не могло быть и речи, буря — это настоящий кризис.

Сейчас случившееся начинало казаться очередным надоедливым бедствием.

Но это еще нужно было пережить, и Джен переживала. В конце того дня она вернулась на патрульной лодке в Мет и отключилась. Владе наградил ее теплым душем. На следующий день ей приказали возвращаться в Центральный парк, где она снова села в патрульную лодку и поплыла по каналам Нижнего Манхэттена, помогая нуждающимся затопленного города.

Работа эта оказалась неприятной. По каналам плавали тела, вытаскивать их стало ее главной задачей — и это было чудовищно. Трупы уже начинали разбухать и источать вонь. Среди погибших встречались люди всех возрастов: они либо утонули, либо были убиты упавшими обломками. Еще и тела зверей, не такие ужасные, спасибо их меху, но не менее жалкие — ведь это были невинные создания.

Требовалось восстановить судоходство, сначала на авеню и в крупных поперечных каналах, потом в обычных каналах, направленных с запада на восток. Во многих из них оказалось невозможным быстро расчистить проход из-за обрушенных зданий. Но полиции надлежало определить, что было возможно, а что нет, проло-

жить обходные маршруты и согласовать все это с Транспортным управлением.

Весь пятый день после бури Джен возглавляла одно из крупных судов, патрулирующих Челси и Вест-Виллидж, подбирая обездоленных и разгребая обломки. При этом ей пришлось еще и одернуть мародеров, которых она заметила на низкой быстроходной моторке на углу Седьмой авеню и 30-го канала. Она приказала им остановиться, крикнув в мегафон, а когда увидела, что люди на лодке вооружены, привела своих людей в боеготовность. Мародеры словно раздумывали, подчиниться или нет.

Затем все же остановились, и она подплыла к ним борт к борту. Полицейские тем временем ее прикрывали.

— Чем занимаетесь? — спросила Джен.

Капитан лодки — или тот, кто был за главного, — протянул бумаги. Частная охранная фирма, «АПН». Расшифровывалось как «Активное подавление неподчинения».

— Нас наняли патрулировать этот район.

— Кто нанял?

— Районная ассоциация.

— Которая из?

— Ассоциация домов Челси.

Джен покачала головой:

— Нет такой ассоциации.

— Теперь есть.

— Нет. На кого вы работаете?

— На Товарищество домов Челси.

— Предъявите ваши удостоверения личности и разрешение на работу.

Мужчина замешкался. Джен подала своим людям знак, и четверо полицейских перемахнули через борт лодки, показав при этом, что у них имеется оружие. Электрошокеры, но тем не менее. Они вооружены. Правда, и люди на лодке «АПН» тоже были вооружены.

Все стояли на месте с серьезным видом. Джен, единственная женщина на лодке, а также главенствующая в сложившейся ситуации, смотрела невозмутимо и профессионально вежливо. Она была вежлива, непреклонна. Пожалуй, даже больше непреклонна, чем вежлива.

Она уселась вместе с главарем лодки и не спеша принялась его расспрашивать. Эту охранную фирму, «Активное подавление неподчинения», наняла районная организация, называвшая себя Ассоциацией домов Челси. Они занимали несколько зданий в 28-м квартале и были обеспокоены тем, что многие здания вокруг получили

повреждения при буре. Возможно, что ассоциацией она стала недавно. Ей нужно было защитить свои инвестиции.

— Инвестиции, — эхом повторила Джен.

Она взяла планшет, стала искать какие-либо связи, а потом написала Олмстиду, чтобы проделал то же самое. Ей ничего не удавалось, но Олмстид ответил:

«АПН» принадлежит «Службе безопасности Эшер». Обе работают на «Морнингсайд».

— Мы частная фирма, занимающаяся защитой инвестиций, — пояснил мужчина, когда Джен подняла на него взгляд.

— Не сомневаюсь.

— Мы на вашей стороне. Мы вам поможем.

— Может быть, — ответила Джен. — Но мы оказались в нетипичной ситуации и не хотим ее осложнения. У нас и так хватает бед. Мы желаем поговорить с теми, кто вас нанял, поэтому дайте нам их контакты для начала. А на этой территории находиться запрещено.

— Это что, военное положение?

— Это Нью-Йорк, а мы — полиция Нью-Йорка. Здесь еще соблюдаются законы.

Джен сфотографировала все их документы и вернулась на патрульное судно, напряженно раз-

мышляя. Затем позвонила сержанту Олмстиду:

— Слушай, Шон, спасибо тебе. И как ты так быстро нашел связь между «АПН» и «Эшер»?

— Я очень тщательно изучал «Эшер». Они несомненно занимались безопасностью «Морнингсайд», и они клонируют дочерние компании, чтобы те работали над другими проектами «Морнингсайд». «АПН» одна из них. Парень, с которым вы разговаривали, есть в списке сотрудников «Эшер».

— Понятно.

— А знаешь, кто еще работал в «Эшер»? Три человека, которые сейчас работают в Мете у Владе Маровича. Су Чен, Маньюэл Перез и Эмили Эванс. Они все работали в «Эшер», но никто не указал этого у себя в резюме, когда устраивался в Мет. Они все сказали, что работали на одну из более дальних компаний-клонов. «Эшер» как осьминог, понимаете?

— Понимаю, — отозвалась Джен. — Похоже, ты нашел объяснение, как они могли отключить камеры, когда похищали Матта и Джеффа.

— Наверное.

— А «Морнингсайд» работала с нашим драгоценным мэром?

— Точно. А еще с компанией «Анхель» того

человека из Клойстер, Гектора Рамиреса. «Морнингсайд» — это очень крупный осьминог, как и Рамирес. Но я не могу ничего о нем разузнать. Я, конечно, пытаюсь, но из-за клонов это очень сложно. И вообще, мне кажется, это «Морнингсайд» научили «Эшер» своим осьминожьим уловкам. Черт, «Эшер» сама может быть одной из ног этого морнингсайдского осьминога. Которая находится ближе к туловищу.

— Хорошо. Продолжай отсекать ему ноги. И особенно постарайся выяснить, кто сделал предложение по Мету.

B) Франклин

Какие прекрасные из этого выйдут руины!

Воскликнул Герберт Уэллс, увидев панораму Манхэттена

И вот я думаю: у меня самая маленькая лодка в Манхэттене, а я выхожу в самую сильную бурю всех времен искать двух чокнутых малых, которым жить надоело. Что, серьезно?

Но дело было не только в том, что меня попросил об этом Владе в своем грозном стиле славянской мафии, этот тяжелый и даже пугающий человек, чувствующий ответственность за всех тварей в своем ковчеге, включая даже самых мелких и безмозглых. Дело было и в Шарлотт. И в том, как она тогда выразилась, раздражающим, но, как выяснилось, эффективным образом.

— Тебе хоть будет чем заняться, — сказала она. — Биржа ведь закрыта.

— Биржа, — усмехнулся я. — Как будто это имеет значение.

— Да, а чем бы ты еще занимался в такой день? Торговал бондами? Сегодня выходной, Фрэнк,

мой мальчик. Иди развлекись. На твоей быстроходке это должно быть очень весело. А если понадобится, ты же всегда можешь сделать из нее подводную лодку или мини-дирижабль, да? К тому же ребята, может быть, в самом деле нуждаются в помощи. Тебе будет весело.

— Ага, точно.

Но она просто посмотрела на меня со своей улыбочкой и отмахнулась, будто от комара.

— Мне нужно работать, — сказала она. — Держи в курсе, если что.

Я тяжело вздохнул и поднялся в свою комнату взять свой пуховик, отличную вещь из «Истерн Маунтин Спортс». Владе снял со стропил моего «клопа» и сверлящим взглядом проводил за ворота. Я, конечно, рад был покинуть Мет, но мне не хотелось, чтобы Шарлотт думала, будто я не желаю помогать.

День выдался обалденный. Ветер задувал, облака походили на высокие галеоны, под полными парусами врезающиеся в берега. Каналы напоминали капучино с пенкой, Ист-Ривер — хаос сине-бурой ряби, разлинованной кильватерными струями. Я устремился на север по скоростной полосе Ист-Ривер — или по тому месту, где она когда-то находилась, — так как большинство

буев сейчас было оторвано. Судов по реке ходило меньше обычного, и я разогнал «клопа» до полной скорости, он поднялся на крыльях, и мы полетели. Ветер был достаточно порывист, чтобы это сошло за вызов, а я определенно не хотел, чтобы меня унесло, а потом прибило, как серфера на лонгборде, вдобавок опрокинув лодку. Чтобы избежать этого, нужно было преодолеть ряд других трудностей, и я как мог быстро пронесся мимо рифа Рузвельта и под большими восточными мостами. Не с рекордной скоростью, конечно, но вскоре я взял влево, на реку Гарлем, и пожужжал по ней уже как простой гражданин.

Затопленная часть аптауна слева от меня выглядела удручающе. Она, конечно, никогда не блистала на фоне мощного хребта небоскребов, протянутого от Вашингтон-Хайтс до кластера Клойстер, а сам Гарлем имел вид захудалой бухточки с одинокими высотками, тут и там торчащими из воды, и ветхими строениями на мелководье, и так покосившимися в разные стороны, а теперь, после бури, и вовсе получившими серьезный ущерб. Наверное, если все это снести и заменить блочной платформой, как предусматривал мой план, то получился бы достойный придаток к кластеру Клойстер. Да, Гарлему сейчас

нужен был Роберт Мозес.

А может, и всем остальным районам тоже. Бронкс выглядел даже хуже. Понятно, что и он никогда не был хорош, но ураган, захлестнувший Манхэттен, пришелся Бронксу точно по его покрытому оспинами лицу, запустив огромные волны далеко по его водным путям, откуда те не сходили потом три дня. Сейчас же, когда прилив отступил, было похоже, будто сюда обрушилось цунами. Полный разгром.

Я протолкнулся в узкую длинную бухточку, заполнявшую бульвар Ван Кортленд, к западу от русла реки Бронкс. Так было легче всего добраться по воде до кладбища Вудлон, куда предположительно направились мальчишки. Вырванные из земли деревья напоминали мертвые тела на земле, плавающие в канале — мертвые тела в воде. Мне пришлось притормозить: гонять по такому засоренному каналу было слишком опасно. Бронкс? Ну уж нет! От вечно печального боро веяло смертью.

Я мыкался по узким затопленным улицам, каким-то образом не достигшим уровня каналов, время от времени издавая гудки на случай, если мальчики все еще прятались в укрытии и не видели меня. Я не представлял, зачем им

было так делать в такой погожий день, но все равно гудел. Вокруг стояло много более-менее уцелевших зданий, которые могли бы послужить им убежищем, — большие бетонные коробки с проломанными крышами. И действительно, постепенно осознавая солидный масштаб боро, я понял, что искать в нем каких-то двух мальчиков совершенно бесполезно. Абсолютно лишено смысла — и все же кто-то должен был это делать. Кто-то, но необязательно я. Было так много вариантов, при которых они могли погибнуть во время бури, что я засомневался, узнаем ли мы об этом вообще. Вероятнее всего, конечно, они могли утонуть — это была их специализация. Или их могло раздавить — это второй по вероятности вариант. Они были смелые, но тупые. Может, они когда-нибудь смогли бы даже стать неплохими трейдерами. Нужно пережить сумасшедшее детство, чтобы иметь возможность раскрыть потенциал своего сумасшествия.

Мне на браслет позвонила Шарлотт:

— Слышишь, Фрэнки-мальчик, они вернулись в Мет.

— Да ладно!

— Да-да.

— Ну что ж, и хорошо. Я бы их тут все равно

никогда не нашел.

— Тем более что их там нет.

— Да, но даже если бы и были. Это место — просто одна огромная развалина.

— Как всегда.

— Мне забрать вас на обратном пути? А то могу сделать доброе дело бойскаута — перевести старушку через дорогу.

— Нет, мне тут надо разгрести кое-какое дерьмо. Очень дерьмовое дерьмо.

— Ладно, удачи.

И я вывел «клопа» из особенно гадкого канала, засоренного трупиками мелких пушных созданий, утопших при наводнении, — печальное зрелище, но не настолько, каким было бы, окажись в их числе наша парочка бунтарей, которым совершенно незачем было туда соваться. А поскольку мелкие млекопитающие плодятся очень быстро и, по сути, вообще неистребимы, при повороте я отсалютовал мускусному вонючему трупику и выбрался с затопленной улицы сначала в узкую бухту, а потом в реку Гарлем. Там я прибавил ходу и полетел, точно птица — как буревестник, едва задевающий волны на пути домой. Славно же я полетел!

* * *

Вернувшись в Мет, я присоединился к немногочисленной группе, обступившей мальчиков, которые набивали себя едой так, точно были, как в старых байках, полыми внутри. Они подняли на меня глаза, будто еноты, выглядывавшие из мусорного бака, и у меня в голове внезапно возникла картина, как они плавают животиками вверх в Бронксе со своими пушистыми братьями и сестрами.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Вы где были, пацаны?

— Мы тоже рады вас видеть, — пробормотал Роберто с набитым ртом.

Стефан проглотил еду и добавил:

— Спасибо, что поехали нас искать, мистер Гэрр. Мы были в Бронксе.

— Мы в курсе, — сказал я. — По крайней мере, думали, что так. Как насчет того, чтобы больше не оставлять браслет дома?

Оба кивнули, продолжая жевать.

Я сверлил их взглядом. Они, похоже, сильно проголодались, но в остальном не пострадали. Такие здоровые, что даже странно. Я не смог сдержать смех.

— Вы, наверное, нашли, где спрятаться? — предположил я.

Стефан снова сглотнул и запил водой из стакана.

— Мы не могли вернуться на Манхэттен, потому что волны поднялись слишком большие, и мы двинули в Бронкс, а там нашли пустой склад, прочный на вид. На северной стороне у него была открытая дверь, и мы завели туда лодку. Потом оставалось просто переждать. Было очень громко и ветрено. И вода под нами поднялась аж до чердака.

— Окна повыбивало, — добавил Роберто, жуя. — Много окон.

— Ага, и многие выбило наружу! — сказал Стефан. — На южной стороне несколько провалилось внутрь, но на северной стороне — в основном наружу!

— Как при торнадо, — заметил мистер Хёкстер. Он сидел рядом с мальчиками и наблюдал за ними, как кошка за котятами. — Ветер как бы присасывается к ним, и они вылетают наружу.

Оба мальчика кивнули.

— Так и было, — подтвердил Стефан. — Но там на чердаке были отдельные помещения, и мы ждали там.

— Не замерзли?

— Не слишком. Под крышей была изоляция, а в шкафах мы нашли бумагу. Сделали из нее большую постель и залезли в нее сбоку.

— Пить хотелось? — спросил я.

— Хотелось. Мы пили из реки.

— Да ну! И не заболели?

— Пока нет.

— Проголодались? — спросил Хёкстер.

Оба кивнули, снова с набитыми ртами. Вместо того чтобы ответить подробнее, Роберто указал себе на щеку. И, снова проглотив, добавил:

— Мы думали попробовать убить и съесть пару ондатр, которые сидели там с нами.

— Ондатр?

— Да, вроде. Либо ондатр, либо мокрых куниц. Они еще похожи на длинных тощих выдр.

— И там было много крыс и насекомых, — добавил Стефан, проглотив еду. — Змеи, лягушки, пауки, кого только не было.

— И они все лазили рядом, — объяснил Роберто. — Но мы обращали внимание именно на ондатр.

— В бухте их много, — сказал Хёкстер. — Или это могли быть норки. Или выдры.

— Нет, не выдры, — заверил Роберто. — Кто

бы это ни был, их была целая группа, семья или типа того. Пять больших и четыре мелких. Они заплыли на склад и сидели потом в соседнем помещении. Посмотрели на нас. Все другие зверьки, помельче, их сторонились. Как и нас. По крайней мере на расстояние вытянутой руки не подходили.

— На самом деле ондатры даже подумывали, не съесть ли нас, — сказал Стефан. — Мы думали, не съесть ли их, а они нас!

Ребята рассмеялись.

— Было на самом деле смешно, — подтвердил Роберто. — Они были не очень крупные, но их было больше, чем нас. Поэтому мы отгоняли их криками.

— А они на нас пищали.

— Ага, пищали, но убегали.

— Ну, отступали. Сильно далеко они не уходили. Все равно про нас подумывали. Но мы взяли в руки гаечные ключи, что там валялись, и им пригрозили.

— Мы решили, что не будем убивать и есть ни одну из них. Чтобы не злить остальных. У них были очень острые зубы.

— Ага, острые. Если бы они все сразу напали на нас, то это было бы плохо. Наверное, они бы

победили.

Стефан кивнул:

— Поэтому мы на них и кричали. Так громко, что я голос сорвал. Болело потом.

— У меня тоже.

Пока они рассказывали, я смотрел на них и думал: из этих ребят и вправду могут вырасти хорошие трейдеры. Иногда случалось, что мне требовалось убедить какого-нибудь говнюка заплатить мне то, что он должен, и я тоже срывал голос, крича в телефон. Если у вас появляется репутация мягкого кредитора, это может подтолкнуть других заемщиков к стратегическому дефолту, так что для пущей эффективности вы должны уметь иногда прокричаться.

— Молодцы, ребята, — сказал я. — А лодка ваша в порядке?

— Ага, мы оставили ее в основном помещении склада. Когда был прилив, ее придавило к потолку, воды было столько, что даже не верится, и она там пробыла, пока вода не спала. Прилив был сильный!

— Штормовой, — поправил Хёкстер. — Говорят, на двадцать один фут выше самого высокого прилива, что когда-либо бывал раньше.

— А пирог еще есть? — поинтересовался Ро-

берто.

Г) Опять этот городской умник

Мы должны научиться понимать литературу. Деньги больше не будут думать за нас.

Вирджиния Вулф, 1940 г.

Пару столетий назад пользовался популярностью комикс, который публиковался в нью-йоркской прессе — газете или журнале. Издание сочетало в себе все, что делало из города фонтан литературного мастерства, — от Мелвилла и Уитмена до… Ну, в общем, этот комикс состоял из карты города, если смотреть на него с востока. Ракурс был выбран такой, что остальная часть США по размеру казалась сопоставимой с парой манхэттенских кварталов, а Тихий океан выглядел не шире Гудзона. Забавный образ нью-йоркской эгоцентричности. Любопытно даже, насколько легко проваливаться в одну и ту же нору всякий раз, когда говоришь о городе: а что, кроме Нью-Йорка, имеет значение? Это же столица мира, и все такое.

Так-то оно так. Может, даже более чем. Но читатель ведь хорошо осведомлен о легкости

возникновения образов, потому он и отнесется снисходительно к напоминанию: этот фокус с Нью-Йорком упомянут здесь не для того, чтобы показать, что это единственное место, имевшее значение в 2142 году, а лишь чтобы показать, что он подобен всем остальным городам мира и интересен сам по себе как типовой. Также он интересен благодаря своим особенностям — особенностям архипелага, расположенного в устье, выходящем в бухту, и тем, что застроен очень высокими зданиями.

Поэтому, раз нет нужды описывать ситуацию в прочих прибрежных городах, таких как влажный Майами, параноидально осушенные Лондон и Вашингтон, болотистый Бангкок и почти заброшенный Буэнос-Айрес, не говоря уже обо всех тоскливых местечках в глубине материка, зачастую объединяемых одним-единственным страшным словом «Денвер», важно поместить Нью-Йорк в контекст всего остального, как в том комиксе, выделив в единую категорию — «все остальное». Потому что отныне в этом рассказе история Нью-Йорка начинает иметь значение, только если глобальное будет рассматриваться с целью уравновесить местное. Если Нью-Йорк — столица столиц (хотя это не так, но представьте,

что так, чтобы легче было думать о совокупности), то вы увидите связь: все, что происходит в столице, зависит и определяется тем, что происходит в остальной части империи. Периферия заражает ядро, провинции захватывают центр, и сеть завязывает узел так крепко, что тот становится гордиевым и может быть лишь разрублен надвое.

И вот ураган «Фёдор» обрушил свой гнев на Нью-Йорк и его окрестности. Да, здесь это катастрофа, но для остального мира — увлекательная новость, развлекательная теленовелла и возможность поупражняться в приятном и оправданном злорадстве. Мало кто сильно любит Нью-Йорк, этот самый желанный, но самый ненавистный из городов, и никто никогда не скажет: «Ой, как мне жалко Нью-Йорк» или «Ой, какой же Нью-Йорк жалкий город!» Никто не скажет, никто не подумает. Поэтому эмоциональное, историческое и физическое влияние разорения, совершенного ураганом, получилось почти исключительно местным. Правительство штата и федеральное правительство выслали помощь, чтобы устранить первостепенные проблемы, возникшие после бури, — это было их обязанностью, но те, кто не был непосредственно захвачен драмой,

быстро забыли про нее и переключились на следующие эпизоды великого парада событий. Два месяца спустя Пекин занесло сорокафутовым слоем лессовой пыли, которую ветер принес с востока: вы слышали? Можете такое представить? Хотите узнать подробнее?

Нет. Образы возникают легко: когда нас что-то сильно поражает, то нам кажется, что это имеет больший масштаб, чем на самом деле. Так что вернемся в Нью-Йорк — там ведь как-никак бейсбол изобрели. В мире же мирового капитала, где Нью-Йорк, как утверждают, является столицей, эти местные события имели вполне реальные последствия. Разгромить Нью-Йорк — все равно что бросить булыжник в темный омут: рябь разошлась по миру подобно сейсмическим волнам, растревожив чувствительные инструменты по всей деньгосфере, которая теперь имела масштаб, сопоставимый с самой биосферой. Пересекающиеся волны и производные эффекты приводили к двум отчетливо различимым итогам, которые, в свою очередь, обострили друг друга. Во-первых, капитал снова ушел из Нью-Йорка, посчитав, что городу потребуется не меньше десятилетия, чтобы оправиться от разрушения, и доходность на протяжении этого периода будет выше в Ден-

вере, то есть где угодно. Все твердое растворяется в воздухе, как когда-то провозгласил Карл, а все жидкое стекается в Денвер. А во-вторых, все индексы цен на жилье просели на несколько пунктов, причем ИМС естественным образом возглавляет падение как индекс, привязанный конкретно к той зоне, которая только что понесла ущерб. Другие индексы, в том числе Кейса — Шиллера, тоже упали, не так сильно, как ИМС, но существенно. Суть в том, что эти индексы не просто упали, но и стали после этого немного отличаться. То есть между ними появилась разница, на которую можно было ставить так или эдак, в зависимости от того, какой считать более верным.

Эти два обстоятельства, может, и не создавали ощущения, что самые большие деревья в лесу должны упасть, и не выглядели достаточно значительными, чтобы встряхнуть денежные сейсмографы по всему миру. Напротив, они казались вполне себе рядовыми. Но забавно, как ситуация порой может меняться со скоростью проносящейся мимо стайки птиц. И насколько пузыри структурно идентичны пирамидам — какое совпадение! Еще более поразительное совпадение — насколько вся капиталистическая

экономика по своей структуре напоминает либо пирамиду, либо систему пирамид. Как такое возможно? Очередной ли это пример конвергентной эволюции, изоморфной идентичности, клонирования или просто удивительной юнговской синхронности, то есть совпадения? Да, наверное, просто совпадение. Но, как бы то ни было, пузыри, пирамиды и капитализм обязаны расти — иначе окажутся в полном дерьме. Достаточно серьезной заминки в этом росте — и они нарушают собственную логику, лишая себя прибыли, необходимой для следующего вложения, необходимого для получения прибыли, необходимой для следующего вложения, необходимого для получения прибыли, и так до бесконечности. Если система не движется по спирали, она стопорится, а потом, вместо того чтобы вернуться по той же спирали с той же скоростью, обрушивается, как проколотый дирижабль, как сломавшийся вертолет. Финансисты сказали бы: как холодильник, падающий с неба.

Вроде того.

Д) Шарлотт

Когда люди возразили Роберту Мозесу, выступив против одного из его многочисленных планов новой застройки, а именно требующего сноса их любимого старого аквариума в Бэттери-парк, Мозес предложил выпустить всю рыбу из него в море. Или сварить похлебку.
Позднее, когда оспаривался еще один его проект, Мозес сказал: «Порой я сомневаюсь, достойны ли эти люди жить рядом с Гудзоном».

Не зная, чем еще заняться, и полагая, что офис Союза домовладельцев должен быть забит новыми внутренними беженцами, Шарлотт вернулась на работу. Франклин уплыл искать Стефана и Роберто, такой взволнованный, что она чуть было не вызвалась плыть с ним, но делу бы это не помогло, а ей хотелось заняться чем-то полезным.

В офисе действительно все стояло вверх дном, коридоры и кабинеты забили промокшие грязные люди, хотя как убежище их здание ничуть не годилось. Но в любом портовом городе во

время бури многие почему-то полагали, что статус иммигранта и/или беженца мог каким-либо образом изменить их положение к лучшему. Шарлотт сомневалась, что это в самом деле так: эти люди теперь были в числе многих. Возможно, здесь даже имело смысл подумать о правах целой группы лиц.

Первым делом она занялась людьми — выдавала им номерки и формы, расспрашивала, для чего они пришли, не могли бы они уйти и подойти позднее, и так далее. Большинство еще не вступили в союз, а у определенной части вообще не было документов. Спустя некоторое время она устала и присоединилась к группе, которая отправлялась на полицейском патрульном судне в Центральный парк. Просто хотела его увидеть.

Оказавшись в парке, она почувствовала дурноту. Разгром оказался таким основательным, что даже не верилось. Она ходила будто во сне, не в силах вырваться из кошмара, где в сознание беспомощного спящего вторгается череда ужасных ирреальностей, одна за другой. Там, где раньше росли деревья, теперь ютились люди, так что сам парк казался больше и ниже, словно гигантский участок прерии. А толпы людей придавали этому месту вид, как на фотографиях цвета сепии с изоб-

ражением «гувервилля»[125] или какой-нибудь разрушенной землетрясением фавелы.

Она бродила ошарашенная и осматривала все вокруг. Люди толпились не только в самом парке, но и на ближайших улицах. Многочисленные тропы, по которым она любила прогуливаться, исчезли без следа. Гигантские корни с землей высились у зияющих дыр, где раньше были деревья, — обращенные на юг, точно подсолнухи. Сломанные ветви обнажали внутреннюю плоть деревьев, светлую и шероховатую, а сами они будто состояли из чего-то другого. Время от времени она останавливалась и усаживалась на землю, ощущая переизбыток чувств, будто актриса, игравшая особенно экспрессивную роль. Но нужно было идти дальше, пусть даже ноги ее не слушались — у нее, что называется, подгибались колени. Удивительно, как эти старые выражения черпали истоки в реальных физических реакциях, знакомых всем и каждому. Несколько раз у нее проступали слезы, а в окружающей толпе мелькали такие же заплаканные лица, причем нередко плачущие, казалось, не осознавали, что слезы текут у них по щекам. О город мой, мой

[125] Примечания: 125

Общий термин для палаточных поселений, где жили люди, потерявшие жилье в результате Великой депрессии 1929–1933 гг.

город, когда увижу тебя вновь? Большинству поваленных деревьев были десятки лет, а некоторым и сотни. Требовалось много лет или даже десятилетий, прежде чем парк будет хоть сколько-нибудь похож на тот, каким был раньше.

И еще люди. Они уже разбились на группы и сидели кружками, в основном человек по двадцать, но были также квинтеты, парочки и отшельники. Семьи, компании друзей, жители из одного и того же разрушенного здания. Тысячи людей, сидящих на земле, бетонных лавках, ящиках или старых камнях, выступающих из земли, словно кости самого острова, предлагающие отдых своим обитателям. В памяти Шарлотт всплыли полузабытые строки Уитмена — что-то о потоке лиц через Бруклинский мост и муки солдат в Гражданскую войну. Единение американцев перед лицом беды.

Она постучала по браслету так, будто хотела его разбить, и позвонила мэру. Та сразу ответила:

— Что?

— Ты где?

— В мэрии.

— И чем занимаешься в связи со всем этим?

Краткая пауза, призванная выразить изумление.

— Работаю! А ты чего от меня хочешь?

— Хочу, чтобы ты открыла высотки в аптауне.

— В каком смысле?

— Сама знаешь в каком. Там более половина квартир пустует, потому что принадлежат богатеям не из города. Объяви чрезвычайную ситуацию и открой в этих помещениях центры для беженцев. Ты можешь их отчуждать.

— Я уже объявила чрезвычайную ситуацию, и президент тоже. Она уже почти здесь. А что до отчуждения — этого я сделать не могу.

— Можешь. Объяви ЧС, привилегию власти, что угодно…

— Это все нереально. Вернись к реальности, Шарлотт.

— …Военное положение! Или хотя бы свяжись с каждым этим владельцем и попроси разрешить воспользоваться их жильем. Скажи им, что это очень нужно, их жилье, их согласие. Уговори. Уговори людей, сколько сможешь.

Тишина на том конце, а потом наконец голос мэра:

— Этих квартир все равно не хватит всем, кому нужна помощь. Кроме того, это вызовет еще больший отток капитала. Мы потеряем еще больше людей, чем уже потеряли.

— Ну и пусть проваливают! Брось ты, Галина. Покажи характер. Сейчас твое время. Ты нужна своему городу, ты должна через это пройти. Сейчас или никогда.

— Я подумаю. Я занята, Шарлотт, мне нужно идти. Спасибо за заботу. — И связь прервалась.

— Черт возьми! — закричала Шарлотт себе в запястье. — Чтоб тебя, позорная трусиха!

Люди пялились на нее. Она сверкнула на них взглядом.

— Мэр этого города — жалкая марионетка, — заявила она им.

Они пожали плечами. Мэр их не интересовал.

Шарлотт стиснула зубы. Эти люди были, конечно, правы. Когда доходит до дела, от политиков никакого толку. Лучшее, на что можно рассчитывать, — это армия, национальная гвардия, государственные ведомства. Аварийные службы, реаниматологи и медсестры. Полиция и пожарные. Вот кто мог помочь, вот на кого стоило возлагать надежды. Они, но только не политики.

Она вспомнила то, о чем когда-то слышала: после урагана «Катрина» лагеря для заключенных в Новом Орлеане строили быстрее, чем больницы. Ожидали протестов и сажали небелокожих

в тюрьму заблаговременно. Но это было в XX[126] веке, в темные времена, в век шагавшего по планете фашизма. С тех пор люди лучше приспособились к наводнениям, так ведь?

Глядя на толпу в разоренном парке, закрадывались сомнения. Люди собирались в группы. Кое-как организовывались. Делали все, что могли в своих обстоятельствах.

Но после каждого из кризисов прошедшего столетия, мрачно подумала Шарлотт, а может, и не только прошедшего, капитал затягивал петлю на шее рабочей силы. Проще некуда: кризисный капитализм при каждой возможности давил шеи ботинком все сильнее. И затягивал петлю. Это было доказано — изученный феномен. Любой, кто заглядывал в историю, не мог этого отрицать. Вот такая схема. И в борьбе с этой затягивающейся петлей так и не удавалось найти опоры, чтобы от нее спастись. В этом отношении она напоминала китайскую ловушку для пальцев: попробуй сопротивляться и получишь жесткий ответ. Вместо больниц — тюремные лагеря.

Наконец, Шарлотт оставила свои размышления и снова принялась бродить по парку, останав-

[126] Примечания: 126

Ураган «Катрина» обрушился на Новый Орлеан в самом начале XXI века, в 2005 г.

ливаясь, чтобы поговорить с теми, кто ютился вокруг дымящихся костров, которые разжигали больше для приготовления еды, чем для тепла, либо просто от нечего делать. Она поочередно подходила к группам и говорила, что работает в Союзе домовладельцев и что в аптауне должны открыть убежища. Так она повторяла снова и снова.

Спустя некоторое время, изнуренная и расстроенная, она прошагала на юг, к межприливью, и, дойдя до причала, встала в очередь на водное такси, чтобы уехать домой, в Мет. Ждать пришлось долго: очередь оказалась длинной, и она успела проголодаться. Вместе с другими ожидающими села на причал. Все вокруг были настоящими ньюйоркцами и не стремились заговаривать с незнакомцами, чему она была только рада.

В какой-то момент она снова постучала по браслету и вызвонила Рамону:

— Привет, Рамона, это Шарлотт. Слушай, как думаешь, твоей группе еще интересно выдвинуть меня от Двенадцатого округа?

Рамона рассмеялась:

— Конечно, интересно. Только ты знаешь, что Эстабан сейчас очень активно поддерживает своего кандидата?

— К черту Эстабан. Я против нее и иду.

— Ну, это мы точно можем тебе предложить.

— Хорошо. Я приду на следующее заседание, и мы все обсудим. Скажи своим, что я этого хочу.

— Это здорово. Она тебя совсем выбесила, да?

— Я только что из Центрального парка.

— Понятно.

— Я посоветовала ей пустить беженцев в аптаун.

— Понятно. Но как бы не так.

— Ага. Но здесь я смогу побороться.

— Вот и я так думаю! В общем, приходи и поговорим подробнее.

* * *

К тому времени как Шарлотт вернулась в Мет, она едва могла стоять на ногах. Доковыляв до столовой, она вдруг поняла, что в свою комнату ей придется подниматься пешком по лестнице. Это было немыслимо. Сорок этажей вверх — просто здорово!

Она рухнула на один из стульев и осмотрелась. Вокруг ее сограждане. Жители маленького города-государства, маленькой коммуны. Хорошо хоть собственное правительство не стало их бомбить. Во всяком случае пока. Парижская коммуна

протянула семьдесят один день. Затем последовали годы репрессий, пока все коммунары не были убиты или посажены в тюрьму. Нельзя иметь правительство, которое состояло, действовало в интересах и управлялось народом. Ну уж нет. Вместо этого — всех убить.

Когда российская революция 1917 года продержалась семьдесят два дня, Ленин вышел на улицу и станцевал. Они продержались дольше Коммуны, возвестил он. В итоге они продержались семьдесят два года.

В столовую вошел Франклин Гэрр и направился к еде.

— Эй, Фрэнки! — воскликнула Шарлотт. — Тебя-то я и хотела увидеть.

Он будто бы удивился:

— Как дела, старушка? Выглядишь совсем уставшей.

— И чувствую себя так же. Можешь налить мне бокал вина?

— Еще бы. Я и сам как раз собирался выпить.

— Сейчас всем не мешало бы.

— Это точно. Слышала, что мальчики нашлись?

— Это же я тебе позвонила, забыл? Единственная хорошая новость за день.

— Ах да, прости. Новость да, хорошая. Я-то думал, мелкие говнюки наконец себя загубили.

— Думаю, они особо и не заметили, что что-то случилось. Что им этот ураган?

— Да нет, заметили. Чуть не стали пожирать ондатр.

— Да ну?

— У них было мексиканское противостояние со сворой ондатр.

— У ондатр, кажется, не бывает свор.

— Да, наверное, не бывает. Со стадом, со стаей…

— Стаи у ворон.

— Точно. А как тогда с табуном? С роем?

— Со скопищем ондатр.

— Отлично.

— Это как люди в Центральном парке. Скопище беженцев. Давай неси уже вино.

Он кивнул, отошел, а вернувшись, сел на пол рядом с ее стулом. Они выпили за мальчиков и осушили по бокалу ужасного флэтайронского пино-нуара.

— Так, слушай, — сказала Шарлотт. — Я бы хотела уже запустить тот обвал, о котором ты говорил. Как думаешь, ураган сможет подействовать так, чтоб пузырь лопнул?

Он воодушевленно взмахнул рукой:

— Я думал об этом. Дело в том, что это мировой рынок, и многим не хочется, чтобы он лопался, потому что они его не зашортили. Поэтому будут сдерживать возможные потрясения. Так что я не очень уверен. Не думаю, что этого окажется достаточно. Местный индекс, конечно, изменится. Но чтобы мировой пузырь лопнул — нет.

— Да, но ты же хотел его схлопнуть? Устроить забастовку домовладельцев, как ты рассказывал? Разве сейчас не подходящее время?

— Не знаю. Не думаю, что основа, благодаря которой все сработало бы, уже заложена. Хотя сам я, должен сказать, свою часть выполнил.

— Что ты имеешь в виду?

— Я монетизировал золото ребят. Владе переплавил его, а я продал по частям в разные скрытые пулы. И насколько мне кажется, его все выкупило индийское правительство. Они — последние золотые жуки, очень его любят. Наверное, это как-то связано с культурными особенностями, потому что они все без ума от своих побрякушек.

— Франколино, уволь меня от своих ужасных культурологических теорий. Что ты сделал с деньгами?

— Чуть приумножил и скупил пут-опционы на ИМС.

— Это как?

— Зашортил ИМС и залонговал Кейса — Шиллера, и теперь ураган показал, что я все сделал правильно. Теперь можно их продать и сорвать куш для ребят.

— Это здорово, но я хочу, чтоб пузырь лопнул! Хочу разрушить систему!

Он с сомнением покачал головой:

— Серьезно? Ты уверена, что готова?

— Готова, насколько это возможно. И сейчас хороший момент для забастовки. Люди в бешенстве. Если мы не сделаем этого сейчас, нам просто затянут петлю на шее. Поставят в условия жесткой экономии, чтобы оплатить восстановление города. Бедные станут беднее, богатые переедут куда-нибудь в другое место.

Он вздохнул:

— То есть ты хочешь сказать, что намерена сменить тренд, который длится уже десять тысяч лет.

— Что ты имеешь в виду?

— Что богатые богатеют, а бедные беднеют. Это одно из первых изречений в сборнике Бартлет-

та[127]. Первый стих в Книге Бытия.

— Да. Все верно. Давай его сменим.

Он всерьез задумался, а она, увидев его лицо при этом, не смогла сдержать улыбки: глаза скошены, губы сомкнуты, между бровями вертикальная складка. Он напомнил ей Ларри, но был смешнее.

— Спред в индексах — это признак того, что рынки немного перепуганы, — произнес он. — И они все уже упали, значит, сейчас не лучшее время, чтобы хорошо на этом заработать. С другой стороны, ситуация очень шаткая.

— Значит, может получиться.

— Не знаю. То есть вообще я, конечно, думаю, получиться может в любой момент, если к платежному дефолту присоединится достаточно людей.

— Давай называть это забастовкой.

Он пожал плечами:

— Да хоть Святым годом!

Она рассмеялась и сделала добрый глоток вина.

---

[127] Примечания: 127

«Знакомые цитаты Бартлетта» (Bartlett's Familiar Quotations) — популярный сборник крылатых фраз и выражений, составленный американским писателем Джоном Бартлеттом в 1855 г. и с тех пор многократно дополненный и переизданный.

— Поверить не могу, что ты можешь меня рассмешить после такого-то денька, — призналась она.

— Это все дешевое пойло, — заметил он.

— Точно. Так что, думаешь, сработает?

— Да не знаю, вот и все. Мне кажется, если это произойдет сейчас, то люди могут запутаться. Если они объявят дефолт, то могут потерять все страховки, которые были им положены после бури. Поэтому насчет подходящего времени не уверен. Понимаешь, ты хочешь сразу после стихийного бедствия устроить всей финансовой системе сердечный приступ. Не знаю, это слегка нелогично. Я имею в виду, кто оплатит страховку за восстановление?

— Правительство, наверное. Обычно они платят. Но давай об этом будем думать потом.

Он посмотрел на нее с подчеркнутым изумлением. Будто она была каким-то чудом.

— Ну тогда ладно! Рискнем! Ты подготовила своего Федэкса?

— Федэкса?

— Ну своего бывшего, который управляет Федрезервом. Как по мне, ты просто должна была прозвать его Федэксом, да?

— Да, мне нравится. — Она кивнула. — Я заря-

дила его как могла.

— А твой Союз домовладельцев?

— Он достаточно большой, чтобы мы могли использовать его как авангард для массовых действий. А те, кто пожелает получить какую-либо защиту, могут вступить к нам, как только объявят дефолт.

— Такую защиту многие пожелают. Если куда-то вступать, то это уже выражение политической позиции.

— Нам нужно всего пятнадцать процентов населения, верно?

— Это в теории. Но чем больше, тем лучше.

— Хорошо, может, и будет больше.

Он призадумался, все еще ошеломленно глядя на нее.

— Ладно, мы уже прилично зашортили. Если ты это сделаешь и все получится, то максимальную прибыль мы не получим, но все равно заработаем немало.

— А если не получится?

— Думаю, вероятнее, что получится даже в большей степени, чем надо.

— О чем это ты?

— Что может упасть вся система. А если это случится, то кто будет оплачивать мои свопы?

— Ну до этого вряд ли дойдет.

— Узнаем.

Шарлотт глянула на него, пытаясь понять, серьезно ли он это говорит. Кто знает? Он любил рисковать. Вот и здесь был риск, крупный риск, политический. Так что он был по большей части этим доволен. Его озабоченность была искусственной, по крайней мере ей так казалось. Суть хеджирования заключалась в том, чтобы делать ставки на волатильность. А значит, ему нравилось.

— Правительство будет их спасать, — сказала она. — Спекулянты слишком велики, чтобы обанкротиться, и слишком связаны между собой. Поэтому людей, которые сегодня ночуют в парке, поимеют, каким бы ни был расклад.

Он кивнул.

— То есть ты говоришь, что нам в любом случае заплатят.

— Либо не заплатят, несмотря ни на что. Если мы сами не изменим ситуацию.

Он вздохнул:

— Не знаю, почему я вообще взялся тебе помогать. Ты такая революционерка.

— Так вот что мы замышляем?

— Да! — Он пристально смотрел на нее. А через

несколько мгновений его губы растянулись в ухмылке. Потом он вообще разразился смехом.

— Что? — с вызовом спросила она.

— Я просто только что понял, что это означает революцию. Это максимальная волатильность без хеджирования. Еще и с инсайдерской торговлей! Потому что, раз мне известно, что ты собираешься устроить людям дефолт, я могу скупить до задницы пут-опционов, пока ИМС не рухнул! А это абсолютно противозаконно! Вот теперь я понимаю, почему революция незаконна.

— Не думаю, что это самое незаконное, что в ней есть, — заметила Шарлотт.

— Да шучу я.

— В общем, действуем, а потом посмотрим, что будет.

— Ну, я все еще считаю, что тебе стоит подождать и подготовиться лучше. Возможно, пока вся шумиха с бурей не утихнет, тогда не будет сумбура с невыплатами. Я имею в виду, если ты хочешь, чтобы это выглядело так, будто люди сами сделали такой выбор, чтобы было понятно, что это их осознанная забастовка.

— Хм-м, — проговорила Шарлотт. — А это верно.

— Тебе же нужно больше времени на подго-

товку, правильно? Так что пока, может быть, стоит просто наслаждаться мыслью о грядущем. — Он поднял свой бокал, уже почти пустой, она подняла свой, и они снова чокнулись. — За революцию!

— За революцию.

И оба осушили бокалы.

Он снова ухмыльнулся:

— В рамках этой подготовки было бы здорово, если бы ты приняла этот план и баллотировалась в конгресс.

— Я уже.

— Да ну!

— Ага.

— Что ж, прекрасно. Черт, нам нужно еще вина, чтобы за это выпить. Наверное, здесь как по правилу «разбил — покупай». Сломала систему — сама будешь строить новую. А мы все на этом настоим.

— Черт побери, — выругалась Шарлотт. — Сходи принеси еще вина.

Она снова его рассмешила. Он смеялся.

А она, хоть и вымотанная до предела, все же радовалась, что могла заставить его смеяться. Его, этого пронырливого мальца.

Е) Инспектор Джен

Начиная с 1952 года служба безопасности «Мейсис»[128] каждый вечер, в час закрытия, выпускала в универмаге дюжину доберман-пинчеров, чтобы те обнаруживали воров. Об этой процедуре было широко известно, и собаки так никогда никого и не поймали.
Гнев служил в Нью-Йорке истинным духом времени. Его испытывали все.

Заметила Кейт Шмитц

Остров Манхэттен, со всех сторон окруженный глубокими реками, представляется почти идеальным местом для великой революции.

Сказал Генри Луис Менкен

Джен изо дня в день работала сверх нормы. Она не помнила, приходилось ли ей когда-либо столько работать. Каждое мгновение, когда не спала, она отдавала работе. И все в полиции де-

[128] Примечания: 128

Знаменитая сеть розничной торговли, чей универмаг на Геральд-сквер, Манхэттен, считается одной из достопримечательностей города.

лали то же самое. Буря прошла, мировой интерес спал, Национальная гвардия прибыла на пару дней и уехала, люди в Центральном парке остались. Еда и санитария представляли все бóльшие проблемы, как и еще две, почти столь же серьезные, — преступления с применением насилия и передозировки наркотиков. Иными словами, одни неблагоприятные факторы приводили к другим. Совершенно предсказуемо, и теперь это происходило на открытом поле Центрального парка, и все могли это видеть. И чувствовать на себе. Ситуация была нестабильная, но очевидных мер не просматривалось, и все видели и ощущали этот тупик, все переживали его из мгновения в мгновение, изо дня в день.

Затем ночью 7 июля 2142 года на лужайке перед Онассисом вспыхнул огромный костер, внезапно осветивший все собрание — буквально каждого, кто был в парке, — и все каким-то образом переросло в мятеж. Случилось это под полной луной, но истоков никто не видел, и бои просто распространились по парку. Полицейские на месте запросили подкрепления, чтобы вернуть контроль над толпой. Некоторые докладывали, что это похоже на стычку между бандами, но когда туда добралась Джен, прибыв на битком

набитом патрульном судне, она не увидела ничего, что говорило бы о каком-то противостоянии двух сторон: это была просто драка, кучки людей носились по парку, кричали, устраивали пожары от веток из большого костра, разбрасывая их, дрались с другими группами. Джен показалось, что больше всего травм люди получали, когда падали и на них наступали ногами. Крики, как выяснилось, доносились в основном с земли, и, заметив это, Джен ощутила укол страха и позвонила в управление:

— Нужна медицинская помощь, и как можно скорее. Центральный парк, район Онассиса. И отсюда, похоже, толпа направляется на север.

— Мы знаем, — сказал шеф Куинн Тэллер, знакомый Джен. — Вверх по Бродвею, Амстердам и Сент-Николас-авеню.

— В аптаун? — спросила Джен.

— Похоже на то.

— Подкрепление будет?

— Губернатор приказал вернуться Национальной гвардии, но мы не знаем, скоро ли они прибудут. В прошлый раз добирались долго.

Джен глубоко вздохнула:

— Ты вызвал всех, кто не на дежурстве?

— Да, вызвал.

— А пожарных?

— Пока вроде они не нужны.

— Нужно вызвать сейчас же.

— Разве там есть пожары?

— Пожары будут. И может быть, из шлангов придется поливать и людей.

— Серьезно?

— Серьезно.

— Хорошо, я сообщу.

Джен отключилась. Прежде чем звонить, она остановилась, остальные полицейские теперь были где-то впереди. Она поспешила на север, их догонять, останавливаясь лишь чтобы разнять дерущихся, где это казалось возможным за счет только ее роста, формы и темноты, способствующей ее жесткому методу: сбивать нападающих с ног дубинкой, надевать на них пластиковые наручники и приказывать окружающим покинуть место происшествия. Держа в одной руке дубинку, второй она касалась пистолета в кобуре, готовая в случае необходимости открыть огонь. Пустила в дело всю свою внушительность и полицейские навыки. Люди перед ней обычно разбегались, а она продвигалась на север, стараясь не замечать драк, представлявшихся слишком серьезными, чтобы она могла их пре-

сечь. Кто-то метнул в нее «коктейль Молотова», но она увернулась и побежала дальше. Требовалось подкрепление — в одиночку не справиться. Затем она увидела впереди группу из шестерых полицейских — не тех, с кем она прибыла, это были скорее патрульные, сбившиеся вместе ради своей безопасности.

— Ничего, если я буду с вами?

— Конечно, черт возьми! Что здесь творится?

— Мятеж, но не знаю, против чего. Я слышала, на поляне был костер.

— Да, но все же. У них в головах полыхает!

— Я слышала, там и дальше такое же дерьмо.

— Но это все, кто у нас есть.

— Вижу. Давайте двигать на север, постараемся держаться впереди толпы. Там должны быть еще наши.

— Думаете, мы сможем их там оцепить?

— Не уверена, но остров в этой части очень узкий, может получиться.

И дальше они бежали вместе. Оказавшись рядом с другими копами, Джен чувствовала облегчение. Они пробивались сквозь толпу, призывали к порядку, просили людей разойтись, возвращаться в свои дома или в лагеря, куда угодно, лишь бы подальше отсюда. На юг. У одного

патрульного из маленького взвода был мини-мегафон, и Джен стала говорить в него, тогда как остальные повключали фонарики, пытаясь ослепить тех, кто проявлял агрессию.

— Расходитесь по домам! — кричала она снова и снова. — Расходитесь по домам!

— Мы и так дома! — бросил ей кто-то в ответ.

В такую ночь было так легко получить пулю. Оставалось только надеяться, что им на пути не попадется кто-то с дурными намерениями. Копы держались начеку, как патруль на территории противника, а крики со всех сторон только подкрепляли необходимость в этом. Казалось, сам воздух пропитан злобой. Порой казалось, что полицию все ненавидели.

Выбравшись в парк Сент-Николас, они поспешили по тропе рядом с водой, у отметки максимального прилива, все еще раскуроченной после бури, но тут из темноты вылетела ветка и угодила в голову полицейскому, бежавшего справа от Джен. Шлем здорово облегчил удар, но парень упал, и его товарищам пришлось прижать его кожу к черепу и попытаться остановить кровотечение, обильное, как обычно и бывает при ранениях в голову. Кровь выглядела черной — ночью так всегда кажется. Как всегда, прихо-

дит шок, когда фонарик высвечивает кровь и становится видно, что на самом деле она красная. Парень был еще в сознании, из чего следовало, что порез оказался сильнее самого удара. Кровь следовало остановить, и Джен в темноте приняла оказывать первую помощь, в то время как остальные стали разгонять людей. Собравшись вокруг раненого, патрульные запросили помощь по радио. Они кричали в мегафон, призывая людей идти на юг, идти домой, идти прочь. Рев толпы хлынул на север, совершенно не внимая им. Пока не прибыл медэвакуатор, патрульные стояли на месте, собираясь продолжить свой путь в северном направлении. Теперь их было меньше, а потому они держались более настороженно.

Медэвакуатор прибыл с двумя полицейскими фургонами, в один из которых все и погрузились. В нем с несмолкающими сиренами они уехали в Морнингсайд-Хайтс. В задней части фургона было тише, чем снаружи, но все равно достаточно шумно, чтобы легко общаться.

Они вышли у первого сверхнебоскреба на 120-й. Там собралось много полицейских, и тот, кто ими руководил, пытался выстроить линии от реки до реки; свалка позади них была самой узкой

частью острова.

Но недостаточно узкой: толпа, направлявшаяся на север, была огромной и разъяренной, и полиции приходилось справляться в одиночку, без Национальной гвардии, без пожарных, без армии. Не пропустить людей, которые так решительно нацелились на высотки, оказалось невозможно.

Полицейские расступились, образовав несколько групп, которые встали, будто турникеты в метро, пропуская людей, чтобы избежать кровопролития, которое наверняка закончилось бы не в их пользу. Никто никогда не видел ничего подобного, и никто, похоже, не отвечал за всю эту ситуацию. Протоколов действий в таких неконтролируемых ситуациях было немного — только «не погибай сам и не убивай никого, просто пытаясь остановить». Но это теперь считалось стандартным правилом для любого копа. И среди шума и хаоса становилось очевидно почему.

Электричество здесь, похоже, отключилось, и у Джен мелькнула мысль, не это ли послужило причиной мятежа. Свет давала только луна, что сообщало всему бледный и весьма странный вид, — Джен обратила внимание, что все тени стелились в одну и ту же сторону, отчего созда-

валось ощущение, будто весь остров дал крен. Группа полицейских, среди которых находилась Джен, пыталась придумать, что делать дальше, но было слишком шумно, чтобы разговаривать. Сейчас они представляли собой, по сути, комок в большом потоке, который уносило на север вместе со всеми. Они даже не пытались утихомирить людей вокруг себя — просто неслись по течению. Вокруг вытаращенные глаза, разинутые рты. Казалось, эти люди не были способны изъясняться ни на одном из языков. Шум стоял невероятный: рев, от которого становились дыбом волосы, перемежался воплями, но не он вводил людей в исступление — казалось, на шум никто не реагировал. Что-то ими двигало. Хорошо, что хотя бы полицейская форма не подвергала копов особенной опасности — дело было не в них, все они были частью общего движения, человеческого штормого прилива, притягиваемые неким захватным лучом.

Тогда Джен отчетливо увидела, как и, наверное, все остальные: все дело было в высотках. Кластер Клойстер был далеко на севере, но в Морнингсайд-Хайтс тоже находилось множество выдающихся сверхнебоскребов, и толпа теперь двигалась между ними, постепенно их окружая.

Импровизированный взвод, в котором состояла Джен, вместе с толпой вышел на большую площадь к югу от Амстердам-авеню и 133-й, откуда начинался первый квартал невозможно высоких башен, закрывающих серое лунное небо и похожих на космические лифты. Днем они были сливовыми, изумрудными, угольными, бронзовыми. Но сейчас подсветки, что обычно придавала им вид гигантских бутылок ликера, не было, и в лунном свете они окрасились фиолетово-черным бархатом — вероятно, благодаря своей фотовольтаической оболочке.

Достигнув дальней части площади, полицейские перегруппировались: теперь их стало больше, чем когда-либо. На этот раз создавалось впечатление, что устоять им под силу. Толпа хоть и буйствовала, но оружия у нее не было. Вероятно, копы могли взяться за руки и встретить натиск, надеясь, что это остановит толпу. И действительно, поперек площади уже выставляли фургоны, копам раздавали шлемы, щиты и бронежилеты, а также дубинки, баллончики со слезоточивым газом и защитные маски. Почти все копы имели ровно столько опыта, чтобы во все это облачиться, и, сделав это, они вышли и образовали линию. Переговаривались мало — и так очевидно, что

от них требуется. Неприятные минуты. Это было совсем не то, чем обычно занимается полиция Нью-Йорка, — во всяком случае, никому из этих копов подобного делать не доводилось. Это было нечто нереальное — реальное осталось позади.

Джен едва успела надеть бронежилет и шлем, как услышала выстрелы. Она ощутила всплеск адреналина, и все, кто был вокруг, она видела это по лицам, тоже. Выстрелы донеслись откуда-то сзади, из самих башен или скорее с террас под ними. У подножия башен площадь состояла из ряда гигантских террас, напоминающих широкие низкие лестницы, в масштабе пропорциональные самим башням. На высочайшей из них были люди в полном снаряжении, но и с винтовками — судя по звуку, штурмовыми. Очереди звучали теперь стаккато, и за ними следовали крики. Нечеловеческий рев удвоился. Лунный свет придал картине темно-серую отчетливость: толпа напирала на полицию, но в то же время оттягивалась назад. Джен неистово закричала в свой браслет:

— Нужно больше подкрепления! Здесь частная охрана, и она открыла огонь по толпе!

— Что-что?

— Частная охрана башен стреляет сейчас по толпе, а мы застряли посередине! Нам нужна

Нацгвардия здесь и сейчас. Где подкрепление?

Сейчас это был риторический вопрос. Нацгвардия находилась где-то, не здесь. Джен присоединилась к группе из примерно десятка офицеров, которые стали подниматься по широким ступеням на террасу, где расположилась охрана. Все вместе они поднимались точно навстречу винтовкам, но они были в форме, да и винтовки все еще были направлены поверх них, а то и вообще, казалось, куда-то в небо. Но некоторые до сих пор стреляли, заливая обзор взрывами оранжевого пламени, также виднелось несколько пересекающихся лазерных лучей, направленных к звездам. Предупреждающие выстрелы, судя по всему. Или же выстрелы по толпе на юге. Джен вынула пистолет из кобуры и почувствовала, как ее бросило в жар. Выставила щит, который выдали ей в фургоне, и медленно двинулась по ступеням вместе с офицерами, каждый из которых кричал: «Полиция! Полиция! Не стрелять! Не стрелять!» Начав со случайных выкриков, они быстро примкнули к самому громкому и образовали хор: «Полиция! Полиция! Полиция! Полиция!» Теперь это даже бодрило.

Они дошли до средней террасы. Дальше идти было некуда: охранники теперь просто нависали

над ними со следующей террасы, все еще держа винтовки нацеленными выше, но некоторые нацеливали и на них тоже. Неприятная пауза. На многих щитах и бронежилетах светились красные точки — да, лазерные лучи. И также на некоторых шлемах и лбах. Офицеры остановились, но продолжали скандировать: «Полиция, полиция, полиция, полиция».

Никто не шевелился. Позади по-прежнему стоял неимоверный шум, но на ступенях было потише: уже никто не стрелял, только копы скандировали, и то уже не так громко. Довольно уже!

Джен поняла, что, наверное, является здесь старшим офицером, и раз никто другой к тому же этого не делал, выступила вперед, отведя пистолет в сторону.

— Полиция Нью-Йорка, — спокойно и уверенно объявила она. — Ваша стрельба зафиксирована, и вы не из полиции. Опустите винтовки сейчас же, не то окажетесь за решеткой. Кто здесь главный? Кто вы такие?

Сквозь ряд охранников к ней протиснулся мужчина, который показался Джен знакомым. Он тоже, похоже, ее узнал.

— Какого это хрена вы открыли огонь? — спросила его Джен.

— Мы охраняем частное владение. Раз уж вы этого, видно, не можете.

Джен выдержала паузу, а потом шагнула мужчине навстречу. Она смотрела точно на него и не собиралась останавливаться. Пистолет до сих пор держала дулом вниз, но он целился недалеко от его ступней. Охранники, стоявшие позади мужчины, начали перемещаться. Некоторые зашевелили винтовками, направляя их в сторону или поднимая вверх, но несколько красных точек по-прежнему светились на бронежилете Джен. Она чувствовала себя никчемной новогодней елкой, мишенью в тире. И никто не знал, что делать.

— Отступите в свои здания, — приказала мужчине Джен, грозно глядя на него. — Теперь мы контролируем здесь ситуацию. Вы все обязаны подчиняться приказам полиции, если хотите сохранить свою охранную лицензию.

Никто не тронулся с места.

— Вы сегодня первыми открыли огонь, — продолжила Джен. — Это уже плохо, но, когда вы не делаете, что я говорю, вы делаете только хуже. Это уже будет воспрепятствование полиции во время мятежа. И очень скоро перерастет в сопротивление аресту. Полиция Нью-Йорка не любит,

когда в нее стреляют, и суд тоже. Порядок в этом городе охраняем мы. И никто другой. Так что зайдите внутрь. Прямо сейчас. Можете защищать свои здания оттуда, если до этого дойдет. А здесь общественное пространство.

— Эта площадь — частное владение, — сказал мужчина. — Наша работа — ее охранять.

— Это общественное пространство. Заходите внутрь. Вы теперь под арестом. Не усугубляйте ситуацию, иначе вашим нанимателям это не понравится. Вы и так уже принесли им миллионы долларов юридических расходов. И чем хуже поведете себя сейчас, тем хуже вам будет позже.

Мужчина замялся в нерешительности.

— Давайте внутрь, — сказала Джен. — Я зайду с вами, и мы узнаем, что такого случилось, что ко всему этому привело. Вы можете показать мне, что засняли ваши камеры, если там что-то есть. Идемте.

Она сделала еще шаг навстречу мужчине. Теперь они стояли совсем близко. Она в своих полицейских ботинках и в шлеме была шести футов пяти дюймов[129] ростом — от такого вида офицера полиции кровь стыла в жилах. Крупная

---

[129] Примечания: 129
196 см.

темнокожая женщина-полицейский, страшная, свирепая и спокойная. В руке щит. Готовая сбить с ног, если придется. Он видел, что она это могла. Еще один шаг вперед. И даже подойдя к нему вплотную, она бы не остановилась. Это она уже дала понять. Еще чуть-чуть, и он окажется в пределах ее досягаемости. Она раздумывала о движении из водного сумо — быстрый толчок щитом, который усадит его на задницу. Она смотрела ему прямо в глаза. Тут она подумала, что, наверное, вся запятнана кровью раненого патрульного. Как самый страшный кошмар белого мужчины-преступника, а может, как добрая героиня-защитница из сновидений — или и то и другое. Теперь она пыталась ввести его в состояние гипноза, усыпить его сознание. Задавить своей властью. Как чертова жрица в безумии под луной. Он же хотел найти выход из этой ситуации. Выдержать такое невозможно.

Мужчина обернулся к подчиненным.

— Все внутрь, — произнес он.

* * *

Очутившись внутри, Джен не отступала от мужчины ни на шаг и попросила его посидеть с ней в холле. Вся измотанная, она еще и попроси-

ла воды. Кто-то принес пластиковую бутылку, и она с любопытством уставилась на нее. Диваны в холле были стальными и без спинок. Сам холл просторный, роскошный — идеальный, чтобы поболтать за напитками. И было приятно наконец присесть. Руки у нее в самом деле оказались все в крови. Для того, что она сейчас собиралась делать, вид просто отличный.

— Благодарю за сотрудничество, — сказала она мужчине и указала на ближайший диван: — Присядьте и расскажите мне, что случилось.

Мужчина остался стоять. Шесть футов два дюйма[130], грузный, квадратная голова, маленькие губы, черные волосы. Угрюмый и обеспокоенный. Джен внезапно вспомнила, где его видела.

— Вы были в Челси на прошлой неделе, — сказала она ему. — На лодке, работали на Ассоциацию домов Челси или какую-то подобную ерунду.

Теперь он выглядел еще более встревоженным. Казалось, он едва помнил ее после того случая, если помнил вообще, и лишь озадаченно смотрел на нее. И еще это выглядело так, будто он обдумывал свои варианты, — не как начальник охраны этой башни, но как человек, которого

---

[130] Примечания: 130
188 см.

могли засудить и посадить в тюрьму. Который, вероятно, наделал ошибок, когда ему давали незаконные, невозможные приказы. Все потому, что его боссам было на него плевать. И сейчас он размышлял, как будет лучше для него самого. Он уже решил не противиться полиции перед камерами. И это было разумно. Сейчас перед ним маячило новое трудное решение, которое тоже должно было в итоге оказаться разумным. Но настала пора задавать вопросы:

— Ваши люди, когда стреляли, действовали по приказу?

— Да. Им было приказано стрелять в воздух, только предупредительные выстрелы.

— Этот приказ у вас зафиксирован?

— Да.

— Это ваш приказ?

После некоторого сомнения:

— Да. — Его ответы все это время записывались.

— К этому были предпосылки?

— Да.

— Какие? Камни?

— И выстрелы тоже, мы их слышали. Они должны записаться.

— Стреляли по вам?

— Мы так подумали. Увидели вспышки вокруг дул, направленных в нашу сторону.

— Наверное, неприятно было. Но вы стали стрелять поверх толпы.

— Да.

Джен кивнула:

— Это уже лучше. Так кто, говорите, вас нанял? Вас и ваших людей?

— АПН. «Активное подавление неподчинения».

— Видимо, недостаточно активное. А кто нанял АПН, знаете?

— Полагаем, кто-то из этих зданий.

— Потому что эти здания вам поручили охранять.

— Точно.

— Еще что-нибудь о том, кто здесь нанял АПН, известно?

— Нет.

Джен покачала головой. Она пристально посмотрела на мужчину, заглянула ему в глаза:

— Обычно что-то да известно. Люди имеют какое-то представление. И обычно не подставляются только из-за того, что какие-то говнюки им платят.

— Обычно.

— То есть вы хотите сказать, что понятия не имеете, на кого работаете.

— Я работаю на «Активное подавление неподчинения».

— И кто там ваш начальник? Этот человек сейчас здесь?

— Эрик Эшер. Но я не знаю, где он.

Джен фыркнула:

— Он сдаст вас со всеми потрохами, вы же это понимаете?

— У нас с ним договоренность.

— Прошу, избавьте меня от этого. — Джен поднялась с места и взглянула на мужчину сверху вниз. — Избавьте меня от вашего кодекса наемника, стреляющего в темноте по людям, когда у вас штурмовые винтовки, а у них палки, камни и бенгальские огни со Дня независимости. Вы вляпались в дерьмо. Но если расскажете, на кого работает Эшер, я замолвлю за вас слово, когда отправитесь под суд. Потому что именно это вас ждет.

Мужчина посмотрел на нее скорее сердито, чем испуганно.

Джен вздохнула:

— Должно быть, они вам здорово платят. Через несколько лет выйдете, и может, у вас еще будут

какие-то деньги. Либо они могут вас кинуть, об этом не думали? И вообще, что, если время стоит дороже тех денег, не думали? Отбывать срок вам наверняка не понравится. Но это предстоит сделать. Стрельба по копам? Суд будет не в восторге. Это тяжкое преступление. Поэтому срок будет серьезный. Наказание строгое. Но! Этого можно избежать, разыграть свои карты прямо здесь. Я главный инспектор Нижнего Манхэттена, и я старший офицер на этом месте происшествия, поэтому ко мне прислушаются. И мне нужно знать, кто вас сюда сегодня поставил.

Замолчав, она принялась сверлить его взглядом. Жуть: верховенство закона в лице крупной темнокожей женщины. Жуть так жуть. А еще самое очевидное и естественное в мире явление. И неизбежное. Неумолимое. Бежать некуда — отовсюду экстрадируют. Она просто выжидала, ощущая, что, несмотря на глубокое изнеможение, запаса терпения ей хватит надолго.

Его угрюмость сменилась раздражительностью.

— Как я уже сказал, мы работаем на людей, владеющих этим зданием, — сказал он.

— И кто же это?

— Зданием управляет «Морнингсайд Риэлти».

— Но это просто компания-посредник. А кто владелец? Мэр? Гектор Рамирес? Генри Винсон?

Видеть удивление на лицах людей всегда приятно. Пять минут назад этот человек считал Джен просто местным копом. Сейчас в его голове проводились нужные связи и делались выводы. Может быть, он уже лучше помнил встречу с Джен на лодке в даунтауне.

Она охватывала весь город. Она знала, что он работает в Нижнем Манхэттене. Они оба осознают, что у обоих есть в этом городе дела и покрупнее. А значит, они могут пересечься вновь, и может быть, в суде.

Джен указала на диван и снова села. Мужчина уселся напротив.

— Не Винсон, — сказал он. — Его бывший партнер.

Теперь настал черед Джен удивляться:

— Вы имеете в виду Ларри Джекмана?

Мужчина кивнул, посмотрев ей прямо в глаза. Он больше не удивлялся. Он понимал, что вышел через Нарроус и его теперь уносило в океан. Джен могла понадобиться ему как псевдосоюзник, мало ли как сложится. Он приказал своим людям отступить, он ответил на ее вопросы. Его люди никого не убили — наверное. Да, здесь

определенно было что сказать в его пользу. И это немаловажно. Она ободряюще кивнула, давая понять, что он в самом деле может выйти из всей этой ситуации, избежав последствий.

— Когда он начал работать в правительстве, — начал мужчина предельно осторожно, — то передал это здание и некоторые другие активы в слепой траст. С Эшером он теперь общается только через третьих лиц. Но мы все это время были его охраной.

Джен уже начинала думать, что эта ночь могла и не обернуться полной катастрофой, когда снаружи раздались выстрелы.

Все, кто был в холле, насторожились. Джен огляделась, увидела вооруженных людей, которые стояли рядом.

— Давайте в этом не будем участвовать, — твердо проговорила она. — Останемся здесь. Что бы там ни происходило, оно может разрешиться без нас.

— Серьезно? — переспросил мужчина.

— Серьезно. Вот что я вам скажу: защищайте здание. Изнутри.

— От кого защищать?

Джен пожала плечами:

— Неважно. — В этот момент у нее просигналил

браслет, она посмотрела на него. — О, — сказала она, — а это Национальная гвардия.

Ж) Амелия

Вот она, во всей своей огромности, – непропорциональность усилий. Слишком много энергии, слишком много денег. Вся сказочная мощь небоскребов, телефонов, прессы – все используется, чтобы создавать ветер и приковывать людей к их тяжелой судьбе.

Сказал Ле Корбюзье

Расширение неравенства доходов является определяющим вызовом нашего времени. Мы выявляем обратную зависимость между долей дохода, приходящейся на богатых (верхние 20 процентов), и экономическим ростом.

Отметил Международный валютный фонд

В июле 1930 года судья, назначенный по делу двадцати двух бродяг, арестованных за то, что спали в Центральном парке, дал каждому по два доллара и отправил обратно – спать в парк. Тогда по всему парку стояли лачуги, все с кроватями и

стульями, при этом в семнадцати из них имелся дымоход.

Декалб-авеню была заполнена празднующими, которые окружали машины, не давая им ехать, будто при наводнении. На улицу пробрался крупный темнокожий полицейский, который храбро пытался разогнать всех, чтобы восстановить движение, когда кто-то внезапно бросился к нему и обнял. Толпа сгрудилась вокруг – и каждый пытался его обнять, в огромном любовном единении. Он стал смеяться.

Тим Крайдер, ночь выборов 2008 года, Бруклин

На следующий день, 8 июля 2142 года, Амелия Блэк пролетела над долиной реки Гудзон, возвращаясь домой.

Для нее буря прошла относительно легко. Ее склонность попадать в происшествия, скорее врожденная, чем приобретенная, на счастье, не повлекла ничего серьезнее, чем отлет на дирижабле перед приходом урагана. Глупо, конечно, но она не придавала значения прогнозам, не осознавала их важности. Как только Владе ей позвонил, они с Франсом сделали все верно — еще и транслируя происходящее для своей аудитории,

которая выросла в ту же минуту, когда стало известно, куда она загнала себя на этот раз. Амелия Непутевая снова взялась за свое, Амелия Ошибающаяся опять в беде, Амелия Ветроголовая даже не удосужилась проверить погоду, ха-ха, и так далее.

Но с того момента, как Владе предупредил ее об опасности, она направила «Искусственную миграцию» на полном ходу на север, и хотя максимальная скорость в штиль не превышала пятидесяти миль в час, сейчас, при растущем попутном ветре, дирижабль довольно скоро достиг городка Хадсон, штат Нью-Йорк, который Амелия про себя называла Гудзоном-на-Гудзоне. Там она сумела привязать воздушное судно к одной из мачт института Марины Абрамович[131], названного в честь одной из своих героинь. Когда дирижабль оказался привязан, его так интенсивно заколыхало, что это могло само по себе сойти за перформанс. Амелия поначалу решила остаться на время урагана в гондоле — привязавшись к креслу и скача как наездник в родео, как сама Марина в одном из ее опасных и поразительных перформансов. «Я оседлаю бурю!» — сказала

[131] Примечания: 131

Марина Абрамович (р. 1971) — сербская художница, мастер перформанса.

она своим зрителям. Но, несмотря на дух основательницы, зависший над институтом, чтобы воодушевить Амелию на это предприятие, нынешние кураторы заведения, сославшись на прогноз, настояли на обратном. Добавив при этом, что рады остановке Амелии над их институтом, но не хотели бы, чтобы ее забило там до смерти на глазах у миллионов облачных зрителей. Марина на это пошла бы, признали они, но, учитывая стоимость страховки, не говоря уже о постановлениях советов директоров, инвесторов и о законах против подвергания опасности детей и умственно отсталых, ей, пожалуй, предпочтительнее было не идти на это самоубийство.

— Я не умственно отсталая, — возразила Амелия.

— Мы не уверены, что ткань твоего дирижабля выдержит ветер в 160 миль в час. Пожалуйста, не пренебрегай нашим гостеприимством, укройся у нас.

— Вообще-то дирижабль у меня прочный.

В итоге Амелия с некоторым трудом выбралась из гондолы, чуть было не оказалась раздавленной под ней, а потом наблюдала, как бурю пережидал Франс. Сама же она комментировала происходящее из стен института. По иронии судьбы, когда

пришла буря, в институте все окна на северной стороне моментально высосало наружу, и всем, кто был внутри, пришлось с шумом и криками спрятаться в подвал, тогда как Франс и «Искусственная миграция» преодолели натиск лишь с некоторыми деформациями, будучи привязанными восьмью прочными канатами к восьми креплениям, а также к не менее надежной мачте. К тому же Франс выполнял синхронизированные контртолчки, противодействуя трепетаниям «Искусственной миграции». Тем не менее дирижабль многократно ударялся о землю, но каждый раз тут же отталкивался и вытягивался на привязи, но оба эти движения непрерывно смягчались микрозапусками двигателей, которые с изяществом выполнял Франс. Поэтому Амелии было бы безопаснее в гондоле, чем в каком угодно здании. Комментируя убедительное изображение «Искусственной миграции», мерцающей, будто перевоплощающейся под ударами непогоды, Амелия указала на очередное достоинство дирижабля, а также на преимущество принципа гибкости и приспособляемости, решительно превосходящего принцип жесткости и несгибаемости.

— Вот бы порывы ветра окрашивались в разные

цвета, чтобы вы их видели, — пустилась она в фантастические рассуждения. — Интересно, можно ли выпустить цветные сигнальные ракеты или создать что-то вроде тумана с подветренной стороны? Было бы здорово увидеть ветер.

Она сочла, что это хорошая идея, которую надо воплотить в какую-нибудь следующую бурю. «Ветер как алеаторное искусство» — звучит неплохо. Невидимая сущность разрывала мир с такой силой, что каким-то образом становилась видимой или по крайней мере, как показала резкая дефенестрация института, предельно ощутимой. Этот треск, этот рев, эти крики ужаса! Кадры получились что надо. Но в этом отношении буря вообще оказалась очень полезной.

Амелия и люди, приютившие ее, были не единственными, кому пришлось несладко, да и отделались они легче многих. Поэтому Амелия продолжала комментировать бурю, но особенно большой аудитории не собиралось — слишком высока была конкуренция. Зато ей хотя бы не грозило погибнуть, как и «Искусственной миграции» с Франсом. По крайней мере так казалось до тех пор, пока осколок разбитого окна не угодил в дирижабль, прорезав несколько баллонетов. После этого ветер проник внутрь судна. И нача-

лись танцы!

* * *

Франс был спущен на землю и там выбит, будто огромный ковер. Дирижаблю потребовался ремонт, прежде чем Амелия смогла вернуться в воздух. Его выполнила наземная команда ближайшего аэродрома, которая оказалась рада запустить облачную звезду обратно в воздух — и ненадолго засветиться в облаке в ее шоу. После этого Амелия, набрав высоту примерно в тысячу футов над землей, направилась обратно в город.

То, что она увидела по пути, ошеломило ее. Нижний участок долины реки Гудзон остался без листьев и выглядел так, будто сейчас середина зимы — только вот многие деревья были повалены на землю, а если и удержались, то протягивали к небу свои сломанные ветви. Это было много заметнее ущерба, причиненного зданиям, который сводился преимущественно к разбитым окнам и снесенным крышам. На ремонт домов теперь требовался не один месяц, но с деревьями хуже — они будут расти несколько лет. И еще животные, которые жили в лесу, — они пострадали не меньше.

— Ого, — проговорила Амелия своим зрите-

лям. — Как плохо. — Ее комментарии в этот день не отличались особым красноречием. А чуть позже, совсем смятенная, она предоставила Франсу объявлять, над чем они пролетают, а сама уже не говорила ничего.

Приблизившись к городу, она увидела кластер Клойстер — он возникал над горизонтом задолго до того, как там стало различаться что-либо еще. Роща из шипов, пронзающих небо.

— Что ж, хоть башни устояли.

Она направилась к городу вдоль фьорда, а когда поравнялась с высотками в аптауне, немного замедлилась, так, что вместе с небоскребами Хобокена они особенно эффектно нависли над крейсирующим дирижаблем с обеих сторон. Гудзон в эти минуты напоминал затопленный пол в комнате, лишенной крыши. Ощущение создавалось жутковатое.

Наконец, она повернула в сторону города, чтобы посмотреть на Центральный парк. И, как все, пришла в шок от постигшей его разрухи. Теперь там разбили палаточный городок, размеченный сотнями поваленных деревьев, и дыры рядом с их корнями придавали парку вид кладбища, где все мертвые выбрались из могил и сбежали, оставив за собой только разрытые могилы. По-

всюду люди, будто муравьи. Они ютились здесь, скорее следуя инстинкту держаться вместе, как показалось Амелии. Затем она увидела, что на площадях Морнингсайд-Хайтс, вокруг черных отметин потухших костров, тоже собирались люди. Некоторые стояли, выстроившись в ряды, — достаточно организованно, чтобы предположить, что это военные. Армия на улицах города. Что это значило, она не знала. Весь город был погружен в хаос.

— Это так грустно, — проговорила она. — Понадобятся годы, чтобы все это восстановить.

По радиосвязи пришло автоматическое сообщение — попросили держаться вне воздушного пространства города. Она наказала Франсу немного набрать высоту и обогнуть Манхэттен вдоль берега. С запада на город надвинулась группа пухлых летних облаков, и благодаря их чередованию с проникающим солнечным светом долгий хребет Манхэттена напоминал пегого дракона, который, убитый, упал на брюхо в бухте. Амелия позвонила домой, сказать Владе, что сделает еще круг-другой и вернется. Он, было слышно, сидел в столовой с остальными. Она со всеми поздоровалась.

— Похоже, в аптауне сверхнебоскребы не слиш-

ком пострадали, — сообщила она. — Вы об этом знаете?

— Мы слышали, там все хорошо, — ответила Шарлотт.

— Прошлой ночью туда устремились люди, — добавил Владе. — Пытались прорваться и найти укрытие, но их не пустили.

— А разве нельзя использовать их как временные убежища? Там, наверное, разместились бы все, кто сейчас сидит в Центральном парке.

— Вот и я так подумала, — согласилась Шарлотт. — Но мэр считает иначе.

— Вот черт!

— Вот и я так подумала.

— Привет, Амелия! — донесся голос Роберто.

— Роберто! Стефан, ты тоже там?

— Я здесь.

— Как я рада слышать вас! Чем занимались в бурю?

— Нас чуть не сожрали ондатры, — выпалил Роберто.

— Ну нет! Я люблю ондатр!

— Но мы их от этого отговорили, — продолжил Стефан. — Теперь они нам тоже нравятся.

— Может, их получится поизучать. Они скоро будут делать ремонт, прямо как мы. Я видела,

прилив был очень сильный.

— Двадцать два фута! — воскликнули мальчики.

— Много зданий упало. А как у нашего были дела? — спросила Амелия.

— Хорошо, — сказал Владе. — Сады сдуло, но окна выдержали. Оно у нас старое, но крепкое.

— Сады сдуло? Что же мы будем есть?

— Рыбу, — ответил Владе. — Моллюсков. Устриц. Все такое. Какое-то время, может, будем пользоваться социальной помощью.

— Нехорошо.

— Все будут.

— Но не те, кто живет в сверхнебоскребах, — заметила Шарлотт.

— Мне это не нравится, — сказала Амелия.

Она сказала им, что даст знать, когда будет подлетать к зданию, и отключила связь. Затем устремилась обратно на север над Ист-Ривером, глядя на разруху в мелководье Гарлема, Куинса и Бронкса, а после на громадные башни кластера Клойстер, сверкающие и переливающиеся разными цветами на солнце. Ее дирижабль поднялся до 2500 футов, но самые высокие из башен все равно нависали сверху.

Амелия вспомнила историю мальчиков про

ондатр. Подумала о том, сколько зверей погибло при таком сильном приливе. Она даже видела груды их тел, собранные, будто дрова для костра, на просторном лугу к северу от парка.

Когда она поняла, что это была за куча, что-то в ней переменилось, будто ключ повернулся в замке, и она с тяжестью села на кресло у себя на мостике. Невидящим взглядом уставилась на город и долго так просидела, не замечая времени, а потом постучала по клавишам, чтобы вернуться в эфир, и обратилась к своим зрителям со всего мира:

— Так, народ, сейчас вы видите, что эти сверхнебоскребы перенесли бурю без проблем. Что плохо — это то, что они сейчас по большей части пусты. Я имею в виду, что они жилые по назначению, но они слишком дорогие, чтобы обычные люди могли позволить себе там жить. Они как огромные склады для хранения денег. Как если бы они все были доверху набиты пачками долларов. Квартирами в этих башнях владеют самые богатые люди из разных концов мира. Для них это инвестиции или, может быть, возможность списать налоги. Диверсифицировать в недвижимость — так они говорят. А заодно просто иметь жилье на случай, если понадобится как-нибудь

посетить Нью-Йорк. Место, в котором они могут бывать, скажем, неделю или две каждый год. В зависимости от того, что им нравится. Обычно у этих людей бывает около десятка таких мест по всему миру. Так они везде распространяют свои владения. И эти башни для них — просто активы. Как деньги. Как здоровенные золотые слитки. Все что угодно, кроме жилья.

Произнеся это, Амелия повернула «Искусственную миграцию» и направилась на юг.

— А сейчас под нами Центральный парк. Теперь это лагерь для беженцев, вы и сами видите. Таким он, скорее всего, будет еще несколько недель или месяцев. А может, и целый год. Люди будут ночевать в парке. Тут уже стоит куча палаток, видите?

Она посмотрела в камеру у себя на мостике.

— А знаете что? Богатые меня бесят. Просто бесят, и все. Бесит, что они управляют всей планетой на свой лад. И разрушают ее! Поэтому я думаю, что нам стоит ее вернуть, самим о ней позаботиться. И в том числе позаботиться друг о друге. Перестать питаться объедками. Помните Союз домовладельцев, о котором я вам рассказывала? Мне кажется, настало время всем вступить в этот Союз и начать забастовку. Всеобщую заба-

стовку. Я думаю, да, это должна быть всеобщая забастовка. Сейчас. Сегодня.

В этот момент загорелось уведомление о вызове — Николь хотела с ней поговорить. И друзья в Мете тоже. Она решила, что лучше ответить друзьям, да и уже не знала, о чем говорить дальше.

Поставила свой облачный канал на паузу и ответила на звонок из Мета. Шарлотт, Франклин и Владе поздоровались одновременно, явно довольные тем, что она ответила. Они казались удивленными и, может быть, слегка встревоженными ее речью.

Она всех их перебила:

— Слушайте, ребята, я начинаю действовать. Вы можете мне помочь или можете предоставить делать все самой, но назад я уже не сдам. Потому что время пришло. Вы меня понимаете? Время пришло. — Ее стали захватывать эмоции, и Амелия остановилась, чтобы собраться с духом. — Я смотрю на все это сверху и могу вам точно скзаать: время пришло. Так что лучше вам мне помочь!

— Мы поможем, — громко заявил Франклин, перебивая остальные голоса. — Надень наушник и продолжай делать, что начала.

— Класс! — обрадовалась Амелия.

— Серьезно? — переспросила Шарлотт.

— А почему нет? — ответил Франклин. — Может, она и права. Тем более она уже это сделала. Так что, Амелия, просто говори, что считаешь нужным, а если станет тяжело, сделай паузу и слушай наушник, а мы тебе подскажем.

— Хорошо, — согласилась Амелия. Она вставила наушник и стала слушать друзей — те, словно маленькие мышки, уже спорили между собой у нее в левом ухе. Она снова включила свой канал и заговорила в облако:

— Под забастовкой домовладельцев я подразумеваю, что вы должны прекратить оплачивать вашу аренду или ипотеку… А также, возможно, студенческие ссуды и страховые платежи. Все долги, которые вы взяли, только чтобы обезопасить себя и свою семью. Для всех жизненных потребностей. Союз объявляет их неприемлемыми, потому что нас этим будто шантажируют, и мы требуем пересмотра долгов… Поэтому мы перестаем их выплачивать и давайте назовем это Святым годом!.. Так ведь оно называлось в старину. И когда мы начнем этот Святой год, мы не будем платить ничего, пока наш долг не реструктуризируют таким образом, что бóльшая

его часть будет списана.

Вы можете посчитать, что неуплата ипотеки принесет вам проблемы, и это так — если не платите только вы. Но когда так поступят все, это уже будет действительно забастовка. Гражданское неповиновение. Революция. Поэтому нужно, чтобы к нам присоединились все — это не так трудно. Просто перестаньте оплачивать свои счета!

И тогда эти недостающие платежи обрушат банки. Они берут наши деньги и используют их как залог, чтобы занять еще больше, чтобы финансировать эти свои игры, и все тянется дальше и дальше. Одни кредиты, а на них другие кредиты. Перелевереджирование. Мне всегда было непонятно, что это за слово. Оно вообще какое-то странное, это слово, но неважно. Суть в том, что, когда мы перестанем финансировать их причуды, они очень быстро это почувствуют.

И станут просить правительство, чтобы оно их спасло. За наш счет. Ведь правительство — это мы. В теории, конечно, но в целом да. Мы. Значит, нам и решать, как с ними поступить. Мы должны будем сказать нашему правительству, что делать. Если правительство попытается поддержать банки вместо нас, то мы выберем другое прави-

тельство. Мы же делаем вид, будто демократия реальна, а это как раз сделает ее реальной. Мы выберем правительство, которое будет состоять из народа, действовать в интересах народа и управляться народом. Ведь так должно было быть с самого начала. Так учили в школах. И это правильно. Главное — воплотить это в жизнь. Пусть даже этого, возможно, никогда не было, но сейчас пришла пора. Время пришло, народ!

Амелия сделала глубокий вдох и прислушалась к голосам, которые лихорадочно переговаривались у нее в ухе: Шарлотт и Франклин бросали фразы в быстром контрапункте, едва успевая в реальном времени спорить по поводу того, что следует сказать Амелии. Она же просто повторяла то, что ей из этого нравилось и что успевала выхватить из их диалога. Получалась смешение двух мнений, но что с того?

— Знаю, все это может звучать несколько радикально. Казаться какой-то крайностью. Но нам ведь нужно что-то делать, верно? Либо ничего не изменится. Они просто продолжат все ломать. Но забастовка домовладельцев может стать такой революцией, которую они не подавят, просто расстреляв толпу на площади. Это будет уже фискальное неподчинение. Оно использует силу

денег против других денег. Да, это, на мой взгляд, очень хитрая штука. Наверное, вы думаете, раз она такая хитрая, но это, скорее всего, не моя идея, и да, это правда. Я пилот дирижабля, который ведет шоу о животных в облаке. Вот кто я! Так что да. Просто Амелия Блэк. Но я видела, какой был нанесен ущерб. Я все время на это смотрю. Я спасаю от этого животных. И я смотрю на это сейчас. В парке сейчас лежит куча мертвых зверят… И я пообщалась с друзьями, которые придумали этот план. И мне кажется, он хорош. Не просто глупая Амелия, которая выкидывает очередную штуку… то есть я имею в виду, погодите секундочку…

…Потому что здесь демократия противопоставляется капитализму. Мы, народ, должны сплотиться вместе и тогда победим. Это достижимо только при массовом участии… Тут один за всех и все за одного. Если нас окажется достаточно, они не смогут посадить нас в тюрьмы. Так мы их пересилим. На их стороне оружие, на нашей — цифры.

…Поэтому расскажите всем, кого знаете, распространяйте это шоу и это сообщение, пересылайте, делитесь и так далее… А все, кто прекратит платить неприемлемые платежи и расскажет об этом нам, сразу будет считаться полноправным

членом Союза домовладельцев. Союз рад принять всех, так что вперед! Высылайте информацию о себе, членство теперь объявляется бесплатным, о членских взносах вас могут попросить позднее. Ваш кредитный рейтинг тоже будет исправлен позднее. Пока же Союз все покроет. Чем нас будет больше, тем лучше. В этом случае, что называется, чем больше, тем веселее. Знаете, я заметила, что когда что-то действительно стоит того, то всегда — чем больше, тем веселее.

…Хотя, может, не всегда. Но я надеюсь, что у нас наберется поистине большой Союз домовладельцев, или кооператив, или как там вы его назовете. Раньше мы называли это правительством и, может, назовем так снова, как только должности в нем займут люди, которые реально будут за народ, а не за банки… Так что да. Чем больше вас к нам присоединится, тем более высоки будут наши шансы! Обсудите все это со своими родными и близкими. Давайте попробуем и посмотрим, что тогда произойдет! А если не сработает — ну, знаете, и пусть. Мы сможем поговорить об этом в тюрьме. Если нас будет достаточно, то, может быть, весь этот остров станет нашей тюрьмой. Значит, ничего особо не изменится, верно?

…Ой, друзья говорят мне, что пора заканчивать.

Надо заканчивать, пока все идет хорошо. И мне стоит прислушаться! Так что на этом мы заканчиваем этот выпуск «Искусственной миграции» с Амелией Блэк. До новых встреч!

3) Город

И тут, на пароме, сотни и сотни людей, спешащих домой, вы все

для меня интересней, чем это кажется вам,

Вы все, кто от берега к берегу будет год за годом переезжать

на пароме, вы чаще в моих размышленьях, чем вам

могло бы казаться...

Другие взойдут на паром, чтоб с берега ехать на берег,

Другие будут смотреть, наблюдая теченье,

Другие увидят суда на севере и на западе от Манхэттена,

и Бруклинские холмы на юге и на востоке,

Другие увидят большие и малые острова,

Полвека пройдет, и на переправе
их снова увидят другие,
и снова солнце увидят, почти
перед самым закатом,
И сто лет пройдет, и много
еще столетий, и все это снова
увидят
другие,
И будут радоваться закату, и
спаду прилива, и обнажившему
берег отливу…
Ничто не помеха – ни время, ни
место, и не помеха —
пространство!
Я с вами, мужчины и женщины
нашего поколения и множе-
ства
поколений грядущих,
И то, что чувствуете вы при
виде реки или неба, – поверьте,
это же
чувствовал я,
И я был участником жизни, ча-
стицей живой толпы, такой

же,

как всякий из вас.

Как вас освежает дыханье реки,
ее широкий разлив – они и меня

освежали,

Как вы стоите над ней, опер-
шись о перила, несомые быст-
рым

теченьем, так сам я стоял,
уносимый…[132]

Уолт Уитмен

Стратегический дефолт. Коллективные иски. Массовые митинги. Отказ выходить из дома после работы. Отказ от пользования частными транспортными системами. Отказ от потребления сверхнеобходимого. Закрытие депозитов. Осуждение всех форм рентоориентированного поведения. Игнорирование массмедиа. Отказ от запланированных платежей. Фискальное неподчинение. Шумные публичные жалобы.

В любопытном томе «Почему гражданское сопротивление работает?» приводится обоснова-

---

[132] Примечания: 132

Из стихотворения «На Бруклинском перевозе». *Перевод Вильгельма Левика.*

ние того, почему ненасильственное гражданское сопротивление того или иного рода очевидно успешнее насильственного, если оценивать с точки зрения достижения заявленных целей и изменения положения к лучшему. Ченауэт полагает, что это происходит именно по той причине, что ненасильственное гражданское сопротивление менее насильственно, а значит, имеет больше шансов добиться договоренностей с противостоящим правительством и с людьми, чье благосостояние подлежит оспариванию. Захват власти для достижения экономической справедливости рассматривается как главный успех такого рода движений. Всеобщие забастовки и собрания людей в городских центрах обычно считаются классической формой гражданского сопротивления, но и все вышеперечисленные методы также соответствуют определению и в прошлом приносили нужный эффект.

Так, летом 2142 года люди всем этим и занялись. Участников в этом было много, поэтому у них не было ни единства, ни какой-либо согласованности в целях или средствах. Началось действо спонтанно, вскоре после того, как по Нью-Йорку прошелся ураган «Фёдор», когда среди мер реагирования не оказалось изъятия незанятых

жилых высоток. Это послужило искрой, которая зажгла цепь последующих событий. Мятежи, начавшиеся в Нью-Йорке, распространились по всему миру, где достигли той или иной степени напряженности в зависимости от местных обстоятельств. И как утверждает Кловер[133] в своей книге «Мятеж. Бунт. Мятеж», в тяжелые времена мятежи нужны, чтобы вбить в толстый череп капитала мысль о том, что переменены грядут, они неизбежны и, более того, уже происходят.

Побережья, как наиболее пострадавшие, взбунтовались сильнее всех, но и в Денвере существенная доля населения присоединилась к различным Союзам домовладельцев и отказалась выплачивать всевозможные ренты, ипотеки, и особенно студенческие ссуды. Такая форма сопротивления ожидаемо получила популярность. Кроме того, по всему миру резко упали продажи несущественных потребительских товаров — люди утопили бизнес, совершенно легально послав его куда подальше: оказалось достаточным просто перестать тратить деньги, которых у них нет, на то, что им не нужно. И хотя массовые демонстрации имели разрозненный характер,

[133] Примечания: 133

Джошуа Кловер (р. 1962) — профессор Калифорнийского университета в Дейвисе, поэт, критик, журналист.

а результаты фискального неподчинения было тяжело увидеть, люди все равно ощущали некое подводное течение, которое затягивало мировую цивилизацию в неведомое море. История творилась на глазах. В такое время это чувствуется само собой.

Это затягивание в море, естественно, ощущалось рынками — ведь они являются чувствительным инструментом, прекрасно отмечающим волатильность. Одним из элементов, определяющих ИМС, было доверие домовладельцев, считавшееся многими одним из самых быстрых и точных индикаторов изменений цен на жилье.

Сфальсифицировать или искусственно изменить доверие домовладельцев, как считалось, невозможно — ибо опросы общественного мнения, по которым устанавливались эти показатели, оказались настолько массовыми, что подделать их было нельзя. Опросить пять миллионов домохозяйств стало теперь стандартной практикой, поэтому уровни доверия рассматривались как индикаторы, которые не поддавались никакому манипулированию и отображали истинную картину. Но Союз домовладельцев разрастался так стремительно, что затронул поведение порядка двадцати процентов всех домохозяйств и

повлиял на настроения куда большей доли. Призывы Союза к финансовому неподчинению сами по себе могли обвалить индексы. Значение ИМС отвесно падало и тянуло за собой индекс Кейса — Шиллера, из-за чего прежний быстрый рост цен на прибрежное жилье стал рассматриваться как пузырь, и это само по себе привело к тому, что он лопнул, как в классическом примере ситуации, где король на деле оказывается голым. Когда этот пузырь лопнул, лопнули и все его производные пузыри, после чего все банки и инвестиционные фирмы отозвали все свои ликвидные активы и прекратили выдавать все виды кредитов, даже стандартные межбанковские займы, на которых основывалась реальная экономика. Одна из крупнейших инвестиционных фирм быстро, даже стремительно рухнула и объявила о банкротстве, и фискальные отношения между крупными финансовыми фирмами стали такими напряженными, что все крупнейшие частные банки США и Европы ринулись к своим центробанкам, требуя безотлагательной помощи в форме массовых денежных вливаний, чтобы сбить панику и не дать рухнуть всей системе.

Обо всем этом сообщали массмедиа, и весь мир следил за происходящим. Финансовые операции

вновь были заморожены, всякая уверенность в чем-либо исчезла, никто больше не знал, стоит ли чего-либо та или иная ценная бумага, никто больше не знал, где деньги, а где просто пыль. Карточный домик вновь рухнул, и целый мир теперь стоял у руин развалившейся экономики и смотрел на тех несчастных, что управляли финансовой системой, и вопрошал: «Кто, черт возьми, все эти люди?»

Третий раз — просто прелесть. Или четвертый. Неважно. Результаты прошлого не гарантируют ничего в будущем.

Часть восьмая
Комедия общин

А) Матт и Джефф

Искусство – не правда. Искусство – это ложь, которая помогает нам осознать правду.

Сказал Пикассо

— Не нравится мне смотреть, как ты размахиваешь молотком. Это меня пугает.

— Да, тебя легко напугать. Стой, а почему?

— Ты не из тех людей, кто умеет с ним обращаться. Я даже не знаю, кто первым получит травму — я или ты.

— Да ладно. Это несложно. Как печатать. Печатать здоровой такой штуковиной, которой можно раздолбать всю клавиатуру. Вообще я подумываю, не начать ли мне печатать молотком.

— Лучше двумя — по одному в каждую руку.

— По два в каждую, как на ксилофоне. Буду печатать, как Лайонел Хэмптон[134], играющий на ксилофоне.

— Разве то не виброфон?

— Не уверен. Подай-ка мне мешочек с гвоздями.

---

[134] Примечания: 134
Лайонел Хэмптон (1908–2002) — американский джазовый музыкант.

Матт передает мешочек и созерцает, как его друг управляется с молотком и гвоздями. Под высокими арками садового этажа это выглядело так, словно писец Бартлби[135] сменил свое перо на клепальный молоток из героической эпохи высотного строительства. Пусть даже сейчас они просто собирали продолговатые ящики для растений, чтобы потом заполнить их землей, а не собирали опалубку под цемент. В остальном же были похожи на Клепальщицу Рози[136]. Клепальщик Розен. Клепальщик Рузвельт — отсюда, наверное, потом и появилась эта Рози.

— Или можешь печатать лбом, как таракан Арчи, — говорит Матт.

— Toujours gai[137], мой друг. Я бы с удовольствием.

— Это кошка Мехитабель говорила «toujours gai».

— Знаю. Это же я заставил тебя прочитать эту книжку.

---

[135] Примечания: 135

Главный герой рассказа Германа Мелвилла.

[136] Примечания: 136

Образ картины американского художника и иллюстратора Нормана Роквелла, написанной в 1943 г. и использовавшейся в качестве известного военного плаката.

[137] Примечания: 137

Всегда веселье (*фр.*).

— Мне даже понравилось, вынужден признать.

— Как это мило.

— Забавно было отметить, как мало Нью-Йорк изменился за эти столетия.

— Что есть, то есть. Если не считать того, что теперь он под водой и избит бурей.

— А как без этого? Суть остается вопреки обстоятельствам. Как всегда и говорила Мехитабель.

Весь день светит солнце, над Джерси плывут облака. Из служебного лифта появляется Владе — он толкает тачку с черной землей. Айдельба с помощью своего снаряжения достала немного почвы со дна канала между Метом и Северным зданием. За Владе проследовало еще несколько незнакомых Матту и Джеффу людей, и у них тоже были тачки.

— Вот этот ящик готов, — говорит Джефф.

Владе помогает своей команде наполнить новый ящик землей.

— Айдельба говорит, что может достать хорошей земли, которую можно будет смешать с нашим компостом. Тогда мы решим проблему с почвой.

— Но нужны будут семена, — подмечает Матт.

— Конечно, но их уже готов предоставить се-

менной фонд. Они хотят, чтобы мы испытали несколько новых гибридов, которые они вывели. И еще новых старинных сортов.

— Новых старинных сортов?

— Они их где-то раздобыли. Забыл, как называются. В любом случае у нас все наладится. Как ни крути, поздней осенью уже будем собирать урожай.

— А что с нашей капсулой?

— А ее еще не поставили? Можете поставить через час. В этом и есть смысл этих капсул — быстро устанавливаются. Она сейчас в кладовке за лифтами.

— Мы просто не знали, где она, — признается Матт.

— Простите, надо было вам сказать. А где вы сейчас живете?

— Нигде.

— В общей комнате.

— Вот черт, давайте вас оттуда вытащим. Я хочу, чтобы вы поработали у меня ночными сторожами. А вам нужно вернуться в свое жилье.

Владе всегда держит слово, поэтому, когда новые ящики заполняются землей, он идет в кладовку и достает оттуда предмет, похожий на очень большой чемодан. Это наряду с трубкой,

составляющей всю их сантехнику, и есть их капсула, упакованная для переезда. Все элементы стандартные, модульные, легкие в сборке. Все пластиковое, включая надувные матрацы на койках и стены, похожие на толстые непрозрачные занавески для душа, какими, впрочем, и являются. Туалет химический; светильники в виде светодиодных лент, протянутых вдоль структурных элементов, напоминают новогоднюю подсветку. Праздник в темноте.

Владе обводит все это взглядом и заявляет, что капсула установлена. Процесс и вправду занял всего час.

— Как-то здесь стало немного прохладно, — замечает ему Джефф.

— Здесь всегда было прохладно.

— Но сейчас это сильнее чувствуется. После урагана, наверное.

— Конечно, — говорит Владе. — Сейчас чувствуется.

— И что ты собираешься делать по этому поводу? Я имею в виду, когда будет следующая сильная буря. Как защитишь этот этаж?

— Не знаю, пока еще думаю над этим. Мне кажется, сейчас весь город думает, что делать с окнами и как со всем этим справиться. Не знаю,

можно ли вообще надежно решить проблему, если такие бури будут происходить еще. Сам я надеюсь, что такое может случаться очень редко. Потому что сейчас нужны годы, чтобы все восстановить.

Матт и Джефф кивают.

— А пока, если вам больше не нравится здесь жить, вы можете попасть в список на обычное спальное место внутри. Или занять комнату Шарлотт.

— В ее комнате стены тоньше, чем здесь.

— Ну, хотите, можете присматривать за ее комнатой, если она выиграет выборы и переедет в Вашингтон.

— А это реально?

— Ну, я думаю, она бы могла ездить туда-сюда, но точно не знаю. Ведь если ты в Конгрессе, тебе нужно там иногда появляться?

Матт и Джефф не знают ответа: с таким они еще не сталкивались.

— Поверить не могу, что она сама этого хочет, — признается Матт.

— Мне кажется, не хочет. Она сейчас просто очень злится.

— Кто-то же должен этим заниматься, — серьезно заявляет Джефф.

— А мы можем стать ее министрами финансов без портфеля.

— Я хочу с портфелем.

— Тогда тебе придется поехать с ней в Вашингтон.

— Ладно, тогда нет. Но мне всегда хотелось портфель.

— Ну, ей же будут нужны какие-то финансовые советы. Потому что говно уже летит на вентилятор.

— И это работает, — говорит Джефф. — Я знал, что получится. Как говорит Франклин, опасаться стоит только того, что получится даже слишком хорошо и сметет всю цивилизацию. В остальном же все в порядке.

— Банки, наверное, с ума сходят.

— Разумеется. Разница между деньгами и не деньгами резко изменилась. Теперь деньгами считается только наличка. Потому что люди больше не оплачивают свои ренты и ипотеки.

— А студенческие ссуды? — интересуется Матт.

— Их и до этого не платили. Так что теперь в основании карточного домика ничего не осталось. Костяшки домино падают.

— Падают на карточный домик?

— Именно. Этот домик должен рухнуть.

— Хорошо. И видишь, мы даже вернули себе наше жилище!

— Вижу. И это хорошо. — Джефф встает в открытом проеме, смотрит на юг, в сторону Уолл-стрит. — Если бы только все вокруг поняли, что все, что им нужно, — это такая капсула.

Матт проходит мимо него и останавливается у южного поручня.

— Вид успокаивает.

— Да, красивый вид.

— Люблю этот город.

— Он не так плох. Особенно с высоты тридцатого этажа. А здесь я хочу поставить еще один ящик с растениями.

— Смотри, по пальцу себе не заедь. — Матт наблюдает, как Джефф расставляет доски так, чтобы получился длинный рабочий стол. — Ты теперь плотник, мой друг. Ты заметил, что мы из кодеров превратились в фермеров? Это как та страшная фантазия о возвращении к земле, о которой ты постоянно рассказываешь. Где люди становятся староверами и в мире все налаживается. Нечитаемое дерьмо, должен сказать.

Джефф фыркает, выравнивая две доски.

— Придержи эту штуку, пока я прибью.

— Ну уж нет.

Джефф пожимает плечами и пробует сделать все сам.

— Идиотизм сельской жизни — так это Маркс называл? Или фермерской жизни? Что-то в этом роде.

— К нему-то мы и пришли.

— Ладно тебе, мне тут нужна помощь. А мы все-таки на углу 23-й и Мэдисон в Нью-Йорке, на тридцатом этаже большого старого небоскреба, так что не такая уж это и деревня.

— А тебе-то нравится забивать гвозди.

— Нравится, — признает Джефф. — Это как бить своего злейшего врага по башке, снова и снова. И загонять его в чертову деревяшку! И прямо чувствовать, как он в нее входит! Прекрасное чувство. Так что иди сюда и помоги мне удержать эту штуку на месте

— Смотри, вот! Мы называем это зажимами. Берешь два таких — и ничего не сдвинется.

— Два зажима еще не спасение. Давай держи!

— Сам держи! Практикуй свои навыки, как Уильям Моррис[138], свое эмерсоновское доверие

[138] Примечания: 138

Уильям Моррис (1834–1896) — британский художник, поэт, писатель, социальный активист, лидер Движения искусств и ремесел.

к себе![139]

— На хрен доверие к себе! Эмерсон — дурак.

— Ты сам надоумил меня его почитать, — возражает Матт.

— Он просто святая простота, и тебе нужно было его почитать. Но он не смог бы связать и двух мыслей, даже если бы от этого зависела вся его жизнь. Он величайший автор печенек с предсказаниями в истории американской литературы. — Джефф довольно хмыкает. — Доверься моей заднице. Мы ведь обезьяны. Мы не можем обойтись без помощи друг друга.

— Из этого можно было бы сделать целых три предсказания для печенек. Может, нам начать свое дело?

— Нужно помогать друг другу, дорогой. Ты делаешь работу — я тебе помогаю. Так что иди сюда, придержи доску.

— Ладно, иду. Но ты будешь мне должен.

— Десять центов.

— Доллар.

— Колл-опцион на десять дохреналлионов долларов.

— Идет.

---

[139] Примечания: 139

«Доверие к себе» — эссе американского философа Ральфа Уолдо Эмерсона, опубликованное в 1841 г.

Б) Стефан и Роберто

В этой ситуации можно сказать – что первым, похоже, сделал Джамбаттиста Вико, – что, хотя природа бессмысленна, история смысл имеет; а если смысла нет, то его создает будущее как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Большое коллективное будущее имеет смысл – создать утопию. Но проблема утопии, коллективного смысла – найти смысл индивидуальный.

Фредрик Джеймисон. «Американская утопия»

Мальчикам понадобилось около недели, чтобы достичь своего прежнего веса, после чего Роберто снова не сиделось на месте — он стал задумывать следующее предприятие. Но каким бы ни оказался этот проект, его воплощение осложнялось тем, что теперь за ними присматривала целая дюжина взрослых в Мете. Они стали для них приемными родителями, стражами, наблюдателями — одним словом, старались взять их «под опеку кооператива», как выразилась однажды Шарлотт,

когда они попытались отказаться от их надзора. Им обоим все это не нравилось, и они условились, что опасно говорить открыто с кем-либо, кроме мистера Хёкстера, который имел собственное мнение насчет того, чем им следует заняться, а свои отношения с ними называл авункулатом, что на латыни означало что-то вроде «как дядя». Мальчикам латынь казалась классным языком, раз в ней было слово, означавшее «как дядя», потому что, насколько они могли судить, от дядь вообще никакого толку не было. И с радостью позволили старику взять на себя эту роль.

Он все еще пытался научить их читать. Это было ненамного труднее, чем понимать карты. Карты — изображения местности с высоты птичьего полета — мальчикам нравились, в них было все понятно. Мистер Хёкстер хотел, чтобы Амелия Блэк взяла мальчишек к себе на дирижабль, тогда ребята увидят, насколько с высоты местность похожа на то, что изображено на картах. Они были готовы полетать, даже с удовольствием. Хотя и без того вполне понимали принцип, по которому составлялись карты. Это же касалось написанных букв, которые были как бы изображениями устных слов: в каждой заключался один или два звука, и если их запомнить,

то можно озвучить любое слово и понять, что прочитал. Это тоже было легко. Как выяснилось, куда легче, чем они ожидали. Если бы английская орфография была не такой дурацкой, было бы еще легче, но ладно уж.

— Интересно, учиться всегда так легко? — спросил Стефан.

— Это вы можете сами узнать, — ответил мистер Хёкстер. — Но я бы не советовал. Вы, ребята, слишком шустрые для учебы. Еще станете умирать со скуки и наживете себе неприятностей, а неприятностей у вас и без того хватает.

— О чем это вы? Нет у нас никаких неприятностей.

Но Франклин, Владе и Шарлотт уже переплавили их монеты и теперь управляли деньгами, которые выручили за золото. А Франклин особенно настаивал, чтобы теперь, когда ребята куда-то отправлялись, обязательно брали с собой браслет. Всегда, без исключений.

— И вообще, — говорил он, — я считаю, что идея надеть вам браслеты на ноги, как у тех, кого сажают под арест, — это очень хорошая идея. Не сомневаюсь, что инспектор Джен могла бы принести нам парочку таких. Тогда вы точно их не забудете, и даже если сбежите, чтобы где-нибудь

себя убить, мы будем знать, как вы это сделали.

— Ни в коем случае, — возразил Роберто. — Мы свободные граждане республики!

— Да вы понятия не имеете, кто вы. У вас же нет свидетельств о рождении, верно? Боже, да у вас даже фамилий нет. И кстати, Роберто, откуда у тебя вообще появилось имя, если ты стал сиротой еще младенцем и рос один?

Роберто упрямо посмотрел на него:

— Я Роберто Нью-Йорк, из рода Нью-Йорк. Докмейстер называл меня воришкой[140], и я думал, что меня так и зовут, а потом один парень рассказал мне про Роберто Клементе[141]. И я решил, что буду Роберто.

— А сколько тебе тогда было?

— Мне было три года.

Франклин покачал головой:

— Удивительно. А ты, Стефан?

— Я Стефан Мелвилл де Мэдисон.

— Вы находитесь под опекой этого здания. Или, может быть, ОВНМ. Шарлотт оформила вас юридически. Поэтому если захотите выйти, то как

---

[140] Примечания: 140

Английское слово robber («воришка») по звучанию напоминает имя Роберто.

[141] Примечания: 141

Роберто Клементе (1934–1972) — пуэрториканский бейсболист.

минимум возьмите браслет.

— Хорошо, хорошо, — уступил Стефан. («Потом мы всегда сможем его отключить», — объяснил он позже Роберто, предвосхищая его упреки.)

— А пока я буду выходить с ними, — заявил мистер Хёкстер. — Мы выйдем и посмотрим, как там все изменилось после бури.

— Мы собираемся охотиться на ондатр!

Франклин кивнул:

— Хорошо. Мистер Хёкстер будет вашим электронным браслетом.

— Я и в самом деле очень привязан к моим друзьям, — признался старик, покачав головой, словно считал это вредной привычкой.

— А вот интересно насчет нашего золота, — заметил Роберто. — Вы пытаетесь запереть нас здесь, а сами держите наше золото в стороне от нас.

— Нет-нет, — ответил Франклин. — Ваше золото принадлежит вам. По крайней мере то, что от него осталось. Оно лежит у Владе в сейфе, чтобы вы не смогли сделать из него большое ожерелье и уплыть в нем на своей лодке. С ним все хорошо. Даже более чем. И вы сами это знаете. Спасибо индийскому Центробанку. А я часть тех денег, что они мне выплатили, использую, чтобы

зашортить жилье, и теперь вы богачи. К тому времени, как я закончу, вы будете примерно в пятьдесят раз богаче, чем были, когда у вас только появилось золото. Единственный вопрос состоит в том, останется ли еще кто-нибудь, чтобы все вам выплатить.

— Круто.

— Я хочу взять золотой дублон, сделать в нем дырочку и повесить на шею.

— Кажется, там гинеи, а не дублоны, но разве вы не слышали тех историй о мальчиках, которым воры отрезали головы из-за золотых ожерелий?

— Нет. — Ребята задумались. — А такое бывает?

— Конечно, это же Нью-Йорк, забыли?

— Ладно тогда, но я все равно хочу одну монетку. Буду носить в кармане.

— Это можно. Если будешь ходить с браслетом, мы всегда сможем найти твое тело.

— Идет.

И они продолжили пропевать все буквы алвафита. Теперь они пели всякий раз, когда хотели, чтобы мистер Хёкстер перешел к чему-то более увлекательному, чем просто чтение.

Сегодня, когда Франклин Гэрр ушел в Клойстер, мальчики с помощью песни уговорили мистера

Хёкстера на водную прогулку по городу.

* * *

Их лодка была на ходу, и они принялись слоняться по соседним каналам, разглядывая, как там шли дела. Ураган посрывал все листья, так что террасы и крыши выглядели голыми, а многие из каналов до сих пор были засорены всяким хламом. Но ребятам удавалось проходить по большинству из них, а городские бригады как раз вовсю их прочищали. Вокруг стоял сырой овощной запах, и многие из тех, кто находился в каналах, носили защитные маски. Мистер Хёкстер фыркнул, увидев это.

— Знали бы они, что лишают себя необходимых питательных веществ и полезного для себя микробиома.

Как они выяснили, самыми живучими из растений оказались деревья в горшках, которые просто попáдали от ветра, и теперь достаточно было их поднять и досыпать им немного земли. Эти деревья выглядели потрепанными, но несломленными — как сам город, сравнил мистер Хёкстер.

Выше, в межприливье, все смотрелось поистине убого. В районе 50-й улицы, куда успел дойти

штормовой прилив, теперь находилась беспорядочная груда мусора. Мистер Хёкстер сказал, что все это напоминало баррикады из «Отверженных»: рамы, ставни, стулья, корпуса лодок, мусорные баки, поддоны, ящики, контейнеры, множество веток, корней и даже целые деревья. Этот протяженный риф затруднял путь из Нижнего Манхэттена на сушу, так что теперь было любопытно наблюдать, как рабочие бригады сосредотачивали усилия на отдельных каналах авеню, чтобы наладить функционирование плавучих причалов — на Десятой, Шестой, Пятой и Лексингтон-авеню.

Тут и там были люди — они что-то искали либо просто проживали свое лето. Жители убежищ слонялись повсюду, облаченные в лохмотья. Будто все разом превратились в Гека и папашу, а город — в улицу Фанди при отливе.

— Почему они не заняли башни в аптауне? — спросил Стефан у старика.

— Они пытались, но не вышло.

— И что? — продолжил Роберто. — Это была всего одна ночь! А если они будут пытаться каждый день?

— Им это в голову не придет.

— Почему?

— Они называют это гегемонией.

— Хватит уже этих словечек!

Хёкстер рассмеялся:

— А вот и не хватит! Устроим войну слов! Это, кажется, греческое.

— И что оно значит?

— Гегемония… Оно значит, хм-м… значит согласие людей на то, что над ними доминируют, такое согласие, при котором на них не приходится постоянно наставлять оружие. Даже если с ними плохо обращаются. Они просто с этим живут.

— Но это тупо.

— Ну, мы же социальные животные, как вы бы, наверное, сказали.

— Значит, ты говоришь, мы все тупые. Мы как…

— Как зомби!

Хёкстер рассмеялся.

— Я тоже так всегда считал. Вы смотрели фильм «Вампиры против зомби»? Нет, не смотрели. О, какой это прекрасный фильм. Вампиры всюду летали и сосали кровь рабочих людей. У тех была самая лучшая кровь из всех. А когда тела рабочих полностью осушались, то превращались в зомби, и вампиры улетали куда-нибудь в другие места и нападали на новых людей, оставляя после себя

одних зомби.

— Значит, это и есть ге-ге-мо-ни-я, — осторожно предположил Роберто.

— А ты молодец. Да, все больше и больше людей, у которых высасывали всю кровь, становились зомби, и когда превратились уже почти все…

— Все, кроме одного!

— Кроме двух.

— Верно. И вот тогда зомби решили восстать.

— Очень вовремя!

— Лучше поздно, чем никогда.

— Именно. И все зомби побрели к вампирскому замку, намереваясь его захватить. Но они были очень медлительны. Вампиры поначалу только над ними посмеялись. Но потом не осталось новой крови, которую они могли бы высосать, поэтому вампиры тоже стали медлительными. К концу фильма все показывалось как в замедленной съемке, такая умора! Зомби разваливались на куски, когда с кем-то сталкивались, а вампиры теперь могли только кусать. И те и другие совсем ослабели. Как обычно и бывает, когда что-то длится слишком долго. Но в итоге зомби просто задавили вампиров весом своих отпавших конечностей. Конец.

— Хотел бы я это увидеть.

— Я тоже!

— И я, — поддержал их Хёкстер.

* * *

Минуя каналы, они высматривали зверьков — подмечая всех, но особенно выискивая ондатр.

— Индейцы считали, что медведи — это старшие братья бобров, — сказал Хёкстер, — а бобры — старшие братья ондатр. Старшие, видимо, защищали младших. Или просто не ели их.

— А что выдры?

— О нет, выдры — это жестокие убийцы. Дружелюбные, но жестокие.

— Даже не верится, как они вообще могут кого-то убить, у них же такие маленькие ротики.

— Тут дело в их нраве, мне кажется. Ой, смотрите, там на карнизе гнездо. Сапсаны вроде бы. Они такие классные.

— Они падают, как камни!

— Как стрелы, выпущенные вниз. Знаю. Сейчас мы находимся максимально близко к болоту, здесь, в межприливье в районе 55-й и Мэдисон. Потому что здесь было болото — до того, как появился город. Это, кажется, место Убиения Шепмосов. А я называю его Болотом двух чудаков. А сейчас оно словно возвращается. Видите, те

ивы и ольха уже растут из земли. Старая весна набирает силу.

— Не может быть.

— Может. Она осушает юго-восточный угол Центрального парка. Там старый водораздел, и он возвращается. Поэтому у бобров, которые живут в Центральном парке, появляется шанс. Так же на северо-восточном краю парка. Бобры грызут ольху и ивы…

— Зубами!

— Именно, они в этом отношении куда сильнее вампиров будут. Сгрызают целые деревья, а потом сплетают из их стволов и веток плотины, благодаря которым вода немного поднимается и замедляет отток. Еще они могут строить бобровые хижины, куда можно попасть только из-под воды, а потом подняться внутри, и там будет сухо.

— Как круто!

— Ага. В этих хижинах также могут жить ондатры, которые занимают их, когда бобры их бросают, или строят свои из старых веток, которые оставляют бобры. Так что благодаря бобрам могут появиться все виды животных и растений, что жили на этом острове, потому что бобровые плотины служат опорой для всего сообщества. Благодаря им образуются пруды и болота, где

живут лягушки, водные растения, пресноводная рыба и так далее. Этому нас научил Эрик Сандерсон[142]. Один из великих ньюйоркцев. Это он запустил проект «Маннахатта».

— О, смотрите, это ондатра?

Роберто выключил двигатель, и лодка медленно двинулась по течению в эту часть межприливья. От груды мусора на углу парка и 54-й улицы по воде расходилась рябь.

— Это их признак, — прошептал мистер Хёкстер. — Рябь идет от их усов. Они обнюхивают воду и осязают ее усами. Ондатры — название, будто у японского чудовища из фильма. Их можно узнать по запаху — стойкому мускусному запаху. Мне кажется, здесь их целое семейство, наверное, восстанавливают жилье. Хижины вроде бобровых, только поменьше. А под ними — вход в их норку.

— И что там у них в норках?

— Ходы в брошенные здания.

— Как там, что мы видели в Бронксе!

— Верно. Они делают вход под водой, но потом оттуда можно подняться на сушу. Там они спят, матери растят детенышей и так далее.

---

[142] Примечания: 142

Эрик Сандерсон — ландшафтный эколог, автор книги «Маннахатта: Естественная история Нью-Йорка».

— У них хвосты похожи на змей!

— Вроде того. Сейчас, если бы у вас была хорошая камера, вы могли бы их поснимать, а потом добавить в проект «Маннахатта». Это хорошая группа, и вам, ребята, хорошо бы в него вступить. Вам ведь нужен какой-то проект. Я вам уже говорил: после того как вы нашли «Гусара», все последующие поиски затонувших сокровищ для вас — путь по наклонной.

— А как же Мелвилл? Он ведь жил прямо рядом с нами!

— Да, правда, и было бы здорово достать табличку с его фамилией или что-то в этом роде. Может, стоит обратиться к городским властям, чтобы сделали такие голубые овальные таблички, как в Англии. У нас были бы Мелвилл, Тедди Рузвельт, Стиглиц и О'Кифф и все остальные. Но увозить его надгробие с суши в затопленный район — это, пожалуй, плохая идея. Да и вообще, сейчас делать что-либо под водой — это плохая идея.

Мальчики были не рады это слышать, но мистер Хёкстер был единственным из всех взрослых, которых они знали, кто не заставлял их что-то делать.

— Вас могут сделать полноправными члена-

ми «Маннахатты». Вы будете постоянно искать разных животных. А многие аквакультурные садки боятся ондатр, потому что те пробираются в клети и едят рыб. Так что вы можете заняться тем, что будете их отлавливать и увозить прочь.

— Это может быть весело, — отозвался Стефан.

— Чем-то же вам нужно заняться, — продолжил мистер Хёкстер. — Вы теперь люди праздные, а быть богатым — это ужасная судьба, насколько я слышал. Вам придется придумывать что-то полезное и доставляющее удовольствие, а это не так легко.

— Мы можем составить карту города! — воскликнул Стефан.

— Это мне нравится. Но должен заметить, сейчас научились делать очень хорошие карты с помощью дронов или даже из космоса. Наверное, это тоже весело. Но чтобы добиться результата, нужно много работать.

— Так чем же нам заниматься?

— Мне кажется, помогать животным было бы неплохо, — проговорил Хёкстер. — Животным или людям. Так обычно и поступают. Либо помогать, либо что-то создавать самим. Может, вы смогли бы украсить город, сделать какую-нибудь инсталляцию из обломков, оставшихся после

бури. Вот было бы забавно. Голдзуорти[143] прямо у вас под носом. Ну или отлавливайте крыс. В Центральном парке их тьма. Раньше там был зверинец со львами, так крысы туда пробирались и съедали у львов еду, а те ничего поделать не могли, иначе их бы загрызли насмерть.

— Да-да-да, крысы!

— Ну, возможно. Однажды в Центральном парке за выходные убили двести тысяч крыс. А через неделю они появились снова. Полагаю, вы могли бы стать крысоловами.

Роберто это не впечатлило.

— Я хочу заниматься чем-то серьезным, — заявил он.

---

[143] Примечания: 143
Энди Голдзуорти (р. 1956) — английский скульптор и художник.

B) Шарлотт

После того как мы ушли в Бреворт, все стали гораздо приятнее, и там была Эмма Голдман, она ела сосиски с квашеной капустой, и все смотрели на Эмму Голдман и на всех остальных, на кого угодно, и все были за мир, за содружество, за русскую революцию, и мы говорили о красных флагах, баррикадах и удобных точках размещения пулеметов

Мы выпили, съели «валлийских кроликов», расплатились по счетам, пошли домой, открыли дверь отмычкой, надели пижамы, легли в кровать, и там нам было очень удобно.

Джон Дос Пассос. США

Мудрость имеет обыкновение запаздывать и быть поначалу слегка приблизительной.

Допустил Франсис Спуффорд

Шарлотт баллотировалась в конгресс, но не тратила на это слишком много времени.

— Да, — признавала она на вечерних собраниях

либо по браслету, пока добиралась на работу. — Да, баллотируюсь, и это тот еще головняк, но кто-то должен это сделать. Наша нелюбимая Демократическая партия в очередной раз нас предала, когда мэр смалодушничала после урагана, даже не сказала в этот раз нужных слов, и она, как всегда, все делает неправильно. Знаю, я не играла в эту игру, не взбиралась по лестнице, как того требует партия, чтобы убедиться, что люди, которые собираются присоединиться к чертову кластеру в столице, достаточно смирные. Но этот мой недостаток обратился в преимущество, потому что именно из-за этого карьерного пути Демократическая партия теперь так ослабла. Однако за неимением лучшего я — демократ, и я намереваюсь говорить в пользу народа, а тех, кто говорит в пользу Денвера, — заткнуть. Вот почему я баллотируюсь. Моя программа похожа на ту, что имеет нынешнее левое крыло партии, в частности, можете узнать подробнее о Радикальных демократах, только имейте в виду, что я собираюсь прежде всего защищать интересы жителей межприливья, а также неизменно выступать против мировой олигархии. Я ни у кого не беру деньги на кампанию, и у меня нет собственных средств, поэтому веду ее в основном в облаке, как

сейчас. Голосуйте за меня, если хотите, а если нет — то получите то, чего заслуживаете.

На эту тему у нее было много вариаций. Она не старалась выглядеть милой и не появлялась на мероприятиях, которые можно было бы счесть важными. Она занималась своей работой в Союзе домовладельцев, помогала людям, которые даже не имели права голоса. Она говорила с некоторыми облачными личностями и с друзьями в определенных группах города. Это должно было стать экспериментом. Раньше похожие кампании проходили удачно.

Тем временем осень в Нью-Йорке складывалась благоприятным для нее образом. Дикая забастовка Союза домовладельцев получила известность и протекала довольно уверенно; не платить ренту и ипотеку, называя это политической акцией, оказалось очень популярным ходом. Рынки держались каким-то чудом, но гордо заявляли, что все хорошо, однако люди теперь говорили о ренте, используя ее определение из экономики, то есть как о любом принятии денег без произведения продуктивной экономической работы. Взяточничество, коррупция, рентоискательство — все эти слова внезапно стали синонимами. Забастовка домовладельцев даже выглядела логичным

ответом на побиение города Матерью Природой и на невежественную неуступчивость богачей, оставивших пустовать свои башни в аптауне. Тогда вот вам, забастовка! Смотрите теперь, как рушится ваш карточный домик. Все, что ни происходило, казалось, было ее кампании на руку. Плутократы прятали свои офшоры, наемники частных охранных компаний продолжали играть Снайдли Виплэша против Дадли Дорита[144] в лице нью-йоркской полиции. Национальная гвардия пребывала в Морнингсайд-Хайтс и пыталась совладать с обоими. И каждый разыгрывал свою роль, будто ничего и не изменилось, и Шарлотт никогда не упускала возможности на это указать. Может быть, она тоже разыгрывала свою роль, но она выступала в очень выгодном свете, по крайней мере ей так казалось. А если нет, то их всех ждало то, чего они заслуживали.

— Меня это не волнует, — снова и снова повторяла она. — Хотите голосовать за меня — голосуйте, нет — и ладно. Если я не пройду, то это избавит меня от огромных хлопот. Я делаю это только потому, что кто-то должен это делать, какой-нибудь несчастный бюрократишка, и мне самой не

[144] Примечания: 144

Злодей и полицейский соответственно, из мультсериала «Шоу Рокки и Буллвинкля» (1959–1964).

верится, что это я, что меня на это подбили. Уж простите, что я такая лохушка, но в детстве мама читала мне книжки, и, мне кажется, они сделали свое дело. Я верила в те истории. До сих пор верю. А я привыкла честно трудиться, будто не имею ничего общего с этим временем, в котором живу. Поэтому голосуйте за меня, не дайте мне почувствовать себя еще большей дурой, чем я чувствую себя сейчас.

Ее рейтинги стремились вверх, и это придавало ей уверенности, чтобы конкретнее говорить о левом крыле Демократической партии, о растущем национальном движении, о том, как они намеревались раз и навсегда прибрать к рукам трусливых бизнесменов и посмотреть, сможет ли правительство вернуться к тому, чтобы снова начать изъявлять волю народа.

— Смотрите, финансовая система опять раздувается: у них лопнул очередной спекулятивный пузырь, и они уже идут в Конгресс, требуя, чтобы налогоплательщики в очередной раз их спасли, как это происходило всегда. Отдайте нам все деньги, что мы надули, говорят они, а то мы взорвем мир. Они надеются, что им заплатят не позднее ноября, когда соберется новый Конгресс, который может поступить иначе. И мы поступим

иначе, если вы изберете достаточно Радикальных демократов. Там мы будем действовать сообща, такие кандидаты, как я, есть повсюду, и на этот раз спасем экономику ради нас, а не ради богачей. Вот что их сейчас пугает — то, что впереди замаячил реальный план, который состоит в простом — национализации банков. Превратите эту гигантскую пиявку, сосущую реальную экономику, в кредитный союз, и вернутся все кровные денежки, что мы потеряли, обратно к нам.

Она успела себя остановить, прежде чем образ пиявки, которую раздавливают, чтобы вернуть свою кровь, стал слишком ярким. Если она была в ударе, то подобная жуть могла литься из нее рекой. Достаточно выпить бокал вина, закрыть глаза — и вперед. Она начинала злиться и теряла контроль. А рейтинги росли, так что это, похоже, работало, и образов у нее в голове от этого рождалось еще больше. Достичь цели она могла только так, если вообще могла. Она даже начала посещать различные мероприятия в рамках своей кампании. Но большинство из них заключались в том, что она просто говорила по своему браслету и передавала свои сообщения в эфир. Обращалась к городу с импровизированной трибуны в парке, будто сумасшедшая. Но благодаря Союзу домо-

владельцев она имела некоторый авторитет.

Амелия опубликовала фотографию себя с леопардом под баннером: ВСЕ БОЛЬШИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ГОЛОСУЮТ ЗА ШАРЛОТТ. Леопард сидит, будто собака, Амелия стоит рядом, оба раздеты и невинно прекрасны. Оба спокойно смотрят в камеру. Вокруг какая-то африканская равнина, а сзади — бирюзовое небо.

— Класс, — прокомментировала Шарлотт. — Я тебя люблю.

Тем временем на реальной работе, в реальном мире Союз переключил внимание с иммигрантов на беженцев — или как еще назвать ту четверть всех горожан, которым теперь требовалась помощь. Это были как законные жители межприливья, так и самозванцы без документов, которые прежде нигде не фигурировали, но, каким бы ни был их правовой статус, после бури они остались без жилья и теперь занимали Центральный парк, либо аптаун, либо какое-нибудь полузатопленное здание, которое еще не успело развалиться. По грубым оценкам, таких людей было порядка миллиона, а то и двух, причем довольно немалая их доля надеялась пережить все это, обойдя все городские системы и нигде не регистрируясь. Это составляло огромную проблему для админи-

стрирования, которое было необходимо, чтобы беженцы остались в живых и не нахватались болезней.

С другой стороны, положительным следствием для города стало резкое ослабление наплыва иммигрантов извне. Что логично: люди, как правило, не стремились попасть в зону бедствия. А те, кто стремился, зачастую имели дурные намерения, поэтому сейчас казалось морально оправданным отказывать во въезде всем, кто пытался проникнуть в город. Мэрия выдавала разрешения на пребывание по новой, спонтанно сложившейся системе, имеющей много общего с китайской. Это было гадко. Наверное, даже антиконституционно, но приносило временное облегчение. Проблем и так хватало, словно говорил им сам город. Приезжайте позднее. А пока все прочь.

Конечно, кое-кто, как всегда, проникал нелегально. Некоторые из этих людей, без сомнения, были преступниками, которые надеялись опередить беженцев, и полиция делала все, чтобы обеспечить правопорядок, сама при этом борясь за то, чтобы установить контроль над частными охранными армиями, действовавшими по всему острову и в гавани. И эта борьба едва не перехо-

дила за грань небольшой гражданской войны. Когда к полиции присоединилась Национальная гвардия, это здорово помогло. Шарлотт даже на какое-то время задумалась, что это значило: полицейское государство казалось таким желанным, реальной возможностью предотвратить худшую судьбу, — но затем вернулась к своей работе. Дел у нее каждый день было невпроворот.

Для Шарлотт это означало бесконечный поток клиентов, жаждущих, чтобы им помогли найти жилье, после того как прежнее было повреждено или вовсе разрушено. Переселение людей — этим же она занималась и до бури, так что хоть в чем-то жизнь осталась прежней, только теперь стала в тысячу раз насыщеннее. Жизнь в режиме чрезвычайной ситуации не в ее стиле, пожалуй, и жить в таком темпе невозможно, тем более она и до этого уже вымоталась до предела. Поэтому теперь не оставалось ничего, кроме как сжать зубы и проживать жизнь минуту за минутой, день за днем. Делать все, что было возможно на тот момент. Вот так и проносились дни.

Когда вся инфраструктура и жилищный фонд понесли ущерб из-за бури, многие городские департаменты обратились в Гарвардский университет за помощью в организации спасения

беженцев. Это давало Шарлотт некоторые рычаги внутри городской власти, а также косвенную возможность критиковать работу мэра и ее подчиненных. Многие городские чиновники теперь действовали в обход мэрии, лишь бы помочь тем, кто реально в этом нуждался. Шарлотт служила одним из узлов этой альтернативной системы и, не критикуя мэра открыто, была довольна наблюдать, как мэрия с двойным усердием пытается сгладить образ мэра и выставить ее в приличном свете. В остальном же вся команда мэра была бессильна, и люди уже начинали на это указывать прямо либо игнорируя их всех. И слухи уже расходились по городу.

— Кого волнует, как выглядит фигура на носу корабля, если он тонет весь целиком? — заявила Шарлотт в одном из своих браслетных обращений. — Это я говорю от себя лично как кандидат в Конгресс на место, куда мэр надеется посадить одного из своих бесполезных лакеев.

Возвращаясь по вечерам в Мет, она выбирала остатки еды в столовой и, устраиваясь там, наконец расслаблялась. Здесь у нее было нечто более приятное, чем обычная рутина или перипетии кампании, — работа с Франклином Гэрром над его проектом реконструкции. К этому времени

уже были заключены контракты на восстановление нескольких кварталов в Челси — в качестве эксперимента. Инвестиционная группа Франклина (включавшая также «золотую» команду Мета) обеспечила временное право владения, насколько это было возможно в межприливье, плюс разрешения на снос и строительство, а также средства на эти работы. Средства эти состояли из их монетизированного золота, федеральных и некоммерческих грантов, меценатских инвестиций, венчурного капитала и обычных займов, полученных до кредитного кризиса, который теперь усугублялся с каждым днем. Франклин сказал, что уже собрал группу строителей, а это было непросто, учитывая, как заняты сейчас были все подрядчики. Восстанавливать Нью-Йорк стекались строители от Бостона до Атланты, но их все равно не хватало, поэтому, по иронии судьбы, самым сложным для Франклина оказалось найти их.

— Как ты их на это уговорил? — спросила она.

— Мы ездили в Майами. Там есть фирмы, которые занимаются подобным уже несколько лет. И еще мы платим им вдвое больше, чем они получают обычно.

— Молодец. Да, кстати… я могу предоставить

тебе жильцов.

— Вот это камень с души! Только сначала предоставь-ка мне лучше якорных цепей.

С их помощью платформы должны были крепиться к коренной породе. А коренная порода в районе строительства, как оказалось, залегала на глубине ста шестидесяти футов ниже уровня канала, что было неудобно, но не критично. Просто еще одна статья расхода. Подвижные элементы, они же растягивающиеся, которые должны были вытянуться от столбиков на глубине до плавучих платформ, по словам генподрядчика, представляли наибольшее затруднение. Это растяжение достигалось в том числе средствами биомиметики, почерпнутыми у водорослей и моллюсков. Средства были удивительно эффективными, но сравнительно новыми и редкими, а поэтому дорогими.

Плюс ко всему следовало учитывать обычные здания, прилегающие к их новому кварталу.

— В итоге весь Нижний Манхэттен будет связан вместе, как морская трава. Но это все потом.

— Как идет снос?

— Хорошо. У нас в команде Айдельба, подруга Владе, она драгирует дно, после чего там устанавливают кессоны и сверлят коренную породу.

Она делает нам одолжение, потому что эти работы идут сейчас полным ходом, а ей не терпится вернуться в свой Кони-Айленд. Но, по ее меркам, это небольшая работенка, и она только рада участвовать.

— Рада слышать.

— Ты уже ужинал?

— Нет, то есть чуть-чуть только. Боже, уже десять часов.

— Идем поедим.

— Давай.

За перекусом в небольшом буфете на носу Флэтайрона Шарлотт спросила у Франклина, что он думал о ситуации в финансовой системе.

Франклин махнул рукой и, прожевав, ответил:

— Происходит то, что происходит. Они в ужасе. Все зависли над пропастью, и шесты под ними уже трещат. Они еще пытаются отвести беду, поэтому по сравнению с некоторыми другими пузырями процесс протекает медленно, но полное крушение уже начинается.

— И когда оно произойдет?

— Смотря на сколько их хватит притворяться, будто все нормально. Те, кого это касается больше всех, по-прежнему ищут пути выхода, поэтому хотят, чтобы впечатление, будто ничего страшного

не случилось, продержалось как можно дольше.

— Так, может, мне пора снова выйти на моего Федэкса?

— Если считаешь, что его нужно подбодрить.

— Наверное, нужно.

— Тогда определенно встретьтесь.

В этот момент их беседу прервала группа музыкантов, исполнявшая «Пиратов Пензанса»[145] в жанре блюграсс — на банджо, скрипке, концертино и казу, с очень красивым и громким вокалом. Банджист при этом стоял прямо перед ними, так что им оставалось только откинуться на спинки кресел и наслаждаться музыкой.

Засыпая тем вечером, Шарлотт думала над разговором, а утром отправила сообщение Ларри: «Кофе? Ужин?» И получила ответ: «Ты же шутишь, да?» — «Нет. Тебе нужно питаться, и мне тоже». — «Я в Вашингтоне». — «Не сомневаюсь. Уже что, конец света?» — «Около того». — «Так что, скоро будешь здесь?» — «Да». — «А питаться нужно, даже когда конец света». — «Да». — «Ужин? Завтрак?» — «Ужин. Вторник».

---

[145] Примечания: 145

Опера на музыку Артура Салливана и либретто Уильяма Гилберта, впервые поставленная в Нью-Йорке в 1879 г.

* * *

Когда она, отложив все дела из своего списка, готовилась к ужину с Ларри во вторник, ей позвонила Джен Октавиасдоттир.

— Знаете, кто похитил Матта и Джеффа? — спросила Джен с запястья Шарлотт. — Помните, мы заподозрили охранную фирму? Я вам говорила, что она, судя по всему, была связана с Генри Винсоном. И это было логично, учитывая все, что мы тогда знали. Поэтому мы установили за всеми ними наблюдение. Но в ту ночь, когда возле башен произошел мятеж, я поговорила с человеком, который работал на эту фирму, он мне кое-что рассказал, и я попросила своего помощника проверить ту информацию. Так вот, похоже, это правда. «Пинчер Пинкертон» работала на Винсона, а «Активное подавление неподчинения» появилось позднее. И самый главный в АПН, Эшер, работал на Ларри Джекмана.

— Ого! — Шарлотт попыталась осмыслить услышанное. — И что это значит? — Но тут она поняла: — Черт! Вы хотите сказать, что за всем этим стоит Ларри?

От внезапно нахлынувшей ярости ей застило красным глаза — физиологическая реакция, кото-

рую мог испытать любой. Мир вокруг покраснел!

— Да, только здесь дело немного сложнее, — ответила ей Джен, и Шарлотт снова обрела зрение. — Спускайтесь в общую комнату, я объясню вам лично.

— Да, конечно. Мне скоро нужно уходить, как раз на встречу с Ларри Джекманом. Поэтому мне нужно все знать!

— Определенно.

* * *

В Сохо находился ресторанчик, где они в старые времена часто бывали. Шарлотт показалось немного странным, что Ларри предложил именно его, но ей нравилась здешняя кухня, и, зная его занятость, ей не хотелось усложнять дело встречными предложениями. Дело и так непростое.

Заведение было совсем крошечным, вписанным между двумя зданиями еще, наверное, в XIX веке. За длинной барной стойкой тянулась модель панорамы Манхэттена, выстроенная из бутылок. Официант усадил их в комнате на верхнем этаже с видом на внутренний дворик с кирпичными стенами и единственным выжившим деревом. Защищенное от ураганных ветров, оно до сих пор сохранило листья — сейчас оно

своим видом напоминало произведение китайского декоративного искусства.

— Ну как дела? — спросила Шарлотт, когда им принесли напитки.

Ларри поднял бокал белого вина, чокнулся с ней.

— Твои домовладельцы приводят всех к панике, — проговорил Ларри, глядя на свой бокал. — Хотя тебя это, похоже, не удивляет.

— Нет.

— Ты попросила свою подругу Амелию Блэк все это начать?

— Мы не настолько близко знакомы.

— Она кажется полной дурой, — сказал он.

— Нет, вовсе нет. Она довольно смышленая.

— Ты шутишь.

— У нее просто такой облачный образ, только и всего. Думаю, можно так объяснить. Вот ты слышал историю про Мэрилин Монро?

— Нет.

— Один раз она шла по Парк-авеню со Сьюзан Страсберг, и на них никто не обращал внимания. Тогда Мэрилин спросила: «Хочешь увидеть толпу почитателей?» — а потом вдруг изменила осанку и взгляд, и их сразу окружила толпа. С Амелией, наверное, то же самое.

— Не понимаю, как это устроено.

— Думаю, нам не стоит отвлекаться.

Он, слегка ссутулив плечи, согласился. Его поза словно говорила: какая радость — ужинать с бывшей. Шарлотт напомнила себе, что должна придержать язык. Это было очень тяжело. Пожалуй, то, чтобы встречаться со своим именитым Федэксом при подобных обстоятельствах, было сродни садизму, но ею двигала более высокая цель, об этом нельзя было забывать.

— Я только хочу сказать, — продолжила она, — что эта тщательно скрытая и, наверное, неосознанная смышленость Амелии — сейчас не главное. Главное то, что банки находятся в ужасе. У них же кредитов в пятьдесят раз больше, чем собственных средств, верно?

Он кивнул:

— В этом нет ничего противозаконного.

— То есть они как крытые переходы, которые тянутся в самый космос и не имеют никакой опоры на дальних концах. А теперь по ним бьет ураган типа нашего «Фёдора», и они качаются так, что вот-вот оторвутся и улетят прочь.

— Какой витиеватый образ, — заметил Ларри.

— И пользоваться этими переходами никто не хочет.

Он кивнул:

— Так и есть. Кризис доверия.

Она не смогла сдержать улыбки.

— Когда экономисты начинают говорить о доверии и о цене, всегда становится видно, что они в глубоком дерьме. Обычно-то для них фундаментальные факторы — это процентные ставки и стоимость золота. Но потом пузырь лопается, и фундаментальными факторами становятся доверие и цена. Как создать доверие, сохранить его, восстановить? И каков основной источник стоимости? Я читала историю, и я не сомневаюсь, что ты все это уже знаешь. Помнишь, Бернанке пришлось признать, что правительство — это основной гарант стоимости, который спас банки при кризисе 2008-го?

Ларри кивнул.

— Известный случай, да? Заставляющий даже задуматься о политэкономии, а то и о философии?

— Печально известный, — поправил он.

— И скандальный! Повергающий в ужас любого экономиста! Полное подавление рынка!

— Ну, насчет этого я не знаю. Мнение было таково, что стоимость устанавливает рынок — простым согласованием цены продавцом и

покупателем. Свободное принятие контракта, все такое.

— Но это всегда было бредом.

— Вот ты так говоришь, но что имеешь в виду?

— Я имею в виду, что цены систематически занижаются. Потому что покупатели и продавцы соглашаются наплевать на будущие поколения, лишь бы получить желаемое.

Обо всем этом ей рассказала у себя в садах Джефф.

— Ладно, даже если это так, то что мы можем с этим поделать?

— Для этого нужны моральные принципы. Принципы, благодаря которым можно будет установить цену.

— Ага, а еще чего?

Она пристально посмотрела на него:

— Это ты сейчас стал таким циничным или всегда им был?

— Это вопрос из разряда, ну типа, ты уже перестал бить свою жену?

— Ты бы не стал никого бить, — сказала Шарлотт. — Я это знаю. Более того, я знаю, что ты хороший человек, совсем не циничный, и поэтому я сейчас с тобой разговариваю. Мне, наверное, интересно, почему ты пытаешься казаться ци-

ничным, когда имеешь возможность сделать что-то хорошее. Ты что, боишься?

— Чего?

— Ну, вершить историю, наверное. Это стало бы большим шагом.

— Что стало бы?

— То, о чем мы с тобой говорили, Ларри. Время пришло. Банки, крупные инвестиционные фирмы и хедж-фонды умоляют тебя снова их спасти. Они воображают себе 2008-й и 2066-й, и почему бы им не воображать? Это происходит снова и снова! Они играют и проигрывают, не могут справиться сами, прибегают к тебе в слезах, угрожают падением мировой экономики и гигантской депрессией, ты печатаешь деньги и выдаешь им напрямую, они складывают их и пережидают бурю, дожидаются, пока другие запускают процесс, а потом начинают играть снова. Вот и сейчас они владеют восьмьюдесятью процентами капитальных активов мира, покупают все правительства и законы, и ты сам много лет был частью этого. А сейчас они делают это опять. Поэтому и ожидают, должно быть, того же, что получали всегда.

— Потому что примеров обратного не существует, — предположил он, делая глоток и не сводя с нее глаз.

— Еще как существуют. Депрессия 1930-х привела к серьезным структурным изменениям, и банки были посажены на поводок, богачи обложены безумными налогами, и все делалось ради народа.

— Тогда этому поспособствовала Вторая мировая война, насколько я помню.

— Она была позже, и да, поспособствовала, но структурные изменения в пользу людей вместо банков свершились еще до начала войны.

— Я об этом почитаю.

— Стоило бы. Ты узнаешь, что Федрезерв управлял банками, а налог на годовой доход свыше четырехсот тысяч долларов вырос до девяноста процентов.

— В самом деле?

— Девяноста одного процента. Тогда богатых не любили. Из-за Второй мировой они не были в почете. И сделал это президент-республиканец.

— Даже не верится.

— Не верится. Но ты включи воображение.

— Ты мне его и так включаешь.

— Рада помочь. И вообще, даже в 2008-м национализировали «Дженерал моторс» и могли бы также национализировать банки — сделав это условием выдачи им около пятнадцати трилли-

онов долларов. Но не сделали этого, потому что сами были банкирами и ссыкунами. Хотя могли. А сейчас ты это можешь.

— Что ты имеешь в виду под национализацией? Я даже не понимаю, о чем ты.

— Все ты понимаешь. Я не понимаю, но ты понимаешь. Так и сам расскажи мне, что это значит. Все, что знаю я, — это что ты защищаешь вкладчиков. И я полагаю, что банки всю свою прибыль будут отдавать правительству, чтобы вернуть то, что у него одолжили. То есть станут как бы федеральными кредитными союзами.

— Зачем тогда кому-либо вообще понадобилось работать в банках?

— Чтобы получать зарплату! И хорошую зарплату, но не более того. Как и все прочие.

— А зачем акционерам инвестировать в банки?

— Затем же, зачем они скупают государственные краткосрочные облигации. Ради безопасности. Это вложение в безопасность.

— Я себе этого даже не представляю.

— Твой недостаток воображения — не очень хорошая черта при занятии политикой.

Ларри покачал головой:

— Ну, не знаю. А почему они должны с этим

согласиться?

— Потому что если не согласятся, то прогорят! Ты делаешь предложение крупнейшему банку или крупнейшему из тех, у кого совсем плохи дела, тому, который должен первым обанкротиться. Берешь его в тиски, он принимает предложение, иначе ты позволяешь ему обанкротиться в пример остальным. Так что, как ни крути, получится как надо. Если банк не согласится — он погибает, а ты переходишь к следующему в очереди и говоришь: хотите уйти на дно, как «Ситибанк»[146], или хотите жить?

Он рассмеялся:

— Это бы точно привлекло их внимание.

— Ну конечно! А ты все равно печатаешь деньги, чтобы их спасти, так чего тебе переживать? Для тебя это просто количественное смягчение!

— Инфляция, — сказал он. — Ее не избежать.

— Как бы не так. Ладно, не делай вид, будто теория здесь работает. К тому же небольшая инфляция тебе самому нужна, ради экономической безопасности, разве нет?

— Но так она может быстро выйти из-под контроля.

---

[146] Примечания: 146

Крупнейший международный банк, основанный в Нью-Йорке в 1812 году.

— Когда владеешь банками, справиться с этим не проблема. У тебя под ногами и газ, и тормоз.

Он снова покачал головой:

— Если бы только это было так просто.

Она посмотрела на него.

— Здесь нужна еще поддержка конгресса, — заметил он, посмотрев на нее. Весь ужин он пялился на свой бокал, будто это был хрустальный шар, в котором он надеялся узреть видение. Но сейчас он перевел взгляд на нее.

— Знаю, — ответила она. — Я над этим работаю. Если меня изберут, я помогу, в противном случае там будет группа людей, которые тоже помогут. Народ обозлен. То есть реально обозлен. Не так, как обычно.

— Что правда, то правда. И ты сказала им, что надо перестать платить за ипотеку.

— Ну, вообще это начала Амелия, но да, она права. Нам нужны лучшие условия. У нас забастовка против Бога.

Им принесли еду, и они принялись есть. Они говорили о восстановлении города, различных проблемах и мероприятиях. О том, как их старые маршруты в Центральном парке исчезли с лица земли. Их прошлое пропало… О нет!

На десерт между ними поставили одно крем-

брюле. Как того требовала традиция, они придержали его ложками, проломили обожженную корочку и, убрав затем ложки, разрезали его посередине, разделив на две части. В этот момент Шарлотт решила, что атмосфера стала достаточно дружелюбной, чтобы поднять деликатную тему.

— Слушай, — начала она, — давай я расскажу тебе одну историю. Только хочу сразу сказать: это не шантаж и вообще ничего в таком роде.

— Уже успокоила, — проговорил Ларри, слегка округляя глаза. Он не мог притворяться — это было искреннее потрясение.

— Надеюсь, что так. В общем, слушай. Когда-то давным-давно жила-была крупная инвестиционная фирма, которой управляла парочка умников. Один был говнюком и мухлевщиком, а второй был хороший парень. Мухлевщик систематически мухлевал, да так изощренно, что хороший парень даже не понимал, что происходит. Такое ведь возможно, да?

— Наверное, — проговорил Ларри, уставившись в крем-брюле, словно пытался что-то в нем найти.

— Так вот, потом один квант, который у них работал, заметил мухлеж и попытался об этом

донести. Но мухлевщик об этом узнал, пошел к своей личной охране и сказал: «А ну избавьтесь кто-нибудь от этого чокнутого кванта». И его охранник ответил: «Сделаем без проблем». А их охранная фирма стояла очень высоко в списке ФБР худших фирм, что само по себе о многом говорило. Но потом об этом узнал хороший парень. Что его партнер кого-то нанял, чтобы кого-то убить и сохранить в секрете свой мухлеж. А это, по законам совместного предпринимательства, считалось их общим мухлежом. Равно как и убийство.

Ларри теперь пожевывал свою ложку, а его бледная веснушчатая кожа студента-отличника чуть вспыхнула.

— Так что хороший парень оказался в затруднительном положении. Эти законы сейчас такие дурацкие! Если ты знаешь, что кто-то собирается совершить преступление, то сам становишься соучастником. А у мухлевщика, может быть, тоже было что донести на хорошего парня. Да, но у хорошего парня была собственная охранная фирма, с лучшей репутацией, чем у фирмы мухлевщика, и более крупная. Вот он и просит свою охрану обеспечить кое-какую превентивную защиту для подверженных опасности квантов.

Его охранники выполняют это достаточно быстро и предотвращают удар. Они, конечно, тоже не гении, просто обычные охранники, которые делают первое, что приходит им в голову. Но вот они остались с этими квантами, которых они спасли от убийства, и нужно было придумать, как отпустить их обратно, чтобы они были в безопасности и ситуация не вышла из-под контроля. Это оказалось неочевидно, зато и торопиться некуда. Поэтому ситуация на какое-то время зависла.

— Ты подчеркнула, что это не шантаж, — напомнил ей Ларри, — и я это вижу. Но все жду, что сейчас наступит самое страшное.

— Ой, да это просто история. Я рассказываю ее потому, что мне ее рассказала подруга, инспектор Джен Октавиасдоттир. Она живет в моем здании, и она очень предана полиции Нью-Йорка и всему Нижнему Манхэттену, а там она известна как раскрыватель всевозможных таинственных преступлений. Но у нее очень нестандартное мышление — так, наверное, можно сказать, если говорить об охране правопорядка в целом. У нее собственные взгляды. Например, ей нравятся те кванты, и она только рада, что кто-то постарался их защитить. Значит, ей нравится и тот, кто это сделал, — кем бы он ни был. Вот Джен и сказала

мне, что, хотя она выработала детали этой истории вместе со своей командой, она также собрала все свидетельства лично, и они изолировали эту информацию ото всех — так же как раньше были изолированы те кванты. Больше эту историю никто не знает, и она не планирует в нее никого посвящать. Поэтому, если мухлевщик, например, попытается шантажировать хорошего парня из сказки, у него ничего не получится. Вообще без шансов. Так что сейчас все это можно утопить в канале. Чтоб сгинула эта история в темной бездне времен.

Ларри сглотнул, отправив в горло кусок крем-брюле.

— Любопытно, — проговорил он.

— Надеюсь, — сказала Шарлотт. — Главное, что можно из этого почерпнуть, — что иметь такую подругу, как моя инспектор, это очень хорошо. Я ее прям люблю. Один раз вообще мы спросили у нее кое-какого финансового совета о наследстве наших юных друзей, и ты не поверишь, насколько разумным оказался ее совет. Может, и не очень законным, но разумным. Она, по сути, сделала тех ребят богачами. Она очень хорошая подруга. И с очень острым чувством справедливости.

— Мм, — сказал он, отправляя в рот мороженое.

Или, возможно, это было «хмм».

Некоторое время они ели молча.

— Коньяка? — предложила она.

— Да, пожалуйста.

Г) Владе

Некогда я проходил многолюдным городом, впечатывая в сознание, на долгую память, его зрелища, здания, обычаи, нравы;

Но теперь из всего этого города я помню только женщину, которую там ненароком встретил, которая меня задержала, потому что любила;

День за днем, ночь за ночью мы были вместе,

Все остальное давно позабыто;

Помню только ее, помню только, как она страстно вцепилась в меня;

Снова бродим по городу – любим друг друга – и расстаемся снова;

Снова она берет меня за руку – я не должен уйти!

Вижу рядом, так близко, ее, грустную, робкую, с немыми губами[147].

Уитмен

Владе, как всегда, проводил дни за работой над зданием. Все возвращалось к норме — хотя какой была та норма, он уже вспомнить не мог. Все прежние годы смешались у него в голове, будто грязь на дне каналов, а события с начала бури так превосходили прошлое, что затмевали его сильнее, чем когда-либо. Здание по-прежнему было забито новыми беженцами, которых приютили по настоянию Шарлотт до тех пор, пока для них не найдутся другие варианты. Это доставляло хлопот, потому что здание было переполнено и до бури. Сейчас ситуация стала совсем уж плачевной, но многие беженцы были искренне им благодарны и влюблены в Мет, как моллюск, оторвавшийся от корабельной древесины, влюбляется в причальную сваю, что встретил на своем пути. Сейчас дошло до того, что коммунальный девиз — «один за всех и все за одного» — мог послужить препятствием для надлежащего управления. Нужно было как ми-

[147] Примечания: 147
Перевод Дмитрия Кузьмина.

нимум изменить «всех» на «некоторых», а это было несколько неудобно.

Тем временем управление расходом энергии, воды и канализацией заключалось только в том, чтобы экономить их под натиском толпы. Еда, к счастью, не была в ведении Владе, однако ему приходилось помогать и с ней — сначала доставлять ее на кухню, а потом выносить остатки из здания. Весь компост теперь хранился внутри, где во множестве ящиков готовилась новая почва. Владе также задумывался о противоштормовых окнах на садовом этаже, однако установить их быстро или дешево было невозможно. Не говоря уже о том, что сейчас заниматься этим было некогда. Нет, это сумасшедшее время, сумасшедшая осень!

И тем не менее случаи саботажа в здании, насколько мог заметить Владе, прекратились. А если он не мог сказать, продолжались они или нет, — это уже хорошо. Однажды он упомянул об этом Шарлотт, когда та была дома и они решали вопросы с размещением беженцев. Она так и не отказалась от председательства в правлении кооператива, хотя многие этого требовали. Только не Владе: даже посвящая этому всего десять минут в день, она справлялась лучше других членов.

Одним из недостатков ее выдвижения в Конгресс он считал вероятность ее победы, после которой она уж точно уйдет из правления как минимум на два года, а то и насовсем. Это могло стать катастрофой, но он не собирался расстраиваться раньше времени.

Когда он рассказал о прекращении случаев саботажа, она рассмеялась.

— Саботаж теперь совершают против них самих. Ситуация изменилась и обернулась против них. Все началось со скандала с пустыми высотками, а теперь стоимость их инвестиций рушится в свободном падении. Мне кажется, кто бы ни сделал нам тогда предложение, сейчас он очень занят тем, что пытается избежать банкротства.

— Мне это по душе, — сказал Владе.

Она кивнула.

— А пока нас никто домогаться не будет. Как и пытаться враждебно поглотить. Вообще я очень ждала голосования по повторному предложению, потому что думаю, что жильцы, зная, что мы находились под атакой, его бы отклонили. И это было бы замечательно.

— Да здравствует буря! — возвестил Владе и развеселился от собственной шутки.

Она снова кивнула, так же весело.

— Луч надежды, — проговорила она и поднялась, чтобы уйти на свою следующую встречу.

Уже что-то хорошее. И еще одно — Айдельба, которая все еще ночевала на диване у него в офисе. Они вставали по утрам, одевались и занимались своими делами, не говоря друг другу ни слова и совершенно не общаясь целыми днями. Айдельба собиралась вскоре вывести свой буксир с баржей обратно в Кони-Айленд, а для этого ей предстояло еще много работы. Но каждый вечер после ужина она приходила к Владе, и они готовились спать, точно двое потерпевших кораблекрушение и оставшихся на одном плоту. Он чувствовал, что ей было больно, и ему было так же больно самому. Оба знали, что на них давят воспоминания, но никому не хотелось об этом говорить. Он до сих пор чувствовал, как буксир прижался к зданию, видел кровь на стене и в воде. И помнил ее взгляд, после которого она избегала на него смотреть. И ничего с этим не поделать, нечего тут сказать. Остается только молча ночевать в офисе.

И конечно, дело было не только в несчастных незнакомцах, которых они раздавили. Они это тоже понимали. Много лет назад, когда утонул их ребенок, они пытались об этом говорить. Пытались не винить друг друга. Хотя винить кого-либо

повода не было — просто произошел несчастный случай. И все же это отдалило их друг от друга. Что уж тут отрицать. Владе испытывал вину. Стал больше пить, больше нырять. Проводил жизнь под водой, где, к сожалению, забыть об утоплении было нельзя, но это была его работа, его жизнь; поэтому, поднимаясь на поверхность, он пил. А она все больше злилась или печалилась. Они уплывали друг от друга на льдинах, несмотря на то, что жили в одной квартире в районе Стивсент — прижатые друг к другу, но разделенные миллионами миль. Никогда еще ему не было так одиноко. Когда вы лежите в кровати рядом с другим человеком, обнаженные под одеялом, но совершенно одинокие — наверное, это худшее одиночество из всех возможных. С тех пор он спал один многие годы, но никогда не чувствовал себя так одиноко, как тогда. К тому времени как Айдельба съехала, они не разговаривали и словно находились в ступоре. Говорить было нечего. Скорбь убивает общение, загоняет одного в нору. Слушай, все ведь когда-нибудь умрут, хотелось сказать ему. Но все же… будущего у них не было. И говорить об этом было без толку. Как и о чем-либо другом. Любые слова лишь укрепили бы одиночество.

Тяжелые времена. Тяжелые годы. Потом они прошли, наступил покой, что-то вроде забвения. Уже шестнадцать лет — как такое возможно? Куда ушло все это время? Скоро будет двадцать, и весь этот покой никуда не делся.

Каждый вечер он возвращался к себе. А она однажды ночью пришла и обняла его так крепко, что он будто ощутил, как ребра прижались к внутренним органам. Он не понимал, что это значило. Он был крупнее ее, но она была сильнее. Он попробовал сопротивляться, но затем понял, что так она пыталась завести разговор, который у них никак не выходил. Никто из них не был силен в таких разговорах. Ее родным языком был берберский, его — сербскохорватский. Но сейчас это не имело значения.

Может быть, им и не нужны были слова. Спали они в ту ночь в разных комнатах. Прошло еще несколько дней. Одну ночь она проспала рядом с ним на его кровати, молча. После этого они спали вместе каждую ночь, едва прикасаясь друг к другу, лежа в пижамах. Осенние дни становились короче, ночи — длиннее. Бывало, Владе просыпался посреди ночи, поворачивался на другой бок и видел, как она лежит на спине. Как будто вообще никогда не спала. Она поворачивала к

нему голову и смотрела на него — а он видел в темноте только белки ее глаз. Настолько черной и блестящей была ее кожа: она словно сияла черным в ночи. О чем бы она ни думала — об этом лишь один бог мог ведать, — он видел, что она хотела оставаться в бодрствующем состоянии. Однажды он положил ладонь ей на предплечье. От нее веяло теплом, как и когда-то. Она приблизила к нему лицо, и они поцеловались, коротко, скромно, сложив губы трубочкой, словно по-дружески. Она смотрела на него, будто читая мысли. Она перекатилась к нему на бок и оттолкнула на спину. Они лежали, дыша друг другом, держась друг за друга, как утопающие, которые медленно идут ко дну. Так она лежала с час, какое-то время будто спала, но в основном нет — просто молча лежала, пока не откатилась от него на спину.

* * *

Одним солнечным днем в конце октября она отбуксировала баржу обратно в Кони-Айленд. Владе поехал с ней, привязав свою лодку к барже, чтобы на следующий день самому вернуться в город.

Как и раньше, до «Фёдора», до берега оттуда было далеко. Мелководье под ним, пожалуй, было

мутнее обычного, а береговая линия на севере казалась более потрепанной. Став на якорь, они вместе с парой членов экипажа сели в одну из лодок Айдельбы и отправились по Оушен-паркуэй, туда, где теперь из океана выдавался Бруклин, — чтобы осмотреться. Канал оказался сильно засорен, поэтому двигались они медленно.

Межприливье, открывшееся при отливе, выглядело избитым, а над отметкой максимальной воды забито всевозможным хламом. Здания в ближайших четырех-пяти кварталах были разрушены. Следы песка, который Айдельба со своими ребятами переместила сюда с затопленного пляжа, были различимы лишь с трудом.

— Черт! — воскликнула Айдельба. — Мы сюда пятьсот партий привезли, и все исчезло! Куда делся весь песок?

— Его унесло на сушу, — предположил Владе. — Или в воду. Хочешь опуститься посмотреть?

— Да, хочу. А ты готов?

— Всегда.

Это было почти правда. Раздеться, надеть гидрокостюм, снаряжение, приготовиться к погружению — все это было у него доведено до автоматизма, но сейчас особое удовольствие доставляло то, что он делал это вместе с Айдель-

бой.

Их опустили в холодную воду, вниз, в темноту. Они осветили головными фонариками конусы воды перед собой. Было время отлива, и дно находилось всего в десяти-пятнадцати футах от киля лодки, поэтому туда доходило немного рассеянного света, отчего вода казалась несколько прозрачнее, чем была. А вода чем глубже, тем казалась холоднее. Холодная, холоднее, самая холодная. Холоднисимо, как говаривала Розарио.

На дне оказался песок. Владе взметнул его ластами и в свете головного фонаря увидел, как тот сперва закружился в мутной воде, а затем вновь осел. Песок был тяжелее, чем ледниковый ил, и не задерживался в воде. Владе посмотрел на Айдельбу, стараясь не светить ей своим фонарем в лицо. Пузырьки, исходящие из трубки Айдельбы, сверкали, поднимаясь к поверхности и исчезая над головой. Он указал ей на песок. Они стукнулись шлемами, и Владе увидел, как она улыбнулась. Ее новый пляж частично остался на месте и достаточно близко к границе прилива, чтобы сместиться к ней под воздействием волн. Все-таки песок был там.

Буря здорово потрепала дно. Владе не хотелось ставить на него ноги, пусть даже он был в

ластах, — казалось, какой-нибудь осколок стекла мог запросто их распороть, как случилось однажды с его братом, когда они были детьми. Поэтому Владе двигался над дном в горизонтальном положении, внимательно его осматривая. Вот наполовину скрытый в песке деревянный ящик, правда, не из тех, где могли бы храниться сокровища; вот кусок бетона с торчащей арматуриной, способной разрезать кого-нибудь пополам; вот кресло, стоит на дне так, словно когда-то здесь была чья-то гостиная. Какое оно дивное, это межприливье.

* * *

Тем вечером он ужинал на мостике с Айдельбой и ее командой.

— Песок там остался, — сообщила Айдельба ребятам. — Немного, но есть. Нужно и дальше его насыпать.

Ей ответил Абдул, алжирец, любивший подерзить марокканцам:

— Я читал, когда строили Джонс-Бич, Роберт Мозес очень злился, потому что песок постоянно сдувало ветром. Ему объяснили, что дюны не разлетались благодаря колосняку, так он пригнал на пляж тысячу садовников, и те высадили миллион

осоковых семян.

Все рассмеялись.

— Мы вывезем Джонс-Бич, — сказала Айдельба. — Кони-Айленд, Рокавей, Лонг-Бич, Джонс-Бич, Файер-Айленд. До самого Монтока. Перенесем все к новой границе прилива.

Команда, очевидно, воспринимала эту бесконечную работу как благо. Прямо как работа в Мете — она никогда не заканчивалась. Абдул поднял стакан, остальные последовали его примеру.

— До чего же легко наш «Сизиф» осчастливить! — провозгласил Абдул, и все выпили за это.

* * *

Потом остальные принялись играть в карты, а Владе с Айдельбой вышли посмотреть на морской фасад.

— Что собираешься делать дальше? — спросил ее Владе, не зная, как выразиться точнее.

— Ты сам все слышал, — ответила она. — Останусь здесь, буду работать.

— А как же твоя доля золота?

— О да, буду рада ее получить.

— Благодаря ей ты, наверное, можешь больше не работать.

— С чего мне все бросать? Мне это нравится.

— Я знаю.

— А ты что, бросишь управлять своим зданием?

— Нет. Мне тоже нравится. Может, только найму еще помощников. Тем более что пришлось кое-кого уволить.

— Ну, у тебя есть целый кооператив, чтобы этим заниматься.

— Есть. Хотя мне нравится самому работать.

— Как и всем.

В тусклом свете сумерек он взглянул на нее. Ее ястребиный профиль, хищная стать, устремленный вдаль взгляд. Бруклин выглядел почти идеально черным, лишь с рассеянными отблесками света между берегом и линией горизонта.

— А как же мы? — отважился спросить он.

— Что — как же мы? — Она избегала смотреть на него.

— Ты будешь здесь, а я в городе.

Айдельба кивнула.

— Это не так уж далеко. — Она взяла его под руку. — У тебя твоя работа, у меня своя. Наверное, мы будем продолжать этим заниматься. Я иногда буду заглядывать в город по выходным, или ты можешь приезжать сюда.

— Ты можешь купить себе маленький дирижабль.

Она рассмеялась.

— Не уверена, что это будет намного быстрее.

— И то правда. Но ты понимаешь, что я имею в виду.

— Наверное. Да. Я буду летать к тебе.

Он почувствовал, как его легкие наполнились воздухом. Азотный наркоз. Ветер с суши. Спокойствие, которого он не испытывал так долго, что забыл, каково это. Не мог понять, что это. Едва его чувствовал — настолько странным было это ощущение.

— Звучит неплохо, — проговорил он. — Мне это нравится.

* * *

Следующим утром он поднялся на палубу. Он спал с Айдельбой на ее кровати и выскочил на рассвете, не будя ее. Она спала с открытым ртом, будто маленькая девочка. Пусть на самом деле она и была немолодой уже магрибской женщиной.

Удивительно было стоять на мостике буксира и смотреть на побережье. Далеко на востоке вспучивались белые рифы, отмечавшие Рокавей-Бич

— крошечный лоскуток Лонг-Айленда, невидимый за Бризи-Пойнтом. С другой стороны в это ясное утро виднелся не только Статен-Айленд, но даже мерцание окон в Джерси. Нью-Йоркская бухта, разделенная проливом Нарроус. На исходе ледникового периода, как рассказывал мистер Хёкстер, долину Гудзон, от Олбани до Бэттери, заполняло ледниковое озеро. Тающий лед с великой северной шапки заполнял ее все больше и больше, пока вода не вышла через Нарроус в Атлантический океан, который в то время начинался лишь в нескольких милях к югу. На протяжении примерно месяца, пока озеро не осушилось, напор был в сто раз сильнее течения Амазонки. После этого Нарроус стал глубже, а когда уровень океана поднялся достаточно высоко, ледниковое озеро заполнилось снова и превратилось в тот фьорд, которым является теперь. А под голубыми волнами, на которые смотрел Владе, тот прорыв Гудзона оставил подводный каньон, и он до сих пор прорезал континентальный шельф. В молодости Владе даже туда нырял. Это был очень впечатляющий каньон, бороздивший шельф вплоть до вымоины перед абиссальной равниной. И сейчас, обычным осенним утром, вся эта страшная глубина, вся история катаклизмов

скрывалась под гладью голубой воды, легонько колыхаемой морским бризом.

Может быть, он сам был озером. Может быть, он сам прорвался через Нарроус. А Айдельба была могучим Атлантическим океаном. И всему этому не было конца. А кто-то еще должен осчастливить «Сизиф». И сделать это вправду было легко, особенно в такое утро, как это.

* * *

Настал день выборов, и Шарлотт победила. Айдельба приехала в город и присоединилась ко всем на праздновании в общей комнате Мета. Она помогла Владе подготовить комнату, а в таком деле, конечно, помощь нужна всегда. Во Флэтайроне тоже хотели устроить праздник и предложили заставить лодками все шесть акров бачино Мэдисон-сквер, чтобы выложить временный пол из платформ и танцевать прямо на воде. Это долго обсуждалось, но в итоге от идеи было решено отказаться как от слишком трудоемкой. Но гулянья распространятся повсюду — на крыши и террасы по всему периметру площади и на крупные суда в бачино. И действительно, в итоге между восемью баржами и зданиями вокруг площади проложили трапы, по которым всю ночь

потом ходили веселящиеся люди. Некоторые даже умудрились упасть в воду.

Сама Шарлотт не показывалась до полуночи — в тот день ей пришлось работать в своем обычном режиме. Вернувшись, она оказалась не рада, что ее режиму суждено нарушиться, но еще сильнее ее раздражало, что это навсегда. Она предлагала и дальше возглавлять Союз домовладельцев, совмещая это занятие с работой в конгрессе — это, по ее словам, не запрещалось, — но большинство надеялось, что она все-таки придет в себя и поймет, насколько это непрактично. Не говоря уже о возможности конфликта интересов.

— Я собираюсь приезжать по выходным, — заявила она в своей победной речи, с которой ее уговорили выступить. — Не знаю еще как, учитывая, что буря здорово попортила рельсы, но буду. Жить там мне не нравится.

Ее речь встретили возгласами одобрения.

— Черт, — продолжила она, так как люди ее еще не отпускали, — это ужасно. То, что тебя избирают, я имею в виду. Но ужасно и то, что произошло с этим городом. Нужны годы, чтобы снова засадить его деревьями и застроить. Работы так много, что о ней, наверное, лучше думать как о деятельности при вселенском разорении,

благодаря которому мы можем начать все сначала. По крайней мере я буду расценивать это так. Мы сейчас видим очередной обвал, за которым последует очередной серьезный спад. Каждый раз, когда такое случается, появляется возможность взять ситуацию в свои руки и изменить направление, но до сих пор мы тру́сили, к тому же наше правительство было подкуплено теми, из-за кого случился обвал. А мы даже не знаем, куда нам двигаться. Но в этот раз мы постараемся добиться большего. В новом конгрессе много новых членов, и у самых прогрессивных из них есть очень хорошие идеи. Кажется, Тедди Рузвельт объявил о своем участии в президентских выборах в качестве кандидата от Прогрессивной партии, выступая как раз на этой площади, и потом вел кампанию из здания Мета. Тогда он, по-моему, проиграл, но это неважно. Я надеюсь, что у меня получится быть такой же бодрой, сильной и эффективной, как он. Я присоединюсь к тем, кто будет стремиться воплотить свои идеи. Но… — Она оглядела своих жильцов, испустила вздох. — Лучше бы мне быть рядом с друзьями. Вам всем я, конечно, буду рада, если навестите меня в Вашингтоне. Хотя сама буду проводить не меньше времени и здесь, я вам клянусь.

* * *

Затем Этторе и его пьяццолисты заиграли жаркое танго, и люди стали танцевать. Между песнями Этторе утирал лоб и, положив руку на сердце, объявил, что сам великий Астор Пьяццолла[148] вырос всего в нескольких кварталах к югу от того места, где они сейчас находились. Святой Нью-Йорк, сказал он, святой Нью-Йорк. Северный Буэнос-Айрес.

После еще одной песни Владе и Айдельба увидели, как к Шарлотт приблизилась подруга Франклина, Джоджо, и поздравила ее. Шарлотт поблагодарила девушку, а потом подозвала Франклина и попросила их обсудить, как бы взаимовыгодно совместить их проекты в Сохо и Челси. Франклин и Джоджо согласились на это, пожав руки и отойдя к столику с напитками, чтобы поискать там невскрытую бутылку шампанского.

Владе стоял перед группой Этторе, покачиваясь под милонгу и ощущая царящее вокруг буйство эмоций. Айдельба сказала, что устала, и ушла в

[148] Примечания: 148

Астор Пьяццолла (1921–1992) — аргентинский музыкант и композитор, «отец танго».

его офис. Когда группа заиграла свою последнюю песню, Владе стал уводить по трапам совсем уже изнуренную Шарлотт.

Оказавшись в столовой, она тяжело села рядом с Амелией Блэк и Гордоном Хёкстером. Владе занял место напротив.

— Наверное, ты можешь поселить в моей комнате Стефана и Роберто, — сказала она Владе. — А они за ней присмотрят.

Он пристально посмотрел на нее:

— Разве тебе она не понадобится, когда будешь приезжать?

— Понадобится, но тогда я смогу ночевать в общей спальне. Или они смогут. Как бы сильно мне этого ни хотелось, много бывать здесь у меня не выйдет. По крайней мере первое время.

Она выглядела очень уставшей. Владе положил ладонь ей на запястье.

— Все будет хорошо, — заверил он. — Мы тебе поможем. Со зданием ничего не случится. А тебе, как мне кажется, было бы неплохо сменить обстановку. Попробовать что-то новое.

Она кивнула, но, судя по ее взгляду, он ее не убедил. Казалось, будто она намеренно пыталась ухватиться за какую-то горечь, за какую-то скорбь. Владе не понимал почему. Ну да, войти в

конгресс, чтобы отдохнуть, — пожалуй, не очень реалистично. Но, по-видимому, дело было в том, что ей просто нравилось то, чем она занималась раньше.

В столовую заявился Франклин Гэрр, увидел их и, подойдя, приобнял Шарлотт и поцеловал в макушку.

— Поздравляю, дорогая. Знаю, это то, чего ты всегда хотела.

— Иди на хрен.

Он рассмеялся. Весь раскрасневшийся, он выглядел возбужденным, вероятно, после беседы со своей подругой из Флэтайрона.

— Если могу быть чем-то тебе полезен, ты только скажи. Министр финансов без портфеля, например?

— Ты и так этим уже занимаешься, — сказала она.

— Царь реконструкции. Роберт Мозес и Джейн Джекобс[149] в одном лице.

— Этим тоже.

— Ладно, видимо, я тебе просто не нужен.

— Нужен-нужен.

— Но не для чего-либо, кроме того, чем я зани-

---

[149] Примечания: 149

Джейн Джекобс (1916–2006) — американо-канадская писательница, теоретик городского планирования.

маюсь сейчас.

Она подняла на него глаза, и Владе увидел, что теперь она смотрела иначе, словно обдумывая какую-то понравившуюся идею.

— Знаешь, я вот подумала, — проговорила она, — а не мог бы ты подбросить меня на своей быстроходке, например, в Фили или в Балтимор? Получится? Потому что мне надо добраться туда как можно быстрее, а поезда в Джерси до сих пор в такой заднице!

Он очень удивился, заметил Владе.

— Наверное, придется сначала заправиться, — ответил он и перевел взгляд на Владе: — Далеко это?

— Чтоб я знал, — ответил Владе. — Пара сотен миль? Да и сколько там выйдет, если будешь на крыльях?

— Не знаю. Ну, наверное, неблизко. Но могу проверить. И да, — ответил он Шарлотт, — конечно! С удовольствием отвезу тебя на твою коронацию.

— Я тебя умоляю.

— Твою инвеституру.

— Это ты у нас инвестор.

— Твою конгрессификацию.

Она усмехнулась:

— Да, вроде того. Катилась бы она к черту.

— О нет, дорогая, это было бы слишком далеко. Так, мне нужно ответить на звонок, но потом я к вам спущусь и будем праздновать.

— Нет уж! — крикнула она ему вслед, когда он направился к лифту.

Шарлотт посмотрела на Владе.

— Милый молодой человек, — проговорила она.

Все уставились на нее.

— Да ну? — удивился Владе.

Шарлотт рассмеялась:

— Ну, как по мне, да. Он пытается делать вид, будто это не так, но то и дело прокалывается.

— Может, это только с тобой.

— Да. — Она задумалась. — А быстро эта его лодка плавает?

— Даже слишком. Миль семьдесят-восемьдесят в час.

— А с топливом что?

— Хватит, чтобы доставить тебя туда.

— А она безопасна?

— Нет.

— Но некоторые люди же так передвигаются.

— Ну да. Люди чего только не вытворяют!

— Ладно, значит, и я буду.

— А еще тебя всегда может подбросить Амелия

на своем дирижабле.

— О да, отличная идея!

Все, включая саму Амелию, рассмеялись.

— Это не я придумала! — попыталась оправдаться Шарлотт, чем рассмешила всех еще сильнее.

Когда все успокоились, Шарлотт обратилась к Владе:

— А что Айдельба, где она?

— Ушла спать. А потом вернется на Кони-Айленд, продолжит там работать.

— А что дальше?

Владе пожал плечами:

— Посмотрим, что дальше.

— Но ты вернулся туда вместе с ней.

— Ага. — Он не знал, как ему выразиться. — Там вроде неплохи дела. Думаю, может получиться. Я не знаю как. В смысле, не знаю, что имею в виду.

— Что ж, это хорошо.

— Да. Наверное, да.

— Замечательно, — ответила она. — Я рада за вас.

— Ага, я тоже.

Д) Франклин

В международном павильоне Нью-Йоркской всемирной выставки 1964 года все двадцать два гостя из Бурунди спали в одном помещении – «точь-в-точь как дома».

Одна лишь мысль всегда заботит:
На Небесном Корабле, Земле,
что сражается со Временем
и Пространством,
Все Народы планеты плывут
вместе, следуя единому пути,
Ведомые одним на всех предназначением[150].

Вижу Свободу во всеоружии, победоносную и величавую,
с Законом по одну сторону
и Миром – по другую,
Потрясающее трио, выступаю-

---

[150] Примечания: 150
Перевод Анастасии Ильиных.

щее против идеи иерархии;
Какова историческая развязка,
к которой мы стремительно
приближаемся?[151]

Уитмен

В общем, я дошел до того, что полез в облако почитать о Шарлотт Армстронг и узнал, что она на шестнадцать лет меня старше. Шестнадцать лет, два месяца и два дня. Это стало потрясением, ударом, взрывом мозга. Не то чтобы я сомневался, что она старше, да и мы уже довольно далеко зашли в своих шуточках на тему «молодой парень — пожилая женщина», но я думал, это скорее… даже не знаю. Просто я вообще не думал о ней в этом смысле, считал ее просто женщиной средних лет. Старой, конечно, но не до такой степени. Я не знал, что с этим делать. Это меня ошарашило.

Поэтому, когда она позвонила мне, чтобы поговорить о поездке в Вашингтон океаном, я ответил:

— Да, конечно! — пискнув, как подросток с ломающимся голосом. А потом спросил: — Когда? — Вместо «Эй, крошка, ты мне нравишься, но какого ты такая древняя?» Это уже вертелось

---

[151] Примечания: 151
Перевод Бориса Слуцкого.

на кончике языка, и мне пришлось его прикусить, чтобы этого не выпалить. Но знаю, она бы посмеялась вместе со мной, отчего меня так и подмывало это сказать — смешить ее было приятно. Но, сбитый с толку, я сдержался. Тогда она назвала дату нашей поездки, а потом вывела меня из сладострастных дум, спросив:

— А ты слышал, что ребята инспектора Джен раскололи «Морнингсайд» и выяснили, кто предлагал выкупить здание?

— Нет, и кто же?

— «Анхель». Это твой товарищ, да? Гектор Рамирес?

— Быть не может!

— Так она сказала. Ее человек залез к «Морнингсайд» через одну из охранных фирм, чьими услугами они пользовались, и все там узнал.

— Черт, — проговорил я. — Срань господня. Охренеть. Ладно, слушай… я хочу его об этом спросить.

— Знаешь, после того как от предложения мы отказались, не думаю, что это еще имеет значение.

— Но он меценат проекта платформы в Челси. И у нас же тут были случаи саботажа, верно? Нет, я точно с ним поговорю.

И я вывел «клопа» в воды Гудзона, прорезав трафик, будто мясник, проводящий ножом сквозь кусок мяса. Небо заполняли облака, вода по цвету напоминала кремень и была беспокойна, будто под самой поверхностью ее тревожили косяки мелких рыбешек. Я позвонил в секретариат Гектора и попросил узнать, сможет ли он сейчас со мной встретиться. Гектор ответил, что собирается скоро уходить, но готов принять меня ненадолго, если подъеду в течение часа. Я сказал, что уже на месте. Затем миновал солончак, где мне когда-то являлось видение, поднялся по лестнице богов к Манстеру, вверх, словно на ракете, в кабине лифта. Ворвался к Гектору на его небесный остров, в его злодейское логово, и, подобрав слова, поинтересовался:

— Гектор, какого хрена?

— Что — какого хрена?

— Зачем ты пытался купить МетЛайф Тауэр? Что это еще за дерьмо?

— Никакое не дерьмо, парень. Совсем не дерьмо. Это было только одно из предложений, которые мои люди недавно сделали по Нижнему Манхэттену. — Он развел руками в классическом жесте совершенной невиновности. — Ты же сам мне рассказывал. Как там сейчас прекрасно. «Новая

Венеция». Превосходная инвестиция. Сплошные плюсы. Не понимаю, чего ты так всполошился.

— На Мет были нападения, — выпалил я. — Твои люди устроили саботаж, они пытались запугать жильцов, чтобы те продали.

Услышав это, он сдвинул брови:

— Этого я не знал. И не уверен, правда ли это.

— Это абсолютно точно. Их отследили по охранной фирме под названием АПН. «Активное подавление неподчинения», чертовски милое такое название. Мет не подчинился, и эти клоуны решили нас активно подавить.

— Я бы такого точно не одобрил, — заявил Гектор. — Надеюсь, ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы это понимать.

Я внимательно посмотрел на него. И понял, что совершенно точно не знал его настолько хорошо. Он тоже это понимал, поэтому последняя фраза прозвучала из его уст странно. Я задумался на несколько мгновений, но так и не знал, что ответить. Словно некий дым затмил мое зрение. Он даже слегка улыбался, будто указывая на тот тонкий лед, на котором мы с ним очутились.

— Гектор, — медленно проговорил я, — я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы понимать, что ты не стал бы совершать такие глупости. Не говоря

уже о незаконных делах. Ты ведь знаешь законы о совместном предпринимательстве, верно? Но ты руководишь крупной организацией и, не сомневаюсь, делегируешь немало неприятной работы различным охранным фирмам. АПН — просто одна из присосок на ноге осьминога. И что они на самом деле из себя представляют, ты не можешь знать наверняка. А значит, ты уязвим и недостаточно осмотрителен, потому что по закону несешь ответственность за то, что они делают. Помнишь, что ты говорил, когда я на тебя работал? Когда те, кто понимает инструменты, разлучаются с теми, кто этими инструментами торгует, то жди худа. И твоя ситуация — один из вариантов подобного. На тебя работает масса людей, которые выполняют всевозможную грязную работу даже без твоего ведома, благодаря чему ты предположительно остаешься белым и пушистым, но это само по себе опасно, потому что они — кучка идиотов. А тебя это делает если не идиотом, то по меньшей мере ответственным за идиотизм.

Он серьезно посмотрел на меня.

— Я приму это к сведению, — проговорил он. — И приму соответствующие меры. Надеюсь, твое резкое мнение не отразится на нашей совместной

работе над проектом в Челси.

— Мы выкупим твою долю в нем, — заявил я. — Сегодня в течение дня я переведу тебе деньги.

— Не уверен, есть ли у тебя на это право.

— Определенно есть. Контракт, который мы подписали, составлен по той же форме, которую я использую в «УотерПрайс», чтобы контролировать приходы и уходы наших инвесторов. К нему не подкопаешься.

— Я проверю. — Он кивнул и посмотрел на свой стол. — Мне жаль, что ты так все воспринимаешь, но я уверен, мы найдем из этого выход.

— Может быть.

— Знаешь, парень… мне жаль тебя оставлять, но мне действительно пора на встречу. Я отложил выезд, чтобы с тобой пообщаться, но мои ребята уже беспокоятся. Давай поднимемся, проводишь меня.

— Конечно.

Он отвел меня к другому лифту, огромному грузовому, в который вместилось бы… даже не знаю что. Слоны? Мы поднялись на один или два этажа и очутились на самой верхушке Манстера, где у Гектора была привязана маленькая небесная деревня. Двадцать один воздушный шар, а под ними округлая платформа, лишь немногим

уступающая размерами офису Гектора, и вокруг нее коттеджи в форме грибов, соединенные посередине прозрачными трубами, похожими на крошечные крытые переходы. Такая вот симпатичная маленькая причуда. Многие уже были на борту, где шла коктейльная вечеринка, причем некоторые стояли на вершине трапа и явно ожидали Гектора.

Он сердечно улыбнулся, пожал мою руку.

— Удачи тебе, парень. Встретимся еще в других обстоятельствах.

— Не сомневаюсь.

Гектор поднялся к ожидающим, и его люди свернули трап. Помахав мне на прощание, точно Волшебник страны Оз, он отвернулся, и деревня шустро взметнулась вверх и, прокрутившись, устремилась на восток, к облакам.

* * *

Вот так вот. Проблемы в городе-на-реке, и мне урок на будущее: ноги у осьминогов очень длинные. И их не восемь, а больше. Они, может быть, похожи на гигантских кальмаров — если у кальмаров больше восьми щупалец. И это вселяло тревогу.

Но сейчас мне нужно было отвезти мою Шар-

лотт в Вашингтон. Она должна была пораньше закончить работу в свой последний день — пока что последний, сказала она людям, ведь это просто отпуск, она уходила не насовсем, а чтобы вскоре вернуться, — и полагаю, все ей поверили, как и я сам. В общем, она вышла из офиса на запад, к восстановленному Причалу 57, где я ее забрал, и мы вышли в Нарроус и направились на юг. Я подготовил «клопа» к ночевке в море, если вдруг придется, но сам намеревался встать на речном вокзале в Мэриленде, после чего пройти по Чесапикскому заливу к Балтимору, где я бы ее высадил. Там в гавани теперь построили новую станцию, откуда можно было добраться в Вашингтон.

Надеялся ли я, что Джоджо вместе с остальными увидит, как я забираю нашу новую конгрессменку, представляющую Двенадцатый округ штата Нью-Йорк, чтобы уплыть по Гудзону в глупую столицу этой страны? Да, надеялся. И надежда оправдалась: когда я подходил к пристани и посмотрел на бар, чтоб кивнуть приятелям, Джоджо тоже была там — притворялась, будто с кем-то общается, нарочито не глядя в мою сторону. Наш предполагаемый пакт о примирении и сотрудничестве, инициированный Шарлотт,

для нее ровным счетом ничего не значил — вот что выражал этот отказ смотреть на меня. Я это видел, и она видела, что я видел, — вот как люди умеют смотреть искоса, владеют периферийным зрением и пользуются глазами на затылке. А потом появилась Шарлотт — она прошлась по пристани, как всегда ровно в назначенный час, с двумя объемными сумками через плечо и слегка прихрамывая на больную ногу. Приземистая и квадратная: с квадратной головой, квадратным туловищем, квадратными булками, квадратными икрами. Не совсем типичная фигура для женщины. Не то чтобы это меня заботило — в смысле, это не все, что меня заботило. Например, у Джоджо была превосходная фигура, очень изящная и пропорциональная, вся по классике, стройная и привлекательная, но не сказать, чтобы прямо умопомрачительная. Стройная, да. Конечно, она мне нравилась, даже очень, и мне до сих пор было больно, что она меня бросила, порвала со мной — или как еще это назвать. Более того, она увела мою идею, а потом обвинила в воровстве меня, а сейчас нам нужно работать вместе, хотя, может, в этом и нет ничего необычного. Но, как бы то ни было, я все еще ощущал боль и по-прежнему хотел ее; я смотрел на нее, и у

меня екало сердце и кое-что еще. Но, с другой стороны, возьмите Амелию Блэк, звезду Мета, облака и всего мира; она была, что называется, миловидная, не только стройная, но просто неотразимая, не только интересная, но идеальная; а поскольку она долгие годы имела привычку раздеваться в своем шоу, я, как и остальная часть человечества, не мог не заметить, что у нее была также великолепная фигура, которая, несомненно, здорово поспособствовала ее популярности, равно как и ее глуповатые, но милые повадки. При этом она ничуть не интересовала меня как девушка — совершенно не казалась привлекательной. Да, мне нравилось на нее смотреть, она была красива. И еще она неплохо приложила руку к нашей недавней кампании по эвтаназии рантье, когда мы впервые высвободились от тех удушающих захватов, в которых были зафиксированы. Но проводить с ней время меня не тянуло, просто не хотелось, и все. Ничего не екало — ни сердце, ничего. Как по мне, она была неинтересна. Без обид. Кто знает, чем объяснялась такая реакция? Намеренным игнорированием феромонов? Каким-то экстрасенсорным восприятием? Или она просто была слишком идеальна, слишком красива?

Шарлотт Армстронг не была ни идеальна, ни

красива. Хороша, да, но не красива. А быть привлекательной важнее, чем красивой. Сварливая, резкая и, как я уже отметил, вся квадратная. А еще на шестнадцать дурацких лет старше. Мне сейчас тридцать четыре, а значит, ей… о боже! Пятьдесят. Целых пятьдесят лет! Да это все равно как если бы ей было восемьдесят!

Ладно. Что с того? Ведь она меня смешила. И, что еще важнее, я смешил ее. И мне хотелось ее смешить. Это становилось для меня целью, то есть прямо реально серьезной целью. Я менялся, чтобы угодить Шарлотт Армстронг, чтобы рассмешить ее. Я выдумывал, что сделать или что сказать, чтобы получать от нее эту реакцию. Казалось, в последние дни это стало для меня задачей номер один.

Так, в этот день я разогнал «клопа», и мы, оторвавшись от воды, полетели как птица, как буревестник, который встречается иногда в Атлантике, где скользит по волнам и, насколько я слышал, никогда не садится на землю, а просто живет, спит и умирает на море, и мысль об этом меня странным образом завораживает. Особенно когда летаю на «клопе». Тогда я подумал, что должен окрестить его Буревестником. Мы вышли из Нарроуса под большим мостом ровно в тот

момент, когда я это придумал, точно в его тени. А потом мы полетели.

Итак, на юг, вдоль побережья Джерси. И да, Шарлотт смеялась. Она встала и прохромала к носу, держась за палубные линии, а дойдя, остановилась и вытянула руки в стороны, позволив волосам развеваться на ветру. Я улыбнулся, но сам был сосредоточен на подступающих с востока низких волнах. Глядя на них, я лавировал, чтобы как можно дольше оставаться на гребне, а потом спрыгивая влево на следующую, что приближалась с востока, а потом как можно дольше оставался и на ней, и мы практически перестали раскачиваться и двигались плавно, будто какой-нибудь паром в гавани, только гораздо быстрее. Я понятия не имел, ощущала ли качку Шарлотт, но меньше всего мне хотелось, чтобы ее затошнило. Да и у меня самого был не самый стойкий желудок для океанской качки, поэтому я всегда старался по мере возможности минимизировать ее воздействие. А с этой задачей Буревестник справлялся лучше всех. Сейчас ему помогала скорость, да и волны сегодня были невелики. А потом мы полетели!

Спустя некоторое время она вернулась в кабину, где благоразумно скрылась от ветра. Я же

сидел на корме и одним пальцем покручивал рулевое колесо.

— Шампанского? — предложил я.

— Тебе не следует пить за рулем, — сказала она.

— Ты будешь пить за нас обоих.

— Когда подойдем к суше. Или бросим якорь. Потом.

В воздушном кармане кабины все звучало приглушенно — и мотор, и ветер, и соприкасание крыльев с поверхностью воды. Здесь можно было общаться, чем мы и занялись. Побережье Джерси, низкое, осеннее, не пестрело яркими новоанглийскими цветами, но было окрашено в вялые бурые тона. Ураган, похоже, оборвал все листья и здесь. Все Восточное побережье было явно затоплено, оно выглядело таким и до наводнений, а теперь и подавно. С нашей точки обзора создавалось ощущение, будто суша на этой планете — нечто второстепенное.

Шарлотт позвонили, и она ответила. Затем, прикрыв рукой динамик и посмотрев на меня, прошептала одними губами: «Федэкс».

— Да, уже еду. На лодке. С моим лодочником. Да, капитаном моей яхты. Всем членам конгресса выдают яхты, разве ты не знал?.. Да, знаю…

Слушай, ты говорил, тебе понадобится помощь конгресса. Так вот, я уже там… Нет, конечно, нет. Но я там не одна. Я общалась с новыми членами, и многие из них сходятся со мной во мнении. И это логично, да? Потому что час настал… Надеюсь, ты прав. Я, конечно, попробую… Да, черт возьми, разумеется, мы тебя поддержим. Просто держи президента в курсе, и все получится. Ты будешь здесь ключевой фигурой. Ведь это касается фискальной политики.

Потом она надолго вслушалась. Через некоторое время поставила палец на микрофон своего браслета и тихонько пояснила:

— Приводит кучу причин, почему он не может этого сделать. Он трусит.

— Расскажи ему про Полсона[152], — предложил я.

— О чем ты? Что там про Полсона?

Я быстро, в общих чертах изложил ей историю, и она кивнула.

Когда я замолчал, она убрала палец с микрофона. И вдруг ее взгляд посуровел, и голос изменился вместе с ним.

— Слушай, Ларри, я все понимаю, но это не

---

[152] Примечания: 152

Генри Полсон (р. 1946) — американский политик, министр финансов США в 2006–2009 гг.

имеет значения, — резко проговорила она. — Понимаешь? Не имеет. Сейчас тебе пора проявить смелость и сделать все правильно. Это твой момент, и, если ошибешься, второго шанса у тебя не будет. А люди это запомнят. Помнишь Полсона, Ларри? Его запомнили как труса и подонка, потому что, когда вся система была на волоске, он уехал в Нью-Йорк и сказал своим друзьям, что собирается национализировать «Фредди Мак» и «Фэнни Мэй»[153], хотя перед этим только что сказал всем остальным, что не будет этого делать. И его друзья продали свои доли, пока те еще что-то стоили, а остальные понесли убытки. Что? Да, если бы он в это тоже вложился, это была бы инсайдерская торговля, но так он просто помог друзьям. И сейчас все помнят о нем только это. И все. Больше ничего. Главное, за что тебя запоминают, — это твой самый важный шаг. И тебя тоже запомнят за такой, Ларри. Но если он будет неудачным, это все. Так что сделай все правильно.

Она вслушалась в ответ своего бывшего, а потом коротко усмехнулась:

— Да не за что. В любое время! Потом еще пого-

---

[153] Примечания: 153
Крупнейшие ипотечные агентства в США.

ворим. Давай, поступай правильно.

Она отключила связь и ухмыльнулась мне. Я ухмыльнулся ей.

— Жесткая ты, — оценил я.

— Да, я такая, — ответила. — И он этого заслуживает. Спасибо за эту историю.

— Мне она показалось подходящей.

— Так и есть.

— Так, значит, ты теперь советник председателя Федрезерва!

— Моего Федэкса, — уточнила она. — Хотя ему нравится иметь возможность меня игнорировать. Я говорю ему, что делать, — он игнорирует. Все как раньше.

— Но в этот раз он тебя послушает, да?

— Посмотрим. Мне кажется, он поступит так, как его вынудят обстоятельства. А я лишь проясняю ему, какие они, эти обстоятельства. Вернее, ты проясняешь.

— Из твоих уст это звучит намного убедительнее.

— Интересно почему?

— Потому что ты реалист, и он это знает.

— Может быть. Он думает, у меня поехала крыша за все эти годы, что я проработала в городе.

— Но ведь оно так и есть, да?

Она засмеялась.

— Да, конечно. Пожалуй, мне захотелось шампанского.

— Наконец-то.

Я включил автопилот и отошел к люку в каюту. Проходя мимо нее, я быстрым движением взъерошил ее растрепанные волосы.

— Должны же у кого-то быть идеи, — проговорил я из каюты.

— Я думала, они у тебя, — крикнула она в ответ.

— У меня они были, — сказал я, вернувшись. — Но то, о чем ты говоришь последнее время, мне незнакомо. Поэтому мне и кажется, что это не мое. Скорее что-то в духе Карла Маркса.

— Если бы. — Она фыркнула. — Тут в лучшем случае Кейнс. Но это нормально, мы ведь живем в кейнсианском мире, каким он всегда и был.

Я пожал плечами:

— Он был трейдером, да?

Она рассмеялась:

— Мне кажется, все люди трейдеры.

— Вот в этом я не очень уверен.

Я снял фольгу и открутил проволоку с бутылки — та была очень старомодная и очень французская, — направил ее пробкой в сторону и

выстрелил в океан. Налил Шарлотт бóльшую стеклянную кружку, а прежде чем передать ей, сделал глоток сам.

— Твое здоровье, — проговорила она и чокнулась кружкой о бутылку, которую я все еще держал в руках.

Позже, когда она выпила примерно полкружки, а я вернулся за руль, где стал просто наблюдать за автопилотом, ей снова позвонили.

— Кто это? О-о! Да, спасибо большое. Очень рада вас слышать. Да-да, жду с нетерпением. Сейчас такое интересное время, да… Да, верно. Мы были женаты в молодости, а сейчас мы дружим. Да. Он очень хороший. Да. — Она рассмеялась, будто впав в эйфорию, и я подумал, что ей ударило в голову шампанское, но затем понял, кто это, должно быть, звонил. — Ну, он оказался настолько гениален, что нам пришлось развестись. Да, из них. Это было похоже на ядерный распад. Но это было давно. А сейчас мы общаемся, да. Мне кажется, он мыслит правильно. Да, у нас многочисленная группа в палате, да и в сенате, думаю, тоже. Что? Суд? Разве вы еще не назначили весь состав?

Я расслышал смех в ее телефоне — знакомое хихикающее сопрано.

— Хорошо, буду с нетерпением ждать встречи.

Спасибо еще раз за звонок.

Телефон выпал у нее из рук на скамейку, она молча уставилась на побережье Джерси, затем на океан.

— Президент? — спросил я.

— Да.

— Так я и думал. Чего она хотела?

— Поддержки.

— Конечно, но… круто!

Она посмотрела на меня и улыбнулась:

— Это может быть реально интересно.

Позднее похолодало, волны чуть увеличились, и я повернул Буревестника к берегу, планируя заночевать на пристани в бухте Оушен-Сити, где можно было подзарядить батареи, а на рассвете отправиться дальше. Начальник пристани сообщил по радиосвязи, что свободное место у них есть. Поскольку солнце уже садилось за мэрилендский горизонт, я прошел за волнолом и, следуя указаниям начальника пристани, нашел место. Шарлотт привязала к утке один фалинь, я другой, и все было готово. После того как я поставил батареи заряжаться, мы вдвоем вышли в ресторанчик с выходящими на пристань окнами. «Конец шоссе 50». Прекрасный вид. Я мог устроить на борту барбекю, но не хотелось. Здесь

было лучше, а мы хотели отдохнуть и побыть вне своего борта.

За ужином мы говорили не только о деньгах и политике, но еще о музыке и о городе. Она родилась и выросла в Линкольн-Тауэрсе, прямо на Гудзоне. А я рассказывал об Оук-парке, штат Иллинойс, мы ели вермишель с морепродуктами и распивали бутылку белого вина. Она не сводила с меня глаз, но я не чувствовал, будто за мной наблюдают или оценивают. Я попытался объяснить, что торговля интересует меня больше как загадка, которую нужно разгадать, или как история, которую нужно собрать по крупицам из массива данных. Я рассказал о своей теории многожанрового экрана, позволяющего увидеть разом весь мировой разум. Коллективный интеллект.

— Как история мира, — сказала она, когда я попытался это описать.

— Да, которую можно наблюдать на экране. История в процессе свершения.

— И которую можно оценить количественно. И делать на нее ставки.

— Да, именно. История, превращенная в игру на деньги.

— Она, наверное, всегда такой была. Но хорошо

ли это?

Я пожал плечами:

— Раньше мне казалось, что да. Мне это само по себе нравилось. Но сейчас я думаю, это должно быть нечто большее, чем что-то, на что можно делать ставки. Как этот строительный проект, это скорее, даже не знаю…

— Как вершить историю.

— Может быть. По крайней мере что-то вершить.

— Ты получил, что хотел, когда сходил к Рамиресу?

— Ну, я выкупил его долю. А он не стал сопротивляться. Думаю, потому что его охрана нарушает закон. Я мог бы вовсе сжечь мосты, но не знаю… Он сказал, мы еще увидимся. И я не понимаю, что мне по этому поводу думать.

— Они не уйдут, — проговорила она, глядя на меня с легкой улыбкой.

Я был наивен? Мне еще следовало чему-то учиться? В ее взгляде была нежность? Во всех случаях — да. Я чувствовал смятение. Но этот ее взгляд — он заставил меня улыбнуться, я не мог удержаться. Она смотрела так нежно.

Когда мы встали, чтобы отправиться обратно к лодке, мне было хорошо. Сытый, чуть хмельной.

Я слушал. Меня слушали. На пристань мы возвращались, шагая под руку. На лодке я включил фонарь и помог ей спуститься в каюту, там были две кровати, придвинутые к противоположным стенкам узкого пространства. На гостевой койке стояли ее сумки, она переместила их на полку, висевшую сверху, покопалась внутри и достала душевые принадлежности и какую-то одежду, вероятно пижаму. Выложила все это на кровать, и мы поднялись в кабину, где сели в свете звезд, слегка расплывчатых в соленом воздухе. У меня оставался еще скотч, но он был в каюте, да нам и не хотелось пить. Мы сидели, опершись головами о борт, прижавшись плечом к плечу.

Ладно, она мне нравилась. Более того, я ее хотел. Значило ли это, что я поддавался власти? Правда ли это — что власть может привлекать сексуально? Я не мог этого понять, даже в тот момент, когда смотрел на нее и думал о том, как она красива. Власть исходит из ствола пистолета, как неоспоримо выразился Мао, но ствол пистолета совершенно не сексуален — по крайней мере, если вы нормальный человек, который ценит жизнь и считает, что секс — это весело, а пистолеты — мерзко и отвратительно. Нет, власть несексуальна. А вот Шарлотт Армстронг — да.

Только что это значило? Она на шестнадцать лет старше — срань господня! Когда мне самому будет шестьдесят и я, надеюсь, буду еще здоров и телом, и душой, ей будет семьдесят шесть, ух! Это уже что-то за гранью. А если мне повезет дотянуть до семидесяти, ей будет восемьдесят шесть и она будет совсем-совсем уже древней. Что так, что эдак, различие между нами казалось огромным, будто Большой каньон.

Но сейчас было сейчас. Ко времени же, когда наступит это будущее, я полагал, что либо она раскусит меня и бросит, либо я заболею раком и умру, либо, что вероятнее всего, она умрет и оставит меня искать утешение с какой-нибудь тридцатилеткой. Я мог вступить в какой-нибудь мерзкий линейный брак в духе Маргарет Мид[154] или Роберта Хайнлайна: сначала жениться на чересчур старой женщине, а потом на чересчур молодой. Звучало ужасно, но что мне было делать? Некоторым везет находить себе партнера своего возраста, который знает все те же песни, понимает те же отсылки и все такое, ну и молодцы! У остальных же как получится. А от одной мысли о том, что она могла надрать кучу задниц

---

[154] Примечания: 154
Маргарет Мид (1901–1978) — американский антрополог.

по всей стране, я расплывался в улыбке. Это было бы забавно!

— Ладно, — проговорил я после долгого молчания, — идем вниз.

— Зачем?

— Что зачем? Сама знаешь зачем. Чтобы заняться сексом.

— Секс, — усмехнулась она, будто то ли не верила услышанному, то ли забыла, что это вообще такое. Но уголки ее губ тронула лукавая улыбка, и когда я ее поцеловал, то очень быстро понял, что она прекрасно знала, что это.

Е) Амелия

Вид на город с моста Куинсборо всегда таков, будто смотришь на него впервые и он, сумасбродный, впервые обещает тебе явить все тайны и всю красоту этого мира.

Ф. Скотт Фицджеральд

В небе над гаванью Нью-Йорка тихий весенний день, год 2143-й. Ясно, видимость сорок миль.

Амелия взяла Стефана, Роберто и мистера Хёкстера с собой на «Искусственную миграцию» и приказала Франсу подняться на высоту две тысячи футов, чтобы получить хороший вид на бухту. Мистер Хёкстер был счастлив увидеть город с такого чудесного ракурса и собирался сделать несколько фотографий для картографического проекта, который как раз обдумывал. Ребята же были рады насладиться видами, а заодно проверить, можно ли разглядеть с воздуха ондатр.

— Я их постоянно вижу, — заявила Амелия. — Вам точно понравятся телескопы, которые есть у Франса.

Когда они поднялись в воздух, мальчики и мистер Хёкстер совершили экскурсию по гондоле, а Амелия им все объясняла — даже показала следы от когтей, оставленные белыми медведями, при воспоминании о которых ей теперь становилось немного горько. Это была лишь одна из неудач, что постигали ее в прошлом. В ее кампаниях случалось всякое — и гибель животных не была редкостью. Сейчас, когда она провела рукой по медвежьим отметинам и показала, как те падали вдоль коридоров, внезапно ставших вертикальными, ей удалось представить эту историю в забавном ключе. Категория: Глупые решения Амелии, Выпутывание из затруднительных ситуаций. Эта категория была одна из самых обширных. А сама ситуация не относилась к тем, что закончились плохо.

— Давайте пообедаем, — предложила она после того, как мальчики и мистер Хёкстер справились с первоначальным восторгом.

Они собрались на носу гондолы, где могли сквозь стеклянный пол смотреть на город, пока ели тофубургеры, приготовленные Амелией на кухне.

— Сколько миль ты пролетела на этой штуковине? — осведомился мистер Хёкстер.

— Наверное, уже миллион есть, — ответила Амелия.

Она спросила то же у Франса, и тот своим спокойным, невозмутимым голосом ответил:

— Вместе мы преодолели миллион двести тысяч восемнадцать миль.

Хёкстер присвистнул.

— Можно было пятьдесят раз облететь вокруг планеты, если двигаться вдоль экватора. Если не больше.

— Наверное. Я здесь много времени провела. Это теперь у меня вроде своей маленькой небесной деревни. Или, можно сказать, небесный коттедж. Было время, когда я вообще отсюда не спускалась.

— Как барон на дереве, — сказал Хёкстер.

— Кто это такой?

— Молодой барон, который однажды забрался на дерево в Италии и потом за всю жизнь никогда больше не спускался. Предположительно.

— Ну да, так и у меня было. Несколько лет.

— Лет?

— Ага. Наверное, около семи.

Хёкстер и мальчики уставились на нее.

— Ты находилась здесь одна целых семь лет? — изумился Хёкстер.

Амелия кивнула, чувствуя, как краснеет.

— Зачем? — спросил Роберто.

Она пожала плечами и вспыхнула еще сильнее.

— Я и не знаю толком. Хотелось от всех отстраниться. Наверное, мне не нравились люди. Произошло кое-что дурное, и мне хотелось уйти. Я так и сделала, а потом запустила все это дело с «Искусственной миграцией», поняла, что могу общаться с людьми отсюда, так, словно они не настолько и плохи. Я кое-как привыкла снова общаться с ними отсюда через облако, а потом один раз, когда пролетала над Нью-Йорком, в Мете оказалась свободная мачта, и я познакомилась с Владе: он поднялся в купол и понравился мне. С ним было очень комфортно, и потом всё и пошло, и пошло…

Все задумались над ее рассказом.

— А Владе знает, какую роль сыграл в том, что ты вернулась? — спросил мистер Хёкстер.

— Нет, вряд ли. Знает только, что мы друзья. Но люди… не знаю. Они думают, что я более нормальная, чем на самом деле. Не видят меня настоящей.

— Мы тебя видим, — заверил ее Роберто.

— Да, вы видите.

Они поговорили о животных, за которыми ей доводилось наблюдать. Амелия сказала, что у нее где-то был список, но сейчас не хотелось всех перечислять.

— Давайте лучше будем высматривать новых.

Они летели над городом. Вокруг во все стороны простиралась широкая гладь воды, где вдоль бухты протянули свои колючие спины гигантские морские змеи — Манхэттен, Хобокен, Бруклин-Хайтс, Статен-Айленд. Вдалеке всюду простиралась земля, зеленая и ровная, за исключением юга, где тусклым старым зеркалом поблескивал Атлантический океан.

— Смотрите, — сказал старик, глядя в один из телескопов. — Кажется, там стайка морских свиней. Или это косатки, как думаете?

— Вряд ли косатки стали бы заходить в бухту, — усомнилась Амелия.

— Но они такими большими выглядят!

— Да, немаленькие. Но и мы летим довольно низко. Может, это речные дельфины, я знаю, что их завозили сюда из Китая, чтобы спасти от вымирания.

Спины, похожие на китовые, гладкие и гибкие. Всего около двадцати, они поднимались к поверхности и выдыхали водяной пар, точно киты.

— Мистер Хёкстер, мне кажется, это киты Мелвилла! Они приплыли за ним!

— Интересная мысль, — улыбнулся Хёкстер.

Пролетая на север над Гудзоном, они видели, что берег Джерси в преддверии зимы уже обледенел.

— На таких побережьях, как это, у нас больше всего шансов увидеть жилища бобров или ондатр, — сказал Хёкстер, не отрываясь от телескопа. — Присмотритесь к ним.

Мальчики на какое-то время этим занялись, но потом стали снова рассматривать город. Большинство причалов уже восстановили, и они теперь тянулись вереницей вдоль берега Манхэттена. Высотки аптауна сверкали изумрудными, лимонными, бирюзовыми и фиолетовыми красками.

— И где ваше болото? — спросила Амелия.

— Возле того высокого тощего здания, — сказал Роберто.

— Ах, высокого тощего здания? Ну да, это же такая редкость!

— Ой, точно. У фиолетового. На востоке от него. Раньше там был ручей. Там должен получиться хороший солончак, и можно построить пару платформ мистера Гэрра, чтобы его изучать и за

ним ухаживать.

— Я рада, что вы этим занялись. Но разве вы не должны быть взрослыми, чтобы владеть собственностью?

— Не знаю. Но мы же как холдинговая компания.

— Я думал, у вас институт, — проговорил мистер Хёкстер.

— Вы же тоже состоите! И да, так и есть. Манхэттенский институт изучения животных.

— Я думал, это Институт Стефана и Роберто, — сказал Хёкстер.

— Так только вы его называете. Я хотел назвать Институтом бездомных животных, но за это не проголосовали.

— Потому что у животных всегда есть дом, — который раз объяснил ему Стефан.

— Так это правда, что эти высотки сейчас почти все заселены? — спросила Амелия, отвлекая их от незавершившегося спора.

— Я слышал, что да, — ответил мистер Хёкстер. — Новый налог на отсутствие оказался довольно действенным. Из-за него и налога на капитальные активы владельцам приходится либо их занимать, либо продавать тем, кто займет. И вроде бы по новому городскому закону

запрещается, чтобы жилье в них стоило слишком дорого. Даже сама мэр этим воспользовалась. Я читал, что на одном этаже в кластере Клойстер можно расселить до шестисот человек.

— А как они добавляют сантехнику на такое количество людей?

— Должно быть, протягивают наружные трубы.

— Выглядит странно.

— А мне эти высотки нравятся. Раньше они казались жутковатыми, такие все ровнехонькие, плавные. Им не помешает немного новых деталей. Немного Нью-Йорка.

— И сточных труб!

— Вот и я о том же.

— А мне нравится, что они плавные, — сказала Амелия. — Нью-Йорк всегда был плавным.

С их высоты люди, толпящиеся на тротуарах и площадках аптауна, казались размером с мелких муравьев.

— Неужели там правда найдется место для всех этих людей? — усомнилась Амелия.

Хёкстер покачал головой:

— Многие из них приходят только на день и вечером уезжают.

— Но многие ведь должны здесь жить.

— Конечно. Как селедки в банке. Как моллюски в раковинах.

— Вот интересно, почему? То есть это, конечно, хорошо для животных, что люди хотят этого, но почему? Почему они этого хотят?

— Удивительно, да?

Амелия покачала головой:

— Мне никогда этого не понять.

— Тебе же по-прежнему нравится твой дирижабль.

— Нравится. Сами видите почему.

— Здесь очень мило. Ты скоро собираешься в новый полет?

— Наверное. Союз домовладельцев просит меня устроить что-то вроде мирового тура. А я надеюсь только, что этот тур не причинит новых бед.

— Чтобы разъяренные владельцы жилья не начали в тебя стрелять?

— О да! Мне и так присылают много гневных писем. И мне это не нравится. Я хотела бы просто заниматься животными. Как раньше, тогда было бы легче. Я, конечно, и раньше получала такие письма, но они были в основном от тех, кто не любил искусственную миграцию или животных, и я просто не обращала на них внимания. Но сейчас это письма от тех, кто… даже не знаю.

— Это просто владельцы жилья и их лакеи, — объяснил Хёкстер. — Не обращай внимания и на них. У тебя все отлично выходит. Твое влияние имеет силу.

Амелия приказала Франсу лететь на юг вдоль побережья Манхэттена, и дирижабль, развернувшись, двинулся в заданном направлении. Ребята и старик все это время молча рассматривали город.

Мистер Хёкстер указал пальцем на Морнингсайд-Хайтс.

— Странно, — проговорил он. — Там ведь в прошлом году были крупные беспорядки, верно? Была битва за высотки. И там же была ключевая часть битвы за Нью-Йорк во время Войны за независимость. Соединенные Штаты могли сгинуть, не успев появиться, вот прямо на этом месте.

— Что случилось? — спросил Роберто.

— Это было еще в начале революции. Британцы, на чьей стороне было множество гессенских наемников на сотне военных кораблей, преследовали армию Вашингтона. А американцы были не более чем фермерами с охотничьими винтовками на гребных лодках. Поэтому, где бы британцы ни высадились, американцам приходилось оттуда бежать. Сначала со Статен-Айленда в Бруклин.

Потом, когда британцы последовали за ними в Бруклин, вся американская армия в одну туманную ночь пересекла на лодках Ист-Ривер. И оказалась в Бэттери, где в то время находился город, и британцы тоже пересекли Ист-Ривер, в районе мидлтауна. Они могли сместиться вдоль острова, отрезать американцев и вынудить их сдаться, но их генерал Хау чересчур помедлил. Настолько чересчур, что народ стал предполагать, не пытается ли он намеренно проиграть, чтобы устроить конфуз для тори в парламенте, ведь сам он был вигом. В общем, американцы воспользовались слабостью этого тюфяка и однажды ночью прошмыгнули по Бродвею мимо британцев, которые стояли лагерем вокруг здания ООН, и собрались у северной оконечности острова.

— Прошмыгнули по Бродвею?

— Тогда это была проселочная дорога. Они даже ее потеряли и пробирались через лес. Тогда была темная ночь и кругом лес. В общем, американцы дошли сюда, а британцы двинулись за ними на север. Так они поймали американцев на севере острова, а когда стали наступать, чтобы их разбить, их горнисты протрубили сигнал, как на лисьей охоте, и некоторых американцев это разозлило. Группа стрелков из Марблхеда,

штат Массачусетс, решила дать отпор и стала отстреливаться. Это был первый случай, когда американцы попытались противостоять им со времени Банкер-Хилла[155], и они сражались до упора весь день, долгий и кровавый. Вот прямо здесь!

— Круто, — сказал Роберто. — И что, они выиграли?

— Нет, проиграли! То есть их ведь все равно бы прижали, а так они смогли сдержать британцев на целый день. А потом им удалось снова уплыть с острова на лодках. Они перебрались в Джерси и спаслись, а британцы удерживали Манхэттен до конца войны. Помните карту командования, помните корабль «Гусар»? Все это произошло после этого сражения, что мы проиграли.

— Тогда в чем дело? — удивился Роберто. — Как мы тогда выиграли войну, если проигрывали все битвы и убегали?

— Такая получилась история войны, — сказал мистер Хёкстер. — Американцы проиграли все битвы, но выиграли войну. Потому что, когда они проигрывали, они все равно оставались здесь. Здесь они были дома. Они уходили и пе-

---

[155] Примечания: 155

Битва при Банкер-Хилле состоялась в предместьях Бостона 17 июня 1775 г. и завершилась победой англичан.

регруппировывались, а британцы шли вслед и снова их разбивали. Иногда американцы все-таки побеждали, но это бывало редко. В основном выигрывали британцы, но со временем они устали, и в итоге американцы их окружили и вышвырнули вон. У британцев уже заканчивалась еда, поэтому они ушли. — Старик сделал паузу и задумчиво посмотрел на Морнингсайд-Хайтс. — Мне интересно, это всегда так происходит? Та битва за высотки и битва, которую сейчас мы ведем из-за денег. Вы просто проигрываете и проигрываете, пока в итоге не победите.

— Я не понимаю, — признался Роберто.

— Я тоже, — сказал мистер Хёкстер. — Мне кажется, суть в том, что раз это вы здесь живете, то просто выматываете их, и все. Вроде того. Как пиррова победа наоборот. Наверное, это можно назвать пирровым поражением. Я никогда раньше не задумывался о тех, кто проиграл при пирровой победе. То есть они же, по сути, и победители? Они проиграли, зато могут потом сказать друг другу: «Ну что, мы проиграли пирровой победе! Поздравляю!»

Роберто полагал, что лучше уж было просто победить.

Миновав Линкольн-Тауэрс, они летели над

огромными крышами центра Явица, наконец над межприливной зоной, где уже плавали новенькие платформы, каждая размером с городской квартал. Маленькие черные гондолы стояли в ряд, привязанные к высоким столбикам, которые, похоже, указывали на то, что крайняя на западе платформа служила чем-то вроде площади Святого Марка, выходящей на Гудзон. В каждом квартале на крыше явно планировалось вырастить фермы. Очень по-ньюйоркски, заметил мистер Хёкстер, глядя на них. Когда-то у него была подруга, которая устроила сад у себя в квартире, используя вместо горшков наперстки и крышечки от тюбиков зубной пасты, а вместо леек — пипетки. Так она выращивала отдельные травинки.

— Вы же раньше здесь жили? — спросила Амелия, указывая вниз.

— Да, прямо здесь. Перекресток 31-й и Седьмой авеню, видишь? Сейчас ничего не сохранилось. Это было прямо посередине всего этого нового района.

— А хотите вернуться, когда тут все восстановят?

— Вовсе нет. Для меня это просто место, куда я прибился после того, как потерял прежнее жилье.

Там было не так уж хорошо. Что уж там, это была та еще дыра. Если бы не эти ребята, я бы там и умер. Поэтому теперь отправлюсь за ними куда угодно! — Он усмехнулся мальчикам. — Если вы кого-то спасли, то остаетесь вместе. Это вы уже могли уяснить. Я не буду обременять вас слишком долго, зато вы усвоите этот урок.

— Нам нравится, что вы с нами, — признался Стефан.

— А вы что, ребята? — спросила Амелия. — Переберетесь на свой солончак?

— Не знаем, — смущенно ответил Роберто. — Шарлотт хочет, чтобы мы присматривали за ее комнатой, пока она работает в Вашингтоне. Но там слишком тесно для двоих, и она часто бывает здесь, поэтому мы еще не знаем, что делать. Может, встанем в очередь на другую комнату в Мете. Переезжать в аптаун мне не хочется. И вообще уходить с воды не хочется.

— Мне тоже, — поддержал Стефан.

— Что ж, хорошо, — отозвалась Амелия. — Значит, побудем соседями еще какое-то время. А вообще, может, хотите отправиться в путешествие со мной? Вокруг света за восемьдесят дней?

Стефан, Роберто и мистер Хёкстер перегляну-

лись и ответили:

— Да.

Ж) Гражданин

Город – это воплощенная мечта, сбывшееся видение. И благодаря собственному образу он разрастается.

Питер Конрад

Место, где встречаются все стремления мира, чтобы составить одно – огромное верховное стремление, мощное, как всасывание земснаряда.

Генри Луис Менкен

К чему говорить более?

Мелвилл

Лопнувший пузырь, застывшая ликвидность, кредитный кризис, обвал финансовой системы, напоминающий мел-палеогеновое вымирание[156] и вызывающий отчаянные мольбы о правительственной помощи, — все это походило на новую постановку какого-то старого плохого бродвейского мюзикла. По книге должно быть так: представители финансовой сферы обра-

[156] Примечания: 156

Массовое вымирание, произошедшее около 66 миллионов лет назад. По оценкам, в результате него вымерло не менее 75 % видов животных.

щаются к правительству: «Дайте денег, не то вся экономика рухнет». Конгресс, полагая, что их казначеи с Уолл-стрит знают, о чем говорят — ведь дело касается всех этих непонятных финансовых тайн, — соглашается раскошелиться. Стандартная практика со множеством примеров, и поскольку госдолг и без того огромен, то это можно считать просто очередным подобным случаем. Конечно, это не значит, что здесь подойдут какие-либо старые или новые госпрограммы. И при этом придется еще сильнее ужесточить и без того строгие меры, совершенно связать правительство по рукам и ногам. Но сейчас нужно было свести баланс госбюджета и просто не потерять здравый смысл.

Все как всегда! Но в январе 2143 года новый конгресс приступил к работе на волне ощущения, что в этот раз все должно быть иначе. Новые планы и модные словечки буквально висели в воздухе. В феврале 2143 года председатель Федрезерва Лоренс Джекман и министр финансов — оба, конечно, ветераны Уолл-стрит — встретились с руководителями крупных банков и инвестиционных фирм, набравших множество займов и теперь летящих под откос. Последних предложили спасти, выделив до четырех трил-

лионов долларов при условии, что они отдадут казне свои акции на сумму, эквивалентную той, что будет ими получена. Поскольку сумма требовалась огромная, государство в таком случае должно было стать крупнейшим акционером и соответственно получить контроль над этими финансовыми организациями. Доли прежних акционеров предполагалось сократить, а держателей долгов тоже сделать акционерами. Таким образом вкладчики оказывались полностью защищены, а будущие прибыли доставались Министерству финансов согласно доле его участия. И если получатели помощи в какой-то момент желали выкупить государственную долю обратно, то соответствующие сделки подлежали переоценке.

Иными словами, условием спасения была национализация.

О, сколько тогда было мучительных воплей возмущения и ужаса! «Голдман Сакс» отказался, и Минфин тотчас объявил его неплатежеспособным и обеспечил срочную продажу его имущества «Бэнк оф Америка», точь-в-точь как случилось с «Меррилл Линч» столетием ранее. После этого Минфин и Федрезерв желали всем отказавшимся компаниям удачи в прохождении

процедуры банкротства.

В этот момент могло произойти существенное бегство капитала, но центральные банки Европейского союза, Японии, Индонезии, Индии и Бразилии также были заняты тем, что спасали свои финансовые индустрии, национализируя их. Нельзя было с уверенностью заявить, что для бегущего капитала подвергнуться национализации в какой-либо из этих стран было лучше, — если, конечно, где-то еще оставался капитал, который мог «убежать», ведь ценность бумаг в такие панические моменты имела склонность испаряться. Тем временем представители китайского центробанка вежливо отметили, что вмешательство государства в частные финансы зачастую приносит пользу. Подобные действия оказывались успешными на протяжении последних трех-четырех тысяч лет, из чего следовало, что государственный контроль над экономикой был, очевидно, лучше, чем его отсутствие. К тому же это шел год Кролика, а кролики, естественно, были очень продуктивными!

Наконец, предложение Минфина и Федрезерва принял «Ситибанк», а за ним и все остальные банки и инвестиционные фирмы. Так большинство финансовых организаций превратилось в

находящиеся в частной собственности коммунальные предприятия.

Конгресс, воодушевившись этой победой государства над финансистами, немного потерял голову и в короткий срок принял так называемый «налог Пикетти» — прогрессивный налог, взимаемый не только с доходов, но и с капитальных активов. Его уровень колебался от нуля на активы стоимостью менее десяти миллионов долларов до двадцати процентов на активы стоимостью от миллиарда и более. Чтобы не допустить бегства капитала в налоговые гавани, была также принята норма о штрафах за подобные бегства, и максимальная его ставка была установлена как при Эйзенхауэре — 91 процент. Норма вступила в силу, бегство капитала прекратилось, государства по всей планете почувствовали, что власти у них стало больше. Всемирная торговая организация столь же быстро приняла ряд изменений, среди которых оказались ужесточение валютного контроля, усиление поддержки труда и охраны окружающей среды. Таким образом, неолиберальный мировой порядок несколько изменился.

Новые налоги и национализация финансовых организаций значили, что вскоре американ-

скому правительству придется столкнуться со здоровым профицитом. Всеобщее здравоохранение, бесплатное высшее образование, заработная плата не ниже прожиточного минимума, гарантированное трудоустройство, год обязательной национальной службы — все это не только прописали в законах, но и профинансировали. Здесь названы лишь самые значительные из множества предложенных идей, поэтому, пожалуйста, не стесняйтесь добавлять в список те, что больше нравятся вам. Именно так делал каждый, кто ощутил себя представителем народной власти. Весь этот политический энтузиазм и успех вызвали резкий рост потребительского доверия, который оказывал наибольшее влияние на поведение рынка, и теперь, по иронии судьбы, по всей планете возникали бычьи рынки[157]. Для определенной части населения это было очень обнадеживающе, а учитывая произошедшие изменения, эта часть как раз и нуждалась в том, чтобы ее обнадежили. То, что уверенный и процветающий народ станет благом для экономики, оказалось для них приятным сюрпризом. Разве такое можно было предположить?

---

[157] Примечания: 157
Рынки, характеризующиеся тенденцией повышения цен.

* * *

Заметьте, что шквал социальных и правовых изменений возник не благодаря Шарлотт Армстронг, представителю Двенадцатого округа штата Нью-Йорк, также известной как «Красная Шарлотт», какой бы замечательной женщиной и конгрессменом она ни была. И не благодаря ее бывшему мужу, Лоренсу Джекману, председателю Федрезерва в период кризиса. И не благодаря президенту, которую и хвалили, и ругали, хотя она четко следовала своему курсу смелых и систематических экспериментов в погоне за счастьем на фоне кризиса. И не благодаря какому-либо другому отдельно взятому человеку. Помните о легкости возникновения образов? Вокруг всегда происходит больше, чем вы видите и что вы знаете.

А значит, все это произошло благодаря людям этой эпохи. Да, историю делают индивидуальные личности, но она же является и коллективным творением — волной, которую седлают люди своего времени, волной, поднявшейся в результате индивидуальных действий. Из этого следует, что история — это очередной квантово-волновой дуализм, в котором никто не может разобраться.

Чтобы этот краткий экскурс в политическую философию получился не слишком глубоким, скажем просто: что-то да происходило. История вершилась. И она никогда не останавливается. Моменты, что кажутся застывшими, на самом деле преходящи, они раскалываются, как весенний лед, и тогда наступают перемены. Получается, все эти вещи происходят благодаря индивидам, группам, цивилизации, самой планете, которые вместе составляют всевозможные акторные сети. Если ваша голова еще не взорвалась, не забывайте о нечеловеческих акторах в этих сетях. Возможно, для всего, о чем здесь было рассказано, главным актором послужила Нью-Йоркская бухта, а возможно, и сообщества бактерий, которые выразились посредством своих цивилизаций, которые мы могли бы назвать телами.

Но, опять же, довольно философии! И пожалуйста, не позвольте этому краткому изложению преходящих политических достижений ввести вас в заблуждение: мол, все закончилось как нельзя лучше, а все проблемы человечества оказались завернуты в подарочную обертку и к ним были приложены цветы с поздравительной открыткой. С чего бы вам так считать, когда вы знаете то, что знаете? Это история о Нью-Йорке,

а не о Денвере, а этот город безжалостен. В его историях всегда чувствуется та ужасная смесь лицемерной сентиментальности и холодных амбиций. Конечно, в 2143 году в конгрессе прошла целая волна левых законодательных актов, но никакой гарантии, что это уже насовсем, быть не могло. Появилось, как всегда, много противников — ведь люди безумны, а история не имеет конца, да и добру в данном случае приходится противостоять огромной черной дыре жадности и страха. В каждом мгновении — ожесточенная борьба политических сил, поэтому, когда межприливье, словно Венера, является из морской пены, капитализм съеживается, как осьминог, чьи повадки он по принципу биомиметики заимствует, когда скользит между стеклянными стенами закона, что пытаются его сдержать. Но не нужно удивляться, обнаружив, что этот осьминог способен сжаться до ширины своего клюва — единственного, что у него не сплющивалось и служило тем самым твердым местом, которым он рвет нашу плоть, когда ему это позволяется. Нет, стеклянные стены правосудия следует сдвинуть поближе, чтобы между ними не пролез осьминожий клюв, — вот вам предсказание из печенья! И даже в этом случае осьминог может приду-

мать какие-нибудь новые способы вас укусить. Отрастить клюв, который будет смыкаться, или какие-нибудь суперприсоски — кто знает, что еще предпримут эти люди?

Нет, нет и еще раз нет! Не будьте наивными! Никаких счастливых концовок! Потому что концовок не бывает! И вполне может быть, что счастья тоже! За исключением, может, каких-нибудь случайных моментов — рассвета на свежевымытой улице, полуночи на реке или, с большей долей вероятности, видения из прошлой жизни, мелькнувшего в зеркале заднего вида. Возможно ли, что счастье всегда имеет ретроспективную природу, из-за чего оно надуманно и даже представляет фактическую ошибку? Кто знает? Кто, черт возьми, знает? А пока слезайте со своих гор, созданных из ребяческих желаний обрести счастье и покой, потому что счастья и покоя не существует. Потому что, например, в Антарктиде — или любом другом месте, которое намного более опасно, — под вами может податься даже ближайшая опора опор.

3) Матт и Джефф

Следующие несколько часов, как предполагает скайлайн, мы будем следовать одной такой истории – хотя вполне могли бы обратиться к другому окну и обнаружить там другую, равно интересную. Но, может быть, в следующий раз. Скайлайн предлагает на выбор миллионы историй – целый город историй, и все они разворачиваются одновременно, независимо от того, следим мы за ними или нет.

Джеймс Сандерс. «Целлулоидный скайлайн: Нью-Йорк и кино»

Несколько позже, когда уже вовсю шла зима, Матт и Джефф спустились из своей капсулы на садовом этаже, откуда упрямо отказывались съезжать, несмотря на то, что капсулу было весьма накладно должным образом отапливать. Внизу они присоединились к небольшой группе, встречавшей Шарлотт из Вашингтона. Она грозила стать «одноразовым чудом», и некоторые хотели уговорить ее на сверхурочную работу, тогда как другие желали, чтобы она вернулась в Нью-Йорк.

Без сомнения, были и те, кто был бы рад, чтобы она сгинула где-нибудь в море, но большинство жильцов Мета ею гордились и хотели сказать об этом ей лично.

В общей комнате полно народу, и Матт с Джеффом, сев у стены, наблюдают за действием и ведут себя, словно застенчивые девушки на танцах. Мистер Хёкстер подходит к ним и садится рядом.

— Хорошая вечеринка, — говорит он.

Матт соглашается, Джефф щурит глаза:

— Но где Шарлотт?

— Задержалась, только что приехала. Но сказала, будет через минуту.

В этот момент она выходит из лифта с Франклином Гэрром. Они смеются, и Гэрр отступает назад и вытягивает руки, будто представляя ее толпе. Раздаются возгласы ликования.

— Так они что, теперь пара? — спрашивает Джефф у Матта.

— Так мне сказали.

— Но это же абсурд.

— Почему это? Она же все время говорила, что он милый молодой человек.

— Но я думал, что она неглупа.

— Мне кажется, так и есть.

— И все же.

— Ну, на вкус и цвет… К тому же он хорошо себя проявил при обвале. Можно даже сказать, ему удалось на самом деле сделать то, что пытался сделать ты. То, что ты колыхнул своей врезкой.

Джефф бормочет, пытаясь что-то возразить, но Матт даже не слушает.

— Ладно тебе, Джефф. Помнишь свои шестнадцать правил мировой экономики? Ты сказал, протолкни их, и тогда можно изменить все. И вот наш молодой товарищ не только подготовил поправки для Шарлотт, но и продумал весь этот обвал, который и позволил протолкнуть те правила.

— Ладно, пусть даже так, но разве он «милый молодой человек»? Нет. Просто акула, которая сумела сделать то, что сделала.

— Но Шарлотт тоже в некотором роде акула.

— Вовсе нет. Она — та, кто разделывается с проблемами.

— Как и все акулы! Потому что она умеет здраво рассуждать!

— Чем обычно и занимается.

— И судя по всему, она видит в этом парне то, чего не видим мы.

— Несомненно.

— Все, заткнись, она сейчас будет выступать.

И Шарлотт берет слово. Она выглядит уставшей, но она счастлива снова оказаться дома, среди своих друзей. Стефан и Роберто снуют по залу, разнося напитки, и складывается впечатление, что они не раз отхлебнули их сами, потому что глаза у них уже стеклянные. Кажется, они хотели бы, подобно римлянам, отрыгнуть и затем продолжить дегустацию напитков для взрослых.

Шарлотт внимательно смотрит на них:

— Мальчики, не напивайтесь. Потом пожалеете.

Они кивают, будто совы, и убегают за новыми порциями.

Шарлотт устало подсаживается к Матту, Джеффу и мистеру Хёкстеру:

— Как вы, ребята?

— Мерзнем.

— Еще бы. А хотите стать квантами, которые обрели тепло и уют?

Они пожимают плечами.

— Нам нравится снаружи, — поясняет Матт. — Мне кажется, нужно время, чтобы это чувство у нас исчезло.

— Нужна целая вечность, — добавляет Джефф.

— Понимаю. А в остальном как? Работа идет?

Они снова пожимают плечами. Кажется, будто

это пожимание у них синхронное.

— Мы пытаемся раскрыть скрытые пулы. Пишем для них программы-ловушки.

— Еще они выявляют опережающие сделки.

— Рада слышать, — отозвалась Шарлотт. — Вы общались с Ларри Джекманом по этому поводу?

— Он в курсе. Это одна из существенных проблем. Одна из многих.

— А что собираетесь делать со всеми поступающими деньгами? — спрашивает ее Матт.

Она смеется:

— Тратить!

— Но на что?

— Найдем на что. Может, просто поднимем МРОТ. Дадим людям заниматься тем, что им нравится.

— Некоторым нравится все запарывать.

Она кивает:

— Таких у нас полконгресса.

— И как вы с ними справляетесь?

— Никак. Я на них кричу. Сейчас мы на гребне волны, и я, как могу, стараюсь подминать их под себя. Мы представляем по проекту в день. Это как серия ударов в боксе. И пока получается.

— Значит, уйти вы не можете?

— О, еще как могу! И я хочу вернуться сюда.

Здесь есть чем заняться. А Вашингтон и сам о себе позаботится. Я там не нужна.

— Надеюсь, так и есть, — говорит Матт.

— Конечно, так и есть. Я не нужна.

И опять они пожимают плечами. Они не слишком в этом уверены. Ведь Шарлотт такая только одна.

С некоторым усилием она поднимается.

— Ладно, мне пора идти к остальным. Рада вас видеть, ребята.

— И мы рады. Спасибо.

* * *

Вскоре из лифта выходит инспектор Джен и приближается к ним.

— Приветствуем, инспектор! — говорит Матт. — Как вы?

Она останавливается. Вылитый коп на дежурстве.

— Я в порядке. Работаю. Вы как, ребята?

— Мы хорошо.

Она берет у ближайшего стола свободный стул и тяжело садится рядом.

— Я заглянула, только чтобы принять душ, и опять ухожу. Сейчас за мной заедут помощники, и мы поедем обратно на работу.

— Сейчас? Разве уже не поздно?

— У нас сейчас идет дело, и я хочу поскорее кое-что найти.

— Кстати, о делах, — продолжает Матт, — может, вы разузнали что-то еще о тех, кто держал нас в том контейнере?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет, больше ничего. Ничего, что я смогла бы доказать. Мне кажется, я знаю, кто мог это сделать, но мы никак не найдем достаточно доказательств, чтобы предъявить обвинение.

— Очень жалко. Мне не нравится, что эти люди все еще на свободе.

— И что им все сошло с рук, — печально добавляет Джефф.

Она кивает:

— Да, согласна. Хотя, знаете, кое-кто из этих людей, возможно, считал, что оказывает вам услугу. Считал, что спасает вас от чего-то похуже.

— Я об этом думал, — говорит Джефф.

— Это только теория. Я буду присматривать за теми, кто мог иметь к этому отношение. Не за теми, кто думал, что помогает, а за теми, кто действительно это сделал. Это кучка идиотов, и рано или поздно они точно облажаются и позволят нам их взять.

— Надеемся, так и будет, — говорит Матт.

Инспектор Джен устало кивает.

— А недавно мой помощник Шон наконец получил пакет из Комиссии по ценным бумагам — тот, что им пришел, когда кто-то влез в Чикагскую биржу. Шон сказал, что это в основном какая-то политическая ересь, в которой Комиссия ничего не разобрала, но были там и кое-какие финансовые поправки, которые отправитель действительно реализовал. Вам, ребята, ничего об этом неизвестно?

— Мне нет, — говорит Матт. — Как по мне, это сделал просто какой-то другой идиот.

— Может, и так. — Инспектор пристально глядит на них. — Но ничего ведь, что я спрашиваю помощи у всех, кто может хоть чем-то помочь?

— О, конечно, определенно. Мы сами постоянно так делаем.

Затем явились двое ее помощников — молодой парень и женщина, оба в форме, несут пакеты, набитые бутербродами.

— Ладно, пора возвращаться к работе, — произносит инспектор, со стоном поднимаясь на ноги. — Увидится на садовом этаже.

Трое полицейских уходят, чтобы провести очередную долгую ночь перед своими экранами.

Матт и Джефф знают, каково это, и переглядываются.

— Какая же она усердная!

— Любит свою работу.

— Да, наверное. И это отнимает у нее все время.

Отнимает время — чтобы не надо было думать, не надо было проживать жизнь. Они-то знают. Сейчас они с озадаченными лицами наблюдают, как инспектор уходит. Но как им помочь своей подруге, когда они сами — узники этой же ловушки? Это тайна, которую так, с ходу не раскроешь.

— Значит, Комиссия пользуется помощью какого-то психа.

— Да пошел ты!

— Не за что.

Затем, когда Матт и Джефф уже собираются объявить наступление ночи и отправиться в свою капсулу, влетает Амелия Блэк и хватает их за руки:

— Ну же, ребята, идемте танцевать.

— Ну уж нет!

— Вот еще! Я хочу послушать эту группу, и мне нужна компания. Мне необходимо, чтобы меня сопровождали.

— А ты не можешь нанять себе сопровождаю-

щих? — раздраженно спрашивает Джефф.

Амелия притворяется, будто оскорбилась.

— Я бы попросила быть повежливее! — отвечает она. — Ну пожалуйста!

По сути, они не могут ей отказать. Во-первых, она гораздо сильнее их, вместе взятых, не только физически, но и по волевым качествам. Чего Лола хочет, то и получает, — плюс один в копилку нью-йоркских историй. И они несутся за Амелией, взяв ее с обеих сторон под руки. Спустились вниз в эллинг, затем на лед, покрывавший бачино. И вот они на Мэдисон, среди остальных гуляющих, которые прижимаются к зданиям, оставляя середину каналов тем, кто катается на коньках, а таковых сейчас немало. На авеню горит яркий свет, но улицы погружены во тьму. Амелия заставляет Матта и Джеффа подняться на несколько кварталов, а потом сворачивает вправо на 33-й. Людей здесь немного. Магазины на уровне канала закрыты, жилых квартир — по три-четыре этажа. Стоит тихая ночь. Амелия ведет их к двери, они спускаются по лестнице, поворачивают и спускаются еще, вниз и вниз, в подводную забегаловку. В двери с надписью «Меззроуз» открывается глазок, и Амелия ставит лицо так, чтобы его было видно. Дверь тут же

открывается, и они заходят внутрь.

Длинная барная стойка, рядом с которой едва хватает места, чтобы пройти мимо людей, сидящих на стульях или стоящих, прижавшись к стойке животами. Бармены разливают напитки не покладая рук. Стоит однородный гулкий шум — посетители разговаривают, звенят бокалами. Протискиваясь позади людей вдоль стойки, Амелия проводит парней в подсобку, где есть еще одна дверь и кассир, который берет плату за вход. Амелия показывает ему свой браслет, и всех троих пропускают внутрь.

Маленькое помещение почти пусто. Жестяной потолок из квадратных панелей выкрашен кроваво-красным. В дальнем конце комнаты музыканты лениво готовятся к выступлению — настраивают гитары, на пробу дергают струны, переговариваются между собой по-французски. Половина из них — темнокожие африканцы, половина — белые, но очевидно, что все неместные. Спустя некоторое время гитаристы устраиваются на складных стульях, расставленных вдоль дальней стены, и начинают играть какой-то западноафриканский поп, быстрый и затейливый. Двое гитаристов, басист и барабанщик играют резво, но тихо. Барабанщик в основном поль-

зуется только одной тарелкой, двое гитаристов играют в разных тонах — один чисто и резко, второй менее четко. Каждый играет свою мелодию, одна накладывается на другую, их дополняет бас. Затем вступает труба, и воцаряется гармония. Мужчина и женщина начинают петь на каком-то языке, не французском и не английском: сложные выкрики, затем протяжные вопли, чудесным образом подчеркнутые горнами.

Музыка заразительна. Люди выходят из бара и начинают танцевать. Очень скоро помещение заполняется — вмещается всего человек тридцать. Амелия и Джефф с Маттом сначала сидят у задней стены, но затем поднимаются и присоединяются к танцующим. Одни рождены плохими танцорами, другие плохими становятся… Матт, оказавшись на танцполе, двигается мелкими резкими рывками. Джефф размахивает руками так судорожно, что впадает в какое-то ботанское блаженство. Амелия, словно бы намеренно, танцует как-то совсем неумело, нелепо. Подняв руки над головой, она кружится, раскачивается — кажется, настолько не попадая в ритм, насколько это возможно.

— Наша девица ужасно танцует! — Джефф кричит Матту на ухо.

— Да, но разве ты можешь отвести от нее глаза?

— Нет, конечно!

— Это просто Амелия. Наша неуклюжая богиня.

Все вокруг наслаждаются этим западноафриканским попом, который прежде никто здесь не слышал. Гитарные риффы звучат так, словно гитаристы снимают металлическую стружку за станком. Вокалисты завывают во весь голос, горны гудят, будто грузовой поезд.

Затем в комнату входит еще один музыкант с двумя футлярами для инструментов — одним большим, другим маленьким. Высокий худощавый парень, с бледной кожей и черной бородой. Участники музыкальной группы машут ему руками, призывая поскорее присоединиться. Он садится, открывает большой футляр и собирает нечто причудливое — Матт и Джефф даже не понимают, что это такое.

— Басовый кларнет! — кричит им Амелия.

Она знает эту группу и приходит в восторг от ее пополнения.

Музыкант ставит мундштук на крошечный саксофон — несомненно, сопрано, только не прямой, а изогнутый. Оба этих инструмента выглядят так,

словно их взяли напрокат у клоунов из цирка.

Наконец, духовик поднимается и вступает саксофоном прямо посреди песни. Сразу видно, он звезда этой группы. Словно безумный, он тут же начинает двигаться в такт музыке. Горнисты тотчас начинают играть лучше, гитаристы — еще выверенее и сложнее. Вокалисты усмехаются, и их дуэт наполняет гармония. Духовик, создается ощущение, звезда клезмерской музыки[158], а клезмер, пусть это и не кажется очевидным, прекрасно сочетается с западноафриканским попом. Музыкант берет то выше, то ниже, переходит на ультразвук, вписывается в идеальный ритм с остальными. Сказать, что он заводит толпу, — не сказать ничего. Все сходят с ума, танцует вся комната. Здесь едва хватает места для музыкантов, они вынуждены прижаться к стене, оттого что танцующие то и дело ненароком задевают их локтями. Джефф — танцор неважный, но в этой музыке столько ритмов, что он почти попадает в один из них. На самом деле даже удивительно, как ему удается пропустить их все разом, но у него это получается. Однако по сравнению с Амелией он истинный Нуреев. А Матт не может сдержать

[158] Примечания: 158
Традиционная музыка восточноевропейских евреев.

смех, глядя на вращательные движения своих друзей. Амелия улыбается ему в ответ. Редкая девушка танцует настолько топорно — у нее просто талант. Матт и Джефф не могут оторвать от нее глаз, изумляясь ее неуклюжести. Вот так партнерша по танцу! Но она их подруга. Кто-то в зале, возможно, и узнаёт ее, но никто, по крайней мере, не подает виду. Духовик берет басовый кларнет и играет в том же стиле, что играл на саксофоне, повторяя партию басиста, которую танцующие ощущают буквально нутром. Люди ощущают странный трепет и даже начинают завывать, чтобы выпустить эти вибрации наружу.

Много песен спустя Амелия делает знак рукой, и Матт с Джеффом кивают. Все рано или поздно заканчивается, а сейчас уже поздно. Танцы могли бы продолжаться всю ночь, но им уже хватит. Они отморозят себе задницы, когда будут идти домой, а ведь они еще и вспотели. Но домой возвращаться надо.

Назад через переполненный шумный бар, посетители которого даже не знают, какое чудо пропускают за стеной. Вверх по ступенькам, на замерзший канал.

Уже часа четыре утра, город наконец затих. Конечно, несколько человек еще бродят, но каналы

пусты и вокруг тишина. И никакого намека на то, что происходит внизу, в подполье.

Они смотрят друг на друга, будто пытаясь оправиться от заклинания, потряхивают головами. Осторожно ступая по льду, они бредут по замерзшему каналу, Амелия держится за парней. Возвращаться и вправду оказывается холодно.

— Вот этот парень дает, вам в такое вообще верится?

— Да, впечатляюще, не то слово. Я такой классной музыки еще не слышал.

— И вот посмотрите теперь, мы прямо над тем баром, а ощущение такое, будто там и нет ничего!

— И правда. Как будто ничего и не было. Я даже не запомнил названия группы.

— У них его, может, и нет.

— Черт, да сегодня в городе, может, групп пятьдесят вот так играют. И танцы такие же везде, по всему городу.

— И правда. Но это же Нью-Йорк.

Благодарности

Автор выражает благодарность Марио Бьяджоли, Терри Биссону, Илен Бречер, Финну Брантону, Дику Брайану, Монике Бирн, Рону Драммонду, Лори Гловер, Кеннету Голдсмиту, Усману Хаку, Стивену Дж. Хоху, Бьярке Ингельсу, Фредрику Джеймисону, Генри Кайзеру, Лесли Кауфману, Дрю Килинг, Лоренцо Кристову, Лауре Мартин и оргкомитету Клариона-2016, Рэнди Мартину и Роберту Майстеру, Бет Мичам, Колину Милбёрну, Лизе Ноуэлл, Криссу Раветто-Бьяджоли, Филу Рогауэю, Антонио Скарпони, Маркусу Шеферу и Хироми Хосойя, Картеру Шольцу, Шарон Штраусс и Ли Апшару.

Особая благодарность Тиму Холману.